



# ЭПОХА РАШЕТО ЖЕЛІЗА





## **ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

*Сборник научных трудов  
к 60-летию С.А. Скорого*

Серия «Археология и древняя  
история Украины»

Киев-Полтава  
2009



National Academy of Science of Ukraine  
Institute of Archaeology

# **THE EARLY IRON AGE**

*Proceeding  
by the 60<sup>th</sup> Anniversary  
of Sergey Skory, Doctor of Archaeology*



Kyiv-Poltava  
2009



Институт археологии  
Национальной Академии наук Украины

# ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

*Сборник научных трудов  
к 60-летию С.А. Скорого*

Серия «Археология и древняя  
история Украины»



Киев-Полтава  
2009



**ББК 63.4(0)2**  
**УДК 903"638"**  
**Э 723**

*Серия «Археология и древняя история Украины»*

**Э 723 Эпоха раннего железа.** — Киев-Полтава, 2009. — 456 с.: 192 илл., 15 табл., 7 сх. — (Институт археологии Национальной Академии наук Украины).

Сборник научных трудов посвящен 60-летию со дня рождения **Сергея Анатольевича Скорого** — известного украинского археолога, доктора исторических наук, профессора, заведующего отделом археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины. В статьях его друзей и коллег из Украины, России, Белоруссии, Молдовы, Румынии рассматривается круг актуальных проблем археологии раннего железного века, в той или иной степени связанных с научными интересами юбиляра.

Для археологов, историков, всех тех, кто интересуется исследованиями древностей эпохи раннего железа.

Редакционная коллегия:

**Бессонова С.С.** (ответственный редактор), **Каравайко Д.В.**,  
**Махортых С.В.**, **Могиллов А.Д.**, **Фиалко Е.Е.**

Публикуется по решению Ученого совета  
Института археологии НАН Украины,  
протокол №3 от 10.03.2009 г.

Рецензенты:

д.и.н. **Зубарь В.М.**, д.и.н., проф. **Отрощенко В.В.**, д.и.н., проф. **Терпиловский Р.В.**

Редколлегия искренне благодарит организации и частных лиц,  
при финансовой поддержке которых осуществлено издание  
научного сборника «**Эпоха раннего железа**»:

**Бовдира Алексея** (СООО «Скиф», с. Бельск, Полтавщина),  
**Бровендера Юрия** (ГП «Центрально-Донецкая экспедиция» ИА НАНУ, Алчевск),  
**Бруяко Игоря** (Одесский археологический музей, Одесса),  
**Кулатову Ирину** (Центр охраны и исследований памятников археологии  
управления культуры Полтавской облгосадминистрации, Полтава),  
**Осаульчука Олега** (ГП «Рятивна археологічна служба» ІА НАНУ, Львов),  
**Супруненко Александра** (ГП НИЦ «ОАСУ» ИА НАНУ, Полтава),  
**Шрамко Ирину** (ГП «Слободская археологическая служба» ИА НАНУ, Харьков).

Особая признательность — **Супруненко Александру**, автору идеи издания сборника,  
курировавшего организационные вопросы на всех этапах его подготовки и выпуска в свет.

**ISBN 978-966-02-5429-9**  
**ISBN 978-966-02-5430-5**

© Институт археологии НАН Украины, 2009.



*Фиалко Е.Е. (Киев)*

## **ВОСХОЖДЕНИЕ:** *к юбилею С.А.Скорого*

Этот сборник научных работ подготовлен в честь юбиляра — известного археолога Сергея Анатольевича Скорого, которому исполняется 60 лет. Прекрасный возраст для ученого, когда, с одной стороны, накоплен солидный опыт, выраженный в десятках раскопанных памятников различных эпох, более двух сотен опубликованных научных трудов, и, с другой стороны, открываются и осознаются новые перспективы и возможности в научных исследованиях, в потенциале к передаче своих знаний ученикам, наконец, в покорении новых вершин.

Стоит, наверное, сказать, что путь Сергея Анатольевича в археологии сродни восхождению альпиниста к намеченной заветной вершине — через учебные стены и преодоление постепенно возрастающих высот к своему Эвересту. Объясняется это, думается, двумя обстоятельствами — рождением в Крыму, где «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал», и большой любовью и уважением к родителям, и особенно отцу — Анатолию Кирилловичу, жизненный путь которого всегда служил для сына примером и стремлением соответствовать ему.

Родился Сергей Анатольевич 14 декабря 1949 г. в г. Старый Крым Крымской области в семье служащих. В 1966 г., по окончании 8-го класса Старокрымской средней школы, поступил в Феодосийский политехнический техникум, где получил специальность «техник-электрик», и в 1970 г.

начал свой трудовой путь в электроцехе кузнечно-штамповочного завода в г. Большой Токмак Запорожской области. Затем — два года службы в железнодорожных войсках доблестной Советской Армии в средней полосе России и после мобилизации в декабре 1972 г. работа дежурным электриком в одной из частей строительных войск в г. Судак. Первый (предархеологический) этап жизни юбиляра, как это принято отмечать в историографической части обзора, заканчивается в 1973 г. знакомством с археологом М.А. Фронджуло.

Летом 1973 г. 23-летний юноша делает свой первый шаг в археологию — принимает участие в раскопках Генуэзской крепости в Судаке под началом М.А. Фронджуло. 1974 г. ознаменовался знакомством с известным крымским археологом А.А. Щепинским и первым соприкосновением со скифскими древностями: под руководством начальника отряда Северо-Крымской экспедиции В.А. Колотухина он принимает участие в раскопках скифских курганов в Восточном Крыму. И, наконец, встреча с известным специалистом в области позднескифской культуры Татьяной Николаевной Высотской, о которой Сергей Анатольевич говорит с огромным уважением и теплотой. Надо полагать, именно эти личности повлияли не только на формирование научных интересов и становление научных взглядов, но и на дальнейшую судьбу С.А. Скорого. Уже осенью 1974 г. он поступает на подготовительное отделение

исторического факультета Симферопольского государственного университета. Далее, с 1975 по 1979 гг., учеба в этом же вузе. В эти годы прилежный студент возглавляет студенческое научное общество исторического факультета, является одним из организаторов студенческого археологического клуба «Эос». В то же время под началом ведущих специалистов он принимает активное участие в раскопном процессе (Усть-Альминского городища, Неаполя Скифского, поселений эпохи бронзы близ Коктебеля и Феодосии) и презентует первые научные доклады на студенческих региональных и всесоюзных конференциях. Появляются и первые научные публикации, в том числе статья в журнале «Советская археология», посвященная скифским мечам. В 1978 г. происходит еще одна важная встреча в жизни студента – знакомство с известными киевскими скифологами Евгением Васильевичем Черненко и Борисом Николаевичем Мозолевским. Крымский период завершается в сентябре 1979 г., когда (после окончания университета), проработав четыре месяца методистом Крымской областной организации Общества охраны памятников истории и культуры, с направлением в очную аспирантуру Института археологии АН УССР С.А. Скорый приезжает в Киев.

С октября 1979 по октябрь 1982 г. – обучение в аспирантуре под руководством профессора А.И. Тереножкина и затем Е.В. Черненко. Сергею Анатольевичу повезло начинать свою научную карьеру под руководством корифеев отечественного скифоведения и рядом с такими известными и опытными специалистами как В.А. Ильинская, Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, Б.Н. Мозолевский. В эти же годы он знакомится с ведущими специалистами в области археологии раннего железного века – А.И. Мелюковой, А.И. Пузиковой, Г.И. Смирновой, Л.К. Галаниной, Л.И. Крушельницкой, К.Ф. Смирновым и многими другими исследователями. По окончании аспирантуры С.А. Скорый работает в Отделе археологии раннего железного века Института археологии и в феврале 1983 г. успешно проходит защита его кандидатской диссертации «Вооружение

скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)».

Далее исследователь обращается к изучению памятников скифского, а позднее предскифского, времени украинской Лесостепи. Под руководством Г.Т. Ковпаненко работает в Лесостепной Правобережной экспедиции, под руководством С.С. Бессоновой – в экспедиции «Холодный Яр». Приобретенный опыт работы на поселенческих и погребальных памятниках лесостепного региона позволил возглавить совместную Украинско-Польскую экспедицию (содиректор с польской стороны – профессор Ян Хохоровски). В результате (1995-1998, 2000-2003 гг.) были исследованы Большой Рыжановский курган (нач. 3 в. до н.э.), Скифская Могила (5 в. до н.э.), усадьба и участок оборонительной системы Мотронинского городища. В последние годы исследователь применяет свой археологический опыт на раскопках Западного укрепления Бельского городища.

Результаты археологических и научных исследований, и здесь нужно отдать должное ученому, оперативно вводятся им в научный оборот. Его исследования представлены в докладах и публикациях в изданиях Украины, России, Болгарии, Великобритании, Германии, Голландии, Италии, Польши, Румынии, США, Франции.

В январе 1997 г. Сергеем Анатольевичем была покорена еще одна высота – успешно защищена докторская диссертация «Кочовики передскифської та скифської доби в Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії)». На сегодняшний день багаж его научных публикаций приближается к 220, и среди них – 10 монографий. В их числе – «Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья» К., 1989 (в соавторстве с Г.Т. Ковпаненко и С.С. Бессоновой); «Курган Переп'ятиха» К., 1990; «Стеблев: скифский могильник в Поросье» К., 1997; «Киммерийцы в украинской Лесостепи» К.-Полтава, 1999; «Мотронинское городище скифской эпохи» К.-Краков, 2001 (в соавторстве с С.С. Бессоновой); «Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи» К., 2003; «Селитроварение на



Полтавщине» Полтава, 2008 (в соавторстве с Д.В. Каравайко и В.В. Приймаком).

Свои опыт и знания Сергей Анатольевич охотно передает ученикам. Причем этой работе он отдается в полной мере, очевидно, памятуя свое общение в аспирантские годы, в особенности с Алексеем Ивановичем Тереножкиным. Под руководством С.А. Скорого подготовлены и успешно защищены 3 кандидатских диссертации, на подходе еще две работы. О готовности помочь и поддержать молодых ученых свидетельствует и тот факт, что в Отделе археологии раннего железного века ИА НАНУ, который Сергей Анатольевич возглавляет с 2002 г., практически не осталось научных сотрудников, не защитивших диссертации. При этом он старается поддерживать традиции, заложенные своими именитыми предшественниками, и бережно чтит память о своих наставниках и ушедших коллегах. С.А. Скорый инициировал проведение двух юбилейных международных научных конференций – «Від Кіммерії до Сарматії», посвященной 60-летию Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии НАНУ (30.04–2.05.2004 г.) и «Ранній залізний вік Євразії», посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Ивановича Тереножкина (16-19.05.2007 г.). Кроме того, он участвовал в кропотливой работе по подготовке к изданию диссертационной работы

Б.Н. Мозолевого «Етнічна географія Скіфії» (К., 2005) и эпистолярного наследия А.И. Тереножкина, вышедшего под названием «Из жизни Алексея Тереножкина» (К., 2006).

О востребованности его как ученого свидетельствует членство в Специализированных ученых советах по защите докторских диссертаций при Институте археологии и Институте востоковедения им. А. Крымского НАН Украины; в редколлегиях журналов «Археологія» (Киев), «Revista archeologică» (Кишинев), «Археологічний літопис Лівобережної України» (Полтава) и ряда серийных научных изданий в Украине. Логической оценкой заслуг доктора исторических наук С.А. Скорого стало присвоение ему в июле 2008 г. ученого звания «профессор». Взят еще один пик!

В сборник, собранный к приятному событию в жизни Сергея Анатольевича, вошли статьи друзей, коллег и, что особенно отрадно, учеников. География и проблематика представленных работ говорит сама за себя – широта охвата впечатляет. Соответствуют им и пожелания авторского коллектива виновнику столь серьезного события – новых идей, полета фантазии, легкого пера, приятного шороха крыльев Пегаса, улыбки Фортуны и богатырского здоровья для подъема на новые манящие вершины!





# СОДЕРЖАНИЕ

ФИАЛКО Е.Е.

Восхождение: к юбилею С.А.Скорого  
5



АЛЕКСЕЕВ А.Ю.

Каменный жертвенник  
или база антропоморфного изваяния?  
(к этнической принадлежности  
Келермесских курганов)

12

БАБЕНКО Л.И.

Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине  
19

БЕССОНОВА С.С.

Ритон из Братолюбовского кургана  
(к вопросу о датировке  
центрального захоронения)

30



БОЛТРИК Ю.В.

Повозки как показатель целостности комплекса  
скифского кургана  
39

БРУЯКО И.В.

Киммерийский псалий из окрестностей городища Картал  
на Нижнем Дунае  
48

ВАЛЬЧАК С.Б.

Происхождение и развитие «камышевахских» псалиев  
предскифского периода  
56



ВАХТИНА М.Ю.

К истории изучения В.В.Хвойкой  
скифских древностей  
Лесостепного Поднепровья  
(по материалам научного архива ИИМК РАН)  
74

ГАЛАНИНА Л.К.

Контакты Прикубанья с античным миром  
(по материалам Елизаветинских курганов)  
86



ГРЕЧКО Д.С.  
Скифские захоронения  
конца V–IV вв. до н.э.  
северскодонецкой Лесостепи  
**91**

ГРІБКОВА Г.О.  
Ювелірні вироби з кургану № 5  
біля с. Архангельська Слобода  
**103**



ГРИЦЮК В.М.  
До питання  
про озброєння скіфського типу:  
позиція воєнного історика  
**111**

ГУЛЯЕВ В.И.  
Спасательные раскопки  
курганов скифского времени  
на Среднем Дону  
**116**

ГУЦАЛ А.Ф., ГУЦАЛ В.А.  
Курганный комплекс  
з бронзовим дзеркалом  
із Шутновець  
**125**



ДУДАРЕВ С.Л.  
Еще раз об этнической принадлежности  
кобанской культуры  
**135**

КАРАВАЙКО Д.В.  
Городище юхновской культуры  
Бужанка I  
**142**

КЛОЧКО В.И.  
Происхождение скифов  
**151**



КЛОЧКО Л.С.  
Чоловічі головні убори  
на землях Скіфії  
**167**

КОЛТУХОВ С.Г.

**Погребение скифского времени в кургане 18  
у с. Наташино в Северо-Западном Крыму  
184**



КРАВЧЕНКО Э.А.

**Кизил-кобинська кераміка Керкінітіди  
VI–IV ст. до н.е.  
189**

КРОПОТОВ В.В.

**Курган с «коллективным погребением» IV в. до н.э.  
в Предгорном Крыму  
200**

КУЛАТОВА І.М., СУПРУНЕНКО О.Б.

**Курган в урочищі Перещепине поблизу Більського городища  
222**

ЛЕВИЦКИЙ О.Г., КАШУБА М.Т.

**О культурных традициях в погребальной обрядности населения,  
проживающего на западных рубежах архаической Скифии  
(источники, проблематика)  
250**



МАХОРТЫХ С.В.

**К истории изучения курганных некрополей  
Бельского городища  
268**

МЕДВЕДЕВ А.П.

**О скифском и нескифском в культуре населения  
Восточноевропейской Лесостепи  
(памятники Днепро-Донского междуречья V–IV вв. до н.э.)  
279**

МОГИЛОВ О.Д.

**Ранньоскіфські вудила з елементами «строгості» з зібрань  
Чернівецького краєзнавчого музею  
289**

МУРЗИН В.Ю., ШЛАЙФЕР В.Г.

**Сарматські кинджали та мечі  
із зібрання Музею історії зброї у м. Запоріжжя  
300**

ОЧИР-ГОРЯЕВА М.

**О планиграфии скифских курганов  
(по материалам комплексов  
с сопровождающими захоронениями коней)  
303**



ПОЛИДОВИЧ Ю.Б.  
**Женская и мужская сфера культуры  
в скифском изобразительном искусстве  
(сцены с участием хищников  
и антропоморфных персонажей)**  
**314**



РАССАДИН С.Е.  
**О ложной и настоящей хронологии и культуре древностей  
типа нижнего слоя Лабенщины**  
**324**

РОМАШКО В.А.  
**Раскопки скифского аристократического кургана Близнац-2  
в г. Днепропетровск (предварительное сообщение)**  
**339**

РЯБКОВА Т.В.  
**Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин**  
**351**

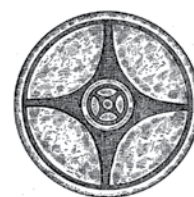
СИМОНЕНКО О.В.  
**До легенди про сарматських катафрактаріїв**  
**355**



ФИАЛКО Е.Е.  
**Амазонки в литературной  
и художественной традиции**  
**367**

ШРАМКО Б.А.  
**Железные наконечники стрел Скифии**  
**383**

ЭРЛИХ В.Р., ВАЛЬЧАК С.Б., МАСЛОВ В.Е.  
**Протомеотские погребения  
из кургана 2 могильника Уашхиту I**  
**394**



ЯБЛОНСКИЙ Л.Т.  
**Умбонообразные золотые предметы скифского времени  
из Филипповки**  
**418**

SÎRBU V., DUȚESCU M., ȘTEFAN D.  
**Burials as identity statements.  
Some remarks about North-Thracian funerary phenomenon  
in the 4<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> centuries BC**  
**427**

Список условных сокращений  
**454**

## **КАМЕННЫЙ ЖЕРТВЕННИК ИЛИ БАЗА АНТРОПОМОРФНОГО ИЗВАЯНИЯ? (к этнической принадлежности Келермесских курганов)**

Этническая принадлежность погребенных в Келермесских курганах, несмотря на хорошо аргументированную и доминирующую скифскую версию (см., например, с литературой: *Махортых, 1989; Галанина, 1997; Рябкова, 2006*), до сих пор остается дискуссионной. Как ранее, так и ныне скифская принадлежность Келермесских курганов вызывает у некоторых исследователей или возражения, или определенную осторожность и неуверенность. В качестве альтернативной версии в настоящее время предлагается считать эти памятники принадлежащими меотам или меотской археологической культуре (напр., *Беглова, 1987; Каменецкий, 2001: 65-68; Эрлих, 2005: 44; 2007: 199*). Причем относительно последнего утверждения необходимо уточнить, что В.Р. Эрлих рассматривает погребальные и культовые сооружения некрополя Келермеса в рамках единой местной археологической культуры – меотской, но при этом не вкладывает в это понятие «прямое этническое указание» (*Эрлих, 2007: 199*). Подобную трактовку можно понять лишь как признание невозможности в настоящее время занять определенную позицию.

Одним из наиболее весомых аргументов *contra* скифской идентификации Келермесских и других курганов раннескифской эпохи Северо-Западного Кавказа, на мой взгляд, является наблюдение И.С. Каменецкого об отсутствии на этой территории находок скифских антропоморфных изваяний (*Каменецкий, 2001: 68*).

Действительно, только в самой восточной части Закубанья (в междуречье Кубани и Лабы), обнаружены скифские каменные изваяния VII–VI вв. до н.э. (*Ольховский, Евдокимов, 1994: кат. 120, 149, 150, табл. 3; Ольховский, 2005: илл. 63*), которые традиционно в литературе рассматриваются как надежные индикаторы скифского присутствия. Отсутствие же находок скифской скульптуры по среднему и нижнему течению Кубани, в междуречье Кубани и Дона (за исключением нескольких изваяний на Нижнем Дону) и очевидное несовпадение их ареала с ареалом известных на этой территории кочевнических погребальных древностей (*Рябкова, 2003: 14*), до сих пор остается загадочным.

Именно поэтому любые сведения о подобных находках приобретают особую ценность и значение. При раскопках Келермесских курганов в 1903–1904 и в 1981–1995 гг. собственно каменных изваяний, как известно, обнаружено не было. Но зато в кургане № 3 Д.Г. Шульца и в кургане № 1 Н.И. Веселовского были найдены две каменные плиты, предложенная интерпретация которых в качестве жертвенников, на мой взгляд, не может считаться окончательной.

Итак, в центре кургана № 3 Келермесского могильника, раскопанного Д.Г.Шульцем<sup>1</sup>, «находился большой камень без рисунков из крупнозернистого известняка толщиной 0, 35 м, шириной и длиной 1, 42 м, посередине находилось отверстие»



(Архив ИИМК РАН. Д. 1904/9: 4). В своем отчете Шульц также пишет: «Посередине этого кургана был найден камень, похожий на большой мельничий камень без всякого рисунка и надписи. Камень этот украл в ночное время казак Илья Смагин, как значится в протоколе № 763. В протоколе станичного правления обозначено будто камень взят из кургана № 1, но нужно читать № 3» (Архив ИИМК РАН. Д. 1904/9: 48). Действительно, камень после раскопок кургана вывезли без ведома Шульца казаки для строительных нужд, что и вызвало разбирательство властей. К сожалению, даже схематичного его рисунка в архивных делах нет, а сохранившегося описания не вполне достаточно для того, чтобы в полной мере представить эту находку.

Тем не менее, учитывая сравнение плиты с «мельничим» камнем, допустимо предположить, что и она сама и ее центральное отверстие имели округлые очертания, поскольку на территории Северного Кавказа и Кубани как в древности, так и в более позднее время были распространены ручные жерновые поставы III типа, по Р.С. Минасяну, бегуны которых были с круглыми отверстиями (Минасян, 1978: 109). Относительно этого камня в своей монографии Л.К. Галанина написала, что «в центре могилы находилась жертвенная плита ...» (Галанина, 1997: 34), но следует все же учитывать, во-первых, замечание Шульца об его обнаружении не в могиле, а «в центре кургана», а во-вторых, отсутствие у него порядкового номера, которые были присвоены всем находкам в могиле. Это обстоятельство указывает на то, что камень был найден не в самом погребении, а в насыпи кургана.

Н.И. Веселовский в кургане № 1 также обнаружил каменную плиту. Поблизости от центра грабительской ямы «... встретился отбитый кусок белой известковой плиты с углублением в виде 4-угольного ящика.

Подобная плита была найдена Шульцем в кургане № 1» (Архив ИИМК РАН. Д. 1904/85: 94; ОАК за 1904: 87). В рукописном отчете Н.И. Веселовского приведен схематичный план могилы и маленький рисунок фрагмента плиты (рис. 1, 2), но из него, также как из описания, остается неясным характер углубления на плите, что вообще-то очень важно для атрибуции этой находки. Судя по рисунку, углубление не было сквозным, хотя ссылка на аналогичную находку Шульца, где отверстие точно было, оставляет долю сомнения. При этом, если плита в действительности имела «крытообразную» форму, то аналогии таким жертвенникам в раннескифских памятниках известны. В кургане № 1 могильника Красное Знамя были обнаружены две плиты подобной формы, одна из которых (длина 1 м, ширина ок. 60 см, толщина 6 см) находилась в «храме огня» (рис. 1, б) и сама имела следы горения на поверхности, а другая (длина 1,18 м, ширина 58 см, толщина 3-4 см) найдена в насыпи (Петренко, 2006: кат. 8, 120). По рисунку Веселовского остается неясным, какая именно часть плиты была найдена в его кургане — с длинной или короткой стороной. Приблизительно длина этого обломка, как можно судить по другим соразмерным деталям чертежа, составляет около 60-70 см, что соответствует ширине краснознаменских жертвенников<sup>2</sup>. При этом следует обратить внимание на то, что последние по всем параметрам были значительно меньше плиты из шульцевского кургана. А вот плита из кургана Веселовского может оказаться как раз самой близкой их аналогией.

Нельзя сказать, что келермесские плиты оказались совершенно незамеченными исследователями, но и особого интереса они не вызвали. Л.К. Галанина ограничилась лишь сравнением этих плит с жертвенниками типа эсхаров (Галанина, 1997: 72).

<sup>1</sup> Этот курган в настоящее время может быть условно отождествлен с курганом № 24, раскопанным в 1983 г. (Алексеев, 2003: 106, 107). При этом следует иметь в виду, что далеко не все детали описания Шульца нашли подтверждение в результатах доисследования.

<sup>2</sup> Найденный в Келермесском кургане № 29 в 1988 г. маленький фрагмент бортика каменной плитки интерпретирован как край блюда-алтарика, которые широко известны среди раннескифских древностей (Галанина, 1997: кат. 412; Петренко, 2006: 98), и в контексте данной работы не рассматривается.



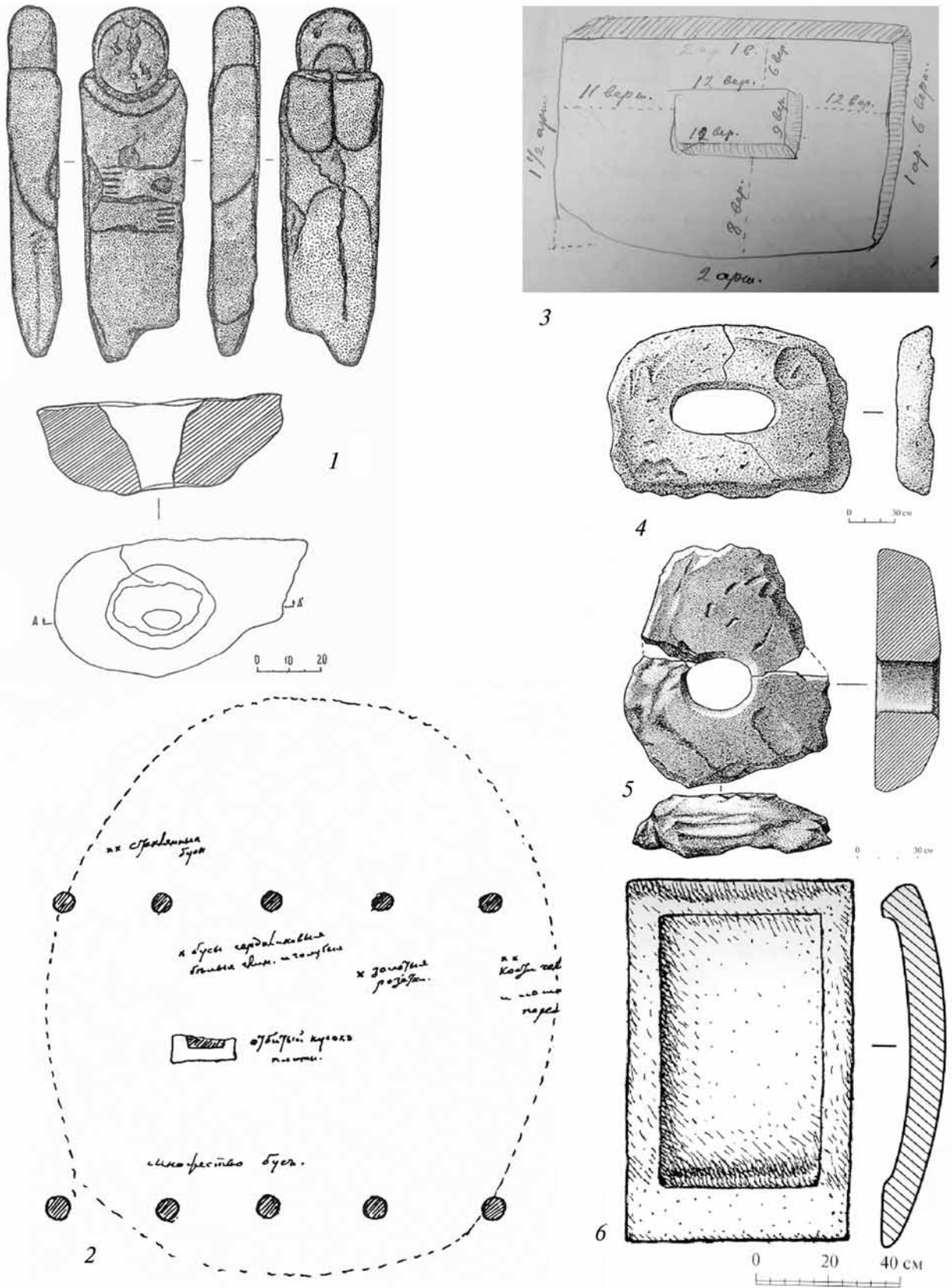


Рис. 1. Изваяния и каменные плиты из раннескифских памятников.

1 – изваяние и база из х. Усть-Невинского (по Соломатина, 1995: рис. 1, 2); 2 – центральная часть могилы с фрагментом каменной плиты в Келермесском кургане № 1 Веселовского (по Галанина, 1997: рис. 17); 3 – рисунок каменной плиты из Ульского кургана № 1 1898 г. (по Архив ИИМК РАН 1898/60: 16); 4, 5 – каменные базы скифских изваяний Северного Причерноморья (по Ольховский, 2005: илл. 96); 6 – каменная плита из «храма огня» кургана № 1 могильника Красное Знамя (по Петренко, 2006: табл. 58, 120).



В.Г. Петренко согласилась с их определением в качестве эсхаров, служивших «для жертвоприношений, требовавших стока крови» и заметила что они «никак не могут сопоставляться с алтарями огня» (Петренко, 2006: 98)<sup>3</sup>. Но подобная атрибуция, как мне кажется, была в данном случае рождена во многом «античным» взглядом на скифскую культуру и, разумеется, требует определенной проверки. Это тем более необходимо, так как весьма вероятно, что плиты из Келермесских курганов представляли собой разные категории культовых предметов.

Помимо Келермеса находки каменных плит и плиток известны и в других курганах Закубанья VII – VI вв. до н.э. Так, «каменная точилка» была обнаружена Н.И. Веселовским в 1-ом Разменном (Костромском) кургане в северо-восточном углу кенотафа. Ее схематичный рисунок на плане в сопоставлении с размерами других вещей и конских скелетов позволяет приблизительно реконструировать следующие параметры: 0,5х0,2 м. В опубликованном отчете Н.И. Веселовский описывает ее как «большую точильную плиту, разбившуюся на два куска» (ОАК за 1897 г.: 13). При этом вполне возможно, что это вовсе не фрагмент более значительной по размерам плиты (как в Келермесских курганах), а каменная плоская плитка не очень правильной формы, которые известны, например, в «меотских» грунтовых могилах раннескифского времени, в курганах Нартана, в могильниках Новозаведенное II и Красное Знамя (Галанина, 1985; 1989; Петренко, 2006: 98).

Гораздо более интересная находка была сделана Н.И. Веселовским в Большом Ульском кургане (№ 1 1898 г.), который в настоящее время чаще интерпретируется как святилище (Балонов, 1987). Здесь рядом с центральной четырехугольной огороженной площадкой, устроенной на уровне древнего горизонта, был найден большой камень желтого цвета, о

котором Н.И. Веселовский пишет под вопросом «точильный» (ср. его упоминание «точильной плиты» в Костромском кургане), разбитый на три куска и имевший посередине отверстие. В рукописном отчете помещен его схематичный рисунок (рис.1, 3) с размерами (Архив ИИМК РАН 1898/60: 16), а в опубликованном приведены только размеры: 1,42х0,98х0,22 м (ОАК за 1898 г.: 31). Отверстие (0,53х0,4 м), несколько смещенное от центра к одной из длинных сторон плиты, имело довольно правильную прямоугольную форму. О месте находки Н.И. Веселовский пишет следующее: «Этот камень найден нами не в 4-угольнике, а в особой яме, вырытой возле 4-угольника, надо полагать грабителями, которые искали чего-то в материке. Три части камня лежали в беспорядке» (Архив ИИМК РАН 1898/60: 16). Относительно и этой плиты было высказано предположение о том, что это жертвенник (Артамонов, 1966: 26) или алтарь, вписывающийся в индоиранские и индоарийские культовые представления, отраженные в сооружениях Ульских курганов (Балонов, 1987: 43). Но обстоятельства его находки и фиксации не позволяют уверенно говорить о преднамеренном или случайном размещении в какой-то яме.

Таким образом, все перечисленные выше находки каменных плит и плиток составляют несколько маленьких серий: во-первых, массивные плиты больших размеров, имевшие в центральной части отверстия округлой (?) или прямоугольной формы, найденные как целыми, так и расколотыми в центральной части курганов или в грабительских ямах (Келермесский курган № 3 Шульца, Ульский курган № 1, 1898 г.), во-вторых, меньшие по размерам плиты «корытообразной» формы, контекст находки одной из которых позволяет именно их считать жертвенниками-эсхарами (Келермесский курган № 1 Веселовского, две плиты из кургана № 1 могильника

<sup>3</sup> Действительно, каменные плиты с отверстиями разных форм, установленные на алтарях-эсхарах над ямами-ботросами известны в античную эпоху в Северном Причерноморье (Кастанаян, 1950: 124-138). Но для раннескифского времени появление у варваров подобных культовых конструкций более чем проблематично. К тому же, слово *ισχρα* означает как раз «очаг», «жаровню», «жертвенник-алтарь», так что эсхары по определению могли являться и «алтарями огня».





Красное Знамя), и в-третьих, небольшие плоские плитки (1-й Разменный (Костромской) курган и др.).

В данном случае нас интересует первая серия плит. Если взглянуть на подобные находки с точки зрения компонентов собственно раннескифской археологической культуры, то не менее естественным и правдоподобным, чем вариант алтарей/жертвенников, может оказаться предположение о том, что все или некоторые из этих плит (прежде всего это может относиться, на мой взгляд, к находке из кургана Шульца) являлись базами каменных скифских антропоморфных изваяний. Как известно, эти базы встречаются чаще вместе с изваяниями, но известны и их отдельные находки. Былое существование каменных баз на Северном Кавказе документируется специфической обработкой нижней части изваяния из станицы Воровсколеской (*Ольховский, Евдокимов, 1994: кат. 126*), а также находкой раннескифского изваяния VII в. до н.э. (дата устанавливается не только по иконографии скульптуры, но и по сопутствующим вещам — двулопастным бронзовым наконечникам стрел, золотым зооморфным пластинкам) с базой (рис. 1, 1) у х. Усть-Невинского в Ставропольском крае (*Соломатина, 1995: рис. 1, 2*). В последнем случае небольшая база представляет собой песчаниковую плиту неправильной овальной формы длиной 85 см, шириной 65 см и толщиной 30 см с отверстием овальной формы диаметром наверху 33 см. База из кургана Шульца чуть больше по размерам, но в целом по своим параметрам вполне могла соответствовать подобным находкам (рис. 1, 4, 5), известным на территории Северного Причерноморья (*Ольховский, Евдокимов, 1994: илл. 11, 17, 29, 60, 63, 66*). Что касается материала, то в раннескифское время на Северном Кавказе в качестве материала для изготовления изваяний доминировал песчаник, но известняковые экземпляры также известны, в том числе и для эпохи архаики (*Ольховский, Евдокимов, 1994: кат. 120, 150*). Обстоятельство находки базы в кургане Шульца (VII в. до н.э.) позволяют предположить, что она была найдена или в грабительской яме, или в насыпи кургана (и то и другое расположение подобных

находок зафиксировано археологически на других территориях).

Плита из Большого Ульского кургана (не ранее конца VI в. до н.э.) при условии, что ее местоположение у центрального сооружения под насыпью кургана действительно было, как полагал Н.И. Веселовский, связано с действиями грабителей, а также по своим форме, размерам и прямоугольной форме отверстия вполне сопоставима с известными каменными базами антропоморфных скифских изваяний (рис. 1, 4). Но все же существуют и несколько настораживающих признаков, не позволяющих уверенно принять эту версию. Во-первых, отверстие в плите (если точен рисунок Веселовского), имеет слишком правильную форму, что для баз каменных изваяний не характерно. Во-вторых, яма, в которой была обнаружена плита, могла являться элементом культового сооружения (например, ботросом), а не нижней частью грабительской воронки. И в-третьих, где-то неподалеку от камня, видимо, был обнаружен фрагмент терракотовой статуэтки какой-то хтонической богини в высоком головном уборе, что косвенно укрепляет атрибуцию плиты в качестве жертвенника. Таким образом, ответ на вопрос о назначении ульской каменной плиты пока остается неопределенным.

Что касается второй серии находок и плиты из кургана № 1 Н.И.Веселовского, то она точно была обнаружена в грабительской воронке, что является довольно обычным случаем. Другое дело, что при отсутствии на этой плите сквозного отверстия, ее атрибуция в качестве базы изваяния становится практически невозможной, так как для скифских изваяний такие базы до сих пор были как будто бы неизвестны.

Разумеется, вызывает недоумение то, что предполагаемые находки отдельных каменных баз (или базы) на территории Закубанья не сопровождаются находками собственно антропоморфных изваяний, так как это совершенно не согласуется со статистическими данными по Северному Причерноморью и Крыму, где базы с соответствующими изваяниями количественно намного превосходят случаи отдельных находок баз. Но при этом бросается в глаза,



с одной стороны, частичное совпадение территории, свободной от скифских антропоморфных изваяний (но не свободной от каменной надгробной скульптуры раннего железного века вообще, так как вдоль левого берега Кубани и в междуречье Кубани и Дона известны «оленные камни западного варианта»), с территорией распространения «меотских» памятников, а с другой стороны, совпадение зоны раннескифской скульптуры с ареалом другой местной северокавказской культуры — кобанской, причем, с захватом всех трех ее вариантов, по В.И. Козенковой (Ср.: *Ольховский, 2005: илл. 63; Каменецкий, 1989: карта 20; Козенкова, 1989: карта 24*). Одно из объяснений этого феномена (за исключением признания подобной ситуации простой случайностью) может заключаться в особом негативном отношении «меотского» населения к скифским изваяниям, проявившемся или в их низвержении, или даже уничтожении уже после того, как погребальные памятники скифов на этой территории к V в. до н.э. перестали сооружаться (что означает исчезновение и самих скифов), а культура

номадов и местного населения трансформировалась в «меото-скифскую» ее разновидность. Учитывая, что скифы, будучи, конечно, сравнительно немногочисленной этнической группой, могли все же занимать в VII–VI вв. до н.э. господствующее положение в местном обществе, как предполагает Л.Г. Галанина (*Галанина, 1985: 164*), подобная догадка не кажется столь уж невероятной. А вот «кобанцы» столь негативного отношения к скифским изваяниям, видимо, не проявили.

Таким образом, на основании скудных архивных данных в настоящее время можно с большой степенью уверенности предположить, что, по крайней мере, на одном из келермесских курганов, относящемся к «младшей» хронологической группе, в раннескифское время было установлено каменное изваяние. Важно, что даже единственная подобная находка, если согласиться с предложенной в настоящей статье интерпретацией, могла бы значительно укрепить, если не оставить вообще единственной, версию о скифской принадлежности курганов Келермеса.

### Литература

*Архив ИИМК РАН. Д. 1904/9* — О раскопках Д.Г. Шульца в Майкопском отделе Кубанской области // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.1. Д.1904. № 9.

*Архив ИИМК РАН. Д. 1904/85* — О раскопках старшего члена Императорской археологической комиссии проф. Н.И. Веселовского в Кубанской области 1904 г. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.1. Д.1904. № 85.

*Архив ИИМК РАН 1898/60* — О раскопках старшего члена Императорской археологической комиссии проф. Н.И. Веселовского в Кубанской области // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.1. Д.1898. №60.

*Алексеев, 2003* — Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.

*Артамонов, 1966* — Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л., 1966.

*Балонов, 1987* — Балонов Р.Ф. Святилища скифской эпохи в Адыгее // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.

*Беглова, 1987* — Беглова Е.А. Об этнической принадлежности Келермесского и Уляпского некрополей в свете последних исследований. Сб. тезисов конференции «Культура и искусство народов Востока», М., 1987.

*Галанина, 1985* — Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3.

*Галанина, 1989* — Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.

*Галанина, 1997* — Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. Т. I. М., 1997.

*Каменецкий, 1989* — Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

*Каменецкий, 2001* — Каменецкий И.С. О скифах на Кубани // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар-Анапа, 2001.



- Кастанаян, 1950* – Кастанаян Е.Г. Обряд тризны в Боспорских курганах // СА. XIV. 1950.
- Козенкова, 1989* – Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Махортых, 1989* – Махортых С.В. К этнокультурной характеристике Больших кубанских курганов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
- Минасян, 1978* – Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э. // СА. № 3. 1978.
- ОАК за 1897 г.* – Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.
- ОАК за 1898 г.* – Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901.
- ОАК за 1904 г.* – Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб., 1907.
- Ольховский, Евдокимов, 1994* – Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Ольховский, 2005* – Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Петренко, 2006* – Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М., 2006.
- Рябкова, 2003* – Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Рябкова, 2006* – Рябкова Т.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006.
- Соломатина, 1995* – Соломатина Н.В. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах. Армавир-М., 1995.
- Эрлих, 2005* – Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2005.
- Эрлих, 2007* – Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., 2007.



## **НОВЫЕ НАХОДКИ СКИФСКИХ КИНЖАЛОВ НА ХАРЬКОВЩИНЕ**

Среди разносторонних научных интересов Сергея Анатольевича Скорого заметное место занимают скифские мечи. Этому виду вооружения была посвящена и первая самостоятельная научная статья юбиляра (*Скорый, 1977*), и многие его последующие работы – как публикации отдельных ярких находок (*Скорый, 1979; Белозор, Скорый, 1985*), так и обобщающие исследования по некоторым категориям скифских мечей, впервые выделенным С.А. Скорым (*Скорый, 1981; Скорый, 1982; Махортих, Скорый, 1986*).

В настоящее время имеется возможность пополнить источниковую базу данной категории вооружения населения скифской эпохи. За последнее время на территории Харьковщины были выявлены несколько кинжалов, близких друг другу по ряду морфологических признаков и увеличивших достаточно репрезентативную выборку случайных находок.

В 1984 году в Харьковский исторический музей поступил железный кинжал (рис.1, 1), найденный в урочище Боголюбово Богодуховского района Харьковской области (Арх.134/1040; вст.55744).

Кинжал имеет хорошую сохранность, изготовлен полностью из железа. Рукоять желобчатая, с обеих сторон по краям обрамлена едва заметными гранеными валиками и сужена от навершия к перекрестию. Навершие брусковидное, в плане

ромбовидной с закругленными углами формы. Перекрестие бабочковидное, с заметно асимметричными «крыльями» и неровно обрубленным выступом со стороны рукояти. Клинок двулезвийный, треугольной формы с широкой основой возле перекрестия. На поверхности клинка параллельно его лезвиям проходят два желобка, соединяющихся в 6 см от острия. Посредине клинка проходит поперечная трещина современного происхождения, в результате чего нижняя часть клинка несколько отклонена от центральной оси кинжала.

Параметры кинжала следующие: навершие – длина 6,5 см, высота 0,8 см, ширина 1,1 см; рукоять – длина 8,4 см, ширина 2-2,5 см, толщина 0,4-0,7 см; перекрестие – ширина 6,6 см, высота 2,7 см, толщина – 1,3 см; клинок – длина 15,3 см, ширина возле перекрестия 4,1 см. Общая длина 26,2 см.

Обстоятельства находки следующего кинжала несколько курьезные<sup>1</sup>. Кинжал (рис.1, 2) был найден непосредственно в Харькове (Алексеевский жилмассив), завернутым в газету, на краю тротуара возле троллейбусной остановки. Вероятно, кинжал по неопределенным обстоятельствам был утерян его бывшим владельцем (коллекционером, посредником или непосредственно автором находки). Таким образом,

<sup>1</sup> Выражаю благодарность научному сотруднику Харьковского научно-методического центра охраны культурного наследия А.А. Лаптеву за возможность ознакомиться с этой находкой.



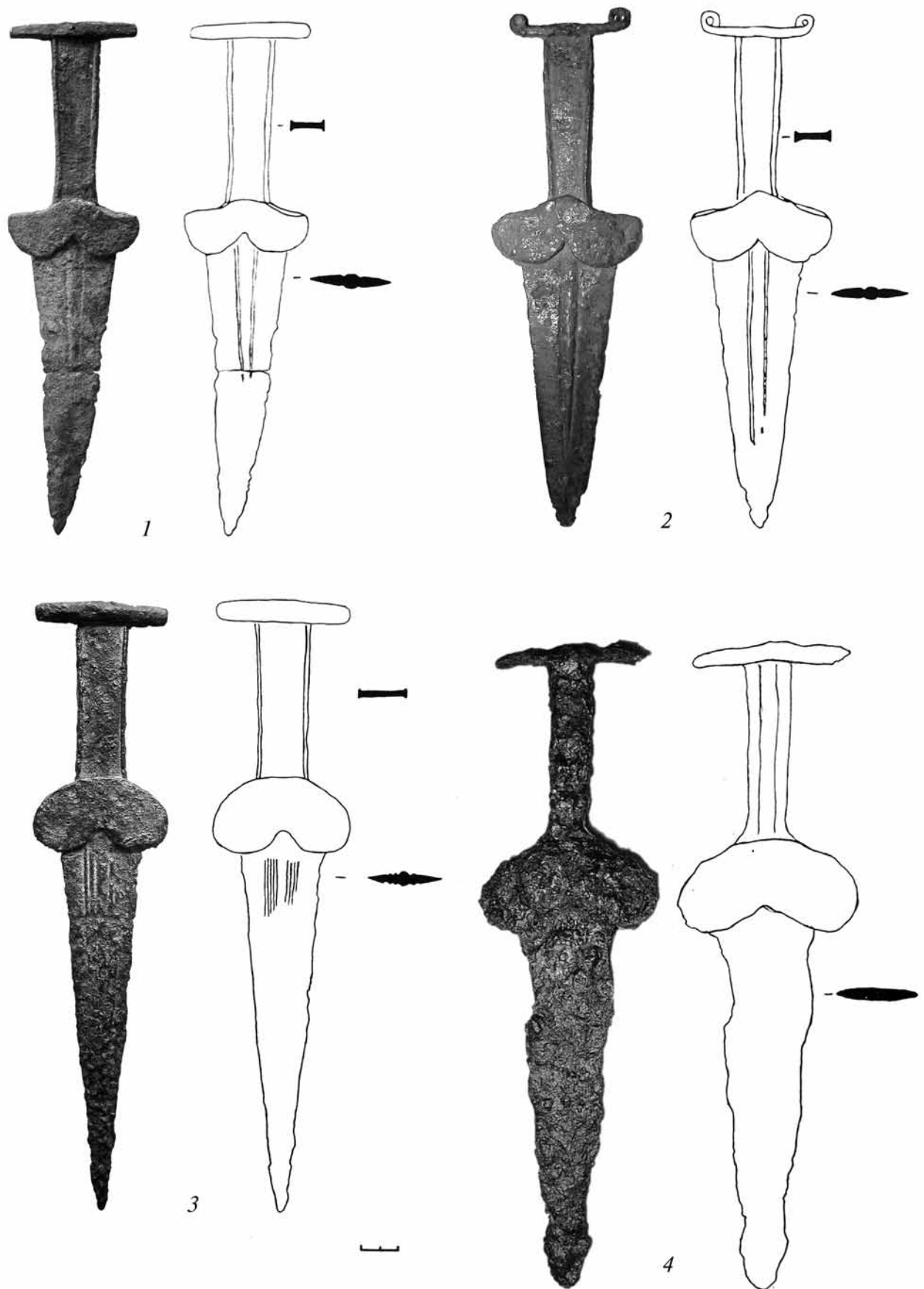


Рис.1. Железные кинжалы:

1 – из урочища Боголюбово Богодуховского района; 2 – из Харькова; 3 – из Шелестово Краснокутского района; 4 – из Люботинского могильника.



к сожалению, приходится констатировать беспаспортный статус этой находки.

С предыдущим кинжал сближают такие морфологические признаки как желобчатая рукоять, обрамленная гранеными валиками и суженная к перекрестию, форма бабочковидного перекрестия с заметной асимметрией и треугольного с широкой основой у перекрестия двулезвийного клинка, а также наличие на клинке двух желобков, соединенных в 3-4 см от острия. При подобном совпадении почти всех признаков бросается в глаза достаточно необычная форма навершия, репрезентованного прямым продолговатым бруском, оба конца которого завернуты вверх в небольшие волюты. Формально подобное навершие можно атрибутировать и как антенновидное, однако термин «брусковидное с волютами на концах» более соответствует действительной форме этой детали кинжала. Достаточно похожую форму навершия имеет меч архаического времени с бабочковидным перекрестием и петлей для темляка под перекрестием из Борисоглебска (Медведев, 1999: рис.51, 10).

Кинжал имеет следующие размеры: навершие — длина 6 см, высота 0,4-0,6 см, диаметр волют 0,8-1,0 см; рукоять — длина 8,4 см, ширина 2-2,4 см; перекрестие — ширина 7,6 см, высота 3,4 см, толщина — 1,2 см; клинок — длина 14,6 см, ширина у перекрестия 4,8 см. Общая длина 26,3 см.

Третий кинжал (рис.1, 3) был выявлен во время грейдирования земельного участка под посадку леса возле с. Шелестово Краснокутского района Харьковской области. Место находки этого кинжала — вблизи хорошо известного Коломацкого городища, приблизительно в 8 км к западу от последнего. Как и предыдущие экземпляры, кинжал имеет желобчатую рукоять, с обеих сторон по краям обрамленной едва заметными валиками. По всей своей длине рукоять имеет одинаковую ширину. Навершие брусковидное, в плане ромбовидной с закругленными углами формы.

Перекрестие почковидное, практически безусловно симметричной формы. Клинок двулезвийный, треугольной формы с широким основанием возле перекрестия. Параллельно лезвиям клинка с каждой стороны имеется по три желобка, оформляющих широкий центральный и две пары узких боковых валиков, местами едва заметных из-за коррозии поверхности металла.

Параметры кинжала следующие: навершие — длина 6,6 см, высота 1,0 см; рукоять — длина 7,6 см, ширина 2,4-2,6 см; перекрестие — ширина 6,8 см, высота 3,6 см; клинок — длина 19 см, ширина у перекрестия 4,2 см. Общая длина 30,6 см.

Наконец, необходимо упомянуть еще об одной находке подобного кинжала, происходящего из разрушенного кургана Люботинского могильника (рис.1, 4). В свое время была предпринята попытка ввести эту находку в научный оборот, но по досадному недоразумению изображение самого кинжала не было опубликовано (Бандуровский, Буйнов, 2000: 76, рис.58), что вызвало вполне обоснованную критику (Фіалко, Болтрик, 2003: 46). Пользуясь случаем, попытаемся исправить эту оплошность<sup>2</sup>.

По морфологическим характеристикам кинжал близок предыдущей находке, но имеет намного худшую сохранность, что характерно для железных изделий, происходящих из погребений. Рукоять желобчатая, но обрамлена массивными валиками с узким желобком посередине. Навершие в виде продолговатого бруска. Перекрестие очень массивное и широкое, почковидной формы. Клинок двулезвийный, треугольной формы с широким основанием возле перекрестия. Желобки на клинке отсутствуют, но возможно они не просматриваются из-за сильной коррозии поверхности металла.

Параметры кинжала следующие: навершие — длина 7,7 см; рукоять — длина 8,9 см, ширина 2,2-2,4 см; перекрестие — ширина 8,9 см, высота 4,6 см; клинок — длина

<sup>2</sup> Выражаю благодарность руководителю археологического кружка школы № 116 г. Харькова М.Н. Григорьянцу и научному сотруднику Музея археологии и этнографии Слободской Украины С.А. Задникову за возможность ознакомиться с этой находкой.



19,2 см, ширина у перекрестия 4,8 см. Общая длина 32,1 см.

По типологии А.И. Мелюковой, рассматриваемые кинжалы относятся к трем разным типам. Первый, третий и четвертый представляют два типа отдела I (мечи и кинжалы с прямым брусковидным навершием). Из них – Шелестовский и Люботинский относятся к 1-му типу мечей с почковидным перекрестием, Богодуховский, принадлежит ко 2-му типу мечей с бабочковидным перекрестием. Кинжал из Харькова, если согласиться с определением формы его навершия как антенновидной – ко 2-му типу (с бабочковидным перекрестием) мечей и кинжалов с простым антенным навершием (1-й подотдел II отдела) (Мелюкова, 1964: 47-50, 53-55).

Однако есть признак, объединяющий эти кинжалы - это форма навершия в виде узкого продолговатого бруска, длина которого близка ширине перекрестия и значительно превышает ширину рукояти. Форма подобных наверший заметно отличается от более распространенных широких массивных брусков, длина которых иногда едва превышает ширину стержня рукояти.

Если ко времени выхода монографии А.И. Мелюковой было известно всего несколько подобных кинжалов (ни один из которых не попал в таблицы иллюстраций монографии), то благодаря находкам последних лет сложилась достаточно репрезентативная выборка коротких кинжалов с длинным узким навершием. Одними из первых на подобную группу, в поисках аналогий к трахтемировскому кинжалу, обратили внимание Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик. Исследователи отдельно выделили несколько кинжалов, морфологически близких трахтемировскому, но отличающихся от других едва суженной к перекрестию рукоятью и коротким клинком с широкой основой (Фиалко, Болтрик, 2003: 46). Практически в это же время, рассматривая случайные находки акинаков на территории запрутской Молдовы, И.В. Бруяко выделил внутри этой выборки группу «коротких кинжалов с лезвием в форме сильно вытянутого треугольника, Т-образной рамочной рукояткой и четко выделенной нервюрой по середине

клинки» (Бруяко, 2005: 154). Между тем, можно значительно пополнить перечень кинжалов данной группы, несколько скорректировав набор типобразующих признаков.

Наиболее характерными признаками этой группы коротких кинжалов, свойственных почти всем ее представителям, является длинное узкое навершие, длина которого близка, а иногда и превышает ширину перекрестия, желобчатость рукояти с двумя валиками по бокам и треугольной формы, с широким основанием, короткий клинок. Среди менее распространенных признаков следует назвать сужение рукояти к перекрестию и наличие на клинке желобков или нервюры. Форма перекрестия подобных кинжалов почко-, сердце- или бабочковидная.

К настоящему времени выборка кинжалов с подобными признаками насчитывает, по меньшей мере, 25 экземпляров, которые по форме перекрестия можно разбить на три группы. Наиболее многочисленна группа кинжалов с почковидным перекрестием – 15 экземпляров (рис.2, 1-15), группы кинжалов с бабочко- и сердцевидными перекрестиями насчитывают по 5 экземпляров (рис.3, 1-10) (т.к. некоторые кинжалы имеют перекрестия промежуточной формы, отнесение их к той или иной группе достаточно условно).

Говорить о наличии какой-либо взаимосвязи между теми или иными признаками не совсем корректно, учитывая незначительность выборки, поэтому изложенные ниже наблюдения имеют предварительный характер.

Форма железной рукояти в виде двух боковых валиков и желобка посередине представляет результат наследования биметаллическим рамчатым рукояткам и, не имея конструктивного значения, является лишь своеобразным декоративным оформлением (Шрамко, 1984: 31-33). Известны рукояти как с массивными валиками и узким желобком, так и с едва заметными валиками и широким плоским желобком. Первые лучше представлены у кинжалов с почковидными перекрестиями, вторые – у кинжалов с сердце- и бабочковидными перекрестиями.



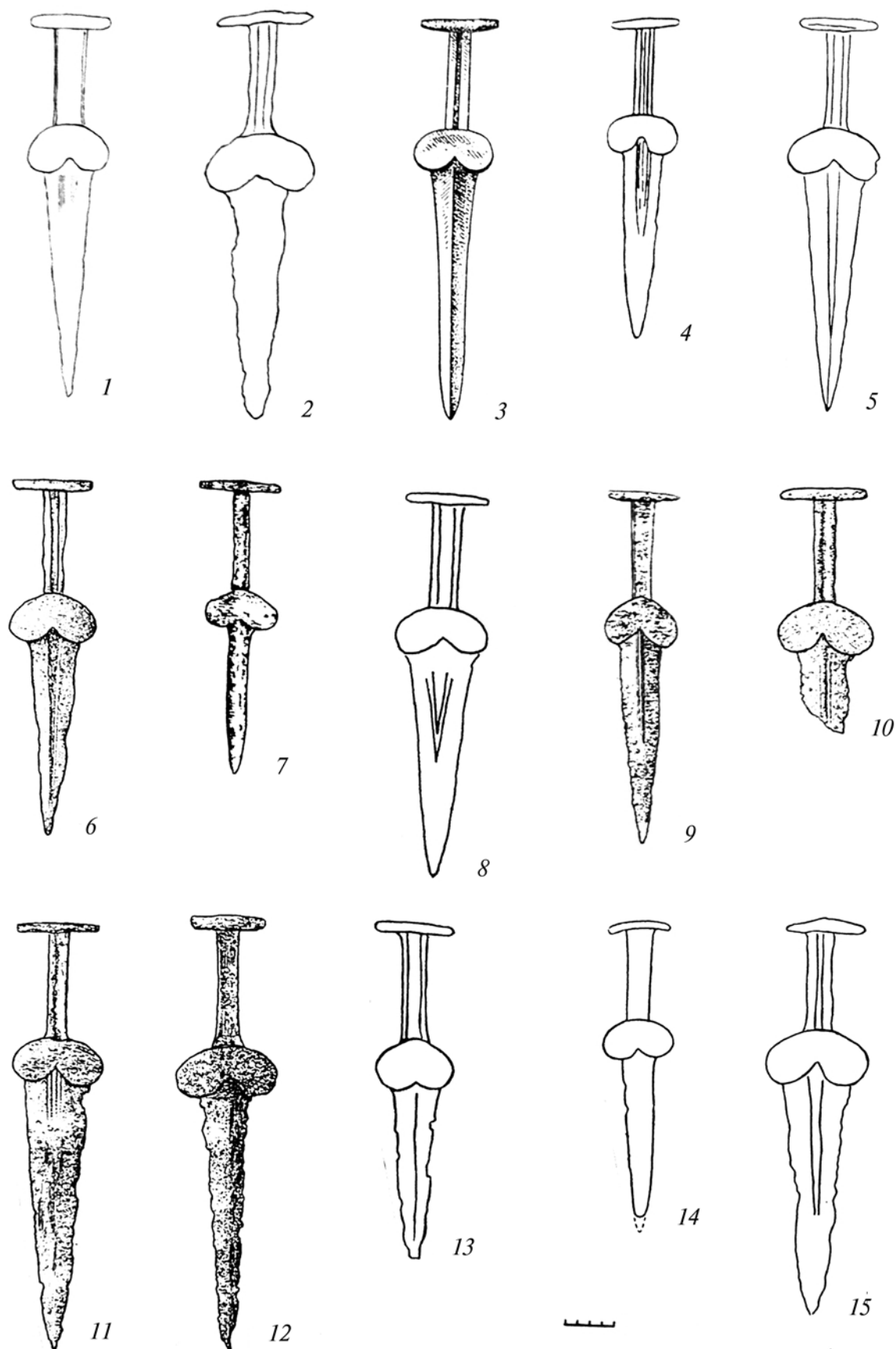


Рис.2. Железные кинжалы с почковидным перекрестьем:

1 – Шелестово; 2 – Люботин; 3 – Верхний Салтов; 4 – Черниговка; 5 – Новый Валовой; 6 – Мена; 7 – Гадяч; 8 – Каневский уезд; 9 – Мэчишени; 10 – Ибенешти; 11 – Вэратек; 12 – Чиндзоань; 13 – НМИУ Б.28-1840; 14 – НМИУ Б.28-18714; 15 – Платар.



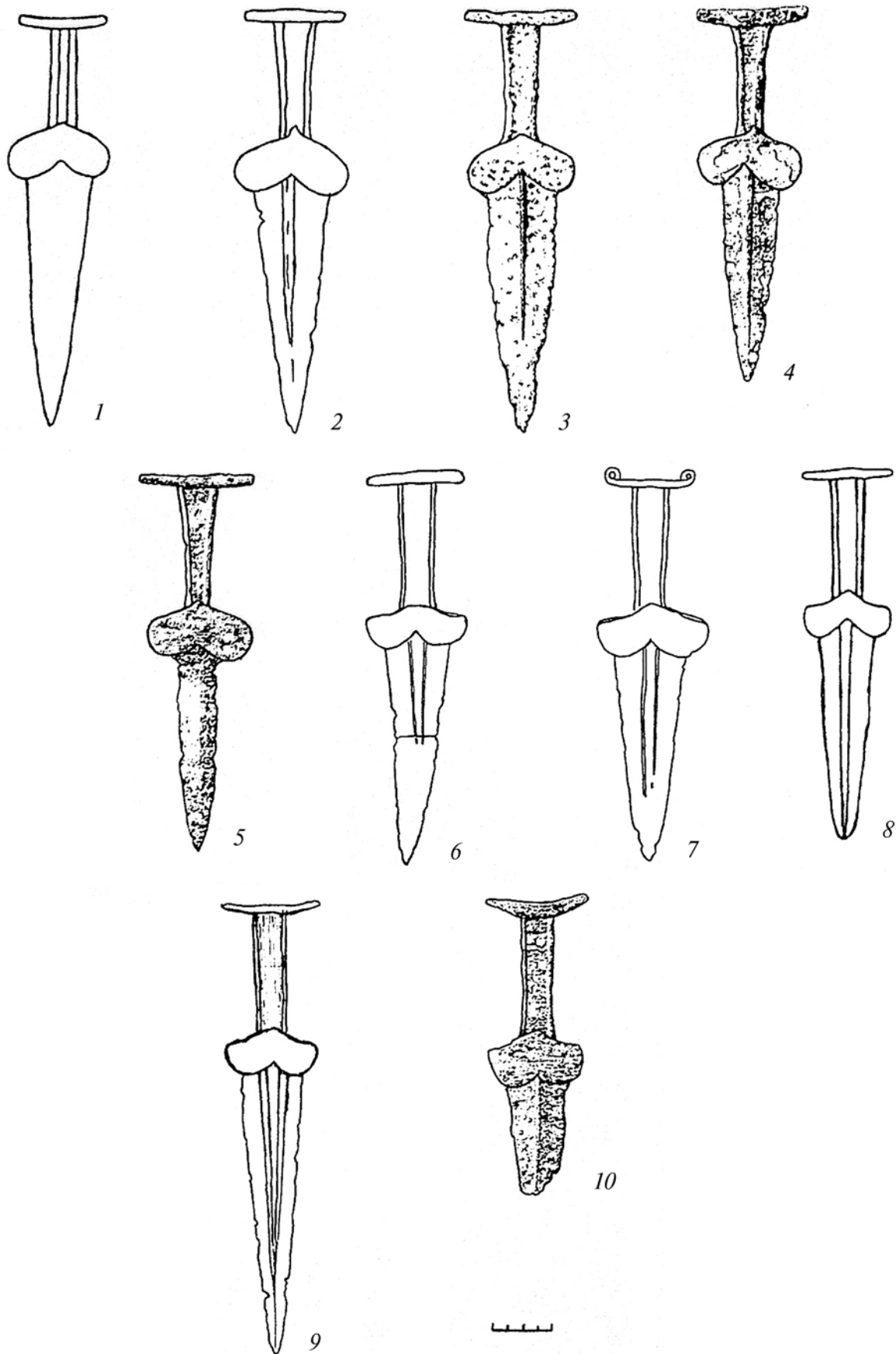


Рис.3. Железные кинжалы с сердце- и бабочковидным перекрестьем:

1 – Павловск; 2 – Хмелевка; 3 – Марьинский р-н; 4 – Боурени; 5 – Сусени; 6 – Боголюбово; 7 – Харьков; 8 – Тамбов; 9 – Гниляково (Дачное); 10 – Комарна.



подавляющая часть кинжалов с почковидным перекрестием имеет навершие в виде ровного бруска и ровную по всей длине рукоять. Лишь у кинжала из НМИУ № Б 28-1871 концы навершия опущены вниз, что, по мнению Б.А. Шрамко, является следствием работы кузнеца, допустившего небольшой изгиб концов навершия во время его насадки на верхнюю часть рукояти (Шрамко, Фомин, Солнцев, 1971: 144, 145). Напротив, у значительной части кинжалов с бабочко- и сердцевидными перекрестиями концы навершия слегка подняты вверх, а рукоять сужается к перекрестию.

Клинки примерно двух третей кинжалов имеют нервию или парное количество желобков, причем первые преобладают у кинжалов с сердцевидным перекрестием, а вторые — с бабочковидными и почковидными перекрестиями.

Устойчивое сочетание ряда характерных признаков позволяет говорить если не о культурном типе, понятии более обширном и глобальном (Алексеев, 1993), то о своеобразном «культурном варианте», в котором именно короткий треугольный клинок с широким основанием и выраженным ребром, желобчатая рукоять с длинным брусковидным навершием представляли совокупность признаков, воспринимаемых в качестве значимых самими носителями. В то же время форма такой атрактивной детали как перекрестье (сердце-, почко- или бабочковидное), используемой в формальных классификациях в качестве основополагающего типобразующего признака (Мелюкова, 1964), для непосредственных носителей не играла принципиального значения, что подтверждает и широкое распространение упомянутых выше перекрестий промежуточных форм. Последнее легко объяснимо, т.к., исходя из примата функциональности оружия, гораздо важнее во время боя были, к примеру, размеры и форма клинка, нежели наличие или отсутствие на перекрестии обращенного к рукояти выступа. Широкое распространение серии коротких

кинжалов наглядно демонстрирует одну из линий развития этого клинкового оружия и представляет собой попытку ухода от универсализма к более узкой специализации. В качестве еще одного примера подобной тенденции может служить появление и распространение длинного клинкового оружия (Скорий, 1981).

Датировка этой группы кинжалов осложнена случайным характером их находки. Как правило, при определении даты исследователи исходят из морфологических особенностей отдельных частей акинака. Среди предложенных дат фигурируют конец VII — VI вв. до н.э. (Кулатова, 1990: 50), VI в. до н.э. (Кулатова, 1995: 138; Яковенко, Покотило, 1979: 91). Э.И. Диамант и Е.В. Черненко кинжал из Гниляково датируют самым концом VI — началом V вв. до н.э., обосновывая столь позднюю дату наличием на боках клинка желобков (Диамант, Черненко, 1972: 160), однако широкое распространение подобных желобков на кинжалах более архаичного облика (напр.: Апальков, 1993: 84, рис.16) свидетельствует о некорректности использования данного признака в качестве надежного хроноиндикатора для повышения даты до V в. до н.э. В сторону повышения, в пределах VI—V вв. до н.э., датирует кинжал из Марьинского района В.А. Подобед (Подобед, 1993: 46). Даты, предложенные польскими и румынскими археологами, наоборот, уходят вниз. Так, А. Гавлик датирует акинаки с территории запрутской Молдовы второй половиной VII — VI вв. до н.э., А. Вульпе определяет для мечей II-й группы («тип Сусени-Мэчишены») дату в пределах первой половины VI, но не исключает VII в. до н.э. (Бруяко, 2005: 154). А.И. Мелюкова появление акинаков в этом регионе относит к середине VI в. до н.э. (Мелюкова, 1979: с.198). Сложность датировки этих находок подчеркивает И.В. Бруяко<sup>3</sup> и подходит к ним очень осторожно. В монографии характеристика случайных находок акинаков выступает связующим звеном между

<sup>3</sup> Пользуясь случаем, выражаю благодарность директору Одесского археологического музея И.В. Бруяко и научному сотруднику Музея археологии и этнографии Слободской Украины С.А. Задникову за предоставленную возможность ознакомиться с иллюстрациями малодоступной работы А. Вульпе.





Рис.4. Карта находок коротких кинжалов с Т-образной рукоятью:

1 – Боголюбово; 2 – Харьков (?); 3 – Шелестово; 4 – Люботин; 5 – Верхний Салтов; 6 – Павловск; 7 – Черниговка; 8 – Тамбов; 9 – Новый Валовой; 10 – Мена; 11 – Гадяч; 12 – Хмелевка; 13 – Каневский уезд; 14 – Марьинский р-н; 15 – Гниляково (Дачное); 16 – Боурени; 17 – Сусени; 18 – Комарна; 19 – Мэчишени; 20 – Вэратек; 21-22 – Чиндэоань.

раннескифскими памятниками и памятниками среднескифской культуры (Бруяко, 2005: 153-157). Суммарную датировку для всей группы акинаков исследователь определяет в пределах VI–V вв. до н.э., но тут же допускает и VII в. до н.э. именно для серии коротких кинжалов (Бруяко, 2005: 154). Эта же широкая дата – вторая половина VII – первая половина V вв. до н.э. – зафиксирована и в подписи к иллюстрации с изображениями самих мечей и кинжалов (Бруяко, 2005: 168, рис.37), однако при картографировании находок к середине-второй половине VII в. до н.э. И.В. Бруяко отнес только находки мечей с так называемым «полупочковидным» или «лучковидным» перекрестьем из Мирчешти и Дэнешти (Бруяко, 2005: 158, 159, рис.33), а группа коротких кинжалов с «Т-образной рукоятью» полным составом представлена на карте находок VI – середины V вв. до н.э. (Бруяко, 2005: 180, 181, рис.42).

Обращает внимание отсутствие находок кинжалов рассматриваемой серии в отдельных регионах, прежде всего на Кавказе. Показательна также принадлежность подавляющего числа кинжалов к категории случайных находок и практически полное их отсутствие среди инвентаря погребений этого времени. Единственным исключением является кинжал из Люботинского могильника, происходящий, к сожалению, из разграбленного комплекса, хотя И.В. Бруяко, вслед за А. Вульпе, допускает, что и некоторые акинаки из запрутской Молдовы также могут происходить из разрушенных погребений (Бруяко, 2005: 158).

Проблема исторической интерпретации случайных находок акинаков неоднократно затрагивалась исследователями<sup>4</sup>. А.П. Медведев, вслед за А.И. Пузиковой (Пузикова, 1984: 212), усматривает в подобных находках V–IV вв. до н.э. свидетельства межплеменных военных



## База данных «Находки коротких кинжалов с Т-образной рукоятью».

№№ п/п	Название пункта	Длина навершия (см)	Ширина перекрестия (см)	Желобчатость рукояти	Сужение рукояти	Форма перекрестия (п-почко-, б-бабочко-, с-сердцевидные)	Наличие на клинке желобков (ж) или нервы (н)	Общая длина (см)	Источник
1	Ур. Боголюбово Богодуховского р-на Харьковской обл.	6,5	6,4	+	+	б	ж	26,2	–
2	Харьков	6,0	7,2	+	+	б	ж	26,2	–
3	Шелестово Краснокутского р-на Харьковской обл.	6,6	6,8	+	–	п	ж	30,6	–
4	Люботин	7,7	8,9	+	–	п	–	32,1	Бандуровский, Буйнов, 2000
5	Верхний Салтов	6,6	6,4	+	–	п	–	31,5	Либеров, 1962: рис.6,3
6	Павловск*	6,0	6,8	+	–	с	–	28,4	Медведев, 1999: рис.51, 5
7	Черниговка*	5,6	5,6	+	–	п	ж	26,6	Медведев, 1999: рис.51, 6
8	Тамбов*	6,0	5,6	+	+	б	н	24,6	Медведев, 1999: рис.51, 8
9	Новый Валовой Пензинской обл.	6,4	7,1	+	–	п	н	30,8	Максимов, Полесских, 1972: рис.1, 3
10	Мена Черниговской обл.	6,2	6,5	+	+	п	ж	28	Яковенко, Покотило, 1979: рис.1, 1
11	Гадяч Полтавской обл.	6,7	5,9	+	–	п	ж	23,2	Кулатова, 1995: 137, 138
12	Хмелевка Сумской обл.	7	7,8	+	+	с	н	29,1	Кулатова, 1990: табл.V
13	Каневский уезд	6,4	7,0	+	+	п	ж	30	Ковпаненко, 1981: рис.60, 8; Мозолевский, 2005: рис.7
14	Марьинский р-н Донецкой обл.	7,5	7,0	+	+	с	н	29	Подобед, 1993: рис.54, 2
15	Гниляково Одесской обл.	7	6,7	+	+	б	ж	29,5	Диамант, Черненко, 1972: 160
16	Боурени*	7,5	6,8	+	+	с	н	25,8	Vulpe, 1990: T.6, 28
17	Сусени*	7,8	7,0	+	+	с	–	25,8	Vulpe, 1990: T.6, 27
18	Комарна*	7,0	6,3	+	–	б	–	–	Vulpe, 1990: T.7, 32
19	Мэчишени*	6,3	6,0	+	+	п	ж	28,5	Vulpe, 1990: T.7, 33
20	Вэратек*	6,8	7,4	+	–	п	ж	34,3	Vulpe, 1990: T.7, 34
21	Ибенешти*	7,3	8,0	+	–	п	ж	–	Vulpe, 1990: T.7, 34A
22	Чиндэоань	6,0	8,0	+	–	п	–	34,8	Vulpe, 1990: T.7, 35
23	НМИУ Б.28-1840*	6,2	6,0	+	–	п	–	26,6	Шрамко та ин., 1970: рис.2, 5
24	НМИУ Б.28-1871	4,8	5,6	–	–	п	–	23,4	Шрамко и др., 1971: рис.1, 1
25	Каталог ПлаТар	6,2	7,7	+	–	п	н	31	Платар, 2004: 109, рис.23a

\* Параметры кинжала вычислены согласно масштабу, приведенному в публикации.

столкновений, а находки более раннего времени рассматривает как результат «первоначального освоения скифоидными племенами территории лесостепного Подонья» (Медведев, 1999: 51, 52). А.Н. Ворошилов рассматривает случайные находки биметаллических мечей в междуречье Волги и Дона в качестве маркеров пути

ранних скифов или временно занятых ими промежуточных территорий по пути их север (Ворошилов, 2007: 155). Пристальное внимание решению этой проблемы уделили Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик. Рассматривая случайные находки в качестве свидетельств военных столкновений, исследователи картографировали находки

<sup>4</sup> Собственно, случайных находок акинаков этого же времени, но несколько другой формы, намного больше. Наиболее полные сводки по регионам содержат работы И.В. Бруяко, А.П. Медведева, Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрика (Бруяко, 2005; Медведев, 1999; Фиалко, Болтрик, 2003). Несомненно, что все эти находки являются следствием одних и тех же исторических событий.



более 20 акинаков VI в. до н.э. (часть которых составляют и короткие кинжалы рассматриваемой серии), преимущественно с территории Украины, маркирующих маршрут боевого похода (или их серии) скифов в направлении с востока на запад (Фіалко, Болтрик, 2003: 83-89). С экспансией скифов случайные находки акинаков в запрутской Молдове связывает И.В. Бруяко (Бруяко, 2005: 153, 154, 186).

Характерно, что часть находок кинжалов происходит с территорий, не относящихся непосредственно к ареалам памятников скифских или скифоидных культур. Это относится к находкам со Среднего Дона, что особо отмечено А.П. Медведевым (Медведев, 1999: 51). Кинжал из Верхнего Салтова найден намного восточнее от основного массива северскодонецких памятников скифского времени вообще, и тем более эпохи архаики. Отсутствие памятников скифского времени в окрестностях с. Верхний Салтов можно считать установленным, благодаря более чем столетним исследованиям в этом регионе

эпонимных памятников салтовской культуры эпохи раннего средневековья. В то же время показательным является наличие в древности в этом месте удобного брода через Северский Донец (Петрухин, 2008: 58). Это же в полной мере относится и к ряду находок из запрутской Молдовы.

Публикуемые кинжалы существенно дополняют левобережный участок цепочки маршрута боевых походов скифов (Фіалко, Болтрик, 2003: 83, рис.29). Было бы довольно заманчиво предположить, что «выпадения в землю» коротких кинжалов рассматриваемой серии произошло во время относительно краткосрочного рейда отдельной группы номадов, двигавшейся от Среднего Дона к переправе у Верхнего Салтова через Северский Донец, далее – по донецко-днепровской лесостепи к запрутской Молдове. Однако, учитывая невозможность более узкого хронологического позиционирования подобных кинжалов, нежели в пределах как минимум всего VI в. до н.э., подобная историческая реконструкция представляется преждевременной.

## Литература

- Алексеев, 1993 – Алексеев А.Ю. Этюды об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1993.
- Апальков, 1993 – Апальков А.Н. Находки скифского времени в Курском Посемье // ПАЗ. 1993. Ч.1.
- Бандуровский, Буйнов, 2000 – Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). К., 2000.
- Белозор, Скорый, 1985 – Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический меч из Киева // СА. 1985. № 1.
- Бруяко, 2005 – Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). Кишинев, 2005.
- Ворошилов, 2007 – Ворошилов А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. 2007. № 3.
- Диамант, Черненко, 1971 – Диамант Э.И., Черненко Е.В. Скифский кинжал из Одесского музея // АИУ 1968 г. 1971. Вып.3.
- Кулатова, 1990 – Кулатова И.М. Кинжал раннеоскифского часу з Сумщини // Питання археології Сумщини. Суми, 1990.
- Кулатова, 1995 – Кулатова И.М. Кинжал // ПАЗ. 1995. Вип.3.
- Либеров, 1962 – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113.
- Максимов, Полесских, 1971 – Максимов Е.К., Полесских М.Р. Заметка об акинаках // СА. 1971. № 2.
- Махортих, Скорый, 1986 – Махортих С.В., Скорый С.А. Мечі та кинджали скіфського типу без наверхш // Археологія. 1986. № 56.
- Медведев, 1999 – Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.
- Мелюкова, 1964 – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
- Мелюкова, 1979 – Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мозолевский, 2005 – Мозолевский Б.Н. Скіфський степ. К., 2005.
- Петрухин, 2008 – Петрухин В.Я. Славянские данники хазар: к истории Восточной Европы в IX веке // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008.



*Платар, 2004* – Платар. Колекція предметів старовини Платонових та Тарут. К., 2004.

*Подобед, 1993* – Подобед В.А. Кинжал // Археологический альманах. Донецк. 1993. № 1.

*Пузикова, 1984* – Пузикова А.И. Акинак из с. Ключ Курской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

*Скорый, 1977* – Скорый С.А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. 1977. № 1.

*Скорый, 1979* – Скорый С.А. Меч из собрания Крымского краеведческого музея // СА. 1979. № 3.

*Скорый, 1981* – Скорый С.А. Скифські довгі мечі // Археологія. 1981. Вип.36.

*Скорый, 1982* – Скорый С.А. «Скифские» мечи с лучковидным перекрестьем // Материалы по

хронологии археологических памятников Украины. К., 1982.

*Фіалко, Болтрик, 2003* – Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. К., 2003.

*Шрамко, Фомін, Солнцев, 1970* – Шрамко Б.А., Фомін Л.Д., Солнцев Л.О. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі // Археологія. 1970. Т.ХХІІІ.

*Шрамко, Фомін, Солнцев, 1971* – Шрамко Б.А., Фомін Л.Д., Солнцев Л.А. Новые исследования техники обработки железа в Скифии // СА. 1971. № 4.

*Яковенко, Покотило, 1979* – Яковенко Е.В., Покотило В.Ф. Скифська зброя в Менському краєзнавчому музеї // Археологія. 1979. Вип.30.

*Vulpe A., 1990* – Vulpe A. Eisenzeitliche Tensen an der unteren und mittleren Donau // PBF. 1990. Abt. VI. Bd.4.



## РИТОН ИЗ БРАТОЛЮБОВСКОГО КУРГАНА (к вопросу о датировке центрального захоронения)

В тайнике центральной могилы Братолюбовского кургана в числе прочих реликвий был обнаружены остатки ритона<sup>1</sup>, впоследствии реставрированного (рис.1, 1). Детали ритона плохо сохранились. Повреждены накладные пластинки на горловине, слегка деформирована головка льва на окончании мундштука. Роговая (?) основа ритона не сохранилась, как и серебряная с позолотой оковка нижней части от обоймы-переходника до мундштука. От нее прослеживались небольшие фрагменты желтовато-серого цвета (Кубишев, Ковальов, 1994: 144). Сохранившиеся металлические детали позволили восстановить форму ритона с большой долей вероятности (*Dal mille al mille*, 1995: cat.36). Общая длина реставрированного сосуда 23 см, диаметр горловины 8,2 см. Горловина была украшена четырьмя пластинами с изображением оленя. Из них две выполнены из тонкого листового золота, а две из серебра, они почти полностью разложились, за исключением мелких фрагментов. Размеры пластинок 7 см – 4,8 см,

высота 6 см. Они были прикреплены к роговой основе при помощи гвоздевидных заклепок с полусферическими головками. Верхний край пластин слегка загнут внутрь, охватывая горловину ритона, а нижний заходит под обойму-переходник. В таком положении, судя по тексту полевого отчета, пластины были зафиксированы при расчистке находок в тайнике. Если это действительно так, то горловина этого ритона была совсем короткой, в отличие от большинства ритонов скифского времени<sup>2</sup>. Известны две находки такого же типа: золотой ритон из 4-го Семибратнего кургана (*SK, 1986, № 110*) середины V в. до н.э. и так называемый малый ритон из тайника северной катакомбы Гаймановой Могилы (*Бідзіля, 1971: 50, рис.5*). Оба они имеют довольно широкий изогнутый («коленчатый») переходник, ограниченный узкими рельефными поясами, гладкий мундштук заканчивается скульптурными бараньими головками. По существу, это не полные ритоны, у обоих отсутствует горловина, выполненная из

<sup>1</sup> Мы придерживаемся традиционной терминологии, хотя в соответствии с древнегреческой традицией, ритонами следовало бы назвать лишь сосуды со сливом, а прочие, в том числе братолюбовский – рогами для питья (Власова, 2000: 46-47, 49).

<sup>2</sup> Таких форм нет как среди археологических находок (Власова, 2000: рис.3), так и среди ритонов, изображенных на скифских изваяниях (Ольховский, Евдокимов, 1994: табл.14). Все они имели либо резкий перегиб тулова (вероятно, металлические или комбинированные ритоны) или – в случае плавного изгиба тулова – длинную горловину (роговые ритоны?).

<sup>3</sup> Е.В.Власова предполагает, что несохранившиеся горловины были выполнены из дерева или рога. Можно предположить, что горловина гаймановского ритона была окована серебром: обломки серебра в большом количестве зафиксированы в нижнем горизонте тайника (информация Ю.В.Болтрика, принимавшего участие в раскопках памятника).



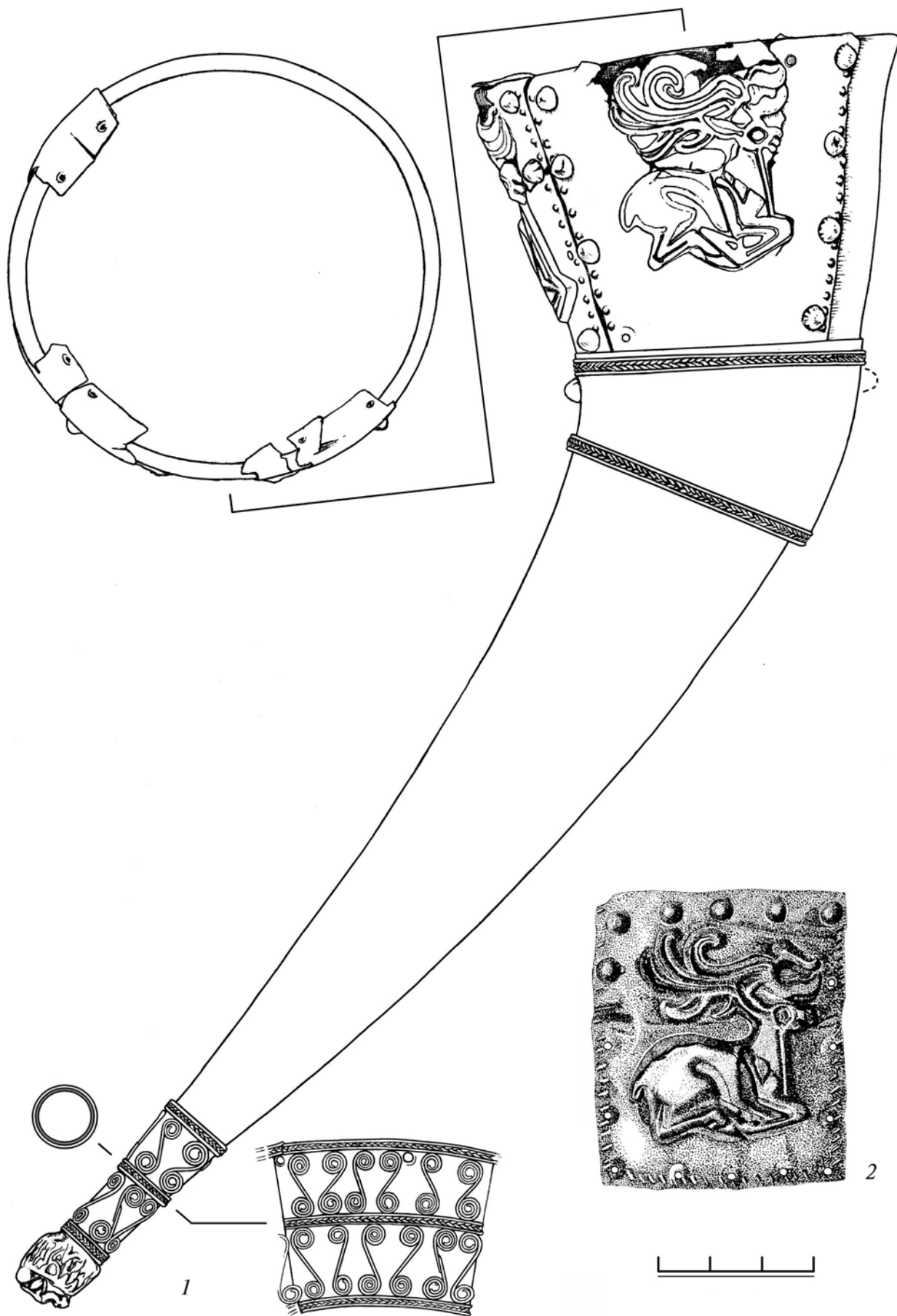


Рис.1. Братолюбовский ритон (1) и золотая пластина из тайника северной гробницы Гаймановой Могилы (2).



нестойких материалов (Власова, 2000: 49)<sup>3</sup>. Братолюбровский и гаймановский ритоны повторяют друг друга по технике исполнения (окованная позолоченным серебром роговая основа с коленчатым переходником и узким мундштуком) и форме, но у братолюбовского ритона более узкий переходник, а мундштук завершается головой льва. К тому же мундштук украшен тремя горизонтальными поясками рубчатой проволоки, между которыми помещены два фриза с эсовидными валютами, выполненными в технике скани.

Как уже упоминалось, у братолюбовского ритона сохранились *in situ* золотые и серебряные накладки выше переходника, которые позволили реконструировать его горловину, впрочем, неестественно короткую. Горловина гаймановского ритона не была зафиксирована, поэтому вопрос о накладных украшениях не возникал. В горизонте, залегавшем выше ритона, находились «дві дерев'яні чаші кулястої форми... Дерев'яні частини їх повністю розпалися від часу, і замість них стояли по чотири золоті платівки, що прикрашали вінця посудин». На одной из чаш были треугольные пластинки с изображением виноградной грозди, а на другой — прямоугольные, украшенные фигурой лежащего оленя (Бідзіля, 1971: 49-50). Судя по схематическому рисунку расположения находок в тайнике<sup>4</sup>, пластины-накладки сгруппированы в противоположной от переходника ритона части тайника. Поэтому приходится, видимо, исключить предположение, что обкладки одной из «чаш» на самом деле принадлежали горловине ритона, положенного раструбом кверху. Так или иначе, 4 пластины с изображением оленя совершенно идентичны пластинам братолюбовского ритона. Если даже они и были украшением чаши, что более обычно для пластин

подобного рода (Манцевич, 1966: рис. 4 и 6), совпадение не только форм и конструкции ритонов, но также и пластин-накладок из двух тайников заслуживают внимания. Эти параллели могут способствовать уточнению даты братолюбовского комплекса, в котором нет надежно датированных находок.

Исследователи сравнивают братолюбровский ритон по таким его элементам как оформление мундштука и переходника. Переходник — гладкая золотая обойма шириной 4 — 2 см, по ее краям прикреплены узкие орнаментированные «косичкой» полоски. Их орнаментация совпадает с орнаментом по краям переходников ритона из кургана №13 у Великой Знаменки (2-я пол. V в. до н.э.) и в центре переходника ритона из Соболевой Могилы (3-я четв. IV в. до н.э.) (Трейстер, 2005: 516, прим.194; Власова, 2000: 58, №11). По оформлению мундштуков указаны такие аналогии как ритоны из Куль-Обы и Толстой Могилы (Власова, 2000: 59). Впрочем, совпадают с братолюбовским экземпляром лишь львиные головки, а орнаментированы они различно. Полной аналогией мундштуку братолюбовского ритона являются украшенные такими же фризами эсовидных валют наконечники золотой гривны из Талаевского кургана, только здесь они несколько уже — в соответствии с толщиной прута гривны (Манцевич, 1957: рис.6). Талаевские наконечники можно, в свою очередь, сравнить с наконечниками плетеной золотой гривны из погребения №2 кургана №2 у с.Корнеевка Запорожской области (Ковалев, Полин, 1991: рис.2, 2, 3)<sup>5</sup>. Это захоронение датировано по амфорам не ранее рубежа V—IV вв. до н.э. (Кац, 1992: 37; Алексеев, 2003: 210-211). Дата талаевского комплекса, к сожалению относится к числу недостаточно определенных<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Благодарю С.В.Полина, ознакомившего меня с архивными материалами по тайнику северной катакомбы Гаймановой Могилы и передавшего публикуемый здесь рисунок золотой пластины.

<sup>5</sup> На эти, а также более ранние аналогии мундштуку братолюбовского ритона указывает также М.Ю.Трейстер (Трейстер, 2005: 515, прим.192).

<sup>6</sup> Ритон из Талаевского кургана был датирован А.П.Манцевич 2-ой четвертью IV в. до н.э. (Манцевич, 1957: 167). Сейчас курган датируют в пределах 400—350 гг. до н.э. (Алексеев, 2003: 296) и даже 3-ей четв. IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин, 2005: 373). С.Г.Колтухов, подготовивший публикацию этого комплекса, датирует его 2-3-ей четв. IV в. до н.э. (устное сообщение С.Г.Колтухова).



Для братолюбовского ритона были предложены две даты. Одна из них — конец V в. до н.э. (Кубишев, Ковальов, 1994: 144) или просто V в. до н.э. (Золото степу: 318-319, кат. 120 г; Власова, 2000: 59, № 13), другая — не позднее начала IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин, 2005: 344). Приведенные выше аналогии — наконечники гривен из Талаевского кургана и кургана у с. Корнеевка — в сумме дают довольно широкую дату — в пределах 1-ой половины IV в. до н.э., хотя одна из них ближе к последней точке зрения.

Обратимся к анализу изображения на золотых пластинах-накладках братолюбовского ритона. Следует отметить, что пластинки такого типа, в том числе с изображением лежащего оленя, чаще использовались для украшения деревянных чаш<sup>7</sup> V — начала IV вв. до н.э. (Манцевич, 1966: рис.4 и б). Известен еще один случай использования образа оленя для орнаментации горловины ритона. «Сдвоенные» головы оленя с большими рогами помещены, наряду с головами грифона и кабана, на небольших пластинах, образующих узкий фриз по краю горловины ритона V в. до н.э. из кургана 13 у Великой Знаменки. С братолюбовским ритоном можно отметить сходство по таким элементам как орнамент в виде «косички», но двойной, на краях переходников (две широкие обоймы, орнаментированные сложной плетенкой) и форма мундштука, также разделенного на две зоны, с львиной головкой на конце. Тулово ритона было изготовлено из дерева и плакировано серебром (Золото степу: 318, кат. 120-с). От братолюбовского и малого гаймановского ритонов он, как и большинство скифских ритонов, отличается резким перегибом тулова и высокой горловиной.

Поза, в которой изображен олень на накладках братолюбовского ритона, характерна для лежащего животного (Ермолова,

1980: 362). По отношению к образам звериного стиля выделяют два варианта позы «оленя с подогнутыми ногами»: «летающего», характерного для периода архаики, и лежащего (Канторович, 1994; 1998). Братолюбовский олень относится к последней разновидности, хотя большие разветвленные рога, лежащие параллельно спине, напоминают «летающего» оленя. У оленя маленькая голова с большим округлым глазом, укороченной широкой мордой. Основание крупных ветвистых рогов приподнято над головой наподобие пальметки с двумя широкими короткими отростками, направленными вперед и тремя длинными ветвями с плавно загнутыми концами, лежащими над спиной. От нижнего ответвления отходят вниз два отростка. На переходе от шеи к груди помещена гладкая наклонная полоска. Копыта согнутых ног соприкасаются, причем лучезапястные суставы в обоих случаях согнуты. Лопатка изображена в форме крупного треугольника, разделенного продольной линией на две неравные части. Меньшая часть воспринимается как «дробная» лопатка, присутствующая на изображениях V в. до н.э. Большая — правая — часть представляет треугольник с одной изогнутой стороной, вершина его заканчивается двухчастной вставкой.

Выделение специальными значками лопатки и бедра — давняя традиция изображения животных в ближневосточном искусстве (Канторович, 1994: 73), в частности, искусства Урарту (Кисель, 1997: 17-18) и древнего Ирана. Таким образом, подчеркивались мускулы, соединявшие ногу с бедром или плечом. В скифском искусстве V—IV вв. до н.э. значки на лопатках животных появляются, вероятно, под влиянием искусства ахеменидского Ирана, где они уже превратились в «декоративную абстракцию» (Переводчикова, 1994: 131;

<sup>7</sup> Золотые накладки сосудов, в том числе с изображением оленей, входят в комплекс II группы памятников культуры классической Скифии V в. до н.э. (Алексеев, 2003: рис.26, 21). Вполне вероятно, что ряд пластин с отверстиями для прикрепления и с закраиной сверху могли украшать горловины ритонов (см. Власова, 2000: 51, 57). Например, идентичные изображения стилизованной орлиной головы помещены на золотых накладках чаши из I Завадской Могилы (Мозолевский, 1980: рис.47) и раструбе ритона на каменном изваянии из Терновки (Ольховский, Евдокимов, 1994: кат.11).





Рис.2. Изображения оленей на золотых накладных пластинах V–IV вв. до н.э.

1 – Ак-Мечеть; 2 – 1-я Завадская Могила; 3 – Солоха, боковое погребение; 4 – Яснозорье, кург.1, погр.1; 5 – Яснозорье, кург.2, погр.2; 6 – Песочин, кург.32; 7 – Малая Лепетиха, кург.9, погр.4.



Канторович, 1998: 164). Одной из разновидностей этой абстракции являются «восьмерковидные» вставки на лопатках львов и быков рельефов Персепольского дворца (Переводчикова, 1994: 131-132, рис.17, 6, 7; Канторович, 1994: 73)<sup>8</sup>, послуживших образцами для многочисленных произведений прикладного искусства. Подражанием упомянутому изобразительному элементу являются сдвоенные круглые значки, украшающие лопатки оленей на золотых пластинах чаш из бокового погребения Солохи<sup>9</sup>. Изображения эти (рис.2, 3) типологически близки братолюбовским, хотя и отличаются рядом деталей, прежде всего манерой стилизации рогов (Манцевич, 1987: 68, кат.46, 1-ый вариант; Канторович, 1998, табл.1, 1)<sup>10</sup>. У оленей братолюбовского ритона двухчастная вставка воспринимается уже как чисто декоративный элемент, даже по расположению – в верхней части лопатки – не связанный с мускулатурой.

В целом же братолюбовские олени, как и олени из Солохи, наследуют изобразительную схему 1-ой половины V в. до н.э., представленную на золотых накладках деревянного сосуда из Ак-Мечети (рис.2, 1), включая такие детали как мотив «дробной лопатки», внутренний контур бедра, приподнятое над головой основание рогов (Манцевич, 1966: рис.6, 13). Этот же образ – на золотых накладках чаш из I Завадской Могилы (рис.2, 2) последней трети V в. до н.э. и IV Испановой Могилы, из них последний ближе к братолюбовскому (Мозолевский, 1980: рис.83 и 47). Более близки братолюбовским олени на золотых накладках чаш (рис.2, 4, 5) из погреб. 1 кургана 1<sup>11</sup> и

погреб. 2 кургана 2 у с.Яснозорье конца V в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994: 47, 49, 51, рис.2, 4; 3, 2). Олень на пластинке из кургана 1, в свою очередь, чрезвычайно близок оленю на золотом налобнике из кургана 401 у с. Журовка, комплекс которого датирован 1 пол. V в. до н.э. (Петренко, 1967: 82, табл.28, 3). Дальнейшей стилизацией «ак-мечетского» образца является золотая пластинка из кургана 32 Песочинского могильника, комплекс которого датирован 2-3 четвертями IV в. до н.э. Сама же пластинка отнесена ко 2-ой четверти столетия (рис.2, 6). Оттиск нечеткий, но схожи позы оленей, пропорции их туловищ, общий контур рогов с тремя большими ветвями (Бабенко, 2005: 168, 170, рис.38, 2). Это изображение, пожалуй, ближе всего к братолюбовским оленям, хотя и составляет один вариант с яснозорскими (разворот влево, ребра).

Практически полной аналогией оленю на братолюбовском ритоне являются упоминавшиеся уже изображения на золотых пластинках чаши №3 из тайника северной катакомбы Гаймановой Могилы<sup>12</sup>. Совпадают в деталях рисунок рогов, степень изогнутости ног, форма морды и хвоста, все пропорции туловища (рис.1, 2). Но самое главное – братолюбовские и гаймановские изображения совпадают в размерах. При промерах фигур по крайним точкам расхождения составляют 1-2 мм, причем эти различия наблюдаются и между изображениями на четырех гаймановских пластинках и двух (сохранившихся) братолюбовских. Среди них нет двух совершенно идентичных оттисков. Можно утверждать,

<sup>8</sup> Под влиянием искусства ахеменидского Ирана приемы выделения лопатки и бедра животного значками «точка с запятой» («яблоко и груша») широко распространились в искусстве Алтая и Южного Приуралья V–IV вв. до н.э. (Переводчикова, 1994: 131-132, рис.16 и 17; Королькова, 1995: 85, рис. 4, 7, 8).

<sup>9</sup> Ср. также с оформлением лопатки кабана на золотых пластинах из кург. 5 у с.Архангельская Слобода (Лесков, 1972: 56-59, илл.37), синхронного Солохе, то есть 1-ой четверти IV в. до н.э.

<sup>10</sup> Эта изобразительная схема, особенностью которой являются близкий к квадрату контур фигуры и «веерообразные» рога, представлена в ряде комплексов начала и 2-ой четв. IV в. до н.э.: кургане в окрестностях Пастырского городища (Петренко, 1967: 95, табл.19, 26, 28), кургане 2 Песочинского могильника (Бабенко, 2005: 160, рис.4, 12), кургане у с.Дарьевка (Бобринский, 1894, табл.X, 2) и ряде других.

<sup>11</sup> Курган 1 был исследован С.А.Скорым.

<sup>12</sup> В публикации 1971 года (Бідзіля, 1971: рис.5) пластина дана в «зеркальном» изображении, на самом деле все четыре оленя, как и на братолюбовских накладках, повернуты вправо.



что братолюбовские и гаймановские олени сделаны одним (слегка подправленным?) штампом или же двумя штампами, изготовленными по одному образцу, как, например, солохские бляшки 1 и 2 вариантов (Манцевич, 1987, кат.46, с.67). Следовательно, даты изготовления братолюбовского и гаймановского ритонов должны быть предельно близкими, что, в свою очередь, позволяет предполагать временную близость захоронений, где они найдены. Гаймановские пластины лучшей сохранности по сравнению с братолюбовскими, но они сделаны более сработанным штампом. «Размыты» контуры некоторых отростков рогов, а также копыт, сами рога «висят» над головой. Еще одно отличие – в верхней части лопатки гаймановского оленя, также разделенной на две неравные половины, помещена вставка, но одночастная, каплевидной (бутоновидной) формы.

Комплекс Гаймановой Могилы, содержащий амфорный и другой импортный материал, был датирован вскоре после открытия «серединую, а точнее началом второй половины IV в. до н.э.» (Бідзіля, 1971: 55). Эту дату называют и сейчас – как в отношении всего кургана в целом, так и северной могилы, содержавшей наибольшее количество инвентаря. В частности, здесь найдена фасосская амфора с клеймом 340–320 гг. до н.э. по хронологии Ю.Г.Виноградова (Алексеев, 2003: 263 и прим.318, здесь же о датировках С.Ю.Монахова по амфорному материалу Гаймановой Могилы в целом). А.Ю.Алексеев помещает северную катакомбу Гаймановой Могилы в начало пласта Б III группы памятников классической культуры Скифии, что соответствует времени от середины IV в. до н.э. и выше (Алексеев, 2003: 276, 277). Для кургана в целом допускается дата 360–325/320 гг. до н.э. (Алексеев, 2003: 286, 296). В настоящее время

С.В.Полин, подготовивший монографическое исследование по всему кургану, датирует северную гробницу Гаймановой Могилы 360–350 гг. до н.э., а центральную гробницу – временем около 390 г. до н.э. В интервале между этими комплексами помещены два других впускных погребения этого кургана (Полин, 2009). Таким образом, братолюбовские и гаймановские пластины, вышедшие, судя по всему, из одной мастерской, имеют в качестве верхнего временного предела конец 2-ой четверти IV в. до н.э. Что касается нижнего предела, то стилистические особенности изображения братолюбовского и гаймановского оленей указывают на их близость к изделиям «периода Солохи», то есть 1-ой четверти IV в. до н.э. Впрочем, пластинки в виде лежащего оленя, весьма близкие солохским, найдены в курганах у с. Дарьевка (Бобринский, 1894, табл. X, 2) и кургане 22 Песочинского могильника<sup>13</sup>, датированных по античной керамике 2-ой четвертью IV в. до н.э. (см. Бабенко, 2005: 168, рис.31, 5). Следует отметить, что братолюбовские и гаймановские олени не выглядят «моложе» солохских, скорее наоборот – первые ближе к исходным образцам V в. до н.э. Вероятно, все дело в традициях различных мастерских<sup>14</sup>. Период 2-ой четверти IV в. до н.э. – это время, когда «затухают» многие проявления классической культуры Скифии V в. до н.э., в том числе традиция изготовления сосудов с накладными металлическими пластинами. Их нет ни в одном надежно датированном комплексе Приднепровья 2-ой половины IV в. до н.э. Поскольку братолюбовская и гаймановская пластины – ярко выраженные накладные украшения, и учитывая стилистическую их близость к образцам конца V – 1-ой четверти IV вв. до н.э., а также время захоронения в северной гробнице Гаймановой Могилы, можно

<sup>13</sup> Пластинка из кургана 32 Песочинского могильника (рис.2, б) показывает, что вариант «акмечетского» образа оленя, представленный на братолюбовском ритоне, также доживает примерно до этого времени. Комплекс этого кургана датирован 2–3 четв. IV в. до н.э., причем нижний хронологический рубеж – время изготовления пластины как накладного украшения, а верхний – время помещения его в захоронение уже как украшения нашивного (Бабенко, 2005: 130, 170).

<sup>14</sup> Солохские пластины, вероятно, изготовлены не греческим мастером в каком-то центре в северной части Скифии (происходят преимущественно с территории лесостепи). Не исключено, что условность изображения обусловлена небольшими размерами пластинок (2,4х2,5 см и т.д.)



предположить, что они были изготовлены не позже конца 1-ой – начала 2-ой четвертей столетия<sup>15</sup>. Концом 2-ой четверти – серединой IV в. до н.э. можно датировать нашивные пластинки несколько иного типа (рис.2, 7) из погр. 4 кургана 9 у с. Малая Лепетиха (*Вітрик, Данилко, 2002, рис.6*)<sup>16</sup>. Образ лежащего оленя представлен и на однотипных прямоугольных бляшках 3-ей четверти

IV в. до н.э. (Деев курган, Шульговка, Будки), заметно отличающихся от упомянутых выше<sup>17</sup> (*ОАК 1897: 74, №54; Онайко, 1970: табл.XLII, 498d, 812b*). Что касается даты захоронения в центральной гробнице Братолюбовского кургана, то оно, учитывая период бытования ритона, который вряд ли был долгим, вполне могло быть совершено в пределах 2-ой четверти IV в. до н.э.

## Литература

*Алексеев, 2003* – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.

*Бабенко, 2005* – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. – Харьков.

*Бідзіля, 1971* – Бідзіля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. №1.

*Бобринский, 1894* – Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – Т.П. – СПб.

*Брашинский, 1980* – Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э.

*Вітрик, Данилко, 2002* – Вітрик І.С., Данилко Н.М. Поховання знатної скіфянки у «Великому кургані» М.І.Веселовського // МЧ. –К.

*Власова, 2000* – Власова Е.В. Скифский рог // Антикное Причерноморье. СПб.

*Ермолова, 1980* – Ермолова Н.М. К вопросу об интерпретации изображений животных // ССКИЕ. Кемерово.

*Золото Степу, 1991* – Золото Степу. Археологія України. – Київ-Шлезвіг.

*Канторович, 1994* – Канторович А.Р. Образ оленя в искусстве звериного стиля степной Скифии // ПССА. – Запорожье.

*Канторович, 1998* – Канторович А.Р. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии // ВДИ. – 1998. №3.

*Кац, 1992* – Кац В.И. Принципы использования керамических клеев в качестве датирующего материала скифских погребальных сооружений // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Мелитополь.

*Кисель, 1997* – Кисель В.А. Священная секира скифов. СПб.

*Ковалев, Полин, 1991* – Ковалев Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с.Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии. – К.

*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // ДС. – К.

*Королькова, 1995* – Королькова Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. – Вып.32.

*Кубишев, Ковальов, 1994* – Кубишев А. И., Ковальов М.В. Скiфський Братолюбiвський курган на Херсонщині // Археологія. 1994. №1.

<sup>15</sup> В качестве хроноиндикатора можно, вероятно, использовать значки на лопатках животных. В искусстве Скифии они характерны для 1-ой трети IV в. до н.э. В рамках этого периода совершены впускное захоронение Солохи, синхронное ему захоронение в кург.5 у с. Архангельская Слобода (значки на лопатке кабана), а также захоронения Бердянского кургана (см. *Мозолевский, Полин, 2005: 362*), где фигура хищника (костяной гребень) имеет каплевидную вставку на лопатке (*Чердиченко, Мурзін, 1996: рис.3*), подобно гаймановскому оленю.

<sup>16</sup> Авторы публикации датируют его 2-й четвертью IV в. до н.э. по типу ювелирных украшений (*Вітрик, Данилко, 2002: 143*), однако, судя по амфорам Менды, это 2-я четверть – середина IV в. до н.э. (*Брашинский, 1980: III, №46*). К тому же, сам олень, снабженный «бородой», напоминает оленя бронзового навершия из Чмыревой Могилы (*СК, 1986: №273*), помещаемой в один горизонт с северной гробницей Гаймановой Могилы (*Алексеев, 2003: 277, 296*), то есть в конец 2-ой четверти – середину IV в. до н.э. Кстати, олень-навершие имеет на лопатке стилизованный двухчастный значок, что сближает его с братолюбовским оленем и подтверждает факт «доживания» в этот период в изобразительном искусстве некоторых приемов периода Солохи и Бердянского кургана.

<sup>17</sup> Этот вариант можно считать стилизацией образа, представленного в начале IV в. до н.э. на бронзовых навершиях из восточной могилы Бердянского кургана и к.5 у с. Архангельская Слобода (*Чердиченко, Фиалко, 1988: рис.6, 1, 2; Лесков, 1972: илл.36*). У него короткая шея и массивный рог, ниспадающий на спину и заканчивающийся короткими заостренными отростками.



- Лесков, 1972* – Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. – Л.
- Манцевич, 1957* – Манцевич А.П. Ритон Талаевского кургана // ИАДК. Киев.
- Манцевич, 1966* – Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып.8.
- Манцевич, 1987* – Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л.
- Мозолевский, 1980* – Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г.Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К.
- Мозолевский, Полин, 2005* – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев.
- ОАК 1897* – СПб., 1900.
- Ольховский, Евдокимов, 1994* – Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. К.
- Онайко, 1970* – Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. (САИ Д1-27).
- Переводчикова, 1994* – Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. – М.
- Петренко, 1967* – Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. – М. (САИ Д1-4).
- Полин, 2009* – Полин С.В. О датировке Гаймановой Могилы // ПССА. – Запорожье.
- Трейстер, 2005* – Трейстер М.Ю. Серебряная посуда из Соболевой Могилы // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). К.
- Чередниченко, Фиалко, 1988* – Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. – 1988. – №2.
- Чередниченко М.М., Мурзін В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія. – 1996. №1.
- SK, 1986* – Skythische Kunst. Altertümer der scythischen Welt mitte des 7. bis 3. Jahrhundert v. u.Z. – Leningrad.
- Dal mille al mille, 1995* – Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. – Milano.



## **ПОВОЗКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЦЕЛОСТНОСТИ КОМПЛЕКСА СКИФСКОГО КУРГАНА**

Процесс понимания исследователями скифского кургана как единого ансамбля, где все элементы (в том числе и боковые могилы) подчинены идее успешного перехода и достойной жизни главного погребенного в потустороннем мире, протекает неторопливо. В подавляющем большинстве скифские курганы представляют собой моноактные объекты. Археологам — «курганщикам» приходится отказываться от стереотипного восприятия скифского кургана как погребального комплекса, могилы в котором как бы накапливались во времени. Предложенное десять лет тому назад представление о кургане как единой заранее спланированной системе начинает находить понимание не только среди скифологов, подтверждением тому — одна из статей в настоящем сборнике. В поисках дополнительных аргументов, к приведенным ранее (сходство композиционных схем, стратиграфически подтвержденные случаи синхронности вторых входных ям) (*Болтрик, 2000: 129-137*), целесообразно использовать остатки и следы повозок в комплексах курганов. Такой подход, на наш взгляд, правомерен, поскольку повозки, невзирая на их размещение в разных точках кургана, в большинстве случаев связаны с главным погребенным.

Последние три десятилетия, благодаря С.С. Бессоновой, в скифологии утвердилось мнение о том, что повозки, как элементы траурного поезда, связаны с погребениями женщин в кургане. Интерпретируя уникальную надгробную стелу из Трехбратнего кургана с рельефным изображением женщины в квадриге и всадника перед ней<sup>1</sup>, исследовательница выдвинула предположение о различных транспортных средствах для перемещения скифов в потусторонний мир. По этой версии, мужчина совершал последнее путешествие на коне, а женщина в повозке (*Бессонова, Кирилин, 1977: 128-139; Бессонова, 1982: 102-117*). Свои выводы С.С. Бессонова подкрепила рядом археологических примеров и описанием из «Старшей Эдды» путешествия в потусторонний мир Сигурда верхом, а его жены Брюннехильд в повозке. Активное принятие Б.Н. Мозолевским этой трактовки (*Мозолевский, 1979: 173*) в определенной мере канонизировало не столько связь женских могил с повозками (абсолютно бесспорную), сколько асинхронность подкурганых сооружений скифских погребальных комплексов<sup>2</sup>. Развивая идею взаимозависимости в погребальном комплексе связки «женщина и повозка», Борис Николаевич, на наш взгляд, пришел к неверному

<sup>1</sup> Иные интерпретации изображения на рельефе из Старшего Трехбратнего кургана приведены в полной публикации материалов Трехбратних курганов (*Кройц, 2008: 131-137*).

<sup>2</sup> В своих последних работах Б.Н. Мозолевский приблизился к пониманию скифского кургана как единого ансамбля (*Мозолевский, 1992: 64; Мозолевский 1992: 75-76*).





выводу о превалировании могил женщин как основных, а владелиц повозок считал жрицами (Мозолевский, 1979: 158, табл. 6, 163; Тереножкин, Мозолевский, 1988: 165-166). По его «осторожному предположению» умерщвленная хранительница домашнего очага ждала своего господина в кургане, пока «царя» сорок дней возили по стране, «а затем через впускной ход вносили» в усыпальницу (Мозолевский, 1992: 64).

Таким образом, возобладало алогичное по своей сути суждение, которое лишало главных погребенных повозки или повозок, оставляя приоритет владения этой важной частью погребального кортежа персонажам второго порядка – зависимым женщинам. Иными словами, господин оставался без повозки, а одна из сопровождавших его жен или наложница обладала двумя экипажами. Это ошибочное суждение в большей части базируется на том обстоятельстве, что, на фоне разрушенных ограблениями основных гробниц, достаточно богатый инвентарь боковых могил выступал своеобразной психологической преградой на пути признания их сопровождающими, то есть подчиненными главному погребенному.

В то же время на других территориях повозка связывается с мужскими погребениями. С.С.Бессонова замечает, что в пяти «Прикубанских меотских курганах, в отличие от скифских и сарматских, повозки являются собственностью мужчин» (Бессонова, 1982: 115). Широко известна повозка из погребальной камеры кельтского «князя» из кургана Хохдорф у г. Штуттгард на юго-западе Германии (Biel, 1998). Еще Геродот отмечал привязанность скифских женщин к повозке как к дому кочевника (IV, 46). Но наряду с этим отец истории сообщал, что умершего скифского царя возят на повозке от племени к племени (IV, 71), «других же скифов, когда они умрут, близкие родственники везут, положив на повозки, к друзьям» (IV, 73). Таким образом, поскольку повозку использовали при похоронах значимых для скифского общества мужчин, то и она должна была находить свое место в комплексе кургана.

И действительно в курганах, диапазон высот которых пребывает в интервале

от 1,5 до 4 м, элементы повозок и их декор соотносятся с центральной могилой – т.е. с главным погребенным. По мере же увеличения размеров насыпей погребальных комплексов (диапазон от 5,2 м и выше) части разобранных экипажей перемещаются к боковым могилам (внутри или рядом с ними), в которых находятся погребения женщин и их свиты (см. табл. 1). С другой стороны, с увеличением размеров насыпи возрастает и количество, и разнообразие блях, декорировавших тенты повозок. Это связано как с пышностью убранства, так и с увеличением количества повозок до двух и более экипажей.

По две повозки содержат боковые могилы Александрополя и Казенной Могилы, что при достаточно ординарном характере иного инвентаря в них свидетельствует о зависимом положении погребенных. Совпадение секторов размещения повозок в разных курганах, как и сам факт их находок у боковых могил, косвенным образом подчеркивает дополнительный или точнее зависимый характер этих сооружений. Дополнительным доказательством существования синхронных главной могиле сопровождающих гробниц служат условия местонахождения повозок. Разобранные повозки в ряде курганов (Бердянский, Казенная Могила, Александрополь, Братолюбовский, Гайманова Могила) оставляли в боковых могилах, устроенных в северо-западном или юго-западном секторе (30-35° от оси С-Ю).

Впрочем, в больших и сверхбольших курганах повозки помещали и в центральных могилах или рядом с ними (9 случаев против 9 находок в боковых могилах), но во многих памятниках их следы просто не сохранились. В Гаймановой Могиле – следы повозок есть как в центральной, так и в двух боковых могилах. В этом памятнике, помимо остатков колес и бортов повозок во входных ямах и в устьях дромосов, части бронзовых составляющих декора повозок в виде нескольких скоплений были оставлены в западном секторе подкурганной поверхности. Комплект № 7 (с навершиями) оказался под крепидой близ Северной могилы. Этот факт вряд ли случаен, поскольку комплект № 3, среди которого



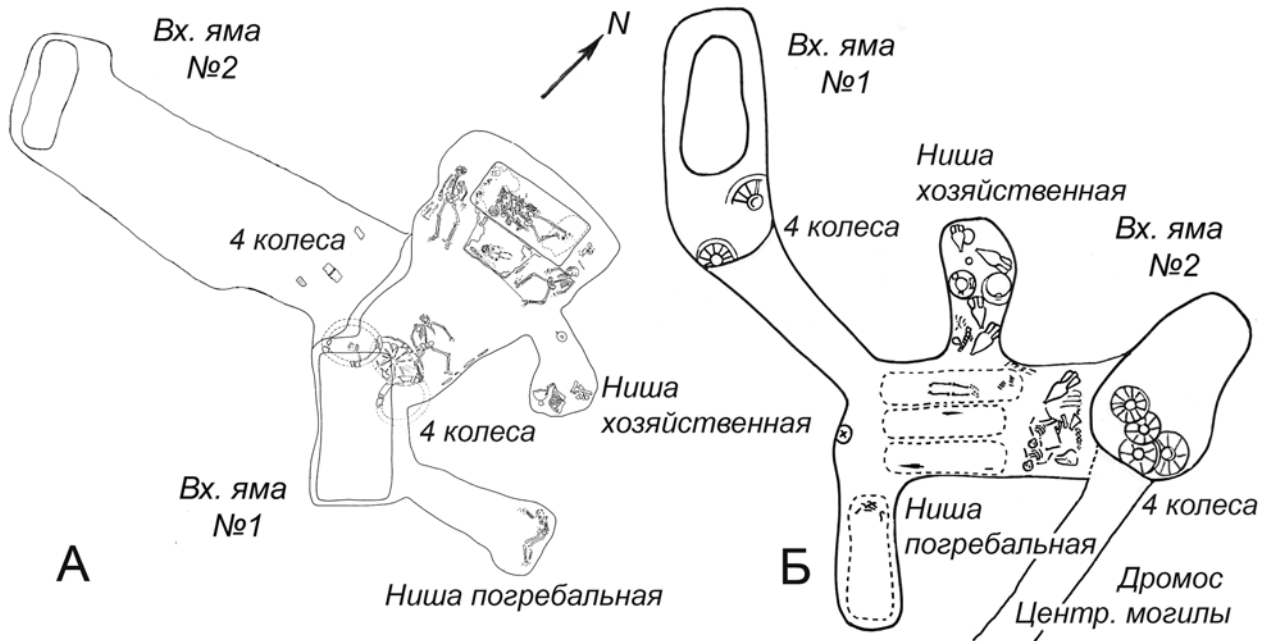


Рис. 1. Подобие схем вспомогательных погребальных сооружений Толстой и Гаймановой Могил.

А – боковая гробница Толстой Могилы; Б – Северная гробница Гаймановой Могилы.

помимо уздечных принадлежностей были и бронзовые нашивные бляхи, перекрывал заполнение входной ямы № 1 этой могилы (Бидзиля, 1971: 20). По всей видимости, скопления бронз находились за внешней линией первоначальной обваловки – на участке от оси погребальной дорожки (отмеченной отпечатками камыша) до места сооружения входной ямы № 1.

Примечательно определенное сходство схем боковых гробниц в Гаймановой и Толстой Могилах (рис. 1). Входы в гробницы заложены колесами, в Толстой Могиле они унесены далеко в дромос. Помимо двух входных ям погребальные камеры имеют по две ниши – для погребения слуг и для инвентаря. Обе могилы имели близкое количество погребенных – шесть в Толстой и, вероятно, семь в Гаймановой Могиле. Обращает на себя внимание и оторванность одной из входных ям, и соединение ее с камерой при помощи дромоса. Тогда как противоположные входные ямы были, как бы посажены на камеры, причем так, что угол их как будто смотрел на ось этих камер. Примечательно и то, что близ этих углов оказались тела «рабов», положенные с раскинутыми руками и ногами. Отметим небольшое отличие – в Гаймановой

Могиле вход закрывали тела двух подростков и коня, тогда как в Толстой Могиле у входа был один охранник. Конь и охранник у входа были и в слепом ходу при входной яме центрального погребального сооружения (ЦПС) Огуза. То есть они были положены как бы в стороне от главного дромоса. И эту же схему мы наблюдаем в Северной гробнице Гаймановой Могилы. Если трактовать так называемый грабительский ход, идущий из второй входной ямы Северной могилы, как длинный дромос Центральной могилы, то становится понятной ориентация этой входной ямы и расположение колес в ней – они запирали вход в камеру Северной могилы и в большей степени вход в длинный дромос. Сопоставление сходных схем Огуза и Гаймановой Могилы (рис. 2) заставляет по-иному взглянуть на Южную могилу, открытую В.Н.Ротом в первом из них – она такое же дополнение ЦПС, как и Северная гробница в Гаймановой Могиле – не совпадают ориентация и размеры памятников. И в этой связи примечательно сходство отдельных женских могил в этих памятниках. Но, помимо заслонов устьев камер, устроенных из бортов повозок в обеих гробницах, огузская Северная Могила имела большие скопления нашивных

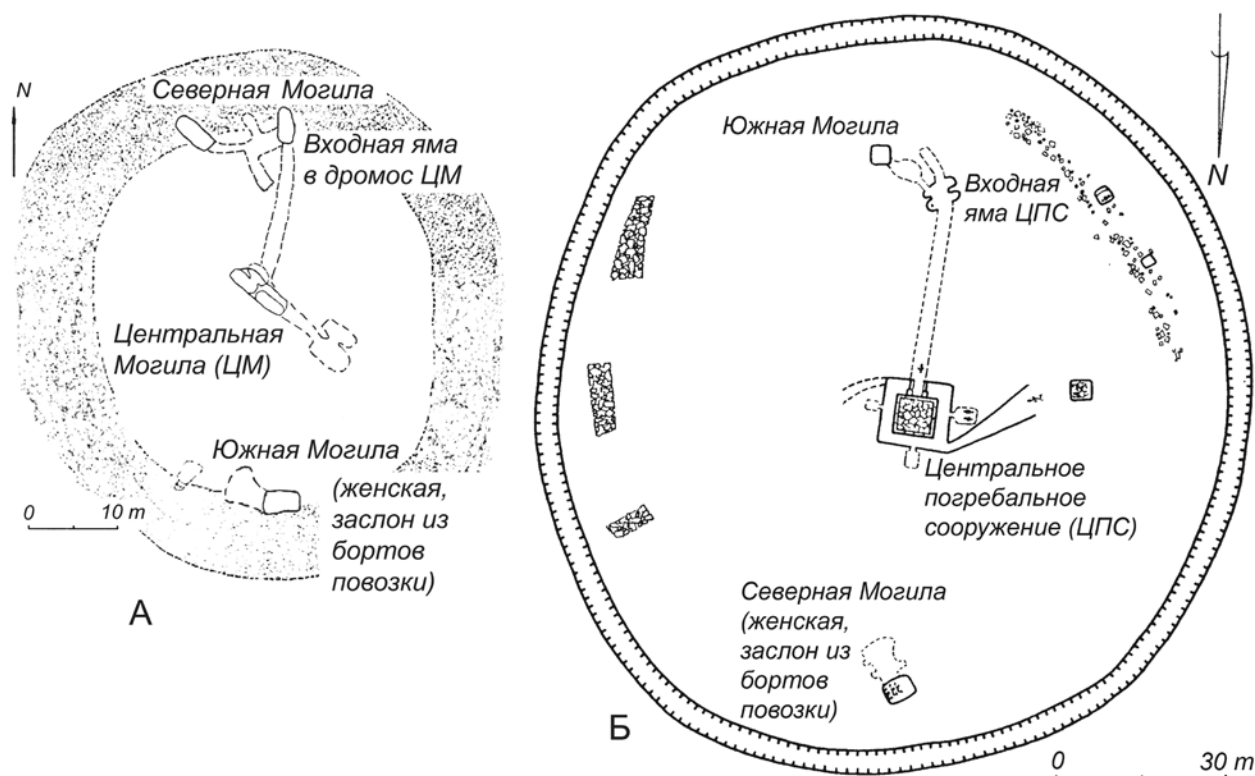


Рис. 2. Совпадение схем расположения вспомогательных погребальных сооружений на подкурганном пространстве Гаймановой Могилы и кургана Огуз.

А – план Гаймановой Могилы; Б – план кургана Огуз.

бронзовых пластин от тентов повозок. Все эти совпадения можно объяснить существованием единого погребального канона, в котором позволялось менять ориентацию сооружений, или же общая планировка кургана зависела от внешних факторов, например, реки или соседней дороги.

С точки зрения единства всего комплекса кургана заслуживают внимания наблюдения Б.Н. Мозолевого на Толстой Могиле. «Выкид у боковой могилы был перекрыт слоем чернозема толщиной до 2 м. Однако следов досыпки кургана над ним не прослеживалось» (Мозолевский, 1979: 94). «Выкид из второй входной ямы не прослеживается. Возможно, он был смешан с выкидом первой ямы» (Мозолевский, 1979: 99). И это притом, что по взглядам на курган времен исследования Толстой Могилы, все входные ямы увязывались с новым этапом в возведении кургана.

Следует заметить, что еще один важный памятник, содержащий следы по-

возок, остался вне поля зрения исследователей. Это курган Козел, а на наличие в нем повозки (и, похоже, не одной), указывают отрывочные сведения И.Е. Забелина из разных источников. Так в донесении в Археологическую комиссию, описывая конские могилы к западу от центральной входной ямы Козла, он сообщал: «кони первоначально не были засыпаны землей, а были покрыты вдоль всей гробницы тремя деревянными брусьями в четверть толщины<sup>3</sup> (около 9 см) и по брусьям прутьями, лозами и небольшими кругляшками. Эта деревянная покрывка была скреплена на концах железными гвоздями и сколочена железными тонкими полосками (Архив ИИМК РАН фонд 1, дело №11/1865: 5). И в насыпи кургана И.Е. Забелин отмечал следы повозок, еще не осознавая этого. А в записной книжке за 1865 год он пишет, что в первый день (2 июня) раскопок Козла, в насыпи на глубине около 1 м, в 25 м к западу от центра нашли «6 железных гвоздей

<sup>3</sup> Подобного размера брусья вертикально перекрывали вход в дромос Северной Могилы Огуза.



согнутых в виде скоб, подобных, как найденные в Чертомлыке в самой гробнице». На третий день «нашли в северо-западном углу ручку амфоры небольшой, а на западе найдена большая железная обойма, верно, недавнего времени<sup>4</sup>» (Забелин, 2001: 264-265). Затем 25 июня: «...гробница коней. Здесь же выше попадались куски дерева с гвоздями в виде скобы и один кругляк» (Забелин, 2001: 273). 2 июля исследователь отмечает, что «дерево попадает в западном конце у южной стены» (Забелин, 2001: 274). В «Описи вещей найденных в кургане Козел» при описании гробниц на материке (Могила коней и конюших) под №№ 153-156 Иван Егорович приводит: железные гвозди, крепи, скобки и две обоймицы. А в главной гробнице под №№ 160-163 фиксирует железную обойму, гвозди и крепи (Отдел письменных источников ГИМ фонд 440, *ед.хр.*263). О том, что повозки в кургане Козел были раскрашены, свидетельствует отпечаток краски на черноземе с могилы конюшего, найденный 14 июля. «...На поверхности материка лежала доска, закрывавшая могилу, совсем уже сгнившая, так что от нее не осталось и следов. На черноземе же, на котором лежала, остались следы красок: карминной, белой и синей и приметил арабеск, состоявший из синих и красных травоподобных» (Забелин, 2001: 276-277). Таким образом, информация И.Е. Забелина указывает на присутствие в комплексе центральной могилы кургана Козел разобранной повозки (или повозок). Это в определенной мере перекликается с ситуацией Краснокутского кургана. С другой стороны, эти курганы были раскопаны узкими траншеями, открывшими около

8% подкурганного пространства. Поэтому вполне вероятно наличие дополнительных сооружений в этих памятниках, тем более, что оба они имеют уходящие от центра к периферии подземные ходы.

Снаряжение в мир иной умершего среднего и высшего социальных уровней у скифов сопровождалось помещением в различные части кургана бронзовых аппликаций на тенты и крепежные ремни, а также наверх, украшавших повозки. Последние являются одной из наиболее репрезентативных категорий артефактов материальной культуры скифов. Предпринимались многочисленные попытки определить функциональное назначение наверх, так и не приведшие к единой точке зрения (Minns, 1913: 78; Шлеев, 1950: 52-53; Іллінська, 1963: 49-52; Вакау, 1971: 51-54; Переводчикова, Раевский, 1981: 42-43). Предположения по поводу назначения наверх распадаются на две группы. Одна группа исследователей считает их инсигниями власти, подобно штандартам, бунчукам, либо шаманским жезлам<sup>5</sup>, иная так или иначе связывает их назначения с повозками — в них усматривали декор верхней части повозок, их дышел или даже осей<sup>6</sup>.

На взаимосвязь наверх с остатками повозок, начиная с И.Е. Забелина, обращали внимание многие исследователи. Отмечали и то обстоятельство, что наверх встречаются либо парами, либо по четыре, что позволяло усматривать в них украшения верхней части повозки (Minns, 1913: 77; Ростовцев, 1914: 511). Руководствуясь типологией наверх, предложенной Е.В. Переводчиковой (1980: 23-44), мы разделили массив наверх, происходящий

<sup>4</sup> Железные обоймы от повозки были найдены в большом количестве при раскопках Гаймановой Могилы. И поскольку выше были найдены гвозди, подобные чертомлыцким, то скорее всего и этот артефакт древний.

<sup>5</sup> Как аналоги приводят римские штандарты либо знаки, тюркские и казацкие бунчуки. А.С. Лаппо-Данилевский считал наверх деталями знамен, опираясь на сообщение Арриана (*Тактика*, 51) о драконах на знаменах скифов (Лаппо-Данилевский, 1887: 95). Е. Миннс по поводу этого пассажи замечал, что у Арриана шла речь об изображениях драконов на ткани и к бронзовым грифонам это не имеет никакого отношения (Minns, 1913: 77).

<sup>6</sup> Прослеживается следующая закономерность: при рассмотрении наверх лишь из нижнеднепровских курганов почти все исследователи считают их частями повозок; когда же привлекают более ранние артефакты из памятников Кубани или Посулья, то возникает некая неопределенность, которая заводит проблему в тупик. И уже как выход из него, возникает идея функциональной поливариантности этой категории предметов.



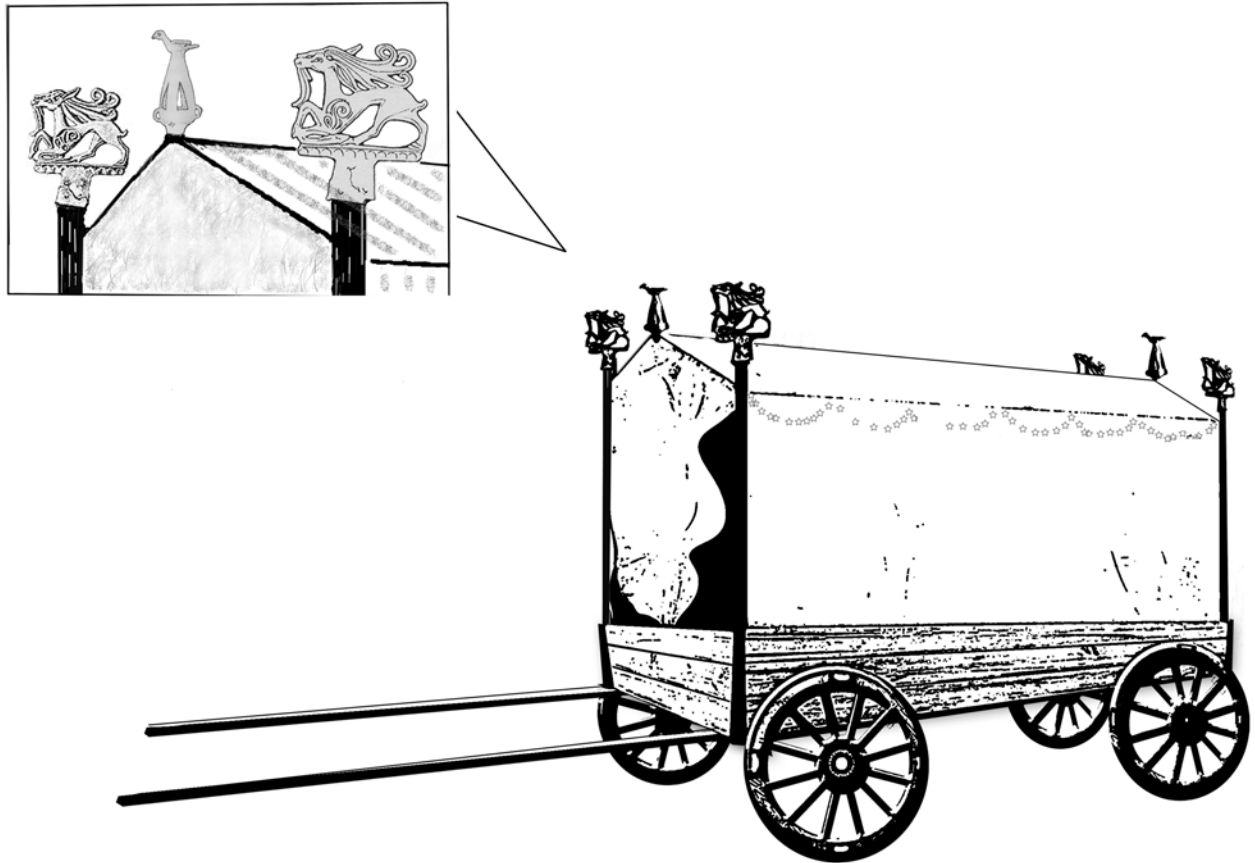


Рис. 3. Вариант реконструкции размещения наверший на повозке из Гаймановой Могилы (схема 2 птицы + 4 оленя).

из степных памятников, на три группы, принимая во внимание изображение и форму наверший (Болтрик, 1998: 146-150). В первую группу попали навершия с изображениями птиц (IX тип по Переводчиковой), во вторую те, которые украшены изображениями оленей и грифонов на прорезных фигурных втулках (XI тип). В третьей группе оказались экземпляры лопатовидной формы с изображениями оленей, сцен терзания грифоном травоядного, антропоморфных фигур. Навершия с птицами в комплексах представлены преимущественно парами (два случая по одному экземпляру). И только в Малой Лепетихе четыре, но в этом памятнике отсутствуют навершия иных типов. К тому же, фигурки птиц из Малой Лепетихи исполнены со сложенными крыльями, тогда как во всех иных случаях крылья расправлены. На наш взгляд, эти обстоятельства позволяют считать, что пара наверший с птицами доминировала над краями гребня балдахина

повозки. То есть навершия с фигурками птиц занимали высшие точки, и поэтому пространство вокруг них было свободным, а логика общей композиции позволяла передать крылья в состоянии полета. Два другие типа наверший в комплексах встречаются преимущественно по четыре экземпляра, что позволяет считать их размещенными по углам эпистилия, а плоские навершия композиционно оправданы именно у основания склонов балдахина. Таким образом, смысл и форма изображений, количественный состав наверший указывают на их вероятное размещение в системе декоративного оформления повозки. Символика изображений наверший: птицы, олены, грифоны – с одной стороны ориентируют на функцию движения, присущую указанным персонажам, а с другой стороны позволяет реконструировать расположение их в верхней части повозки. В ряде комплексов присутствуют «лишние» экземпляры наверший (Александрополь,



**Элементы повозок в курганах Степной Скифии  
и их местоположение в погребальных комплексах**

Курган, погребение	Объем насыпи (м <sup>3</sup> )	Местонахождение			колеса	части кузова
		Насыпь кургана	Центр. могила	Боковая могила		
гр. БОФ к.13, п.1	55		+		+	+
Водославка к.1	100		+			+
Водославка к.6	520	Навершия	+			+
Гайманово поле к.43	670		+*		+	+
Гюновка к.11	1200		+*			+
Носаки к.2	2700	+	+			+
Мелитопольский	2900			+	+	+
Каменская Близница	3470	+		+		
Вишневая Могила	3850		+*			
Гюновка к.14	4200		+*			
Казенная Могила	4700			+		
Двугорбая Могила**	5850			+	+	
Плоская Могила	6600	+	?	?	?	?
Бердянский	11600			+		+
Чмырева Могила	11000	Навершия и бляхи		?	?	?
Краснокутский	12035	Навершия и бляхи				
Толстая Могила	12436	Навершия и бляхи		+	+	+
Гайманова Могила	13170		+		+	+
Гайманова Мог. Северная гробница		Навершия и бляхи		+	+	+
Гайманова Мог. Южная гробн. (п.4)				+		+
Козел	33000	+	+			+
Александрополь	42000	Навершия и бляхи		+	+	+
Чертомлык	82400	Навершия и бляхи	+			
Огуз	117000	Бляхи		+		+

\* Элементы повозки находилась во второй входной яме в центральную могилу.

\*\* Наличие повозки в Двугорбой Могиле (катакомба №3) Б.Н. Мозолевский подвергает сомнению, но с оговорками предполагает возможность размещения в ней одноосной колесницы (*Тереножкин, Мозолевский, 1988: 165*).

Краснокутск, Чертомлык по 10 экз., Чмырева и Гайманова Могилы по 7 экз.). То есть наверший больше чем 4 или 6 экз. Это превышение следует связывать с наличием в комплексе еще одного экипажа, на что в ряде случаев указывает и количество колес.

На наличие двух повозок в Краснокутском кургане указывал И.Е. Забелин. Он фиксировал по сторонам «прохода», оставленного не засыпанным могильным выкидом, сложенные в две кучи остатки двух повозок (*Мелюкова, 1981: 10*). А одна из таких куч (обозначенных символом *d*), если верить плану кургана, находилась над заполнением входной ямы. Ситуация подобна упомянутой в Гаймановой Могиле, только здесь такая «куча» перекрывает боковую входную яму. В Толстой Могиле навершия и бронзовые бляхи находятся на вершине выкида в 2 м к северу от угла входной ямы

боковой могилы (в этой яме лежат колеса). В Каменской Близнице декор повозки разместили у восточного входа на подкурганное пространство, в начале погребальной дорожки. И тут одно навершие оказалось в заполнении входной ямы № 3 (восточной), а в 2 м к северу от нее на глубине 1,2 м от поверхности на черноземной части выкида лежали 5 бронзовых наверший.

В размещении остатков повозок в курганах угадывается некая система, указывающая на не случайность их позиций в погребальных комплексах, которые трудно объяснить их последующим впуском в курган. Подобные размещения, как дополнительных могил, так и остатков повозок возможны только до или во время сооружения насыпи кургана. Иначе как объяснить присутствие повозок во внутреннем пространстве первоначальных обваловок (на погребальных дорожках либо их склонах),



Табл. 2

## Бляхи из листовой бронзы от тенгов повозок из курганов Степной Скифии

Курган	Объем насыпи (м <sup>3</sup> )	Местонахождение:			Количество:	
		Подкурганная поверхн.	Входная яма	Дромос	круглых	треугольных
Сергеевка (ОАК, 1891.с.87)	—	—	—	—	2	—
Каменка гр.3, к.1	000				1	
Водославка, к.6	520		+		34	
Татьянина Могила	770		+		160	50
Денисова Могила	930	+			30	
Пески, к.3	2400	+			39	
Носаки, к.2	2800	+			124	49
Ташенак	3945			+	11*	
Гюновка, к.14	4200		+		85	
Плоская Могила	6600	+			133	100
Соболева Могила			+		1***	
Чмырева Могила	11000		+		40*	
Краснокутский	12035	+			644	125
Бабина Могила	12100	+			347/44	53
Толстая Могила	12436				186	
Гайманова Могила	13170	+			108	
Александрополь	77200	+			838	234
Чертомлык	82000	+			150	
Огуз	117000	+	+	+	284**	480

\* В комплексы Сергеевки, Ташенака, Чмыревой Могилы входили звоночки, в двух последних памятниках, соответственно 25 и 18 экз.

\*\* В Огузе помимо треугольных блях были ромбовидные, в виде антропоморфного силуэта и большие ажурные пальметты.

\*\*\* В Соболевой Могиле найден лишь 1 экз., остальные унесли грабители.

в дополнительных входных ямах или связанных с ними дромосах, после «демонтажа» погребального кортежа.

Таким образом, присутствие одной или двух повозок в комплексах (внутри или рядом) боковых могил скифских курганов 4 в. до н.э. подчеркивает вспомогательное

значение этих сооружений, превращая их в своеобразные каретные сараи, где помимо прочего размещались транспортные средства главного погребенного. Это в свою очередь достаточно убедительно свидетельствует о целостности комплекса кургана.

## Литература

Бессонова, 1982 — Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности степной Скифии. К., 1982.

Бессонова, Кирилин, 1977 — Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифский мир. К., 1977.

Бидзиля, 1971 — Бидзиля В.И. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции ИА АН УССР Часть 1. Гайманова Могила // Архив ИА НАНУ, № 1969-70/37.

Болтрик, 2000 — Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000

Забелин, 2001 — Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001.

Іллінська, 1963 — Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. 1963. №15.

Кройц, 2008 — Кройц П.-А. Рельеф из Старшего Трехбратнего кургана // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н.э. Симферополь-Бонн, 2008.

Лаппо-Данилевский, 1887 — Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности // Записки отд. русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. 1887. Т.IV.

Мелюкова, 1981 — Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.

Мозолевский, 1979 — Мозолевский Б.М. Товста Могила. К. 1979.

Мозолевский, 1992 — Мозолевский Б.Н. Отражение космогонических представлений скифов в



погребальной обрядности знати // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции памяти А.И.Тереножкина. Мелитополь 1992. с. 63-65.

*Мозолевський, 1992* – Мозолевський Б. Під скіфським небом. Есе // Київська старовина, 1992. №4.

*Переводчикова, 1980* – Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверхий // СА. – 1980. №2.

*Переводчикова, Раевский, 1981* – Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверхий // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

*Ростовцев, 1994* – Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914. Т.1.

*Тереножкин, Мозолевский, 1988* – Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. К., 1988.

*Шлеев, 1950* – Шлеев В.В. К вопросу о скифских наверхиях // КСИИМК. 1950. Вып.34.

*Bakay, 1971* – Bakay K. Skythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest. 1971.

*Biel, 1998* – Biel J. Der Keltenfürst von Hochdorf. Stuttgart, 1998.

*Minns, 1913* – Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

*Rolle, 1991* – Rolle R. Städte auf Rädern Zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Золото степу. Археологія України. Шлезвиг, 1991.





Бруяко И.В. (Одесса)

## КИММЕРИЙСКИЙ ПСАЛИЙ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГОРОДИЩА КАРТАЛ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ

В 2006 г. в распоряжение сотрудников Нижнедунайской АЭ, проводившей раскопки на территории посада городища Картал (с. Орловка), поступил довольно редкий экземпляр бронзового псаля. Никаких сомнений относительно его культурно-хронологической принадлежности быть не могло. Псалий относится к киммерийскому времени (рис.2, 1). Обстоятельства его находки следующие. На территории, примыкающей непосредственно к посаду с напольной стороны, располагается курганный могильник (рис.1). В северо-западном секторе одной из насыпей (курган №3 по нашей нумерации) находился небольшой и весьма аккуратный грабительский шурф. Его диаметр составлял примерно 80 см, глубина — до 1 м. Судя по структуре выбранной земли и характеру растительности вокруг шурфа<sup>1</sup>, он был выкопан в осенне-весенний период 2005/2006 гг. На краю шурфа были подобраны 2 бронзовых предмета, одним из которых и был упомянутый псалий. Вероятно, он входил в состав клада деталей упряжи, который был обнаружен с помощью металлодетектора. По имеющейся у нас информации, грабители работали на этом участке в ночное время. В таком случае вполне вероятно, что два предмета из состава клада остались незамеченными.

Псалий представляет собой широкую (2,2-2,3 см), симметрично изогнутую

пластину длиной 11,2 см. Нижний край прямоугольный, имеет горизонтальную рельефную планку с продольным желобком посередине (литейный брак?). Верхний закруглён и снабжён полукруглым рельефным выступом. На тыльной стороне псаля, в местах соединения петель имеется орнамент в виде ромбов с вогнутыми гранями, вписанными в круг. Учитывая лишь общую архитектуру псаля, аналогии данной находке можно отыскать довольно быстро. Экземпляр из Картала входит в т.н. группу «Фарс 2-35» (*Вальчак, 1997: 92*). Однако, при безусловном типологическом сходстве с основной группой, псалий из Картала имеет и некоторые особенности. Его пластина изогнута симметрично, тогда как псалии группы «Фарс 2-35» — асимметричные. Планка в нижней части пластины и солярные значки в местах крепления петель имеют только одну близкую параллель — беспаспортный псалий из Будапештского музея (тип «Майкоп», по Я.Хохоровски (*Chochorowski, 1993: 57, 64, рис.2/16*)). На основании этих признаков, я не буду требовать немедленного признания нового типа (подтипа, варианта, подварианта) псалий предскифского времени. Учитывая типологическую пестроту этого вида упряжи для IX–VIII вв. до н.э., и дабы не усложнять и без того перенасыщенную эволюционную схему,

<sup>1</sup> На территории могильника находился сад, вырубленный в 1994 г., после чего площадь не распахивалась



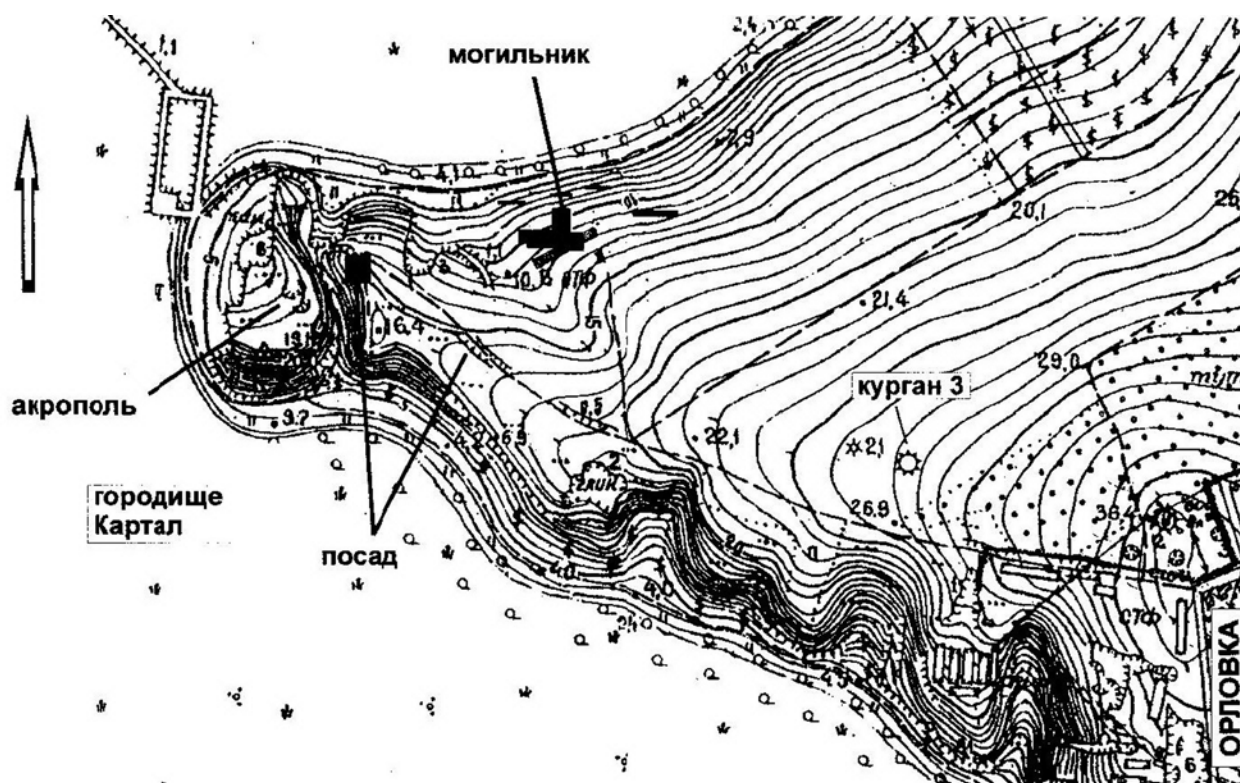


Рис. 1. Курган №3 в топографии городища Картал и его окрестностей.

созданную усилиями многих исследователей, целесообразно будет пока оставить оба оригинальных экземпляра (Будапешт, Картал) в тех ячейках, которые предложены В.Р.Эрлихом и С.Б.Вальчаком. А именно, тип «Фарс 2-35» (Вальчак, 1997) или тип ПА (Эрлих, 1991; 2007).

Почти все псалии этого типа сосредоточены в районах Северного Кавказа (рис.3)<sup>2</sup>. За пределами этого ареала до недавнего времени были известны лишь 2 подобные находки. Одна из них, неизвестно как, попала в фонды Будапештского музея. Вторая была случайно обнаружена на Среднем Днепре (с. Пищальники, бывш. Каневский уезд)<sup>3</sup>. Относительно недавно стали известны железные псалии этого типа, обнаруженные в составе клада

колесничной упряжи на Нижнем Днестре у с. Пуркары (Яровой, Бруяко, 2000).

Сколько-нибудь унифицированной типологической схемы упряжи предскифского периода по-прежнему нет. А те, что имеются, обладают неким эзотерическим оттенком, поскольку в этих схемах более или менее уверенно ориентируются только их создатели<sup>4</sup>. Тем не менее, нам необходимо определиться с хронологией находки из Картала, для чего попробуем проникнуть под покров тайного знания. Это потребует предельной собранности, терпения, концентрации и свежести сознания. Итак, весь массив древностей предскифского периода делится на три группы – Предновочеркасская, Предклассическая и Классическая Новочеркасская.

<sup>2</sup> Детальное районирование находок (см. Эрлих, 2007: 126).

<sup>3</sup> Экземпляр из Пищальников, по-моему, с изрядной долей условности отнесён к типу «Фарс-35». Скорее, это некий гибрид между типами ПА и IV по классификации В.Р.Эрлиха.

<sup>4</sup> Вместо того, чтобы объединить усилия в выработку единой схемы, сближая свои, В.Р.Эрлих и С.Б.Вальчак зачем-то привлекают ещё и разработки зарубежных авторов, безнадежно запутывая дело. Например, К.Метцнер-Небелсик (Metzner-Nebelsick, 1994), для которой историографии проблемы не существует вовсе, поскольку любая проблема археологии раннего железного века начинается с неё. Работа У.-Л.Дитц (Dietz, 1998), на которую почтительно ссылается В.Р.Эрлих, является по своей сути квалификационной.



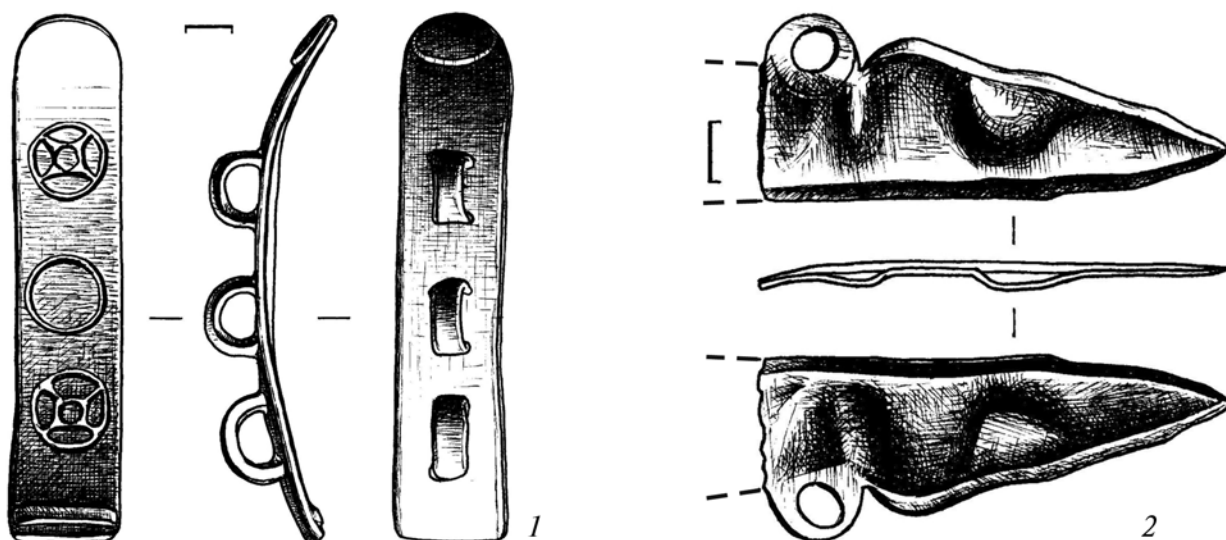


Рис. 2. Бронзовые предметы из кургана №3.

В абсолютных датах все три группы будут соответствовать в основном VIII веку, для третьей группы допускается некий диапазон в рамках первой половины VII в., а для первой – какая-то (очень небольшая) часть IX в. до н.э. При этом, первые две группы синхронны памятникам черноговровской ступени. Роль репера для абсолютной хронологии выполняет приснопамятный 714 г., который дает для двух групп *t.a. quiet*, а для третьей – Классической Новочеркасской – *t.p. quiet* (Вальчак, 1997: 99-100).

Датировка первой группы уздечных комплектов, куда входят и псалии типа IIА (Отдел А – трехпетельчатые; тип II – пластинчатые) соответствует Предновочеркасской ступени, которая, впрочем, по мнению В.Р.Эрлиха, слабо отличимая от Предклассической (второй). С методической точки зрения вопрос о критериях разделения двух групп вещей, практически неотличимых друг от друга, может быть крайне интересным и познавательным. Однако, поскольку это область чистейшего субъективизма, то нет решительно никакого смысла сюда углубляться. Что же касается хронологии, то псалии типа IIА должны датироваться почти всем VIII веком. В начале 90х гг. В.Р.Эрлих даже полагал, что первая группа уздечных комплектов с псалиями типа IIА «...может быть заглублена в IX в. до н.э.» (Эрлих, 1991: 38-39). Однако так было до тех пор, пока не была пересмотрена дата

клада Прюдь. После того, как комплекс был омоложен на 100 лет, изменилась и датировка первой группы В.Р.Эрлиха. Хотя и не столь радикально. Псалии типа IIА относятся к старшей, предновочеркасской/раннечерноговровской группе уздечных наборов, абсолютные даты которой определены В.Р.Эрлихом в рамках первой пол.VIII в. до н.э. (Эрлих, 2007: 126, 187).

Необходимо отметить одну весьма важную особенность в хронологических построениях В.Р.Эрлиха. Она заключается в том, что едва ли не весь предскифский материал В.Р.Эрлих, по каким-то своим соображениям, пытается загрузить в VIII в. до н.э. Оснований к этому я не вижу, а подобные попытки, очевидно, обречены на неудачу. Столетие не в состоянии вместить такое количество типов вещей, разделённых к тому же на 4 горизонта. Для этого же отрезка в Центральной Европе предлагается максимум 2 ступени. И это при обилии хроноиндикаторов и закрытых комплексов. Если не слишком уверенно ориентироваться в относительной схеме европейской хронологии, то можно основательно запутаться и в абсолютных датах. Так, В.Р.Эрлих датирует раннежаботинский период первой пол. VII в. (2007: 187), поясняя, что в Средней Европе он синхронизируется с горизонтом клада Фюгед (HaClа). Однако, и ступень с этим индексом и сам клад не выходят за пределы VIII в. Дальше





Рис. 3. Основной ареал (А) и отдельные находки пластинчатых псалиев типа ПА.

1 – Пишальники; 2 – Пуркары; 3 – Будапешт (музей); 4 – Картал.

все предельно запущено. В.Р.Эрлих подтверждает, что псалии из Пуркар принадлежат к типу ПА. То есть, это предновочеркасское время, или первая половина VIII в. (см. выше). С учетом использованного для изготовления этого набора сырья (железо), дату можно несколько повысить. Но, поскольку феномен колесниц – это новочеркасская классика, то соответственно, именно Пуркары – наиболее поздний из колесничных наборов, т.е. фактически уже VII в. до н.э. (Эрлих, 2007: 150). Тогда время бытования псалиев этого типа

растягивается на полтора столетия. Мне кажется, что в данном случае В.Р.Эрлих стал жертвой своей предвзятой трактовки феномена колесничных наборов. Кстати, колесницы в южнорусских степях появляются то в классическом новочеркасском периоде (после 714 г.), то в более раннем, предклассическом (Эрлих, 2007: 178, 186)<sup>5</sup>.

Вряд ли типологические группы предскифского времени вообще можно будет датировать точнее, чем в рамках половины столетия. Не случайно, анализ комплексов сопровождается постоянными

<sup>5</sup> Не питая склонности к утонченной эристике, а лишь отстаивая очевидные (при внимательном прочтении) положения нашей с Е.В.Яровым работы, замечу, что многие из них переданы В.Р.Эрлихом, мягко говоря, неточно. Датировка комплекса из Пуркар, предложенная нами – середина – вторая пол. VIII в. до н.э. (Яровой, Бруяко, 2000: 162, 167), а не первая половина столетия (Эрлих, 2007: 148). Вопреки мнению В.Р.Эрлиха (2007: 151), указан в статье и предполагаемый путь заимствования колесниц населением южнорусских степей предскифской эпохи, время и события, которые могли привести к этому (Яровой, Бруяко, 2000: 163). В статье нет ни единого слова о том, что пуркарский комплекс сделан местным мастером (ср. Эрлих, 2007: 148). Наоборот, мы предполагали, что этот железный комплект колесничной упряжи был изготовлен далеко на юго-востоке от места находки (Яровой, Бруяко, 2000: 167). И тогда вопрос, поставленный В.Р.Эрлихом, – имел ли мастер, изготовивший этот комплект, перед собой бронзовые образцы в виде псалиев типа ПА (Эрлих, 2007: 149) неуместен. Наконец, даже в состоянии глубокой депрессии, я бы не стал связывать комплекс из Пуркар с горизонтом Сахарна-Козия (Эрлих, 2007: 149). Я думаю, что все эти неточности, которые, к сожалению, уже растиражированы (Эрлих, 2005; 2007) вызваны всего лишь невнимательностью. Кстати, пострадали не только мы. Железные удила из Сахарны найдены не в слое поселения, как пишет В.Р.Эрлих (2007: 150) ссылаясь на монографию М.Т.Кашубы, а в погребальном комплексе (Кашуба, 2000: 379). О том, что эти удила были найдены в погребении, можно узнать не только из монографии М.Т.Кашубы. Здесь самое время напомнить о безусловной пользе работы с первоисточниками и обратиться к таковым (Мелюкова, 1958: 87; Смирнова, 1977: 101–106).



оговорками, что та или иная вещь не вписывается в предлагаемые чрезмерно узкие границы (Эрлих, 2007: 178). Что же касается главного — датировки псаля из Картала на основании самого себя — то пока, наверное не удастся датировать его точнее, чем VIII в. до н.э. Могут ли соляные значки на обратной стороне псаля играть на повышение датировки? (Эрлих, 2007: 149, 179). Если считать, что этот мотив заимствован номадами из репертуара окуневской культуры (Рябкова, 2008), то необязательно.

Практически нет сомнений в том, что в насыпи кургана №3 находился клад бронзовой упряжи киммерийского времени, обнаруженный «нелегалами»<sup>6</sup>. Несмотря на все попытки отследить появление возможных вещей из клада на чёрном рынке, до настоящего времени никаких сведений на этот счёт не поступало. Поэтому нет смысла гадать, какие удила могли входить в состав клада, и что ещё он мог содержать. Возможно, здесь были и какие-то предметы, не имеющие отношения к конской упряжи. Об этом может свидетельствовать второй предмет из клада (рис.2, 2). Аналогии ему отыскать не удалось. Остаётся лишь обсудить его возможные функции исходя из общей архитектуры предмета. Мне кажется, что изделие более всего соответствует накладке на окончание пояса. Изделие имеет форму вытянутого треугольника длиной 7,5 см и шириной по основанию 3 см. Абсолютно точно определяется лицевая и тыльная стороны предмета. Длинные края, включая остриё, отчётливо загнуты к тыльной поверхности под тупым углом. У основания имеется полукруглый выступ с отверстием, окаймленным ровной прорезанной окружностью. Размышления по поводу этой конструктивной детали не идут дальше очевидного уже на первый взгляд. Скорее всего, это петля для подвешивания какой-то амуниции, возможно оселка. Кое-какие мысли можно высказать после внимательного осмотра самой

петли. Она имеет овальную форму, причём по всей окружности с внутренней стороны прослеживается гуртик. За исключением нижней части овала, где он практически отсутствует. Не может ли это быть результатом изношенности при воздействии на металл, той самой (возможно, достаточно тяжёлой) детали амуниции, подвешенной к поясу? Этот вопрос адресован металловедам, либо к достаточно «продвинутым» в этом вопросе археологам. Поскольку петля должна располагаться на нижнем крае обоймы (наконечника ремня), и зная, какая поверхность изделия лицевая, мы можем заключить, что окончание ремня находилось вероятнее всего на правой стороне туловища. Вот, пожалуй, и всё. Остаётся лишь добавить, что на внутренней стороне отчетливо видны вмятины от ударов каким-то орудием с треугольной рабочей поверхностью.

Если подобная интерпретация этой вещи приемлема, то тогда в состав, увы, утраченного, клада входил, вероятно, и боевой пояс или какие-то его детали во всяком случае.

Публикуемая находка крайне интересна с учётом двух аспектов. Первый — географический. Псалий из Картала — четвёртая находка подобного типа упряжи, зафиксированная далеко за пределами основного ареала. Обнаруженная на Нижнем Дунае, она ещё больше сократила расстояние между Будапештом и Северным Кавказом. Второй аспект поначалу кажется более локальным по своей значимости. Однако это лишь первое впечатление, поскольку он позволяет коснуться фундаментальной проблемы фрако-киммерийского культурного диалога именно в таком слитном словоупотреблении и видеть в этом термине не столько дань замшелой традиции или снисхождение к авторитетам прошлого, а реальное историко-археологическое содержание. Этот самый аспект заключается в особенностях исторической топографии

<sup>6</sup> В 2007 г. курган №3 был раскопан в слабой надежде на развитие киммерийской темы. К сожалению (или к счастью), правило, согласно которому в насыпях, содержащих клад упряжи предскифской эпохи, отсутствуют погребения этого времени — подтвердилось и в данном случае. Четыре погребения из кургана суммарно датируются эпохой энеолита (?) — средней бронзы. Правда, в центре насыпи была зафиксирована яма с керамикой периода среднего гальштата, т.е. в целом синхронная кладу.



городища Картал и локализации на его территории публикуемой находки. В 500 м к СЗ от кургана №3 располагается крупный грунтовой могильник, который принадлежал обитателям городища эпохи среднего гальштата<sup>7</sup>. Его позиция на шкале абсолютной хронологии определяется в основном VIII в. до н.э. То есть, найденный псалий даёт возможность обозначить вполне реальную картину внедрения степняков в зону непосредственного обитания жителей Картала в VIII в. до н.э. Причём, в данном случае другие объяснения данной находки (диффузия, торговля, обмен) могут быть, скорее всего, отвергнуты как маловразумительные по сути и казуистические по форме. Дело в том, что условия депонирования псалия (клада?) позволяют говорить именно о перемещении его на Нижний Дунай вместе с населением-носителем этого оригинального элемента упряжи. Напомню, что речь идёт о хорошо известном феномене сокрытия в насыпях курганов кладов конской упряжи новочеркасского (по О.Р.Дубовской) времени. Учитывая типологическую близость псалиев из Картала и Пуркар, сходный контекст (условия депонирования), полагаю, что оба комплекса могут отражать некое событие, хронологически довольно сжатое (происходившее в ограниченный термин). Это может быть период середины – второй пол. VIII в. Именно тогда, когда на Венгерской равнине существуют памятники типа Мезэчат, с которыми, возможно, следует связывать и псалий из Будапештского музея.

Варианты, живописующие появление киммерийцев вблизи поселения, контролировавшего переправу через Дунай, ограничиваются двумя сюжетными линиями. По отношению к обитателям посёлка это появление могло быть либо мирным, либо враждебным. Сразу же замечу, что раскопки поселения и могильника пока не дали в наше распоряжение каких-либо аргументов, которые неопровержимо свидетельствуют о военном конфликте между кочевниками и туземным населением. Есть

лишь некоторые косвенные данные и стратиграфические наблюдения, так сказать, «первого впечатления», которые нуждаются в уточнении и дополнительной проверке в виде новых материалов.

На сегодняшний день нижняя хронологическая граница могильника видится более отчётливо, нежели верхняя. Он был заложен, вероятно, где-то на рубеже IX–VIII вв. до н.э. По предварительным данным, могильник существовал сравнительно недолго – 100, максимум 150 лет. И находки металлических хроноиндикаторов, прежде всего фибул, как-будто бы это подтверждают. Так, в могилах и в слое кладбища, среди полтора десятков застёжек, пока нет типов фибул, которые могли бы указывать только на VII век (Бруяко, 2007). С другой стороны, ряд керамических форм, не имеющих аналогий в Карпато-Дунайском бассейне, довольно неожиданно оказался похож на керамику восточных приальпийских районов (Словения, Нижняя Австрия) периода HaC2. Разговор о верхней границе памятника ведётся для того, чтобы выяснить в принципе, могло ли появление киммерийцев привести к гибели поселения. Если говорить о времени, соответствующем публикуемой находке, то есть о VIII в. до н.э., то какой-либо конфликт, даже если он и имел место, не привёл к безвозвратной гибели посёлка. Как уже отмечалось, его жизнедеятельность приходится на весь VIII век, по крайней мере. Тем не менее, обстановка, в которой жили обитатели Картала в этот период, была достаточно тревожной. Об этом говорят некоторые факты, отмеченные при раскопках могильника.

Вероятно, можно говорить о наличии среди жителей посёлка воинской прослойки. Так, в 4 захоронениях обнаружены наконечники копий и дротиков. Субъект из погребения №43 был убит ударом по голове. Причём, судя по характеру и форме отверстия, смертельная травма была нанесена оружием типа клевца<sup>8</sup>. За пределами могильника обнаружены 2 коллективные

<sup>7</sup> Само поселение расположено в 500-600 м западнее кургана.

<sup>8</sup> Заключение К.С.Липатова, преподавателя кафедры археологии и этнологии Одесского Национального университета им.И.И.Мечникова.



захоронения. Одно из них (№84), в 10 м от северо-западной границы могильника, содержало останки 3 индивидуумов. В другом (№16), расположенном в 35-40 м от той же северо-западной границы, находилось минимально 10 костяков (пятеро детей, 2 девушки, 2 женщины и 1 мужчина)<sup>9</sup>. В погр. №84 ещё можно видеть какую-то анатомическую упорядоченность скелетов, хотя помещены они были в яму весьма небрежно. А вот в погребении №16 отмечается совершеннейший беспорядок. Создаётся впечатление, что тела умерших (погибших?), на момент захоронения уже были фрагментарными, то есть разложившимися (скелетированными), и просто сбрасывались в яму. Оба комплекса представляют собой обычные хозяйственные ямы со стенками, расширяющимися ко дну. Справедливости ради, нужно сказать, что следов травматизма на костяках из обоих комплексов не выявлено.

На одном из участков поселения, в «нижнем городе», зафиксирован слой пожара, соответствующий периоду среднего гальштата (условно VIII в. до н.э.). Причем после этого жизнь на данном участке поселения возобновилась<sup>10</sup>.

Проблема фрако-киммерийского культурного диалога по материалам могильника «Картал-III» отнюдь не исчерпывается публикуемой находкой. В нашем распоряжении имеются и другие вещи, определённо указывающие на довольно оживлённое общение кочевников предскифского периода с населением городища. Этнокультурная принадлежность последнего хотя и остаётся пока до конца неясной, однако очевидно, что материальная культура обитателей Картала принадлежала балканской традиции. Керамический комплекс содержит явные и довольно

многочисленные элементы фазы Бабадаг-III, культуры Басараби, могильника Стойкани. Вместе с тем, ряд форм указывает и на районы, весьма удалённые от низовьев Дуная – Трансданубия (Дунантул), Нижняя Австрия (Бургенланд), Штирия. Очень пёстрой выглядит коллекция фибул. Их ареал – от Северной Греции и Южной Болгарии до Баната и Северо-Восточной Болгарии. И, именно в этом ярком балканском контексте, постоянно присутствуют явные восточные элементы. Это некоторые типы бронзовых блях (колесовидные, крестообразные с петлёй), бронзовая булава кобанского типа, наконечник ремня ананьинско-северокавказского круга, удлинённая ворворка с намеченными четырьмя гранями, железные наконечники копий, типологически больше соответствующие массивным степным (шире – восточноевропейским), нежели тонким балканским экземплярам<sup>11</sup>.

Если материалы городища Картал отражают тесные отношения между двумя разнокультурными группами, то мы вправе вспомнить о некогда весьма распространённом понятии «фрако-киммерийское» единство (круг, общность и т.д.), за которым стоит, предполагавшееся античными авторами фрако-киммерийское родство. Вряд ли оно было этническим. Скорее всего, это абберация, которая возникла в результате тесного, двухвекового соседства евразийских кочевников и балканских земледельцев, взаимодействия их элитарных субкультур в частности (*Бруяко, 2005: 309-310*). Эти события IX–VIII вв. дошли до античных авторов опосредованно, через устную традицию местного припонтийского населения, с нечёткими этническими акцентами. Если к этому добавить ещё и реальный военно-политический эпизод

<sup>9</sup> Погребение серьёзно разрушено ливневыми водами, поэтому цифру 10 нужно считать минимальной.

<sup>10</sup> Пока трудно что-либо сказать о характере этого пожара, т.е. чем он был вызван, в также о его масштабах для поселения в целом.

<sup>11</sup> Считается, что копья в предскифских погребениях Северного Причерноморья – средневожский (ананьинский) и северокавказский импорт (*Тереножкин, 1976: 142 и сл.; Эрлих, 2007: 99*). Если в основу этого тезиса положено только лишь количественное соотношение (диспропорция) находок из этих регионов, то тогда это следует признать недостаточным аргументом. В таком случае, вся материальная культура кочевников предскифского периода степи и лесостепи – импортная.



– совместные боевые действия киммерийцев и фракийцев (треров) в Малой Азии, то такой пласт информации вполне мог

дойти, или быть воспринятым античными авторами, как реальное родство двух народов.

### Литература

*Бруяко, 2005* – Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). Кишинёв, 2005.

*Бруяко, 2007* – Бруяко И.В. Могильник эпохи среднего гальштата «Картал-III» на Нижнем Дунае // Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя О.І.Тереножкіна. М-ли Міжнародної наукової конф. (16-19 травня 2007 р.). Київ-Чигирин, 2007.

*Вальчак, 1997* – Вальчак С.Б., Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпелетчатými псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997

*Кашуба, 2000* – Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUM plus. 2003. №3.

*Мелюкова, 1958* – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. №64.

*Рябкова, 2008* – Рябкова Т.В. К вопросу о ромбовидных знаках на предметах пред- и раннескифского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД) Владикавказ, 2008.

*Смирнова, 1977* – Смирнова Г.И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам раскопок курганов у с. Мервинцы) // СА. 1977. №4.

*Тереножкин, 1976* – Тереножкин А.И. Киммерийцы. К., 1976.

*Эрлих, 1991* – Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

*Эрлих, 2005* – Эрлих В.Р. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С.Ольховского. М., 2005.

*Эрлих, 2007* – Эрлих В.Р., Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

*Яровой, Бруяко, 2000* – Яровой Е.В., Бруяко И.В. Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) // STRATUM plus. 2000. №3.

*Chochorowski, 1993* – Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Krakow, 1993.

*Dietz, 1998* – Dietz U.-L. Spätebronze- und früheisenzeitliche Trensens im Nordschwarzmeergebiet und im Nordkaukasus // PBF Abt. XVI. Bd. 5. 1998. Stuttgart.

*Metzner-Nebelsick, 1994* – Metzner-Nebelsick C. Die früheisenzeitliche Trensensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus. Regensburg, 1994.





*Вальчак С.Б. (Москва)*

## **ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «КАМЫШЕВАХСКИХ» ПСАЛИЕВ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА**

Следует сказать в этой статье, что памятники предскифского периода, минимум, за последние 100 лет, были центральными в концепциях перехода от позднего бронзового века к раннему железному, многих археологов СССР, России и Украины. Есть смысл перечислить некоторые имена коллег-археологов, покольку-постольку, некоторые из них уже оказываются забытыми. Начало обособления предскифских памятников от скифских положил Василий Алексеевич Городцов. Его разработки развивали советские археологи: Пауль Рау, Борис Николаевич Граков, Александр Александрович Иессен, Евгений Игнатьевич Крупнов, Алексей Иванович Тереножкин, Константин Фёдорович Смирнов, Александр Михайлович Лесков, Владимир Васильевич Дворниченко и многие другие исследователи.

В современной археологии предскифского и скифского периода Восточной Европы, знаменательное место занимают аналитические и публикационные работы Сергея Анатольевича Скорого, в том числе, и разработанные совместно с выдающимися исследователями археологии Украины, Галиной Тихоновной Ковпаненко и Светланой Сергеевной Бессоновой.

Являющиеся объектом данного исследования псалии предскифского времени являются одним из предметов исследования С.А.Скорого и моей специализации. Хотелось бы, предложить коллегам и некоторые новые разработки.

Впервые изделия подобного вида были охарактеризованы и выделены в отдельный, III-й тип, А.А.Иессеном. «Стержневидные псалии, прямые или изогнутые, у которых петли заменены сквозными отверстиями, образующими выступающую с двух сторон трубку». Исследователь сопоставил их с имевшимися классификациями средневропейского материала, предложенными европейскими археологами в первой половине XX века. Эти псалии А.А.Иессен полагал «бесспорно» связанными «своими трубчатými отверстиями с находками в Венгрии и прилегающих областях» (Иессен, 1953: 54-56, 91, табл.1).

Псалии, овальные отверстия которых «обозначены муфтообразными выступами, на одном конце стержня есть маленькая или сравнительно небольшая шляпка, а на противоположном конце – большая грибовидная», были названы А.И.Тереножкиным «камышевахскими». Опираясь на известные к тому времени находки на юге Восточной Европы, исследователь считал, что «по тем признакам, которые генетически связывают камышевахский вариант псалиев с черногоровским, следует признать, что и они, очевиднее всего, имеют восточноевропейское происхождение» (Тереножкин, 1976: 150, 151, рис.87). Таким образом, уже первые исследователи конского снаряжения предскифского периода расходились во взглядах на истоки происхождения рассматриваемого типа псалиев и обосновывали две различные генетические линии.



В нескольких современных классификациях деталей конского снаряжения предскифского периода на юге Восточной Европы<sup>1</sup> также существуют различия в определении характерных признаков, отличающих рассматриваемые псалии от других сходных форм. Нет единства среди исследователей и в вопросах происхождения «камышевахских» форм (Козенкова, 1982: 29, 30; 1995: 105, 106; Эрлих, 1991: 57, 58, табл.11; Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996: 35-39; Дударев, 1999: 129-141; Махортых, 2003: 44-48). Из-за внешнего сходства с типом Черногоровка такие псалии иногда и сейчас именуется в археологической литературе «черногоровско-камышевахскими», или исследователи путают две эти формы между собой (Дубовская, Подобед, 1996: 105; Лукьяшко, 1999: 159). Еще одна попытка классифицировать псалии предскифского периода была предпринята автором (Вальчак, 2003: 9-11).

### КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПСАЛИЕВ

Вся совокупность псалиев имеет огромное разнообразие форм. Основным критерием для распределения этой совокупности по иерархическим классам является **форма тулова псалия**. В основном, в уздечных комплектах предскифского времени встречаются псалии **стержневидные** – тулово которых по высоте (длине) значительно превосходит ширину и толщину.

Всякий **стержневидный** псалий может состоять из набора следующих конструктивных элементов:

**1. Основа.** Часть псалия, ограниченная верхним и нижним элементами крепления. Это обязательная для конструкции псалия функциональная часть.

**2. Элементы крепления.** Части псалия, которые располагаются на основе и служат для соединения псалия с другими частями узды. Количество и форма элементов крепления, а также место их расположения на основе могут быть разными. Это также

обязательные конструктивные элементы псалия. Верхний и нижний элементы крепления отделяют условно основу псалия от концов.

**3. Концы.** Части тулова псалия, которые располагаются ниже и выше основы, т.е. над верхним и под нижним элементами крепления. Наличие концов (отростков) у псалия не обязательно. Они выполняют практически всегда только декоративную функцию. Концы псалия могут иметь различную форму и оканчиваться завершениями.

**4. Завершения.** Оформленные каким-либо образом внешние (верхний и нижний) края псалия. Завершения могут располагаться на внешних краях концов, а при их отсутствии, непосредственно на внешних краях основы псалия.

Эпонимное наименование типов и вариантов псалиев даётся по названию комплексов или памятников где они найдены. Вслед за названием может употребляться номер комплекса.

Предлагается общая классификация для костяных, бронзовых и железных псалиев (Вальчак, 2003). Никакой материал не определяет форму псалия. Возможности материала лишь опосредованно связаны с формой предмета, скорее, со способностью конкретного мастера, навыками его работы с конкретным материалом. Исключением являются только роговидные псалии, при их изготовлении форма исходной заготовки – отрезка рога животного, часто оставалась неизменной. Аналог любому изделию из дерева или кости (рога) можно отлить из бронзы или отковать из железа. Причем сами изделия из органических материалов могли послужить для этого моделью или образцом. Точно также можно изготовить из дерева, кости или камня подражание практически любому металлическому образцу, примеры этому есть в артефактах многих археологических культур. Различие может заключаться только в степени прочности и долговременности использования

<sup>1</sup> Под Восточной Европой здесь понимается территория между р. Урал на востоке и бассейном р. Днестр на западе, который, приблизительно, соответствует западной границе бывшего СССР. Прилегающие с запада территории именуется Центральной (Средней) Европой.



изделий из того или иного материала, следовательно, и целесообразности изготовления из него той или иной формы. При совпадении формы стержневидных псалиев из различных материалов речь будет идти о принадлежности их одному типу или варианту. Рассмотрим характерные черты «камышевахских» псалиев, названных мною «тип Сержень-Юрт», исходя из предложенных принципов (Вальчак, 2003).

### Тип Сержень-Юрт.

Стержневидное тулово псалиев этого типа округлое или четырехугольное в сечении, с закругленными гранями. Тулово всегда изогнуто во внешнюю сторону дугообразно или под углом между 90-180° и обычно имеет заметный перегиб в средней части, у центрального элемента крепления. Иногда тулово псалия ещё дугообразно изогнуто от центра и в одну из боковых сторон. Верхняя и нижняя части тулова оформлены однообразно и равны по размерам, что и позволяет отнести псалии к отделу симметричных (отдел 1). Элементы крепления псалиев рассматриваемого типа одинакового размера (подотдел 2), представляют собой отверстия в стержне, оконтуренные выступающими по боковым сторонам трубками-муфтами округлого, реже гранёного сечения (группа 3). У всех известных восточноевропейских экземпляров отверстия элементов крепления расположены в одной плоскости (подгруппа 1). Верхний и нижний концы псалиев этого типа отсутствуют или сильно укорочены (от 0 до 1,0 см). Завершения в виде грибовидных или дисковидных шляпок часто бывают прилиты непосредственно на трубки-муфты крайних элементов крепления (при отсутствии рудиментарных концов псалия). Дисковидная или грибовидная верхняя шляпка-завершение, как правило, имеет больший диаметр, чем нижняя (рис. 1-4). Большинство псалиев этого типа на юге Восточной Европы отлиты из бронзы, но изредка встречаются костяные (роговые) экземпляры. Железные изделия неизвестны.

Рассматриваемый тип псалиев имеет несколько вариантов, которые, тем не менее, демонстрируют абсолютно сходную

конструктивную схему, отражающую генетическую преемственность, сформировавшуюся по принципу: от сложного — к простому (табл. 1-3). Видимо, механизм генетических «превращений» от сложных форм этого типа к простым не был прямолинейен. Упрощение общей формы изделия постепенно заменялось усложнением орнаментации некоторых из них. Учитывая уникальность каждой пары псалиев (иногда и каждого из экземпляров в паре), можно предположить, что окончательный облик изделия зависел от сложившейся в конкретном микрорегионе традиции производства тех или иных форм, умения и фантазии мастера, запросов заказчика и т.д.

**Вариант 1. Сержень-Юрт 56 — Пшиш 51.** Отличительными особенностями этого варианта являются заметно выступающие в боковые стороны, отчетливо выраженные цилиндрические утолщения-муфты всех трех элементов крепления с круглыми отверстиями в них. Иногда внешняя поверхность муфт имеет более или менее выраженные грани, отчего в сечении приобретает более сложный профиль. В центральной части муфт на внешней (вогнутой), а иногда и на внутренней стороне псалия, очень часто встречаются декоративные литые элементы в виде рельефных дисков. Завершения псалиев этого варианта выполнены в виде дисковидных или грибовидных (с выпуклой внешней поверхностью) шляпок. Диаметр верхней шляпки обычно более чем в 1,5 раза превышает диаметр нижней (рис. 1, 2, 1-4).

Псалии варианта Сержень-Юрт 56 — Пшиш 51 редко встречаются в закрытых археологических комплексах предскифского периода на юге Восточной Европы. Уздечные комплекты с этими псалиями были найдены в памятниках Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа. Часто такие псалии найдены в паре, но без металлических удил, то есть, некогда составляли комплекты с удилами из несохранившихся органических материалов.

Наиболее известны в археологической литературе бронзовые псалии из погребений 38 (рис. 1, 4, 5) и 56 мог. Сержень-Юрт в Чечне (Козенкова, 1977: табл. III, 4-5; X,



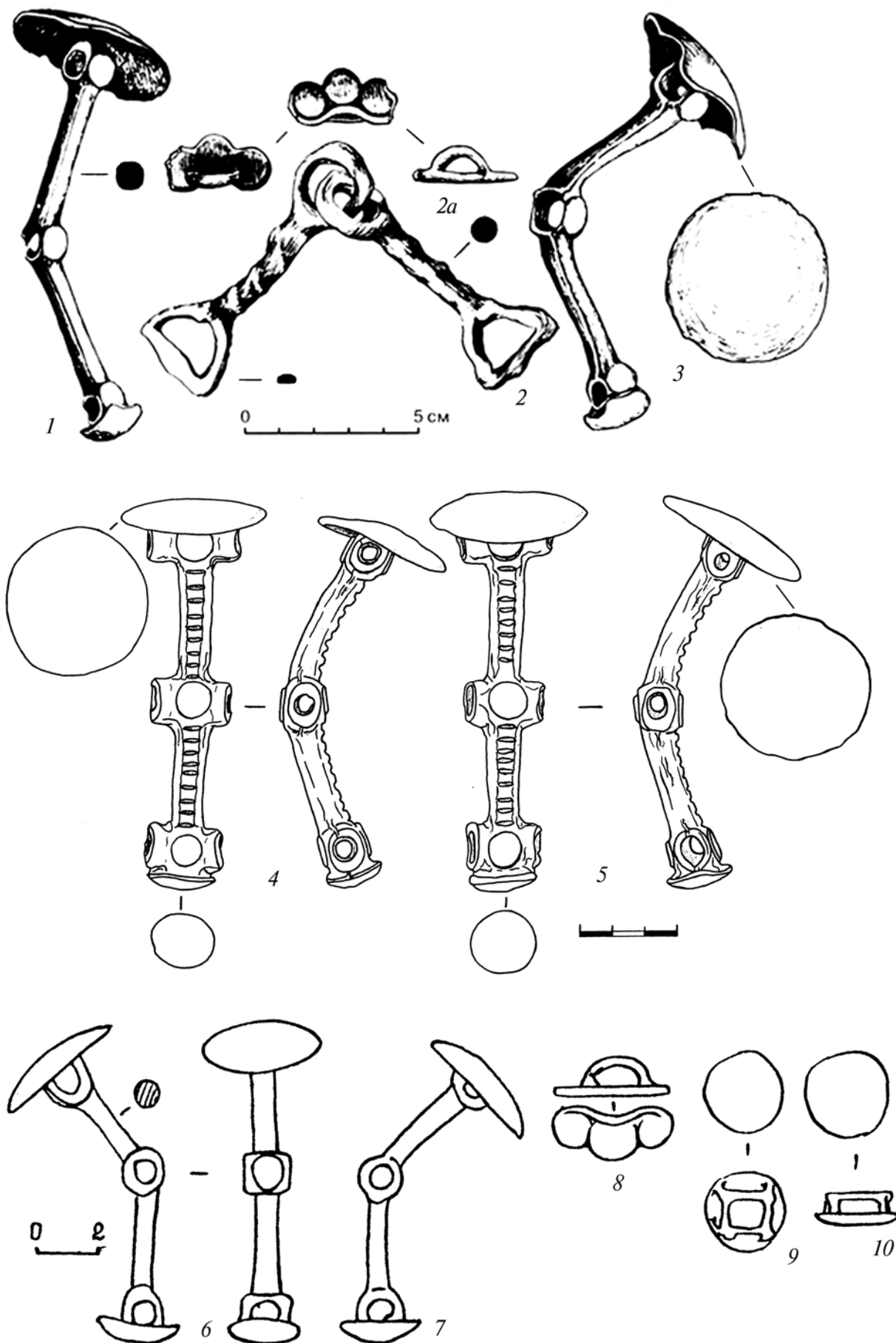
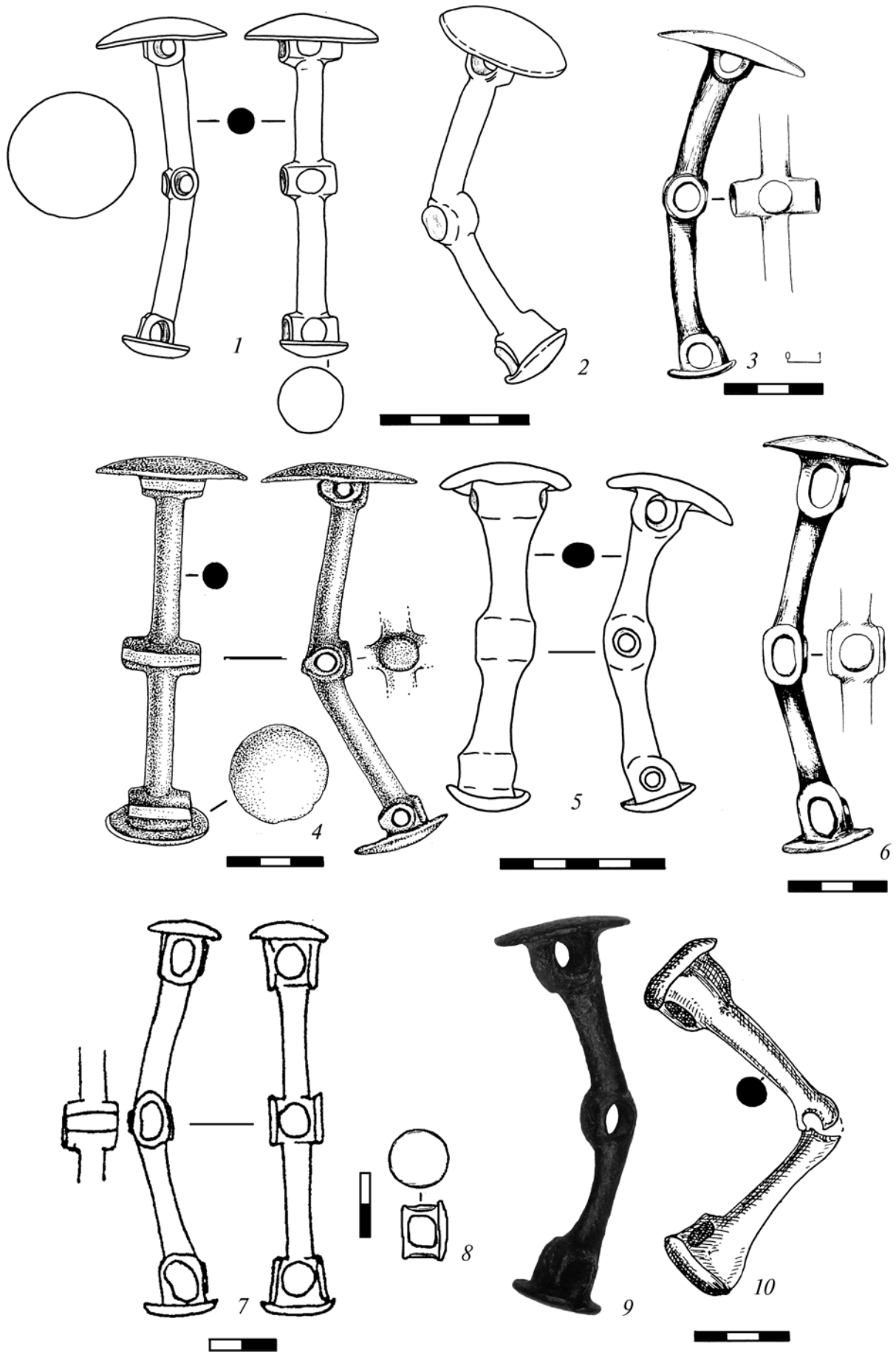


Рис.1. Псалии варианта Сержень-Юрт 56 – Пшиш 51.





60 Рис.2. Псалии вариантов Сержень-Юрт 56 – Пшиш 51 (1-4) и Майский – Казово (5-10).



3-5; 1982: табл. XX, 11-12; 2002: 93-97, рис.17; *Kozenkova, 1992: Taf.30, 16, 17; 52, 10-12*). В п.56 мог. Сержень-Юрт они встречены со стремевидными удилами с ложновитым рельефом стержней (рис. 1, 1-3). Кроме того, подобные находки известны в п.51 мог. Пшиш-I в Адыгее (рис. 1, 6-10) (*Сазонов, 1994: 92, рис.9, 2*), среди случайных находок из могильников левого берега Краснодарского водохранилища: Казазово 3 (рис. 2, 4) (*Пьянков, Тарабанов, 1997: 62, рис.2, 1*), Табор (рис.2, 3) (*Сазонов, 2003*), Псекупский 1 и Пшиш (рис.2, 1, 2). Именно изделия из п.51 мог. Пшиш-I могут считаться эталонными для данного варианта псалиев юга Восточной Европы, поскольку они имеют ту форму, которая, как неоднократно отмечалось исследователями (*Козенкова, 1977: 77; Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996: 37, 38*), находит наибольшее сходство с центральноевропейскими экземплярами. Псалии из п.38 мог. Сержень-Юрт уникальны для рассматриваемого варианта, так как кроме украшающих муфты дисков имеют и рельефный орнаментальный поясок на вогнутой стороне тулова. Поясок этот представляет собой ряд вертикально расположенных друг над другом прямоугольников (*Козенкова, 1982: табл. XX, 11; Вальчак, 2000: рис.1, 1*).

**Вариант 2. Майский – Казазово.** Этот вариант отличается отчётливыми попытками подражания предыдущему варианту, но несколько иным исполнением деталей. Отличительными особенностями рассматриваемого варианта являются: 1) уменьшение ширины трубок-муфт вокруг отверстий; 2) приобретение отверстиями овальных очертаний; 3) в большинстве случаев – отсутствие орнаментации на внешней и внутренней сторонах псалия.

Признаки эти не всегда встречаются в изделии в полном наборе, но представляются очень показательными. По особенностям формы псалиев можно заключить, что они являются своего рода предвестниками последующей, упрощенной фазы развития изделий типа Сержень-Юрт.

Пара роговых псалиев рассматриваемого варианта найдена в п.83 мог. Пшиш-I (рис. 4, 6) вместе с одноколычатыми удилами с ложновитым рельефом стержней (*Сазонов, 1995*). Большинство же изделий этого

варианта в Восточной Европе известны по случайным находкам. В сомнительном (по обстоятельствам нахождения) уздечном комплекте два псалия рассматриваемого варианта найдены на грунтовом могильнике Казазово 3 (рис. 3, 1-3), вероятно при удилах с подпрямоугольными окончаниями звеньев (*Пьянков, Тарабанов, 1997: 62-65, рис.1, 4, 2, 2, 4*). Находки прямоугольно-конечных удил на Северном Кавказе редки и не составляют представительную серию, поэтому не могут рассматриваться как датирующий признак. Кроме этих двух находок, следует отметить случайные находки одиночных псалиев на современном кладбище пос. Майский/«Элит» (рис. 2, 5) (*Эрлих, 2007*) и мог. Табор в Адыгее (рис. 2, 6) (*Сазонов, 2004*). Ещё один псалий был опубликован А.И.Тереножкиным как происходящий из станицы Ильинской в степной зоне Краснодарского края (*Тереножкин, 1976: 150, рис.87, 3*). Единственная на Украине случайная находка псалия рассматриваемого варианта, видимо, была сделана близ Кременчуга в Полтавской области (рис. 2, 9) (*Супруненко, Кулатова, Мироненко, Кракало, Титков, 2004: 92, рис.60*). Наряду с ними, следует упомянуть и похожий бронзовый псалий из п.10 мог. Измерский VII (рис. 2, 10), который расположен у слияния Волги и Камы (*Казаков, 1994: 109, 113, рис.8, 5*).

**Вариант 3. Камышеваха.** Тулово псалия изогнуто во внешнюю сторону и обычно имеет заметный перегиб в средней части, у центрального элемента крепления. Иногда тулово псалия изогнуто от центра и в одну из боковых сторон. Форма трубок-муфт и отверстий в них овальная, шляпки-завершения близки по размерам. Но диаметр верхней из них, как правило, несколько больше нижней. Муфты моделированы менее тщательно, чем у предыдущих вариантов и приобретают вид нешироких, но хорошо заметных утолщений стержня. Часто внешняя (вогнутая) сторона орнаментирована рельефным пояском из двух, реже одного, рядов прямоугольников (*Вальчак, 2000: рис.1, 2*) (рис. 3, 7-9, 4).

С одноколычатыми удилами с гладкими стержнями такие псалии найдены в п.13 к.10 мог. Балабинский I (рис. 4, 1) в Ростовской области (*Шарафутдинова, Дубовская,*



1987). В п.2 к.8 у с. Бирюково (рис. 4, 7) Свердловского р-на Луганской обл. (Піоро, 1991: 182, 183; Лукьяшко, 1999: 36-38, рис.21) и в п.129 мог. Пшиш-І (рис. 4, 2) (Сазонов, 1996: табл.19, 5). Последние две пары псалиев были найдены без удил.

Интересными особенностями обладают псалии из эпонимного комплекса — впускного погребения в к.256 у хут. Камышеваха на Восточной Украине (рис. 3, 7-9), которые были найдены вместе со звеном стремевидных удил с ложновитым рельефом на стержне (Иессен, 1953: 84, 85, рис.19, 3; Тереножкин, 1976: 48, рис.19, 2-5). У одного из псалиев в древности была утеряна крупная (верхняя) шляпка. Дополнительное отверстие в стержне над основным элементом крепления в верхней части тулова псалия служило для крепления модели шляпки-завершения, которая приливалась к уже готовому стержню. Второй псалий из рассматриваемого комплекса имеет крупную верхнюю шляпку, что является характерным признаком псалиев первого и второго вариантов типа Сержень-Юрт. Эта шляпка была отлита из иного металла, чем тулово псалия (Барцева, 1981: 9-11), но её крепление на стержне имеет практически аналогичную первому псалию конструкцию (рис. 3, 13). Учитывая небольшие, обычно близкие размеры обеих шляпок у большинства псалиев варианта Камышеваха (рис.4), можно считать рассматриваемый псалий уникальным. Видимо, при его изготовлении мастер экспериментировал, либо стремился осознанно придать псалию сходство с изделием какого-либо из двух предыдущих вариантов. Курьёз, но пара псалиев из эпонимного комплекса наиболее непохожа на остальные изделия варианта Камышеваха (Вальчак, 2005).

Сомнительные уздечные комплекты с псалиями рассматриваемого варианта происходят из сборов на мог. Казазово 3 (рис. 4, 3) (Хачатурова, Вальчак, Пьянков, Эрлих, 2002: 15, 16, рис.2, 1-3) и мог. Беляевский (рис. 4, 8) (Вальчак, Пьянков, Хачатурова, Эрлих, 2005). Найденные в Казазово удила имели звенья с округло-треугольным и треугольно-конечным окончаниями и ложновитым рельефом стержней. В Беляевском они встречены с треугольно-

конечными удилами с ложновитым рельефом стержней.

Для каких-либо хронологических построений невозможно использовать случайные находки трёх псалиев рассматриваемого варианта и звена одноколычатых удил в окрестностях с. Герменчик (1974 г.) в Урванском р-не Кабардино-Балкарии (рис. 4, 4). Находки ошибочно представляются некоторым исследователям закрытым археологическим комплексом (Дубовская, Подобед, 1996: 105). Группа находок предскифского времени, возможно, происходит из одного могильника, но нет никаких сведений о нахождении вещей в одном комплексе. Известно, что эта небольшая серия бронзовых вещей была обнаружена «при невыясненных обстоятельствах» (Батчаев, 1985: 15, табл. 6, 13, 15, 16). К варианту Камышеваха, видимо, можно отнести и обломок бронзового псалия из Краснодарского музея (рис.4, 9), обломки костяных псалиев из находок на поселении Дружное-1 в Крыму (Колотухин, 1996: рис.33, 1), Цахнауцы в Молдавии (Тереножкин, 1976) и несколько других (рис. 4, 10, 11).

Представляется, что вариант Камышеваха возник на юге Восточной Европы в результате взаимовлияний экземпляров варианта Сержень-Юрт 56 — Пшиш 51 и типа Черногоровка, для которого были характерны равные по размерам шляпки-завершения, некоторая аморфность утолщений вокруг отверстий и овальная форма самих отверстий. Второй вариант рассматриваемого типа (Майский — Казазово) выглядит первичным результатом упрощения формы псалиев варианта Сержень-Юрт 56 — Пшиш 51 (табл. 2).

Первый и второй варианты псалиев типа Сержень-Юрт имеют большое сходство с центральноевропейскими экземплярами в деталях и по общему облику. Им соответствуют варианты Dinyués и Cipău, а также типы VI и VIII (соответственно, по классификациям: Chochorowski, 1993: 59, 60, рис.3; Metzner-Nebelsick, 1994: 390, Abb.1). Есть все основания предполагать существование псалиев этой формы преимущественно в первой, но изредка и во второй хронологических группах развития уздечных комплектов предскифского периода. Частое



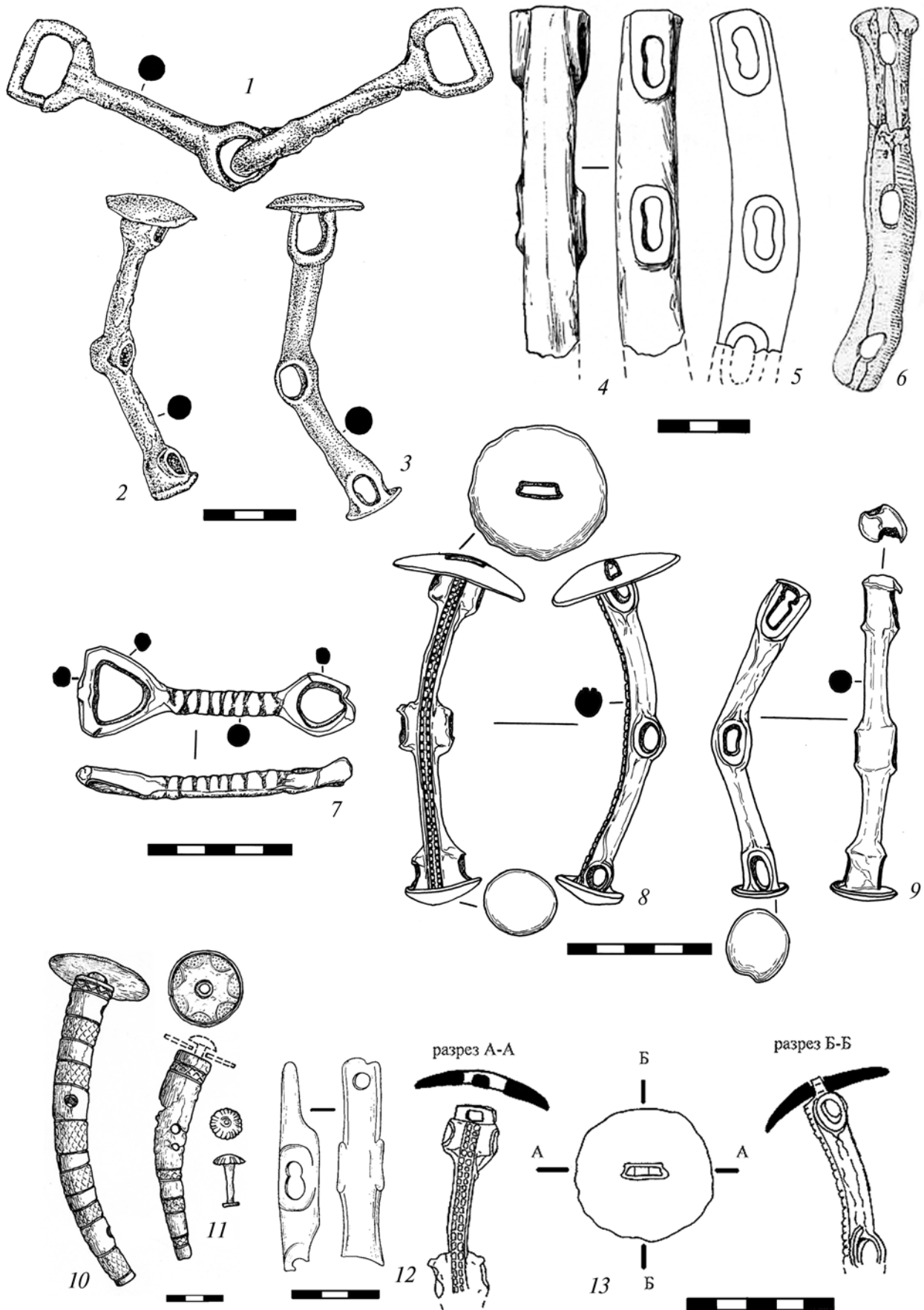
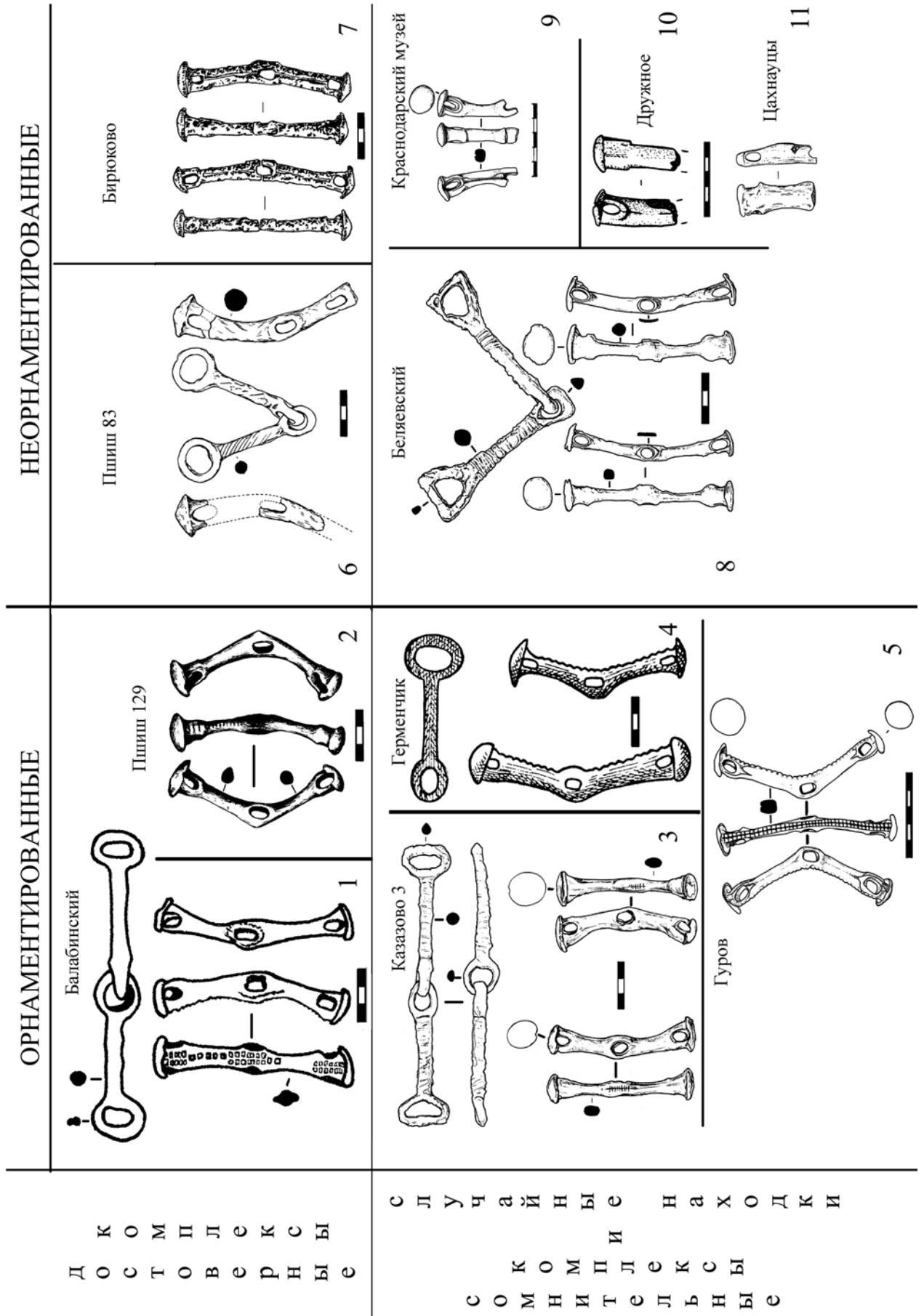


Рис.3. Уздечные комплекты и псалии вариантов Майский – Казазово (1-3) и Камышеваха (4-9) и способы крепления шляпок (10-13).







64 Рис.4. Уздечные комплекты и отдельные находки с псалями варианта Камышеваха.



использование удил из органических материалов в уздечных комплектах с такими псалиями служит дополнительным свидетельством относительной древности изделий первого и второго вариантов.

В отличие от псалиев первых двух вариантов типа Сержень-Юрт, изделия варианта Камышеваха выполнены менее тщательно. Как было показано выше (табл. 2-3), практически все экземпляры демонстрируют упрощенное исполнение деталей, уменьшение разницы в диаметре шляпок, овальную форму отверстий в нечётко выраженных утолщениях вместо трубок-муфт. Создается впечатление, что характерные конструктивные признаки варианта Сержень-Юрт 56 – Пшиш 51 постепенно замещаются признаками псалиев типа Черногоровка. Характерной особенностью многих экземпляров является двурядно-прямоугольный орнаментальный пояс на внешней стороне псалия (рис.3, 8, 4, 1-5).

На финальном этапе развития псалиев рассматриваемого типа появляются, совершенно особые, синкретические формы между вариантом Камышеваха и типом Черногоровка, которые, собственно, и могут называться «черногоровско-камышевахскими» (рис.6). Помимо общей формы, которую трудно определённо отнести к указанным варианту или типу, небольшую серию этих псалиев отличает, и объединяет между собой, наличие нескольких опоясывающих рельефных поясков, вокруг или с внешней стороны утолщений у всех трёх отверстий (п.61 мог. Пшиш-I, клад Чернотин), или только у крайних отверстий (п.3 мог. Пшиш-I, мог. Табор, Тауйхабль, Мошанецкий клад), иногда дополненных однорядно-прямоугольным рельефным пояском (Сазонов, 2003; Bouzek, 1960; Канторович, Эрлих, 2006; Смирнова, Войнаровский, 1994).

**Орнаментация псалиев типа Сержень-Юрт.** Орнамент псалиевлюбого хронологического периода, по определению, не имеет никакого функционального назначения.

Зачастую стабильно встречающийся орнамент отражает культурные традиции того или иного региона. Сходство орнамента на вещах из разных географических регионов, но одной и той же функциональной категории артефактов отражает, как правило, либо единый центр происхождения самих вещей, либо изначально общий семантический источник такого орнамента, сквозь десятилетия понятный и востребованный населением каждого из регионов на том или ином хронологическом отрезке.

Орнаментация псалиев рассматриваемого типа уже рассматривалась в контексте других форм псалиев и рельефа на удилах из памятников предскифского и раннескифского периодов на юге Восточной Европы (Вальчак, 2000). Следует отметить основные зоны нанесения рельефного орнамента на псалии типа Сержень-Юрт на юге Восточной Европы.

**Зона 1.** Внешняя поверхность псалия (зона 1а – со стороны вогнутой части тулова псалия) и внутренняя (зона 1б – на выпуклой стороне).

Для первого варианта псалиев рассматриваемого типа характерны орнаментальные дисковидные выступы в местах пересечения тулова и трубки-муфты. В большинстве случаев они присутствуют на внешней (вогнутой) стороне псалиев, но часто встречаются и на внутренней (рис. 1-2). Обычно они интерпретируются как солярный символ. Не лишена смысла и гипотеза о происхождении такого орнамента от функционального элемента у роговых псалиев эпохи бронзы, некогда высказанная, по-моему, Н.Л.Членовой. У многих из них элементы крепления имели небольшие отверстия, расположенные перпендикулярно основным, крупным, в которые пропускались ремни уздечки. В малые отверстия вставлялись костяные или деревянные шпеньки, которые служили фиксаторами ремней. Такая конструкция сохранилась у псалиев с Ильичёвского поселения<sup>2</sup>. На бронзовых псалиях такой

<sup>2</sup> Псалии были осмотрены автором в Археологическом музее Донецкого государственного университета в 1990-х годах. Сердечно благодарен В.А.Косикову, А.В.Евглевскому и А.Н.Усачуку за помощь, содействие и предоставленную возможность ознакомиться с материалами.



способ крепления перестал употребляться, а выступающие с обеих сторон концы шпеньков превратились в орнаментальные диски.

Для псалиев третьего варианта характерна орнаментация внешней поверхности сплошным продольным пояском из двух рядов квадратиков. Реже встречается поясок из одного ряда прямоугольничков, обычно на синкретических черноморовско-камышевахских псалиях, вместе с подобной же орнаментацией утолщений у отверстий (рис. 3, 8-9, 4, 1-5). Только один раз однорядно-прямоугольный поясок встречен у псалиев первого варианта (рис. 1, 4, 5).

**Зона 2.** Боковые поверхности псалия. Продольный углублённый желобок на одной из боковых сторон встречен у некоторых псалиев второго и третьего вариантов (Ильинская, Бирюково, Краснодарский музей). Впрочем, не исключено, что это связанный с отливкой технологический элемент (рис.4, 7, 9).

**Региональное распределение псалиев типа Сержень-Юрт.** Районами наибольшего распространения псалиев типа Сержень-Юрт являются степи и предгорья Северо-Западного Кавказа, степные регионы Левобережной Украины и бассейна Нижнего Дона. Реже встречаются экземпляры рассматриваемого типа в Центральном Предкавказье и в памятниках Северо-Восточного Кавказа. Единичны находки в Крыму, Молдавии и Волго-Камье. Псалии первого и второго вариантов были встречены преимущественно на Северном Кавказе. Псалии варианта Камышеваха, помимо Северного Кавказа, известны преимущественно в степной зоне России и Восточной Украины. Есть варианты дальнейшего объяснения таких явлений.

На востоке Евразии подобные типу Сержень-Юрт формы редки. Ближайшей аналогией варианту Сержень-Юрт 56 – Пшиш 51 является роговой псалий из поселения большереченской культуры Ближние Елбаны XIV (VII–VI вв. до н.э.), хотя, по ряду признаков этот псалий отличен от рассматриваемого варианта (Грязнов, 1992: 177, табл.69, 31; Членова, 1997: рис.13,

21; Марсадолов, 1998: фото 1, 5). Некоторое сходство с вариантом Камышеваха наблюдается у бронзового псалия из находок у дер. Кальская (долина р. Камышты), бывшего Минусинского округа (Радлов, 1894: 112, №18, табл.XIX, 18; Членова, 1967: 72, табл.16, 21).

Наибольшее сходство псалии всех вариантов типа Сержень-Юрт находят в центральноевропейских памятниках и памятниках соседних регионов, обычно датирующихся периодами Гальштат В3 и С (На В-С). Псалии варианта Сержень-Юрт 56 – Пшиш 51, видимо, являются импортами или прямым подражанием бронзовым изделиям Центральной Европы. Наиболее соответствуют рассматриваемому варианту центральноевропейские псалии типа Камышеваха (по типологии Я.Хохоровского), а именно, вариант этого типа – Dinnyeš. В меньшей степени похожи на восточноевропейские изделия псалии варианта Cipău, которые по ряду признаков близки варианту Майский – Казазово (Chochorowski, 1993: 59-61, Rys.2, 2, 3, 3, 3, mapa 3). В классификации К.Метцнер-Небельсик псалиям Восточной Европы соответствуют типы VI и VIII центральноевропейских находок (Metzner-Nebelsick, 1994: 390-393, 442, 443, Abb.1, 5, 4, 5).

Псалии типа Сержень-Юрт вполне обоснованно связываются В.И.Козенковой с центральноевропейскими экземплярами (Козенкова, 1977: 77). Вызывает возражение абсолютное датирование этих экземпляров с опорой на наиболее ранние версии европейской (гальштатской) хронологии и предполагаемый приоритет этого региона в изобретении подобной конструктивной схемы (Козенкова, 2002: 93-97).

Представляется мне, что возникновение в Центральной Европе столь сложных форм без видимых прототипов маловероятно, а сходные костяные формы-архетипы практически полностью отсутствуют в памятниках эпохи бронзы Центральной Европы. Муфты-трубки на бронзовых псалиях несут исключительно декоративную, а не функциональную нагрузку. Функциональны утолщения вокруг отверстий, оправданны только на псалиях из органических (дерево, кость), менее прочных



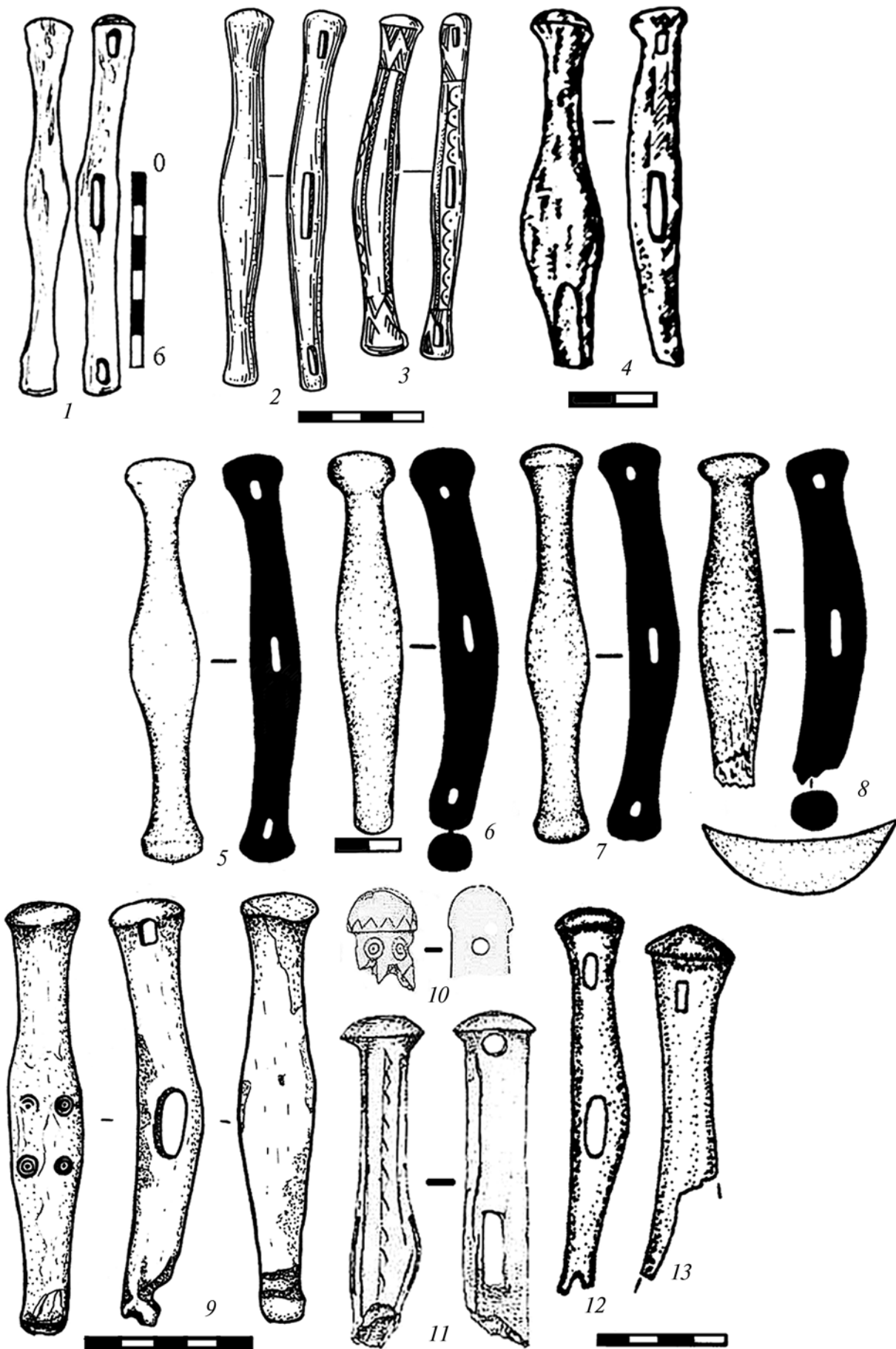
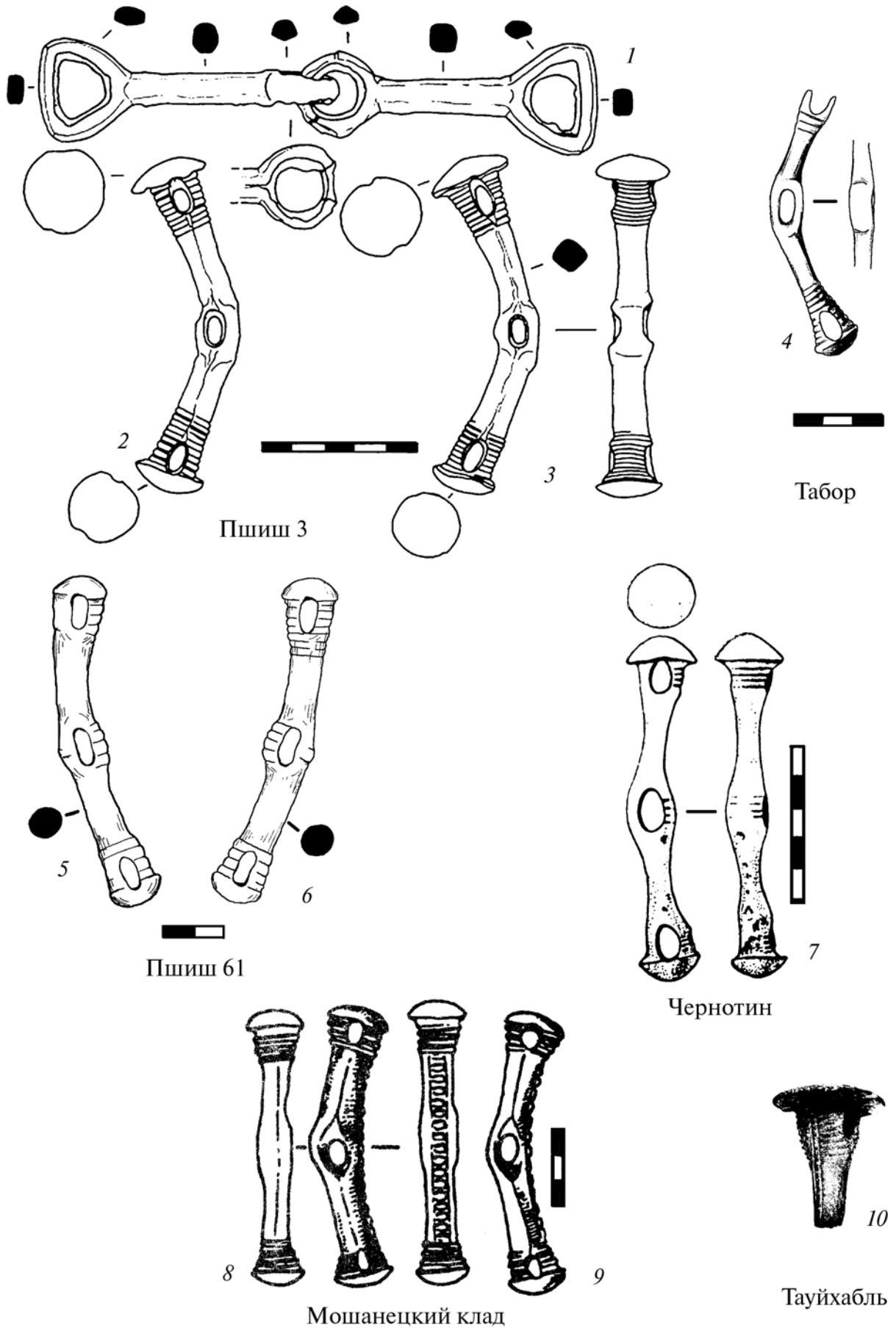


Рис.5. Псалии типа Усатово, позднебронзовые прототипы псалиев типа Сержень-Юрт.





68 Рис.6. Находки псалиев синкретического «черногоровско-камышевахского» варианта.



**Находки псалиев типа Сержень-Юрт в Восточной Европе**  
(отдел 1, подотдел 2, группа 3, подгруппа 1)

№	Место находки и количество	Вариант	Материал	Источник
1	Сержень-Юрт, п.56 (2 экз.)	1	бронза	Козенкова, 1982, табл.ХХ, 12
2	Сержень-Юрт, п.38 (2 экз.)	1	бронза	Козенкова, 1982, табл.ХХ, 11
3	Пшиш-1, п.51 (2 экз.)	1	бронза	Сазонов, 1995, с.92, рис.9, 2
4	Казазово 3, сл.н. (1 экз.)	1	бронза	Пьянков, Тарабанов, 1997, с.62, 65, рис.2, 1
5	Псекупский №1, сл.н. (1 экз.)	1	бронза	НМРА, б/н
6	Псекупский №1, сл.н. (2 экз.)	1	бронза	НМРА, №11203/7
7	Табор, сл.н. (1 экз.)	1	бронза	Сазонов, 2003
8	Майский (с/х Элит), разр.п. (1 экз.)	2	бронза	НМРА, б/н
9	Кременчуг, сл.н. (1 экз.)	2	бронза	Супруненко, Кулатова и др., 2004, рис.60
10	Пшиш-1, п.77 (1 экз.)	2	бронза	Сазонов, 1994, табл.29, 6
11	Казазово 3, разр. п. (2 экз.)	2	бронза	Пьянков, Тарабанов, 1997, с.62, 65, рис.2, 2, 4
12	Пшиш-1, п.83 (2 экз.)	2	рог	Сазонов, 1995
13	Ильинская ст. (1 экз.?)	2	бронза	Тереножкин, 1976, с.150, рис.87, 3
14	Табор, сл.н. (1 экз.)	2	бронза	Сазонов, 2003
15	Измерский VII, п.10 (1 экз.)	2	бронза	Казаков, 1994, с.109, рис.8, 5
16	Камышеваха, к.256 (2 экз.)	3	бронза	Тереножкин, 1976, рис.19, 2-5
17	Балабинский 1, к.10, п.13 (2 экз.)	3	бронза	Шарафутдинова, Дубовская, 1987, рис.1, 5г-д
18	Пшиш-1, п.129 (2 экз.)	3	бронза	Сазонов, 1996, табл.19, 5
19	Казазово 3, разр.п. (2 экз.)	3	бронза	Хачатурова, Вальчак, Пьянков, Эрлих, 2002, рис.2, 1
20	Беляевский, сл.н. (2 экз.)	3	бронза	Хачатурова, Вальчак, Пьянков, Эрлих, 2006
21	Герменчик, сл.н. (3 экз.)	3	бронза	Батчаев, 1985, с.15, табл.6, 15, 16
22	Гуров хут., сл.н. (1 экз.)	3	бронза	Иессен, 1953, с.85, №6; Вальчак, 2000, рис.1, 2; НМИДК, №II-144
23	Бирюково, к.8, п.2 (2 экз.)	3	бронза	Пиоро, 1991, рис.1, 2; Лукьяшко, 1999, рис.21
24	Краснодарский музей (1 экз.)	3?	бронза	КГИАМЗ, ПМ 2512, №220
25	Дружное-1, пос. (1 экз.)	3?	кость	Колотухин, 1996, рис.33, 1
26	Цахнауцы, пос. (1 экз.)	3?	кость	Тереножкин, 1976, рис.

материалов. В таких псалиях они укрепляют тулово в наиболее ломком месте, там, где прорезаны отверстия для крепления с удилами и ременными частями узды. Более того, чем грубее (массивнее) исполнена муфта костяного псалия, тем крепче должно быть его тулово и, соответственно, более длительна его функциональная пригодность. Именно этими чертами отличаются некоторые восточноевропейские псалии эпохи поздней бронзы, в том числе и «симметричной» схемы, аналогичной предскифским бронзовым экземплярам типа Сержень-Юрт и Черногоровка (рис. 5).

По всей видимости, в Центральную Европу в качестве инокультурных элементов из Юго-Восточной Европы, не особенно насыщенной металлическими изделиями, попадали, скорее всего, не бронзовые, а костяные (роговые) и деревянные псалии. Вполне вероятно, что реплика именно такого экземпляра найдена на поселении Бабадаг в Румынии (рис. 3, 6), а истоки позднебронзовых центральноевропейских

форм (рис. 5, 10, 11) (Morintz, 1987), находятся восточнее (рис. 5, 1-9, 12, 13). На их основе центральноевропейскими металлургами были созданы (и модифицированы) сообразно местным вкусам) бронзовые экземпляры, впрочем, и роговые.

С установлением обратных связей (хронологический разрыв, видимо, был относительно недолгим), эти бронзовые изделия попали в Восточную Европу через степной регион и послужили прототипами для изготовления подобных вещей на месте, скорее всего, на базе северокавказских производственных центров (Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996).

Данная гипотеза подверглась критике со стороны С.Л.Дударева. Исследователь признаёт центральноевропейское влияние, но предлагает учитывать производственные возможности причерноморского региона (Дударев, 1999: 140, 141). К сожалению, количество причерноморских находок никак не может быть сравнимо с северокавказскими. Нет и убедительных



Табл. 2

## Особенности различных вариантов псалиев типа Сержень-Юрт в Восточной Европе

Место находки	размеры шляпок		элементы крепления (трубки-муфты)			форма отверстий	
	разные	близкие	чётко выдел.	слабо выдел.	плохо выдел.	круг	овал
Сержень-Юрт, п.56 (2 экз.)	+		+			+	
Сержень-Юрт, п.38 (2 экз.)	+		+			+	
Пшиш-I, п.51 (2 экз.)	+		+			+	
Казазово 3, сл.н. (1 экз.)	+		+			+	
Псекупский №1, сл.н. (1 экз.)	+		+			+	
Псекупский №1, сл.н. (2 экз.)	+		+			+	
Табор, сл.н. (1 экз.)	+		+			+	
Майский (с/х Элит), разр.п. (1 экз.)	+			+		+	
Кременчуг, сл.н. (1 экз.)	+			+		+	
Ильинская ст. (1 экз.?)	+			+			+
Казазово 3, разр. п. (2 экз.)	+			+			+
Пшиш-I, п.83 (2 экз.)	+			+			+
Табор, сл.н. (1 экз.)	+			+			+
Пшиш-I, п.77 (1 экз.)		+		+			+
Измерский VII, п.10 (1 экз.)		+		+			+
Камышеваха, к.256 (1-й экз.)	+				+		+
Камышеваха, к.256 (2-й экз.)	?	?			+		+
Балабинский 1, к.10, п.13 (2 экз.)		+			+		+
Пшиш-I, п.129 (2 экз.)		+			+		+
Казазово 3, разр.п. (2 экз.)		+			+		+
Беляевский, сл.н. (2 экз.)		+			+		+
Герменчик, сл.н. (3 экз.)		+			+		+
Гуров хут., сл.н. (1 экз.)		+			+		+
Бирюково, к.8, п.2 (2 экз.)		+			+		+
Краснодарский музей (1 экз.)	?	?			+		+
Дружное-I, пос. (1 экз.)	?	?			+		+
Сахнауцы, пос. (1 экз.)	?	?			+		+

Табл. 3

## Взаимосвязь деталей формы и орнамента различных вариантов псалиев типа Сержень-Юрт

Место находки	вид орнамента		элементы крепления (трубки-муфты)			форма отверстий	
	диски на муфтах	рельеф на внеш. стороне	чётко выдел.	слабо выдел.	плохо выдел.	круг	овал
Сержень-Юрт, п.56 (2 экз.)	+	-	+			+	
Сержень-Юрт, п.38 (2 экз.)	+	+	+			+	
Пшиш-I, п.51 (2 экз.)	+	-	+			+	
Казазово 3, сл.н. (1 экз.)	+	-	+			+	
Псекупский №1, сл.н. (1 экз.)	+	-	+			+	
Табор, сл.н. (1 экз.)	+	-	+			+	
Псекупский №1, сл.н. (2 экз.)	-	-	+			+	
Пшиш-I, п.77 (1 экз.)	+	-		+			+
Табор, сл.н. (1 экз.)	+	-		+			+
Майский (с/х Элит), разр.п. (1 экз.)	-	-		+		+	
Кременчуг, сл.н. (1 экз.)	-	-		+		+	
Ильинская ст. (1 экз.?)	-	-		+			+
Пшиш-I, п.83 (2 экз.)	-	-		+			+
Казазово 3, разр. п. (2 экз.)	-	-		+			+
Измерский VII, п.10 (1 экз.)	-	-		+			+
Камышеваха, к.256 (1-й экз.)	-	+			+		+
Камышеваха, к.256 (2-й экз.)	-	-			+		+
Балабинский 1, к.10, п.13 (2 экз.)	-	+			+		+
Пшиш-I, п.129 (2 экз.)	-	+			+		+
Казазово 3, разр.п. (2 экз.)	-	+			+		+
Герменчик, сл.н. (3 экз.)	-	+			+		+
Гуров хут., сл.н. (1 экз.)	-	+			+		+
Беляевский, сл.н. (2 экз.)	-	-			+		+
Бирюково, к.8, п.2 (2 экз.)	-	-			+		+
Краснодарский музей (1 экз.)	-	-			+		+
Дружное-I, пос. (1 экз.)	-	-			+		+
Сахнауцы, пос. (1 экз.)	-	-			+		+



свидетельств о производстве в степной или лесостепной зонах металлических деталей узды на начальных этапах предскифского периода (первая и вторая фаза развития, по периодизации С.Б.Вальчака). Полемика С.Л.Дударева о «западном» происхождении бронзовых псалиев типа Сержень-Юрт и Малая Цимбалка вообще не имеет причинной основы, так как авторы критикуемой им статьи указывали на заимствования именно из этого региона (Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996: 37, 38). Если на Северном Кавказе представлены «копии» центральноевропейских экземпляров типа Сержень-Юрт и их более поздние вариации, то в Северном Причерноморье псалиев первого варианта нет. Более поздние формы псалиев (варианты Майский – Казазово и Камышеваха), из немногочисленных степных памятников, практически аналогичны северокавказским, а не центральноевропейским экземплярам (табл. 2, 3).

Имеющийся материал позволяет предполагать разовый и кратковременный «вброс» центральноевропейских бронзовых форм псалиев (или их идеи) в Восточную Европу на раннем этапе предскифского периода, с последующей их материализацией в северокавказских центрах бронзового литья. Со временем точность в копировании импортных образцов (псалии варианта Сержень-Юрт 56 – Пшиш 51) уменьшалась: сократились размеры верхней шляпки, менее выступающими в стороны стали трубки-муфты, которые приобрели (наряду с отверстиями) характерную для псалиев Восточной Европы овальную форму (варианты Майский – Казазово и Камышеваха). Фактически мы наблюдаем трансформацию вариантных признаков в рамках одного типа.

Из 40 учтенных псалиев типа Сержень-Юрт в Восточной Европе (табл. 3), 11 экземпляров полностью сходны с центральноевропейскими, 10 имеют переходные признаки и 19 соответствуют заключительному варианту развития (вариант Камышеваха).

Костяных прототипов бронзовым псалиям типа Сержень-Юрт, идентичных бронзовым экземплярам, в Восточной Европе пока нет. Некое подобие составляют

обломки двух псалиев из поселения Бабадаг (рис. 5, 10, 11), абсолютно зависимые от форм Восточной Европы. Можно лишь предполагать, что центральноевропейские, затем и восточноевропейские изделия из бронзы произошли от завершающихся небольшими шляпками-утолщениями костяных трехдырчатых псалиев с тремя более-менее равными по величине отверстиями. Предположение есть недоказанная парадигма. Эти костяные экземпляры восходят, в свою очередь, к псалиям белозерского облика (типа Усатово: рис. 5, 1) с заметным отличием в размерах центрального и крайних отверстий (см., напр.: Отрощенко В.В., 1986: рис.43, 14-16). Подобные костяные псалии-прототипы известны среди находок в землянке 6 Субботовского городища (рис. 5, 2, 3) и Белогрудовском лесу в лесостепи Украины (Тереножкин, 1976: рис.85, 1, 3, 4), на поселениях Дружное-2, Фонтаны и Бай-Кият в Крыму (рис. 5, 4, 9, 12, 13) (Колотухин, 1996: рис.15, 21, 17, 10; 2000: рис.19, 23, 24), в п.1 к.5 мог. Подгорный (рис. 5, 5-8) (Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996: рис.5, 1-4) и других памятниках финального этапа эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы.

Вызывает некоторые затруднения вопрос об истоках появления у бронзовых псалиев крупных шляпок-завершений. То, что такая форма могла быть изготовлена из рога целиком, доказывает находка псалия на поселении Ближние Елбаны XIV (Грязнов, 1992: 177, табл. 69, 31; Членова, 1997: рис. 13, 21; Марсадолов, 1998: фото 1, 5). Такая конструкция очень непрочна и особо подвержена фрагментации. Кроме того, шляпки могли изготавливаться из кости или дерева отдельно, а затем крепиться на псалии различными способами. Вполне вероятно, что для крепления шляпки предназначалось небольшое отверстие на конце костяного псалия с муфтами из Субботовского городища (Тереножкин, 1976: рис.54, 2) (рис. 3, 12). Свообразным вариантом такого технического решения является способ крепления шляпок на бронзовых псалиях из к.256 Камышевахи, из раскопок Н.Е.Брандесбурга (Вальчак, 2007) (рис. 3, 13).

Возможно, правы исследователи мог. Мингечаур в Азербайджане, изобразившие





крупные костяные орнаментированные диски из п.77 не в качестве уздечных блях (Мелентьев, 1968: 226–229, рис.1), а в качестве шляпок-завершений псалиев (Асланов, Ваидов, Ионе, 1959: 58, рис.41а), хотя и перепутали псалии с флейтами. Явное недоразумение. Ими же, на рисунках, предложено и оригинальное объяснение крепления таких дисков костяными «заклёпками», возможно, с помощью естественных связующих материалов (рис.3, 10, 11). Есть в предскифское время примеры и иного крепления (рис. 3, 12, 13). Здесь уместно вспомнить, в связи с находками из Мингечаура, различным образом орнаментированные шляпки центральноевропейских бронзовых псалиев из «кладов» Haslau-Regelsbrunn и Záboří, погребения 6 мог. Stillfried, кургана К мог. Frög, (Müller-Karpe, 1959: Taf.143A, 15, 16; Chochorowski, 1993: rys.38, 2; Metzner-Nebelsick,

1994: Abb.5, 4; Kemenczei, 1996: Fig.8B, 2; Махортовых, 2003: рис.26, 7, 8, 47, 4, 49, 7, 9, 12). Эти находки близки по форме восточно-европейским псалиям типа Сержень-Юрт (первый и второй варианты), но на последних нет следов орнаментации.

Таким образом, бронзовые экземпляры типа Сержень-Юрт и Черногоровка происходят от одного прототипа – костяных псалиев типа Усатово или его вариантов. Тип Сержень-Юрт имеет достаточно длительную и сложную историю развития форм. На мой взгляд, эта история ограничивается концом IX – рубежом VIII–VII вв. до н.э. «Бесхитростные» по морфологии, псалии типа Черногоровка употреблялись на всём протяжении этого временного отрезка. Но формирование этих типов шло различными путями, по всей видимости, иногда и в разных регионах.

## Литература

Асланов, Ваидов, Ионе, 1959 – Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). – Баку, 1959.  
 Барцева, 1981 – Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское Левобережье. – М., 1981.  
 Батчаев, 1985 – Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т.2. – Нальчик, 1985.  
 Вальчак, 2000 – Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000.  
 Вальчак, 2003 – Вальчак С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период. Автореф. дисс. кандидата историч. наук. – М., 2003.  
 Вальчак, 2007 – Вальчак С.Б. Особенности уздечного комплекта из предскифского погребения кургана 256 у с.Камышеваха // Ранній залізний вік Європі: до 100-річчя від дня народження О.І.Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції. – Київ – Чигирин, 2007.  
 Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996 – Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып.2. – Армавир-М., 1996.  
 Вальчак, Пьянков, Хачатурова, Эрлих, 2005 – Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р.

Новые материалы предскифского времени с южного берега Краснодарского водохранилища (из частной коллекции) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.5. – Краснодар, 2005.  
 Грязнов, 1992 – Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.  
 Дубовская, Подобед, 1996 – Дубовская О.Р., Подобед В.А. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч.2. – Донецк, 1996.  
 Дударев, 1999 – Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). – Армавир, 1999.  
 Иессен, 1953 – Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. XVIII, 1953.  
 Казаков, 1994 – Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Вопросы археологии Татарстана. Вып.1. – Казань, 1994.  
 Канторович, Эрлих, 2006 – Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. – М., 2006.  
 Козенкова, 1977 – Козенкова В.И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. – Махачкала, 1977.



- Козенкова, 1982 – Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М., 1982.
- Козенкова, 1995 – Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М., 1995.
- Козенкова, 2002 – Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. – М., 2002.
- Колотухин, 1996 – Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (этно-культурные процессы) // Материалы по археологии Крыма. Вып.3. – Киев, 1996.
- Колотухин, 2000 – Колотухин В.А. Поселение эпохи поздней бронзы Бай-Кият в Крыму // Stratum plus. №2. – СПб. – Одесса-Бухарест, 2000.
- Лукьяшко, 1999 – Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып.7. – Азов, 1999.
- Марсадолов, 1998 – Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удила, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998.
- Махортых, 2003 – Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. – Киев, 2003.
- Мелентьев, 1968 – Мелентьев А.Н. Две узды из Мингечаура // СА. №1. 1968.
- Пиоро, 1991 – Пиоро І.С. Нові поховання киммерійського часу на Луганщині // Поховальний обряд давнього населення України. – Київ, 1991.
- Пьянков, Тарабанов, 1997 – Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы по археологии России. №1. – М., 1997.
- Радлов, 1894 – Радлов В. Сибирские древности. Т.1. Вып.3 // Материалы по археологии России. №15. – СПб., 1894.
- Сазонов, 1994 – Сазонов А.А. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции АРИГИ в 1994 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №18979, 18980.
- Сазонов, 1995 – Сазонов А.А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // Археология Адыгеи. – Майкоп, 1995.
- Сазонов, 1996 – Сазонов А.А. Отчет о работах Пшишского отряда археологической экспедиции Адыгейского Республиканского института гуманитарных исследований в Теучежском районе Республики Адыгея в 1996 г. // Архив ИА РАН, Р-1.
- Сазонов, 2004 – Сазонов А.А. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // Kimmerowie, Skytowie, Sarmaci. – Kraków, 2004.
- Смирнова, Войнаровский, 1994 – Смирнова Г.І., Войнаровский В.М. Мошанецкий скарб бронзи кімерійського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. 1994. №1.
- Супруненко, Кулатова, Мироненко, Кракало, Тітков, 2004 – Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М., Кракало І.В., Тітков О.В. Старожитності Кременчука. Археологічні пам'ятки території та округи міста. – Полтава-Кременчук, 2004.
- Тереножкин, 1976 – Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976.
- Хачатурова, Вальчак, Пьянков, Эрлих, 2002 – Хачатурова Е.А., Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Эрлих В.Р. Новые материалы предскифского времени из могильника Казазово 3 // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара). – Краснодар, 2002.
- Членова, 1967 – Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
- Членова, 1997 – Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997.
- Шарафутдинова, Дубовская, 1987 – Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987.
- Эрлих, 1994 – Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. – М., 1994.
- Эрлих, 2007 – Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. – М., 2007.
- Bouzek, 1960 – Bouzek J. Homerisches Griechenland // Acta Universitatis Carolinae. Philosophia at Historica. XXIX. – Praha, 1960.
- Chochorowski, 1993 – Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. – Kraków, 1993.
- Kemenczei, 1996 – Kemenczei T. Notes on the Chronology of Late Bronze Age Hoards in Hungary // Problemy Epoki Brązu I Wczesnej Epoki Żelaza w Europie Środkowej. – Kraków, 1996.
- Kozenkova, 1992 – Kozenkova V.I. Seržen'-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd.48. – Mainz-am-Rhein, 1992.
- Metzner-Nebelsick, 1994 – Metzner-Nebelsick C. Die früheisenzeitliche Trensenentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Regensburger Beiträge zur prähistorischen Archäologie. Bd.1. – Bonn, 1994.
- Morintz, 1987 – Morintz S. Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. T.VIII. Nr.1-2. – București, 1987.
- Müller-Karpe, 1959 – Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen // Römisch-germanische Forschungen. Bd.22. – Berlin, 1959.



*Вахтина М.Ю. (Санкт-Петербург)*

## **К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ В.В.ХВОЙКОЙ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИДНЕПРОВЬЯ (по материалам Научного архива ИИМК РАН)**

Сергей Анатольевич Скорый, юбилею которого посвящен этот сборник, — талантливый и яркий исследователь, успешно работающий в области изучения древностей Северного Причерноморья эпохи раннего железа. Особое место в сфере научных интересов ученого занимают памятники лесостепного Приднепровья предскифского и скифского времени (*Скорый, 1990; 1996; 1997; 1999; 2003; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989; Бессонова, Скорый, 2001; Chochorowski, Skoryj, 2004* и другие работы). Думая о теме для статьи юбилейного сборника, я обратилась к материалам, связанным с раскопками скифских памятников Лесостепи и хранящимся в научном архиве ИИМК РАН. Изучение архивных документов часто позволяет обнаружить интересные сведения, относящиеся к раскопкам, проведенным много лет назад. Среди материалов об исследованиях лесостепного Приднепровья дореволюционной поры внимание мое привлекли документы, рассказывающие о раскопках В.В.Хвойки.

В предисловии к своей книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» (по раскопкам) Викентий Вячеславович Хвойко писал, что «...работа эта первоначально была задумана в более широких размерах, при этом предполагалась детальная разработка некоторых вопросов, излагаемых в ней, и пояснение текста рисунками, фотографическими снимками и планами. Но так как осуществление такой работы

потребовало бы еще более продолжительного времени, то я ввиду своего слабого здоровья и некоторых других независящих от меня обстоятельств решил ограничиться настоящим кратким очерком... Позволю себе надеяться, что в будущем мне удастся уяснить отдельные вопросы, затронутые в этой работе, более полно разработав их, что послужит дополнением к настоящему очерку» (*Хвойко, 1913*). К сожалению, последовавшая в 1914 году смерть исследователя помешала ему осуществить эти планы. Раздел книги, посвященный скифской эпохе (*1913: 30-42*) и повествующий о раскопках автора на территории лесостепного Приднепровья, как и другие разделы этой книги, не был сопровожден иллюстрациями. В 2008 г. книга В.В. Хвойки была переиздана (*Хвойко, 1908*) и дополнена рисунками, фотографиями, планами раскрытых объектов, среди которых достойное место заняли рисунки и чертежи, выполненные автором и хранящиеся в научных архивах. К каждому разделу нового издания ведущими специалистами в конкретных областях знания были написаны комментарии; завершает работу биографический очерк, рассказывающий о судьбе исследователя (*Хвойко, 2008: 157*). Рисунки и фотографии, выполненные В.В. Хвойкой, приведены и в книгах, посвященных научной биографии этого выдающегося ученого (*Колесникова, 2007; 2008*). Следует признать, что материалы раскопок В.В. Хвойки успешно вводятся в научный оборот. Однако, материалы эти столь разнообразны



и интересны, что, по-видимому, требуют полного их издания. Надеемся, что когда-нибудь это осуществится.

В научном архиве ИИМК РАН хранятся подробные отчеты В.В. Хвойко о его раскопках на территории лесостепного Приднепровья: «Отчет о раскопках В.В. Хвойка в Киевской и Полтавской губерниях в 1897-1900 г» (д. 29/1900, л. 70-74) и «Отчет о произведенных раскопках за 1899 год» (д. 53/1899, л. 17-20). Эти архивные дела содержат также описи находок, рисунки и фотографии. В архиве ИИМК также хранится большой альбом (Ф. 2, оп. 2, Р-1, № 775), содержащий рисунки В.В. Хвойки, выполненные карандашом, на которых запечатлены исследовавшиеся им объекты разного времени. В их числе – рисунки, иллюстрирующие раскопки скифских городищ (Мотронинского и Пастырского) и курганов. Сведения, отраженные в отчетах, хранящихся в ИИМК, представляют определенный интерес для исследователей. Рукописи научных отчетов В.В.Хвойки позволяют уточнить количество исследуемых памятников, обстоятельства находки отдельных вещей и пр. Приведем лишь некоторые данные о раскопках скифских древностей лесостепи. Так, например, в отчете содержатся подробные описания курганов, раскопанных В.В.Хвойкой между селами Райгородом и Пруссами (Михайловкой), достаточно суммарно представленные в «Древностях Приднепровья» (ДП, III:9-11) и кратком варианте опубликованного отчета В.В.Хвойки (1900: 8-9; см. также *Ильинская, 1975: 18-21; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 156*). Вот как писал о своих раскопках В.В.Хвойки в разделе «Раскопки в окрестности м. Райгорода и отчасти в Черкасском и Чигиринском уездах при сс. Прусы и Яровое»:

«В означенной местности по обеим сторонам реки Тясмина на наиболее возвышенных пространствах расположено рядами или небольшими группами довольно значительное количество разной величины курганных насыпей, куполообразной или сплюсненной формы.

Для раскопок избрана мною часть курганов, находящаяся на N и NW от м. Райгорода, на экономических полях с. Прусы, а также три кургана на юго-востоке при с. Яровом. Всего раскопано 19 курганов, из которых один не окончен. Курганы т. наз. скифского типа, за исключением одного погребения, открытого в насыпи, все оказались ограбленными. В уцелевших курганах были находимы в большинстве случаев скорченные скелеты в ямах, обложенных деревом; верхние части черепов и костей их были окрашены красной краской, а также несколько погребений с сожжением. Из числа 8 курганов, расположенных по обе стороны от местечка Райгорода до с. Прусы, раскопаны все». Далее следует описание размеров насыпей, комплексов и инвентаря курганов (№№ 1-8). Затем в отчете, с сохранением сплошной нумерации, описаны «Курганы при с. Прусы Черкасского уезда» (№№ 9-19). Далее отдельно описаны раскопки 3 курганов (№№ 1-3) у с. Яровое, причем последний из них, «самый большой из всех в означенной местности, был раскопан только отчасти до половины насыпи, и не окончен вследствие наступления холодов» (л. 17). К сожалению, высота кургана не указана (очевидно, исследователь собирался дать полное его описание по завершении раскопок), однако, представление о грандиозности кургана № 3 можно вынести, сопоставив его с курганом № 1, той же группы, высота которого, по данным отчета В.В. Хвойки, достигала 9,8 м. В альбоме, хранящемся в ИИМК, на л. 41 под № 1 можно видеть «Внутренний вид кургана при с. Прусы, Черкасского у., Киевской губ.», а под №№ 2 и 3 – «Внутренний вид курганов у с. Райгород».

Результаты раскопок 4 курганов у с. Пастырское в 1898 г. достаточно полно отражены в публикации (ДП, II: 9-10). Позже Э.В. Яковенко на основе документов, хранящихся в архиве ИИМК, установила, что у с. Пастырское В.В. Хвойкой было раскопано 12 курганов и привела данные об их раскопках в известной статье (*Яковенко, 1966: 183-184*)<sup>1</sup>. В альбоме иллюстраций,

<sup>1</sup> В своей статье исследовательница опиралась на данные, хранящиеся в Ф.2, д. 60 и альбоме Ф. Р-1, № 202.



хранящемся в ИИМК (*Ф.Р-1, № 775, л. 25*), можно найти план городища, изданный в «Древностях Приднепровья» (*II: 8*), и рисунок, показывающий расположение курганов к югу от поселения (*л. 26*). Изображены и «внутренние виды» (*л. 27 и 28*)<sup>2</sup> раскопанных курганов (рис. 1, 2).

В отчете В.В. Хвойки за 1897-1900 гг. (*д. 29/1900, л. 71-72*) можно найти подробные описания курганов, раскопанных у с. Оситняжка (см. также *Хвойко, 1904; Ильинская, 1975: 34-36; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 155-156*), которые позволяют уточнить обстоятельства раскопок и положение вещей в могиле. Особенно интересны данные, относящиеся к кургану № 9, где были обнаружены золотые пластины, по-видимому, представляющие собой остатки парадного головного убора<sup>3</sup> (*ДП, VI, табл. V, № 563а; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 104, рис. 32, 14*). «Под насыпью, имевшей в высоту около 2 м, оказался обрушившийся склеп 4 м в длину, 3 м в ширину и 2,5 м в глубину, часть которого была обрушена подкопом грабителей». В могиле были найдены «золотой убор, бронзовое зеркало», у северо-западной стены стояли 2 амфоры, в юго-западном углу — пластины золотого головного убора, а также «металлический вызолоченный сосуд», золотые бусины, золотая бляшка в форме розетки, «алабастр». На л. 84 помещены рисунки 1-5, озаглавленные «Внешний и внутренний вид курганов у с. Оситняжка Чигиринского уезда Киевской губ.»; на рис. 5 представлен «внутренний вид» кургана № 9, на котором обозначено положение вещей в полу склепа (рис. 3). К отчету приложены фотографии находок, на которых можно увидеть и «металлический вызолоченный сосуд» (рис. 4), представляющий собой греческую ойнохою с трехлепестковым венчиком (*л. 42*), и реконструкцию головного убора (*л. 89*), выполненную В.В. Хвойкой (рис. 5). Бронзовая ойнохоа была издана в «Древностях Приднепровья» (*VI, табл. II, № 423*), где было указано, что она найдена «в кургане при

с. Оситняжке Чигиринского у., Киевской губ., однако, номер кургана указан не был (*Указ. соч.: II*). В материалах отчета хранится и небольшой рисунок, озаглавленный «Погребение с сожжением из раскопок при с. Оситняжке Чигир. у. (скифский курган)» (рис. 6). Очевидно, иллюстрация относится к погребению в кургане № 8, данные о раскопках которого также приведены в отчете (*д. 29/1900, л. 71*): «На глубине 55 см на площадке из обожженной глины лежали в некотором разобшении друг от друга обгоревшие кости двух скорченных скелетов, между которыми стояли шесть глиняных сосудов, а в головах — еще четыре мелких же сосуда, некоторые с высокими ручками. Здесь же находилось множество угля и куски горелой обмазки с отпечатками прутьев» (см. также *Хвойко, 1904: 9; Ильинская, 1975: 36*).

Конечно, при чтении отчетов В.В. Хвойки, рассказывающих о раскопках скифских курганов на территории лесостепного правобережного Приднепровья, мы надеялись найти новые данные о комплексе кургана № 2 у с. Жаботин, где были найдены знаменитые костяные пластины, украшенные гравированными изображениями хищных птиц и копытных животных (*ДП, II, табл. 14, 277, 278*). Комплекс этого кургана был реконструирован В.А. Ильинской (*1975: 19-20; Ильинская, Тереножкин, 1983: 234*, см. также *Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 158*) на основе тщательного изучения древностей, хранящихся в Киевском историческом музее и сопоставления этих материалов с данными раскопок (*Ильинская, 1975: 19-20*). Комплекс кургана № 2 у с. Жаботин дал название периоду раннескифской культуры (*Ильинская, Тереножкин, 1983: 230*). Отчет В.В. Хвойки (*д. 29/1900, л. 70*) начинается с раздела, посвященного раскопкам этих курганов, который мы позволим себе процитировать: «Раскопки в окрестностях сел Флеровки и Жаботина Черкасского уезда Киевской губ. (по поручению и на

<sup>2</sup> По-видимому, на рисунках представлены курганы №№ 2 и 3.

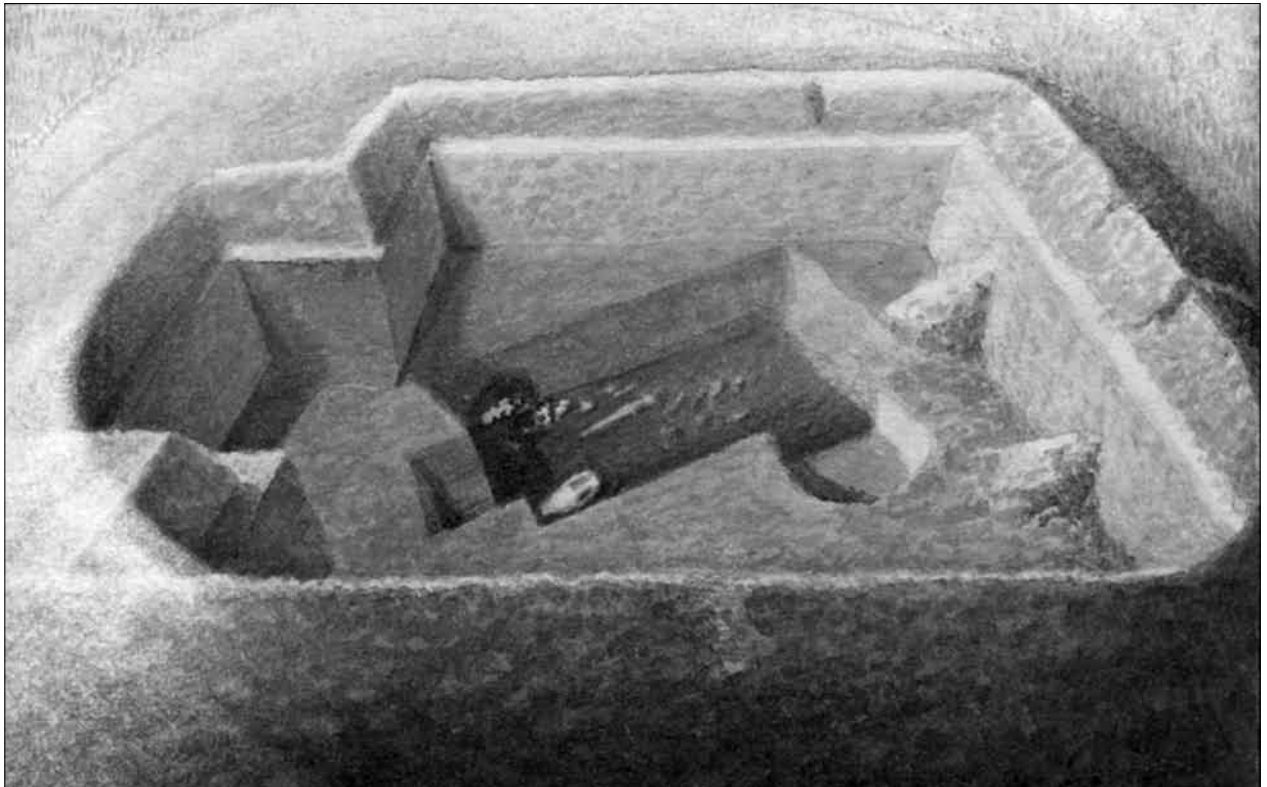
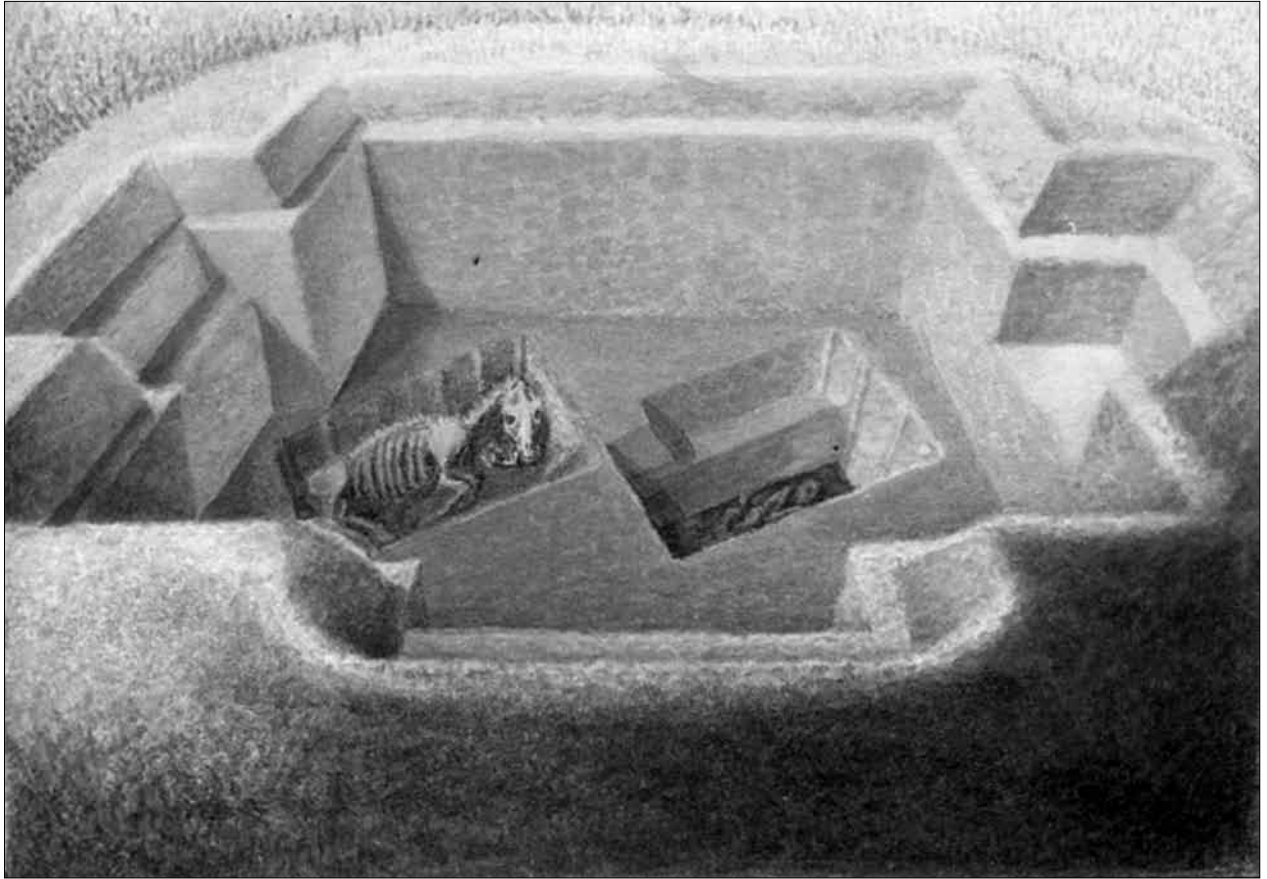
<sup>3</sup> Принадлежность этих пластин к деревянному кубку аргументировано доказана Е.Е. Фиалко (*Фиалко, 1993: 46-54*).





Рис. 1. «Внутренний вид» кургана у с. Пастырское.





78 Рис. 2. «Внутренний вид» кургана у с. Пастырское.



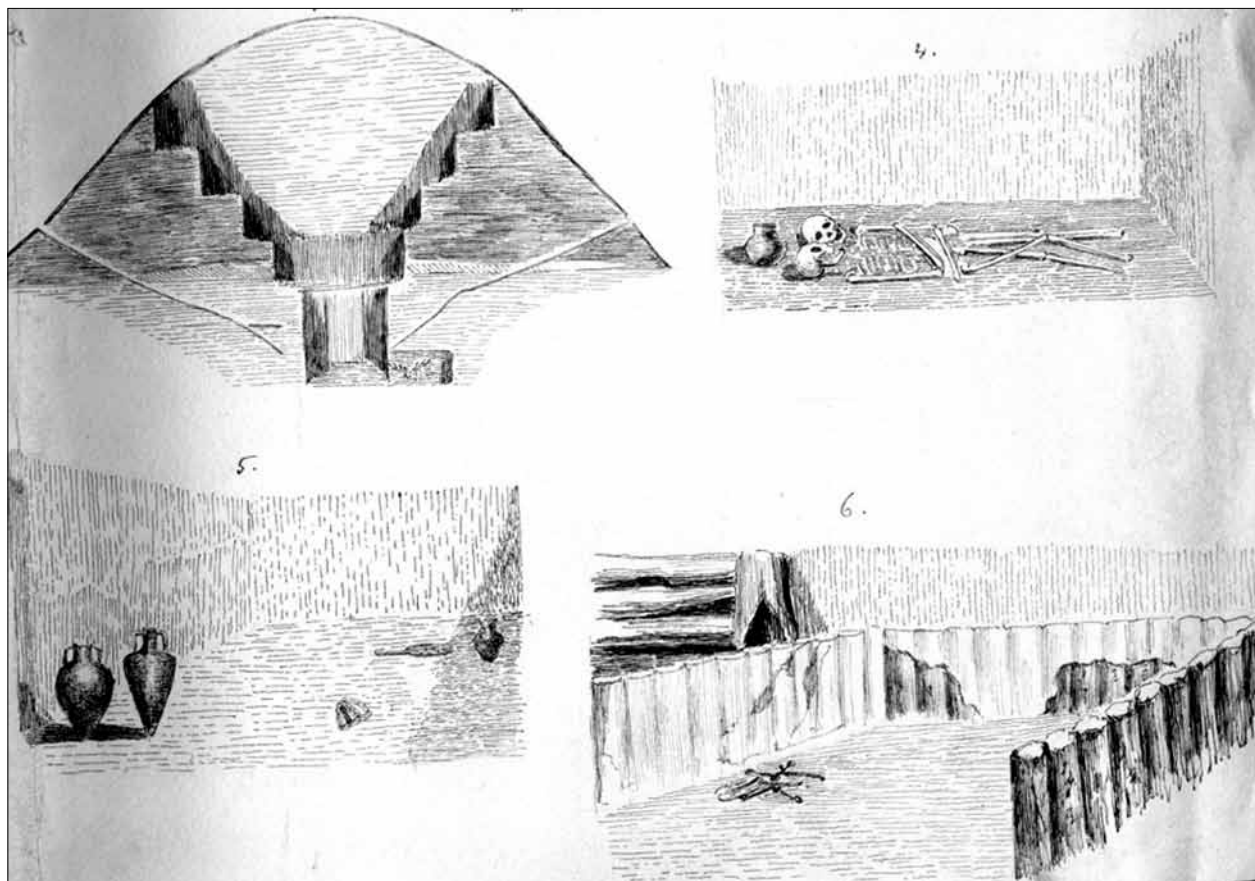


Рис. 3. Курганы у с. Оситняжка.



Рис. 4. Золотые пластины от головного убора (?) и греческая бронзовая ойнохоя из кургана 9 у с. Оситняжка.





Рис. 5. Реконструкция «головного убора».

средства г. вице-председателя Киевского Общества древностей и искусства Б.И. Ханенко). Подвергшиеся раскопкам курганы находятся на расстоянии до 5 верст друг от друга. Вблизи них встречаются особые сооружения в виде подковообразных иногда разветвляющихся валов... Высота валов доходит до 4-6 м, а вся поверхность сооружений средним числом занимает поверхность до 1600 м. При раскопке валов и внутреннего их пространства не встречалось ничего, кроме комков обожженной глины и черепков глиняных сосудов грубой выделки и без орнамента.... При м. Жаботин раскопано шесть курганов подобной же формы (что и при Флеровке, то есть куполообразной — М.В.)... В кургане № 2 найдены разнообразные пластинки, бронзовые бляшки и привески от набора конской узды, орнаментированные железные псалии и две пары бронзовых удил». Конечно, можно допустить, что знаменитые жаботинские пластины, украшенные

резными изображениями, названы в описании «разнообразными пластинами». Однако, настораживает отсутствие подробного описания этих неординарных находок. Более того, ни в описи находок из раскопок В.В. Хвойки (л. 75-83), ни в описи вещей, присланных в Археологическую Комиссию в Петербурге (л. 59-60), ни в общей, чрезвычайно подробной описи коллекции этого выдающегося исследователя (л. 2-19)<sup>4</sup> резные пластины невозможно выделить из общей массы находок. Правда, в этой последней описи под №№ 2154-2158 значатся «костяные пластины, орнаментированные меандром» (д. 29/1900, л. 6), однако, вряд ли это описание можно сопоставить с жаботинскими пластинами. Это не может не вызывать недоумения, так как нельзя не признать того, что такой внимательный исследователь и знаток древностей, каким был В.В. Хвойко, конечно, обратил бы особое внимание на такие необычные находки, как скифские пластины

<sup>4</sup> В описи вещей коллекции Хвойко все древности сгруппированы в хронологические разделы: Отдел 1. Каменный век; Отдел 2. Эпоха бронзы; Отдел 3. Скифская эпоха; Отдел 4. Эпоха великого переселения народов и т.п. и имели «сквозные» инвентарные номера. Примечательные особенности предметов древности, в том числе, наличие орнамента, отмечены в примечаниях на полях описи.



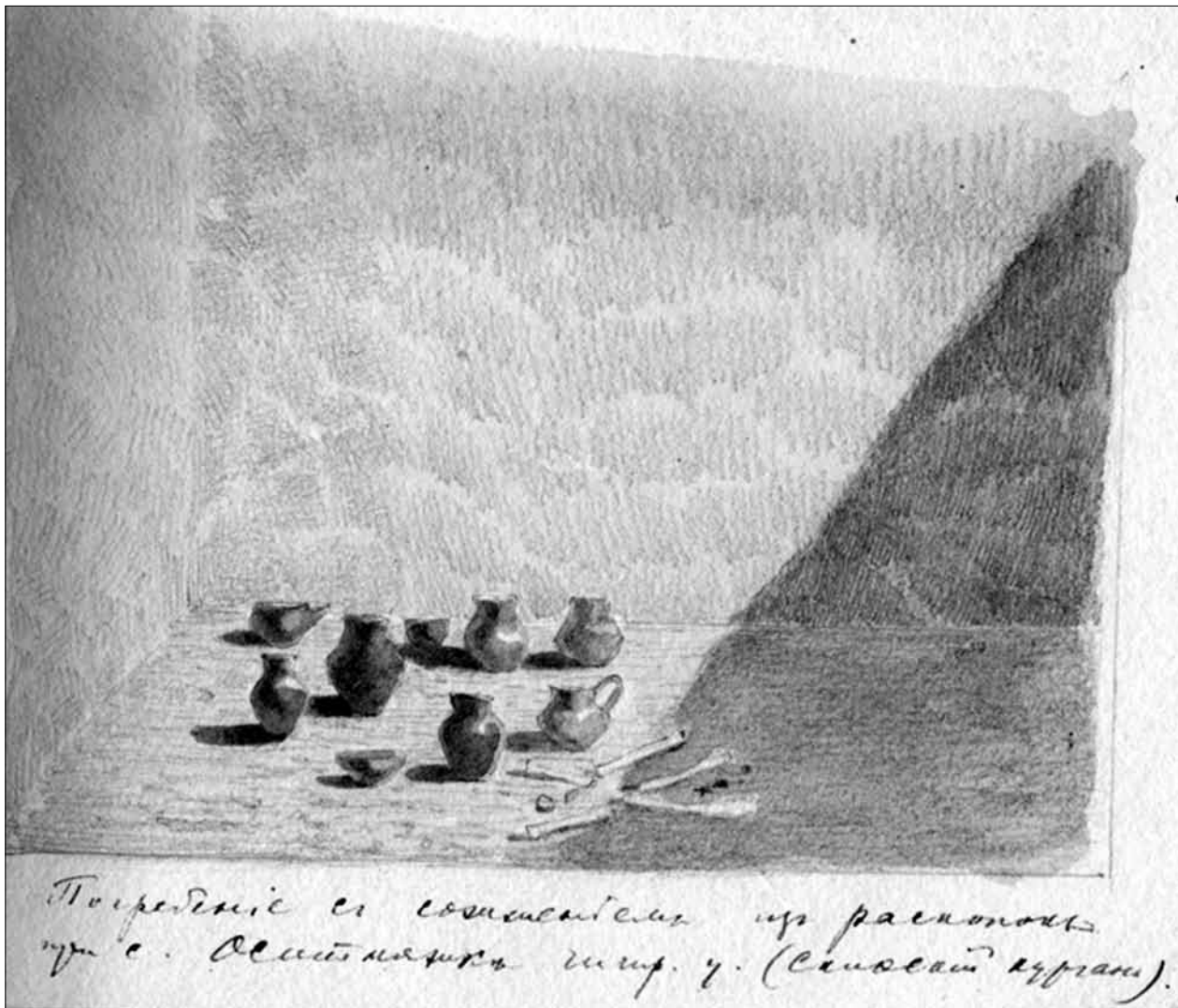


Рис. 6. «Внутренний вид» кургана 8 у с. Оситняжка.

с гравированными изображениями. Например, в том же деле хранятся тщательно выполненные рисунки и фотографии орнаментированной оконечности бивня, принадлежащего к более ранней эпохе (д. 29/1900, л. 51, 53, 56 и 58). При этом, однако, никаких упоминаний о Жаботинских пластинах обнаружить не удастся. Это обстоятельство, на наш взгляд, оставляет у современных исследователей возможность сомневаться в принадлежности знаменитых памятников архаического скифского искусства к комплексу кургана № 2 у с. Жаботин.

В отчете В.В. Хвойки за 1899 год есть данные о начале исследований Мотронинского городища (д. 53/1899, л. 17-18), памятника, успешно исследованного в конце прошлого века экспедицией Института

археологии НАН Украины (Бессонова, Скорый, 2001). Данные эти приведены в статье Э.В. Яковенко, опубликовавшей также описание находки глиняного жертвенника и его рисунок, выполненный В.В. Хвойкой (Яковенко, 1966: 182-183, рис. 4). Изображение этого жертвенника можно увидеть в альбоме В.В. Хвойки (Р-1, № 775, л. 41, рис. 5). На этом же листе (л. 41, рис. 6) – выполненный карандашом план Мотронинского городища; акварельный рисунок этого плана, хранящийся в архиве института археологии НАН Украины недавно был издан В.А. Колесниковой (Колесникова, 2008, рисунок на цветной вклейке). Рисунок же В.В. Хвойки, на котором показана верхняя часть жертвенника, был издан Е.Ф. Покровской (1962: 79, рис. 6) и включен в статью С.С. Бессоновой, посвященной

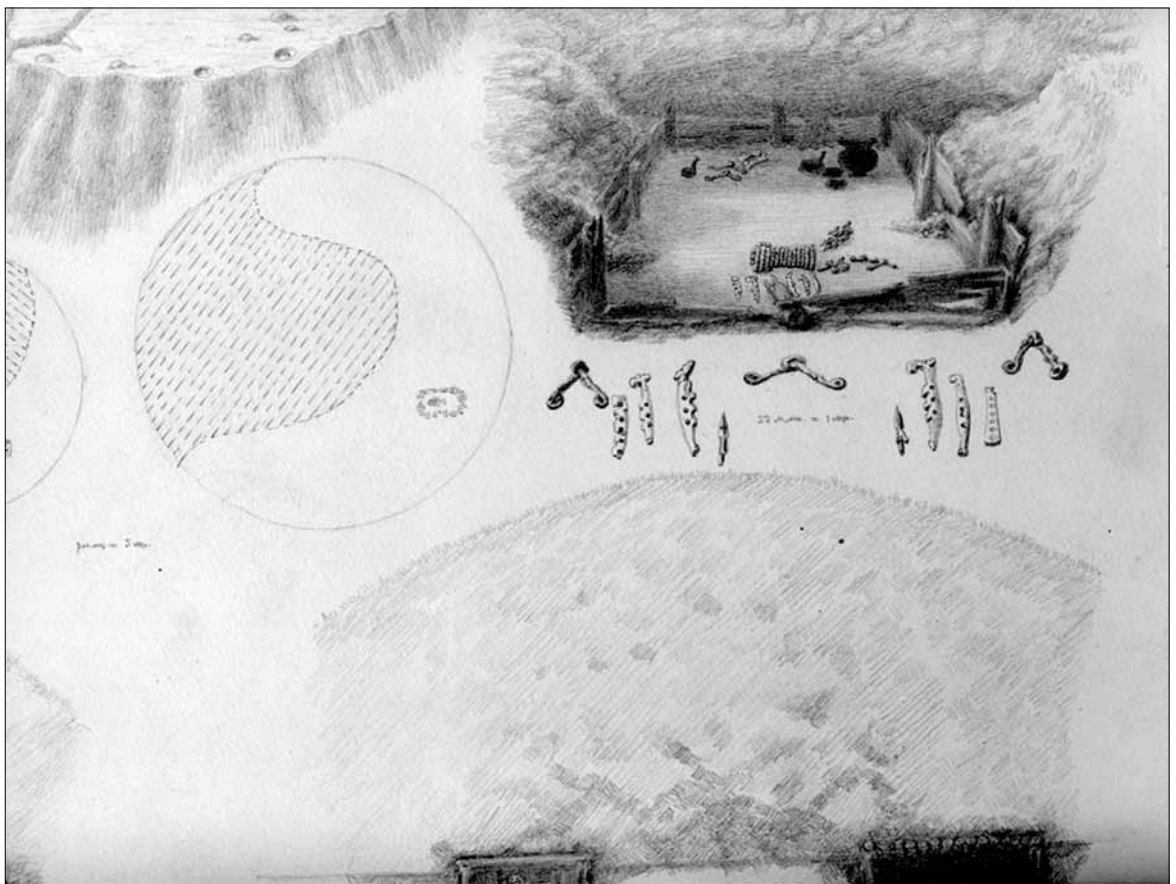
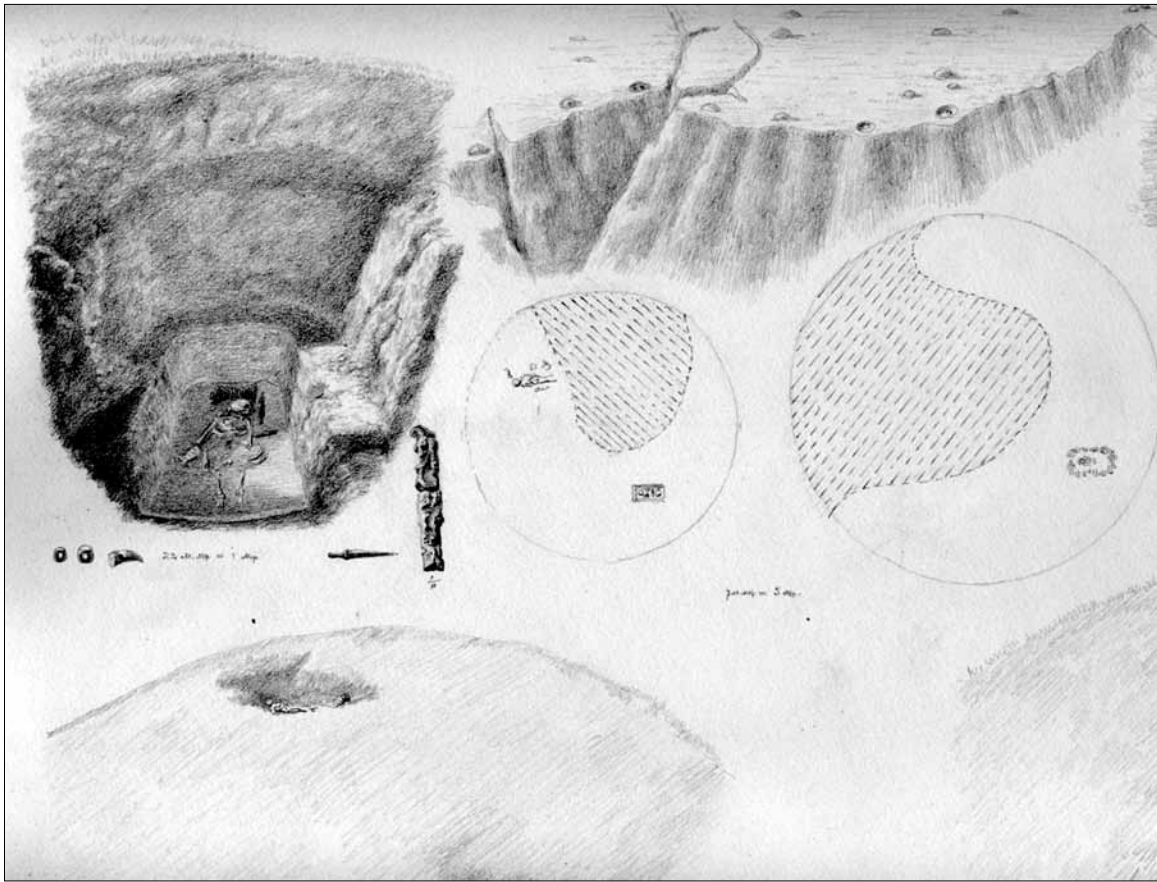


Рис. 7. Курган у с. Веремиевка.

82 Рис. 8. Курган 3 у с. Веремиевка.



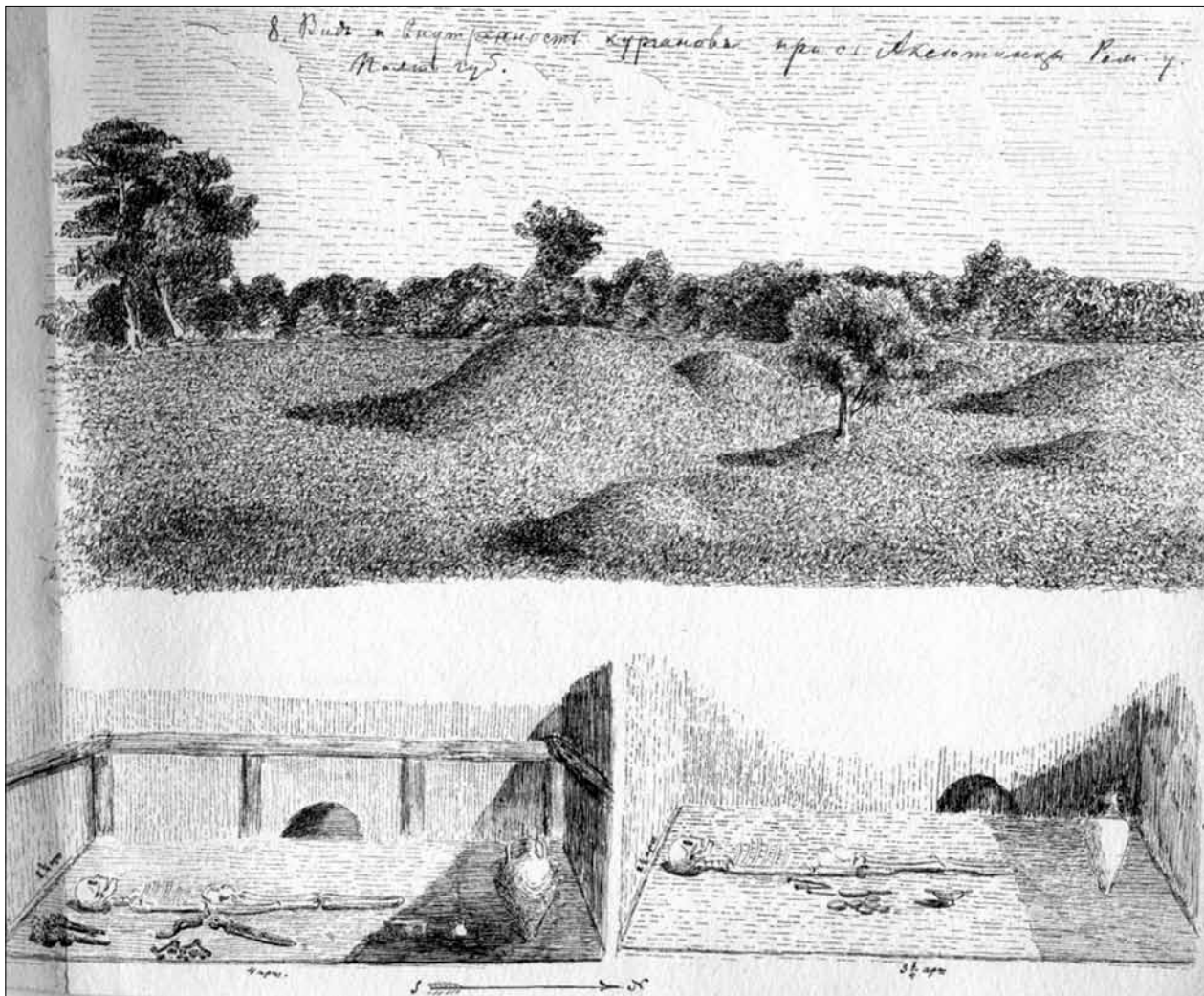


Рис. 9. Курганы у с. Аксютинцы.

жертвенникам раннескифского времени (1996: 31, рис. 5, 1).

Отчет за 1899 год содержит и описание раскопок на левом берегу Днепра, на территории бывш. Золотоношского уезда Полтавской губ., где В.В. Хвойкой были раскопаны 7 курганов у с. Веремиевки, «над Днепром» (д. 53/1899, л. 18-20). «Местность представляет собой возвышенность, прорезанную несколькими оврагами, на которой разбросано множество курганов, на дальнейшем своем протяжении уходящих в степь. Многие из этих курганов раскопаны еще в древности. Уцелевшие имеют по большей части расплюснутую куполообразную форму; величина их различна, от малых до очень больших. Всего из них раскопано мною 7 курганов, относящихся к скифскому типу или содержащих скорченные скелеты, что иногда

совмещалось в одном и том же кургане» (л. 18-19). Далее следуют описания комплексов раскопанных курганов, а в альбоме приведены рисунки, отражающие «внутреннее содержание курганов при м. Веремиевка» (№ 775, л. 40). Приведем два изображения «внутреннего вида» курганов у Веремиевки (рис. 7, 8); последний рисунок, очевидно, представляет курган № 3. Приведем его описание, данное в отчете: «Окружность 54 м, высота насыпи 90 см. Под насыпью оказался деревянный склеп длиной 4 м 20 см, шириной 3 м, 75 см и глубиной 2 м 30 см, наполненный черноземом и большим количеством полусгнивших бревен. Западная часть склепа ограблена и уничтожена кладоискателями, у которых местной полицией отнята часть похищенных предметов и отослана в Императорскую Археологическую Комиссию. В остальной части

склепа у восточной стенки на дне его найден чешуйчатый железный панцирь, который удалось подобрать полностью, 5 косяных псалий со звериным орнаментом, 5 железных удил и кожаный колчан с 86 бронзовыми стрелами, украшенный двумя тонкими серебряными бляшками, распавшимися от прикосновения. В SW углу стоял небольшой сосуд скифского типа. В NW углу найдены черепки таких же сосудов и пробуравленный зуб медведя, кости барана и зубы лошади. Других предметов не оказалось» (д. 53/1899, л. 19).

На левом берегу лесостепного течения Днепра В.В.Хвойкой были также исследованы несколько погребений в курганах у с. Аксютинцы<sup>5</sup>, очевидно, активно раскапывавшихся местными крестьянами (д. 29/1900, л. 74). Фотографии вещей из раскопок В.В.Хвойки, выполненные с негативов, хранящихся в фотоархиве ИИМК<sup>6</sup>, опубликованы в монографии В.А. Ильинской (1968: 38-39, табл. XXV, XXVI). Вот как

В.В. Хвойко описывает раскопки некрополя у с. Аксютинцы: «...был осмотрен известный по многочисленным раскопкам скифский могильник, где я нашел погребения в деревянных склепах или просто в земле, а также погребения с сожжением, произведенном на месте; остатки покойников были обставлены сосудами. Погребения эти, встреченные мною в значительном количестве, были с едва заметными насыпями или даже погребения без всякой насыпи». К отчету приложены рисунки участка могильника у с. Аксютинцы и двух раскопанных погребений (рис. 9).

В отчетах В.В. Хвойки, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН, можно найти и материалы, освещающие исследования памятников других эпох — палеолита, бронзы и римского времени, в том числе, рисунки этого выдающегося ученого, иллюстрирующие раскопки. Полное их издание в будущем, несомненно, представляет большой интерес для исследователей.

## Литература

Альбом В.В.Хвойка. Ф. 2, оп. 2, Р-1, № 775.

*Бессонова, Скорый, 2001* — Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. К., 2001.

*Бессонова, 1996* — Бессонова С.С. Глиняні жертovníки лісостепоного Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. 1966. № 4.

*ДП, II* — Древности Приднепровья. К., 1899. Вып. II.

*ДП, III* — Древности Приднепровья., К., 1900. Вып. III.

*ДП, VI* — Древности Приднепровья. К., 1907. Вып. VI.

*Ильинская, 1968* — Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. К., 1968.

*Ільїнська, 1968а* — Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному лісостепу // Археологія, 1968. т. XXI.

*Ильинская, 1975* — Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясн (VII—VI вв. до н.э.). К., 1975.

*Ильинская, Тереножкин, 1983* — Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. К., 1983.

*Колеснікова, 2007* — Колеснікова В.А. Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. К., 2007.

*Колеснікова, 2008* — Колеснікова В.А. Сторінки життя Вікентія Хвойки. К., 2008.

*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989* — Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.

О раскопках В.В.Хвойка в Киевской губ. между м. Триполье и г. Каневом // Ф.1, д. 53/1899.

Об археологических изысканиях В.В.Хвойки в Киевской губ. // Ф.1, д. №29/1900.

*Покровская, 1962* — Покровская Е.Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

*Скорый, 1990* — Скорый С.А. Курган Переп'ятиха. К. 1990.

<sup>5</sup> Раскопки у с. Аксютинцы велись на собственные средства В.В.Хвойко.

<sup>6</sup> №№ 7734/2630 и 7735/2631.



*Скорый, 1996* – Кочевники предскифской и скифской поры в Днепровской Правобережной Лесостепи // Авт. докт. дисс. К. 1996.

*Скорый, 1997* – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К. 1997.

*Скорый, 1999* – Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. К-Полтава. 1999.

*Скорый, 2003* – Скифы в Днепровской правобережной лесостепи (к проблеме выделения иранского этнокультурного элемента). К. 2003.

*Хвойко, 1900* – Хвойко В.В. Раскопки в окрестностях м. Райгород и с. Пруссы Черкасского у. и с. Яровое Черниговского у. Киевской губ. // АЛЮР. 1900. № 2.

*Хвойко, 1904* – Хвойко В.В. Раскопки курганов при с. Оситняжке, Чигиринского у., Киевской губ. // АЛЮР. 1904. №№ 4-5.

*Хвойко, 1913* – Хвойко В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). К., 1913.

*Хвойко, 2008* – Хвойко В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). К., 2008.

*Яковенко, 1966* – Яковенко Е.В. Нове про розкопки В.В.Хвойки біля с. Пастирського // Археологія. 1966. Т. XX.

*Chochorowski, Skoryj, 2004* – Chochorowski J., Skoryj S. Ryžanovka, Raj.Zvenigorodka, Obl. Čerkassy (Ukraine). Ein skythisches Hügelrābefeld – Großer Ryžanovka-Kurgan // Resherches archeologiques de 1993-1998. L'Institut d'Archeologie de l'Universite de Cracovie. Kraków 2004.



## КОНТАКТЫ ПРИКУБАНЬЯ С АНТИЧНЫМ МИРОМ (по материалам Елизаветинских курганов)

Елизаветинские курганы принадлежат к числу самых выдающихся «царских» усыпальниц IV в. до н.э., открытых в бассейне р. Кубань к настоящему времени.

Курганы эти входили в состав большого могильника (насчитывающего 30 погребальных насыпей), расположенного на юго-восточной окраине станицы Елизаветинская в 19 км от Краснодара. В 1912–1915 и 1917 гг. Н.И.Веселовский раскопал на Елизаветинском могильнике пять самых высоких курганов (ОАК за 1912 гг., 1916: 57-59; ОАК за 1913-1915 гг., 1918: 148-157). Благодаря грандиозности могильных сооружений, царской пышности погребального обряда, богатству и разнообразию погребальных приношений эти памятники почти сразу же привлекли к себе внимание археологов и историков.

В поле зрения исследователей в первую очередь попали яркие художественные предметы античного импорта, отражающие связи Прикубанья с материковой Грецией. Таков уникальный бронзовый нагрудник рубежа V–IV в. до н.э. (рис. 1) с рельефным изображением головы Медузы Горгоны от греческого панциря – кирасы (Веселовский, 1918: 3-4, рис.1; Черненко, 1968: 48-50, рис. 26, 2).

Неизменный интерес вызывает редчайшая по своей сохранности панафинейская амфора из Елизаветинского кургана № 4/1913 г. (рис. 2)<sup>1</sup>. Сосуд орнаментиро-

ван чернофигурной росписью по темно-желтому фону. В центральной части тулова на стороне А изображена Афина Паллада в шлеме с высоким гребнем, держащая в правой руке копье, а в левой – щит, украшенный головой Медузы.

По обе стороны от Паллады изображены колонны со стоящими на них петухами – символами состязаний. Вдоль колонны сделана древнегреческая надпись, удостоверяющая, что это призовая амфора из Афин. На стороне Б представлена финальная сцена кулачного боя. За спиной поверженного атлета, стоит очередной боец, эфедр, готовый по греческим правилам сразиться с победителем. За ходом схватки наблюдает судья в длинном плаще с пурпурным венком на голове и жезлом в руке (Пиотровский, 1924: 6-105; Beazly, 1956: no 2, p. 411).

К предметам средиземноморского импорта относятся также две остродонные амфоры, найденные вместе с панафинейским призовым сосудом. Это гераклеяская амфора с ретроградным клеймом фабриканта Аристиппа на горле и фасосская биконическая. На основании всех трех амфор Елизаветинский курган № 4/1913 г. датируется в пределах 90-х годов IV в. до н.э. (Монахов, 1999: 177-179, рис. 65).

Не противоречат этой дате и два до сих пор не опубликованных краснофигурных сосуда из этого же кургана – гидрия круга мастера Мидия и кратер,

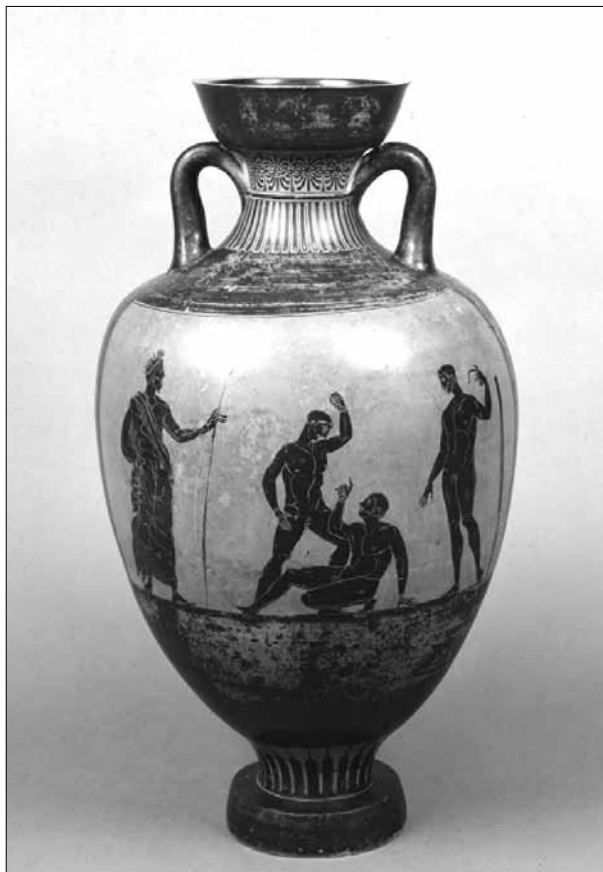
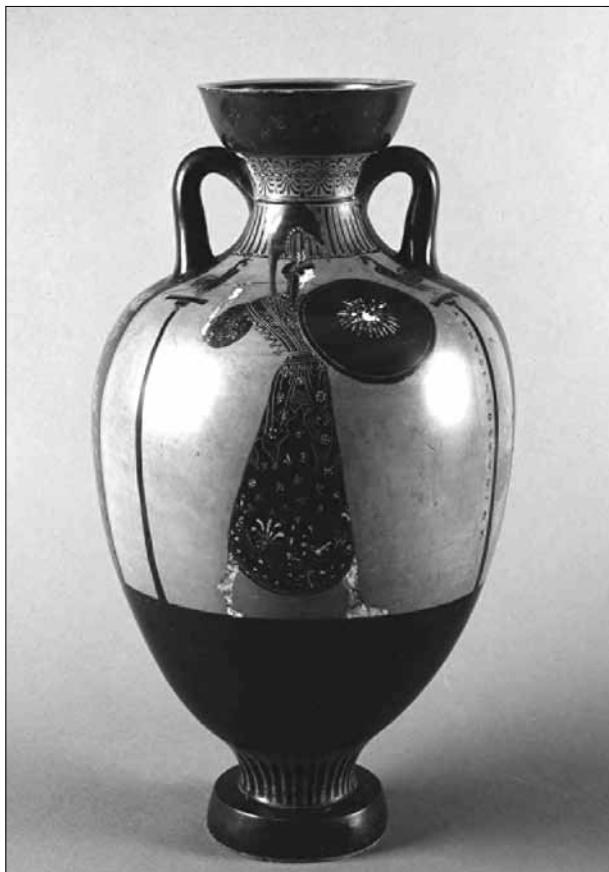
<sup>1</sup> Нумерация Елизаветинских курганов предлагается с учетом трех курганов, раскопанных в 1912 г.





**Рис. 1. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы-Горгоны.**  
Инв. № Ку 1914 8/1. Греция.  
Рубеж V–IV в. до н.э. Елизаветинский курган № 6/1914–1915 гг.

**Рис. 2. Панафинейская амфора.** Сторона А – фигура богини Афины.  
Сторона Б – финальная сцена кулачного боя.  
Инв. № Ку 1913 4/389. Аттика. Конец V в. до н.э. Елизаветинский курган № 4/1913 г.







**Рис. 3. Краснофигурный кратер а colonette.**

Сторона А – фигуры двух сатиров и двух менад.

Сторона Б – две пары стоящих друг перед другом

юношей и девушек.

Инв. № Ку 1913 4/386. Аттика. IV в. до н.э. Елизаветинский курган № 4/1913 г.



**Рис. 4. Чернолаковая солонка.**

Инв. № Ку 1917 1/43. Аттика. IV в. до н.э. Елизаветинский курган № 7/1917 г.





Рис. 5. Золотые украшения.

1 – скарабеоид, инв. № Ку 1914 1/129, 2 – часть серьги, инв. № Ку 1914 1/130, Елизаветинский курган № 5/1914 г.; 3 – подвеска желобчатая, инв. № Ку 1917 1/293; Елизаветинский курган № 7/1917 г.; 4–7 – бляшки: пальметка, Медуза, Афина, инв. № Ку 1914 1/96, 111, 102, Елизаветинский курган № 5/1914 г.; Крылатая Ника, инв. № Ку 1915 1/83, Елизаветинский курган № 6/1914-1915 г.

относящиеся к началу IV в. до н.э. (атрибуция Л.М.Уткиной). Сильно фрагментированная гидрия находится в реставрации. Менее поврежденный кратер а colonette украшен на венчике и горле гирляндой из стилизованных лотосов, обращенных вершинами вниз (рис. 3). На тулове на стороне А представлены фигуры двух сатиров и двух Менад. Слева обнаженный Сатир с согнутой в колене ногой держится правой рукой за тирс Менады. От ее фигуры сохранилась только нижняя часть хитона. За ее спиной изображены профильная фигура второй Менады в хитоне, с чепцом на голове и тирсом в руке. Перед Менадой Сатир (сохранилась только нижняя часть его фигуры) с протянутой к ней левой рукой.

На стороне Б изображены две пары стоящих друг перед другом юношей и девушек. Сохранились только фрагменты голов и верхних частей трех фигур. У юношей в руках посохи или скипетры.

Оба краснофигурных сосуда происходят из Афин. К числу афинских сосудов принадлежат также две чернолаковые солонки IV в. до н.э., происходящие из кургана № 7/1917 г. (рис. 4).

Среди импортных предметов вооружения следует упомянуть кроме панцирного нагрудника бронзовый кованый шлем коринфского (Рабинович, 1941: 137) или аттического типа (Черненко, 1968: 83). Сильная фрагментированность этого доспеха затрудняет его точное определение.

Большим разнообразием отличаются золотые украшения от одежд погребенных (Галанина, 2003: 89-99). К характерным типам греческих украшений относятся: скарабеоид с золотой дужкой и гравированным изображением сцены соития двух собак, часть серьги в виде диска, орнаментированного филигранной розеткой и снабженного петлей для несохранившейся фигурной подвески. Отметим также золотую желобчатую

подвеску, декорированную на плечиках лепестками с шариками зерни на концах. Подобные подвески встречаются на греческих серьгах и ожерельях (рис. 5, 1, 2, 3).

В группе типичных для местных культур северопонтийского региона украшения таких, как золотые нашивные бляшки, встречаются аппликации с разного рода античными мотивами – пальметкой (рис. 5, 4), орлиноголовыми грифонами, львами. На бляшках с антропоморфными персонажами фигурируют Медуза, Афина и крылатая Ника (рис. 5, 5-7). Местом производства этих вещей являются, по видимому, античные полисы азиатской части Боспора (Фанагория, Гермонасса, Горгиппия) или соседнее с курганным могильником Елизаветинское городище, являвшееся по общепринятому мнению греческим эмпорием. Через эти периферийные очаги античной цивилизации проникали к местному населению Северо-Западного Кавказа разнообразные заморские изделия, привозившиеся из Афин, Гераклеи, с острова Фасоса и других центров греческого мира.

Греческое влияние способствовало не только значительной эллинизации быта родо-племенной знати, но и частично затронуло погребальную обрядность у тех меотских племен, которые территориально соседствовали с античными полисами Прикубанья.

Для большинства Елизаветинских курганов характерно стандартное устройство погребальных конструкций, сочетающих в себе местную традицию (захоронения в обширных грунтовых ямах) с античной (склепы, сооруженные по греческому образцу из каменных плит и помещенные внутри могил). Как известно, многокамерный каменный склеп с оштукатуренными стенами, покрытыми фресковой росписью, был открыт в 1888 г. в кургане Карагодеуашх на Таманском полуострове (*Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894: 8-11*). Каменные склепы греческого типа с уступчатыми перекрытиями были обнаружены также в кургане Большая Близница. Один из склепов был украшен настенной росписью, а на плите свода, покрывавшего погребальную камеру, была изображена богиня Деметра.

## Литература

*Веселовский, 1918* – Веселовский Н.И. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. 1918. вып. 65.

*Галанина, 2003* – Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 36. Санкт-Петербург, 2003.

*Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894* – Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Древности южной России. Курган Карагодеуашх // МАР. 1894. № 13.

*Монахов, 1999* – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Издательство Саратовского университета, 1999.

*Пиотровский, 1924* – Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. т.3.

*Рабинович, 1941* – Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // ТОИПК. т. I. Л., 1941.

*Черненко, 1968* – Черненко Е.В. Скифский доспех. К., 1968.

*Beazly, 1956* – Beazly J.D. ABV: Oxford, 1956.



## СКИФСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЦА V – IV ВВ. ДО Н. Э. СЕВЕРСКОДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Одной из важных проблем современного скифоведения является вопрос о присутствии кочевников на территории восточно-европейской Лесостепи и их взаимоотношения с местным земледельческим населением. Долгое время после конференции 1952 года в ИИМК АН СССР считалось общепринятым, что в лесостепной зоне жили нескифские племена, в то время как скифы занимали степи Северного Причерноморья (Граков, Мелюкова, 1954: 39-93; Погребова, 1954: 3-38). После московской конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1967 года окончательно оформилось и второе направление в разработке данной проблемы, основы которого были заложены еще М.И. Ростовцевым. Часть скифологов во главе с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской отстаивали идею единой Скифии и общей скифской культуры на юге Восточной Европы (Тереножкин, 1971: 17-18). Но большинство участников конференции критически отнеслось к данной концепции, оставшись при своих взглядах (Петренко, 1971: 5). Такое разобщение в среде ученых и отсутствие конструктивного диалога сыграли негативную роль, на долгое время затормозив прогресс в разработке данной проблематики.

Новый подход к изучению данного вопроса, который во многом снимал противоречия между крайними взглядами исследователей и являлся «золотой серединой», начал разрабатываться в 80-е годы XX века. Он был направлен на поиск критериев

выделения погребений кочевников в Лесостепи, выяснения динамики их проникновения в регион, а также установление характера взаимоотношения с аборигенным населением. Его родоначальником может считаться М.И. Ростовцев (Ростовцев, 1918: 76). Данное направление в два последних десятилетия прошлого века возродил и вывел на новый качественный уровень С.А. Скорый (Скорый, 1987: 36-49; 1997; 1999; 2003). Исследователь успешно применил его при изучении памятников Правобережной Лесостепи скифского времени (Скорый, 1999; 2003). Использование данного подхода при рассмотрении проблем этносоциального характера в истории населения Днепро-Донской Лесостепи в раннем железном веке показало его эффективность (Медведев, 1999: 124-126; Бессонова, 1999: 148-160; 2000: 116-131; Гречко, 2008).

В скифское время на территории северскодонецкой Лесостепи широкое распространение получил курганный обряд погребения. Захоронения под насыпями предскифского времени в регионе единичны, поэтому привнесение данной традиции справедливо связывать со скифами, которые проникли в Лесостепь в VII – первой половине VI вв. до н.э. Об этом красноречиво свидетельствуют захоронения в курганах Караванской группы Люботинского могильника с «переднеазиатскими импортами». Земледельческое население северскодонецкой Лесостепи скифского времени не являлось автохтонным и



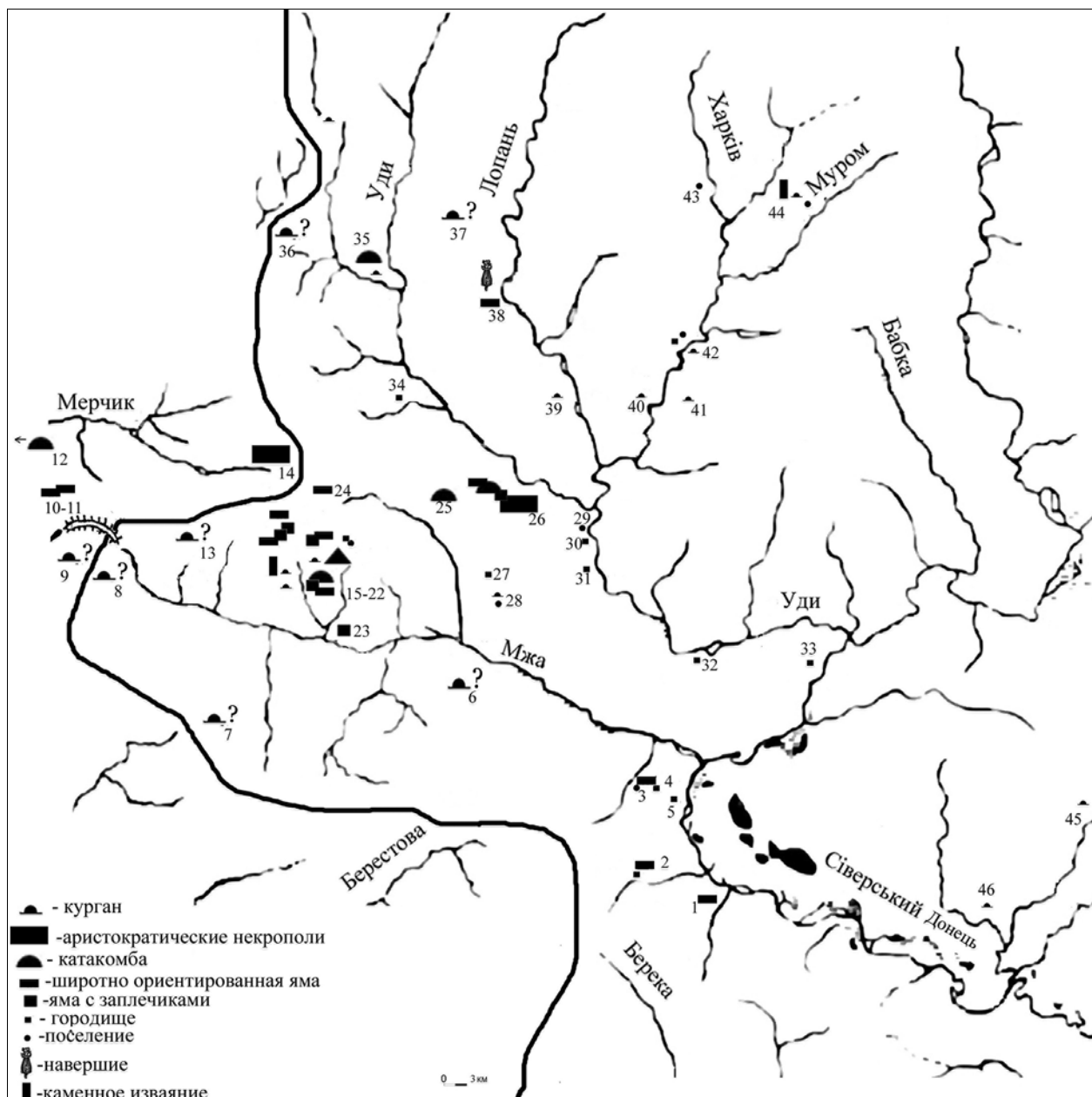


Рис. 1. Северскоднецкие памятники позднескифского времени.

1 – Сухая Гомольша, 2 – Большая Гомольша, 3 – Гришковка, 4 – Тарановка, 5 – Коробовы Хутора, 6 – Липковатовка, 7 – Манилы, 8 – Кантакузовка, 9 – Перекоп, 10-11 – Покровский и Настельный, 12 – Новый Мерчик, 13 – Роговка, 14 – Старый Мерчик, 15 – Соломаховка, 16 – Гиевка, 17 – Совнаркомовская, 18 – Круглик, 19 – Могилки, 20 – Одрынка, 21 – Черемушная, 22 – Золочевское, 23 – Паньковка, 24 – Санжары, 25 – Коротич, 26 – Песочин, 27 – Яковлевка, 28 – Островерховка, 29 – Липовая Роша, 30 – Карачевка, 31 – Хорошево, 32 – Водяное, 33 – Мохнач, 34 – Закозаровка, 35 – Малая Рогозянка, Родной Край, 36-37 – Золочев, 38 – Дергачи, Семеновка, 39 – Залютино, 40 – Большая Даниловка, 41 – 524 м/р Харькова, 42 – Циркуны, 43 – Проходнянское-1, 44 – Вёселое, 45 – Волосская Балаклея, 46 – Балаклея.

появилось в регионе синхронно с подкурганскими захоронениями. Основные археологические характеристики указывают на то, что исходными районами миграции земледельцев могли быть бассейн Ворсклы и Правобережная Лесостепь. Курганный

обряд погребения у оседлого населения Лесостепного Правобережья не получил широкого распространения (Скорый, 2003: 64). В северскоднецкой Лесостепи, как и в указанном регионе, отсутствуют синхронные курганные могильники возле



поселений и большинства городищ VI–V вв. до н.э., что косвенно указывает на бескурганый обряд захоронения у земледельцев. Ярким примером может служить тот факт, что возле 13 поселений и Червонососовского городища VI–V вв. до н.э. в бассейне р. Ольховатка не зафиксировано ни одного курганного могильника, хотя район тщательно обследован (*Задников, Шрамко, 2003: 37-40*).

Концом VII – первой половиной VI вв. до н.э. в регионе датируется 33 захоронения (18%), которые представлены грунтовыми ямами и камерными погребениями в столбовых гробницах, ориентированных меридионально. Основная масса курганов раскопана на Люботинском могильнике и у с. Черемушная. Положение покойника головой на запад зафиксировано лишь в диагональном захоронении у с. Малая Рогозянка. В этот период могилы скифской аристократии сосредоточены в Посулье (*Ильинская, 1968*), а Северский Донец в это время представляется нам периферией лесостепного объединения под эгидой скифов.

Погребения второй половины VI в. до н.э., как и в других регионах юга Восточной Европы, единичны и не составляют каких-либо значительных серий. Новые «дружинные» некрополи появляются в регионе лишь в 80-70 годы V в. до н.э. (Протопоповка, Коротич). Единичные захоронения этого времени, вероятно, положили начало функционированию некоторых могильников (Песочин, Большая Гомольша). Всего зафиксировано 13 захоронений среднескифского времени (7%), которые ориентированы меридионально с небольшими отклонениями. Девять погребений совершено в грунтовых ямах, 4 – в камерных погребениях столбовой конструкции либо с канавкой по периметру дна могилы (1 случай). Данное явление мы склонны связывать с переносом места захоронения северскодонецкой верхушки из Посулья к местам проживания. Это может объясняться увеличением количества земледельческого населения в регионе – одного из источников богатства кочевников. Погребальные сооружения и ориентировка погребенных не отличаются от более ранних и генетически с ними связаны.

Ситуация кардинально меняется в последней четверти V в. до н.э. Позднескифским периодом датируется 139 погребений, что составляет 75% от общего числа захоронений. Основными типами погребальных сооружений были грунтовые ямы (70%) и камерные погребения столбовой конструкции (23%). Новыми для региона формами могил являются ямы с заплечиками (7 сооружений – 5%) и катакомбы (4 сооружения – 2%). Три раза зафиксированы отдельные могилы коней. Именно в конце V – IV вв. до н.э. в регионе появляются захоронения с широтной ориентировкой (14%).

Среди погребений северскодонецкой Лесостепи до последнего времени собственно погребений степных скифов не выделяли, а покойников, ориентированных широтно, соотносили с местным населением – меланхленами (*Шрамко, 1953*). В 60-е годы прошлого столетия П.Д. Либеров выделил вторую группу захоронений, ориентированных широтно, но со скифами ее не связывал. При этом исследователь отмечал, что преобладающее расположение могил у хуторов Покровский и Настельный в междуречье р. Мжи и Мерлы по линии СЗ-ЮВ, резко отличает их от погребений северскодонецкой группы. Важно отметить, что в курганах № 3 и 5 у хут. Покровского были найдены погребения лошадей (*Данилевич, 1908: 23-24*). Этот факт и ориентировка костяков позволило исследователю связать группу у хутора Покровский со степной погребальной традицией (*Либеров, 1962: 24-30*). А.А. Моруженко считала широтную ориентировку не характерной для Днепро-Донецкой Лесостепи (*Моруженко, 1989: 27, 31*).

В последние десятилетия источниковая база многократно увеличилась, а

Табл. 1

**Ориентировка северскодонецких погребальных сооружений последней четверти V – IV вв. до н.э.**

Ориентировка погребальных сооружений	Количество	%
Запад-восток	19	14
Север-юг	71	51
СВ-ЮЗ	30	21
СЗ-ЮВ	19	14
	<b>139</b>	<b>100</b>



оценка многих уже известных комплексов изменилась. А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов отмечали сложность вопроса о происхождении западной ориентировки в регионе (*Бандуровский, Буйнов, 2000: 42-43*). Широтно-ориентированные погребения напрямую связал со степными скифами Л.И. Бабенко, анализируя захоронения Песочинского могильника (*Бабенко, 2005: 187-188*). Относительно связи ямных захоронений с широтной ориентировкой со степняками у меня тогда возникли некоторые сомнения (*Гречко, 2006: 102*).

Ситуация изменилась после раскопок в 2006-2007 гг. курганов Гришковского могильника. В результате исследований были получены весомые аргументы в пользу степного происхождения погребений в узких прямоугольных ямах с широтной ориентировкой (*Гречко, 2007: 152-157*). За два полевых сезона удалось раскопать 13 курганов, которые содержали 18 захоронений. Погребальные сооружения представлены исключительно прямоугольными грунтовыми ямами, ориентированными широтно с отклонениями. Пять курганов содержали по два одновременных разнополюх захоронения в отдельных могилах. Лишь в погребении кургана № 22 в одной яме были погребены женщина и подросток. Остальные курганы содержали индивидуальные захоронения. По пять раз зафиксировано положение покойников головой на СЗ и ЮВ. Дважды женские костяки были положены черепами на восток. Полученные материалы позволяют предварительно отнести время функционирования Гришковского могильника к концу V – первой половине IV вв. до н. э. Широтная ориентировка могил и погребённых, наличие рвовиков вокруг курганов, обычай втыкать оружие в дно могилы (рис. 2, 3), наличие мясной пищи и ножа с костяной рукояткой являются скифскими чертами погребальной обрядности (*Ольховский, 1978: 96-97; Скорый, 2003: 46*). Данные характеристики позволяют предположить принадлежность захоронений Гришковского могильника степным скифам, которые проникли на территорию южной окраины Лесостепи в конце V – первой половине IV вв. до н.э. Это заставило пересмотреть свой взгляд на

данную группу захоронений и, учитывая новые данные, заново проанализировать позднескифские погребения северско-донецкой группы. Результаты показали, что широтноориентированные захоронения хотя и были распространены на всей территории региона, но далеко не равномерно.

Большинство погребений расположено вблизи или в составе могильников местной аристократии, которая производила свои захоронения в меридионально ориентированных камерных могилах (Песочинский и Большегомольшанский могильники, несколько отдельных групп в непосредственной близости от Старого Мерчика). Можно условно выделить три основных места концентрации рассматриваемых могильников, которые тяготеют к водоразделу, по которому в средневековье проходил Муравский Шлях (рис. 1).

Южная группа захоронений расположена в предстепи вблизи известного Большегомольшанского могильника. В 1949 году С.А. Семеновым-Зусером было исследовано три кургана в данном некрополе, под двумя из которых располагались широтно ориентированные захоронения (курган № 1, 2) (*Семенов-Зусер, 1949: 3-9*). Новые исследования в 1967-1969 гг. подобных погребений не выявили, а исследованные могилы представлены меридиональными могилами и камерным захоронением с дромосом (*Шрамко, 1983: 54*). Неподалеку расположен и уже упомянутый Гришковский могильник, а в курган срубной культуры на территории раннесредневекового Сухогомольшанского городища было введено 4 захоронения позднескифского времени (рис. 2, 1). Двое погребённых (№ 11 и 12) были ориентированы головой на запад, один – на юг (№ 13) и один – на северо-восток (№ 9). Инвентарь представлен только бронзовыми наконечниками стрел. Контуры ям и перекрытия не прослеживались (*Буйнов, Михеев, 1988: 88, рис. 1*). Кроме того, на левом берегу Северского Донца, несколько южнее, зафиксировано 2 впускных захоронения позднескифского времени (Балаклея, Волосская Балаклея) (*Клименко, 1997: 101-107; Шрамко, 1983: 60*).

Вторая группа некрополей расположена вблизи Старомерчанских могильников



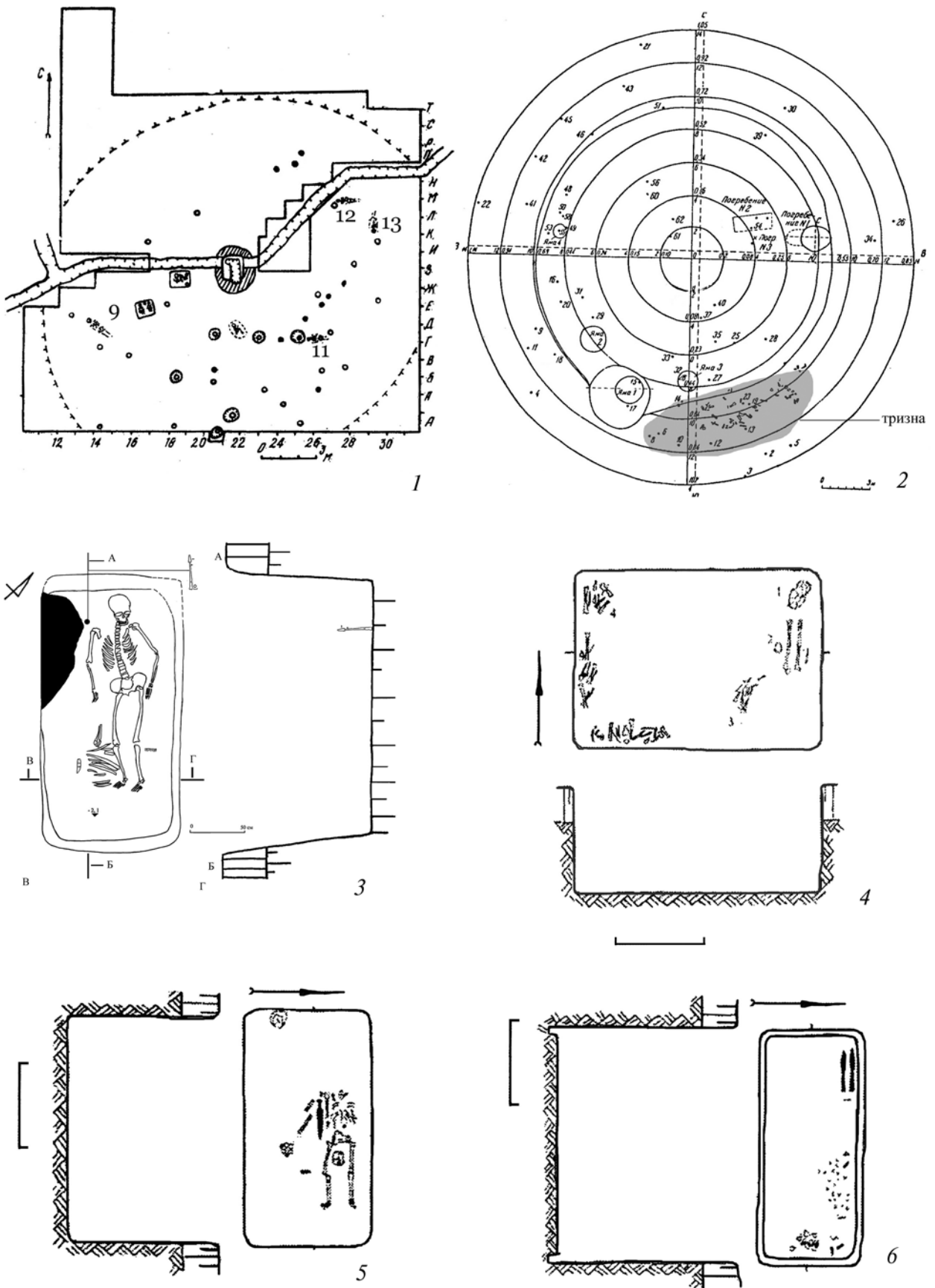


Рис. 2.

1 – Сухая Гомольша; 2 – Черемушная, курган-зольник № 1; 3 – Гришковка, курган № 26/2; 4 – Песочин, курган № 10; 5 – Песочин, курган № 20; 6 – Песочин, курган № 16 (по: Ю.В. Буйнов и В.К. Михеев, 1988; П.Д. Либеров, 1962; Д.С. Гречко, 2006; Л.И. Бабенко, 2005).





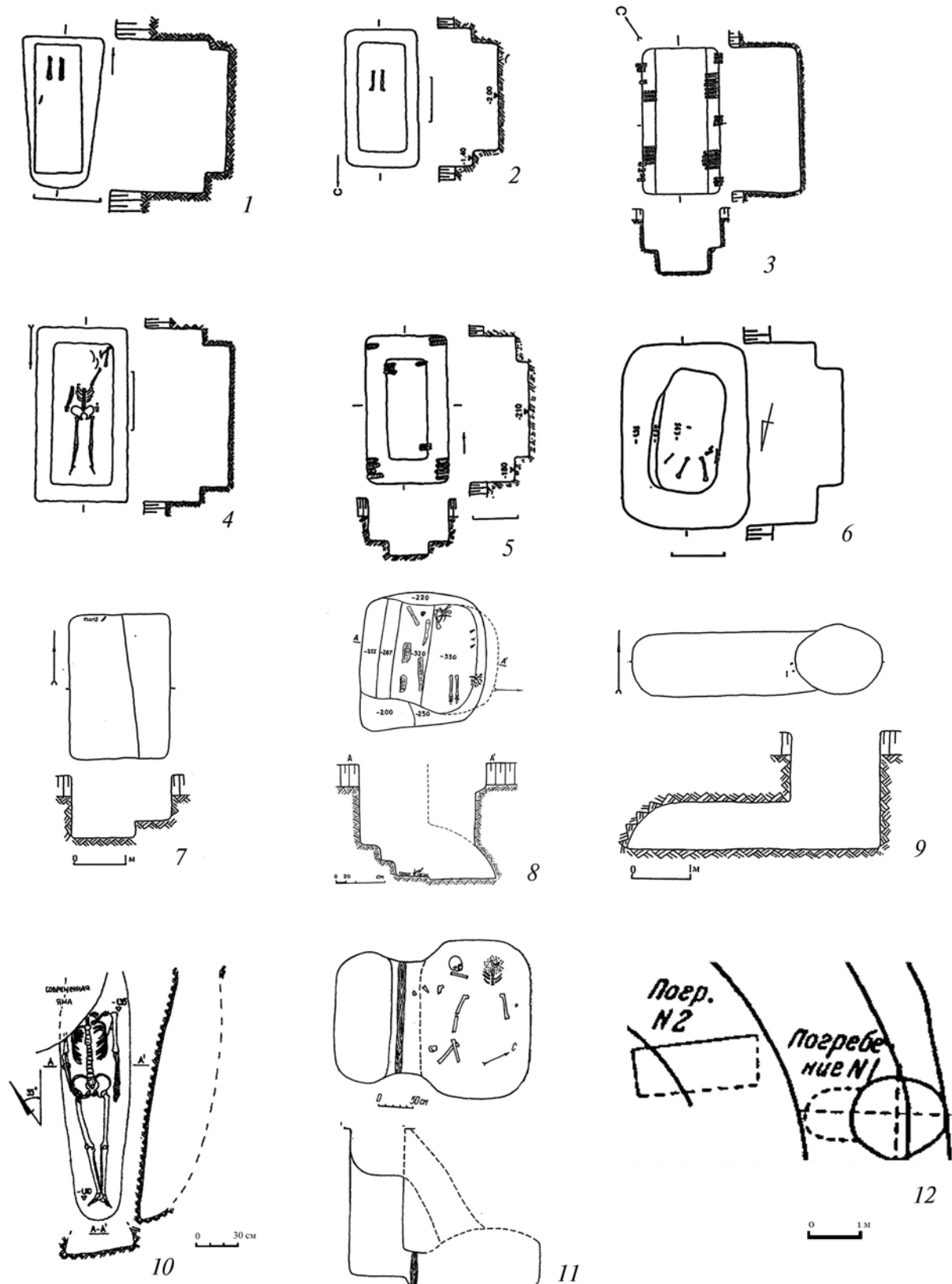


Рис. 3.

1 – Паньковка, курган № 1; 2 – Гиёвка, нижнегийовская группа, курган № 2; 3 – ур. Соломаховка, курган № 18; 4 – Быстрое-2, курган № 1; 5 – Гиёвка, нижнегийовская группа, курган № 1; 6 – Черемушная, курган № 12; 7 – Песочин, курган № 26; 8 – Родной Край; 9 – Песочин, курган № 28; 10 – Коротич; 11 – Новый Мерчик; 12 – Черемушная, курган-зольник № 1 (по: А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов, 2000; Ю.В. Буйнов, 2002; Л.И. Бабенко; В.С. Аксенов и Л.И. Бабенко, 2007; Б.А. Шрамко и Ю.Н. Бойко, 1988; П.Д. Либеров, 1962).



и городища у хут. Городище (*Бандуровский, Буйнов, 2000: приложение 1; Буйнов, 2002: 4-5*). Широкие захоронения раскопаны в могильниках Соломаховка (СЗ-ЮВ – 2 могилы), Верхнегиевская группа (СЗ-ЮВ – 1 могила), Совнаркомовская (СЗ-ЮВ – 1 могила), Санжары (З-В – 1 могила), Черемушная (З-В – 1 могила, СЗ-ЮВ – 1 могила, катакомба – 1). Интересно, что 2 позднескифских захоронения, впущенные в курган-зольник № 1 у с. Черемушная, кроме досыпки, сопровождались и тризной с южной стороны насыпи (многочисленные кости двух лошадей, фрагменты амфор и детали конской узды), которую П.Д. Либеров не отметил (рис. 2, 2; 3, 12) (*Либеров, 1962: 81-82, рис. 22*).

К тому же, в этой группе в 5 могильниках (Соломаховка, Нижнегийовская группа (2 могилы), Быстрое-2, Паньковка, Черемушная) зафиксировано 6 погребений в ямах с заплечиками, которые ориентированы меридионально (рис. 3, 1-6). Данный тип погребальных сооружений находит аналогии в степях Северного Причерноморья (варианты 3-5 первого типа, по В.С. Ольховскому) (*Ольховский, 1991: 21-22*).

Третья группа включает в себя некоторые погребения Песочинского могильника и катакомбу у с. Коротич (рис. 3, 10) (*Бабенко, 2005: 187-188; Аксенов, Бабенко, 2007: 72-74*). Интересующие нас песочинские погребения представлены 3 широко ориентированными грунтовыми ямами, катакомбой и ямой со ступенькой (рис. 2, 4-6; 3, 7, 9). Севернее данной группы погребения степного облика (могилы ориентированы по линии запад-восток) зафиксированы в могильнике у г. Дергачи (*Трефильев, 1908: 102-103*). Вблизи данного некрополя у с. Семеновка случайно найдено навершие погребального кортежа, которое имеет прямые аналогии в степи (*Бабенко, 1998: 25-28*).

Кроме того, широко ориентированные могилы были зафиксированы на северной окраине г. Харьков (рис. 4, 1-2) (*Бородулин, 1978: 301-302*), в могильнике у с. Веселое (рис. 4, 6-7) (*Шрамко, 1992: 112-119*), катакомбы у с. Родной Край (рис. 3, 8) (*Буйнов, 1990: 139-142*), Новый Мерчик (рис. 3, 11) (*Шрамко, Бойко, 1988: 102-103*), курганные группы у Перекопского вала (Покровский

и Настельный) (*Багалея, 1907: 369-378; Данилевич, 1908*).

Таким образом, исследованиям подвергались 27 северскодонецких некрополя, 2 могильника на западной окраине Харьковщины (бассейн Ворсклы), было раскопано 7 одиночных погребений в разных точках региона. К сожалению, следует отметить, что ни один могильник не был раскопан полностью. Результаты многолетних разведок позволяют выделить несколько перспективных некрополей, которые до сих пор не исследовались и могут повлиять на общую картину. Это курганные группы у сел Кантакузовка, Перекоп и Роговка вблизи Перекопского вала, у сел Липковатовка и Манилы, а также значительное число курганов и целых могильников вокруг г. Золочев (рис. 1). Тем не менее, накопившиеся данные позволяют нам подвести некоторые итоги и поставить несколько вопросов.

Следует подчеркнуть, что большинство вышеупомянутых захоронений были ограблены, поэтому количество датирующего материала невелико. В основном это наконечники стрел, которые позволяют относить сооружение курганов к позднескифскому времени. Более узко можно датировать несколько захоронений. К концу V – первой половине IV вв. до н.э. относится Гришковский могильник, курганы № 2 и 3 в 524 микрорайоне Харькова, курганы № 10, 16 Песочинского могильника, катакомба в с. Коротич и разрушенное погребение у Волосской Балаклейки. Курган № 2 у Большой Гомольши и курган № 20 Песочинского некрополя можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н.э.

подавляющее большинство широко ориентированных захоронений принадлежало свободным общинникам. Лишь в кургане № 1 группы II у с. Малая Рогозянка (рис. 4, 4) и в кургане № 21 Песочинского могильника находились погребения слуг. В первом случае покойник лежал головой на запад в узкой и мелкой яме, которая была перпендикулярна основному склепу, под общим с ним перекрытием (*Буйнов, 1990: с. 140-141*). В Песочинском кургане № 21 слуга-подросток лежал в ногах основного погребенного (*Бабенко, 2005:*



27). В трех случаях западная ориентировка отмечена в катакомбах (Новый Мерчик, Песочин, Родной Край). Погребения рядовых общинников относятся к модели 2, выделенной Е.П. Бунятян при анализе рядовых скифских захоронений (*Бунятян, 1985: 94-95*). Следует подчеркнуть, что ни одного элитного захоронения среди упомянутых комплексов не было. Аристократические погребения позднескифского времени в регионе производились исключительно в камерных могилах столбовой конструкции с облицовкой деревом стен, которые в значительном количестве присутствуют в Днепро-Донецкой Лесостепи с раннескифского времени. Это позволяет говорить о стабильности этнической составляющей местной верхушки на протяжении скифского времени. В то же время, появление погребений степного облика может быть объяснено только появлением нового населения в регионе. Погребения с широтной ориентировкой среднескифского времени в Левобережной Лесостепи массово зафиксированы лишь в Купьевахском могильнике (*Бойко, Берестнев, 2001: 50*). Прародина мигрантов, судя по количеству широтноориентированных погребений в ямах, возможно, находилась до последней четверти V в. до н.э. в степях Северного Причерноморья (*Ольховский, 1991: 17, табл. 3-4*), в Днепровском лесостепном Правобережье (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 40, табл. 7*), на Нижнем Дону (*Коваленко, 2008: 55*). Причиной миграции могло быть появление новой волны кочевого населения в степях юга Восточной Европы (*Виноградов, Марченко, 1991: 149-150*). На это указывает появление в последней трети V в. до н.э. значительного числа аристократических захоронений в катакомбах в степи, чего ранее не фиксировалось (Малая Цымбалка, Гладковщина, курган 2/ 2 у с. Корнеевка, IV и VII Испановы Могилы, Чабанцова Могила, Малый Чертомлык и первый «царский» курган – Солоха).

Процесс массового проникновения нового населения в конце V в. до н.э., хоронившего своих покойников в широтноориентированных ямах, отмечается в лесостепном Побужье, Днепровской Правобережной Лесостепи и Приднепровской

террасовой Лесостепи (*Бессонова, 1994: 11-12, 29; Фиалко, 1994: 21; Скорый, 2003: 84-85*). Проникновение данного населения на Нижний Днестр исследователи напрямую связали с его вытеснением из Северного Причерноморья носителями катакомбного обряда погребения (*Кетрару, Четвертиков, 2005: 188, 192; Сеника, 2007: 23-24*).

В VI – первой половине V вв. до н.э. присутствие кочевников в регионе не мешало развиваться поселенческой структуре земледельцев. Вероятно, ситуация принципиально меняется, начиная с конца V в. до н.э. Ярким индикатором массового появления новых кочевников в регионе является резкое сокращение количества поселений и городищ. В северскодонецкой Лесостепи жизнь надежно фиксируется всего на нескольких памятниках. Укрепления в ур. Городище и Коробовы Хутора наиболее активно функционируют в V – IV вв. до н.э., но, судя по планировке и находкам, они, вероятно, использовались местными полукочевниками как зимовники. В позднескифское время возникает ряд городищ-убежищ, которые не имеют культурного слоя (Мохнач, Водяное, Донецкое, Хорошевское, Яковлевское, Чернецкий Яр, Закозаровское (?)). Исследования свидетельствуют о практически полном прекращении использования городищ у с. Полковая Никитовка, Люботинского, Червоносовского и Караванского. Лишь Циркуновское городище, расположенное на северо-восточной окраине группы, активно используется земледельческим населением (*Гречко, 2006а: 148-150*). В этот период прекращают свое функционирование практически все поселения со значительным количеством мощных зольников. К позднескифскому времени происходит некоторое изживание традиции сооружения зольников, которое выразилось не только в уменьшении их размеров, но и, что немало важно, в значительном уменьшении содержания золы в культурном слое (поселение Острроверховка и Проходнянское I) (*Гречко, 2006б: 279*). Данные памятники расположены на северо-восточной окраине группы, что, вероятно, указывает на перемещение основной массы земледельцев от Муравского Шляха в северном направлении.



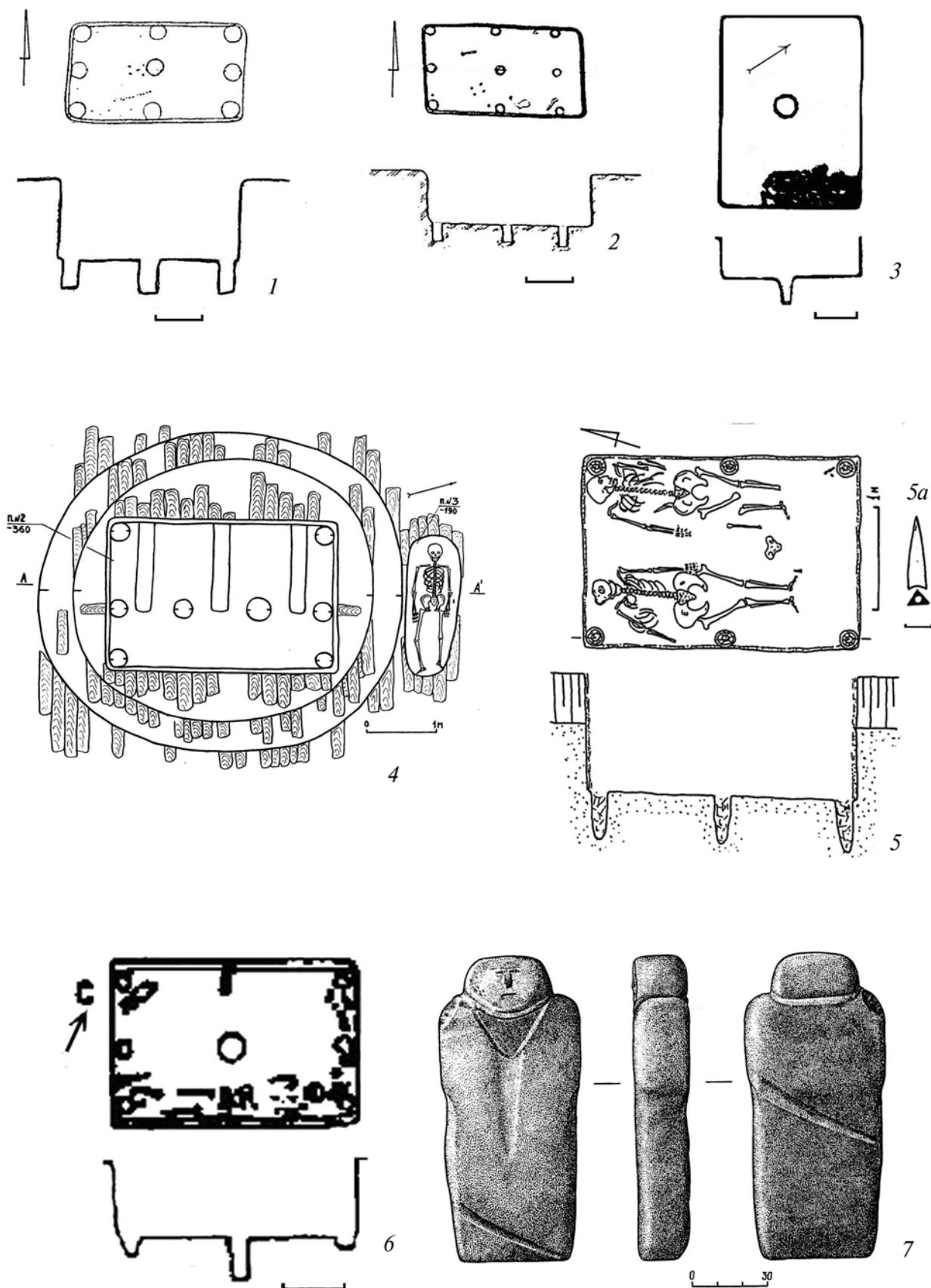


Рис. 4.

1-2 – Харьков, 524 м/р, курган № 2-3; 3 – Веселое, курган № 6; 4 – Малая Рогозянка, группа 2, курган № 1, погребения № 2-3; 5 – Черемушная, курган № 16; 5а – единственная находка в неограбленном парном захоронении; 6-7 – Веселое, курган № 5 (по: В.Г. Бородулин, 1977; Б.А. Шрамко, 1992; А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов, 2000; Ю.В. Буйнов, 2002; В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов, 1994).



Практически идентичную картину мы наблюдаем в Днепровском лесостепном Правобережье в конце среднескифского периода: уменьшение количества поселений и городищ и увеличение количества курганных могильников (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 25-26, 41; Скорый, 2003: 62, 83-85*). В данном регионе находят аналогии и широтно ориентированные ямы, катакомбы, наличие нескольких синхронных захоронений под одной насыпью (*Скорый, 2003: 110-120, табл. 4; Петренко, 1961: 63-65, 80-83*).

Существенное увеличение количества населения в позднескифское время происходит во всех регионах Степи и Лесостепи Восточной Европы, кроме Нижнего Дона. Все это может свидетельствовать, скорее, о приходе новой орды номадов в Северное Причерноморье (*Виноградов, Марченко, 1991: 149-150*), чем о демографическом взрыве в Степи (*Скорый, 2003: 84*). Впрочем, нельзя исключать и совмещения данных факторов. Истребления скифов, которые появились в Лесостепи в раннескифское время, не было, о чем свидетельствует сохранение их погребальных традиций. Наоборот можно говорить о какой-то форме союзнических отношений со степняками для проведения совместных военных акций, контроля над торговыми путями и земледельческим населением. Об участии лесостепных скифов в войнах говорит синхронный рост богатства их верхушки (*Бабенко, 2005: 202*), а также их продвижение на Нижний Днестр из Днепровского лесостепного Правобережья (*Кетрару, Четвертиков, 2005: 186*), вероятно, для участия в военных действиях в Добрудже. Не исключено участие дружин из

Лесостепи для подавления сопротивления Феодосии при Левконе I, поскольку в IV в. до н.э. фиксируется значительное количество боспорских изделий в погребениях знати (*Бандуровский, Буйнов, 2000: 65-68, 93-107*). Возможно, это все свидетельства благодарности Боспора за помощь.

Инкорпорирование северскодонецких дружин в единую этнополитическую структуру со степняками привело к ощущению «южному» влиянию на погребальный обряд и нивелировке различий материальных культур. Косвенно подтверждается мнение исследователей о том, что находки изделий типа старомерчанского кубка и песочинского головного убора за пределами Степи свидетельствуют о попытках (весьма успешных, судя по нашим рассуждениям) скифов консолидировать близкие этнические группы с различными политическими целями (*Алексеев, 1987: 47; Гуляев, 2000: 148-151*).

Таким образом, современная источниковая база позволяет ставить вопрос о вхождении территории северскодонецкой Лесостепи в состав северопричерноморской Скифии, начиная с последней четверти V в. до н.э. При этом лесостепные роды скифов («старых», «скифов первых двух волн», «ранних») сохранили свою власть в регионе. Союзные отношения со степняками, вероятно, строились на взаимовыгодных условиях, хотя нельзя исключать и доминирование Степи, учитывая большую военную мощь и исторические параллели, поскольку все крупные военно-политические объединения номадов возникали в результате покорения одних групп кочевого населения другими.

## Литература

*Аксёнов, Бабенко, 2007* – Аксёнов В.С., Бабенко Л.И. Поховання IV ст. до н. е. поблизу смт. Коротиш // АДУ 2005-2007. К.-Запоріжжя, 2007.

*Алексеев, 1987* – Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры // АСГЭ. 1987. Вып. 28.

*Бабенко, 1998* – Бабенко Л.И. Скифское бронзовое навершие из собрания Харьковского исторического музея // ВХУ. 1998. Вип. 30.

*Бабенко, 2005* – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

*Багалеи, 1907* – Багалеи Д.И. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. Т. 1.

*Бандуровский, Буйнов, 2000* – Бандуровский В.А., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). К., 2000.



- Бессонова, 1994* – Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. К., 1994.
- Бессонова, 1999* – Бессонова С.С. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. 1999. № 1.
- Бессонова, 2000* – Бессонова С.С. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія. 2000. № 2.
- Бородулин, 1978* – Бородулин В.Г. Исследования Харьковского исторического музея // АО 1977 года. М., 1978.
- Буйнов, 1990* – Буйнов Ю.В. Охранные раскопки курганов скифского периода на Харьковщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
- Буйнов, 2002* – Буйнов Ю.В. Отчет о раскопках памятников скифского периода в Валковском районе Харьковской области в 2002 году // НА ІА НАНУ. 2002/ 134.
- Буйнов, Михеев, 1988* – Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // ВХУ. 1988. Вип. 23.
- Бунятян, 1985* – Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. К., 1985.
- Виноградов, Марченко, 1991* – Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации // СА. 1991. № 3.
- Граков, Мелюкова, 1954* – Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954.
- Гречко, 2006* – Гречко Д.С. Рецензія на кн.: Бабенко Л.И. «Песочинский курганный могильник скифского времени» // Археологія. 2006. № 3.
- Гречко, 2006а* – Гречко Д.С. Исследования памятников скифского времени у сел Протопоповка и Циркуны на Харьковщине // АДУ 2004-2005. К.-Запоріжжя, 2006.
- Гречко, 2006б* – Гречко Д.С. К вопросу о функциональном назначении зольников северскодонецкой группы памятников скифского времени // ВХУ. 2006. Вип. 38.
- Гречко, 2007* – Гречко Д.С. Раскопки курганного могильника скифского времени у с. Гришковка на Харьковщине // АДУ в 2005-2007 гг. К.-Запоріжжя, 2007.
- Гречко, 2008* – Гречко Д.С. Сіверськодонецька група пам'яток Лісостепу Східної Європи скіфської доби. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 2008.
- Гуляев, 2000* – Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М, 2000.
- Данилевич, 1908* – Данилевич В.Е. Раскопки курганов около хутора Покровського, Валковського узда Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIII археологического съезда. М., 1908. Вып. 2.
- Задников, Шрамко, 2003* – Задников С.А., Шрамко И.Б. Памятники скифского времени в бассейне реки Ольховатка // Проблеми історії та археології України. Харьков, 2003.
- Ильинская, 1968* – Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). К., 1968.
- Кетрару, Четвертиков, 2005* – Кетрару Н.А., Четвертиков И.А. Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.) // Stratum+. 2003-2004. № 3.
- Клименко, 1997* – Клименко В.Ф. Курганные древности Северского Донца. Енакиево, 1997.
- Коваленко, 2008* – Коваленко А.Н. Погребальные комплексы второй половины IV в. до н.э. Елизаветинского могильника // РА. 2008. № 1.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.
- Либеров, 1962* – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113.
- Медведев, 1999* – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.
- Моруженко, 1989* – Моруженко А.А. Историко-культурная общность племён междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4.
- Ольховский, 1978* – Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
- Ольховский, 1991* – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991.
- Петренко, 1961* – Петренко В.Г. Культура племён Правобережного Среднего Поднепровья в IV - III вв. до н. э. // МИА. 1961. № 96.
- Петренко, 1971* – Петренко В.Г. Задачи и тематика конференции // ПСА. М., 1971.
- Бойко, Берестнев, 2001* – Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Погребова, 1954* – Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии в конференции ИИМК АН СССР в 1952 году // ВССА. М., 1954.
- Ростовцев, 1918* – Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.



*Семенов-Зусер, 1949* – Семенов-Зусер С.А. Археологические раскопки на территории с. Большая Гомольша в 1949 году // НА ІА НАНУ. 1949/ 40 .

*Синика, 2007* – Синика В.С. Погребальные комплексы скифской культуры конца VII – начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

*Скорый, 1987* – Скорый С.А. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя // Археологія. 1987. № 60.

*Скорый, 1997* – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К., 1997.

*Скорый, 1999* – Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. К.-Полтава, 1999.

*Скорый, 2003* – Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). К., 2003.

*Тереножкин, 1971* – Тереножкин А.И. Скифская культура // ПСА. М., 1971.

*Трефильев, 1908* – Трефильев Е.П. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г. // Труды XIII археологического съезда. М., 1908. Т. 2.

*Фиалко, 1994* – Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. К., 1994.

*Шрамко, 1953* – Шрамко Б.А. Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1953.

*Шрамко, 1983* – Шрамко Б.А. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. 1983. № 43.

*Шрамко, Бойко, 1988* – Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерла // ВХУ. 1988. Вип. 22.

*Шрамко, 1992* – Шрамко Б.А. Курганы у с. Весёлое в Харьковской области // ВХУ. 1992. Вип. 25.



## ЮВЕЛІРНІ ВИРОБИ З КУРГАНУ № 5 БІЛЯ С. АРХАНГЕЛЬСЬКА СЛОБОДА

Ювелірні вироби із скіфських пам'яток незмінно привертають увагу дослідників. Багато з них були опубліковані у контексті досліджень певних поховальних комплексів, інші – у роботах, присвячених конкретній категорії речей. В даному випадку хотілося б звернутися до знахідок, відкритих О.М. Лесковим у 1969 році у кургані №5 поблизу с. Архангельська Слобода Каховського р-ну Херсонської обл. Комплекс золотих прикрас, різних за призначенням, що зберігається у колекції Музею історичних коштовностей України, опублікований побіжно – серед скіфських речей з курганів Херсонщини (Лесков, 1974: 71-74). Курган №5 входив до групи (з 8-ми насипів) 2-го Мордвинівського кургану, що знаходилася на північно – східній околиці села. Висота кургану 2,5 м, діаметр – 52 м. У ньому були відкриті два поховання кінця V ст. до н.е. Одне з них було здійснене у катакомбі (№2), інше (№1) у ямі. Поховання №2 розміщувалося в центрі кургану і було пограбоване ще у давнину.

Поховання №1 знаходилося у південно-східній частині кургану і виявилось непограбованим. Воно було розміщене у прямокутній ямі, розмірами 2,65 x 0,9 м, орієнтованій по лінії захід-схід. Глибина його 3,9 м від вершини кургану (Болдин, 1969: 2). Зверху яма була перекрита дерев'яними плахами. В ній було поховано знатного воїна, що лежав випростано на спині, головою на захід. На шиї небіжчика була надягнута золота масивна гривня,

між кистю та ліктем правиці лежав браслет із 15 скляних намистин, вздовж лівого стегна – залізний пластинчастий портупейний пояс. Крім того, у похованні було знайдено кам'яний оселок, два списи, два ножі, три сагайдаки (по 165 стріл у кожному). Один із них, що лежав впритул до бойового поясу, прикрашали золоті платівки. У районі грудної клітини було знайдено більш як 500 золотих штампованих платівок, що прикрашали плечовий одяг. Крім того, у ніші, що була влаштована у західній стінці могильної ями, стояла дерев'яна чаша, облямована золотими накладками. Обидва поховання О.М. Лесков датував в межах V–IV ст. до н.е. (Лесков, 1969: 103-105). Поховання №1 (бокове) він класифікував як усипальницю шляхетного скіфського воїна (Лесков, 1974, 71, 77). В.А. Іллінська та О.І. Тереножкін датували бокове поховання кінцем V ст. до н.е. і віднесли до групи поховань багатих скіфів (Ильинская, Тереножкин, 1983). З урахуванням сучасних схем соціальної стратифікації скіфських курганів (Мозолевський, 1979: 156; Болтрик, 1998: 88), похований в к. 5 чоловік належав до представників скіфської знаті.

Основне завдання цієї роботи – подати повний комплекс ювелірних виробів з поховання, систематизувати його за функціональним призначенням та за сюжетами зображень, розглядаючи речі на широкому тлі аналогічних знахідок з інших скіфських курганів Північного Причорномор'я.





Усі знайдені у цьому похованні вироби давніх торевтів розподіляються на кілька категорій: особисті прикраси; облямівання посуду; оздоба зброї; нашивні прикраси парадного вбрання.

**1. Особисті прикраси** репрезентує одна, проте найвизначніша знахідка цього поховання – золота гривня із фігурними закінченнями (рис. 1, 1). Гривню зроблено із литого круглого у перетині дроту, незімкнені кінці якого прикрашені пустотілими наконечниками у вигляді скульптурних зображень голови лева, виготовленими у техніці тиснення. Об'ємні лев'ячі голівки на наконечниках відзначаються реалізмом завдяки ретельній передачі деталей: очей, вух, зубів, шерсті. Трубочки наконечників прикрашені складним сканим орнаментом у вигляді фризів з пальметок, ов та волют. Листя пальмет та ови заповнені емаллю синього та зеленого кольорів; S-подібні завитки доповнюють кульки псевдозерні (рис. 1, 2). Довжина всієї гривні – 700 мм, загальна вага – 303,2, золото 583 проби.

Ця прикраса визначає високий статус похованого. За типологією В.Г. Петренко, вона належить до відділу III, типу 2 (Петренко, 1978: 44). Найближча за конструкцією та технікою виготовлення гривня походить з Талаївського кургану. Об'єднує її з гривнею з Архангельської Слободи гладкий кований стрижень, наконечники з орнаментованими фризами та об'ємними голівками левів. Відрізняє її більш спрощена манера передачі голівок тварин та орнаментальне оздоблення у вигляді S-подібних завитків з кульками зерні і плетінкою. Другою за подібністю наконечників можна назвати гривню з кургану Солоха. Вона виготовлена у вигляді витого джгута, на кожному кінці якого наконечник з головою лева та фризом з пальметок, заповнених емаллю синього та блакитного кольорів, зерню та плетінкою. Голови левів пророблено дуже детально, очі заповнені білою емаллю з чорними зіницями, грива передана короткими пасмами. У пащі левів протягнуті дротяні петлі, які стягнуті у вузол Геракла (Манцевич, 1987: 55-57). Орнаментация фризів дуже подібна до гривні з Архангель-

ської Слободи, але орнаментовані пояски коротші.

Найближчою аналогією за характером орнаментации фризів та передачі голівок левів є фрагментована гривня із схованки кургану Куль-Оба. Вона виготовлена на високому технічному рівні з реалістичною передачею деталей лев'ячих голів у суто грецькій манері (Петренко, 1978: 44). Дуже близькою за оформленням фризів на наконечниках є ще одна гривня з кургану Куль-Оба. Самі наконечники гривні майстерно виготовлені у вигляді скульптурних фігурок кінних скіфів.

Найбільшу групу знахідок у кургані № 5 становили золоті пластини-аплікації, які виготовлені за допомогою таких технологічних прийомів: кування, вальцювання, штампування, пуансон.

**2. Облямівання посуду.** Своєрідною групою аплікацій є золоті оббивки чаші. Чотири однотипні пластини, прямокутної форми, із загнутим всередину верхнім краєм та маленькими отворами для кріплення вздовж усіх боків (у деяких збереглися золоті цвяшки). Розміри пластин: 81x34 мм; 81x36 мм; 81x35 мм; 85x34 мм, загин 6-7 мм. Майже всю поверхню платівок вкривало штамповане зображення риби, що повернута праворуч (рис. 1, 3). Тулуб риби видовжений, посередині орнаментом у вигляді «ялинки» передано хребет. На черевці зображено два плавники, на спині один великий; хвіст складається з двох пар паралельних ліній, між якими вміщена трипелюсткова пальметка. В основі хвоста волютоподібний завиток. Завелике кругле око займає більшу частину видовженої голови риби.

Пластини з аналогічними зображеннями та функціональним призначенням походять з кургану №2 поблизу Великої Тарасівки, кургану Солоха, та Цимбалка (Манцевич, 1966: 28; Рябова, 1984: 38), кургану №12 поблизу с. Володимирівка Дніпропетровської обл. (Чердніченко, Бессонова, 1975: 264-275).

**3. Оздоба зброї.** Парадний третій сагайдак відрізнявся від інших двох наявністю дванадцяти накладних золотих



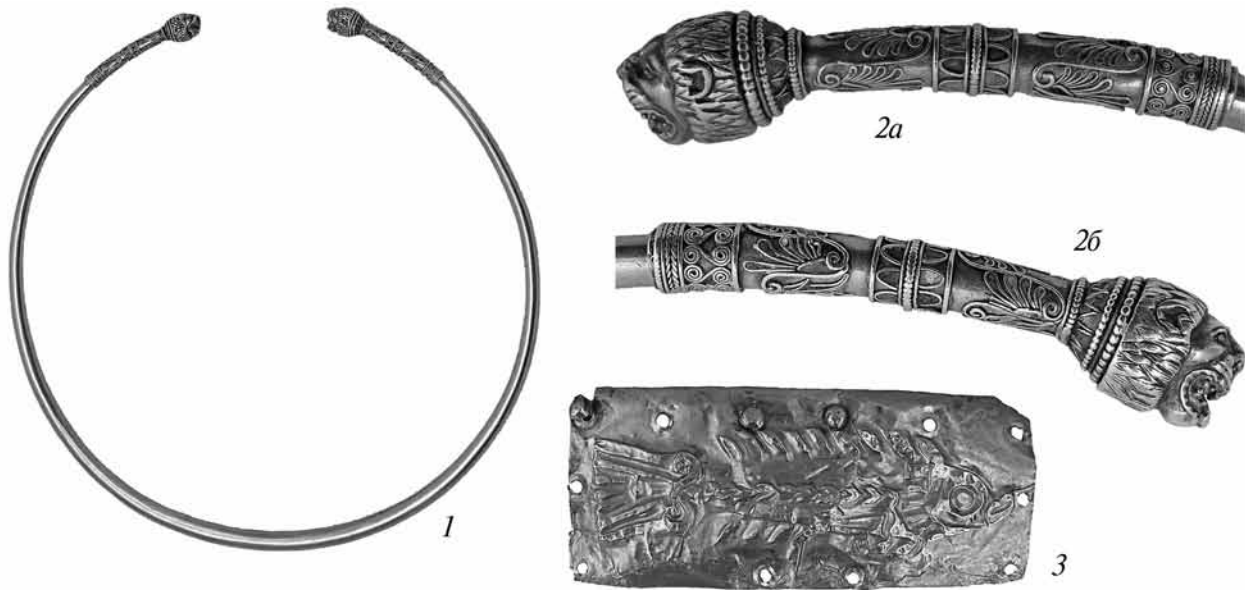


Рис. 1.

1-2 – гривна з наконечниками у виглядi лев'ячих голiвок;  
3 – пластина-оббивка чашi з зображенням риби.

пластинок iз зооморфними зображеннями. За реконструкцею О.М. Лескова, сагайдак був прикрашений з обох бокiв (Лесков, 1974: 72). На лицьовому боцi прикраси було розмiщено у два ряди – по три однаковi екземпляри у кожному. Верхнiй ряд складали платiвки у формi вепра, що лежить (рис. 2, 1), нижнiй – три у формi собаки (рис. 2, 2). Зворотнiй бiк сагайдака також було прикрашено шiстьма золотими пластинами. У верхньому рядi були прикрiпленi пластини iз зображенням вепра, аналогiчнi до вже згаданих, нижнi двi iз зображенням пантер, якi шматують людську голову (рис. 2, 3). Розмiщення iнших типiв платiвок доводить, що одна з трьох нижнiх була втрачена, можливо ще за життя господаря (Лесков, 1974: 72). Шоста бляшка на цьому боцi сагайдака у виглядi оленя (рис. 2, 4), розмiщувалась перпендикулярно по вiдношенню до iнших двох рядiв i, вiрогiдно, слугувала прикрасою його покриття (Лесков, 1974: 72).

Усi платiвки фiгурнi, вирiзанi з золотого листа 500 проби у формi певної тварини. У похованнi знайдено 6 платiвок у

виглядi вепра. Розмiри платiвок<sup>1</sup>: 1). 89x45, вага 12,0; 2). 89x46, вага 10,6; 3). 89x45, вага 10,9; 4). 88x45, вага 12,4; 5). 89x46, вага 11,7; 6). 90x45, вага 13,1.

Лежачого кабана зображено в профiль, розгорнутого праворуч. Масивна голова вепра опущена, ноги пiдiгнутi. На головi з довгим вузьким рилом S-подiбним завитком позначено вухо, трикутником видiлено око, з пащi виступає довге iкло. Рельєфно позначено щетину на головi та спинi вепра. Загалом зображення вiдзначається реалiстичнiстю та чiткiстю передачi деталей. Образ кабана був поширений у скiфському мистецтвi на прикрасах посуду, зброї i вважався символом бога грому та перемоги Вератрагну та бога вiйни Ареса (Болтрик, 1998: 80-81).

Дуже схоже зображення вепра можна побачити на пластинi – прикрасi меча з поховання 2 кургану № 6 поблизу с. Олександрiвка Днiпропетровської обл. кiнця VI – початку V ст. до н.е. (Ковалiва, Мухонад, 1982: 98, рис. 6). Вепра передано у такiй самiй позi з пiдiгнутими ногами та опущеною головою iз схематично позначеною щетиною на спинi i головi.

<sup>1</sup> Розмiри платiвок наведено у мм, вагу – у грамах.

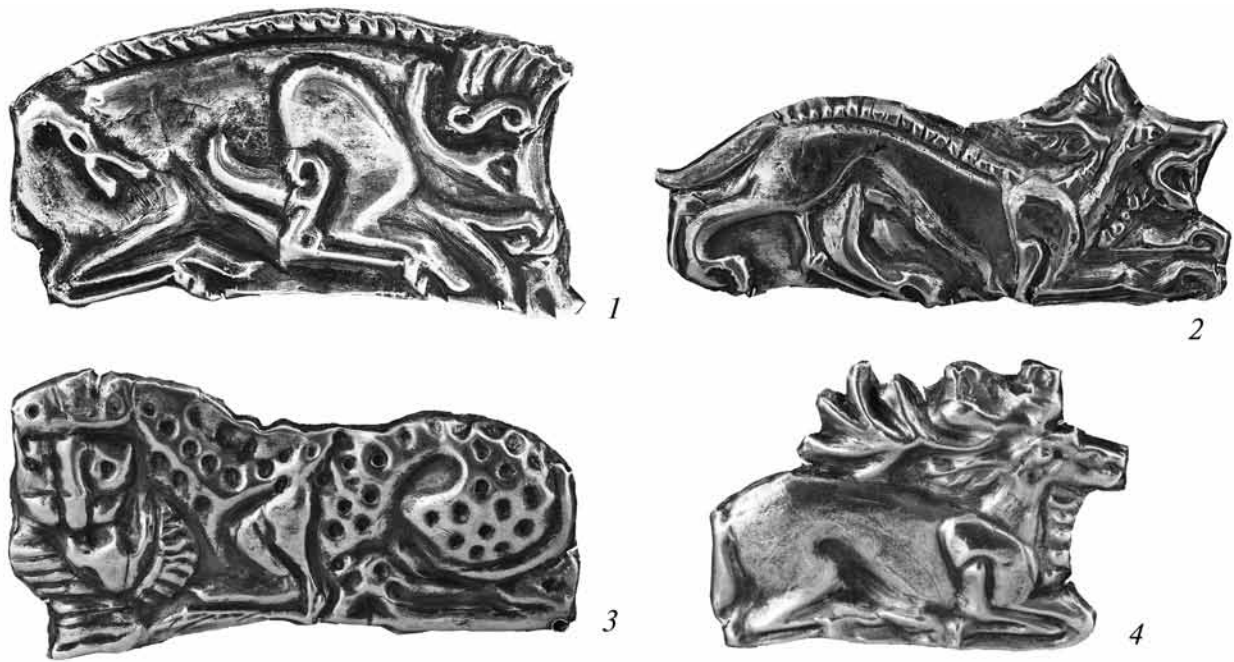


Рис. 2. Золоті аплікації сагайдака.

Три пластини з профільним зображенням собаки, повернутого праворуч. Розміри: 1). 97x44, вага 9,2; 2). 96x42, вага 9,6; 3). 96x42, вага 8,2.

Фігуру тварини передано у русі. Голова з широко розкритою пащею собаки витягнута вперед, передні лапи зігнуті, ніби тварина на них припадає, задні широко розставлені, одна лапа — у вертикальному положенні. Складається враження, що тварина готується до нападу. На вухах, шії і спині рельєфно позначено щетину. Зображення собаки досить часто можна зустріти на предметах скіфського мистецтва, але серед них близьких до цього не виявлено.

Дві пластини зображували фігуру пантери, розгорнуту ліворуч, що шмагує голову людини. Розмір пластин 63x33 мм. Тварина зображена з підігнутими задніми лапами, передніми вона притримує голову жертви. Детально прокреслено м'язи на тілі тварини, тонкий хвіст, притиснутий до тулуба. Тіло передано у профіль, морда у фас. За подібною схемою передачі вони ближчі до фракійського мистецтва (Лесков, 1974: 72-73). Аналогій до пластин із зображенням пантер не виявлено.

Пластина із зображенням оленя, повернутого праворуч, також була прикрасою сагайдака і репрезентована одним

екземпляром. Розмір платівки 43x31. Тварину зображено у досить статичній позі з підігнаними ногами. Невелика голова з круглим опуклим оком та великими розкидистими рогами. Уздовж шії рельєфною смужкою передано шерсть тварини. Подібні зображення оленів з підігнаними ногами і прямо посаженою головою є характерними для скіфського мистецтва V—IV ст. до н.е.

Найближчими аналогіями, з огляду на іконографічні особливості, можна назвати пластини з наступних курганів: V ст. до н.е. — Завадська Могила Дніпропетровської обл. (оббивки чаші); Ак-Мечеть (степова зона Криму) (оббивки чаші); курган №13, поховання 1 поблизу с. Велика Знамянка Запорізької обл. (оббивки чаші); кінець V — початок IV ст. до н.е. — курган №4, поховання №2 в урочищі Галушино у с. Пастирське Черкаської обл. (оббивки чаші); IV ст. до н.е. — курган Солоха (пластини), Єлизаветінська станиця, Кубань (оббивка гориту) (Артамонов, 1966; Ильинская, Тереновский, 1983).

Зображення оленя на прямокутних пластинках — оббивках чаші із Завадської Могили подібні до пластин з Архангельської Слободи схемою зображень — підігнані ноги тварини та вертикальна



посадка голови. Велике кругле око, розлогі роги з кожним виділеним відростком. Шерсть позначено опуклинами. На цих зображеннях більше уваги приділено деталізації рогів тварини, тіло передано без будь-яких подробиць – не позначено навіть м'язів. На противагу цьому, оленя повернутого ліворуч, на пластині з кургану Ак-Мечеть вирізняє деталізація окремих рис. Детально прокреслені шерсть на шиї, розлогі роги, замість верхніх і нижнього завитків рогів зображено пташині голови із загнутим великим дзьобом. Ретельно передано око, морду, м'язи на тілі тварини, короткий хвіст. Саме завитки рогів у вигляді пташиних дзьобів і посадка піднятої голови відрізняє це зображення оленя від зображення з Архангельської Слободи.

Зображення оленів із кургану Велика Знам'янка, Солоха, с. Пастирське подібні між собою. Перші з них розміщені на прямокутних платівках – оббивках чаші, інші вирізані по контуру. Об'єднує їх схема малюнку тварин, які передані з підібганими ногами, прямо посаженою головою. Зображення досить схематичні і не відрізняються реалістичністю. Тіло тварини передано в профіль, морда з великим круглим оком, розлогі довгі роги мають завитки і ніби лежать на спині. Прокреслені деталі рогів, м'язи, ратиці на ногах, короткий маленький хвіст, шерсть на шиї позначено опуклинами.

На прямокутній пластині – прикрасі гориту з кургану №6 Єлизаветинської станиці – оленя змальовано у такій же позі з підігнутими ногами, але з піднятою головою та досить схематично позначеними рогами і тулубом.

На більшості з цих прикрас оленя зображено з підігнутими ногами та з вертикально посаженою головою з двома характерними завитками на голові та довгими гіллястими рогами. Відмітні деталі присутні в зображеннях на пластинах з Ак-Мечеть та Єлизаветинської станиці: тварину подано з піднятою головою. На першому зображенні замість кількох завитків присутні пташині голови, на другому весь образ передано не дуже детально і роги зображені нечітко.

**4. Нашивні прикраси парадного вбрання.** Основну масу платівок – 485 екземплярів – було знайдено на скелеті похованого, у районі його грудної клітини. О.М. Лесков висловив припущення, що вони прикрашали поховальне покривало небіжчика (*Лесков, 1974: 141*). Проте за свідченнями Я.І. Болдіна, що збереглися у польовому щоденнику, пластини були розміщені вздовж хребців і вкривали їх, вздовж кистей рук, але поруч із фалангами пальців бляшок знайдено не було (*Болдин, 1969: 6-7*). Крім того, ним детально зазначено місце знаходження деяких пластин: трикутних було більше біля хребців, хрестоподібних біля лівої руки похованого. Виходячи з цього, Я.І. Болдін зробив слушний висновок, що золотими платівками було розшито верхній одяг похованого.

За сюжетом знайдені нашивні платівки розподіляються на три групи: із зооморфними зображеннями, із антропоморфними та з геометричним орнаментом.

До *зооморфних* належать пластини двох типів: у вигляді голови птаха та із сценою шматування. Платівки у вигляді голови птаха (5 екз.) вирізані по контуру (рис. 3, 1). Розмір пластин 23x20 мм. Голову зображено з розкритим дзьобом і великим круглим оком. Нижня частина дзьобу закручується у спіраль і оздоблена опуклинами по зовнішньому краю. Зображення хижих птахів досить популярні у скіфському мистецтві. Вони оздоблювали елементи костюму, предмети озброєння, кінську зброю, дерев'яні чаші. Подібні зображення часто зустрічаються на предметах кінської вузди з кістки та бронзи, а також на наверхшях (*Рябова, 1984: 36*). Зображення хижого птаха у іранській міфології пов'язані з богом війни та перемоги Вератрагною (*Фіалко, 1998: 82-83*).

Найближчі аналогії цим пластинам походять із кургану Ак-Мечеть. Це оббивка чаші та вирізані по контуру зображення пластини – прикраси костюму (із зібрання Б.І. Ханенка).

Пластини з подібними зображеннями походять з кургану №4 поблизу с. Бобриця Канівського р-ну Черкаської обл. (V ст. до. н.е.), кургану №1 групи Завадської



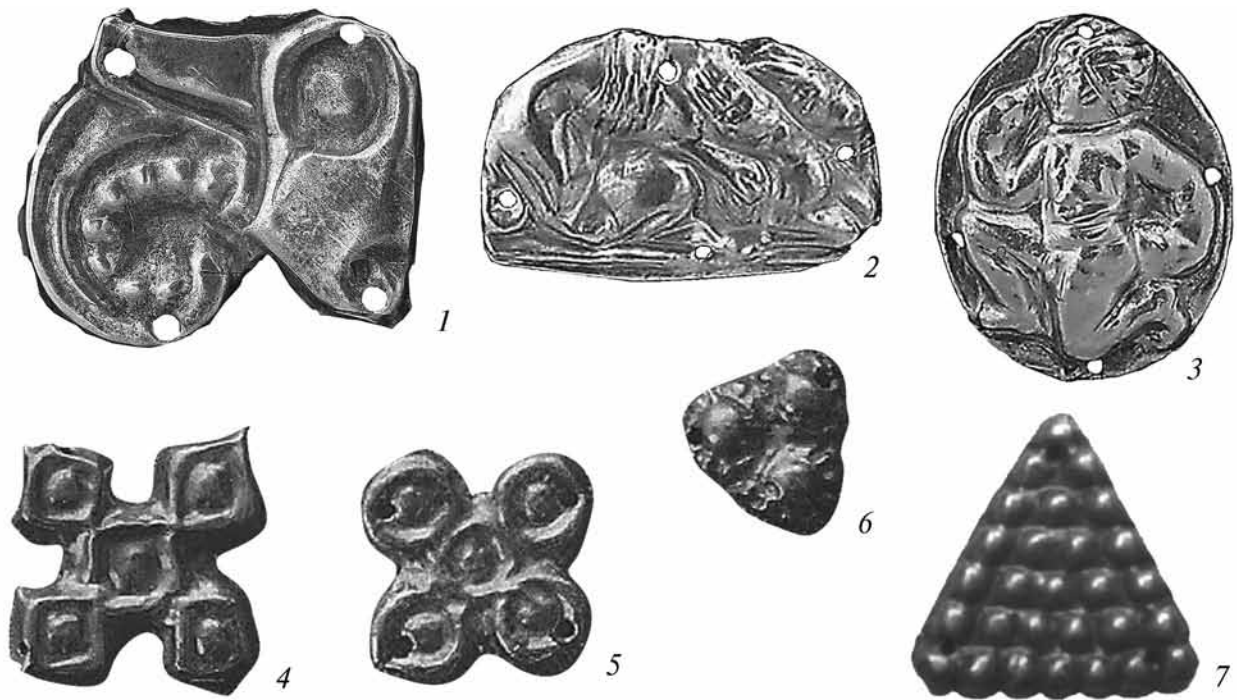


Рис. 3. Нашивні прикраси парадного вбрання.

Могили поблизу м. Орджонікідзе Дніпропетровської обл. (V ст. до н.е.), курган №13 поблизу с. Велика Знам'янка Запорізької обл. (IV ст. до н.е.). На деяких екземплярах образ настільки стилізований, що лише за допомогою аналогічних сюжетів можна визначити обриси пташиної голови. Об'єднує усі зображення однакова схема відтворення образів і характерна деталь – наявність закрученого у спіраль дзьоба птаха, але на деяких пластинах помітне нашарування численних деталей, окремі з них вирізняються складністю і декоративністю.

Репрезентативну серію (105 екземплярів) складають золоті пластини із зображенням сцени шматування левом лані (рис. 3, 2). Лань лежить з підігнутими ногами. Лев вгризся у шию трав'яного. Це зображення досить схематичне, більш чітко передані лише грива та ребра хижака. Середній розмір 19x29,5 мм.

Пластини з подібними сюжетами і схемою зображень походять з кургану поблизу с. Вовківці Сумської обл., Чортомлика та Товстої Могили Дніпропетровської, Чмиревої Могили, кургану №5 поблизу с. Златопіль та кургану №2 поблизу с. Велика Білозірка Запорізької обл.

Перелічені екземпляри мають квадратну форму та кант вздовж країв пластин. Лев, так само як і на пластинах з Архангельської Слободи, вгризається у шию трав'яного. Відмінність цих пластин полягає у тому, що лань зображено з витягнутою догори шиєю.

*Антропоморфні зображення.* Пластини з антропоморфними зображеннями в даному похованні представлені лише одним типом – овальними бляшками із фігурою оголеного юнака, повернутого ліворуч (рис. 3, 3). Збереглося 65 екземплярів, розмірами 20x25 мм. Юнак присів на одне коліно, його голова й ноги зображені у профіль, торс – з розворотом у три чверті. Правиця піднята, а ліва опущена. У руках він ніби тримає якісь предмети. Риси обличчя доволі схематичні. Зачіска коротка, волосся позначено прямими пасмами. Чітко прокреслені м'язи на грудній клітині, животі та ногах. На деяких пластинах зображення менш чіткі, можливо вони були зроблені штампом, який починав стиратися. Д.С. Раєвський припускав, що це перероблена копія з монети, на якій зображено Геракла зі зміями (Раєвський, 1985: 164-165). Існує також думка, що це зображення героя з яблуками Гесперид (Русяєва, 2002: 181).



У скіфів образ Геракла ототожнювався із першопредком Таргітаєм. Абсолютно подібного монетного прототипу цьому мотиву немає, але близькі йому зображення зустрічаються на ольвійських, херсонських та синдських монетах V та IV ст. до н.е. (*Зограф, 1951: табл. XXXII, 1; табл. XXXV, 16, 18, 23; VIII, 3*). Найбільш близьке зображення Геракла, який присів та натягує лук, передане в емблемах синдських монет (*Зограф, 1951: 38, табл. XXXIX*).

Аналогічні пластини походять із зібрання Б.І. Ханенка, відомі вони у Семібратніх курганах (більш архаїчний тип) і Куль-Обі. Схема зображень на усіх пластинках однакова, але відмінність полягає у ретельності деталей. Найбільш ранні зразки походять з Семібратніх курганів. Вони представляють собою обрізані по контуру фігури юнака, який присів на одне коліно. У нього довге волосся, широкі плечі, вузька талія. У руках він ніби тримає якісь маловиразні предмети.

*Геометричні орнаменти.* Пластини з геометричними орнаментами представлені кількома типами: хрестоподібними із з'єднаних квадратів (рис. 3, 4) чи кружків (рис. 3, 5), трикутною з трьома напівсферами (рис. 3, 6) та трикутними з псевдозерню (рис. 3, 7). Пластини хрестоподібної форми двох варіантів. Один з них складають з'єднані кружечки, другий – квадратики, прикрашені рельєфним бортиком по краю і напівсферичним виступом посередині. Знайдено 18 таких прикрас із з'єднаних кружків, розмірами 17x16 мм; та 5 екземплярів із з'єднаних квадратів, розмірами 28x26 мм. Схожі прикраси походять з багатьох курганів: Чортомлика, Александрополя, Дііва кургана, Товстої Могили, Солохи, Першого Мордвинівського кургану,

кургану Башмачка, Червоноперекопського кургану, Жовтокам'янки, Тетяниної Могили, Бабиної Могили тощо.

Єдина пластина складається з трьох напівсфер, які утворюють фігуру, подібну до трикутника. Кожна сторона дорівнює 9 мм. Аналогічні пластини були знайдені у Бердянському кургані, Чортомлику, Александрополі, Мелітопольському кургані, Першому Мордвинівському, кургані Бабина Могила.

Трикутні пластини (286 одиниць) прикрашені по всій площині псевдозерню. За розміром їх можна розділити на два варіанти: великі (185 екземплярів) 21x20 мм та менші (101 екземпляр) 14x15,5 мм. Ці пластини могли слугувати універсальними прикрасами, адже вони використовувались і в декорі головних уборів, взуття, і одягу (*Фіалко, 2003: 127-128*). Подібні пластини були знайдені у багатьох курганах: Куль-Оба, Огуз, Чортомлик, Александропіль, Мелітопольський курган, Верхній Рогачик, I Мордвинівський курган, Червоноперекопський, Бабина Могила тощо.

За інвентарем, до поховання з кургану № 5 поблизу с. Архангельська Слобода подібні одиночні чоловічі поховання: з кургану № 9 поблизу с. Піски на Інгулі (Херсонська обл.), кургану Дорт-Оба, Талаївського кургану.

Отже, огляд речового комплексу дозволяє зробити висновок, що поховання з кургану № 5 поблизу с. Архангельська Слобода належало одному з представників скіфської аристократії; що репрезентував її середній щабель. Предмети торевтики, які походять з цього поховання, мають аналогії у курганах степової та лісостепової Скіфії, а розглянуті сюжети характерні для ювелірного мистецтва V–IV ст. до н.е.

## Література

*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991* – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV ст. до н.э.). К., 1991.

*Артамонов, 1966* – Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов из собрания государственного Эрмитажа. Прага, Ленинград, 1966.

*Болдин, 1969* – Болдин Я.И. Дневник Каховской экспедиции. Каховка, 1969 //Науковий архів ІА НАНУ, Інв. № 1969/22.

*Болтрик, 1998* – Болтрик Ю.В. Ведр – один из символов скифского Ареса// Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 1998.



- Болтрик, 1998* – Болтрик Ю.В. Попытка социальной стратификации Скифии второй половины IV ст. до н.э. // Проблемы археологии Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Ростов-на-Дону, 1998.
- Болтрик, 2004* – Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии 4 в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora T. Sulimirskiego.* Kraków, 2004.
- Зограф, 1951* – Зограф А.Н. Античные монеты // МИА, М., 1951.
- Ильинская, Тереножкин, 1983* – Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. К., 1983.
- Ковалёва, Мухопад, 1982* – Ковалёва И.Ф., Мухопад С. Скифское погребение конца VI–V вв. до н.э. // Древности степной Скифии. – К., 1982.
- Круц, 2005* – Круц С.И. Нове антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья // Мозолевский Б.М., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV ст. до н.э. К., 2005.
- Лесков, Кубышев, 1969* – Лесков А.М., Кубышев А.И. Болдин Я.И. и др. Отчет Каховской экспедиции за 1969 г. // Науковий архів ІА НАНУ, інв. № 1969/22.
- Лесков, 1974* – Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. К., 1974.
- Манцевич, 1966* – Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АС. Вып. №8. Л.-М., 1966.
- Манцевич, 1987* – Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.
- Мозолевський, 1979* – Мозолевський Б.М. Товста Могила. К, 1979.
- Онайко, 1970* – Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. // САИ. Вып. Д1-27. М. 1970.
- Петренко, 1978* – Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. Выпуск Д4-5. М.
- Раевский, 1985* – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Русяева, 2002* – Русяева М. В. Образ Геракла на произведениях торевтики IV в. до н.э. из Северного Причерноморья // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002.
- Рябова, 1984* – Рябова В.О. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. 1984. №46.
- Фиалко, 2003* – Фиалко Е.Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. №1.
- Фиалко, 1998* – Фиалко Е.Е. Символика образа птицы на скифских деревянных чашах // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 1998.
- Чередниченко, Бессонова, 1975* – Чередниченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.И., Бунятян Е.П., Ковалёва Л.Г., Козловський А.А., Орлов Р.С., Пустовалов С.Ж., Орлов К.К., Рассмакин Ю.Я., Шевченко Н.П., Бобыр И.Г. Отчет о работе Верхне-Тарасовской экспедиции в 1975 г. 1975/11.



## ДО ПИТАННЯ ПРО ОЗБРОЄННЯ СКІФСЬКОГО ТИПУ: ПОЗИЦІЯ ВОЄННОГО ІСТОРИКА

Хоча фахівці досліджують комплекс скіфського озброєння та спорядження вже третє століття, проте питання класифікації скіфського озброєння залишається дискусійним.

По-перше, на сьогодні в різних науках, які вивчають озброєння, немає єдиного підходу щодо вирішення цього питання. Зазначена проблема та її історіографія висвітлена в роботі В.Г.Бережинського «Класифікація озброєння Київської Русі». Обмежувє лише зауваженням, що, на жаль, в зброєзнавстві поки що ніким не створена така чітка систематика, як, наприклад, загальноприйнята в світі штучна класифікація рослин і тварин К. Ліннея. Тільки у «Великому словнику зброї» Б.Г. Трубнікова, виданому в 1997 р., міститься 49 визначень зброї і звести їх до одного складно.

По-друге, не може задовольнити зброєзнавча термінологія, яка на сьогодні застосовується в археологічній науці. Такі її поняття, як «наступальна зброя», «оборонна зброя», визначення зброї як «інструменту ведення бою, сукупність матеріально-технічних засобів, що забезпечують можливість ураження противника в ході бою і захист від ураження ворогом» (Худяков, 1979), складно прийняти.

У военній термінології, щодо минулих часів, зброя розглядається як сукупність засобів ураження, що застосовуються у збройній боротьбі для знищення живої сили, техніки і споруд противника. Під наступальною зброєю в археології прийнято

розуміти все, що відноситься до засобів враження, а під оборонною зброєю (часто в науковій літературі використовується термін «захисна зброя» як синонім «оборонна зброя») – все що відноситься до засобів захисту. На думку військового фахівця така термінологія не зовсім коректна. Тоді з точки зору функціонального призначення певних видів озброєння наступальна зброя мала би найбільш ефективно використовуватись у наступі, а оборонна – в обороні. Але лук, спис, меч та інша зброя однаково потрібні для враження противника в обох видах бою. Хіба коректно називати зброєю панцир чи інші засоби захисту, якщо зброя це «інструмент» знищення противника.

Мабуть, кожен науковець, який звертався до проблематики комплексу скіфського озброєння, спіткався з незручністю поділу його на наступальну і оборонну зброю. На це мені зауважував в особистому спілкуванні найавторитетніший фахівець щодо скіфського озброєння Євген Васильович Черненко.

Проілюструю прикладом. Валерій Іванович Гуляев у праці 2005 року «Скифы: расцвет и падение великого царства» звертається до питання воєнної справи скіфів. Спочатку він розглядає «защитный металлический доспех», інші «средства защиты» – автор просто підсвідомо не може вжити до захисних засобів термін – зброя. Але слідуючи традиційним поглядам, далі пише: «Теперь перейдем от защиты к наступлению: речь пойдет о наступательном





## Озброєння скіфського війська

Зброя		Захисне озброєння		Бойові коні	
Зброя рукопашного бою	Метальна зброя	Захисне озброєння воїнів	Захисне озброєння коня	Скіфські степові коні типу тарпанів	Імпортовані породисті, за екстер'єром близькі до нісейських

## Спорядження скіфського війська

Спорядження воїнів	Спорядження коней	Військова атрибутика	Транспортні засоби і їх спорядження (скіфські вози)	Засоби колективного матеріального забезпечення
<ul style="list-style-type: none"> <li>• портупейні пояси</li> <li>• горити</li> <li>• футляри наконечників списів</li> <li>• ножі</li> <li>• підвісні ремні</li> <li>• точильні бруски</li> <li>• чаші, ритони</li> <li>• спорядження вершника: нагаї, батоги, аркани, пута</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• сідла</li> <li>• попони</li> <li>• вудила (грязла)</li> <li>• псалії</li> <li>• оголів'я</li> <li>• повід</li> <li>• чумбурний ремінь</li> </ul>			

оружия скифов», – та розглядає різновиди скіфської зброї і її застосування як в наступальних так і в оборонних діях (Гуляев, 2005: 250-258).

По-третє, запропонована А.І. Мелюковою класифікація скіфського озброєння (Мелюкова, 1964) за хронологічними групами, відділами, типами зручна для археологів при інтерпретації та датування пам'яток. Проте за складністю запропонованих таблиць і схем втрачається основне в озброєнні для воєнного історика – її функціональне призначення та бойові можливості, і в результаті – вплив на розвиток воєнного мистецтва.

Для розгляду питання класифікації озброєння скіфського війська автором враховані різні підходи (див. літературу за списком). Запропонована класифікація подана у таблицях. Пропонуються наступні визначення термінів:

Озброєння скіфського війська – це сукупність різних видів зброї (холодної та метальної), захисного озброєння та кінного складу. Окремі види озброєння в свою чергу об'єднувались в групи за призначенням, за принципом дії і за конструктивними особливостями.

Вид зброї – являє собою сукупність зразків зброї подібних за рядом якостей, притаманних саме цьому виду. Види озброєння можна згрупувати на основі окремих ознак. Наприклад, рубляча зброя, клинкова зброя. Один і той же вид зброї може входити до різних груп. Так, спис може належати одночасно до груп колючої, метальної, древкової зброї. Різновиди зброї та захисного озброєння, що належать до одного виду, систематизуються за типами. Наприклад, у скіфів щити були різноманітних типів: круглі, овальні, схожі на місяць з невеликою виїмкою, бобовоподібні, квадратні



## Зброя скіфського війська

### з а п р и н ц и п о м д і ї

Колюча	Ударна	Рублячо-колюча	Ударно-рубляча	Метальна зброя
<ul style="list-style-type: none"> <li>• списи</li> <li>• дротики</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• кистні</li> <li>• булави</li> <li>• шестопери</li> <li>• бойові молотки</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• мечі</li> <li>• кинджали</li> <li>• ножі (ріжуче-колюча)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• клевці</li> <li>• чекани</li> <li>• бойові сокири</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• луки та стріли</li> <li>• металльні списи</li> <li>• дротики</li> <li>• праща</li> </ul>
<b>Зброя рукопашного бою</b>				

### з а п р и з н а ч е н н я м

Для рукопашного бою	Для ближньої дистанції	Для середніх дистанцій	Для максим. дистанцій	Парадна зброя
<ul style="list-style-type: none"> <li>• мечі, кинджали</li> <li>• списи, ножі</li> <li>• бойові сокири</li> <li>• клевці</li> <li>• чекани</li> <li>• ударна зброя</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• довгий спис — піка</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• дротики</li> <li>• металльні списи</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• лук і стріли</li> <li>• праща</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• мечі, кинджали</li> <li>• сокири</li> <li>• булави</li> <li>• шестопери</li> <li>• клевці</li> <li>• горити</li> </ul>

### з а к о н с т р у к т и в н и м и о с о б л и в о с т я м и

Клинкова зброя		Древкова зброя	
З довгим клинком:	З коротким клинком:	З ратищем:	З рукояткою:
<ul style="list-style-type: none"> <li>• мечі</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• кинджали</li> <li>• ножі</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• списи</li> <li>• дротики</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• бойові сокири</li> <li>• клевці</li> <li>• чекани</li> <li>• булави</li> <li>• кистні</li> </ul>

та прямокутні з прямими та округлими краями.

Якості і ознаки, за якими конкретний екземпляр зброї можна ідентифікувати з певним типом, видом, групою: функціональне призначення екземпляру і окремих його частин; форма та розміри предмету в цілому і окремих його частин; матеріал виготовлення, міцність предмета в цілому і окремих його частин; наявність леза (2-х лез) у клинка, його заточка; наявність і гострота бойового кінця; кут сходження леза і обуха (скосу обуха); наявність рукоятки, ратища або ознак їх наявності в минулому, вушка для кріплення з рукояткою (у кистеня); співвідношення довжини клинка і рукоятки; співвідношення довжини і ширини клинка; наявність ударної частини і ударної поверхні у зброї ударної дії; значна вага ударної частини; наявність і характер зубців, шипів на ударній поверхні.

Зброя рукопашного бою — це спеціально виготовлені або пристосовані для нападу та оборони предмети, призначені для знищення (ураження) противника у бою, що приводяться в дію мускульною силою воїна. Поділялась на колючу, ударну, рубляче-колючу, ударно-рублячу та ударно-пробивну.

Метальна зброя скіфів призначалась для ведення дистанційного бою по знищенню або ураженню ворога та його кінного складу, а також для доставки запалювальних речовин до цілі. Дія її ґрунтувалася на використанні мускульної сили людини, сили тяжіння, відцентрової сили, пружності дерева.

Захисним озброєнням скіфів, на мою думку, слід називати комплекс засобів захисту воїнів і кінного складу від дії зброї противника.



## Захисне озброєння скіфського війська

Захисне озброєння воїнів				Захисне озброєння коня
<b>Бойові головні убори:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• шоломи кубанського типу</li> <li>• грецькі шоломи</li> <li>• шапки з металевим набором</li> <li>• шкіряні шапки типу башлика</li> </ul>	<b>Панцири:</b> <p>1) <i>За матеріалом:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• прості шкіряні</li> <li>• шкіряні посилені набором (металеві або рогові пластини; металевий набір)</li> <li>• суцільно металеві панциркираси</li> </ul> <p>2) <i>За формою:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• нагрудники</li> <li>• жилети (з посиленими опличчями)</li> <li>• куртки (з рукавами)</li> </ul>	<b>Додаткові захисні засоби:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• широкі захисні пояси</li> <li>• захисні нарукавники</li> <li>• захисні штани (довгі та короткі)</li> <li>• настегники</li> <li>• наживітники</li> <li>• клин для захисту пахової зони</li> <li>• поножі (кнеміди; набірні з полос або пластин)</li> </ul>	<b>Щити:</b> <p>1) <i>За матеріалом:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• дерев'яні</li> <li>• каркасні плетені</li> <li>• суцільно металеві</li> <li>• з металевим набором</li> </ul> <p>2) <i>За формою:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• круглі</li> <li>• овальні</li> <li>• квадратні</li> <li>• прямокутні</li> <li>• з округлими краями</li> <li>• місяцеподібні</li> <li>• бобовоподібні</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• налобники</li> <li>• нащічники</li> <li>• бляхи</li> <li>• повстяні та шкіряні попони та нагрудники</li> <li>• нагрудники з металевим покриттям</li> </ul>

До спорядження слід віднести предмети, що призначались для носіння особистої зброї воїнів, кінську зброю, транспортні засоби, військову атрибутику та ін.

Без коня немає кавалерії, один із основних показників якості і боєздатності кінноти – це якість кінного складу, що перебуває під сідлом. Саме з таких позицій підходили до цього питання теоретики і практики кавалерії давнини, середньовіччя, ХІХ та першої половини ХХ століття (*Боевой устав, 1928; Витт, 1900; Виклер, 1992; Воинский устав, 1845*).

Тому вважаю – бойовий кінь був основним озброєнням скіфської кінноти. Тренований бойовий кінь брав участь в сутичці разом зі своїм господарем. Пліній

Старший відмічав: «Скіфська кіннота гордиться славою своїх коней. Коли був убитий один царюк, що бився по виклику зі своїм ворогом, і переможець підійшов, щоб зняти з убитого обладунки, то кінь переможеного ударами і укусами убив його» (*Скржинская, 1977*). Цікавим залишається питання використання скіфами службових та бойових собак. Відомі зображення бойових псів номадів на вазі з Ватикану, іонійських саркофагах. Про високі якості скіфських та сарматських коней і псів знаходимо свідчення у Аппіана.

Отже – позиція автора:

**Озброєння скіфського війська – це сукупність різних видів зброї, захисного озброєння та кінного складу.**

## Література

*Бережинський, 1998* – Бережинський В.Г. Класифікація озброєння Київської Русі. – К., 1998.

*Боевой устав конницы РККА. М. – Л., 1928. Ч.І.*

*Виклер, 1992* – Виклер П.П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала ХІХ века. М., 1992.

*Витт, 1900* – Витт Л.Д. Конница. Вооружение и владение оружием. СПб., 1900.

Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.

Воинский устав о строевой кавалерийской службе. СПб., 1845.



Гуляев, 2005 – Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.

Клочко, 1996 – Клочко В.И. Озброєння та воєнна справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.). К., 1996.

Мелюкова, 1964 – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ; Вып. Д 1–4. М., 1964.

Мінжулін, 1991 – Мінжулін О.І. Реконструкція захисного озброєння скіфського воїна з поховання V ст. до н.е. біля с. Гладківщина // Золото степу. Археологія України. Шлезвіг, 1991.

Подшибякин, 1976 – Подшибякин А.С. Понятие холодного оружия в советском уголовном праве и в криминалистике и некоторые вопросы его классификации // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1976.

Скржинская, 1977 – Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977.

Скорый, 1977 – Скорый С.А. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984.

Скорый, 1979 – Скорый С.А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. 1977. №1.

Скорый, 1983 – Скорый С.А. Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис... канд. ист. наук. – К., 1983.

Худяков, 1979 – Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.

Черненко, 1966 – Черненко Є.В. История скифского оборонительного доспеха: Автореф. дис... канд. ист. наук / ИА АН УССР. К., 1966.

Черненко, 1988 – Черненко Е.В. Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / ИА АН УССР. К., 1988.

Шрамко, 1970 – Шрамко Б.А., Солнцев Л.О., Фомін Л.Д. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза та сталі // Археологія. 1970. Вип. XXIII.



Гуляев В.И. (Москва)

## СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

В 1905 г. Л.М.Савелов, предводитель дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии и довольно удачливый археолог-любитель, с глубоким пессимизмом писал о полном отсутствии каких-либо сведений о далеком прошлом своего края. «Чьи кони паслись на роскошных придонских лугах, — в отчаянии вопрошал он, — чьи руки устраивали городища и насыпали курганы, поразбросанные по всей Воронежщине и безмолвно свидетельствующие о неведомой жизни былых насельников наших мест?.. Скоро ли дождутся эти курганы и городища своих исследователей?»

Увы, долго ждать не пришлось. По иронии судьбы, первыми приступили к «исследованию» древних курганов Среднего Дона наглые искатели легкой наживы — грабители могил. «Увидели, как на «линии» (имеется в виду территория Прикубанья — *В.Г.*) копают, давай и мы попробуем, что в наших курганах есть,» — вспоминают старожилы села Мастюгино (совр. Острогожский район Воронежской области). — «Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; землю выбрасывали в противоположную от села сторону. Но продолжалось это недолго, дознался урядник и воспретил раскопки. Затем приехал пристав, осмотрел начатые работы и разрешил копать дальше, но предупредил: «Не задави-ло бы». Грабеж тогда пошел открытый...».

К несчастью для науки мастюгинские курганы оказались необычайно богатыми. Почти в каждой могиле находились

драгоценные изделия из золота и серебра, что, естественно, лишь разжигало алчность грабителей. Какие бесценные творения древних мастеров погибли тогда под заступами и ломami невежественных кладоискателей, мы уже никогда не узнаем. Ведь львиная доля добытых ими предметов старины превратилась в безликие слитки золота или же попала в руки частных коллекционеров.

Наконец, слухи об этих чудесных находках дошли до столицы страны — Петербурга, и в село был направлен опытный археолог А.А.Спицын. Он докопал два разрушенных крестьянами кургана и собрал еще сохранившиеся на руках древние вещи (1905-1906 гг.). В 1908 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии (в те времена это было главное научное учреждение России по организации и проведению археологических работ в пределах империи — *В.Г.*) в Мастюгино направился другой известный археолог — Н.Е.Макаренко. Ему удалось раскопать шесть богатых курганов, содержащих немало интересных предметов скифской эпохи (V–IV вв. до н.э.), изготовленных как местными, так и античными мастерами. Это и следует, видимо, считать началом научной археологии на территории Среднего Дона. Но появление профессиональных археологов в данном регионе отнюдь не снимало угрозы гибели местных курганных древностей и, особенно, курганов скифской эпохи.



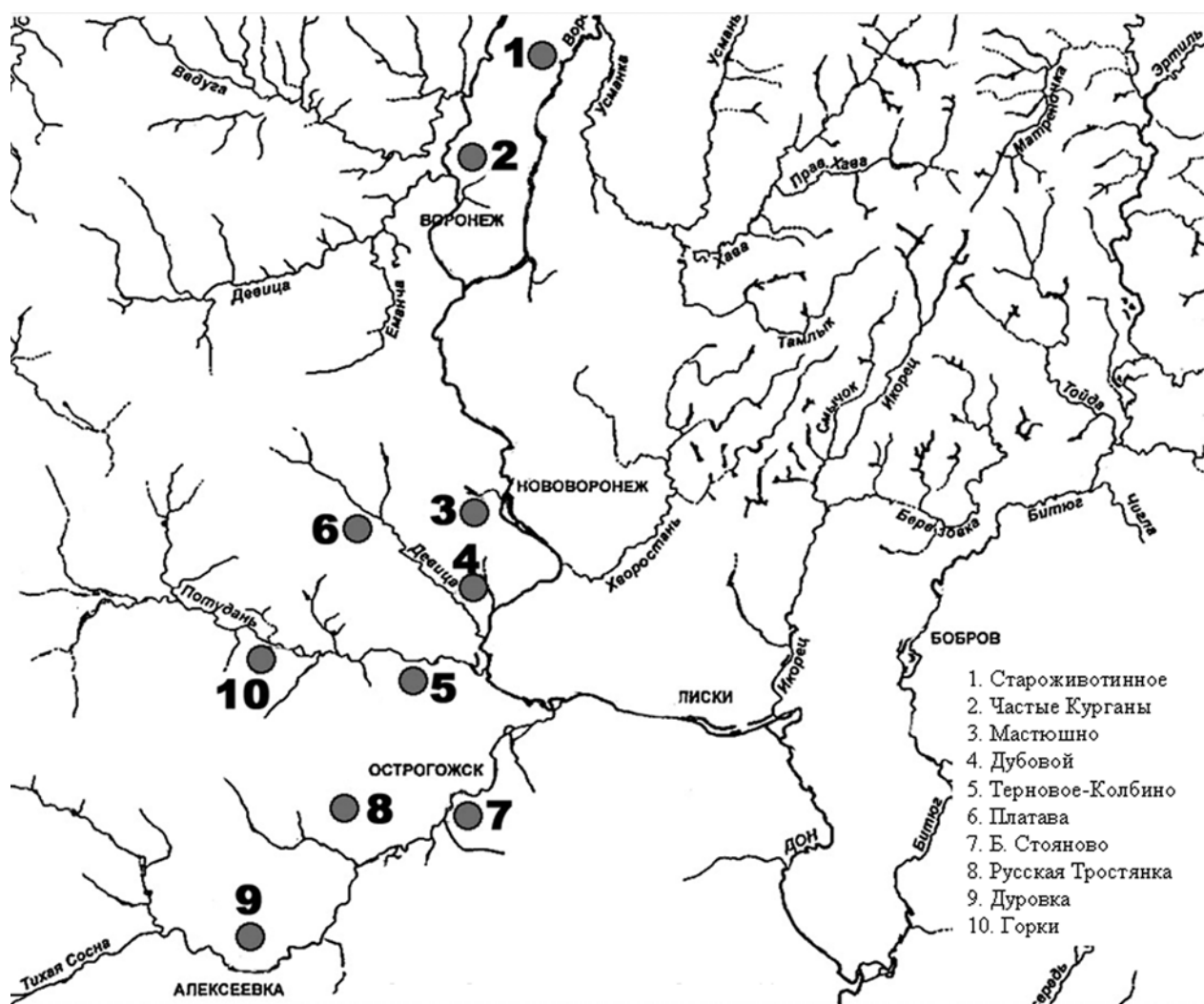


Рис. 1. Карта скифских могильников Среднего Дона.

Скифская эпоха — ярчайшая страница в истории многих племен и народов, населявших в VII–IV вв. до н.э. обширные пространства степи и лесостепи между Дунаем на западе и Доном на востоке. Скифы создали первое крупное государство в Восточной Европе. Они установили теснейшие торговые и культурные связи с греческими городами-колониями в Северном Причерноморье. Однако в III в. до н.э. Скифия гибнет под ударами кочевых орд, пришедших из глубин Азии. И теперь о былом величии скифов напоминают только поросшие травой курганы, да оплывшие валы некогда грозных крепостей-городищ. Скифские курганы, как уже отмечалось выше, всегда отличались необычайным богатством погребального инвентаря и, прежде всего, наличием

изделий из золота, серебра и бронзы. Скифская культура характеризуется тремя важными чертами: самыми совершенными видами вооружения, конского убора и искусства «звериного стиля». Скифские древности составляют заметную и наиболее яркую часть богатого археологического наследия России и не случайно, что они всегда находились в центре внимания отечественной науки.

Однако, после распада СССР и появления на политической карте мира суверенной Украины большая часть курганов и городищ европейских скифов осталась в пределах именно этой страны. В нашем же государстве скифские памятники V–IV вв. до н.э. встречаются лишь в Подонье (Воронежская, Белгородская и Ростовская области).



Рис. 2. Самая северная группа из 40 курганов у с. Староживотинное в 20 км к северу от Воронежа.

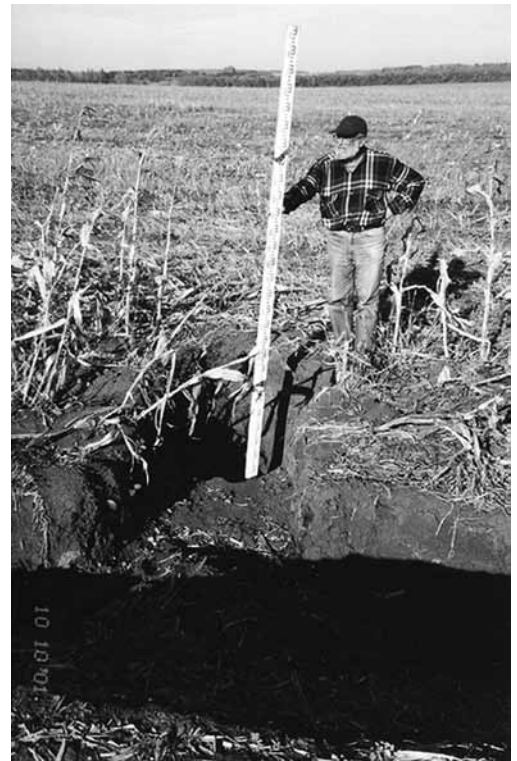
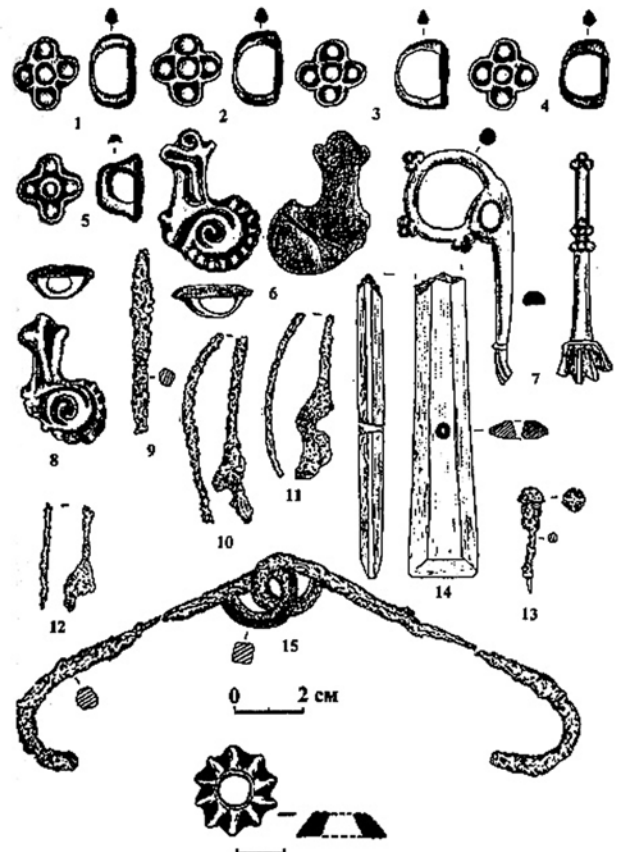
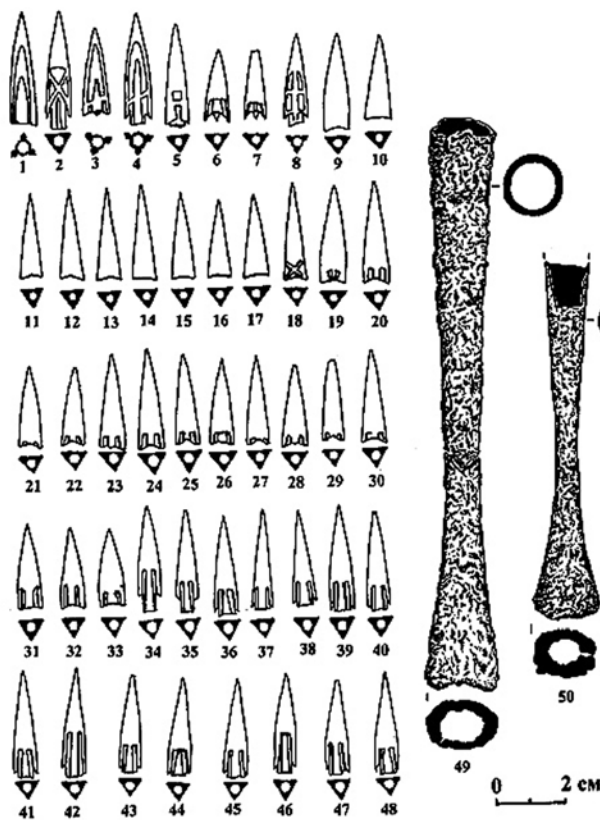


Рис. 3. Могильник у с. Урыв-Покровка. Грабительские траншеи.



После 1991 г. правительство России практически прекратило финансировать все научные исследования, в том числе и археологические. По странному стечению обстоятельств это произошло именно тогда, когда государственная поддержка была особенно необходима российским археологам. Дело в том, что, как и многие другие регионы страны, Подонье (где у нас только и встречаются скифские древности) с его богатыми черноземами, стало в последние 15 лет местом усиленной хозяйственной деятельности (неконтролируемое частное строительство, «ползучая» приватизация земель, усиленная распашка полей с курганами скифов, перевод в Черноземье наших войск из стран Центральной и Восточной Европы и т.д., и т.п.). Все это привело к быстрому уничтожению многих археологических памятников Среднего Дона и к невосполнимой утрате огромных культурных и материальных ценностей.

Наконец, в последние годы для скифских курганов Подонья (от Ростова-на-Дону до Воронежа) появилась еще одна грозная опасность: нашествие современных грабителей могил, или как их любят называть в средствах массовой информации, — «черных археологов». Они, при явном попустительстве и даже поддержке некоторых каналов Центрального телевидения и некоторых газет (региональных и общероссийских) прикрывают свою разрушительную и аморальную по всем меркам деятельность «заботой» о «спасении» (!!!) тех древностей, сохранность и изучение которых не может обеспечить наше государство. Раньше эти грабители предпочитали «работать» только на самом юге России — в Краснодарском и Ставропольском краях. Теперь же их отряды активизировались и на Среднем Дону, где я, во главе Донской археологической экспедиции Института археологии РАН, вот уже 15 лет веду спасательные раскопки двух больших и, к сожалению, постоянно разрушаемых могильников скифского времени: один у сел Терновое и Колбино на границе Острогожского и Репьевского районов Воронежской области; другой — у с. Горки, Красненского района Белгородской области). В первом случае уже удалось полностью

исследовать 62 кургана из выявленных визуально 70 насыпей. Все они были ограблены еще в древности, но содержали, тем не менее, множество великолепных вещей, как местных, скифских, так и привозных, греческих. Дело в том, что древние «искатели сокровищ» брали из могил (а размеры даже самых малых из них имели 4 x 4 метра, а в больших курганах — от 30 до 50 квадратных метров) только самое ценное, на их взгляд, — массивные изделия из золота, серебра и бронзы, а также украшенную золотыми нашивными бляшками одежду и т.д. Предметы из железа, кости и глины они не трогали. Не нужны были им, естественно, и бранные останки скифских воинов и членов их семей. Таким образом, при комплексном и полном исследовании этих курганов, когда наряду с археологами здесь успешно работают и представители многих естественных наук — палеозоологи, палеоботаники, антропологи, палеогеографы, почвоведы и др.) — удается получить ценнейшую информацию о материальной культуре, погребальном обряде, религиозных верованиях, торговых связях, хозяйстве и внешнем облике скифов. Я не говорю уже о находках великолепных произведений древнего искусства, так или иначе избежавших жадных рук грабителей могил прошлых эпох.

Совсем иначе ведут себя их современные собратья. Мы впервые столкнулись с ними несколько лет назад, когда в самой удаленной, западной, части курганной группы у с. Колбино вдруг с удивлением увидели на вершине одного из могильных холмов аккуратный прямоугольный раскоп размерами 2 x 4 метра и глубиной до 1,2 метра. До уровня крыши древней гробницы эти неизвестные нам люди, к счастью, так и не дошли: либо копать надоело, либо что-то их спугнуло.

Зато следующий набег «черных археологов» на наше курганное богатство оказался для них, видимо, на редкость удачным. В центральной части могильника у с. Колбино, посреди большого постоянно распахиваемого поля, возвышался величественный (свыше двух метров высотой и до 1,2 гектара по площади), хотя уже и сильно деформированный многолетней пахотой







Рис. 5. Могильник у с. Колбино. Курган 16 — центральный в группе, раскопанный грабителями и доисследованный ДАЭ ИА РАН.

курган (№ 16 по нашей нумерации). Он принадлежал несомненно, когда-то весьма важному лицу, возможно, верховному вождю или «царю» местных скифов. Несколько лет мы, по согласованию с руководителями Колбинского сельхозкооператива, терпеливо ждали, когда этот участок поля будет оставлен незасеянным, «под паром». Наконец, в 2001 году этот желанный миг настал. Но когда мы, как всегда в конце июня прибыли к месту работ, то с ужасом увидели, что «наш» курган уже кем-то раскопан. Раскопан вручную, но весьма основательно. Огромная могильная яма (площадью около 40 кв. метров) была накрыта грабительским шурфом почти целиком. Используя мощный металлоискатель, современные «искатели сокровищ» смогли обнаружить и унести все, даже мельчайшие металлические предметы. И это при том, что на данном участке поля при углублении в землю более чем на один метр немедленно появлялась подпочвенная вода и заливала раскоп. Грабители не оставили

нам ни единой косточки, ни одного обломка керамики — только два десятка использованных батареек от своих приборов.

Тем не менее, с помощью бульдозера курган был нами доследован полностью. И вот, в качестве награды за труд и терпение, в одном углу могилы, возле столбовой ямки, мы нашли три «колокольчика» — точнее, колоколовидные украшения конской узды, сделанные из массивного золота высокой пробы. Не знаю, что именно досталось на долю грабителей современных после «деятельности» их древних коллег по профессии, но, думаю, их добыча тоже была немалой.

Еще больше не повезло нашим воронежским друзьям — археологам из Воронежского государственного педагогического университета, работающим в 17 км севернее лагеря нашей экспедиции, близ большого села Урыв-Покровка на Дону. Там раскопки велись вручную, силами студентов-практикантов. За пять последних лет удалось исследовать до 15



Рис. 6. Могильник  
у с. Колбино.  
Золотые «колоколь-  
чики» – находки  
из кургана 16.



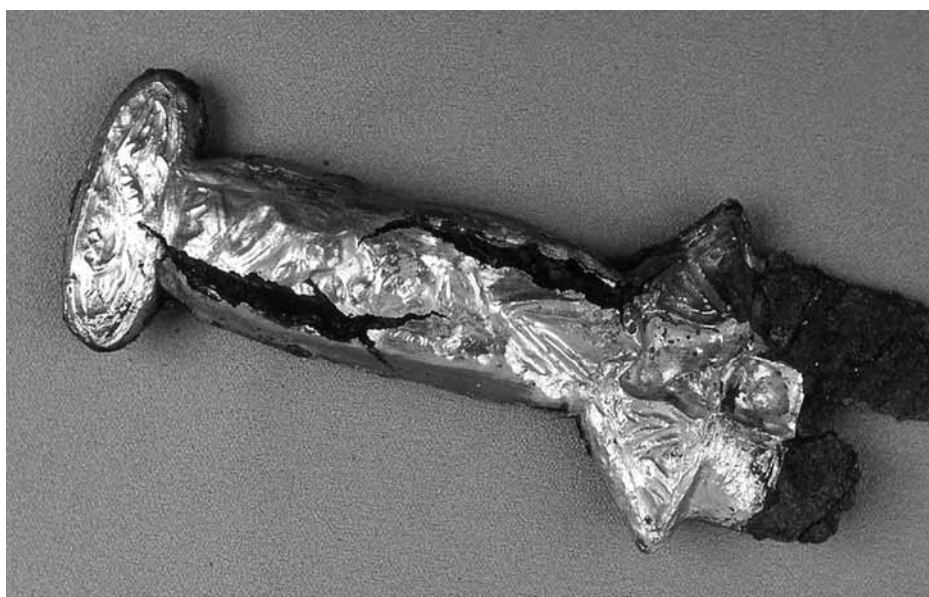
Рис. 7. Могильник  
у с. Колбино.  
Курган 10 – бляхи  
конской узды.



Рис. 8. Могильник  
у с. Колбино.  
Курган 7 – меч.



Рис. 9. Могильник  
у с. Колбино.  
Курган 7 – рукоять  
меча.



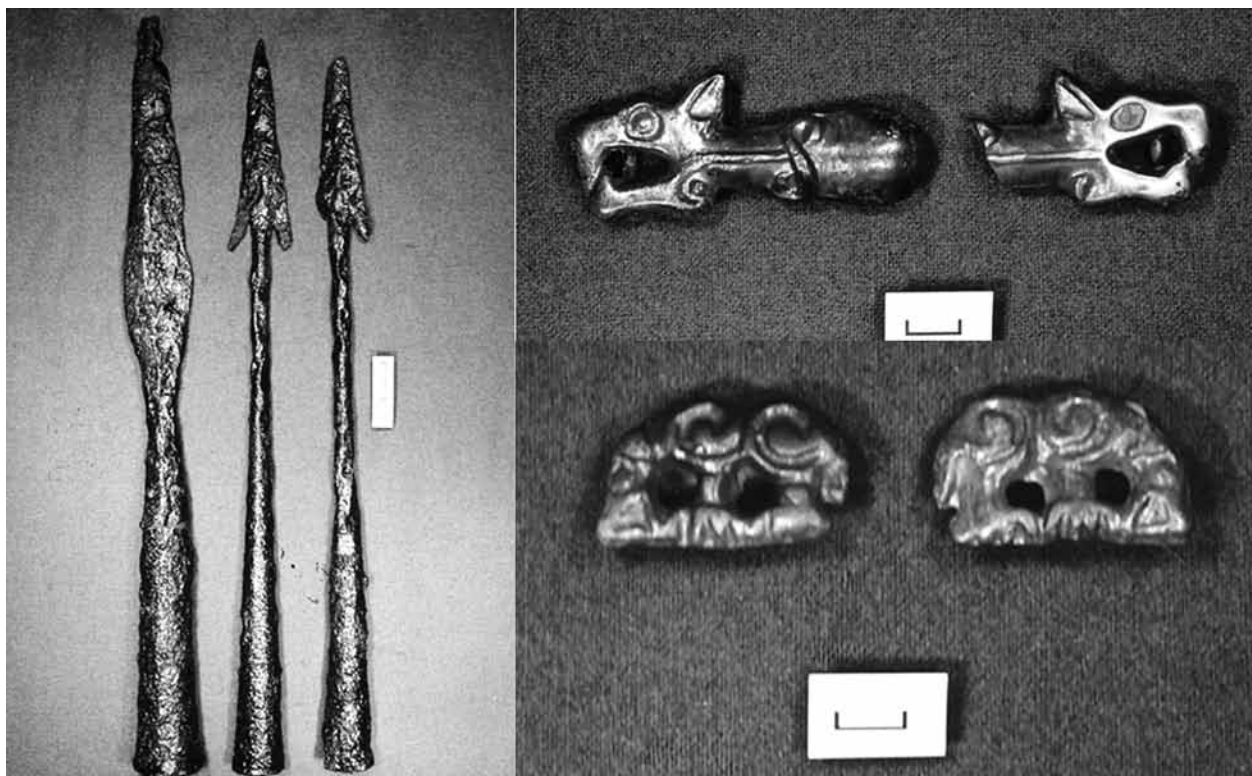


Рис. 10. Могильник у с. Горки Красненского р-на Белгородской обл.

скифских курганов. Но как только экспедиция уезжала (работы велись в июле — начале августа в дни студенческих летних каникул), появлялись грабители. Последние действовали совершенно свободно, можно сказать, даже нахально: они использовали при раскопках не только большой бульдозер, но и экскаватор. В итоге, они разграбили до десятка древних насыпей. И одному Богу известно, какие ценные находки им достались. Следы «работ» «черных археологов» у с. Урыв-Покровка впервые удалось обнаружить разведочной группе нашей экспедиции в начале октября 2001 года.

Еще более опустошительной (и довольно длительной по времени) была деятельность грабителей на самом северном курганном могильнике скифской эпохи у с. Староживотинное Рамоньского района Воронежской области. Там систематическому разграблению подверглось около 40 курганов V—IV вв. до н.э. Археологи Воронежского государственного университета в начале 90-х годов прошлого века сумели найти кое-какие скудные денежные средства и приступили к спасательным раскопкам тогда, когда большая часть могильника

была уже опустошена «черными археологами». Видимо, их добыча была немалой, поскольку они имели даже наглость (используя в качестве посредников школьников села Староживотинное) предложить дирекции Воронежского областного краеведческого музея две великолепные вещи из разграбленного некрополя: бронзовое античное зеркало с изображением богини с лавровой ветвью в руке и бронзовую круглую бляху (украшение конской узды) с фигурой волкоподобного, свернувшегося в кольцо, хищника. Нужной суммы в бедном музее, естественно, не нашлось, и эти вещи вскоре бесследно исчезли. Слава богу, что музейные художники сумели зарисовать эти уникальные находки.

В настоящее время на территории Среднего Дона выявлено и частично (а иногда и почти полностью) исследовано девять курганных могильников скифской эпохи. Если двигаться с севера на юг, то это будут:

- 1) некрополь у с. Староживотинное (в 20 км к северу от г. Воронежа);
- 2) группа «Частые Курганы» на северной окраине г. Воронежа (в настоящее





Рис. 11. Могильник у с. Горки Красненского р-на Белгородской обл.

время она полностью исчезла – частично исследована, частично застроена жилыми домами);

3) курганы у с. Мастюгино (в 60 км южнее Воронежа), где уцелело до сегодняшнего дня не более 10-12 насыпей;

4) могильник у с. Урыв-Покровка (уцелело не более полутора десятков курганов);

5) большой некрополь между селами Терновое и Колбино (из выявленных примерно 70 видимых насыпей 62 раскопано археологами и 1 – грабителями);

6) могильник у с. Большое Стояново на южной окраине города Острогожска (из 30 видимых курганов воронежскими археологами раскопано 12);

7) группа курганов у с. Русская Тростянка (Острогожский район), где из 40 насыпей ученые исследовали только 18, а остальные сейчас почти полностью уничтожены пахотой;

два других могильника скифской эпохи находятся в прилегающей восточной части Белгородской области: группа у с. Дуровка Алексеевского района (полностью раскопан в 60-80-е годы XX в. археологами – до 30 насыпей); могильник у с. Горки Красненского района (из 25 курганов учеными исследовано пока лишь 12, и несколько курганов «взяли» современные грабители).

Таким образом, скифские курганы исчезают на черноземных полях Подонья с ужасающей быстротой под воздействием природных, антропогенных (хозяйственная деятельность человека) факторов и,

конечно, в итоге деятельности «черных археологов».

Но речь идет здесь только о давно известных и частично уже раскопанных курганных группах. А точного их числа на донской земле не знает никто. Ведь даже эти центральные и хорошо обжитые территории Европейской России никогда не обследовались археологически полностью, и, таким образом, ни федеральные, ни региональные органы охраны памятников истории и культуры не имеют никакого представления о том, какие именно памятники археологии им следует учитывать и охранять. Здесь бы было самое уместное выступить со своими инициативами нашему государству – единственному собственнику всего культурно-исторического наследия огромной страны, как видимого, так и скрытого еще в глубинах земли. Во-первых, возобновить постоянное бюджетное финансирование фундаментальной российской науки (включая археологию). Во-вторых, государственным органам необходимо разработать и ввести в жизнь новые законодательные акты по ужесточению наказаний за разрушение и порчу археологических памятников всех эпох. В-третьих, следует принять (и, естественно, обеспечить) материально-целевую федеральную программу по сплошному археологическому обследованию всей территории России на предмет выявления новых и фиксации современного состояния уже известных объектов археологии, сроком не менее чем на 5 ближайших лет. В-четвертых, существует настоятельная необходимость в



разработке и осуществлении целевой федеральной программы по спасательным раскопкам гибнущих или интенсивно разрушаемых курганных древностей от эпохи ранней бронзы до позднего средневековья.

Что касается скифских курганов, то их сохранение и научное изучение даст нашему обществу и науке не только обширную информацию о прошлом, но и принесет нашим музеям (и, естественно, государству) огромные материальные ценности. Достаточно напомнить о наличии

специальных «золотых кладовых» в крупнейших музеях России – Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге, Государственном Историческом Музее в Москве, а также в региональных музеях Воронежа, Белгорода, Ставрополя, Краснодар, Ростова-на-Дону. Это именно тот случай, когда интересы науки, культуры и государства полностью совпадают, и нужно сделать не так уж и много, а материальная стоимость всех названных мер и проектов сравнительно невелика.



## **КУРГАННИЙ КОМПЛЕКС З БРОНЗОВИМ ДЗЕРКАЛОМ ІЗ ШУТНОВЕЦЬ**

Скіфська культура, як відомо, мала значний вплив на сусідів, зокрема і на племена Лісостепу. Цей вплив не був рівнозначним і для кожного окремого району мав свої особливості. Розширення джерельної бази вносить свої корективи у розуміння тих складних взаємин, які існували між номадами і осілим населенням на початку раннього залізного віку.

Ранньоскіфська епоха на території Середнього Подністрів'я відома нам за курганними могильниками та поселеннями. І хоча культурний шар на поселеннях не рідко поганої збереженості, а захоронення зазнали у своїй переважній більшості спустошливих пограбувань, все ж таки розкопки дали важливі результати для вивчення матеріальної та духовної культури місцевих жителів. Більшість отриманого на сьогоднішній день матеріалу походить із поховальних пам'яток. Серед супровідного інвентаря, який представлений глиняним посудом, металевими знаряддями праці, зброєю й іншими предметами, трапляються і бронзові дзеркала. Найбільшого поширення дзеркала набули у скіфосавроматський час на великій території від Центральної Європи до Уралу (*Смирнов, 1964: 157*). Ці вироби неодноразово привертати увагу і вітчизняних, і зарубіжних вчених. Чимало зроблено у питанні їх хронологічного визначення, типологічної класифікації, технології виробництва, територіального розповсюдження тощо (*Билимович, 1976; Бондар, 1955; Граков, 1947; Ольговский,*

*1992; Скржинская, 1984; Скуднова, 1962; Кузнецова, 2002*). У Середньому Подністрів'ї їх знайдено понад півтора десятка і походять вони із наступних пам'яток, вивчення яких почалось ще з ХІХ ст.

У Братишівському кургані №2 (Івано-Франківщина) знайдено дзеркало з бортиком на диску, виготовлене із бронзового листа, діаметром 18,7 см товщиною до 0,3 см. Ручка складається із трьох округлих ребер. Середне – зроблене із бронзи. Воно, як можна судити з опису, з одного боку вставлене у своєрідний залізний футляр, а з другого – залишається відкритим. Зовнішні ребра – залізні і обвиті бронзовими і залізними смужками. Кінець ручки заправлений в обойму у формі голови барана, а верхня частина закінчується іонійською капітеллю. Голова барана передана хоч і стилізовано, але цілком реалістично, добре читаються очі, вуха, виті закручені назад роги, рот та ніс. Шия і лоб прикрашені геометричним орнаментом. В цілому ручка нагадує колону будівлі, увінчану розкішним завершенням.

У кургані №4 того ж могильника виявлено не менш цікаве люстро. Відлите воно із бронзи, по краю – високий бортик. На кінці трьохреберної ручки є фігурка пантери, з характерною для цього звіра позою хижака, а на верху – оленя з підігнутими ногами і скрученими у кільця рогами, морда витягнута, вуха у вигляді трикутника. Олень розміщений на чотирикутній підставці з трьома поперечними ребрами.



Добре збережене дзеркало походить із кургану №5. У нього злегка овальний диск. Пластинчаста ручка завершується на кінці гострими бічними виступами. До диска вона кріпиться трьома залізними заклепками.

У кургані №1 біля с. Городок на Тернопільщині викопано дзеркало, диск якого виготовлено із бронзи, а ручка із заліза. Кінець її має вигляд двох овалів, розведених в сторони. Обидві частини дзеркала з'єднані двома заклепками.

Два дзеркала трапились у кургані №3 поблизу с. Івахнівці на Чемеровеччині. Одне з них є, по суті, копією городоцького. До диска припасовано, при допомозі двох залізних заклепок, ручку з роздвоєним у формі двох кружків кінцем. Від другого — зберігся лише диск. Ручка відсутня. Проте, що вона була залізною свідчать відбитки іржі в місці її кріплення.

Із поховання в селі Постолівка (Тернопілля) відоме дзеркало, яке прикривало урну з людськими кістками, залізна ручка відсутня.

Пара знахідок, про які йдеться, зафіксована у курганах біля с. Сапогів (Борщівський р-н). Особливо вирізняється дзеркало, руків'я якого з двох сторін закінчується прямокутними виступами і голівкою барана на кінці. Інше люстерко невелике (*Sulimirski, 1936; Reichel, 1936*).

У другій половині ХХ ст. з'являються нові знахідки. Один із курганів біля с. Ленківці (Кельменецький р-н) дав зразок досить рідкісного дзеркала. На жаль, зберігся лише кружок, але в нього було дві ручки. Спочатку нею служила петля, яка розміщувалась на зворотній стороні, а згодом, очевидно після ремонту, до диска була двома заклепками прилаштована бокова ручка (*Мелюкова, 1953: 68-71*).

При господарських роботах в с. Верхні Панівці (Кам'янець-Подільський р-н) було знищено курган, із якого серед інших предметів в музей міста потрапили фрагменти дзеркала. Вздовж держака — три прямих рельєфних лінії (*Винокур, Хотин, 1965: 118*).

У кургані в с. Зозулинці (Заліщицький р-н) виявлено бронзовий диск із залишками залізної ручки, яка скріплена двома

заклепками (бронзовою і залізною) (*Малеєв, 1991: 162-179*).

Дзеркало із Теклівського кургану №3 (Кам'янець-Подільський р-н) має диск діаметром 16,6 см з невисоким бортиком по краю і ручку, виготовлену із бронзової пластини завдовжки 12,8 см, шириною 1,6-2,7 см. Кінець ручки завершується фігуркою коня. З диском ручка скріплена трьома заклепками. Загальна довжина дзеркала 31 см (*Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей, Моголов, 2003: 90*).

Серія цих предметів нещодавно поповнилась ще одним, знайденим при таких обставинах.

У 1996-1999 рр. археологічною експедицією Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка проводились рятивні дослідження курганів скіфського часу біля с. Шутнівці Кам'янець-Подільського району Хмельницької області.

Курганна група розташована за 0,3 км, від південно-західної околиці села, на полі, яке прилягає до лівого берега річки Смотрич і, яке у місцевого населення має назву «Під Сотничиною». Місцевість більш-менш рівна, з незначними терасоподібними підвищеннями, нахиленими до р. Смотрич, перемежована невисокими пасмами. Річка, звиваючись поміж високих берегів, описує тут велику дугу. Урочище разом з прилеглими до нього із сходу ділянками водороздільної гряди охоплює велику площу (2,5x2 км), яка була, в свій час, зайнята курганами різних епох. На найвищих точках водорозділу ще простежується не менше трьох курганів, які, як можна думати, відносяться до епохи міді-бронзи.

Згадані кургани раннього залізного віку займають більш понижені ділянки схилу, ближче до русла річки, якраз там, де пролягають гребенеподібні пасма. На одному із таких гребенів знаходилось п'ять курганів, витягнутих в неправильний ряд з інтервалом в кілька десятків метрів по лінії північний захід — південний схід. Метрів за 250 східніше і за 370 західніше від них зафіксовано ще по одному насипу. Всі кургани, практично, знищені (розорані плугами, розриті бульдозерами тощо). Місцезнаходження їх встановлене за скупченням



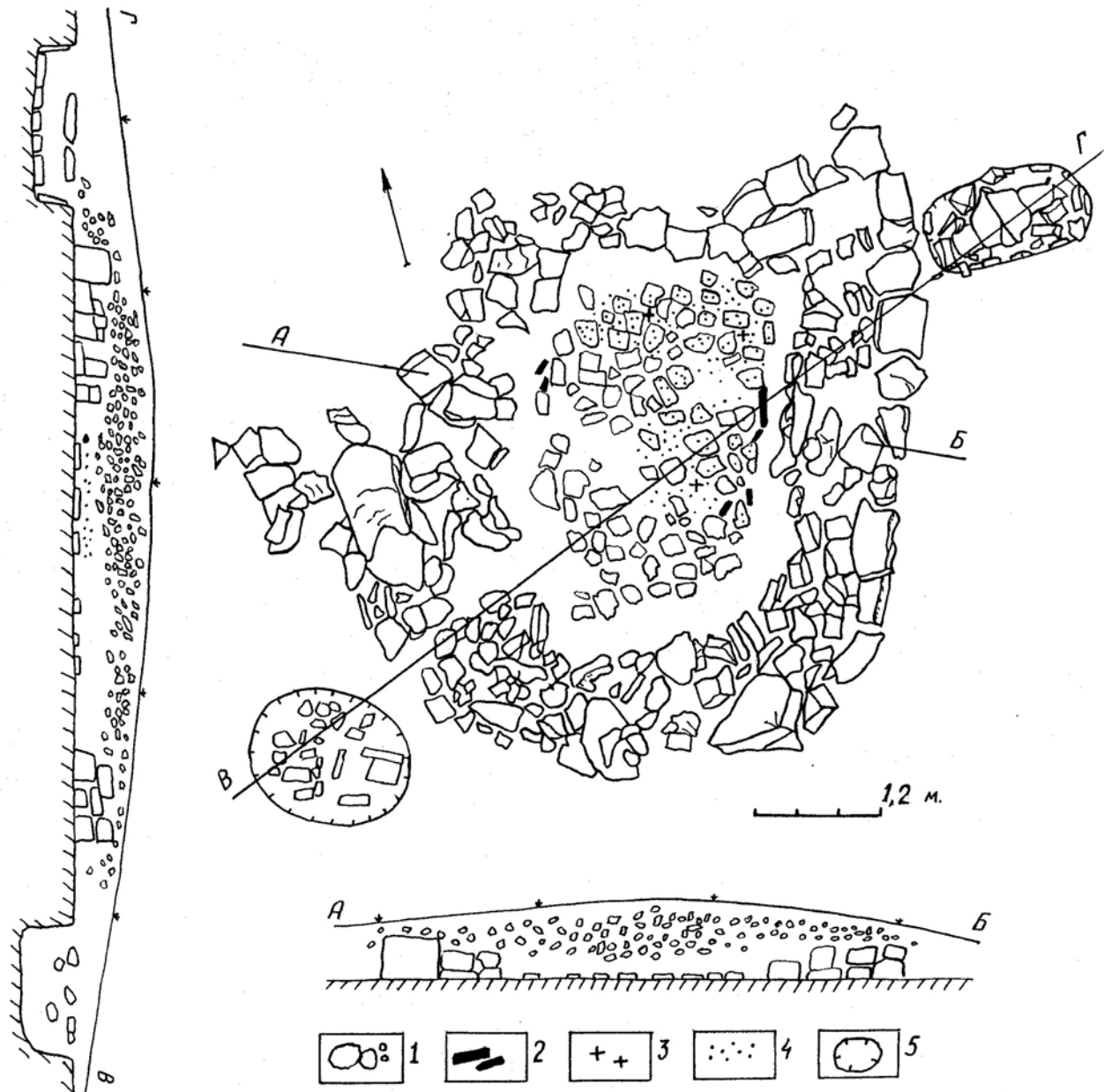


Рис. 1. План кургану №1 у с.Шутнівці.

1 – каміння; 2 – горіле дерево; 3 – місця знахідок; 4 – попіл; 5 – ями.

каміння і незначним підвищенням над рівнем горизонту. Лише один насип не розорювався, хоча і був сильно пошкоджений.

Курган № 1, про результати розкопок якого йдеться у цій публікації, досліджено у 1996 р.

Він розташовувався в південній частині могильника. На місці насипу було помітне підвищення на 0,35 м, діаметром до 14 м, яке інтенсивно розорювалося. Дослідження проводились вручну. На всю площу кургану заклали розкоп, розбивши його на чотири сектори двома

взаємоперпендикулярними бровками, орієнтованими по сторонах світу.

Центральна частина насипу була покрита суцільним шаром дрібного каміння, перемішаного із землею. Каміння від часу розтріскалось, тому створювалося враження, що насип заповнений щебенем. На вершині кургану в діаметрі 3-3,5 м на каменях були помітні сліди дії вогню. Окремі камені прогоріли до червоного кольору.

В процесі розчистки і поступового вибирання дрібного каміння проступали контури залишків основної кам'яної



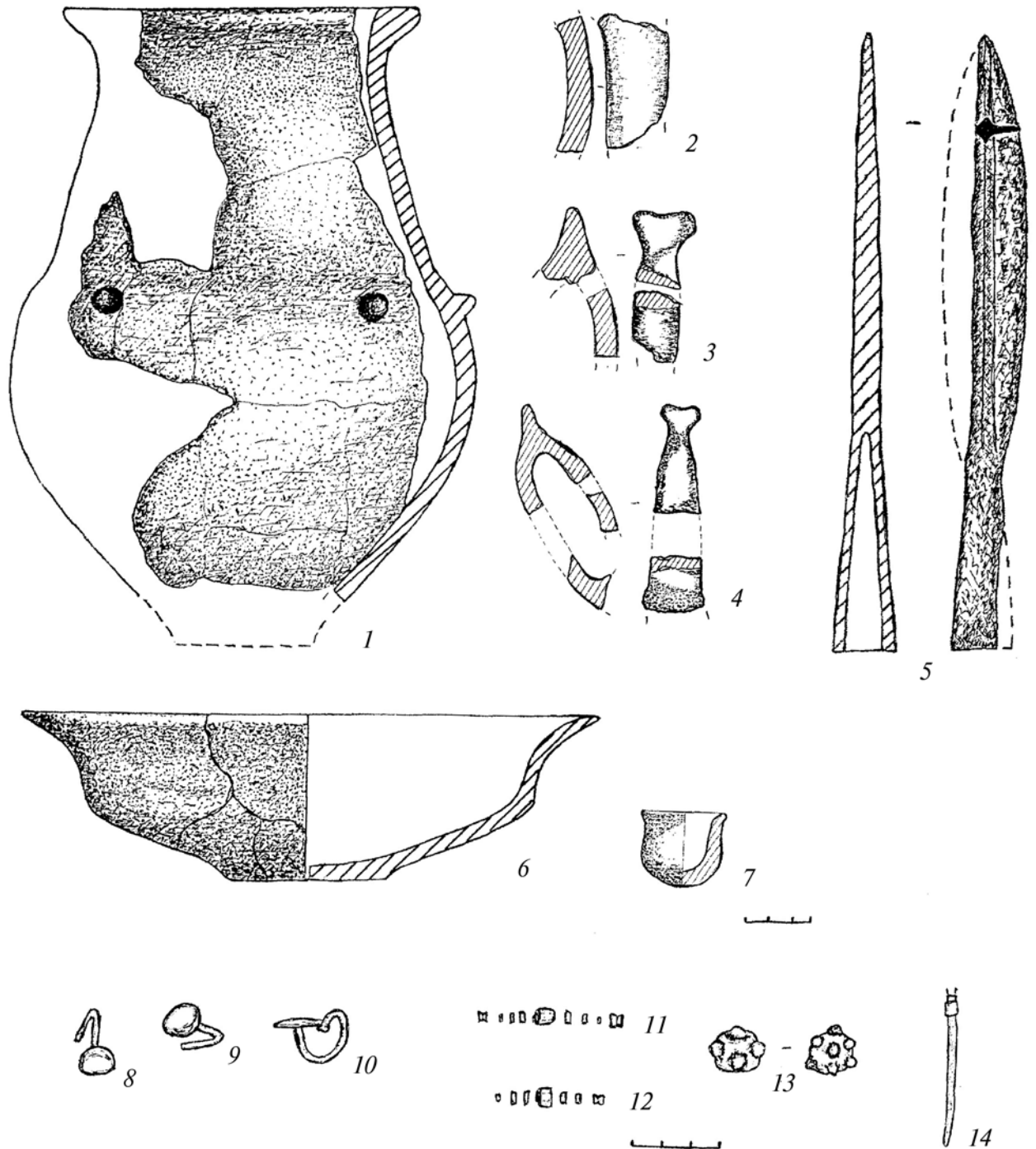


Рис. 2. Знахідки із кургану №1 у с.Шутнівці.

споруди, яка оточувала місце поховання. Вона підквадратна в плані, орієнтована кутами по сторонах світу (рис. 1). Краще збереглася південно-східна сторона. В її основі покладено великі камені, здебільшого правильних форм, з рівними боками, розмірами біля 60x40x25см. В ряді випадків вони стояли один на одному (по два, три). Висота, утвореної в такий спосіб стінки, доходила до 0,6м. Чітко фіксувалися

східний і південний кути, два інших – виражені дещо гірше. Нижній шар каміння лежав на рівні давнього горизонту. Заповнення цієї своєрідної поховальної камери і її периферія складалась із дрібних каменів. Внутрішні розміри споруди – 3,6x2,5 м, зовнішні – 5,2x4,9 м. Дно камери викладене кам'яними плитками впритул одна до другої. Серед них були більші (40x20 см) і менші (25x15 см) завтовшки 4-7 см. Сама



підлога зазнала незначної дії вогню, але кам'яно-земляний шар, який лежав на ній, дуже перепалений, в ньому траплялися попіл, окремі вуглики, каміння випалилось до стану вапна. Біля південно-східної стінки простежено перепалений шар землі та кілька уламків згорілого дерева. Аналогічна картина спостерігалась і під північно-західною стінкою. Не виключено, що це сліди дерев'яної обшивки склепу, який не мав опорних стовпів. В цілому свідчення пожежі вловлювались досить чітко. На жаль, курган за всіма ознаками неодноразово грабувався. Від поховань і супроводжуючого інвентаря мало що вціліло.

Під південно-східною стінкою виявлено фрагмент розчавленої корчаги (рис. 2, 1). Її поверхня заглажена, сіро-коричнево-чорних відтінків, в тісті шамот і пісок. Пропорції – стрункі, висота до 30 см, діаметр вінчика – 17 см, тулуба – 22 см, по тулубу наліплені гульки, вінця потовщені, відігнуті назовні. Трохи західніше корчаги розчищено, поставлену вверх дном, миску (рис. 2, 6) з розвернутим назовні краєм. Колір сіро-коричневий з чорними плямами, діаметр – 26 см, висота – 7,5 см. В цьому ж районі знайдено фрагменти ручок трьох черпаків з розширеним двопатевим виступом на вершині (рис. 2, 2-4). Майже в центрі склепу на підлозі лежав глиняний кубок з опуклим дном, коричневого кольору, висота – 3,7 см, діаметр вінця – 4,3 см (рис. 2, 7). Під північно-східною стінкою знайдено бронзове дзеркало, зверху на якому лежав залізний спис з пером лавролистної форми та ромбічним в перетні ребром посередині (рис. 2, 5). Довжина списа – 31,8 см, діаметр втулки – 2,9 см, збереглась лише половина леза.

Спис і дзеркало знаходилися в шарі попелу. Разом з ними були три цвяхоподібні сережки – дві бронзові (рис. 2, 8, 9) і одна електрова (рис. 2, 10), уламок бронзової шпильки (рис. 2, 14), а також більше трьохсот дрібних каолінових намистин (рис. 2, 11). Останні були розсіяні на площі 15x20 см. Одна із намистин виділяється серед інших своїми розмірами і дев'ятьма шишковидними виступами (рис. 2, 13).

Від захоронень, яких, очевидно, було кілька, майже нічого не залишилося. Тільки

біля корчаги, в радіусі 15-20 см, вдалось натрапити на окремі кальциновані кісточки. Кілька дрібних кісток людського скелета із слідами дії вогню і без них зафіксовано біля дзеркала. Це дозволяє припускати, що в кургані мали місце як інгумаційні, так і кремаційні поховання, причому спалення останніх проводилося на стороні.

За межами кам'яної будови (склепу) біля східного кута її, поряд з північно-східною стінкою виступали із ґрунту на рівні давнього горизонту кілька каменів. Як виявилось пізніше це могила – кенотаф. Зверху вона була закладена великим пласким каменем разом з кількома меншими. Стінки облицьовані, поставленими на торець, плитками, такими ж плитками акуратно встелене дно. Яма овальної в плані форми – 1,6x0,85 м, глибина – 0,4 м. Заповнення її складав чорнозем, в якому знайдено близько сотні пастових намистин (рис. 2, 12). Ніяких інших слідів поховання не простежено.

З діаметральною протилежною (західного) кута склепу виявлено ще одну яму. Вона округла в плані 1,5x1,2 м при глибині до 0,3 м, заповнена була камінням і землею. Ймовірно, що тут або планувалось здійснити захоронення, але з якихось причин це не було зроблено, або яма виконувала ритуальні функції.

Отже, найбільш цікавою знахідкою виявилось дзеркало, яке є унікальним в своєму роді. Воно відноситься до групи так званих дзеркал ольвійського типу з боковою ручкою (рис. 3). Загальна довжина дзеркала 36,5 см, диск діаметром 20,5 см має борт висотою 0,9 см. Ствол ручки за своєю конструкцією досить складний і найбільш оригінальний з усіх відомих скіфських дзеркал. Він складається із трьох круглих в перетині стержнів. Кожний стержень сплетений (скручений) із бронзової і залізної стрічки, які, гвинтоподібно перевиваючись, утворюють єдине ціле. Товщина такого стержня становить 9,3-9,9 мм, ширина бронзової стрічки – 4,4-6,7 мм, залізної – 5,9-7,5 мм. Залізо поржавіло, здулось, викривується. Бронза збереглась добре, чітко видно прямокутні кути в тих місцях, де залізо повідпадало. Технологія з'єднання бронзи і заліза в один акуратний стержень



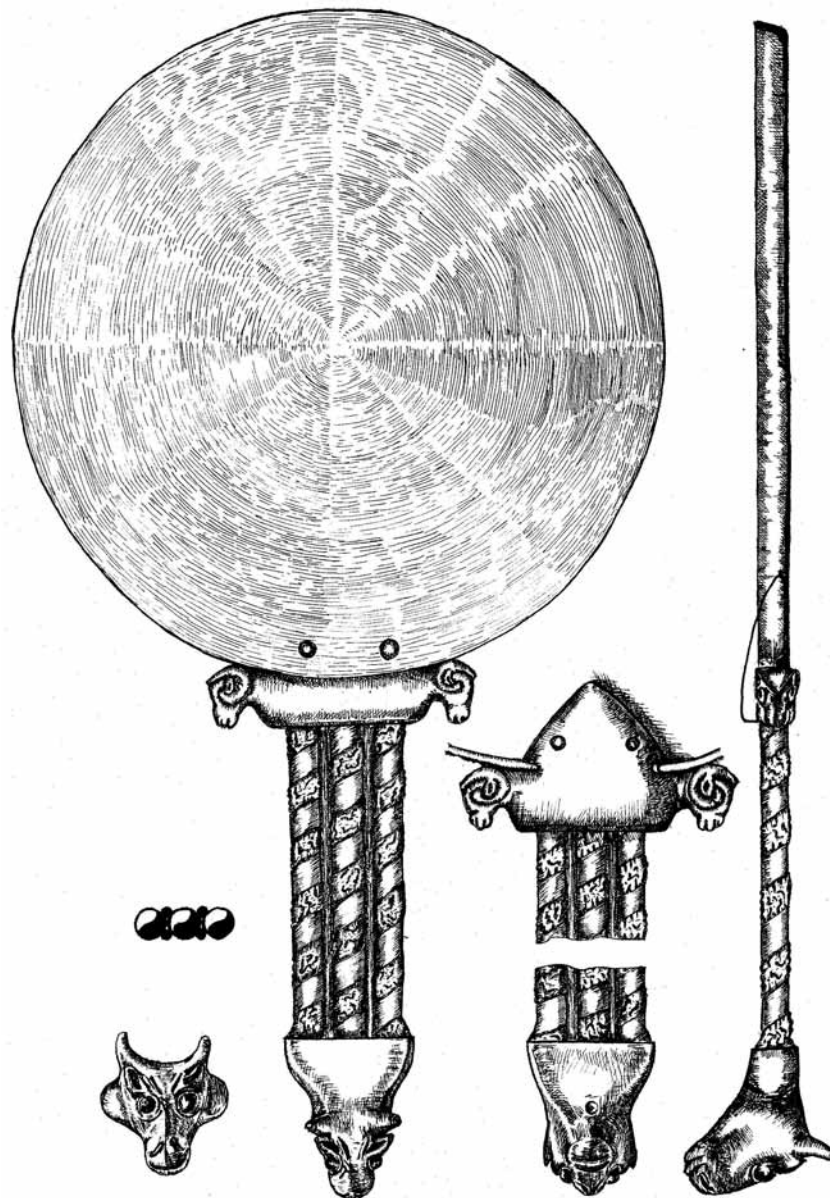


Рис. 3. Бронзове дзеркало із кургану №1 у с.Шугнівці.

мало зрозуміла, особливо якщо врахувати різну структуру цих металів. Можна гадати, що їх нагрівали до різних температур, при яких рівень твердості, врівноважувався, що давало змогу провести процес скручування, уникаючи непотрібної деформації заготовок.

Здається, що бронзи у стержні більше ніж заліза. Іноді навіть складається враження, що бронза інкрустована залізом. Є такі місця, де залізо тонким листом ніби покриває бронзову основу. Проте, це не так. На зламі ручки видно, що обидва метали глибоко вриваються один в одного. Між стержнями є вставка. Візуально важко сказати, що вона собою являє. Це або бронзова пластина, яка по ширині дорівнює

товщині ствола і своїми заокругленими краями заповнює пустоти, що утворюються між округлостями стержнів, або чотири дроти (з обох боків по два), які виконують ту ж саму роль. Але якщо взяти до уваги діаметр окремого стержня (9,9 мм), то їх три разом дорівнювали б не більше 30 мм. Насправді ж ширина зібраного ствола становить 33 мм. Як бачимо, 3 зайвих міліметри можуть опосередковано говорити за те, що у конструкцію ствола входять пластини, а не дроти.

Всі ці деталі проковані і вставлені своїми кінцями у дві бронзові обойми. Нижня – має форму голови молодого бика (тура), відлитої по восковій моделі, а потім підправленої зубилом (різцем). Голова



тварини виглядає цілком реалістично, але грубувато, без зайвої деталізації, відчувається певна недбалість майстра, ігнорування естетичною витонченістю. Помітна незначна диспропорція між лівою і правою половиною голови, через що вона злегка ніби повернута вліво. Двома заглибленими паралельними лініями показано рот і ще двома – розташованими трикутником – ніздрі. Очі – випуклі, у вигляді півкульок, обведених невисоким кружком, наміченим різцем. Вуха у вигляді загострених горбків із вушними раковинами, наміченими не з боку їх природного розташування, а з протилежного, роги – два відростки (правий – висотою 1,2 см, лівий – 0,8 см). Після відливання роги і вуха були суцільними і лише проробляючи деталі, майстер їх відділив зубилом. На лобі (ближче до вух) зубилом вибито дві неглибокі лінії, які, очевидно, імітують складки шкіри, під нижньою щелепою при відливанні утворилась ямка діаметром 4 мм.

Верхня обойма (накладка) декорована двома голівками баранів, повернутих у протилежні сторони. Голови виглядають більш-менш реалістично. Морда правильної форми, двома паралельними заглибленими лініями передано рот. На лобі – рельєфний трикутник (точніше кут), сторони якого, продовжуючись назад, переходять у роги, які закручуються півколом навколо вуха і закінчуються округлим потовщенням. Зображення голівок барана характерне для звіриного стилю Лісостепу. Особливо часто вони зустрічаються на псаліях (Могилів, 2008: 25, рис. 40-42), проте стилістично відрізняються зображенням рота, розташуванням рогів, очей від нашого виробу, через що останній набуває самобутніх рис. Верхній кінець обойми переходить у трикутну накладку, якою при допомозі двох бронзових заклепок ручка з'єднується з диском.

Таким чином, ми маємо відомості про ряд дзеркал. Розміри їхніх дисків коливаються в межах 10-20 см, найбільша довжина 36,5 см. Сировиною для виготовлення були бронза та залізо.

Середньодністровські дзеркала практично всі відносяться до одного типу, який об'єднує вироби з боковими ручками. Але

самі ручки суттєво різняться між собою. Можемо знайти лише дві пари цих предметів, які дуже близькі за формою ручки. Це дзеркала із Городка і Івахнівців, що мають пластинчасті ручки з роздвоєними кінцями, ідентичність яких майже повна та знахідки із Братишівського кургану №2 і Шутнівецького №1.

Порівняння двох останніх особливо цікаве. Технологія виготовлення їхніх держаків порівняно з іншими, надзвичайно складна, і ніде більше не повторюється на всьому євразійському просторі. Як вже говорилося, стволи обох люстер складаються із трьох стержнів. Але між ними простежується відмінність. У шутнівецькому екземплярі кожний стержень ізольований від сусіднього бронзовими вставками, тоді як у братишівському – така деталь відсутня. В свою чергу, у останньому – середній стержень зроблено із бронзи і вставлено у залізний чехол, тоді як бокові – виконані із заліза і оббиті бронзою. Правда, тепер, маючи приклад шутнівецького екземпляра, із значною долею вірогідності можна думати, що технологія виготовлення ручки братишевського дзеркала така ж сама. Просто у свій час у її конструкції могли не розібратись. На цьому, власне їхня схожість і закінчується, оскільки верхня і нижня частини оформлені різними фігурами. Зазначимо, що залізо, яке у той час цінилось вище ніж бронза, використовувалось для оздоблення ручок в окремих, особливо вишуканих екземплярах. Це, очевидно, були перші спроби вживання цього металу з декоративною метою, коли він ще високо цінувався. Ймовірно, такі дзеркала слід вважати більш ранніми, порівняно з тими, у яких ручка суцільно залізна.

Пошуки аналогій, знайденим речам із Шутнівецького поховання, не складають труднощів. Набір предметів у кургані № 1 в с. Круглик практично повторюється у Шутнівцях. Ми бачимо ті ж самі ручки черпаків з розширеним виступом наверху, миски з горизонтально відігнутими вінцями, аналогічної форми спис. Шутнівецька корчага близька за формою і декором до посудини із третього Долинянського кургану. Г.І.Смирнова визначає дату цих комплексів відповідно останньою четвертю VII ст. до



н.е. і кінцем – першою чвертю VI ст. до н.е. (Смирнова, 1993: 109, 111, рис. 4, 6).

Братишівський інвентар нічим суттєвим не відрізняється. І навіть наконечники стріл, в основному, співпадають з набором із Круглика. Серед них є також дволопастні асиметрично ромбічні (Sulimirski, 1936: 48-51), які, як вважає С.В.Полін, з середини VII ст. до н.е. вже не використовуються (Полін, 1987: 21). Так що є підстави вважати Шутнівецький і Братишевський кургани – синхронними.

В науці існують різні погляди щодо походження та місця виготовлення цих дзеркал. Висловлювались припущення, що частина з них вироблялась в Ольвії, або навіть в самій Греції. Така думка тривалий час переважала, але згодом деякі дослідники критично поставились до таких висновків. Виходячи з того, що значне число знахідок припадає на зону Лісостепу, вони вважають, що є підстави стверджувати їх місцеве виробництво. Це питання далеке, поки що, від кінцевого вирішення, але така постановка його цілком правомірна. Особливо, коли маються на увазі вироби прости за технологією виготовлення (Теклівка, Постолівка і ін.). Склалися вони лише із двох частин (диск і ручка), скріплених заклепками. Для них використовувалась звичайна листовая бронза і виріб не був обтяжений якимись орнаментальними мотивами, що вимагало б додаткових зусиль, великого досвіду і високої професійної підготовки спеціаліста та відповідного технологічного забезпечення. Однак закрадається сумнів, чи такі досягнення, які продемонстрував майстер на бритушевському і шутнівецькому дзеркалах можна було отримати на території варварських племен. Але звернемось до символіки.

Серед перших тварин, яких приручили люди, без сумніву може вважатись і велика рогата худоба. Вона зустрічається у міфології багатьох народів і дуже часто виступає у ролі священних тварин. Вже у мистецтві палеоліту бик був в числі найбільш поширених тварин, які стали об'єктом зображень. За даними А.Леруа-Гурана, наприклад, у наскельному живописі франкокантарійського району більше 7% становить бик (після коня і бізона). В ассирійців

існував бог в образі бика, в Єгипті для нього був збудований окремих храм. Особливо розвинутий культ бика був у Давній Індії та Китаї де він вважався твариною близькою до богів, або ж виступав як самостійне божество.

Міфологія варварської Європи складала собою цілісну культурно-ідеологічну систему, яка була частиною більш широкої системи народів індо-європейської сім'ї і це наклало відбиток на характер зооморфних атрибутів в тому числі праслов'янського населення. В трипільській пластиці, по кількості знайдених екземплярів, фігурки бика займають провідне місце (Маркевич, 1981: 157-158; Снохацький, 2001: 221-222, рис.9, 1). Немало їх і на пам'ятках Лісостепу епохи раннього заліза (Шрамко, 1987: 134). Притаманний образ бика і скіфському мистецтву (Ильинская, 1972).

Пізніше язичницьке образотворче мистецтво давніх слов'ян ввібрало в себе чимало образів з попередніх епох в тому числі образ бика, який в найбільшій мірі відповідав змісту і суті життя землероба. Бик використовувався як тяглова сила для перевезення вантажу, оранки, він ототожнювався з відродженням, приростом, був втіленням могутніх сил природи, впертості, терпіння, могутності і ярості. Деякі джерела слов'янської історії згадують бога Тура. Дослідники вважають, що у Подністров'ї на його честь було свято Тури чи Туриці. Саме тут збереглося чимало топонімів Тур, Тури, Туради, Тур'є, Туриця, Турія, Турича, Турійськ, Туричани, Турів і ін. У давньоруській літературі це слово вживається як епітет хоробрості (Ларіон, 1994: 113-114). Так, що поява бичої голови на Шутнівецькому екземплярі не є випадковою, а має глибоке генетичне коріння у найдавніших пластах давньої культури місцевих племен.

Якщо навіть визнати місцеве середньодністровське виробництво шутнівецького дзеркала, це не означає, що воно стало лише плодом творчої фантазії майста-аборигена. В ньому цілком чітко вловлюється вплив сусіднього ранньоскіфського ремесла, яке проявилось не тільки в багатореберності ручок дзеркал, а й мечів епохи архаїки. Певну аналогію вбачаємо, наприклад у



руків'ї короткого меча із Келермеського кургану № 1, розкопаного Д.Г. Шульцем, яке складалось із трьох округлих залізних стрижнів, орнаментованих кільцевими нарізками і обтягнутих листовим золотом. За останніми даними згаданий кинджал, і в цілому весь комплекс, Л.К. Галаніна датує рубежем VII–VI ст. до н.е. і навіть раніше (Галаніна, 1997: 88-90; 184-186). Профільована у формі трьох валиків із золотою інкрустацією рукоятка залізного меча із кургану Новообінка на Алтаї, хронологія якого В.А.Могильниковим і Є.М. Мечниковою визначена в межах другої половини VI – початку V ст. (Могильников, Мечникова, 1985: 179-185, рис. 1), що не є безперечним. Трьохваликова ручка і на залізному мечі, знайденому в межах Києва, який С.А. Скорий і В.П.Білозор віднесли до VII ст., або у крайньому випадку до його кінця (Білозор, Скорий, 1985: 235-256, рис. 1).

Досить близько за морфологією стоїть випадкова знахідка із станиці Укладочна, яка зберігається у Алтайському краєзнавчому музеї. Рукоятка розділена двома жолобками на три валики. Два бокових – орнаментовані насічками. Перехрестя і навершшя виконані у вигляді пари баранячих голів, повернутих у протилежні сторони. І хоча В.А. Могильников відносить меча до кінця V – IV ст. до н.е., він виглядає значно старше (Могильников, 1984: 191-195).

Б.А.Шрамко, вивчаючи виробництво цього виду зброї прийшов до висновку, що вона є продовженням розвитку кіммерійських біметалічних мечів з рамочними рукоятками, основна частина яких належить до VII – початку VI ст. до н.е. (Шрамко, 1984: 30-31, рис 2; 4).

С.Я.Ольговський, враховуючи результати лабораторних досліджень металу,

енергійно відстоює точку зору, згідно якої дзеркала з боковими ручками виходили з ремісничих майстерень Скіфії (Ольговський, 1992: 14-19), а це означає, що не обов'язково має бути витримана прив'язка до ольвійських дат і час появи таких дзеркал може бути перенесений із середини VI ст. до н.е. у VII ст. до н.е. за що, власне, і висловився С.Я.Ольговський, і що обґрунтовують у своїх періодизаціях Г.Косак і І.М.Медведська (Медведская, 1992: 91).

Враховуючи сказане, найбільш обґрунтованою датою для шутнівецького дзеркала може бути кінець VII – початок VI ст. до н.е. Це значно раніше ніж загальноприйнята хронологія для цього типу дзеркал, за якою початок їхньої появи випадає на другу третину або на другу половину VI ст. до н.е. (Граков 1947: 28-29; Скржинська, 1984: 116). Т.М.Кузнецова, яка предметно займається цією проблемою, зауважує, що це питання не вирішене остаточно (Кузнецова, 2002: 139).

І ще одне міркування. Т.М.Кузнецова вважає частину цих виробів патерами, посудинами для рідини, які використовувались з культовою метою. Разом з тим вона звертає увагу й на те, що розташування голівок барана на предметах де вони є, однозначно говорить за їх функціональне призначення як дзеркал, що однак не виключає їх вживання у ритуалі (Кузнецова, 2002: 207). Ці спостереження в повній мірі стосуються і Шутнівецької знахідки. Положення голівки бика визначає робочою її гладку сторону. А наявність високого бортика не могла створити необхідних умов для утримання рідини, оскільки в місці кріплення накладки герметичність порушена. Тому головне призначення даного предмету ми бачимо у його дзеркальних властивостях.

## Література

Білозор, Скорий, 1985 – Білозор В.П., Скорий С.А. Архаический меч из Киева // СА. 1985. №1.

Билимович, 1976 – Билимович З.А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т.17.

Бондарь, 1955 – Бондарь Н.Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V ст. до н.е. // СА. 1955. №23.

Винокур, Хотин, 1965 – Винокур І.С., Хотин Г.М. Скіфський омулет // Археологія. 1965. Т. XIX.

Галаніна, 1997 – Галаніна Л.К. Келермесские курганы. – М., 1997.

Граков, 1947 – Граков Б.М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. 1947. Т.1.



- Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей, 1998 – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї // АБУ. 1997-1998 рр. К., 1998.
- Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей, Могилов, 2003 – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П. Могилов О.Д. Результати досліджень курганів скіфського часу біля с.Теклівка на Поділлі // Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. К., 2003.
- Ларіон, 1994 – Ларіон, митрополит. Дохристиянські вірування українського народу. К., 1994.
- Ильинская, 1972 – Ильинская В.А. Образ коня и быка в раннескифском искусстве // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный стиль»). М., 1972.
- Кузнецова, 2002 – Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III века до н.е. М., 2002. Т.1.
- Малеев, 1991 – Малеев Ю.М. Курган західно-подільської групи поблизу с.Зозулинці // Поховальний обряд давнього населення України. Львів, 1991.
- Манцевич, 1958 – Манцевич А.П. Головка быка из кургана VI в. до н.э. на р. Калитве // СА. 1958. №2.
- Маркевич, 1981 – Маркевич В.И. Позднетрипольские племена северной Молдавии. Кишинев, 1981.
- Медведская, 1992 – Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. №3.
- Мелюкова, 1953 – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИ-ИМК. 1953. Вып. № 51.
- Могилов, 2008 – Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ – Кам'янець-Подільський, 2008.
- Могильников, 1984 – Могильников В.А. Меч с зооморфными изображениями из Верхнего Приобья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. 1984.
- Могильников, Мечникова, 1985 – Могильников В.А., Мечникова Э.М. Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки // СА. 1985. №1.
- Ольговский, 1992 – Ольговский О.Я. Походження дзеркал «ольвійського типу» // Археологія. 1992. №3.
- Полін, 1987 – Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.
- Скржинская, 1984 – Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984.
- Скуднава, 1962 – Скуднава В.М. Скифские зеркала архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. 1962. Т.7.
- Смирнов, 1964 – Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
- Смирнова, 1993 – Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. №. 2.
- Сохацький, 2001 – Сохацький М. Археологічні розкопки в печері Вертеба на Поділлі // З археології України і Юри Ойцовської. Ожсов. 2001.
- Шрамко, 1987 – Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987.
- Шрамко, 1984 – Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.
- Reichel, 1936 – Reichel I. Die Spiegel der podolischen skythischen Kultur // Sulimirski T. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwow. 1936.
- Sulimirski, 1936 – Sulimirski T. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów. 1936.



## ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема этнического отождествления кобанской археологической культуры (культурно-исторической общности), начиная с середины XX в., находится в сфере пристального внимания археологов и историков. Еще в 1949 г. Л.А. Ельницкий заявил о киммерийской принадлежности этой культуры (*Ельницкий, 1949*). Впоследствии Н.Л. Членова включила кобанскую культуру в т.н. киммерийско-карасукскую общность культур Евразии (*Членова, 1972: 134*). Затем кобанская и колхидская культуры, а также выделенная ею каменноостско-березовская культура (район Кабардино-Пятигорья) были отнесены исследователем к киммерийцам (*Членова, 1984: 81*). Эти заключения были оспорены рядом кавказоведов (*Иессен, 1954: 131; Крупнов, 1960: 111; Дударев, 1975: 46; 1991: 64; 1999: 83*).

Большинство специалистов пришло к выводу о кавказских этнических корнях кобанского феномена (Е.И. Крупнов, Г.А. Меликишвили, В.Н. Гамрекели, В.Б. Виноградов, К.З. Чокаев, Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе, Ю.Д. Дешериев, Я.А. Федоров, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев и др.). Однако версия об участии киммерийцев в этногенезе некоторых кавказских народов

(например, адыгов, в т.ч. кабардинцев, а также карачаевцев и балкарцев) находила и продолжает находить своих приверженцев среди ученых (Л.И. Лавров, Н.Г. Ловпаче, Р. Исмагил) (*Ловпаче, 1986; 1997; Исмагил, 2004: 235, 238*).

Участие киммерийцев в этнических процессах, происходивших в центральной части Кавказа в древности, отмечается и Б.В. Теховым, хотя он одновременно и отрицает наличие следов киммерийской культуры на южном склоне гор Центрального Кавказа<sup>1</sup>. В то же время Б.В. Техов ставит вопрос этнического содержания кобанских древностей гораздо шире, приходя к выводу, наметившемуся еще с 1987 г., что кобано-глийская этнокультурная общность формировалась на основе постепенного развития, а затем и распада материальной и духовной культуры *индоевропейской культурно-исторической общности* (в которую входили и киммерийцы), занимавшей обширную территорию не только на северном, но и на южном склоне Главного Кавказского хребта (*Техов, 2002: 460*). При этом последняя возникла в указанном регионе в результате оседания здесь остатков индоиранских племен еще в начале II

<sup>1</sup> В 1999 г. мы пришли к следующему выводу, сделанному на основе монографической проработки памятников предскифского времени Северного Кавказа: «Ни о каком широком проникновении самих ранних кочевников в автохтонную среду Предкавказья в IX – первой половине VII в. до н.э. и этнической «киммеризации» или «скифизации» автохтонов не может быть и речи; этот процесс шел, возможно, лишь по отношению наиболее «продвинутых» в контактах со степняками отдельных представителей местной воинской верхушки, принимавшей участие в походах номадов, в т.ч. в Закавказье и Западную Азию» (*Дударев, 1999: 83*).



тыс. до н.э. в результате их миграции в Переднюю Азию (Техов, 2002: 483).

Впрочем, каким образом киммерийцы внесли свой конкретный вклад в становление кобано-тлийской общности — этот вопрос остается в книге Б.В. Техова открытым, как и его отношение к мнениям тех авторов, которые призывают к осторожности в признании иранского происхождения киммерийцев (Иванчик, 1996: 160) или вообще придерживаются других версий их этнической принадлежности (Нейхардт, 1982: 75-78). Так или иначе, но налицо серьезная метаморфоза в оценке этнического содержания памятников Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа, ибо в широко известной монографии 1977 г. ученый пришел к выводу, что создателями позднебронзовой культуры южного склона, распространившейся затем и на северный склон, были *ибера-кавказские племена картвельской этнической группы* (Техов, 1977: 192).

В данной работе нет возможности дать подробный анализ тех черт материальной культуры Тлийского могильника, в которых видный и авторитетный археолог-кавказовед, посвятивший всю жизнь изучению выдающегося памятника истории и культуры, видит немало подтверждений своим заключениям об индоиранской трактовке этих блестящих и во многом уникальных материалов (частично это сделано нами в работах, вышедших из печати в последние годы) (Дударев, 2006: 211-218). В данной статье мы хотели бы, прежде всего, обратить внимание на те сообщения античных авторов, которые являются для ученого одними из ключевых доказательств принадлежности тлийских древностей иранскому миру, а также некоторые важные гидронимические материалы из Южной Осетии и новые, параллельные изысканиям Б.В. Техова, археологические исследования, выполненные на материалах эпохи раннего железа Центрального Кавказа.

Указывая на большую близость многих черт погребального обряда тлийцев ираноязычным сарматам, Б.В. Техов опирается на относящееся к I в. н.э. сообщение Страбона об обитающих в горной стране простолюдинах и воинах, живущих по обычаям скифов и сарматов, полагая, что в ретроспективе оно, пожалуй, передает ситуацию всего I тыс. до н.э. (Техов, 2002: 483). Приведем полностью это высказывание Страбона: «Равнину населяют те из *иберов* (здесь и далее курсив наш. — С.Д.), которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в *образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве*; впрочем они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч воинов как из своей среды и из тех народов» (Страбон. XI, III, 3). Уже то, что ситуация, которую описывает Страбон, отстоит от завершения функционирования Тлийского могильника более чем на 500 лет (!), указывает на необходимость привлечения и иных источников, которые были осведомлены об этнической принадлежности жителей горных районов Иберии того времени, причем, как мы полагаем, более разносторонне, чем античный географ.

Мы имеем в виду древнегрузинскую письменную традицию. Грузинский историк XI в. Леонти Мровели в «Жизни Картлийских царей», опирающийся на более древние, не дошедшие до нас источники — «греческие» (византийские), древнегрузинские, древнеармянские и др. (Леонти Мровели, 1979: 13), и описывая перипетии правления Саурмага — второго царя династии Фарнавазианов, правившего примерно в последней трети III в. до н.э., отмечает, что после подавления им восстания эриставов, Саурмаг поселил в Мтиулети, т.е. в горной стране, являвшейся северо-восточной окраиной исторической Картли (Иберии), «от Дидоэти<sup>2</sup> до Эгриси,

<sup>2</sup> Как отмечает переводчик и комментатор средневекового автора Л. Мровели, Г.В. Сулая, «Дидоэти — грузинская форма названия одной из областей Дагестана, пограничной с Кахетией. Жители Дидоэти — дидойцы, упоминаются еще в «Географии» Птолемея, а также армянской «Географии» VII в.» (Леонти Мровели, 1979: 64).



которая есть Суанети», т.е. от Дагестана до Сванетии (Мровели Леонти, 1979: 30, 64), северокавказские племена дурдзуков. Между тем, в кавказоведении признано, что дурдзуки (дурцк «Армянской географии» VII в.) – это предки чеченцев и ингушей (История народов Северного Кавказа, 1988: 125). Правда, еще в 1963 г. В.Б. Виноградов предостерегал от излишнего удревнения средневекового термина «дурдзуки» (Виноградов, 1963, 160). Но, в свете сообщений Л. Мровели, думается, не будет излишней натяжкой полагать, что горцы, переселенные Саурмагом в Картли, могут, во всяком случае, относиться к числу прямых предков тех самых «дурдзуков», т.е. горных нахских<sup>3</sup> племен. Тем более, что есть и другие важные указания на генетические связи древнего населения Центрального Кавказа с вайнахами<sup>4</sup>. Наиболее взвешенная и сдержанная оценка возможностей таких связей присуща некоторым представителям современной осетинской историографии. Комментируя нынешние чечено-ингушские историко-идеологические построения, где связи кобанской культуры с нахским этническим массивом приобрели уже аксиоматичный характер, они отмечают: «Территориальные идеологемы апеллируют к значительно более древним временам. Общевайнахская ретроспекция показывает автохтонность нахоязычных племён в ареале кобанской археологической культуры, определяя этническую принадлежность ее носителей термином «нахо-кобанцы» (Цуциев, 2007: 114).

Но напомним, что в 1977 г. сам же Б.В. Техов указывал на то, что в ареале поздне-бронзовой культуры южного склона Центрального Кавказа «к востоку от картвельских и абхазо-адыгских племен жили вейнахские племена». Прочитируем дальнейшее высказывание исследователя с незначительными сокращениями. «Интересно отметить, что две главные реки на территории Южной Осетии – Большая и Малая Лиахви – носят название, объясняемое из вейнахских языков. Этот гидроним в более

чистой форме сохранился в осетинских языках, где он передается Леуахи (Стыр Леуахи и Чысыл Леуахи). «Леуа» по вейнахски – снег, ледник, а «хи» – вода. Значит, Леуахи – это снежная (ледниковая) вода. Этот гидроним (Леуахи) и некоторые другие топонимы (sic! – С.Д.) свидетельствуют о пребывании на данной территории вейнахских племен (курсив наш. – С.Д.). Оно относится к тому далекому прошлому, когда картвельские племена постепенно продвинулись в высокогорные районы и стали ассимилировать оседлые некартвельские этнические группы. Последние очень быстро растворились и слились с первыми, оставив только некоторые свои топонимы и гидронимы. Этим объясняется то обстоятельство, что в горных районах нынешней Южной Осетии многие топонимы и гидронимы не могут быть объяснимы ни из грузинского (более ранний), ни из осетинского (более поздний) языков» (Техов, 1977: 192).

Совершенно очевидна связь затронутых нами вопросов с проблемой этногенеза осетин, к которой и сводятся, в конечном счете, построения Б.В. Техова. В свете сказанного выше весьма актуальным остается вопрос, поставленный В.И. Абаевым, В.Н. Гамрекели, В.Б. Виноградовым и др. (Виноградов, 1972: 302-308) о роли кавказского субстрата в происхождении этого кавказского народа. Думается, что следует напомнить слова Е.И. Крупнова, который отмечал: «На мой взгляд, осетины по своему происхождению являются коренным кавказским народом, но на протяжении длительной истории, в результате последовательного проникновения в центральные районы Северного Кавказа северных ираноязычных кочевников (скифов, сармат и, наконец, алан) были ассимилированы, т.е. сменили свой кавказский язык на иранский. Тут ни в коем случае не было полной смены местного кавказского населения пришлым, относящимся к индоевропейской общности, а была лишь языковая ассимиляция при полном сохранении всей

<sup>3</sup> Нахи – массив этнических групп, родственных чеченцам и ингушам.

<sup>4</sup> Общее название чеченцев и ингушей.



своей исконной кавказской бытовой культуры и самого антропологического типа» (Крупнов, 1970: 759). Весьма примечательно также, что, по мнению Г.В. Цулая, Л. Мровели «свидетельствует о значительной роли кавказского субстрата в древнеосетинских племенах, основу которых действительно составляли ираноязычные скифы и сарматы» (Мровели Леонти, 1979: 65). В то же время, нельзя не обратить внимания и на новейшие археологические исследования А.П. Мошинского, в которых сделаны выводы, основанные на кобанских материалах из горной Дигории конца V – начала IV вв. до н.э., в отношении контактов местных племен со степняками: «оснований для предположения о начале иранизации горных племен в этом историческом периоде нет» (Мошинский, 2004: 16). В опубликованной впоследствии монографии этого исследователя дается развернутая формулировка данного положения: «Очевидно, что степные влияния не проникли вглубь культуры и практически не затронули культовую сторону жизни. То есть, о процессе иранизации Дигорского ущелья в конце V – начале IV вв. до н.э. можно говорить только с очень большими оговорками. Правоммерно лишь утверждение о проникновении некоторых культурных элементов. Глубоко в кобанскую культуру, а тем более в этнос и язык инновации не проникли. Особенно показательными в этом контексте являются предметы культа, керамика и украшения. Кавказский характер этих изделий не вызывает сомнений. Только начиная с сарматской эпохи степные иранские элементы внедряются в культуру горных племён» (Мошинский, 2006: 89).

Несмотря на противоречивость мнений исследователей, подход, указанный Е.И. Крупновым, вполне отвечающий и данным языкознания (В.И. Абаев) и антропологии (Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев), является, по нашему мнению, наиболее методически взвешенным. Он, кстати, согласуется с позицией и Б.В. Техова, верно полагающего: «Нельзя утверждать, что территория Центрального Кавказа была заселена только ираноязычным населением, так как никогда не было и нет химически чистых этносов» (Техов, 2002: 272).

Наш краткий обзор проблемы этнического отождествления племён кобанской культуры был бы неполон, если бы мы не затронули и иные, менее известные и апробированные версии такового. В последнее время появилась и такая трактовка, согласно которой кобанская культура «была неоднородна по этническому составу и включала в себя как представителей *германского*, так и *тюркского* (курсив наш – С.Д.) этносов. Ряд фактов указывают на существование двух тюркских языковых компонентов в кобанской среде. Носители одного говорили на языке огузской ветви – «йокающий» диалект, предположительно туркмены, а другого на «джокающем» диалекте тюркского языка – протоболгары, предки нынешних балкарцев и карачаевцев. Германский язык, на котором разговаривала часть кобанцев, был близок по лексике современному немецкому языку» (Тилов, 2006: 10). На чём основаны столь смелые и необычные предположения? Их автор, Р.Р. Тилов, не имея, естественно, прямых языковых тюрко-германских параллелей со словарным фондом кобанской культуры (она, как известно, была бесписьменной), стремится найти лексические соответствия тюркским и германским терминам в ряду зрительных образов, воплощенных в бронзовой пластике Кобани. Эти образы являются, с его точки зрения, неким кодом, который проливает истинный свет на происхождение кобанских племен. Исследователь утверждает, например, что поскольку на кобанских бронзовых топорах массово присутствуют изображения оленей, собак, козлов, лошадей, рыб, змей, несопоставимые с функцией топора как инструмента, то это должно находить свое объяснение. И находит его, например, в том, что приводимая им в работе огузская лексика фонетического ряда с корнем «саг» (олень) и сопоставление его со словом «сага» – мотыга, топор, показывает, что варианты изображений на кобанских топорах оленей, собак, змей, козлов являются своеобразной формой письменности и огузскими фонетико-семантическими комплексами, отражающими название топора или передававшими глагол «бить». Причем «именно комплексами, потому



что в ряде случаев на топорах одновременно изображаются и олень, и змея, и козел, и собака. Тот факт, что огузское слово «саг» – собака, присутствует в слове «сага» – топор, в качестве фонемы в массовом количестве отражено на гравировках и пластике топоров и колхидской культуры, родство которой с кобанской общепризнанно, если не сказать, что это единая кобано-колхидская культура» (Тилов, 2006: 14). Мы не станем из-за отсутствия места углубляться сейчас в анализ изображений на кобанских бронзах, который уже давно проделан авторитетными кавказоведами. Их работы, в частности, показали, что те образы, которые Р.Р. Тилов считает принадлежащими собакам, на самом деле являются синкретическими существами «барсо-волками» или (в «лучшем» случае) «собако-волками» (Виноградов, 1970: 207; Виноградов, 1979: 118). Приведем лишь ещё один пример того, как строятся у Р.Р. Тилова уже кобано-германские «привязки». «Анализируя германскую лексику, отмечу, что немецкие слова «Наске» – мотыга, топор, и «hacken» – колоть, рубить, ложно присутствуют в названии свастики – «Накенкреуз», дословно означающем «крючковый крест». Это позволяет трактовать название свастики, как фонетико-семантический ряд: «топор-рубить-крест-свастика», т.е. «рубящий крест-свастика», что и стало лексическим источником появления обычных крестов и свастик на топорах, изготовленных древнегерманскими металлургами, проживающими на Кавказе» (Тилов, 2006: 16)<sup>5</sup>.

Излишне сейчас сколько-нибудь детально рассматривать вопрос и о колхидо-кобанском единстве, по поводу которого

один из основных специалистов по кобанской проблематике В.И. Козенкова пишет: «Металлургический аспект рассмотрения свидетельствует, что кобанская культура – есть часть обширной общекавказской области металлургии и металлообработки. И здесь вполне уместен термин «колхидо-кобанское единство», указывающий на единство производственной базы в области металла. И не более того. На уровне же этнологии (палеоэтнография, антропология) сумма культурных признаков Кобани выступает уже как самостоятельное, неповторимое явление, тождественное лишь самому себе» (Козенкова, 1996: 73). И это заключение высококомпетентного ученого является наиболее весомым ответом на отмеченные кобано-тюрко-германские сопоставления.

Однако мы вовсе не ставим перед собой цель опровергнуть все положения работы Р.Р. Тилова (да и не имеем такой возможности в статье ограниченного объема), в особенности те выводы автора, которые связаны с карачаево-балкаро-германскими лексическими параллелями. Некоторые из них весьма любопытны, распространяются на область базисной лексики и заслуживают самого пристального внимания (Тилов, 2006: 65-68). Весь вопрос в том, к какому времени относится возникновение таких параллелей в действительности.

В то же время, выступление Р.Р. Тилова напоминает о явной активизации карачаево-балкарских идеологов, творцы которых основное внимание уделяют теме удревления тюркского присутствия на Центральном Кавказе. В этом отношении примечательно, что тюркская языковая характеристика переносится в последние 15

<sup>5</sup> Несколько выше этого заключения автор наивно заверяет читателя в том, что «свастика на кобанских бронзовых изделиях выполняла всего лишь (!) фонетико-семантическую роль, а не идеологическую. Ретроспекции идеологии новейшей истории на орнаменты эпохи бронзы, в данном случае, неуместны, как и навязывание автору работы солидарности с идеями фашизма» (Тилов 2006: 16). Р.Р. Тилов, увы, не знает о том, что кавказоведы никогда и не пытались установить такую связь и никого не подозревали в подобной «солидарности». По этому поводу видный кавказовед, ведущий специалист по Кобани Б.В. Техов пишет: «Свастика – один из древнейших орнаментальных мотивов, встречающийся в искусстве многих стран, в том числе Древней Индии, Китая, Японии, где этот знак имел, видимо, культовое значение. Такое же значение он имел и на Кавказе в эпоху бронзы и раннего железа. Сюда свастика проникла, по-видимому, из восточных стран. С VI в. до н.э. свастический узор встречается на некоторых греческих вазах, греческих и сицилийских монетах, а позднее на предметах христианского культа. Наконец, она была использована как эмблема германским фашизмом и стала символом варварства и насилия» (Техов, 1971: 203).



с лишним лет на весь скифо-сарматский мир, «который в академических изданиях все еще полагается в своей основе именно ираноязычным» (Цуциев, 2007: 120). Удревнение тюркского этнического элемента в центральной части Северного Кавказа, произошедшее в работе Р.Р. Тилова, таким образом, является еще одной заметной, и знаковой попыткой проникновения вглубь веков в карачаево-балкарском историческом сознании.

Подведем итоги. Проблема этнического отождествления кобанских памятников нуждается во всестороннем осмыслении, а также открытом обмене мнениями, в котором должен быть представлен весь спектр мнений, фактов, гипотез и научных трактовок, вкуче с *исчерпывающей суммой* имеющихся данных археологии, этнографии и лингвистики. К сожалению, затронутая

проблема в конце XX — начале XXI в. приобрела явный политический привкус (Шнирельман, 2006: 471-503), в особенности в связи с бурным развитием современной историко-политической мифологии в её этномобилизационном варианте (Тхагапсоев, 2004: 142-143), цель которой — утвердить глубокую древность того или иного этноса в определенном районе Кавказа, а затем спроецировать это положение на современную ситуацию и способствовать политическому доминированию того или иного этноса. Мы искренне надеемся на то, что данная тема привлечет всех заинтересованных специалистов к дальнейшему её обсуждению в условиях резкого роста интереса в академической и общественной среде Кавказа и других регионов России и стран СНГ к проблемам этнической идентичности.

### Литература

*Виноградов, 1963* — Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

*Виноградов, 1970* — Виноградов В.Б. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. 1970. № 3.

*Виноградов, 1972* — Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

*Виноградов, 1979* — Виноградов В.Б. Зооморфные «превращения» в искусстве древних горцев // Природа, 1979. № 2.

*Дударев, 1975* — Дударев С.Л. К характеристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна р. Терека // Тезисы V Крупновских чтений. Махачкала, 1975.

*Дударев, 1991* — Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.

*Дударев, 1999* — Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

*Дударев, 2006* — Дударев С.Л. К изучению проблемы генезиса памятников Центрального Кавказа периода поздней бронзы — раннего железа (к выходу научного сериала по древностям Юго-Осетии) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.6. Армавир, 2006.

*Ельницкий, 1949* — Ельницкий Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. № 3.

*Иванчик, 1996* — Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н.э. М., 1996.

*Иессен, 1954* — Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.

*Исмагил, 2004* — Исмагил Р. К толкованию этнонима «киммеры» // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч.2.

*История народов Северного Кавказа, 1988* — История народов Северного Кавказа. Т.1. М., 1988.

*Козенкова, 1996* — Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

*Крупнов, 1960* — Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

*Крупнов, 1970* — Крупнов Е.И. Выступление на VII МКАЭН // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т.5. М., 1970.

*Мошинский, 2004* — Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII—IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

*Мошинский, 2006* — Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII—IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. М., 2006.



*Мровели Леонти, 1979* – Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979.

*Ловпаче, 1986* – Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в Северо-Восточном Причерноморье // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1986. № 2.

*Ловпаче, 1997* – Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997.

*Нейхардт, 1982* – Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

*Техов, 1971* – Техов Б.В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.

*Техов, 1977* – Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

*Техов, 2002* – Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.

*Тилов, 2006* – Тилов Р.Р. Говорящая бронза Кавказа: Этническая интерпретация племён кобанской культуры. Нальчик, 2006.

*Тхагапсоев, 2004* – Тхагапсоев Х.Г. Мифонегез в новейшей истории российских этносов // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. № 24. Ростов-на-Дону, 2004.

*Цуциев, 2007* – Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2007.

*Членова, 1972* – Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.

*Членова, 1984* – Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.

*Шнирельман, 2003* – Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.



## **ГОРОДИЩЕ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУЖАНКА I**

Основное сосредоточение памятников юхновской культуры на Украине приходится на территорию Новгород-Северского Полесья. Вероятнее всего, это связано с характером рельефа. Правый берег Десны в данном регионе достаточно высокий и прорезан многочисленными оврагами. Высокие мысы стали весьма удобным местом для сооружения городищ в эпоху раннего железа. Как правило, выбирался мыс, укрепление которого не составляло больших трудностей. Два природных оврага соединялись между собой рвом, а рядом устраивался вал. Природную крутизну склонов дополнял эскарп. Несмотря на незначительные трудозатраты при сооружении укреплений, городище становилось практически неприступным, по крайней мере, труднодоступным для врага.

Одними из наиболее южных памятников юхновской культуры Новгород-Северского Полесья являются два городища у с. Бужанка Коропского района Черниговской области. Оба были известны лишь по результатам разведок (см., например, *Мельниковская, 1967: 5*). Стационарных раскопок на них не проводилось.

Городище Бужанка I расположено в 300 м на северо-восток от крайних домов села (по дороге на с. Разлеты), на высоком (40 м) мысу. Площадка округлой формы (80x58 м). Со стороны поля прослеживаются расплывшийся вал и ров. С иных сторон – отчетливо

выраженный эскарп (рис.1)<sup>1</sup>. Склоны были подрезаны на глубину до 4 м. В настоящее время площадка городища сильно заросла молодым кустарником акации.

Городище Бужанка II находится к северо-востоку от первого городища, через овраг. Высота над уровнем поймы 43 м. Площадка продолговатой формы 140 x 80 м. С северной, напольной, стороны защищена двумя валами и рвом между ними. Невыразительные следы расплывшегося вала видны также вдоль западного края. С западной, южной и восточной сторон на склонах отчетливо фиксируются остатки эскарпа. Его глубина достигает 3 м. Площадка городища также заросла лесом.

Оба памятника расположены непосредственно на правом берегу Десны. В народе данная местность носит названия «Криничное», «Забилловщина» или «Девичья гора». Судя по исследованиям первого городища и подъемному материалу со второго, памятники разновременные.

В 2008 г. небольшие раскопки были проведены мною на городище Бужанка I. Практически в центре площадки, на свободном от растительности месте, был заложен раскоп площадью 24 кв.м. Мощность культурного слоя составила 0,4-0,45 м. Он представлял собою серую золистую супесь, и по своей консистенции напоминал заполнение зольника. Судя по стратиграфии, памятник однослойный. Весь

<sup>1</sup> Искренне благодарю А.Коротю и Е.Осадчего за неоценимую помощь при снятии топографических планов юхновских городищ.



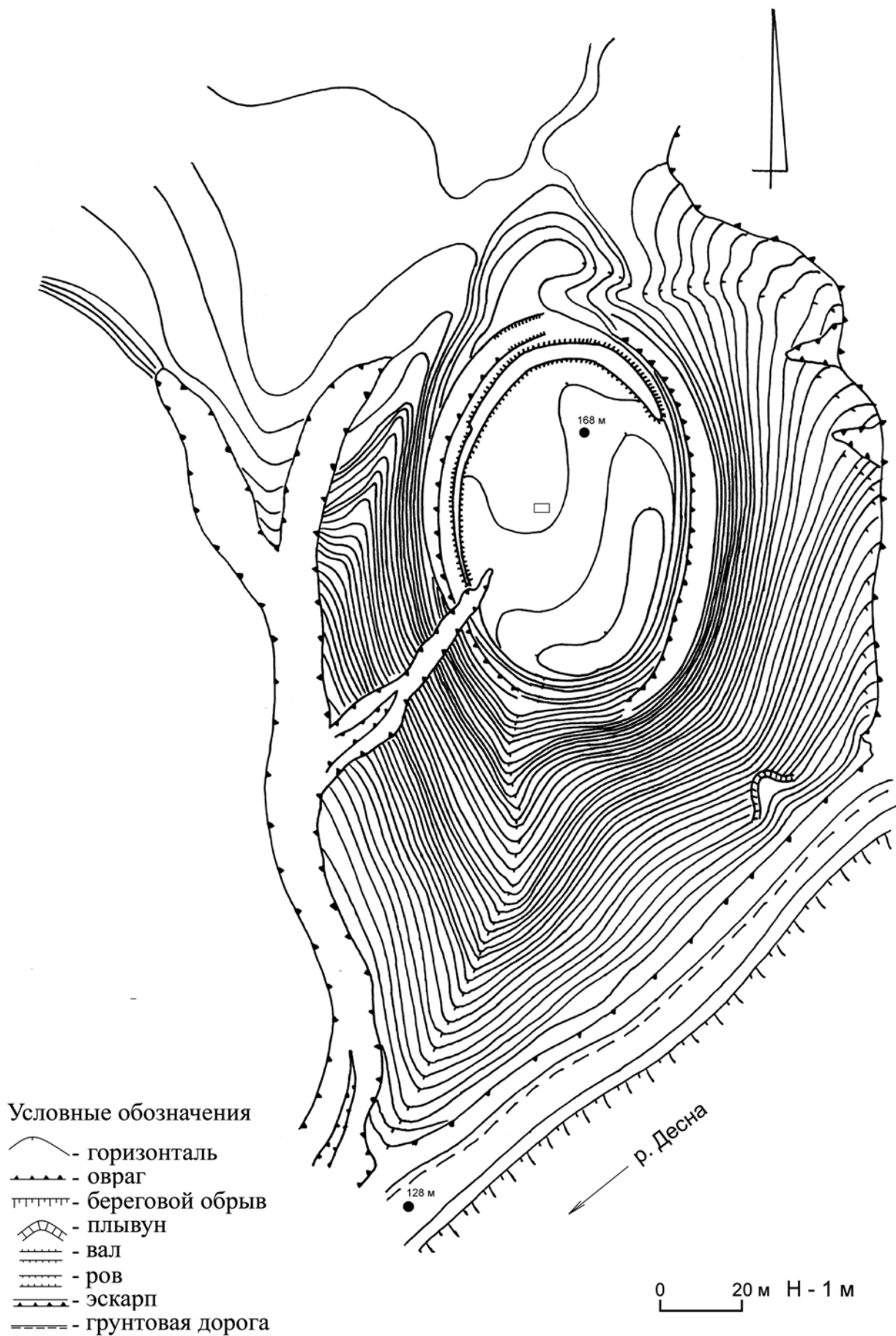


Рис. 1. План городища Бужанка I.





материал принадлежит юхновской культуре. В результате исследований выявлена часть постройки с небольшим очагом (0,4x0,55 м) и многочисленными хозяйственными и столбовыми ямами. Их заполнение было однородным и лишь изредка фиксировались следы замывов в виде прослойки серо-желтой пятнистой супеси с примесью глины и леса. На всей площади раскопа было расчищено 14 ям. Подробно останавливаться на описании каждой из них в данном случае вряд ли имеет смысл. Однако следует отметить, что лишь две ямы по своей форме являются типичными для юхновских памятников. Одна из них в раскоп вошла лишь наполовину. Ее глубина от уровня материка – 1,05 м. В разрезе имела битрапещевидную форму. Вторая – в плане овальной формы (1x0,85 м) с ошутимым подбоем, т.е. в разрезе она имела форму трапеции. Диаметр по дну – 1,3-1,4 м. Глубина от уровня материка – 0,74 м. По краям ямы, судя по глубоким столбовым ямкам, располагались два массивных столба. Заполнение данной ямы несколько отличалось от описанного выше. Приблизительно на середине глубины (0,35 м от уровня дна) была прослежена тонкая, до 0,1 м, прослойка желтой глины, разделяющая однородное заполнение. Кроме того, фиксировалась насыщенность угля над прослойкой и особенно в слое под ней. Как правило, вышеописанные ямы принято считать хозяйственными.

Остальные 12 ям по своей конфигурации значительно отличаются. Они имеют меньшую глубину. Диаметр дна меньше диаметра по верху. Часть из них – в виде линзовидной западины. Подобные формы ям достаточно редко встречаются на юхновских памятниках. Кроме данных ям было расчищено и несколько столбовых ямок, систему расположения которых проследить не удалось.

Несмотря на то, что исследованная площадь слишком мала, можем предполагать, что раскопом 1 была исследована часть дома юхновской культуры. Вопрос о его размерах остается открытым. Вероятная ширина постройки – 6 м. Также, сложно говорить о его конструкции. Судя по многочисленным находкам глиняной обмазки и ряду столбовых ямок, можно

допустить наличие легкой столбовой конструкции с обмазанными глиною стенами. Диаметр прутьев, отпечатанных на глине, варьировал от 1,5 до 2,7 см. Возможно, постройка была ориентирована стенами по сторонам света, с небольшим отклонением. Вероятнее всего, были исследованы участки жилой и хозяйственной частей постройки. Жилая часть с очагом была несколько углублена, а в хозяйственной части находилось большинство ям.

В результате раскопок был получен выразительный, хотя и немногочисленный, материал. Прежде всего, речь идет о лепной **керамике** (рис. 2-4). Она представлена преимущественно фрагментами горшков. Как правило, это слабопрофилированные сосуды с прямыми или слегка отогнутыми венчиками. Как исключение, один венчик отогнут более сильно (рис. 2, 1), что не совсем характерно для горшков юхновской культуры. Согласно поддающимся реконструкции фрагментам, диаметр венчиков составлял 19-20 см. Диаметр доньшек в среднем 8-9 см. На ряде других памятников юхновской культуры (Западное Юхновское городище, Киселевка II, Песочный Ров и т.д.) этот показатель ниже на 1-2 см. Некоторые фрагменты доньшек имеют резко выделенную закраину (рис. 4, 8-11). На нескольких доньшках видны песок, реж – отпечатки травы, на которые ставились сосуды до обжига. К сожалению, найдена лишь одна целая форма горшка (в заполнении ямы 1), позволяющая говорить о высоте (рис. 3, 1). Ее размеры: высота – 23 см, диаметр дна – 9,5 см, диаметр венчика – 19 см, максимальное расширение приходится на верхнюю треть и составляет 22 см.

Основной примесью в глине была дресва. Как правило, это мелкие частички, которые практически не выделяются на старательно заглаженной поверхности. Однако есть фрагменты горшков, где в примесях присутствует дресва крупных размеров. Поверхность таких сосудов достаточно грубая. Один такой экземпляр найден в яме 1 (рис. 3, 2). Сохранилась лишь верхняя часть. Диаметр венчика – 20 см, предполагаемая высота – 18-20 см. В тесте очень большое количество крупной дресвы, отчего керамика ломкая, а поверхность достаточно грубая. Керамики с примесями



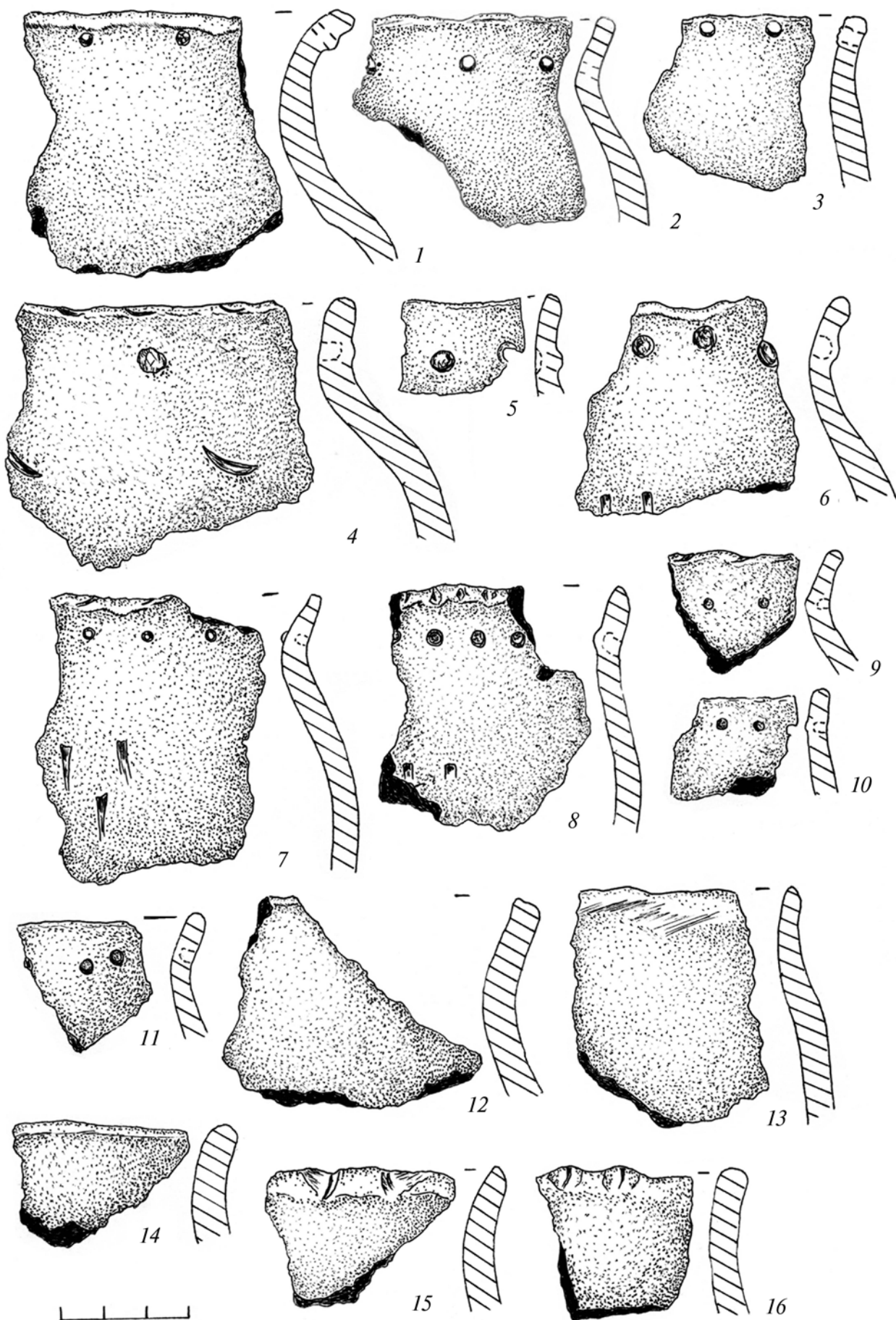


Рис. 2. Керамика. Городище Бужанка I.



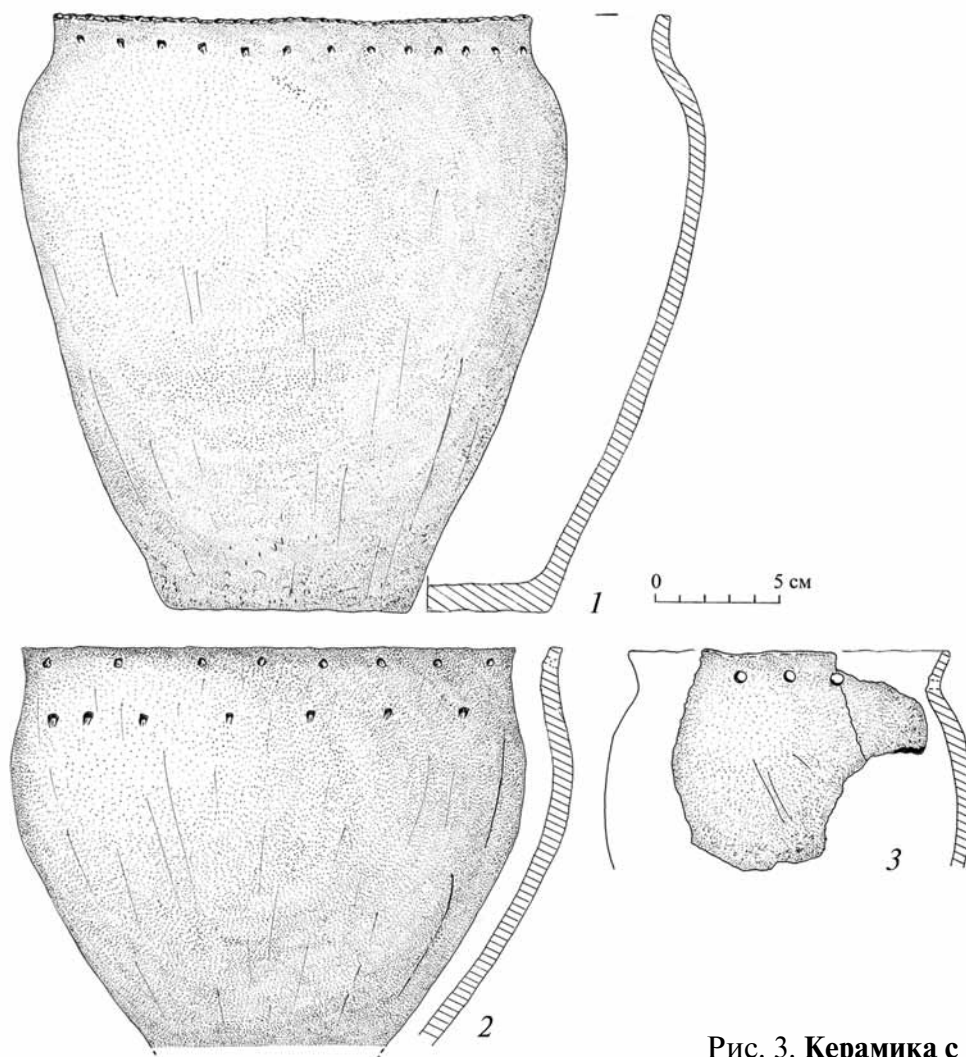


Рис. 3. Керамика с городища Бужанка I.

крупной дресвы значительно меньше, чем горшков со старательно заглаженной поверхностью и примесью мелкой дресвы. Как исключение, есть фрагменты горшков с примесью дресвы и шамота (рис. 2, 6).

Отдельно следует остановиться на орнаментации керамики. Найдено всего четыре фрагмента неорнаментированных венчиков (рис. 2, 12-14). Абсолютное же их большинство (32 шт.) имеют характерный для юхновской керамики декор в виде насечек, сделанных косо поставленной палочкой и разнообразных вдавлений, как по краю венчика, так и по шейке или плечикам (рис. 4). Один фрагмент имеет ногтевые вдавления по плечикам (рис. 2, 4). Вместе с тем, ряд венчиков орнаментирован довольно редким декором. Пять фрагментов украшены тонкими несквозными наколами под венчиком (рис. 2, 7-11), четыре — жемчужинами (рис. 2, 4-6), еще на пяти сделаны

сквозные проколы под венчиком (рис. 2, 1-3; 3, 3). Проколы выполнены как изнутри, так и снаружи. Три венчика имеют ногтевые вдавления по краю, что несколько напоминает имитацию наклепного валика (рис. 2, 15-16). Подобные орнаменты очень редки на юхновской керамике и более характерны для посуды культур раннего железного века Лесостепи. Как пример, один из венчиков с жемчужным орнаментом имеет примеси дресвы и шамота (рис. 2, 6). Примеси последнего, впрочем, как и жемчужный орнамент, а также тонкие круглые наколы, известны на подгорцевской керамике (см., например, *Максимов, Петровская, 2008: 73, рис. 43, 2, 3, 5-8, 14, 15*). Следует отметить, что на некоторых венчиках совмещены типично юхновские насечки с другими видами редкого орнамента (рис. 2, 4, 6-8). Часть таких горшков имеет грубую поверхность и вылеплена несколько «неумело» (рис. 3, 2).



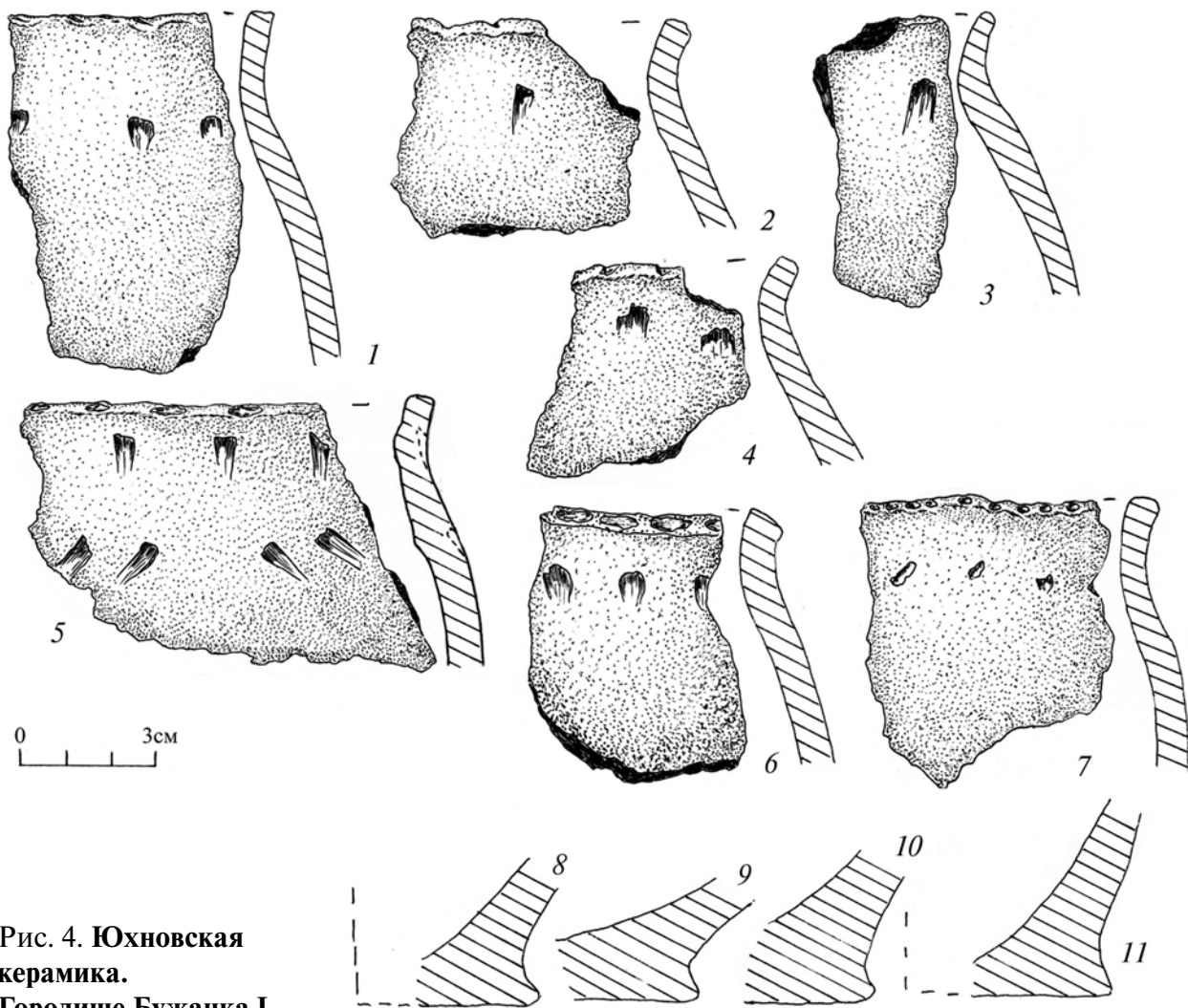


Рис. 4. Юхновская керамика. Городище Бужанка I.

Другая керамика представлена несколькими неорнаментированными фрагментами мисок и невыразительным обломком миниатюрного горшочка.

Как известно, формы горшков, и в большей мере орнаментация, являются достаточно стойким и мало подверженным изменениям этническим признаком. Вероятнее всего, редкие виды орнамента (жемчужины, проколы и т.д.) были привнесенными пришлым с юга населением. Нетрадиционный для юхновской культуры орнамент известен на керамике с многих городищ этой АК, однако в таком количестве и на такой малой площади он найден впервые. Культурную принадлежность, опираясь лишь на небольшое количество керамики, на сегодняшний день определить невозможно. Сейчас же, можем лишь говорить о том, что мигранты были ассимилированы. Однако традиции

орнаментации керамики остались. Привычный декор продолжали наносить на другие, чуждые, формы сосудов, нередко в комбинации с новым орнаментом.

Как и на большинстве юхновских городищ, второй по количеству категорией находок являются обломки и целые формы глиняных **грузил** (рис. 5). Их применяли для рыбной ловли, подвешивая на сети, на ткацких станках и, возможно для изготовления (формовки дна) горшков (Каравайко, 2007). Три находки с городища Бужанка I, безусловно, предназначались для сетей (рис. 5, 1-3). Их обжиг очень плохой, в тесте практически нет примесей, от чего изделие становилось очень хрупким. Еще в одном грузиле отверстие доходило до середины высоты, что предполагает другую функцию предмета (рис. 5, 4).

В верхней части культурного слоя найдено три **пряслица**, одно из которых



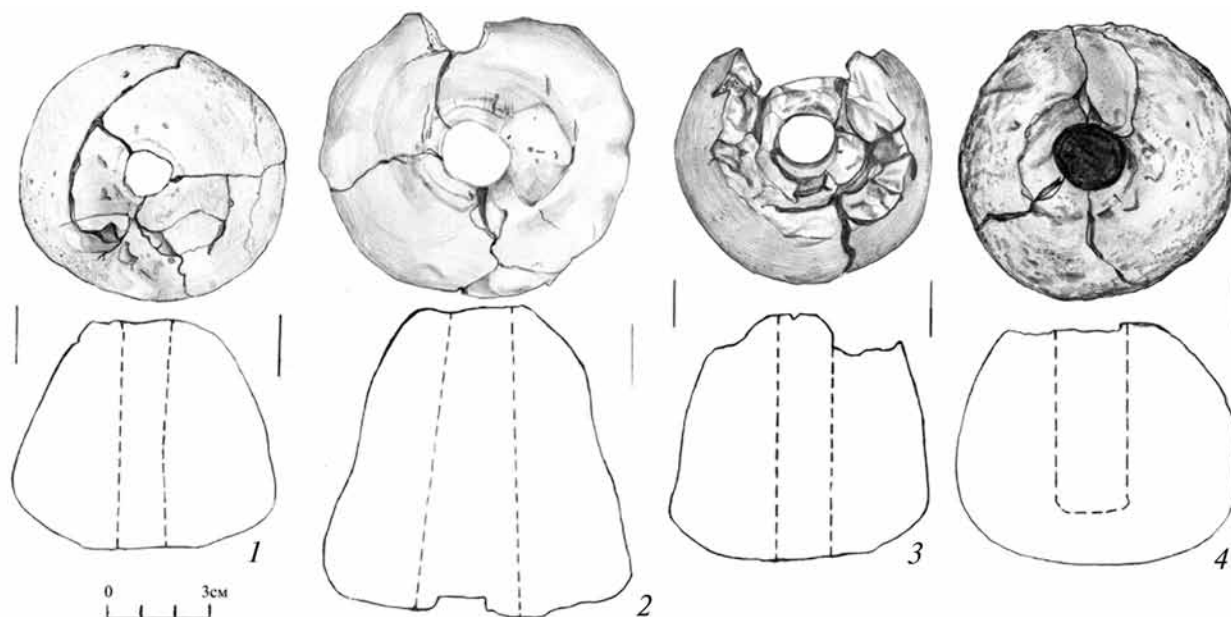


Рис. 5. Глиняные грузила.

фрагментировано (рис. 6, 1-3). Все экземпляры орнаментированные. Два из них биконической формы, одно в форме катушки. Последнее имеет декор в виде пояса из продолговатых вдавлений, которые в проекции сверху, издали, напоминают «зубчики» дьяковских пряслиц (рис. 6, 1). На двух остальных нанесен геометрический узор, исполненный прочерченными линиями. Фрагментированное пряслице украшено достаточно стандартным для юхновской культуры декором на данных изделиях, однако прочерченный узор заполнен белой пастой (рис. 6, 2). Подобные находки на юхновских памятниках мне не известны.

Изделия из камня представлены одним **каменным растиральником** округлой формы со сработанными гранями (рис. 6, 4). В заполнении одной из ям найдено каменное орудие, одна часть которого достаточно удобно помещается в руке, а вторая — полукруглой формы имеет следы «выбоин». Возможно, данный предмет употреблялся для дробления камня, т.е. изготовления дресвы. Следует отметить, что на исследованной площади найдено весьма значительное количество камней (912 шт.). За исключением выше описанных, это бесформенные, «рваные» обломки и определить их предназначение невозможно.

Изделия из кости не являются редкими на юхновских памятниках. В своем

большинстве это разнообразные **проколки**. Две проколки найдены и на городище Бужанка I (рис. 6, 5-6). Так же отметим прекрасно изготовленный костяной **гарпун** (рис. 6, 7). Его длина — 8,5 см, острие двухлопастное, край черешка плоский и суженый.

Редки находки бронзовых вещей, что связано с отсутствием сырьевой базы. Как правило, это разного рода украшения. В заполнении столбовой ямки, было найдено бронзовое **височное кольцо**, выполненное из тонкой округлой в сечении проволоки, закрученной в два оборота (рис. 6, 8). Подобные изделия хорошо известны на лесостепных памятниках и имеют широкую датировку.

Особенно важными для датировки являются находки двух железных **наконечников стрел**, один из которых сохранился частично (рис. 6, 9-10). Их длина составила 3,15 и 3,9 см. Оба трехлопастные, черешковые. У одного экземпляра черешок не сохранился, у второго длина составила 2 см. Подобные стрелы широко известны в сарматских памятниках на территории Украины и на Дону (Новоданиловка 2/1, Бабина Гора, Днепрострой 26/6, Семеновка 11/1, Донской 5/10, Балабинский II 3/1). Их датировка достаточно широкая — в пределах I в. до н.э. по начало II в. н.э. (Максименко, 1998: 133-134, рис.68-70; Simonenko, 2001: Abb.2. 2-18; Хазанов, 2008: 93-98). Учитывая,



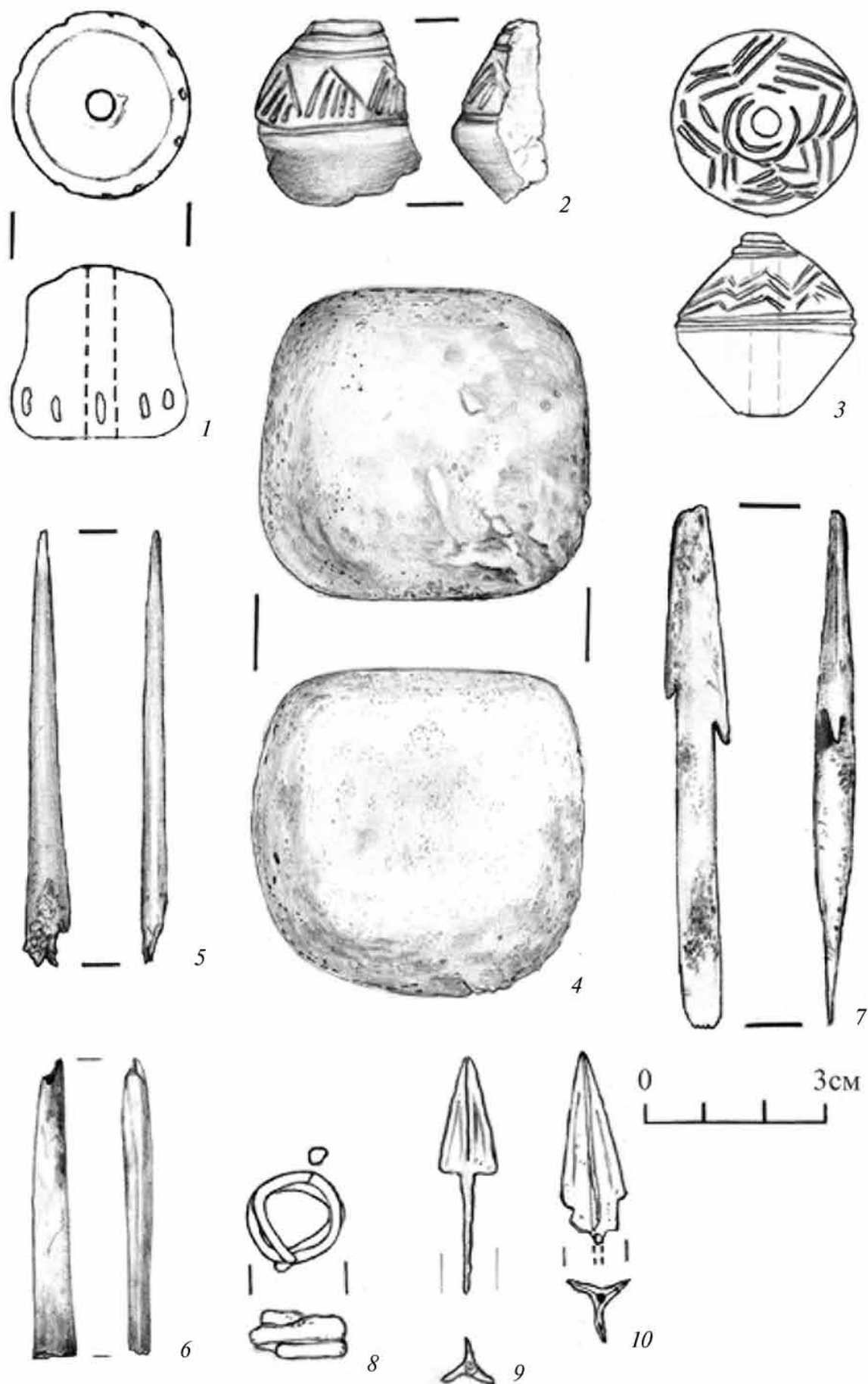


Рис. 6. Находки с городища Бужанка I.



что один наконечник стрелы был найден в самой верхней части культурного слоя, а второй – на незначительной глубине, время прекращения жизни на городище Бужанка I может быть определено, хотя и приблизительно, рубежом эр. Судя по незначительной толщине культурного слоя, поселение существовало незначительный период, возможно 3-4 поколения, т.е. до 100 лет. Гибель городища, вероятно, следует связывать с сарматскими набегами.

В процессе раскопок был получен достаточно большой остеологический материал<sup>2</sup>. Среди домашних животных 6 особей свиньи, по 4 – крупного рогатого скота и коня, 3 – мелкого рогатого скота. Есть также останки домашней собаки. Объектами охоты были заяц, бобр, лисица, медведь, олень обыкновенный и северный, косуля и лось. Судя по наибольшему количеству особей диких животных, основным объектом охоты был кабан. Кроме того, найдены немногочисленные кости (сом?) и чешуя рыб, вероятно, семейства карповых.

Отметим, что на сегодняшний день городище Бужанка I является одним из

наиболее поздних памятников юхновской культуры. Проведенные раскопки еще раз подтверждают высказанную ранее точку зрения о «доживании» юхновского населения до рубежа эр (*Каравайко, 2006*). Несмотря на незначительную площадь раскопа, удалось получить достаточно яркий материал, позволяющий существенно расширить наши представления о юхновской культуре. Вместе с тем, данный памятник является ключевым для понимания ряда вопросов. Прежде всего, это касается финальной даты существования культуры. Городищ, которые относятся к периоду после III в. до н.э., известно единицы. К тому же, четких хроноиндикаторов и хорошо датированных вещей практически нет. В результате исследований городища Бужанка I можно с уверенностью говорить о существовании юхновской культуры в сарматский период.

После проведения более масштабных работ на данном памятнике, вполне вероятен ответ на вопрос о культурной принадлежности пришлого в юхновский ареал населения, а, следовательно, и возможность реконструкций общеисторического уровня.

### Литература

*Каравайко, 2006* – Каравайко Д.В. Бассейн Средней Десны на рубеже эр (юхново – почеп) // АЛЛУ. 2006. №2.

*Каравайко, 2007* – Каравайко Д.В. Глиняные грузила юхновской культуры // Ранній залізний вік Євразії. Киев-Чигирин, 2007.

*Максименко, 1998* – Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.

*Максимов, Петровская, 2008* – Максимов Е.В., Петровская Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья. Полтава, 2008.

*Мельниковская, 1967* – Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. // Архив ИА НАН Украины, 1967/43.

*Хазанов, 2008* – Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб, 2008.

*Simonenko, 2001* – Simonenko A.V. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // EURASIA ANTIQUA. ZEITSHRIFT FÜR ARCHÄOLOGIE EURASIENS. 2001. Bd.7. S.187 – 327.

<sup>2</sup> Определение остеологического материала осуществлено к.и.н., ст.н.с. ИА НАН Украины О.П.Журавлевым, которому выражаю искреннюю благодарность.



## ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ<sup>1</sup>

Проблема происхождения скифов волнует умы историков уже две с половиной тысячи лет. Древнегреческий историк Геродот в своей IV книге «История» – Мельпомене – приводит две записанные им в Северном Причерноморье местные автохтоничные легенды о происхождении скифов (скифскую и греческую) (*Геродот, IV: 5-10*). Однако, тут же, вслед за ними приводит третью версию: «Есть еще и третий рассказ, которому я больше доверяю, а именно такой. Согласно ему с кочевниками-скифами, которые жили в Азии, воевали и принесли им много неприятностей массагеты и из-за этого скифы перешли реку Аракс и прибыли в Киммерию (так как страна, в которой теперь живут скифы, говорят, раньше называлась киммерийской). Киммерийцы, когда увидели, что против них выступило большое войско, начали советоваться, как им поступить. Их мнения разделились надвое, и каждая сторона настаивала на своем мнении. Самой достойной была позиция царей, однако большинство народа считало, что им лучше уйти, а не оставшись, рисковать и противостоять многочисленным врагам. Цари же настаивали на том, что нужно воевать до последнего, обороняя свою страну. Как бы там ни было, однако ни большинство не хотело послушаться царей, ни цари большинства. Итак, первые решили без боя оставить свою

страну захватчикам и бежать от них, а цари решили, что лучше быть убитыми и похороненными на родине, но не бежать с большинством, помня о том, как хорошо им было здесь, и какие мучения их ожидают, если они убегут вместе с остальными. Коль скоро они приняли такое решение, они разделились и обе их части были равными в числе и они стали биться между собой. И всех, кто был убит в этой битве, киммерийцы похоронили недалеко от реки Тирас (их могилы и теперь еще можно там увидеть). Там их похоронили и после того они покинули свою страну. Вскоре пришли скифы, увидели, что край не заселенный и заняли его» (*Геродот, IV: 11*).

С самого начала археологических исследований скифских памятников началась разработка теорий происхождения этой культуры. Для первых исследователей – М.И. Ростовцева (*Ростовцев, 1918: 34-35*), В.А. Городцова (*Городцов, 1928*), а за ними и для Б.Н. Гракова (*Граков, 1947*) восточное происхождение скифов больших сомнений не вызывало (в этом они целиком и полностью полагались на Геродота и выводили их из степей Поволжья и Приуралья). Однако, позднее по мере все большего накопления археологического материала, все более очевидными оказались отличия культуры европейских скифов от их азиатских сородичей. Вполне естественно,

<sup>1</sup> Редколлегия не согласна с рядом положений, отраженных в статье В.И. Клочко из-за недостаточной убедительности приводимых в ней аргументов. Статья публикуется в порядке дискуссии.



что эти отличия начали пояснять вкладом автохтонного населения в сложение скифской культуры. Для этого пытались приспособить известные на то время культуры бронзового века — катакомбную и срубную (*Кривцова-Гракова, 1955; Артамонов, 1950; 1970; 1973; 1974; Граков, 1971*). Со временем оказалось, что эти культуры были намного старше скифов. В то же время были выделены значительно отличающиеся от своих предшественников непосредственно предскифские культуры финального периода бронзового века Украины Чернолесская (*Тереножкин, 1961*) и Белозерская (*Отрощенко, 1986*) и памятники позднейшего предскифского периода — черногоровская (*Тереножкин, 1952*) и новочеркасская (*Иессен, 1953*) группы.

Поиски истоков скифской культуры довольно долго сдерживало слабое развитие археологии позднего бронзового века востока Евразии. Недостаточно разработана была также абсолютная хронология памятников периода бронзового века и I тысячелетия до Р.Х. Востока Евразии, в регионах, расположенных в отдалении от центров цивилизации того времени, тех регионов, которые были слабо освещены в древних письменных источниках. Эта лакуна в знаниях начала заполняться только в последнем десятилетии, после широкого применения метода радиоуглеродного датирования.

Автохтонные концепции Б.Н. Гракова и Н.И. Артамонова получили продолжение в трудах сторонников «традиционных» взглядов. Как ни удивительно, но для ряда исследователей открытие новых памятников, поступление новых фактов не имеют большого значения, главное — сберечь от пересмотра концепции «основоположников». Так, Н.П. Грязнов, открыв курган Аржан в Туве, так и не смог убедительно объяснить, почему материальный комплекс этого кургана такой «черногоровский», какая связь могла быть между Восточной Сибирью и Украиной. Вместо этого он создал теорию «полицентризма» (*Грязнов, 1975; 1978; 1980*), абсолютно беспомощную теорию о независимом и самостоятельном развитии всех родственных культур предскифского времени Евразии. Однако, тогда

каким образом могла образоваться их родственность на такой громадной территории? Если за аналогичностью предметов ничего не стоит, тогда на чем же базируется археология? Что выше в науке, факт или теория?

Выход за рамки устаревших теорий оказался невозможным и для некоторых современных исследователей. Так, О.Р. Дубовская, выделившая памятники «черногоровского» типа в отдельную черногоровскую культуру, так и не смогла убедительно пояснить близость материального комплекса этой культуры, аржанскому комплексу (*Дубовская, 1993*). «Апофеозом полицентризма» можно назвать работу Н.Л. Членовой (*Членова, 1997*), вся суть которой сводится к безапелляционному отвержению метода радиоуглеродного датирования и последовательному отстаиванию старых представлений.

В то же время, относительно давно предложенная (в общих чертах) нами с В.Ю. Мурзиным концепция первой восточной волны кочевников — протоскифов, которую мы датировали IX в. до Р.Х. (*Клочко, Мурзин, 1987*) — новая миграционная концепция происхождения скифов — до сих пор так и не вызвала у «автохтонистов» какой-либо реакции. А новые археологические материалы все больше подтверждают ее правоту и позволяют развивать ее дальше.

Конец позднего бронзового века знаменует собой начало нового, «киммерийского» периода истории Украины. Это была эпоха переселения исторических киммерийцев в Малую Азию. А что же вызвало это переселение? С этими событиями было связано распространение предметов «черногоровских» типов с востока Евразии на территорию Украины (*Клочко, Мурзин, 1987*). В это время на территории Украины образовался местный «новочеркацкий комплекс вооружения всадника» (*Klochko, 2001; Клочко, 2006*). К этому периоду относится распространение предметов «голиградских» типов (прежде всего, вооружения и конской узды) с Украины в Центральную Европу (*Chochorowski, 1995*). Каким же образом могло произойти слияние таких разных (по мнению некоторых



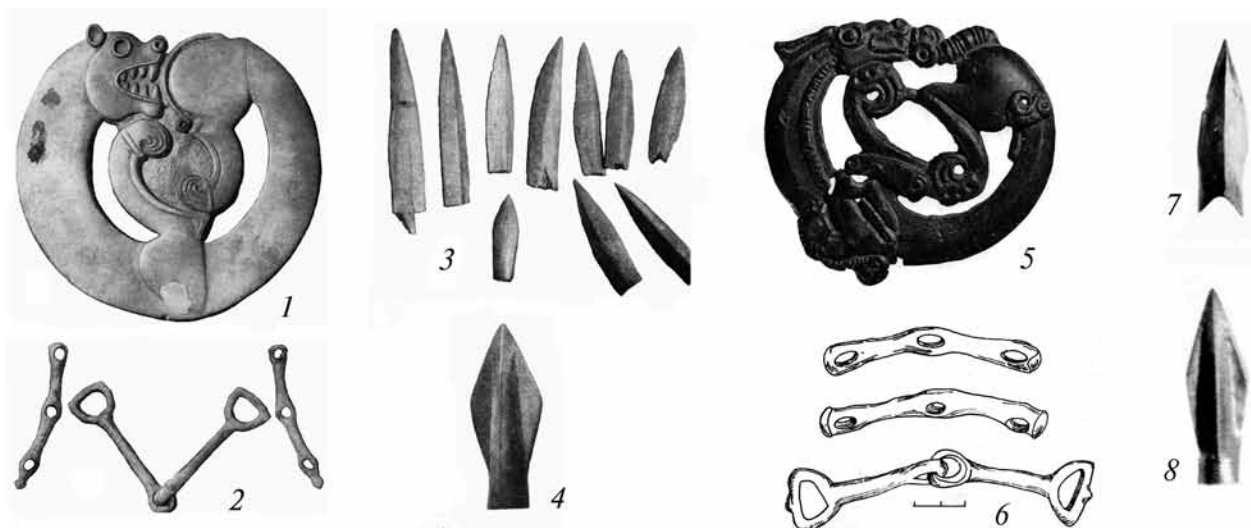


Рис. 1. Археологические находки из Тувы (1-4) и Украины (5-8).  
1-4 – курган Аржан; 5 – курган Кулаковского;  
6 – Черногоровский курган; 7, 8 – курган Высокая Могила.

исследователей и разновременных) культурных традиций? Анализ вооружения киммерийского периода позволил мне предложить такую модель:

В конце X – начале IX вв. до Р.Х. на Востоке Евразии, в степях, прилегающих к Алтайским горам, образовался то ли союз племен, то ли централизованное раннекочевническое государство. На существование такого политического образования указывает «царский» курган Аржан в Туве. Этот курган, расположенный на землях карасукской культуры, содержал в себе материальный комплекс западного «черногоровско-камышевахского» типа (рис. 1, 1-4) (Грязнов, 1980). Так, бронзовая бляха в виде свернувшегося в кольцо леопарда, близкая аржанской, была найдена в кургане Кулаковского в Крыму (*Древнее искусство, 1975, №40*). Крымская бляха отличается от алтайской находки большей стилизацией (рис. 1, 5). Однако она относится к более позднему времени, к V в. до Р.Х. А вот полностью аналогичные аржанским вещи были найдены в курганах Черногоровском (рис. 1, 6) (Тереножкин, 1976) и Высокая Могила (рис. 1, 7-8) (Бидзиля, Яковенко, 1974), на востоке Украины.

Находки восточных вещей киммерийского времени в Восточной Европе уже довольно многочисленны (Klochko, 2001: 298-319; Клочко, 2006: 264-276). В частности,

бронзовые топоры-кельты, аналогичные карасукским кельтам их Красноярского края (рис. 2, 4, 5) (Завитухина, 1983: 135-234), найдены в Харьковской области Украины (Klochko, 2001: Fig. 118, 8-10; Клочко, 2006: рис. 111, 5, 8-10) (рис. 2, 2, 3) и у села Модлничка, гмина Велка Весь близ Кракова в Польше (Dryja, Kieferling, 1993) (рис. 2, 1).

«Карасукцы» вели войны с Китаем периода раннего Чжоу, на что указывают многочисленные находки карасукского оружия и деталей конской узды на Севере Китая.

Однако каким же образом вещи, аналогичные найденным в курганах востока Украины, могли попасть так далеко на восток Евразии? А может быть, все наоборот – это восточные вещи найдены в курганах типа Камышевахи и Черногоровского на Украине?

Анализ оружия показывает, что черногоровский комплекс вооружения сложился именно на Востоке Евразии в среде позднеандроновских племен (Klochko, 2001; Клочко, 2006). После покорения (или формирования – ?) карасукской культуры «аржанцы» создали своеобразную конфедерацию различных народов, представленных археологическими культурами, которые занимали территорию на восток от Урала до Байкала. В конце IX в. до Р.Х., вероятнее всего, в результате внутреннего





Рис. 2. Топоры-кельты из Красноярского округа, Восточная Сибирь (4, 5), с. Модлничка, Польша (1), Харьковская область, Украина (2, 3).

конфликта эта держава раскололась и какая-то часть племен, входивших в ее состав, отделилась и вынуждена была искать спасения на западе Евразийских степей. На своем пути на запад они включили в свою «орду» представителей других народов Приуралья и Поволжья. Во время этого нашествия на территорию Украины были «занесены» целый ряд типов и форм восточного оружия и конской узды. Некоторые из народов, которые, принимали участие в этой экспансии, были родственны бережновско-маевскому населению Левобережной Украины эпохи поздней бронзы. На востоке Украины пришельцы образовали Черногоровскую культуру, а набеги этих кочевников достигали до восточной Польши и Среднего Дуная.

Время этой экспансии, опираясь на известные в настоящее время данные, можно определить достаточно точно. По материалам кургана Аржан в Туве была

получена большая серия радиоуглеродных дат, которые позволяют датировать его 960-850 cal. BC (табл. 1), не позднее 810 cal. BC (Марсадолов, Зайцева, Семенов, Лебедева, 1996). Важно учитывать то обстоятельство, что все эти даты были получены из стволов деревьев большого диаметра, из которых был сооружен этот курган. А так как нам не интересны те даты, которые имеют отношение к периоду жизни этих деревьев, мы выбираем только те, которые указывают на время, когда их срубили, то есть наиболее поздние из выборки. Исходя из этого, время сооружения кургана Аржан можно определить в пределах конца IX в. до Р.Х.

Материалы землянки N 5 с поселения Саргары в Западном Казахстане, где были найдены стрелы типа «Бричмулла», аналогичные найденным на Украине (Klochko, 2001: Fig. 115, 11-13; Клочко, 2006: рис. 108, 11-13), дают дату 900-808 cal. BC (табл. 1), не позднее 808 г. до Р.Х.

Табл. 1

Памятник	Лаб. №	BP	BC	Примечания
<b>Украина, Подунавье</b>				
Суботов	Ki-5359-5367	2657±19	825-801	Klochko, ..., 1998
Суботов	Ki-5368-5370	2708±35	906-808	Klochko, ..., 1998
Стеблев 15	Ki-8426	2645±50	834-770	Клочко, Ковалюх, 2002
Gomolava (1)	GrN-7369	2705±60	930-830	Pazdur, 1995
Gomolava (2)	GrN-7368	2615±50	830-770	Pazdur, 1995
Stillfried	VRI-584	2700±80	960-820	Pazdur, 1995
<b>Восток Сибири</b>				
Саргары	Ле-1183	2700±60	900-808	Аванесова, 1991
Аржан	Ле-2310	2800±50	1020-910	Марсадолов, ..., 1996
Аржан	Ле-2311	2770±50	980-860	Марсадолов, ..., 1996
Аржан	Ле-2312	2750±50	970-850	Марсадолов, ..., 1996



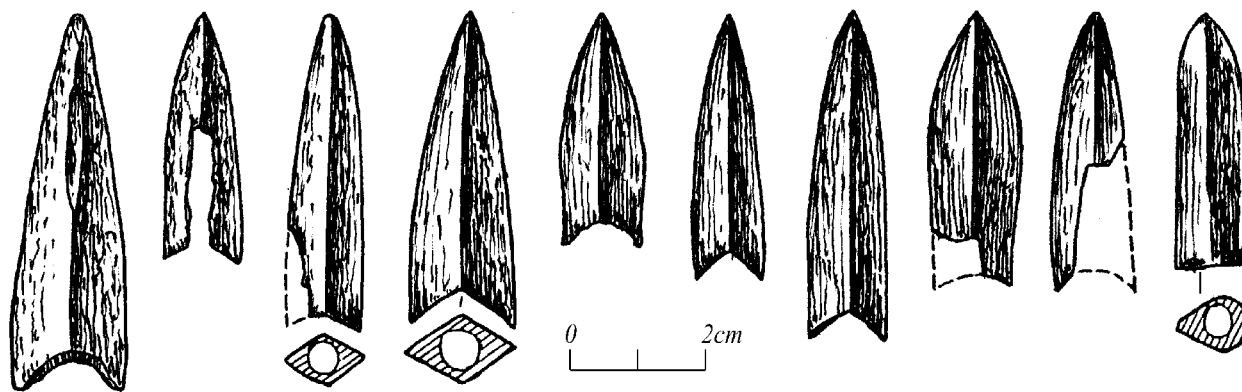


Рис. 3. Суботовское городище. Костяные наконечники стрел.

Из городищ Гомолава и Штильфрид на Среднем Дунае, гибель которых связывается с «киммерийским нашествием», были получены даты 880, 870 и 805 (960-770) cal. BC (табл. 1) (Pazdur, 1995). На основании этих дат Я. Хохоровски, почему-то, определил время появления черногоровских культурных элементов в Центральной Европе в пределах 950-880 гг. до Р.Х. (Chochorowski, 1995). Однако, в действительности эти даты охватывают промежуток в пределах 960-770 гг. до Р.Х., то есть охватывают и конец девятого века до Р.Х.

Черногоровское погребение Стеблей, курган 15 на Черкащине было датировано  $802 \pm 32$  cal. BC (Клочко, Ковалюх, 2002) (табл.1) — около 800 г. до Р.Х.

Во время наших исследований на чернолесском городище в селе Суботов на Черкащине в 1994 году были сделаны такие наблюдения: наиболее поздним объектом на городище был вал Малого городка, сооруженный из культурного слоя и остатков разрушенных жилищ поселения. Под валом были найдены остатки «строительной жертвы» — скелет подростка 10-12 лет. Обработка результатов датировок девяти образцов, взятых из этого скелета, дала среднестатистическую дату —  $825-801$  cal. BC, а датировка, полученная в результате обработки трех дат, полученных с образца дерева из вала —  $906-808$  cal. BC (табл. 1). Таким образом, этот вал был сооружен не позднее 801 г. до Р.Х. (Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998; Klochko, Kovaliukh, Skripkin, Motzenbecker, 1998). После сооружения этого вала на Малом

городке, жизнь на Суботовском городище прекратилась.

Из материалов более ранних раскопок А.И. Тереножкина на том же Суботовском городище происходит большое количество костяных стрел восточного типа «Высокая Могила» (рис. 3). Тогда же на городище был найден железный меч с бронзовой рукояткой карасукского типа, а неподалеку от городища — бронзовый кинжал карасукского типа (рис. 4). Целиком логично связывать прекращение жизни на этом городище с находками на нем восточного оружия и объяснять его «черногоровским» нашествием, которое произошло около 825-801 гг. до Р.Х.

Таким образом, даты «черногоровских» комплексов на востоке Евразии более ранние (860-808 BC), чем на западе — (825-801 BC), и это подтверждает восточное происхождение черногоровского культурного комплекса. А время черногоровского нашествия на территорию Украины можно определить в пределах 820-800 гг. до Р.Х. (Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998), то есть в конце IX в. до Р.Х.

Эта теория, которая впервые была изложена в 2001 году (Klochko, 2001), в последнее время получила новые подтверждения. В 2002 году возле города Лубны на Полтавщине был найден большой клад бронзовых вещей. После нескольких перепродаж большая часть этого клада попала в частную киевскую коллекцию «ПЛАТАР» (Клочко, 2003). Анализ предметов клада в процессе атрибуции показал, что их можно разделить на три группы:



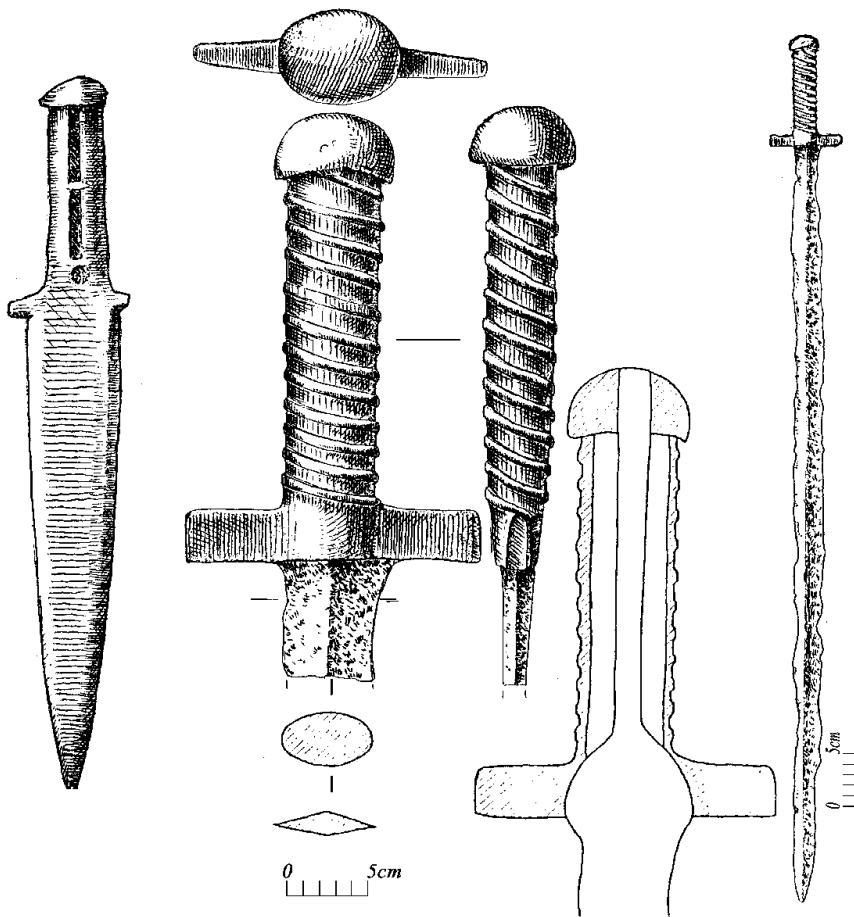


Рис. 4. Суботовское городище. Бронзовый кинжал и биметаллический меч.

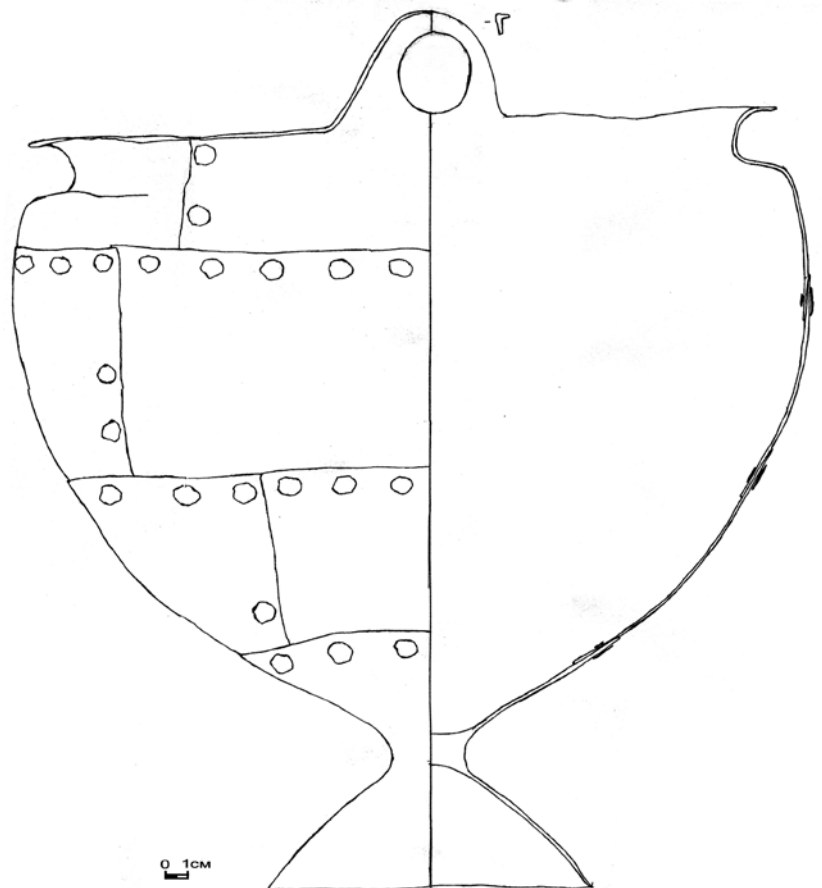


Рис. 5. Лубенский клад. Котел.



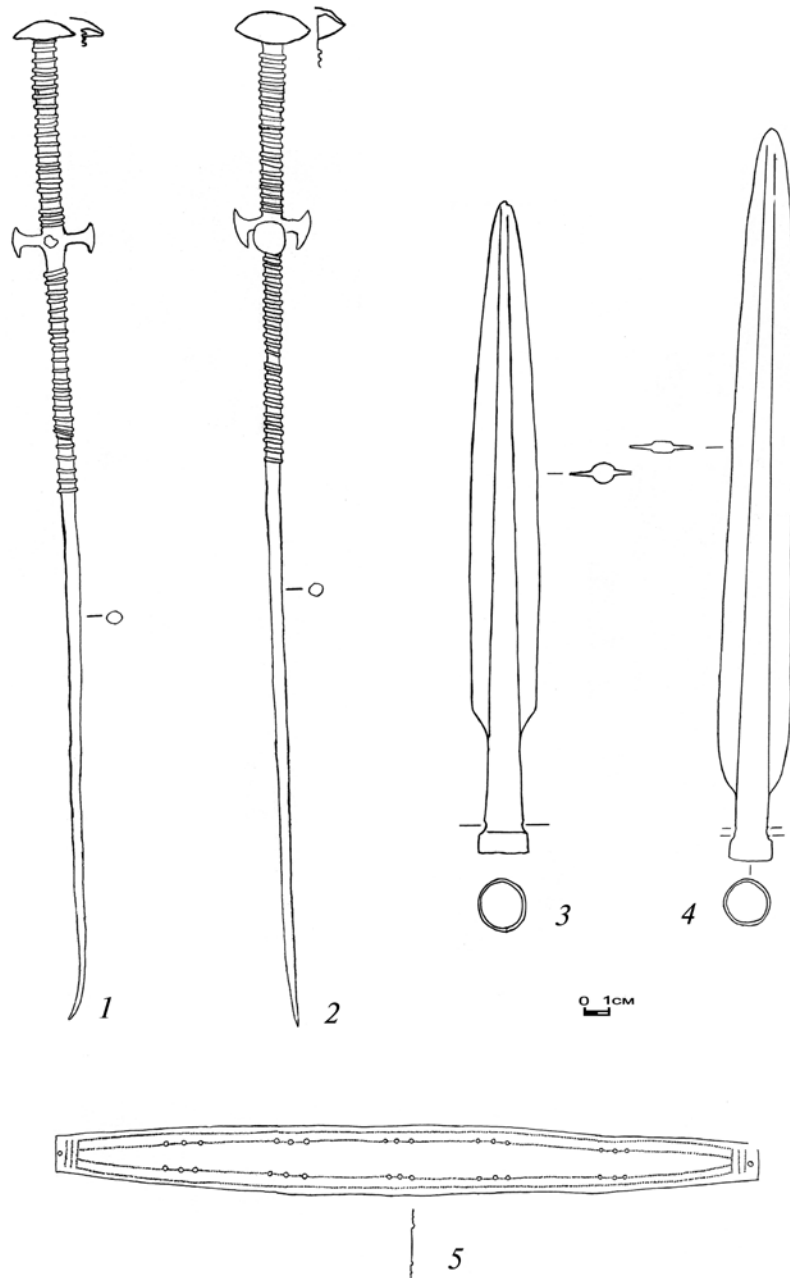


Рис. 6. Лубенский клад.  
Булавки (1-2); наконечники  
копий (3-4); диадема (5).

местные, центральноевропейские и южносибирские вещи.

**«Местная» группа.** Котел на высоком коническом поддоне, высотой 34 см. Склёпанный из широких пластин. Венчик невысокий, отогнутый. На нем — приклепаны две плоские ручки с круглыми отверстиями (рис. 5). Это бронзовый клёпанный котел «киммерийского» типа. Наилучший по сохранности из всех известных котлов доскифского времени (Тереножкин, 1982).

Два бронзовых наконечника копий с длинным остролиственным пером и короткой втулкой. На втулке — толстый валик (рис. 6, 3-4). Это копья позднего варианта

«дремайловского» типа. Относятся к белоцерской и чернолесской культурам эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века территории Украины (Клочко, 2003). Были продолжением давних сабастиновских традиций понтийского вооружения.

Две большие булавки с грибовидными головками, витой «ручкой», «упором», состоящим из трех грибовидных выступов и витой верхней частью иглы (рис. 5, 1-2). Относится к чернолесской культуре. Обломки глиняных литейных форм для изготовления таких булавок были найдены в 1994-95 годах на Суботовском городище под Чигирином (Клочко, в печати).

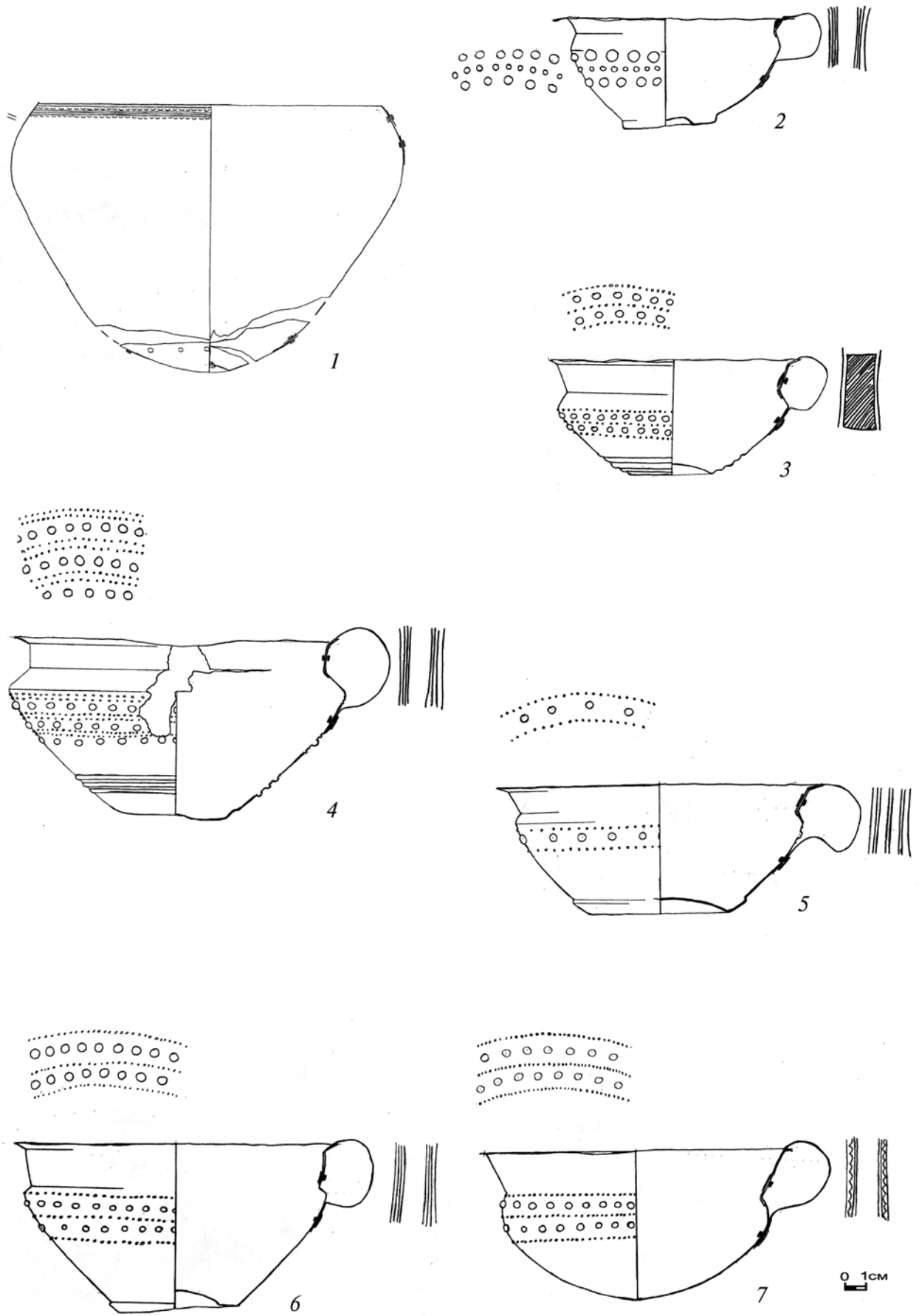


Рис. 7. Лубенский клад.  
Котелок (1); черпаки (2-7).



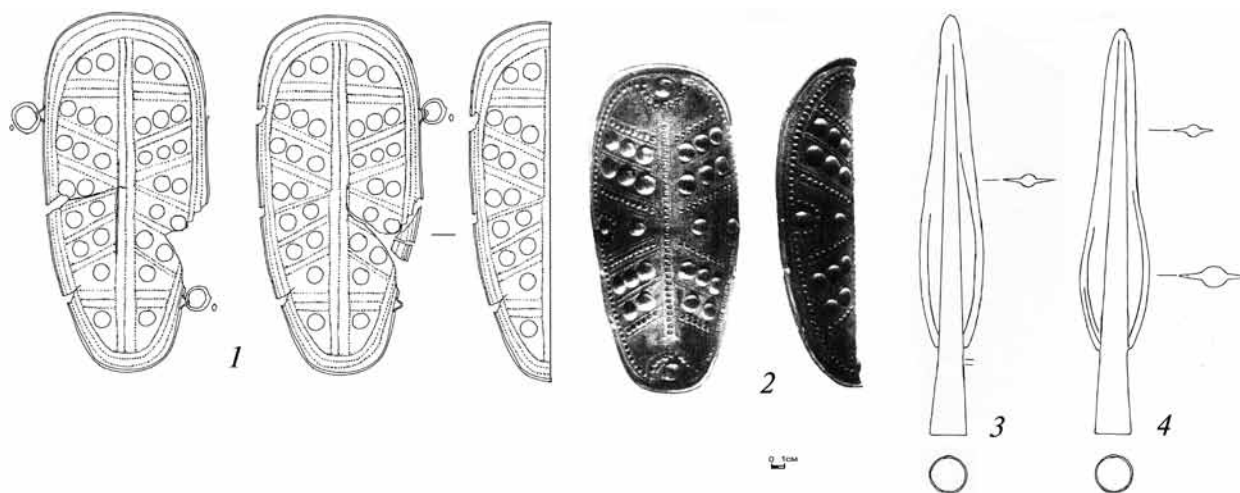


Рис. 8. Лубенский клад, поножи (1), наконечники копий (3-4). Поножи из Брунн, Нижняя Австрия (2).

«Центральноевропейская» группа. Котелок с округлым приклепанным дном и простым геометрическим орнаментом по венчику. На боках – остатки приклепанных ручек (рис. 7, 1). Этот тип бронзовой посуды характерен для культур Центральной Европы периода НаВ (*Thrane, 1975*). Более точное типологическое определение этого сосуда не возможно из-за отсутствия ручек.

Шесть бронзовых кованых черпаков с приклепанными ручками. Сосуды украшены пуансонными и гравированными орнаментами. У одного из них округлое дно (рис. 7, 2-7). Это черпаки типа «Енсовиче», форма, характерная для культур Центральной Европы периода НаВ. В качестве примера можно привести клад Енсовиче, Богемия (*Thrane, 1975: Fig. 84*).

Бронзовые поножи (кнемиды), украшенные пуансонными «жемчужинами» и гравированными «лентами». По бокам – по два литых кольца для крепления этого защитного доспеха на ногах (рис. 8, 1). Это поножи гальштатского типа, относятся к культурному кругу урновых полей погребений Центральной Европы периода НаВ. Аналогичные поножи найдены в местности Курим возле города Брунн в Австрии (*Gamber, 1978: Abb. 235*) (рис. 8, 2).

Два наконечника копий с «пламевидным» пером, круглой в сечении нервюрой и короткой воронковидной втулкой. Лезвия украшены гравированными линиями.

(рис. 8, 3-4). Тип, характерный для культурного круга урновых полей погребений периодов НаА-В Центральной Европы (*Klochko, 2001; Клочко, 2006*).

Бронзовая диадема в виде пластины с зауженными концами. На концах – отверстия для шнура. Диадема украшена простым геометрическим пуансонным орнаментом (рис. 6, 5). Аналогии этому предмету мне не известны.

Черпак с остатками обломанной приклепанной ручки. Дно округлое, на нем – углубление, которое имитирует вдавления на керамических черпаках (рис. 9, 1). Подобные черпаки найдены в кладе Финешу-Герлии, Румыния, отнесенному к культурам фракийского гальштата периоду НаВ2, (*Petrescu-Dombovița, 1977: tabl. 352*).

Бронзовый черпак с носиком (гутус) и с приклепанной ручкой. Дно округлое, с вдавлением. В носик было вставлено ситечко – пластина с отверстиями (рис. 9, 2). Такая форма сосудов более характерна для Малой Азии периодов энеолита – бронзового века. Этот черпак больше похож на керамические гутусы малоазийского типа, которые известны также и в культурах бронзового века Нижнего Дуная. Однако металлические гутусы до сих пор там не были известны, таким образом, эта находка является уникальной не только для территории Украины, но и для всего Западного Причерноморья.





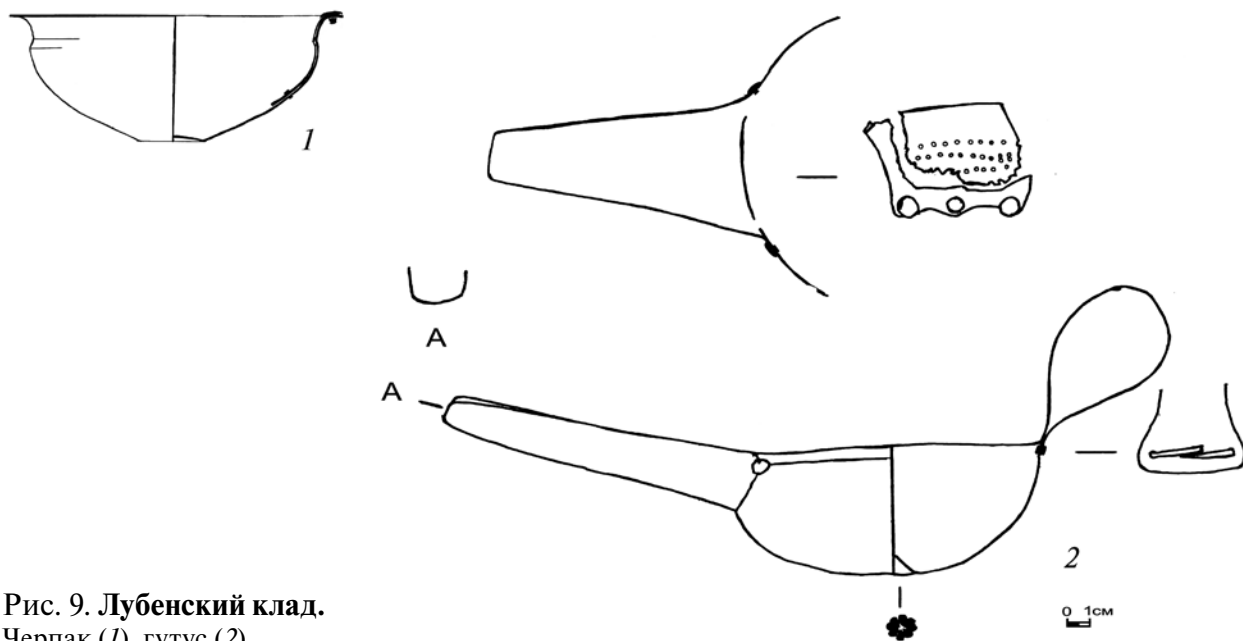


Рис. 9. Лубенский клад.  
Черпак (1), гутус (2).

**«Южносибирская» группа.** Наконечники копий. Найдено было 12 предметов, но в коллекцию попали только 9 штук (рис. 10, 1-9). Аналогии таким копьям мне не известны. Такие длинные втулки и лезвия у копий более характерны для наконечников позднего бронзового века Востока Евразии. Вероятнее всего, это восточные типы, которые попали на территорию Украины во время «черногородской» экспансии. Такие тяжелые копья, вероятнее всего, были изобретены «карасукцами» во время их столкновений с китайской тяжеловооруженной пехотой. Перенесенные на запад, в украинские степи, копья типа «Лубны» оказали значительное влияние на развитие оружия местного населения. Именно этим влиянием я предлагаю объяснять непонятное раньше резкое увеличение размеров наконечников копий местных типов киммерийского времени, удлинение у них втулок, появление отверстий в нижней части лезвий (эти отверстия, вероятнее всего, предназначались для крепления украшений, что также является восточной традицией). Этим копьям подражают большие железные наконечники позднего этапа чернолесской культуры и культур фракийского гальштата. Такие железные «подражания» найдены и степных памятниках черногородовского типа. С металлургией железа восточные кочевники познакомились только

на территории Украины, во время экспансии и быстро начали перевооружаться железным оружием, воплощая в железе обычные для них формы бронзового оружия.

Меч «карасукского» типа. (рис. 10, 10). Этот тип бронзовых мечей и кинжалов характерен для карасукской культуры Минусинской котловины (Красноярский край Сибири) (Членова, 1976).

Клевец — всего найдено было пять таких изделий, но в коллекцию их попало только три. Среди них — клевец с овальной в сечении прямой втулкой и листовидным бойком, усиленным трапециевидной в сечении нервюрой. На втулке — петелька с овальным отверстием (рис. 11, 3). Подобный клевец был найден в 1900 году возле села Любыно-Москальское Тюкалинского уезда Тобольской губернии (Членова, 1967: 28, табл. 10, 10) (рис. 11, 7).

Второй клевец — с овальной в сечении, несколько изогнутой втулкой и толстым листовидным бойком, ромбическим в сечении. Переднее отверстие втулки усилено валиком. Вверху на втулке — стилизованная фигурка животного. По бокам втулки кружочки — имитации глаза птицы. Под втулку, возле бойка — петелька (рис. 11, 2). Подобный клевец был найден возле села Усинское в предгорьях Западных Саян (Членова, 1967: 28, табл. 10, 8) (рис. 11, 5, 6).



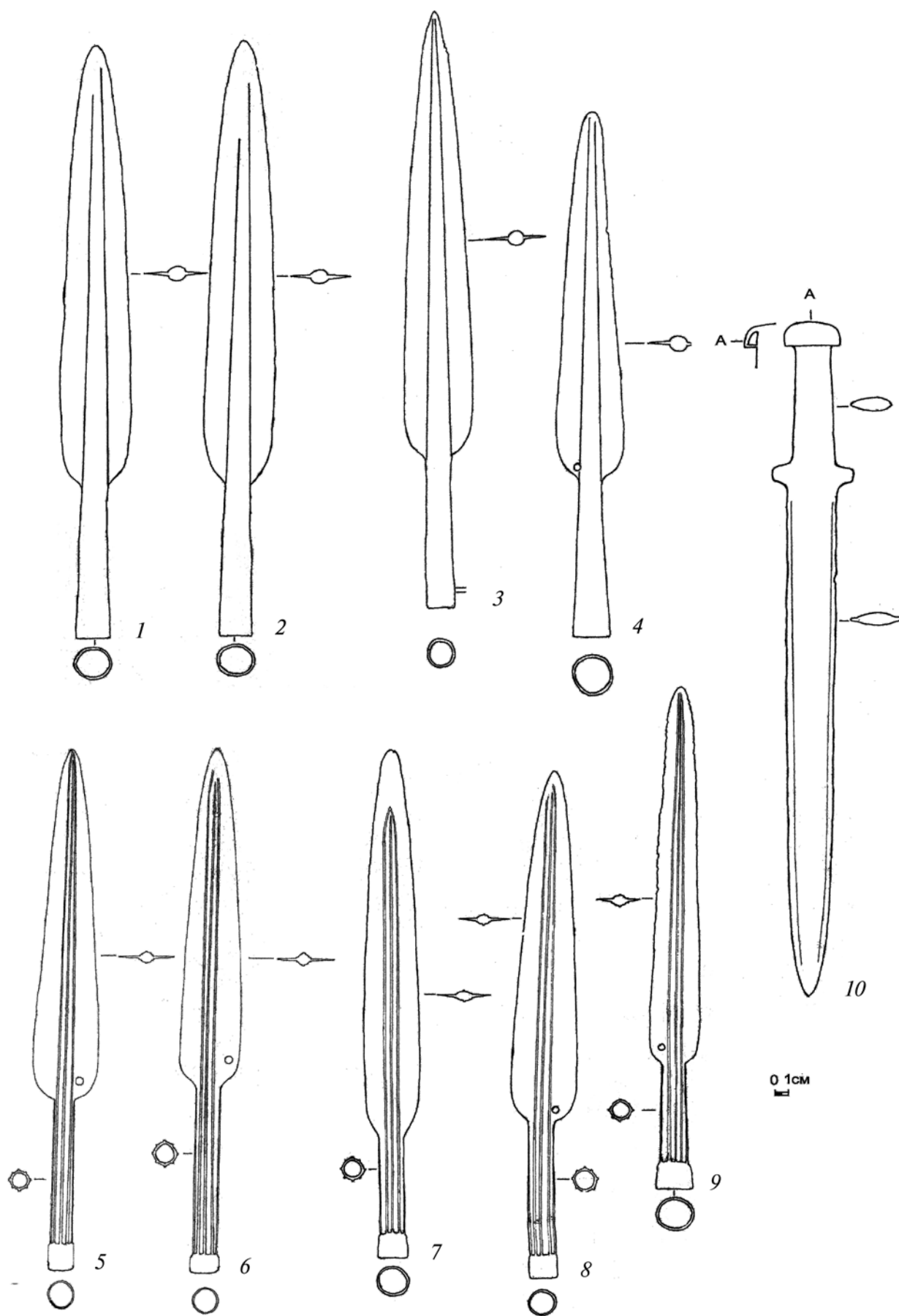


Рис. 10. Лубенский клад.  
Наконечники копий (1-9), меч (10).



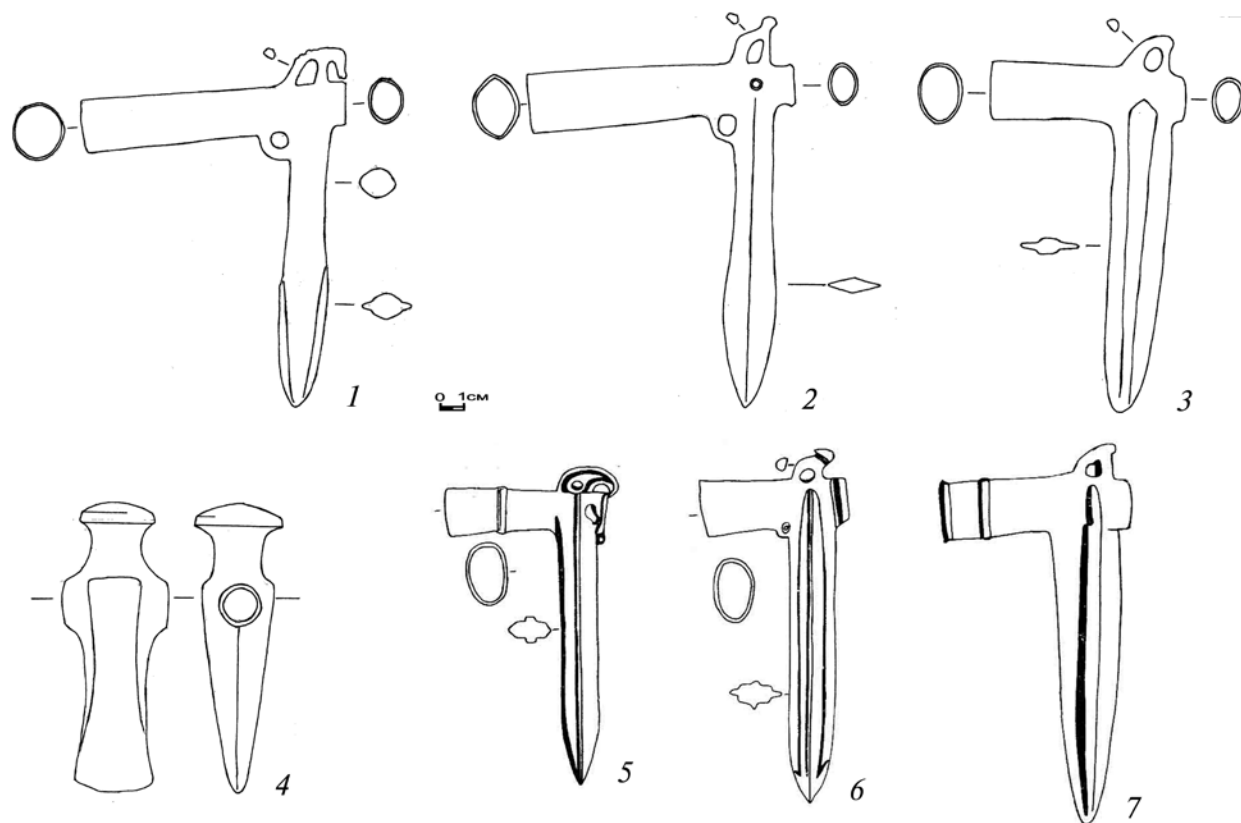


Рис. 11. Лубенский клад, клевцы (1-3), топор-молот (4).  
Клевцы из Усинского (5, 6) и Любыно-Москальского, Восточная Сибирь (7).

Третий клевец (того же типа, что и второй) — с овальной в сечении, слегка изогнутой втулкой и толстым листовидным, овальным в сечении бойком. Низ бойка прокован и имеет ромбическое сечение. На верху втулки — стилизованная фигурка медведя. Под втулкой, возле бойка — петелька (рис. 11, 1).

Такие клевцы относятся к карасукской культуре Минусинской котловины. В отличие от мечей «карасукского» типа, находок клевцов «карасукского» типа так далеко на западе еще не было. От карасукских бронзовых клевцов происходят все типы клевцов и чеканов степных народов Евразии периода раннего железного века, в том числе и раннескифские. Этот тип бронебойного оружия, хотя и был известен в Европе еще с неолитического периода (Klochko, 2001), до раннескифского времени не имел широкого распространения. Со скифского же времени клевцы становятся довольно обычным оружием степной элиты.

Топор-молот с трапециевидным в сечении лезвием и грибовидной «шляпкой». Втулка трубчатая, длинная (рис. 11, 4). Аналогии не известны. Некоторые параллели — чекан с грибовидным навершием из Теси (Китай) (Членова, 1967: 28, табл. 9, 4).

Таким образом, в Лубенском кладе были собраны вещи, которые происходят из Юго-восточной Сибири (карасукская культура), с территории Украины (белозерская и чернолесская культуры) и с Карпато-Дунайского региона (культуры позднего этапа круга урновых полей погребений). Для датировки клада важны вещи чернолесской культуры, которые подобны находкам с Суботовского городища. Это подобие позволяет переносить даты конца существования городища на время Лубенского клада и датировать его рубежом IX—VIII вв. до Р.Х.

Каким же образом южносибирские и центральноевропейские вещи попали на территорию Левобережной Украины и оказались в составе одного клада? Я





Рис. 12. Крым, наконечник копья.

Рис. 13. Крым, меч, украшенный изображениями демонов.

Рис. 14. Крым, рукоятка меча «с демонами».

думаю, что этот клад принадлежал одному из «протоскифов» (то есть, завоевателей). Восточные вещи были или его собственностью, или достались ему по наследству от погибших соплеменников. То обстоятельство, что клад так и остался «не востребованным», указывает на то, что вскоре и он сам «где-то сложил свою буйную голову».

Происхождение центральноевропейских вещей не менее интересное. Для этого времени Я. Хохоровски предполагает гибель городищ Гомолава (Сербия) и Штильфрид (Нижняя Австрия) в 900-800 гг. до Р.Х., виновниками этой гибели он называет «завоевателей — киммерийцев» (Chochorowski, 1995). Возможно, что лубенские находки являлись военной добычей восточных кочевников, захваченной ими во время рейдов. Эти рейды достигали Дунайского региона (Chochorowski, 1993).

«Белозерские» и «чернолесские» вещи были захвачены в качестве добычи, вероятнее всего, на ближайших городищах

чернолесской культуры, на юге Черкасской области и севере Кировоградской.

В 2003 году в коллекцию «ПЛАТАР» попали предметы из грабительских раскопок «где-то из Крыма» — наконечник копья и два меча.

Наконечник копья с широкой уплощенной трапециевидной в сечении nervюрой и прямоугольной втулкой, изготовлен (как показал спектральный анализ) из цинка. Он украшен рельефными изображениями ящериц и гравированными иероглифами (рис. 12). Иероглифы не оставляют никаких сомнений о китайском происхождении копья. Петрографический анализ песка, который заполнял втулку копья, выполненный в Институте геохимии, минералогии и рудообразования Академии Наук Украины, показал, что этот песок характерен для горного Крыма (возможно, район города Белогорска).

Бронзовый меч со скульптурной рукояткой, лезвие украшено гравированными изображениями демонов (?) (рис. 13, 14).



Рис. 15. Крым, меч с иероглифами.

Рис. 16. Крым, меч с иероглифами (детали).

Восточное происхождение этого меча не вызывает сомнений, однако точные аналогии мне не известны. В общих чертах форма меча и его декор напоминают бронзы Южного Китая (Итс, 1976), однако, он относится к более раннему времени, чем материалы, представленные в данной монографии.

Второй бронзовый меч с длинной круглой ручкой и с большим раструбным навершием, на котором сохранились остатки костяного украшения. Лезвие украшено меандровым орнаментом и иероглифическими надписями (рис. 15, 16). Имеет аналогии среди мечей Северного Китая эпохи Джоу (Комиссаров, 1988). Радиоуглеродный анализ кости с навершия меча дал дату  $872 \pm 81$  cal. BC (Ki-10998).

Безусловно, эти сенсационные находки требуют анализа специалистов-китаеведов, но уже сейчас можно заключить, что эти предметы могли попасть так далеко на запад от Китая только посредством неких «путешественников». Единственным

«путешествием» с далекого востока в Восточную Европу в то время была «черногоровская экспансия». Истоки этой экспансии находились в пределах Карасукской культуры, которая в то время находилась в тесном контакте с Северным Китаем. Таким образом, эта крымская находка китайского оружия эпохи Чжоу может быть дополнительным доказательством миграции кочевников — протоскифов с востока Евразии.

«Черногоровцы» создали на Левобережной Украине новое политическое объединение, в которое вошли местное поздне-рубное население, а со временем и поздне-белозерское и позднечернолесское. Вооружение и конская узда местного населения довольно быстро вытеснили некоторые восточные типы в войске этого объединения, широкое распространение в котором получил новочеркасский комплекс вооружения. В это же время пришельцы освоили металлургию железа, не известную на Востоке Евразии вплоть до V в. до Р.Х.



Это объединение я предлагаю соотносить с ранним (докелермесским) периодом истории скифов. Вероятно, это было раннекочевническое государство, которое, начав совершать набеги на Правобережную Украину, постепенно расширило свои границы вплоть до Поднестровья, чем вызвало большую миграцию позднеголиградского населения на юг, за Карпаты («киммерийское нашествие на Центральную Европу» по Я. Хохоровскому). Раннескифское объединение включило в себя территорию Северного Кавказа и Поволжья — регион распространения новочеркасского культурного комплекса, а после того начало экспансию на Кавказ и в Малую Азию (переднеазиатские походы скифов).

Во время этого нашествия часть местного населения, которая не покорилась завоевателям, вынуждена была оставить украинские степи и мигрировать на юг, в Малую Азию, где создала государство

исторических киммерийцев. Завоевание территории Украины продолжалось долго — от появления «черногоровцев» на востоке Украины (820-800 гг. до Р.Х.) до появления исторических киммерийцев в Малой Азии (720-714 гг. до Р.Х.) прошло около ста лет.

С конца IX века до Р.Х. территория Украины была интегрирована в большой евразийский круг скифо-сибирских (северо-иранских) культур, что на несколько столетий определило направления и характер культурного развития местного населения. Европейская Скифия была наиболее развитой частью этого большого этнокультурного массива и ее культурные влияния на восточные регионы еще требуют своего дальнейшего исследования. Со временем завоеватели растворились в местном протославянском и фракийском населении, а после утраты ими политической гегемонии и вовсе исчезли как народ.

## Литература

*Аванесова, 1991* — Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.

*Артамонов, 1970* — Артамонов М.И. Загадки скифської археології // УІЖ. 1970. №1.

*Артамонов, 1973* — Артамонов М.И. Киммерийська проблема // Археологія. 1973. № 9.

*Артамонов, 1973* — Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Ленинград, 1973.

*Бидзиля, Яковенко, 1974* — Бидзиля В.И., Яковенко Э.В. Киммерийские погребения Высокой могилы // СА. 1974. №1.

*Городцов, 1928* — Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. №2.

*Граков, 1947* — Граков Б.Н. Скифы. К., 1947.

*Граков, 1971* — Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

*Грязнов, 1973* — Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1973.

*Грязнов, 1978* — Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА АН СССР, 1978. № 54.

*Грязнов, 1978a* — Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград, 1978.

*Древнее искусство, 1974* — Древнее искусство. (под ред. М.И. Артамонова) Ленинград, 1974.

*Дубовская, 1993* — Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса Черногоровской культуры // Археологический альманах №2. Донецк, 1993.

*Завитухина, 1983* — Завитухина М.И. Древнее искусство на Енисее. Ленинград, 1983.

*Иессен, 1953* — Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. №18.

*Итс, 1976* — Итс Р.Ф. Золотые мечи и колодки невольников. Москва, 1976.

*Клочко, Мурзин, 1987* — Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. К., 1987.

*Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998* — Клочко В.И., Ковалюх М.М., Мотзенбеккер И. Хронологія Суботівського городища // Музейні читання. К., 1998.

*Клочко, Ковалюх, 2002* — Клочко В.И., Ковалюх Н.Н. Радиоуглеродная и историческая хронология могильника скифского времени «Стеблев» // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Тирасполь, 2002.



- Клочко, 2003* – Клочко В.І. Лубенський скарб // Пам'ятки України. 2003. №4.
- Клочко, 2006* – Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до н.е.). К., 2006.
- Комиссаров, 1988* – Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Кривцова-Гракова, 1955* – Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. №46.
- Марсадолов, Зайцева, Семенов, 1996* – Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенов А.А. и др. Возможности радиоуглеродного датирования для сопоставления относительной шкалы больших курганов Саяно-Алтая с календарными датами // Радиоуглерод и археология. №1. С.-Петербург, 1996.
- Отрощенко, 1986* – Отрощенко В.В. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К., 1986.
- Отрощенко, 1994* – Отрощенко В.В. О погребениях Черногоровского типа на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Азов, 1994.
- Ростовцев, 1918* – Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петербург, 1918.
- Тереножкин, 1952* – Тереножкин А.И. Памятники предскифского времени на Украине // КСИ-ИМК. 1952. №47.
- Тереножкин, 1961* – Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. К., 1961.
- Тереножкин, 1976* – Тереножкин А.И. Киммерийцы. К., 1976.
- Членова, 1967* – Членова Н.А. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова, 1997* – Членова Н.А. Центральная Азия и скифы. М., 1997.
- Chochorowski, 1993* – Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993.
- Chochorowski, 1995* – Chochorowski J. Datowanie horyzontu kimmeryjskiego w Europie środkowej a chronologia późnej epoki brązu // Śląskie Prace Prahistoryczne. №4. Katowice, 1995.
- Dryja, Kieferling, 1991* – Dryja S., Kieferling G. Znalezisko brązowej siekierki tulejowatej z okolic Krakowa. // Sprawozdania Archeologiczne XLV. 1991.
- Gamber, 1978* – Gamber O. Waffe und Rüstung Eurasiens. Frühzeit und Antike. Braunschweig, 1978.
- Klochko, Kovaliukh, Skripkin, Motzenbecker, 1998* – Klochko V.I., Kovaliukh N.N., Skripkin V.V., Motzenbecker I. The Chronology of the Subotiv Settlement. Radiocarbon 40. 2. 1998.
- Klochko, 2001* – Klochko V.I. Weaponry of Societies of the Northern Pontic culture circle: 5000-700 BC. Poznań, 2001 (Baltic-Pontic Studies, vol. 10).
- Pazdur, 1995* – Pazdur M.F. Kalibracja dat radiowęglowych ze stanowisk: Arżan, Gomolawa i Stillfried // Śląskie Prace Prahistoryczne. 1995. №4.
- Thrane, 1975* – Thrane H. Europ iske forbindelser. K benhavn, 1975.



## ЧОЛОВІЧІ ГОЛОВНІ УБОРИ НА ЗЕМЛЯХ СКІФІЇ

На багатьох виробах з коштовного металу: чашах, вазах, пекторалі з кургану Товста Могила, пластинах – прикрасах головних уборів, горитів, піхв мечів, а також інших витворах бачимо «картини зі скіфського життя». Вони розрізняються за змістом, художньою виразністю та технічними прийомами їх відтворення, але сюжети об'єднують певна спрямованість у зображенні чоловіків – давні автори різними засобами опоетизували скіфів, підкреслили силу, мужність, детально змалювали їхнє вбрання. Воно відповідало вимогам клімату, господарської діяльності, військових походів, тобто, з одного боку, було зручним у використанні, простим у виготовленні, а з другого – зупиняло погляд чистими лініями силуету та пишним оздобленням. Можна стверджувати, що скіфський костюм відзначається гармонійним поєднанням «корисності та краси» – загальна формула досконалості.

Одним із найважливіших елементів костюмного комплексу є головні убори і в практичному, і в символічному планах. У повсякденному житті віддавали перевагу їх практичним властивостям, а у святковому костюмі на убори поклали демонстрацію етнічних, соціальних, статусних, вікових емблем. Це один із загальних принципів костюмознавства, виявлений завдяки дослідженням історичного та етнографічного вбрання.

Аналіз писемних та археологічних пам'яток є основою для реконструкції

головних уборів, властивих жінкам та чоловікам різних соціальних та етнолокальних груп населення Скіфії. Найбільше наукових розвідок висвітлюють результати вивчення жіночих головних уборів. Що стосується чоловіків, то ретельно досліджено їхні шоломи, а інші види уборів описано узагальнено, хоча й на підставі зіставлення писемних відомостей з образотворчими матеріалами. Так, до теми скіфського вбрання взагалі, а зокрема до головних уборів скіфів, не раз зверталася В.А.Іллінська (*Ильинская, Тереножкин, 1983: 73, 74, 81*). Дослідниця вивчала предмети дрібної пластики та інші мистецькі твори, на яких представлено різні варіанти скіфських гострокінцевих шапок – башликів та ковпаків. Автор вважала обидва типи знаками належності до скіфського етносу, причому у вузькому розумінні – до європейських (чи Геродотових) скіфів.

Аналіз скіфських уборів здійснив С.А. Яценко в монографії «Костюм Древней Евразии». Автор звернувся до монументальної скульптури, еллінського вазопису, торевтики, археологічних знахідок (*Яценко, 2006: 53-54, 58, 74-75*). Треба зазначити, що С.А.Яценко не включає «начільні прикраси» до категорії «головні убори». На мою думку, це невиправдане звуження кола названої категорії, адже налобним пов'язкам властиві утилітарні та знакові функції, притаманні всім головним уборам. Крім того, історики костюма та етнографи узгодили свої погляди щодо класифікації «покрівів





голови», розподіливши їх на три основні види: стрічкові, платові та шапки. Останні складають дві групи: тверді (жорсткі) та м'які убори. Їх суттєві характеристики «закодовано» у формах, які є сталою типологічною ознакою (Богатырев, 1971: 299; Гаген-Торн, 1960: 51-52).

Головні убори усіх названих видів були властиві чоловічому і жіночому вбранню, а варіативність їх використання у різних народів (у хронологічному та територіальному діапазонах) створює розмаїту картину. Так, наприклад, у костюмах жінок, які мешкали на землях Скіфії, були шапки, а також і стрічкові, і платові головні убори. З іншого боку, навіть побіжний огляд матеріалів, які стосуються вбрання чоловіків з населення Скіфії, засвідчує, що вони носили налобні стрічки та шапки. Але повернемося до монографії С.Яценко. За його спостереженнями в VII ст. до н.е. складовою скіфських чоловічих костюмів були шкіряні чи پوستяні башлики: шоломоподібні («особливого типу» — за кам'яними скульптурами, що походять з Північного Кавказу) та «оригінальний» гостроверхий (за зображенням на келермеській сокирі), а також діадеми — знахідки в Мельгуновському та Келермеських курганах (Яценко, 2006: 53-54).

Наступний хронологічний етап історії скіфського костюма — VI—V ст. до н.е. — за С.Яценко знайшов відображення на античних вазах (Яценко, 2006: 58). Ця гіпотеза є справедливою відносно племен, які в творах давніх авторів узагальнено називають скіфами. У Геродота читаємо «...Саки, тобто скіфи, мали на голові високі гостроверхі шапки... Вони були амірґійськими скіфами, їх називали саками, бо перси всіх скіфів називають саками» (Herodot, VII, 64).

І нарешті часи скіфської класики (V—IV ст. до н.е.). За образотворчими пам'ятками та золотими аплікаціями з поховань IV ст. до н.е. С.Яценко виділив 5 типів уборів, причому — 3 з них належать до башликів,

убір, зображений на медальйоні з Херсонеса, зіставлено з грецьким пілосом, а один убір названо маленькою напівсферичною шапочкою (Яценко, 2006: 74-75, рис.27, 1-10). Так, дослідник говорить про тип: «башлик із назатильником і округлим високим верхом», який виділяє тільки за описом розташування декоративних елементів навколо голови небіжчика в північно-західній камері Чортотлика, але без будь-яких креслень. Інші типи: «башлик із назатильником і верхом, який охоплює голову» і «маленька напівсферична шапочка», на думку автора, зображені на персонажах сцен, вміщених на Сахновській пластині. Всі ці припущення дослідника викликають заперечення через те, що ґрунтуються або на неповних даних про археологічні рештки убору, або на творах зі схематичною передачею образів.

Деякі зауваження щодо головних уборів, показаних на творах кам'яної скульптури висловили В.С.Ольховський та Г.Л.Євдокімов. Дослідники свідомі того, що матеріал (камінь), техніка виконання і художня манера, ступінь збереженості пам'яток — все це створює перешкоди для інтерпретації відображення елементів костюма. Дослідники відібрали кілька стел, на яких можна розрізнити деякі деталі башликів (за словами авторів) (Ольховский, Евдокимов, 1994: 63, ил.34, 60, 65, 73, 74).

Геродот у «Мельпомені», власне, присвяченій скіфам, окремо не розглядав головних уборів (як, зрештою, й інших компонентів костюма). Але у пасажах окремих книг час від часу зауважував деякі етнографічні деталі, що стосувалися і європейських скіфів. Так, про масагетів читаємо: «Масагети одягаються так, як скіфи... Золотом вони прикрашають головні убори та паси, а також нагрудники» (Herodot, I, 215). З іншого уривку (як сказано вище) дізнаємось, що знаковими уборами скіфів, за якими їх упізнавали різні народи, були високі гостроверхі шапки — кірбасії<sup>1</sup>. Вони

<sup>1</sup> Палеокостюмологія зовсім недавно стала самостійною дисципліною і часто послуговується надбаннями інших галузей знання. Поки що дослідники ще не узгодили термінологію, щоб позначати різні елементи костюма. Так, у Геродота читаємо назви головних уборів: тіара, кірбасія, мітра. У коментарях до текстів «батька історії» та словниках нема чітких визначень характеристик цих уборів. Дуже часто зазначені типи називають башликами. Це слово тюрського кореня не розкриває особливостей форм шапок тих народів, про які писав Геродот. Я пропоную до убору, зображеного на куль-обської чаші запровадити термін кірбасія.



охоплюють голову, закриваючи щоки та потилицю лопатями. Такі убори носили і представники високих соціальних верств, і, мабуть, скіфи з числа «простих», тому що ці шапки відповідали практичним вимогам у використанні: захищали від негоди, мали протиударні функції. Кірбасії, а також тіари (за Геродотом – убори персів), зіставляють з башликом, власне, ця назва шапок із зазначеними характеристиками походить від тюрського кореня (зокрема, татарською означає наголовник).

Відомості про убори, які носили скіфи за часів архаїки (VII–VI ст. до н.е.) подають образотворчі пам'ятки. Насамперед, звернемося до сцен на сокирці з Келермеського кургану №1. В одному з сюжетів показано чоловіка, одягненого в костюм, в якому (за висловом дослідника вказаної знахідки з Келермеського кургану – В.А.Киселя) змішано урартські та кочівницькі елементи (*Кисель, 1997: 38-41*). До останніх належить головний убір. У його зображенні збережено характеристики кирбасії, тієї самої повстяної чи шкіряної шапки, про яку йшлося вище. Оскільки персонажа показано у профільному ракурсі, то добре видно особливості його убору: подвійною дугоподібною лінією окреслено виріз для обличчя, тоненьким пружком позначено, що потилиця була закрита лопаттю, тобто він справді нагадує кирбасію. Але «келермеський» башлик вирізняє висока верхівка у вигляді зрізаного конуса, яка умовно відділена від наголовної частини убору зигзагом із коротких заглиблених рисок. Загалом, абрис шапки свідчить, що вона належить до типу «твердих» чи «жорстких» уборів, на які покладали, насамперед, знакові функції. За припущеннями В.А.Киселя, мініатюра з антропоморфним образом «вписана» в загальний сакральний текст, зміст якого розкривають зображення жертвних тварин. Особа, представлена на їхньому тлі, можливо, є власником сокири або служителем культу, в якому існував ритуал жертвоприношення. Отже, головний убір, ймовірно, акцентує жрецький статус персонажа (*Кисель, 1997: 41, рис.26*).

У цей же час (у VII ст. до н.е.) у вжитку чоловіків зі Скіфії були налобні пов'язки, які належать до розряду стрічкових. Їх

зображень ми не маємо, але із поховань у знаменитих Мельгуновському та Келермеських курганах походять так звані діадеми – декоративні деталі уборів цього виду (рис. 1). В Келермеських курганах знайдено три золоті орнаментовані стрічки (*Галанина, 1997: 132-136, кат. 14, 15, 38; табл. 28, 29, 30*). Дві з них зафіксовано в кургані 1/Ш. Вироби розрізняються за виглядом, хоча, можливо, прикрашали один предмет (шолом). Найкоротша та найвужча смужка (59 x 1,6 см) оформлена тоненькими трубочками, утвореними відігнутими назовні верхнім та нижнім краями. Бокові сторони стрічки завершують петлі з тоненького дроту. На поверхні пластини напаяно об'ємні п'ятипелюсткові квіти, зроблені з листового золота. В серцевині кожної квіточки збереглося гніздо, в яке, мабуть, було щось вставлено (бурштин?) (*Галанина, 1997: кат. 14; табл. 28*).

Друга діадема (66,8 x 3,7 см) з цього ж поховання обвивала бронзовий шолом (як зауважив Д.Г.Шульц) (рис 1, 1). Семантичним і композиційним центром пластинчастої стрічки є розетка, серцевина якої – бурштинова вставка. Декоративне поле стрічки заповнене образами хижих птахів, поданих у двох ракурсах: обабіч центральної розетки – з розправленими крилами, інші – зі складеними. Їхні зображення, виконані у техніці зерні, чергуються із розетками, спаяними із окремих деталей, середина яких також підкреслена зерню. Знизу стрічку оздоблено рельєфними пластинками у формі багатопелюсткових розетт, а зверху – у вигляді фігурок птахів, дисків, розеток (*Галанина, 1997: кат. 15; табл. 28, 29*).

За спостереженням А.П.Манцевич, версія про використання цієї пластини як оздобу шолому має підстави, оскільки збігаються розміри обох уборів (тобто, шолому і стрічки), крім того, це припущення підтверджують різні аналогії (*Манцевич, 1959: 64*). Цю думку підтримала Л.К.Галанина, тобто, погодилась з тим, що золота діадема (а, можливо, і обидві, знайдені в кургані 1/Ш) була оздобою убору іншого виду (шолому). Ряд науковців висловили переконання, що ці діадеми мають прототипи серед традиційних на Близькому Сході



стрічок, прикрашених розетками (Галанина, 1997: 134).

Найбільш розкішний наголовний обрuch знайдено в кургані 3/Ш (Галанина, 1997: 134; кат.38, табл.30). Поверхню виробу (довжиною 64,5 см, шириною 1,8 см) прикрашено накладними багатопелюстковими розетками, а його центром є мініатюрна скульптурка у вигляді голови грифона з відкритою пащею (рис.1, 2). Нижній край стрічки оздоблено підвісочками, а ззаду до петель, які використовували для зав'язування діадеми, прикріплено ланцюжки із зображенням баранячих голів (Артамонов, 1964: 102-103, табл. 25-28). Засобами виразності цього ювелірного витвору є техніка філіграні (спіралеподібні завитки на голові та шиї грифона), емаль, непрозоре скло (оформлення листочків та серцевини квітів). Л.К.Галанина зазначила, що у виготовленні діадеми видно навички майстрів, обізнаних з іонійською школою торевтики (Галанина, 1997: 134).

Мотиви, які складають декор усіх налобних стрічок, є солярними символами: розетки, концентричні кола, спіралі, птах, грифон. З культом сонця у свідомості скіфів був пов'язаний, мабуть, і бурштин. Використання цього самоцвіту як композиційного центру діадеми підкреслює її знакову функцію в костюмі.

Не можна обійти увагою налобну прикрасу з Мельгуновського кургану. Вона складається з трьох ланцюжків, з'єднаних між собою багатопелюстковими розетками, закінчення виробу оформлено підвісками на ланцюжках (рис.1, 3). Аналогічний убір відомий завдяки зображенню на пам'ятці пізньохетського мистецтва – барельєфі з портретом царя Ману Таракхунзі: його голову увінчує діадема зі шнурів, скріплених розетками (знахідка в Малатії) (Флиттнер, 1958: 241) (рис.1, 4).

Інший характер мають убори персонажів, показаних у так званій «сцені битви мідян зі скіфами» на циліндричній печатці (рис.2, 1). Зображення належить до рубежу VI–V ст. до н.е. Скіфи, принаймні один з них, крайня постать справа – у шапках з гострокутним завершенням. Убір закриває чоло, щоки, потилицю та шию. Його форму утворили, з'єднавши дві деталі певної

конфігурації, вирізані, мабуть, з повсті або шкіри. Майстер оздобив башлик тоненьким пружком над обличчям персонажів та на шиї (Ільинская, Тереножкин, 1983: 74, 81). Схожі убори – на глиняних фігурках з Кіровабада та Мемфіса (Ільинская, Тереножкин, 1983: 74, 75, рис.2, 3, 4). А на статуетках, знайдених в станиці Червлена та Ялхой Мокх, зображено досить високі конусоподібні шапки (Ільинская, 1982: рис.4). На мій погляд, вони не мають етновизначальних рис, адже це простий і універсальний варіант чоловічого убору з повсті, шкіри чи хутра. Подібні шапки на кіммерійцях, образи яких відтворено на рельєфі з Німруда (Клочко, Васіна, 2000: с.32, табл.1, 1).

Головні убори, які носили чоловіки Скіфії в IV ст. до н.е можна уявити за пам'ятками греко-скіфського мистецтва. Хоча, якщо зібрати усі витвори торевтики, на яких показано скіфів, то привертає увагу на той факт, що переважають простоволосі персонажі. Це, мабуть, пов'язано з практикою певних церемоніальних дійств. Але у кількох наративних композиціях відтворено образи чоловіків із пов'язками на голові та в шапках. Щодо першого виду, тобто стрічкових уборів, то детально їх зображено на вазі з кургану Куль-Оба та на пекторалі з Товстої Могили. На куль-обській посудині, у сцені бесіди, представлено скіфа з вузькою смужкою на чолі, зав'язаною на потилиці так, що кінці звисають до шиї (Артамонов, 1964: табл.228). Досить широка стрічка оперізує голову (кінців не видно), мабуть, царя-жерця, поданого в центральній сцені на пекторалі (Мозолевський, 1979: с.79) (рис.1, 5). С.Яценко, вважає, що «у юнака з амфорою» (зображення на верхньому фризі пекторалі) під волоссям також налобна пов'язка (Яценко, 2006: 75, рис.27, 20). Мені здається, що визначення дослідника є помилковим, оскільки, якщо прийняти його версію, то незрозуміла функція убору, адже а ні з точки зору практичного застосування, а ні як знаковий елемент костюма пов'язка у такій формі застосування (схована під волосся) не мала сенсу.

Другий вид головних уборів – шапки – також показані на творах торевтики. Аргументовано можемо говорити про м'які та тверді убори з конусоподібним





1



2



3



4



5

Рис.1. Стрічкові головні убори.

1, 2 – прикраси головних уборів – знахідки з Келермесських курганів; 3 – «діадема» з Мельгуновського кургану; 4 – зображення діадеми на скульптурному портреті царя Таракхуназі; 5 – налобна пов'язка на голові царя-жерця (пектораль з кургану Товста Могила).





**Рис.2. Образи чоловіків у головних уборах – кірбасіях.**

1 – зображення скіфів на циліндричній печатці (рубіж VI–V ст. до н.е.); 2, 3 – образи скіфів на вазі з кургану Куль-Оба (IV ст. до н.е.); 4 – реконструкція скіфських костюмів за образотворчими пам'ятками (художник З.О.Васіна).



завершенням. Найбільш виразно і детально зображено кірбасії (або башлики) на трьох скіфах – дійових особах сюжетної композиції, вміщеній на вазі з кургану Куль-Оба (рис.2, 2, 3). Добре видно, що убори зшиті з двох деталей, вирізаних з повсті чи шкіри. Верхівка шапки – гострокутна, нижній край сягає плечей. Убір «скіфа з луком» – виріз для обличчя та нижній край – прикрашено трикутниками, утвореними трьома крапками. Такий же вигляд має і оформлення башлика персонажа у сцені «розмова двох скіфів». Різноманітніше оздоблено кірбасію дійової особи у сцені «лікування ноги»: тонкою борозенкою та крапками обведено виріз над обличчям, а вище над цим пружком – візерунок з «мікенської хвилі» (Артамонов, 1964: табл.228, 229, 232). Т.В. Мірошина назвала цей убір «куль-обським» (Мирошина, 1976: 79). За абрисом та кроєм він нагадує кірбасії, зображення яких подано у сюжеті «битва скіфів і мідійців», тобто, є найбільш властивим для скіфів Північного Причорномор'я.

На декоративних виробках іншого класу – золотих пластинках – також вміщували сюжетні мініатюри, але їх важко «прочитати», оскільки тиражування призвело до втрати деяких деталей. Наприклад, образи «побратимів» на прямокутних пластинках (28 x 27 мм) з Бердянського кургану на відміну від куль-обських аплікацій трактовані досить сумарно. Деякі екземпляри, здається, спеціально дороблені, щоб підкреслити форму убору як характерну рису образу номада (Музей, 2004: кат. № 29). Хоча, ймовірно, майстри і не вносили корективи у зображення на штампах, але використання цих предметів призводило до втрати чіткості відбитків. Так, на пластинках зі сценами «братання», можливо, пасма волосся скіфів перетворювались на суцільну масу.

Неможливо однозначно зрозуміти деякі елементи костюма персонажа, зображеного на золотих накладках від поясу з кургану №5 (1905 р.), розкопаного поблизу с.Аксютинці (Сумська обл.) (Ильинская, 1968: 37, табл. XXII, 6). На прямокутних пластинках вміщено сюжет: чоловік у скіфському одязі (куртка, вузькі штани, пояс) сидить зі скіпетром у правій руці.

Мабуть, для створення враження «повноти образу» скіфа художник представив його у головному уборі. Правда, чітко показано тільки одну деталь – у центрі чола (над носом) зображено коло (у проекції профільного ракурсу), від якого до плечей спускаються тонкі лінії, мабуть, пасма волосся (рис.3, 1). Отже, виникають версії: на голові чоловіка налобна пов'язка такого ж типу, що і знахідка в Келермеському кургані 3/Ш. Тобто, геометрична фігура (коло), зображена на лобі персонажа, є позначенням композиційного і семантичного центру в оформленні начільної стрічки, а довгими борозенками, які спускаються до плечей, змальовано її кінці. Другий варіант: скіф – у м'якій шапці з довгими лопатями, закинутими за спину. Кружальце на лобі чоловіка – характерне завершення кірбасії, але зображене в умовній манері. Більш вірогідним здається припущення про стрічку, оскільки аналіз особливостей кірбасії (насамперед, «куль-обської») свідчить, що лопаті цих уборів ледь закривали шию.

У межах зазначеної теми варто розглянути композицію на пластині, знайденій в кургані №2 поблизу с. Сахнівка (Черкаської обл.) (Музей історичних коштовностей України, 2004: 377, кат. № 22). Щоправда, у деяких скіфологів були сумніви щодо автентичності витвору через протиріччя, що виникають при зіставленні технічного рівня виконання зображень та їх вирішення з точки зору виразності. Зараз упереджене ставлення до «пластини Гезе», в основному, відкинута і науковці звертаються до цього джерела при вивченні різних аспектів культури Скіфії (Черненко, Клочко, 1979: 270-274).

Площина предмета (його розміри 365 x 98 мм) заповнена зображеннями кількох сцен, пов'язаних, мабуть, з культом богині, поданої в центрі. Крім цього жіночого образу, всі інші – чоловіки. Оскільки зараз йдеться про головні убори, то звернемося до тих персонажів, які, здається, мають цю складову костюмного комплексу. З дев'яти скіфів, які є учасниками представлених дійств, тільки двоє, безперечно, простоволосі: чоловік з ножом у сцені «жертвоприношення» та той, що грає на музичному інструменті (рис.3, 2, 3). До них (тобто, до



простоволосих) з певними застереженнями слід, мабуть, прилучити ще двох – обабіч богині. Інших чоловіків, ймовірно, показано в шапках. Найбільш впевнено (хоча також із застереженням) про це можна говорити стосовно двох крайніх дійових осіб. Їх зображено у різних ракурсах. Зліва – у сюжеті «жертвоприношення» – чоловіка подано у профіль: його м'яка напівсферична шапка вирізняється лопаттю, нижній край якої закриває ший. Убір оформлено досить широким пружком (рис.3, 2). Справа – у сцені «наповнення ритона» – безбородий юнак з амфорою, показаний у фас. Його убір також з напівсферичною верхівкою, охоплює голову, добре видно бокову лопать, яка сягає плеча (рис.3, 3). Можливо, убір такого ж типу на голові у одного з «побратимів» (зліва), а у іншого – справа – кругла напівсферична шапочка без лопатей. Її можна зіставити з убором на голові юнака, який тримає ритон. Як сказано вище, С.Яценко вважає, що тільки у двох чоловіків, зображених на «сахнівській» пластині, на голові убори: на персонажах 7 (один з «побратимів») та 9 (юнак з ритоном) (Яценко, 2006: 75, рис.27, 1, 4). Це до питання чіткості рельєфів на пластині<sup>2</sup>. Але, хоча недосконалість відбитків звучує інформативність зображень, все ж таки на їх підставі виникають припущення щодо існування різних уборів у вжитку населення Скіфії. Напівсферичні шапки з лопатями нагадують ті, що носили чоловіки на землях пазирикської культури (Полосьмак,

2005: 88, рис.2.59). Невеликі круглі шапочки без лопатей, мабуть, були надзвичайно поширеними у давньому костюмі, а тому годі й шукати в них етнолокальні риси. На сьогодні більшість дослідників вважає, що всі образи, показані на пластині, складають сюжет культово-міфологічного характеру. Його можна назвати – священний бенкет-жертвоприношення. Як свідчать атрибути, жіночий образ втілює Аргімпасу (Бессонова, 1983: с.100-104). Варто ще раз підкреслити, що всі дійові особи створюють єдиний «текст», відбиваючи різні аспекти культу Аргімпаси<sup>3</sup>. Можливо, існував тісний зв'язок між відправленням культу Аргімпаси – покровительки царів, які були уособленням найбільшої воїнської вправності, звитяги та інших чеснот, і ритуалом братання. Головний убір з кургану поблизу с. Сахнівка, прикрашений пластиною з такою глибокою і водночас прозорою символікою, відбиває жрецький сан власниці. Чи власника? Таке припущення, тобто, що пластина є декоративним елементом чоловічого убору, висловила М.В.Русяєва. Дослідниця зазначила, що золота накладка, згорнута в трубку, лежала разом гривнею у ямці від дубового стовпа (Русяєва, 1997: с.47). Умови знахідки, справді, дають підстави віднести цей витвір до кола сакральних речей, властивих чоловікам. Але є аргумент проти: розміщення на пластині сюжетної композиції, підкресленої бордюром із овів, збігається зі схемою оформлення жіночих налобних стрічок – метопід.

2 С.Яценко, досліджуючи пам'ятки з антропоморфними образами, зробив такі висновки: «...якщо головний убір відомий у композиціях з парою персонажів, то він завжди є тільки у одного з них, а саме – правого (дві сцени на куль-обському кубку, херсонський медальйон, у лівого персонажа він представлений на пластині з Сахновки, у тих двох пар, у яких і запах кафтанів протилежний звичайному). Навпаки, налобні пов'язки у парних сценах завжди представлені у персонажа, який знаходиться зліва (пектораль з Товстої Могили, куль-обський кубок» (Яценко, 2006: 66). На мій погляд, ці твердження С.Яценко є недоведеними припущеннями, які заважають авторові об'єктивно проаналізувати зображення, зокрема, на сахнівській пластині. Так, головні убори на двох крайніх дійових особах видно найбільш виразно. Це зазначила і М.Русяєва (Русяєва, 1997: 51). Вона ж звернула увагу і на образи «побратимів». Як відомо, на всіх мініатюрах (знахідках з Солохи, Чортотлики, Бердянського кургану, Куль-Оби) учасники обряду «братання» показані простоволосими. На сахнівському фризі – на них, ймовірно, шапки, хоча зображення нечітке, але це стосується обох персонажів, а не вибірково, як пише С.Яценко: чоловік зліва в шапці, а справа – без убору.

3 В.О.Рябова на підставі технологічного аналізу зображень висловила думку, що змістовного зв'язку між групами образів не було. Див.: Рябова В.О. Повернення до Сахнівської діадими // Музейні читання: Мат.наук. конф. Музею історичних коштовностей України. – К., 1998, с.23-26. Я не згодна з висновками дослідниці, оскільки, на мій погляд, існували загальні принципи відображення статусу власниці головного убору. Сакральний характер убору підкреслював декор.





Рис.3. Образи скіфів на пам'ятках IV ст. до н.е.

1 – пластинка зі знахідок у кургані № 5 поблизу с.Аксютинці (Сумська обл.); 2, 3 – зображення скіфів на пластині «Гезе» – з кургану поблизу с.Сахнівка (Черкаська обл.).



Отже, «сахновську діадему», мабуть, слід віднести до декоративних елементів жіночого костюма.

Розглянемо ще один тип убору. Його зображення подано на золотому медальйоні з Херсонеса. Йдеться про високий конусоподібний убір, що нагадує так званий «кулох», властивий сакам. С.Яценко отожднює його з грецьким пілосом (Яценко, 2006: 74, рис.27, 3). Але останній вирізняє напівсферичне завершення, тому пілос називають круглим (*Lexicon der Antike*, 1977: 266). Ковпак на голові персонажа з мініатюри, виконаний на знахідці з Херсона, належить до розряду «твердих» чи «жорстких». Їх форма є знаком особливого положення. Але, чи був такий убір характерним для скіфів Північного Причорномор'я, оскільки це зображення унікальне, поки що – питання. Головні убори з гострокінцевим закінченням деякі фахівці з історії костюма пов'язують з убранням кочовиків. Але Г.Н. Боровка – один із перших археологів, причетних до розробки методів реконструкції уборів, звернув увагу на високі конічні шапки, які були приналежністю чоловічого убрання хеттів (*Боровка*, 1921: 177, 182). Ці убори він вважав найбільш давніми у розряді конусоподібних. К.А. Акішев та А.К. Акішев у зв'язку зі знахідками декоративних деталей у похованні чоловіка в кургані Іссик на території Казахстану також вивчали конусоподібні убори. На думку дослідників, «кулох» (саме таку назву вони пропонують для високих конічних шапок), був характерною деталлю костюмів різних за генезою народів (індоевропейських та неіндоевропейських). Всі убори подібного силуету об'єднує те, що вони належать до сакральної сфери культури. Чи мають конічні шапки єдиний корінь виявити важко, мабуть, їх походження – явище конвергентне (Акішев, Акішев, 1980: 14-32). Але, як відомо, передумовою появи певних костюмних елементів є практична потреба, яку викликала господарська діяльність, військові походи, тощо. Конічні убори народилися з необхідності забезпечити протиударну функцію. Конусоподібна форма є найбільш оптимальною з цього погляду, особливо при застосуванні певного виду зброї. Таким чином можна пояснити

схожість обрисів уборів у святковому (церемоніальному, обрядовому) костюмі. Конічні шапки з часом набули специфічних рис, оскільки на убори поклали знакові функції.

У деяких курганах зафіксовано залишки головних уборів, які (за певних умов) є важливою базою для реконструкції їх форм. Так, у кургані Куль-Оба знайдено золоті аплікації, які, на думку М.І.Артамонова, прикрашали гострокінцевий башлик з тоненької повсті. Це різноманітні оздобы: суцільний обруч (діам. 10 см), зпаяний з вузької стрічки, циліндричний предмет з розімкнутими краями, згорнутий з пластини (вис. 7,7 см) – обидва вироби вкриті рельєфними візерунками, а також 5 пластинок вирізані за контуром зображення: на одній «сцена братання», на інших – постаць чоловіка у скіфському одязі з горитом на боці та посудиною у правій руці (Артамонов, 1964: с.62, 113, табл. 206, 254, 203, 204). Ці дані неповні і за ними неможливо реконструювати форму убору. Насамперед, викликає сумніви склад декоративних елементів, адже їх важко з'єднати в один декоративний комплект і за формою, і за стильовими і семантичними ознаками.

Прикраси чоловічого головного убору знайдено в кургані Чортмлик. Серед декоративних залишків у камері № 3 (південно-західна камера) біля «північного воїна» зафіксовано десь 30-31 екземпляр золотих аплікацій з різними сюжетами. За звітом «бляшки оточували овально череп на 4 верхки вище його». Це пластинки квадратні (2,9 x 2,9 см), на яких вміщено образ грифона, оберненого вліво (26 екз.) та вправо – 2 чи 3 екземпляри, кругла (діам. 1,9 см) із зображенням Медузи Горгони, прямокутні (1,9 x 1,5 см) – квіти лотоса та лілеї (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991: 62, 113, кат.76). Автори монографії, а слідом за ними С.Яценко, припускають, що за цими оздобами можна реконструювати головний убір «типу башлик – кірбасія, як у багатьох персонажів на предметах північнопричорноморської тореветики. Це підтверджують дві пластинки у нижній частині убору, які були у тому місці, де його повинні були застібати під підборіддям» (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991: 113). Але, для обґрунтованого відтворення



головного убору автори не мають достатньо матеріалів, своєрідних пунктирних ліній, за якими можна змалювати вигляд убору: креслень чи схеми розміщення пластинок навколо черепа, конкретних аналогій, щоб зіставити з ними фрагменти, тощо. Отже, у данному випадку, можна тільки визначити, що чоловік був похований у головному уборі, оздобленому золотими аплікаціями.

Декором чоловічого убору О.М.Лесков вважав золоті мініатюрні пластинки овальної форми із зображенням фігури лева, знайдені в кургані № 45 поблизу с Любимівка (Херсонської обл.). Дослідник припустив, що прикраси нашивали на стрічку з тканини чи шкіри (Лесков, 1974: 63). Але деякі предмети зі складу поховального інвентарю свідчать, що він належав жінці. Так, серед оздоб голови була сережка типу «човника», притаманного виключно жіночому костюму, а, крім того, списи, ножі, сагайдак зі стрілами – озброєння властиве «амазонкам».

Декоративні деталі убору зафіксовано в кургані №2 поблизу Старинської птахофабрики під Борисполем: на місці черепа лежали золоті розетки (36 екз.) (Ильинская, 1966: 154). Можливо, пластинки були прикріплені на стрічку, адже, як свідчать пам'ятки скіфської архаїки, мотив розетки є найбільш поширеною оздобою уборів цього виду – налобних пов'язок. Оскільки небіжчика супроводжувала залежна особа, то можна припустити, що стрічка з золотим декором була знаком виділення чоловіка (в його соціальній групі).

Увагу дослідників здавна привертала пластинки, на яких подано сцену, аналогічну за змістом центральному епізоду Сахнівської композиції. Мініатюрна картинка представляє жінку в ошатному вбранні, яка сидить на троні, та юнака, що стоїть перед нею, тримаючи ритон. В руці жінки дзеркало – атрибут Аргімпаси (рис.4, 2). Цей сюжет отримав назву «адорація». Обох учасників дійства показано у профільному ракурсі, але давній художник зумів передати не тільки силуети чоловічого та жіночого вбрання, але й особливості форм головного убору, плечового та поясного одягу. Цей варіант зображення Аргімпаси знайдено в курганах Куль-Оба, Чортмлик

(Дніпропетровська обл.), Верхній Рогачик, Перший Мордвинівський (Херсонська обл.), Мелітопольський, к. 4 в урочищі Носаки, Огуз (Запорізька обл.) (Тереножкин, Мозолевський, 1988: 128-130). Їх використовували, мабуть, для оздоблення жіночого вбрання. Зокрема, достеменно відомо, що в Чортмлику аплікації зі «сценами адорації» були прикріплені по краях покривала (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991: 97, кат.101). У Мелітопольському кургані зафіксовано 51 пластинку зазначеного типу. Вони лежали у схованці чоловічого поховання разом із високохудожнім витвором античного мистецтва – пластиною від горита та деталями наборного поясу (Тереножкин, Мозолевський, 1988: 52, рис.46). Докладний аналіз різних деталей обряду поховань і жінки, і чоловіка у Мелітопольському кургані зробили А.І. Тереножкін та Б.М. Мозолевський. Останній надав докази того факту, що курган було споруджено для захоронення представників сім'ї, яка належала до жрецького стану (Тереножкин, Мозолевський, 1988: 174). На думку Б.Мозолевського пластинки, про які йдеться, прикрашали стрічку – головний убір, який належав небіжчикові. Як сказано вище, зміст сюжету мініатюр властивий уборам скіф'янок, а текстильні чи шкіряні смуги із золотими аплікаціями були притаманні і чоловічому, і жіночому вбранню, але в даному випадку я цілком згодна з Б.Мозолевським: цей убір є компонентом чоловічого костюма. Б.Мозолевський вважав, що стрічка зі схованки позначала жрецький статус небіжчика, адже налобні пов'язки властиві індоєвропейським народам як сакральні убори (Мозолевський, 1979: 220-221).

Які підстави є для реконструкції стрічки з Мелітопольського кургану? Насамперед, це креслення, на якому позначено розміщення декоративних елементів у схованці, зафіксованих *in situ*. (рис.4, 1). Розміри платівок: 37 x 35 мм, за умови, що їх нашивали в один ряд на смужку тканини, то її довжина складе близько двох метрів (точніше – 178,5 см), тобто, задовга для використання як налобної пов'язки. А якщо придивитись до згаданого вище креслення, то добре помітно, що більшість пластинок (30 екз.) лежать компактно, а частина



— складають дві смужки. Таким чином, можна уявити, що 30 аплікацій були прикріплені у два ряди на текстильну чи шкіряну основу, отже — утворювали смугу шириною 7-8 см, довжиною близько 60 см, що відповідає (приблизно) окружності чоловічої голови. Завдяки поєднанню щільної «підкладки» і металевих накладок витримано циліндричну форму убору, який, можливо, належав до виду шапок. Ззаду його прикрашали дві стрічки з рештою пластин, розмішених в один ряд — відповідно 10 і 11 аплікацій. Їх довжина складе 35-40 см. Ці деталі, тобто золоті смуги, мабуть, спускались від потилиці до плечей. Декоративна схема реконструйованого убору подібна до оздоблення діадеми з Келермеського кургану №3, доповненої двома підвісками на ланцюжках. З історії костюма відомо таке оформлення головних уборів різних типів. Наприклад, напівсферичні шапки мідійців та сагартіїв, як свідчать зображення з Персеполя і Накш-і-Рустема, прикрашали стрічками, закріпленими ззаду, в нижній частині убору (Яценко, 2006: 40, рис.7). Є також пам'ятки давнього мистецтва, на яких показано, що шапки та налобні пов'язки складали, мабуть, за певних обставин, один ансамбль у костюмі (Брун, Тильке, 2001: 50, табл.6, 4; Яценко, 2006: 40, рис.1, 11, 14). Серед пам'яток образотворчого мистецтва, які відбивають вигляд костюмів чоловіків — мешканців Північного Причорномор'я у IV ст. до н.е., невідомі зображення шапок, схожих на жіночі з розряду «твердих» або «жорстких». Але виключати можливість їх використання в обрядовій практиці жерців нема підстав. Адже сенс таких уборів — демонстрація емблем божеств, знаків прилучення до культу. Так, деякі сакральні убори еллінських богинь і богів належали до одного типу. Наприклад, калаф був убором Деметри і Серапіса (*Lexicon der Antike*, 1977: 266). Отже, можемо припустити, що пластинки, на яких вміщено «сцену адорації», прикрашали циліндричну шапку (чи широку пов'язку), особливістю якої були дві стрічки, прикріплені ззаду (рис.4, 3). Аналогічна форма є характерною відзнакою високого соціального становища у персидському вбранні (Брун, Тильке, 2001: 56, табл.9, 1).

Ідейне та змістовне наповнення композицій на сахнівській та мелітопольській пластинах аналогічне: вони присвячені культу Аргімпаси. І в даному випадку на перший план виступає її функція покровительки скіфів — царів, а також всіх воїнів, які належали до вищих верств.

Ще одну групу декоративних засобів оформлення чоловічих уборів складають так звані золоті «шоломи» з курганів Ак-Бурун поблизу Керчі (Крим) та Передерієва Могила поблизу с.Шахтарське (Донецька обл.) (Артамонов, 1964: табл.272; Золота скарбниця України, 1999: 147, кат.17). Про ці витвори дослідники не склали єдиної думки. Так, деякі вважають, що «шоломи» не були пов'язані з костюмом, а належали до кола ритуальних предметів — так званих «великих ворворок». Перелік авторів, які писали про цю категорію знахідок, аналіз досліджень, певне узагальнення даних про «ворворки» наведено у працях Ю. Болтрика, І. Чернякова та В. Рябової (Болтрик, 1996: 106-108; Черняков, Рябова, 2002: 41-60). Визначення «великі ворворки» запропонував Л. Стефані. Отже, йдеться про предмети у формі шолома (з напівсферичною верхівкою) та зрізаного конуса, зроблені з листового золота. Вони розрізняються абрисом, розмірами, вагою, але майже всі речі мають отвір в центрі куполоподібного завершення чи плоского «денця». Загалом, висловлено кілька гіпотез щодо призначення «великих ворворок»: їх вважали прикраси головних уборів; ковпачками для великих китиць, які підвішували до шиї коня; основою жезла, умбонами або денцями горитів, «футлярами» для зберігання скальпів (Черняков, Рябова, 2002: 41, 45). Остання версія досить добре аргументована, але, мабуть, не слід виключати й інші способи застосування предметів у цій же сфері, тобто позначення особливої військової звитяги. Серед «великих ворворок» привертають увагу такі, що могли бути прикрасами головних уборів чоловіків, які належали до військової аристократії. Насамперед, це так звані «шоломи» чи пілоси з курганів Ак-Бурун та Передерієва Могила (рис.5, 1, 2). За зовнішнім виглядом вони нагадують убори, які були в костюмах різних народів давнього світу



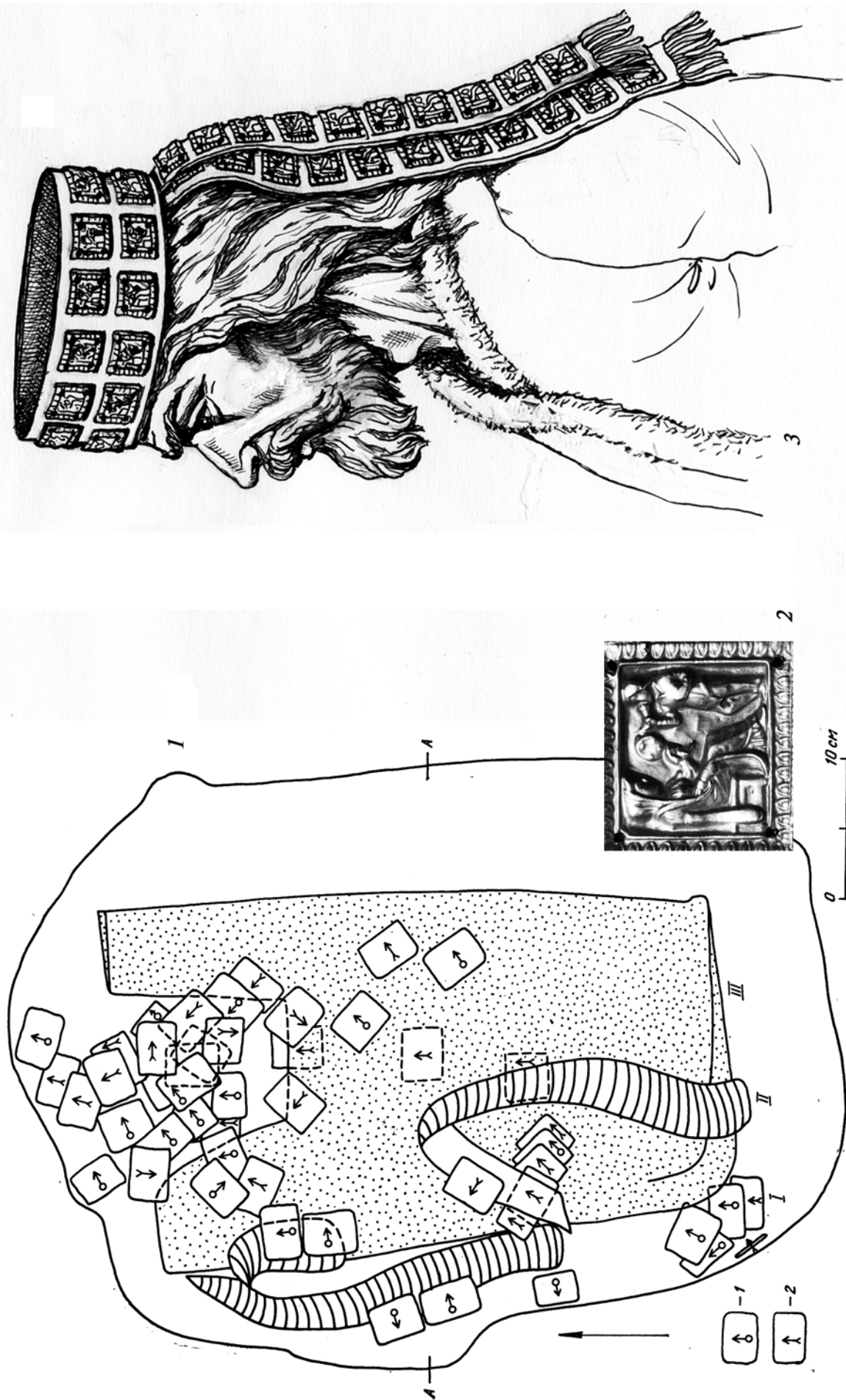


Рис.4. Реконструкція головного убору скіфського жерця за матеріалами досліджень Мелітопольського кургану.

1 – схема розміщення пластинок – аплікацій, які прикрашали убір; 2 – пластинки із зображенням сцени адорації; 3 – реконструкція головного убору.



1



2



3



4



5

Рис.5. «Великі ворворки» зі скіфських курганів.

1 – Ак-Бурунський пілос; 2 – «шолом» з кургану Передерієва Могила; 3 – предмет у формі зрізаного конуса з кургану поблизу Іллічево; 4 – зображення знатного вершника на ритоні з Еребуні; 5 – дерев'яний головний убір у формі зрізаного конуса з Пазирикського кургану №5.



(рис.5, 4). Наприклад, в регіоні поширення персидського вбрання: на одному з ритонів з Еребуні у профільному ракурсі зображено знатного вершника, головний убір якого вирізняється широкою основою (чи «околишем») та напівсферичним абрисом (Яценко, 2006: 39, рис.1, 14а; 9) (рис.5, 4). Крім того, в літературі не раз писали про знахідку в кургані Ак-Бурун саме як про пілос, тим самим підкреслюючи особливості форми. Розміри цих найбільш яскравих зразків шоломоподібних предметів: з Ак-Буруну (Н – 130 мм, D – 130 мм) та Передерієвої Могила (Н – 182 мм, D – 166 мм) дозволяють припустити, що їх прикріплювали на шкіряну чи повстяну шапку. Її нижня частина була своєрідним «околишем», висоту якого обумовлювали розміри металевої накладки: чим більша ця деталь, тим вужча основа (околиш). За цією декоративною деталлю можна відтворити репрезентативні убори, наділені функціями соціальної та сакральної відзнаки. Згадаймо, що античний автор Лукіан назвав представників скіфської еліти «пілофорами» (Luc. Scyth. I, 16). Особлива роль головних уборів підкреслена їх художнім оформленням. На «передерієвському шоломі» показано двох бородатих, тобто літніх чоловіків у під час сутички з чотирма молодими. Всі персонажі у скіфських костюмах, але просто-волосі. Ці сцени трактують як ілюстрацію до розповіді Геродота про перемогу скіфів (старих), які повернулися після походів у Передню Азію, над дітьми скіфіянок і рабів (молодих) (Геродот, IV. 3).

Ажурний ак-бурунській пілос прикрашено рослинними та геометричними візерунками. Взагалі, вся композиція відбиває якісь глибинні уявлення про поєднання чоловічого та жіночого начал. Можливо, особливий зміст вкладено у спіралеподібні завитки обабіч квітки арацеї. У мене виникло припущення, що ці спіральні мотиви символізують дещо загадковий убір, описаний у Валерія Флакка: «...Авх... охопивши скроні потрійним вузлом, він спускає зі священної голови дві пов'язки» (Раевский, 1977: 22).

Отже, обидві роботи – взірць майстерності давніх ювелірів, а представлені

сюжети є уособленням уявлень скіфів про культу предків та героїв, які відігравали велику роль у світогляді номадів. Відтворені за золотим декором – порожнистими напівсферичними предметами – головні убори, можливо, наслідували справжні шоломи. Подібність між ними – деталями захисного обладунку та «золотими пілосами» проявляється у загальних абрисах. Зіставлення цих елементів вбрання дозволяє висловити припущення щодо отвору, який є характерною ознакою всіх «великих ворворок». Згадаймо, наприклад, залізний пластинчастий шолом з поховання воїна у кургані поблизу с.Гладківщина (Черкаської обл.): за спостереженнями О.І.Мінжуліна убір увінчував так званий «султан» – жмуток кінських волосин, закріплених на маківці шолома за допомогою бронзової деталі (справжньої ворворки) (Мінжулін, 1992: 140, рис.7). Крім того, С.Яценко, слідом за М.Фосс, виділив рідкісний тип убору за малюнком на античній вазі (VI ст. до н.е.): напівсферична шапочка з пропущеним пасмом волосся крізь отвір в центрі куполоподібного завершення. Аналогії такому убору є в костюмах сгодійських юнаків (Яценко, 2006: 58, рис.23, 17).

Деякі вироби у формі зрізаного конуса, мабуть, також були накладками на головний убір. Наприклад, до таких слід віднести знахідку з кургану №1 поблизу с.Іллічево в Криму (Лесков, 1968: 158). За абрисом цей убір нагадує зображений на голові царя Ашурнасірпала: його шапку прикрашає зверху мініатюрний «ковпачок», а над чолом – стрічка (Брун, Тильне, 2001: 50, табл.6, 4). Але декоративна деталь із скіфського кургана вирізняється отвором в «денці», який за призначенням, ймовірно, слід зіставити з отворами в «шоломах»: крізь них виставляли пасмо волосся або вставляли жмуток кінського волосу (рис.5, 3). Створення головних уборів, органічно поєднаних із зачіскою, було притаманне населенню пазирикської культури. У жіночому костюмі бачимо: високі перуки у поєднанні з накісниками, повстяними ковпаками, тощо; дерев'яний убір у формі зрізаного конуса з виставленою крізь отвір у денці косою (Полосьмак,



Баркова, 2005: 72-74, 78-79) (рис.5, 5). Як відомо, жіночі вбрання (особливо головні убори) зберігає найдовше реліктові традиції, пов'язані з його семантикою. Отже, аналіз «пазірицьких уборів» дозволяє припустити, що вони мали символічні деталі, які відбивають давні уявлення, властиві племенам Центральної Азії. І це, вірогідно, знайшло відображення і у «великих ворворках» з території Північного Причорномор'я. Частина з них була оздобами головних уборів – знаками особливого статусу власника, а деякі, мабуть, імітацією уборів, наділені функціями засобів для відправлення культу,

церемоніальними речами. С.С.Бессонова, досліджуючи «конус» із Братолюбівського кургану, за її словами «...не заглиблюючись у питання про його призначення», дійшла висновку, що предмет сприймали як магічну річ, яку використовували «в містичних (військових) ритуалах» (Бессонова, Витрик, 2006: 61).

Вивчення археологічних джерел: образотворчих матеріалів та декоративних елементів – дозволяє висловити припущення про різноманітні типи налобних пов'язок та шапок, які носили чоловіки, і розширити наші уявлення про цю категорію вбрання на території Скіфії.

### Література

- Акишев, Акишев, 1980 – Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991 – Алексеев А., Мурзин В., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К., 1991.
- Артамонов, 1964 – Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л. – Прага, 1964.
- Бессонова, 1983 – Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
- Бессонова, Витрик, 2006 – Бессонова С.С., Витрик И.С. Композиция изображения на золотом «конусе» из Братолюбовского кургана // Музейні читання: Мат. наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». К., 2006.
- Богатырев, 1971 – Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Болтрик, 1996 – Болтрик Ю.В. Большие золотые ворворки у скифов // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию Л.М.Славина. К.1996.
- Боровка, 1921 – Боровка Г.Н. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана. // ИГАИМК. 1921. Т.1. Пг.
- Брун, Тильне, 2001 – Брун В., Тильне М. История костюма от древности до нового времени. М., 2001.
- Гаген – Торн, 1960 – Гаген – Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Саратов, 1960.
- Галанина, 1997 – Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997.
- Золота скарбниця України, 1999 – Золота скарбниця України. К., 1999.
- Ильинская, 1966 – Ильинская В.А. Скифские курганы около г.Борисполя // СА. 1966. №3.
- Ильинская, 1968 – Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. К. 1968.
- Ильинская, 1982 – Ильинская В.А. Изображения скифов времен переднеазиатских походов // Древности Степной Скифии. К.,1982.
- Ильинская, Тереножкин, 1983 – Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. К. 1983.
- Кисель, 1997 – Кисель В.А. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. Спб, 1997.
- Клочко, 1982 – Клочко Л.С. Налобные украшения скифов //Новые памятники художественной культуры в древности и средневековье. К., 1982.
- Клочко, Васіна, 2000 – Клочко Л.С., Васіна З.О. Вбрання кіммерійців (за зображеннями та археологічними матеріалами) // Музейні читання: Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. К., 2000.
- Лесков, 1968 – Лесков А.М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. №1.
- Лесков, 1974 – Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. К.,1974.
- Манцевич, 1959 – Манцевич А.П. Золотой венец на реке Калитве (к вопросу об агафирсах) // Известия на Археологический институт при Българска Академия на науките. София. 1959. 13.
- Мозолевський, 1979 – Мозолевський Б.М. Товста Могила. К.,1979.



*Музей історичних коштовностей України, 2004* – Музей історичних коштовностей України. Альбом. 2004. К., 2004.

*Ольховський, Евдокимов, 1994* – Ольховський В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв до н.э. М., 1994.

*Полосьмак, Баркова, 2005* – Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005.

*Раевский, 1977* – Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

*Русяева, 1997* – Русяева М.В. Інтерпретація зображень на золотій пластині з Сахнівки // Археологія. 1997. №1.

*Рябова, Черняков, 2002* – Рябова В.О., Черняков І.Т. Призначення та походження «великих скіфських

ворварок» // Музейні читання: Мат. наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». К., 2002.

*Тереножкин, Мозолевский, 1988* – Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. К., 1988.

*Флиттнер, 1958* – Флиттнер К.Д. Культура и искусство Двуречья. М.-Л., 1958.

*Черненко, Клочко, 1979* – Черненко Е.В., Клочко В.И. О подлинности золотой пластины из Сахновки // СА. 1979. №4.

*Яценко, 2006* – Яценко С.А. Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Lexicon der Antike. 1977.



## **ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ 18 У С. НАТАШИНО В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ**

В 1983 г. Северо-Крымская экспедиция ИА АН УССР, работавшая под руководством В.А. Колотухина в зоне строительства Северо-Крымского канала, провела раскопки курганов, расположенных близ южного берега о. Донузлав в Сакском районе Крымской области у села Наташино. Одним из наиболее информативных памятников оказался курган 18. Материалы его раскопок публиковались дважды, однако выборочно. В.А. Колотухин и Г.Н. Тощев издали погребения эпохи бронзы и средневекового времени (*Колотухин, Тощев, 2000: 211-216*). Каменная гробница скифского времени была включена в сводку склепов варварского населения Степного и Предгорного Крыма, подготовленную С.Г. Колтуховым (*Колтухов, 2005: 280-281, рис. 9, 3*). Однако в полном объеме материалы из обнаруженных в кургане погребений скифского времени, небезинтересные в хронологическом, типологическом и этнокультурном аспектах, так и не были изданы.

Тем временем, была опубликована небольшая, но принципиально важная для исследователей «греко – варварских» памятников западной части Крымского полуострова работа О.Д. Дашевской и А.С. Голенцова, в которой был подведен итог дискуссии об одной из групп предположительно подкурганых каменных склепов из Беляусского и Кульчукского могильников в Северо-Западном Крыму и все они были окончательно отнесены к I в. н.э.

(*Дашевская, Голенцов, 2006: 32-38*). При этом, они были поставлены в связь с такими памятниками, как каменный предположительно подкурганый склеп из некрополя Керкинитиды и два склепа, находившихся под курганными насыпями в некрополе Заозерное близ Евпатории. Эти памятники датированы либо IV–III вв. до н. э., либо имеют более узкую датировку в указанных хронологических рамках. Структура, рубрикация и название статьи О.Д. Дашевской и А.С. Голенцова таковы, что дата упомянутых выше каменных гробниц ставится под сомнение. Безусловно, это право авторов. Ведь то, что в склепах обнаружены не скифские или греческие погребения позднеклассического или раннеэллинистического времени, а захоронения поздних крымских скифов, по существу синхронные тем, что раскопаны в Беляусском и Кульчукском некрополях, сомнений не вызывает. Однако выводы о хронологии и склепов из Заозерного, и склепа из Керкинитиды ранее делались не на пустом месте, а на основе интерпретации археологических находок (*Коновалов, 1973; Яценко, 1978; Михлин, Бирюков, 1983*). Материалы же из кургана 18 у с. Наташино свидетельствуют в пользу высокой вероятности не «позднескифской», а «херсонесской» датировки ранних каменных склепов в Северо-Западном Крыму.

Курган 18 был сооружен в эпоху бронзы. Его высота ко времени раскопок составляла 1,9 м, диаметр 27 м, каменистая



насыпь не распаивалась (рис. 1, 1). В железном веке на вершине кургана была возведена каменная гробница, частично впущенная в существующий курган, очевидно, полностью перекрытая впоследствии грунтом курганной досыпки, и каменная крепида или широкая наброска, внешний диаметр которой составлял около 20 м, а в юго-восточной поле, перед крепидой было совершенно впускное захоронение в грунтовой могиле.

Перейдем к описанию погребений скифского времени.

**Погребение 1**, центральное, полуразрушено при выборке камня, однако в планиметрическом отношении оно зафиксировано полностью. Это овальная каменная постройка диаметром 10,5 x 9 м (рис. 1, 2), высота и внешнее оформление которой не известны, с погребальной камерой склепа, расположенной внутри этого сооружения. Внешний слой постройки может быть охарактеризован как иррегулярная кладка из обломков известняка, внутренний как забутовка из необработанного камня. В центре находилась прямоугольная погребальная камера склепа, к углу которой с юго-востока-востока примыкал коридор — дромос (рис. 1, 2, 3). Камера усыпальницы квадратная размером 2,2 x 2,05 м, ориентирована длинной осью с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Сохранилась цокольная часть стен, сложенная из установленных на ребро обработанных и хорошо подогнанных друг к другу разномерных плит высотой 0,7-0,8 м, толщиной от 20 до 40 см. На северной стене уцелела положенная плоско плита с косо срезанной боковой поверхностью, обращенной внутрь камеры (рис. 1, 4). Видимо, с этого уровня кладка стен начинала переходить в уступчатое перекрытие с косо срезанными гранями плит. В данном случае следует предположить стремление строителей придать верхнему объему форму пирамиды или же многоугольника, например, такого же, как в склепе из некрополя Керкинитиды. Пол камеры был либо каменным, либо грунтовым. К сожалению, он нарушен при разграблении или при совершении средневекового захоронения. Необработанные плиты, обнаруженные ниже основания

стен (рис. 1, 4) могли быть и его остатками, переделанными под средневековое погребение, и выкладкой над могилой эпохи бронзы, находившейся ниже (Колтухин, Тоцев, 2000, рис.143). Дромос длиной 2,5 м и шириной до 0,8 м примыкал к углу камеры и был сложен насухо из грубо обработанных плит и бутового камня, дно грунтовое, прослеженная высота стен до 0,8 м. Вход в дромос находился во внешней облицовке гробницы, которая образовывала близ него дуговидный выступ. Вход в погребальную камеру с северо-восточной стороны и внизу был оформлен подрубками под закладную плиту (рис. 1, 3). В засыпи камеры были обнаружены остатки захоронения средневекового кочевника, иных материалов в ней не сохранилось. Однако, проблема датировки гробницы в широких рамках IV—III вв. до н. э. решается античным амфорным материалом, найденным в насыпи близ склепа и на остатках этой постройки. Неплохим основанием для датировки служат такие предметы, как часть массивного грибовидного венчика амфоры типа Солоха из желтой глины, ручка и стенки херсонесской амфоры. Обломков разнообразной гончарной посуды, столь характерной для позднеэллинистического и рубежного времени, здесь обнаружено не было. Не было «позднескифских» погребений и в других курганах близ с. Наташино, расположенных примерно в 20 км от морского побережья. Очевидно, территория, освоенная оседлыми «поздними скифами» на побережье Северо-Западного Крыма, не заходила вглубь полуострова более чем на несколько километров, в которых фиксируются позднескифские памятники.

Однако обоснование, приведенное для датировки склепа, все же можно признать недостаточным. Впрочем, существует еще один аргумент в пользу соотнесения его сооружения с позднеклассическим — раннеэллинистическим временем. Хронологию позволяет уточнить впускное **погребение 5**. Судя по расположению могилы вплотную и параллельно внешней границе крепиды с юга (рис. 1, 5), она должна быть синхронна времени функционирования склепа. Подобные захоронения женщин, детей и подростков, по какой-то причине



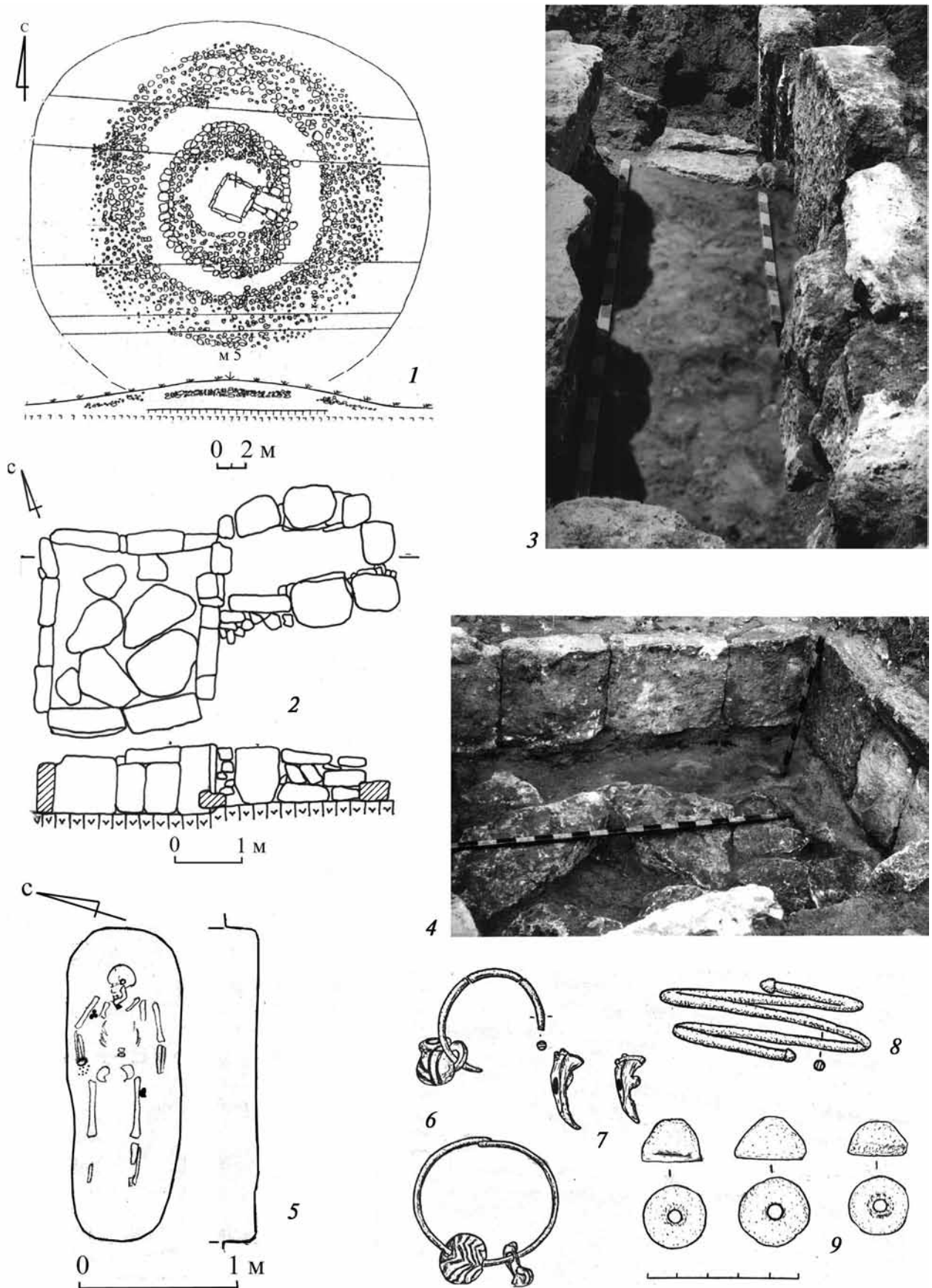


Рис.1.

1 – курган 18; 2 – погребение 1; 3 – дромос гробницы с подтеской входа в погребальную камеру; 4 – основание стен погребальной камеры; 5 – могила 5; 6 – серьги с подвесками; 7 – клешни крабов; 8 – бронзовый браслет; 9 – пряслица.



не помещенных в основную усыпальницу, не редкость, а скорее правило в крымских курганах скифского времени (Колтухов, Тощев, Кислый, 1994: 112). У скифов Центрального Крыма они расположены преимущественно в северном секторе насыпи, хотя известны и в других секторах. Грунтовая яма овальной формы размером 1,95 x 0,7 м, ориентирована с северо-востока на юго-запад. Захоронение взрослого человека, судя по инвентарю женщины, совершено в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Справа, между предплечьем и ребрами, найдены три свинцовых пряслица (рис. 1, 9), на левом запястье бронзовый двухвитковый браслет с шишечками на концах (рис. 1, 8). У черепа находились два бронзовых проволочных кольца (серьги?), на одном стеклянная подвеска в виде кувшинчика, на другом орнаментированная круглая бусина и птичья кость (рис. 1, 6), у правой кисти 6 подвесок из клешней краба (рис. 1, 7). У левого бедра кусок мела. Для датировки погребения интересны полихромные стеклянные бусы в виде кувшинчиков, надетые на проволочные кольца. Такие серьги с подвесками, чаще всего бусинами, хорошо известны в скифских могилах Южной Украины и Степного Крыма с IV в. до н. э. (Петренко, 1978: 35-36). В тех случаях, когда кувшиновидные подвески с зигзагообразным орнаментом сопровождалась античными импортами или монетами, их время соответствовало последней четверти IV в. до н.э. (Колотухин, Колтухов, 2007: 216). Не исключено, что датировка серег с подобными подвесками может быть несколько шире, но вряд ли она выйдет за рамки второй половины IV – первых десятилетий III в. до н. э.

Следовательно, подтверждается датировка ранних каменных склепов в курганах Северо-Западного Крыма второй

половиной – концом IV – первыми десятилетиями III вв. до н.э.

Типологически склеп из кургана 18 может быть отнесен к группе каменных гробниц, для которых характерно полное смещение дромоса в угол погребальной камеры, подквадратная форма камеры, в которой длина лишь незначительно превышает ширину, орфостатно-постелистая кладка стен, возведенных из хорошо обработанного камня, уступчатое перекрытие с косой подрезкой боковой грани. Сочетание этих признаков зафиксировано в склепе из Керкинитиды и в подкурганских склепах, раскопанных у с. Крылово близ устья оз. Донузлав в 1983 г. Подобные постройки, несомненно, связаны с греческой архитектурно-строительной традицией, характерной, судя по приведенным аналогиям, только для Северо-Западного Крыма. Соответственно, и мастерами, соорудившими склепы, скорее всего, были греки.

Об этнокультурной принадлежности погребенных в данном случае можно судить лишь по ориентировке могил. Камера склепа с учетом размеров, ориентировки длинной оси, и при условии того, что тела, как правило, располагали ногами в направлении входа, предназначалась, скорее всего, для захоронений с ориентировкой на юго-запад, что характерно для скифов Крымского полуострова. Ориентировка женщины из могилы 5 в секторе северо-восток-восток не типична для скифов, однако известна в многочисленных греческих некрополях Северо-Западного Крыма и Боспора. Скорее всего, здесь приемлема широкая культурная в своей основе характеристика обитателей хоры в Северо-Западном Крыму как смешанного эллинизированного варварского населения, давно предложенная А.Н.Щегловым (А.Н.Щеглов, 1978: 126).

## Литература

Дашевская, Голенцов, 2006 – Дашевская О.Д., Голенцов А.С. О принадлежности каменных склепов Северо-Западного Крыма // Материалы научно-практических конференций. Вестник музея. Вып. 4. Евпатория, 2006.

Колотухин, Колтухов, 2007 – Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Скифские погребения в Крымском Приазовье // Древности Боспора. Том 11. 2007.

Колотухин, Тощев, 2000 – Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма III (по



материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-1986 гг. Сакский район Крымской области). Запорожье, 2000.

*Колтухов, 2005* – Колтухов С.Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XII. Запоріжжя, 2005.

*Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994* – Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). Запорожье, 1994. – 121 с.

*Коновалов, 1972* – Коновалов А.А. Раскопки некрополя близ дер. Заозерное // АО – 1972. М.

*Михлин, Бирюков, 1983* – Михлин Б.Ю, Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкнитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. К., 1983.

*Петренко, 1978* – Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ Д4-5. М., 1978.

*Шеглов, 1978* – Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

*Яценко, 1978* – Яценко И.В. Скифские захоронения I в.н.э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестник МГУ. История. 6. 1978.



## **КИЗИЛ-КОБИНСЬКА КЕРАМІКА КЕРКІНІТИДИ VI–IV СТ. ДО Н.Е.**

Знахідки кизил-кобинської кераміки у контексті античних пам'яток Криму попри багаторічні дослідження цього питання досі становлять чималу проблему для історичних інтерпретацій археологічної пам'ятки. У низці робіт висловлюються думки про співіснування греків і варварів в одному соціальному організмі, в даному випадку в Херсонеському полісі. Відповідно до концепції греко-варварського маргінального полісу, сформованої С.Ф. Стржелецьким, А.І. Тюменєвим та Г.Д. Беловим було інтерпретовано і опубліковано результати польових досліджень варварських поселень і багатошарових пам'яток Гераклеїського півострова. Це дозволило припускати наявність поселень залежного таврського населення на хорі Херсонеса і на її кордонах ще в IV ст. до н. е. (*Савеля, 1979: 173; 1996: 13-17; Николаенко, 1999: 17*). Думки про досить активні союзницькі стосунки між варварами і греками на античних поселеннях Північно-Західного Криму дотримується О.М. Щеглов, спираючись на знахідки кераміки кизил-кобинської культури<sup>1</sup> серед матеріалу античних комплексів (*Щеглов, 1973: 37; Hannestad, Stolba, Sceglov, 2002: 220*). Входження варварів до складу грецьких поселень Херсонеської держави на основі знахідок кераміки ККК констатує також В.О. Кутайсов на матеріалах Керкенітиди і В.О. Латишева по знахідках кераміки ККК на поселенні Маслини, а також відоме за

матеріалами розкопок городища Чайка, щоправда кизил-кобинська кераміка з цієї пам'ятки досі неопублікована (*Кутайсов, 1987: 27-40; 2004: 302; Латышева, 1996: 56-61; Попова, Коваленко, 2005*). Категорично заперечує широкі зв'язки греків-херсонеситів із варварами В.М. Зубар, апелюючи до недостатньої вивченості проблеми та матеріалу, застарілих підходів і своєрідності історичного та культурного розвитку дорійського Херсонесу (*Зубар, 2005: 16-28; 2007: 87-100*).

При такому стані проблеми нам вбачається першочерговим завданням чітко визначення кизил-кобинської кераміки щодо її належності до античного контексту пам'ятки і виявлення типологічних закономірностей у синхронних посудних наборах для з'ясування власних хронологічних ознак такої кераміки. Одною із небагатьох античних пам'яток із збереженими контекстами є Керкінітида.

*Комплекси Керкінітиди кінця VI – V ст. до н.е.* (горизонт VII-К: *Кравченко, 2008: 10*). Керамічний комплекс об'єднано на основі датування античних шарів полісу, із яких він походить. До таких належать культурні нашарування під будинком 24 та на ділянці його двору (не пізніше середини V ст. до н.е.: *Кутайсов, Ланцов, 1986: л. 10*), траншеї по вул. Санаторній у Євпаторії (близько кінця V ст. до н.е.: *Кутайсов, Ланцов, 1985: л. 123*), із дому 24 (остання чверть V – кінець V ст. до н.е. та VI–V ст. до н.е.: *Кутайсов, Ланцов,*

<sup>1</sup> Надалі по тексту ККК.

1985: л. 10-12), приміщення 92 (рубіж VI–V ст. до н.е.: *Кутайсов, 1982: л. 81*), приміщення 51 (V ст. до н.е.: *Кутайсов, 1981б: л. 95*), приміщення 47 (кінець VI – V ст. до н.е.: *Кутайсов, 1981б: л. 103*).

**Вид VII/1.** Посудини великого об'єму із рівним незначно відігнутим або не відігнутим вінцем, короткою рівною шийкою і широким тулубом (рис. 1, 10, 12, 13, 15). Діаметр вінця менший за діаметр тулуба. Посудини іноді орнаментувалися пальцевими вдавленнями по вінцям.

Подібна орнаментация не є характерною ознакою місцевої кримської кераміки попередніх горизонтів. Вона іноді зустрічається на посудинах із підкурганних поховань степової зони Криму передскіфського часу (Зольне, к.1, п.5) (*Махортых, 2004: рис. 1, 5*).

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видами I/3б, II/2, III/2, IV/1, V/2, VI/4.

*Підвид VII/1а.* Посудини великого об'єму із слабо відігнутим коротким вінцем, що переходить у розширений у верхній частині сфероїдний тулуб (рис. 1, 3). Відома орнаментация пальцевими вдавленнями по вінцю.

**Вид VII/2.** Посудини середніх об'ємів із рівно відігнутим вінцем, що перегином переходить у незначно розширений тулуб (рис. 1, 6, 11, 14, 17, 21). Діаметр вінця незначно менший за найбільший діаметр тулуба на середині висоти посудини і незначно більший за діаметр плоского дна. Орнаментация – пальцеві вдавлення по вінцям.

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видом VI/5 попереднього горизонту.

**Вид VII/3.** Посудини середніх об'ємів із плавним профілюванням (рис. 1, 4, 16). Незначно відігнуте вінце плавно переходить у незначно розширений тулуб із найбільшим розширенням у нижній частині посудини. Діаметр вінця незначно менший за найбільший діаметр тулуба і більший за діаметр плоского дна. Орнаментация не відома.

Поодинокі форми неліскованого посуду:

– профіль неліскованої відкритої посудини (рис. 1, 22) із навскісно зрізаними

вінцями, плоскодонної на невисокому піддоні, неорнаментована. Співвідноситься із видом VIII/6 наступного горизонту.

#### Клас ліскованих посуд.

**Вид VII/4.** Посудини великих об'ємів із відігнутим вінцем, високою вузькою шийкою, що, різко розширюючись, переходить у сферичний тулуб, який у нижній частині конічно звужується до плоского дна (рис. 1, 1, 2, 5, 7, 18, 26). Діаметр вінця більш ніж вдвічі менший за найбільший діаметр тулуба на середині висоти посудини і приблизно дорівнює діаметрові дна. Тісто із домішками дрібнозернистого і черепашкового піску, стінка досить тонка, по зовнішній і внутрішній поверхні простежується ангоб. Зовнішня поверхня ліскована по ангобу, після чого на неї нанесено орнамент 2-5-зубим, а найчастіш 3-зубим гребінцем у вигляді прокреслених ліній, що утворюють заштриховані трикутники. Трикутники опущені вершинами донизу від плеча і виростають вершиною догори від придонної частини. Обидва пояси трикутників на орнаментальному полі взаєморозташовані у шаховому порядку. Верхній пояс вгорі оконтурено каймою у вигляді горизонтальної прямої лінії, прокресленої гребінцем.

**Вид VII/5.** Посудини малих об'ємів (кубки) із рівно відігнутим вінцем, невисокою шийкою, що переходить у тулуб, який розширюється до нижньої третини висоти посудини (рис. 1, 19, 20, 24, 25). Діаметр вінців менший за найбільший діаметр тулуба, який перевищує висоту посудини. Орнамент у вигляді заштрихованих трикутників, опущених від шийки, і таких, що виростають із придонної частини. Ймовірно, орнаментальне полотно поділялося на кілька зон і орнамент із трикутників перемежався групою вертикальних паралельних ліній. Згори орнамент має кайму із прокресленої горизонтальної лінії. Відоме виконання такого орнаменту однозубим інструментом. Також зустрічаються фрагменти із орнаментом із горизонтальних ліній, виконаних 4-зубим гребінцем із каймою, утвореною наколами. Зустрічається орнаментация із груп вертикальних ліній, виконаних у техніці глибоких канелюрів.



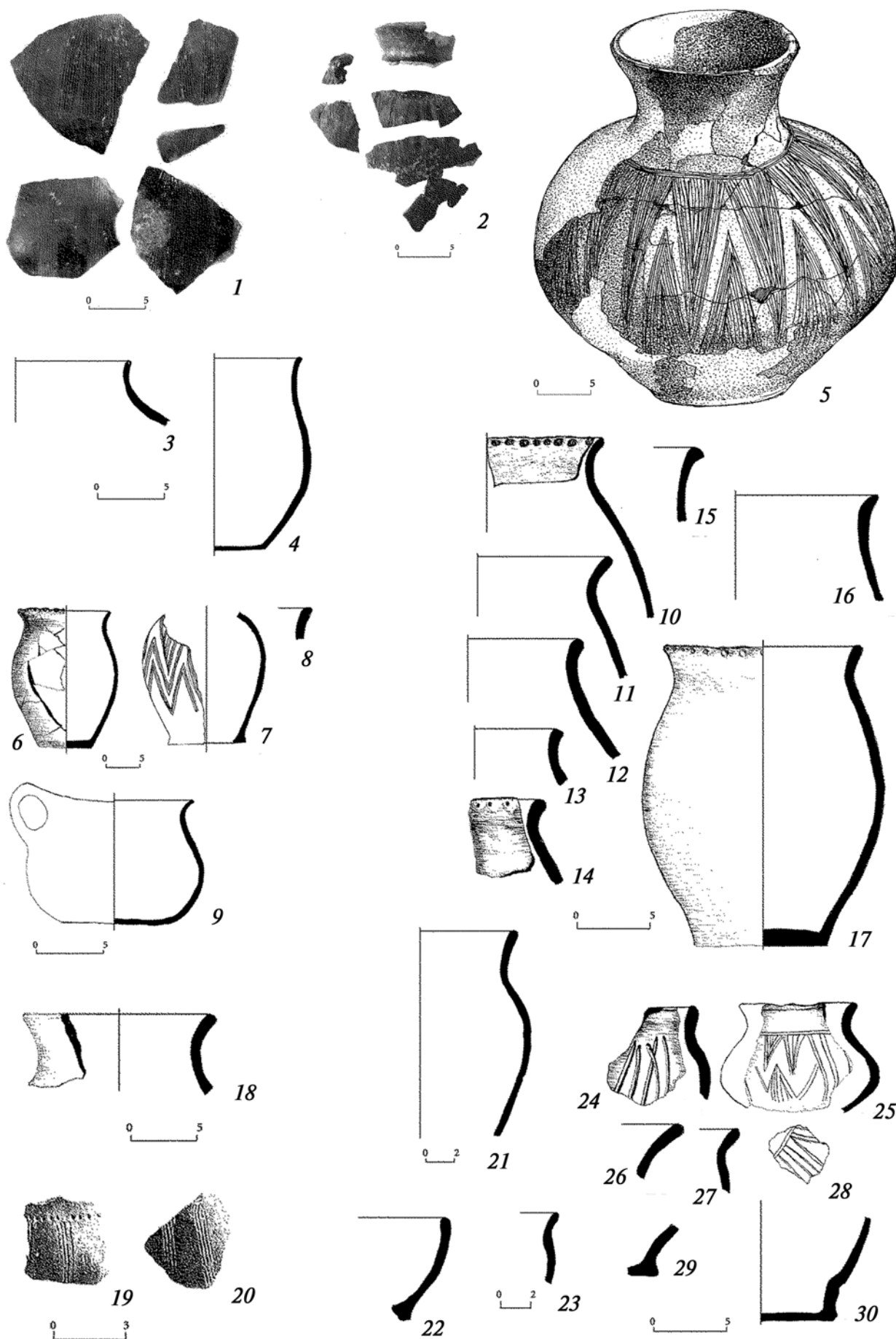


Рис. 1. Кизил-кобинська кераміка із античних комплексів Керкінітиди VI–V ст. до н.е.





Подібна посудина із ручкою із горизонтальним кріпленням походить із п.5 к. 5 біля с. Колоски. Посудина має ідентичне профілювання і орнаментацию, щоправда, ближчу до такої на посудинах із підкурганних поховань Сімферопольського водосховища. Проте, поховання датується на основі дати амфори із фарбованим вінцем не пізніше другої половини VI ст. до н.е. (Ольховський, 1982: 63, рис. 2, б). Також цей вид відомий у пізньоархаїчному шарі Херсонеса кінця VI – першої половини V ст. до н.е. (Сенаторов, 2003: 14, рис. 2).

Посудини малих та середніх об'ємів із подібною прокресленою орнаментациєю, виконаною гострим однозубим або гребінцевим інструментом, відомі у комплексах із античною керамікою Березанського поселення, де вони датуються VI – першою чвертю V ст. до н.е. Гребінцева насічка у матеріалах Березані невідома (Сенаторов, 2005: 180-182).

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видами V/4, VI/7 попередніх горизонтів.

**Вид VII/6.** Посудини із відігнутих вінцем (кухлі або черпаки), розширеним до низу тулубом, сплюсненим денцем, петелеподібною ручкою, модельованою на вінці і плечі (рис. 1, 9). Діаметр вінця менше найбільшого діаметру тулуба і більше висоти посудини. Орнаментация не відома.

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видами V/6, VI/7а попередніх горизонтів.

Характерні особливості керамічного комплексу горизонту К-VII кизилкобинської культури за матеріалами Керкінітиди:

1. Превалювання посудин великого та середнього об'єму у комплексі ліпної кераміки.

2. Тенденція уподібнення профілювання і пропорцій усіх видів закритих посудин: діаметр вінця дорівнює діаметрові дна і менше найбільшого діаметру тулуба на середині висоти посудини.

3. Однотипність профілювання неліскованого посуду.

4. Один варіант орнаменту неліскованого посуду: пальцеві вдавнення по вінцю.

5. Наявність корчаг із високим горлом, сильно розширеним тулубом і вузьким дном.

6. Специфічність орнаментациі лискованого кераміки:

– мотив двох поясів заштрихованих трикутників;

– кайма по верхньому краю орнаменту;

– зональність у орнаменті кубків із межуванням трикутників і вертикальних ліній;

– превалювання використання гребінцевого інструменту над однозубим у нанесенні врізного орнаменту.

Виділені комплекси кераміки фактично маркують розвиток раніших керамічних форм у руслі способу орнаментациі і розвитку профілювання лискованих посудин. Проте, неліскований посуд демонструє певну зміну у орнаментациі, що може бути пов'язано із появою нового населення у регіоні. Його належність до ККК цілком показова, знахідки таких посудин на кримських пам'ятках не є поодинокими. У Причорномор'ї вони відомі у ранніх шарах поселень хори Ольвії і на Березані.

*Комплекси першої половини – середини IV ст. до н.е.* (Керкінітиди, Інкерманської долини і Гераклеїського півострова) (горизонт VIII-К: Кравченко, 2008: 10). Об'єднано комплекси ліпної кераміки із Керкінітиди: приміщення 27 (IV ст. до н.е.: Кутайсов, 1981б: л. 63), ділянка некрополя по вул. Голя (IV ст. о н.е.: Кутайсов, Ланцов, 1985: л. 120), шар під будинком 22, заповнення напівземлянки 1 (перша половина IV ст. до н.е.: Кутайсов, Ланцов, 1986: л. 10), приміщення 118 буд. 23 (перша чверть IV ст. до н.е.: Кутайсов, Ланцов, 1986: л. 10, 14), нівелювання під шар IV ст. до н.е. (Кутайсов, 1981а: рис. 202), ділянка біля кладки 210 і приміщення 121 (перша – третя чверть IV ст. до н.е.: Кутайсов, д. 1984/7а, л. 23), шар сирцю, що розклався, над приміщеннями 20 і 21 будинку 9 (середина IV ст. до н.е.: Кутайсов, 1981б: л. 112).

Усі датування приведені за визначенням дат античних шарів Керкінітиди (Кутайсов, 1987; 2004).

**Керамічний посуд. Класифікація.** Аналіз керамічного комплексу показав, що



матеріал об'єднується у види незалежно від того, до якого поселення належить – античного чи кизил-кобинського, що свідчить про належність цього матеріалу одному і тому ж народу. Незначна кількість видів, як і в попередніх, підтвердила правильність виділення цього горизонту.

**Вид VIII/2<sup>2</sup>.** Горщикоподібні посудини великих та середніх об'ємів із плавно відігнутих вінцем, округлим тулубом і пласким дном (рис. 2, 1, 3, 5, 8, 13). Діаметр вінця менше найбільшого діаметра тулуба на середині висоти і більше діаметра денця. Посудини тонкостінні, виготовлені із формувальної маси із домішкою черепашкового і морського піску. Випал хороший, зовнішня поверхня вкрита світлим бурим ангобом, внутрішня має ту саму підкладку. Є випадки, коли одна або обидві поверхні злегка лискувалися. Орнаментація – пальцеві вдавлення або насічка гострим інструментом по вінцю. Не виключено, що деякі посудини формувались за допомогою поворотника.

Такі горщикоподібні посудини є найпоширенішими серед неліскованої кераміки у Причорномор'ї, починаючи з білозерського часу. Посудини цього виду із подібним профілюванням шийки поширюються із другої половини VIII ст. до н.е. У Південно-Західному Криму вони вперше з'являються у пізньому горизонті поселення Уч-Баш. Змінюючи свої видові ознаки, у першу чергу, орнамент, існують аж до появи держави пізніх скіфів. Посудини із подібною орнаментацією відомі серед матеріалу поселення Карань-2 Балаклавської долини (Сенаторов, 1998: 10, рис. 4: 5, 10, 10-15). С.Н. Сенаторов у публікації матеріалів приводить дату лише двох комплексів поселення – друга та третя чверть IV ст. до н.е. Зважаючи на те, що в основі, відповідно до приведених малюнків, матеріал поселення однотипний, можна вважати, що поселення датується у таких самих межах. Подібна посудина була знайдена серед амфорного матеріалу у рівчачку к. 4 біля с. Колоски. Ймовірно, залишки тризни відносяться

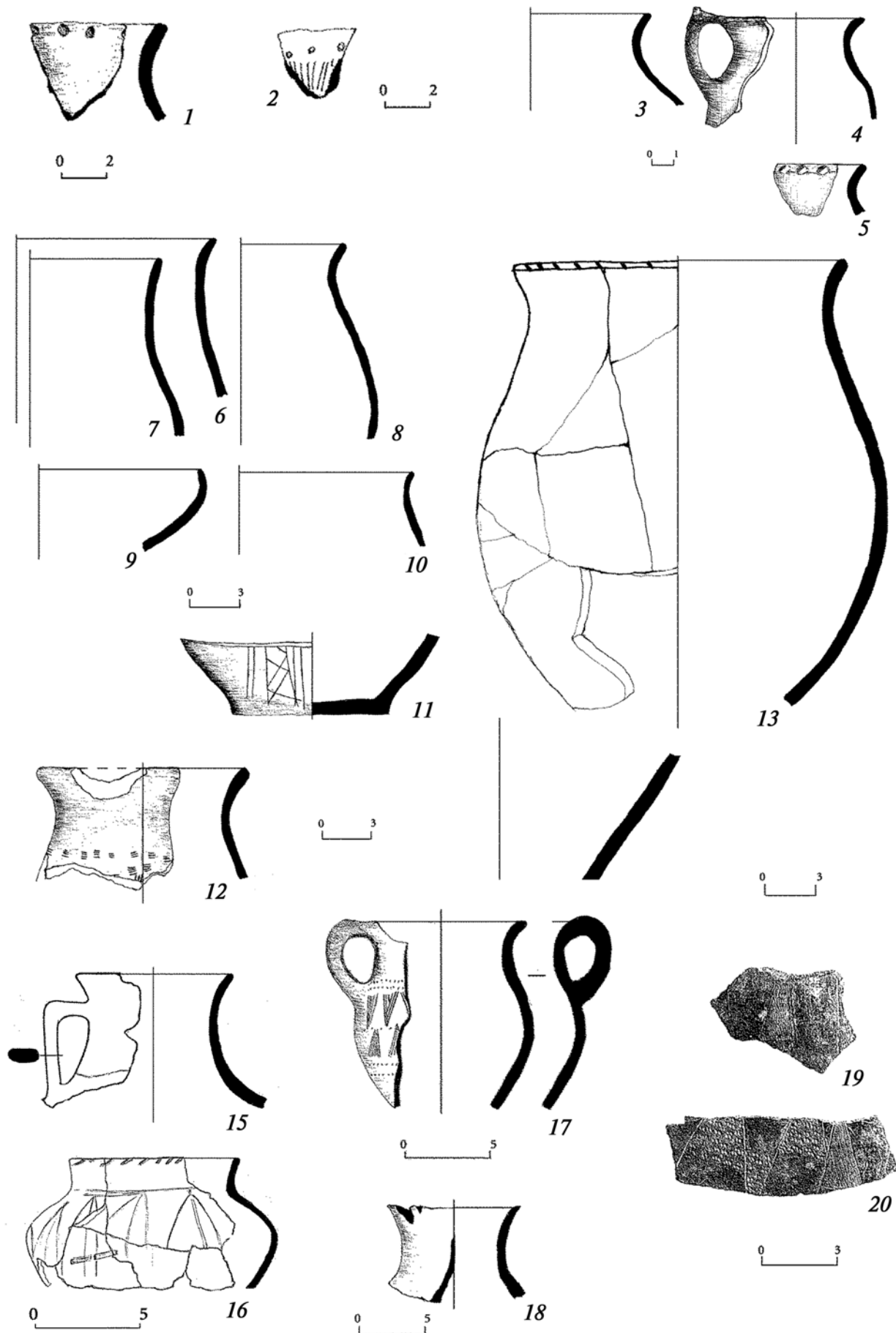
до поховання 10, що датується IV ст. до н.е. (Ольховський, 1982: 61, рис. 2, з). У поховальних пам'ятках скіфів Східного Криму вид зустрічається у комплексах IV–III ст. до н.е. (Леніне, к. 12, п. 1) (Яковенко, 1974: 111, рис. 46, 5).

У матеріалах III ст. до н.е. Чайкинського городища горщики подібної форми мають вужче горло (Колесников, Яценко, 1979: л. 9), те саме зазначимо і за матеріалами Булганацького пізньоскіфського городища (Храпунов, 1991: 201). У цілому вид відповідає типу 1, що датується VI–III до н.е. за Н.А. Гаврилюк (Гаврилюк, Отрешко, 1982: 75-78) поселення Велика Чорноморка II, і вужче – за хронологією цього поселення VI–V ст. до н.е. Такі самі посудини відомі у матеріалах Козирки II (Рубан, 1979: 75), але, як видно з тексту, матеріал цього поселення розподіляється на два горизонти за датами античної кераміки, тоді як розподіл за горизонтами ліпної не було виконано. Таким чином, вид отримує широке датування VI–IV (III) ст. до н.е.

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видами I/36, II/2, III/2, IV/1, V/2, VI/4, співвідноситься із видом VII/1.

**Вид VIII/3.** Тонкостінні посудини великого об'єму із воронкоподібним високим горлом, широким тулубом і вузьким денцем (горщики-гличики) (рис. 2: 4, 15). Діаметр горла менший за найбільший діаметр тулуба у верхній половині висоти посудини і більший за діаметр денця. Деякі посудини мали ручку, що кріпилася нижнім кінцем на плечі, а верхнім – на вінці або під ним. Іноді ручки моделювалися на вінці, незначно над ним виступаючи, і на середині тулуба за допомогою так званої кнопки, тобто фіксуючись у стінці наскрізь на її внутрішній поверхні. Формувальна маса цупка, добре промішана із домішками кварцового піску, риса, що простежується у кераміці ККК Західного Криму лише із цього горизонту. Черепок дуже міцний, випал якісний – до червоного ззовні. Посудини формувалися за допомогою поворотника (на внутрішній поверхні помітні

<sup>2</sup> Види VIII/1, VIII/5, VIII/6, VIII/10 цього горизонту кизил-кобинської культури на античних пам'ятках не знайдено.



194 Рис. 2. Кизил-кобинська кераміка із античних комплексів Керкінітиди IV ст. до н.е.



сліди від кружання). Зовнішня поверхня храпувата, найчастіше – червоного або червоно-малинового кольору із темними плямами від нерівномірного випалу, внутрішня – завжди сіра, ретельно заглажена. Денця таких посудин мають діаметр біля 10 см.

Такі нелісковані посудини зустрічаються у досить пізніх шарах кримських пам'яток (*Храпунов, 1991: 201, 204; Колесников, Яценко, 1979: л. 8*), що, можливо, пов'язано із відкритим характером комплексів, за якими вони датуються, або високою верхньою хронологічною межею побутування виду. Відповідно до керамічного комплексу Великої Чорноморки II, вони відповідають типу III ліпної кераміки цього поселення і датуються там широко від VI до III ст. до н.е. (*Гаврилюк, Отрешко, 1982: 78–80*).

**Вид VIII/4.** Тонкостінні слабко профільовані посудини значного об'єму із не відігнутих або слабко відігнутих вінцем без виділеної шийки (рис. 2, 6, 7, 10), виготовлені із добре промішаної формувальної маси із домішкою черепашкового і дрібнозернистого піску, добре випалені, зовнішня поверхня яких переважно ледь помітно лискувалася. Найбільший діаметр припадає на нижню половину посудини і незначно перевищує або дорівнює діаметрові вінця. Орнаментація невідома. Єдиний фрагмент реконструйований на 3/4 висоти, вказує на чашоподібну форму посудини із заокругленим денцем. Вузькогорлі фрагменти вказують на наявність посудин витягнутих пропорцій. Усі посудини цього виду модельовані лоскутним способом із прямокутних шматків глиняної маси.

Такі посудини відомі на Булганацькому городищі, але в них уже чітко виділена звужена шийка (*Храпунов, 1991: 201*), а також у керамічному комплексі Великої Чорноморки, де вони датуються VI–V ст. до н.е. (*Гаврилюк, Отрешко, 1982: 78*). Н.А. Гаврилюк такі посудини відносить до двох типів: горщики із прямою або майже прямою шийкою і посудини баночного типу, пов'язані із гето-даками (*Гаврилюк, Отрешко, 1982: 80–82*).

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видом VII/3.

Клас лискований посуд.

**Вид VIII/7.** Посудини великих об'ємів із невисоким незначно відігнутих горлом і різко розширеним тулубом (рис. 2, 11, 18–20). Тісто із домішками черепашкового і дрібнозернистого піску, іноді кварцового піску без додавання черепашкового, випал хороший. В основному посудини тонкостінні, на обидві поверхні наносився чорний або бурий ангоб, по якому проводилось лискування, після чого посудина орнаментувалася. До деяких посудин застосовувався відновлювальний випал. Також є підстави припускати складнішу технологію із використанням сполук заліза для отримання глянцевої дзеркальної поверхні. Такі фрагменти виготовлені із цупкої глини із домішкою кварцового піску, черепок двошаровий: верхній шар чорний, нижній – сірий. Ангоб при такій технології не використовувався. На злам черепок дуже міцний. Орнаментація геометрична – прокреслені тризубим, рідше – дво- або чотиризубим гребінцем лінії із мотивом заштрихованих трикутників, гребінчаста насічка у вигляді кайми, або заповнення фігур орнаменту, два пояси трикутників у верхній і нижній частині тулуба, розташовані у шаховому порядку, з'єднані лінії із ромбів і трикутників і т. і. Найчастіше основна орнаментальна композиція знаходиться у верхній половині тулуба і вгорі оторочена каймою. Іноді простежується заповнення білою пастою.

Корчаги, ідентичні по формі, з'являються у Південно-Західному Криму ще у VII ст. до н.е., проте вони мають інший метод нанесення орнаменту. Корчаги із подібним орнаментом відомі на поселенні Альма-Кермен (пізніє поселення, розкопки Н. Богданової) (*Дашевская, 1963: рис. 1, 1, 2*), у матеріалі античних садиб Гераклеїського півострова (Комишева бухта, № 152, Херсонеське городище), кизил-кобинських поселень Гераклеї, що передували розмежуванню (5-й кілометр та ін.) (*Савеля, 1994: 45*), Інкерманського поселення і Сахарної Головки (*фонди НЗХТ, інв №№ 879/С, 847/С, 858/С*). Їх поширення не обмежується лише Кримом: декілька фрагментів із подібною орнаментацією є серед матеріалів ранніх шарів Березані, Великої Чорноморки II (*Гаврилюк, Отрешко, 1982: рис. 5, 1–8*)



і Булганацького городища (Храпунов, 1991: рис. 14; 23, 20-25).

За межами Криму орнаментация гребінцевою насичкою майже не зустрічається (кілька фрагментів із Каменського городища: Бруяко, 2006: 42, рис. 9: 8-10), в Криму ж вона зустрічається масово. Ймовірно, такий тип нанесення орнаменту є явищем стадіальним і пов'язаний із розвитком типу декору – так наносити орнамент зручніше і швидше, не змінюючи при цьому семантику, при цьому витримуються його естетичні якості. Нажаль, доволі важко співвіднести його із іншими категоріями матеріалу кримських пам'яток, оскільки окрім прорисовок орнаменту ніякої іншої інформації вони не надають. Наскільки можна довіряти прорисовкам, така орнаментация є на корчагах з Херсонесу, Чайки, Південно-Донузлавського городища (Дашевская, 1963: рис. 1, 3-7; 2, 1, 6, 7), Маслин (Латишева, 1996: 56-61, рис. 1, 2), Маячного півострова (фонди НЗХТ, інв. № 15176), будівлі У6 агломерації Панське I у шарі третьої чверті IV ст. до н.е. (Hannestad, ect, 2002: 230). Відомий він також на лискованій кераміці поселення Карань-2 (Сенаторов, 1998: 10, рис. 4, 5). Уламки подібної корчаги супроводжували п. 1 к. 1 біля с. Колоски у Західному Криму. В.С. Ольховський датував поховання за амфорами і пастовими бусинами V–IV ст. до н.е. (Ольховский, 1982: 61, рис. 2, а). У сусідньому кургані 4 у п. 10 було знайдено уламок корчаги із гребінцевим орнаментом, поховання датується IV ст. до н.е. (Ольховський, 1982, с. 61, рис. 2, д). У скіфському підкурганному похованні біля с. Октябрське (к.4, п.1) знайдено уламки подібної корчаги і бронзову трилопатеу стрілу IV ст. до н.е. (Колотухин, 2000: рис. 20, б, 7).

Цей тип орнаменту дослідники нерідко відмежовують від традиційно кизилкобинського врізного, який датують не пізніше VI–V ст. до н.е., і відносять до часу не раніше IV ст. до н.е., пов'язуючи із населенням Пізньої Скіфії. Проаналізовані матеріали дозволяють дещо змінити погляд на походження посудин з орнаментом гребінчастою насичкою. В даному випадку вона зустрінена у ямі разом із посудинами із врізаним декором, що дозволяє констатувати їх співіснування. Нема підстав

припускати належність традиції орнаментации насичкою якоюсь іншою культурною традицією, відмінною від класичної кизилкобинської.

Фрагменти посудин, орнаментованих прокресленими гребінцем підтрикутними фігурами, відомі у матеріалі могильника Уркуста I (Наукові фонди ІА НАНУ, колл. 356; Лесков, Кравченко, 2007: рис. 17).

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видами VI/6, VII/4 попередніх горизонтів.

**Вид VIII/8.** Посудини середніх об'ємів горщикоподібної форми (гличиків-кухлів) із відігнутих вінцем, незначно звуженою шийкою, розширеним тулубом і ручкою, що кріпиться на вінці і плечі, іноді – на тулубі (рис. 2, 12, 17). Діаметр вінця приблизно дорівнює найбільшому діаметрові тулуба на середині висоти посудини. Тісто із домішками черепашкового і дрібнозернистого піску, випал хороший. Зовнішня і внутрішня поверхні ангобовані бурим або чорним, зовнішня лискована по ангобу, після чого на посудину нанесено орнамент кільказубим гребінцем. Орнамент – лінійний або геометричний, нанесено від плеча, іноді зустрічається два пояси орнаменту із трикутників, розташованих у шаховому порядку. По верхньому, а іноді і по нижньому краю орнаменту насичкою нанесено кайму. Деколи зустрічається збережене заповнення білою пастою.

Вид знаходить аналогії у ліпній кераміці, що походить із Херсонеса, яка за датуванням шару відноситься до другої половини V – першої половини IV ст. до н.е. (Сенаторов, 2003: 23, рис. 7). Подібна посудина є серед інвентарю поховання 2/6 Віліно, датована С.Г. Колтуховим VI–V ст. до н.е. (Колтухов, 2004: 106, рис. 6: 10; у публікації переплутано підписи під ілюстраціями, тому de facto це рис. 5, 10 – Е.К.). Автор датував цю посудину за аналогією із керкіницьких комплексів. Однак за приведеним матеріалом можна припустити можливість складання цього виду лише у V ст. до н.е. і широке побутування у IV ст. до н.е. Підстав датувати цей тип запропонованим С.Г. Колтуховим часом наразі немає.

**Вид VIII/9.** Посудини малих об'ємів із рівно відігнутих вінцем і різко розширеним



тулубом (рис. 2, 16). Діаметр вінця менший за найбільший діаметр тулуба на середині висоти посудини і приблизно дорівнює її допустимій висоті (денце не збереглося). Тісто із домішкою черепашкового і дрібнозернистого піску, зовнішня поверхня лискована. Відома орнаментация – прокреслені лінії у вертикальній площині від плеча по три у групі, що з'єднуються біля верхньої кайми. По вінцю – насічка гострим інструментом.

Вид знаходиться у одному типологічному рядку із видами V/4, VI/7, VII/5, 6 попередніх горизонтів.

**Вид VIII/11.** Відкриті посудини із рівно зрізаними вінцями, загнутими до середини, і стінкою, що різко звужується (тарілки) (рис. 2, 9). Тісто добре промішане і відмучене із домішкою дрібнозернистого і черепашкового піску, випал добрий. Обидві поверхні вкрито світло або темно-бурим ангобом, по якому проводилось лискування. Орнаментация невідома.

Вид поширений у Криму у комплексах часу раннього заліза.

Характерні особливості керамічного посуду горизонту K-VIII кизил-кобинської культури за матеріалами Керкінітиди:

1. Превалювання посудин великого та середнього об'єму.
2. Наявність слабо профільованих підлискованих посудин.
3. Пальцеві вдавлення або насічка по вінцю у орнаментации нелискованого посуду.
4. Наявність корчаг із вузьким горлом і сферичним тулубом.
5. Наявність посудин із ручкою на горлі типу глечиків.
6. Наявність горщикоподібної форми кухлів.
7. Превалювання у орнаментации лискованої кераміки гребінцевої насічки над прокресленим гребінцевим орнаментом.

Виділені комплекси K-VIII демонструють присутність більшості керамічних типів попереднього хронологічного зрізу, причому констатується відсутність змін у формі посудин за деякими винятками. Зміни проходять лише на рівні орнаменту, де декор у вигляді прокреслених кільказубим гребінцем ліній змінюється

гребінцевою насічкою. Поява нових елементів профілювання посудин, як то відкритих із внутрішнім ребром або банкоподібних, пов'язана із зовнішніми впливами – західними, визначеними гето-дакійським колом пам'яток.

*Комплекси кінця IV–III ст. до н.е. (IX-K)* є малочисельними і ми можемо виділити лише один із більш-менш вузькою датою – матеріал із городища Чайка із зольника, що відповідає другому будівельному періоду, і, можливо, першому. Інші є або недоступними для дослідження, або мішаними із широким датуванням. Загалом у цей період ККК у Західному Криму починає стрімко зникати, докорінно змінюючи свій матеріальний комплекс, і знахідки кінця IV–III ст. до н.е. демонструють близькість із комплексами так званих пізніх скіфів більшою мірою, ніж із ККК.

В етнокультурному плані матеріал горизонту VII-K, що належить населенню, засвідченому у писемних джерелах як «таври» (Кравченко, 2008а: 99-106), продовжує місцеві традиції при появі нового західного імпульсу, наразі із ареалу гето-дакійських культур, причому у VIII-K цей вплив посилюється. Простежено також відсутність відмінностей у комплексах ліпної кераміки античних і варварських поселень. Звертає на себе увагу дуже мала кількість знахідок столової ліпної кераміки. Враховуючи те, що йдеться про античну пам'ятку, ймовірно, що ліпний посуд тут якимсь чином доповнював стандартний гончарний посудний набір. Проте присутність, хоч і незначна, ліпного столового посуду в контексті античної пам'ятки і наявність усіх його типів на варварських кизил-кобинських пам'ятках може свідчити про присутність таврського етнічного компоненту серед населення Керкінітиди. Тут слід зазначити, що основна кількість врахованих у даній статті знахідок кизил-кобинської кераміки зосереджується у приміщеннях будинку 24 і навколо нього. Тому про масовий характер такого матеріалу не йдеться. Принаймні, такі комплекси надають можливість визначити хронологію кизил-кобинської кераміки, що необхідно для накреслення історичних процесів її фіналу. Аналіз цілісних комплексів на кизил-кобинських



поселеннях із античною керамікою довів, що наведені типи кераміки ККК належать одному населенню, відомому за античними

джерелами як таври без домішки скифського етнічного компоненту, про що раніше йшлося у літературі.

## Література

*Бруяко, 2006* – Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе. X–V вв. до н.э. Кишинев, 2005.

*Гаврилюк, Отрешко, 1982* – Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II. // Древности степной Скифии. К., 1982.

*Дашевская, 1963* – Дашевская О.Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. 1963. №4.

*Зубар, 2005* – Зубар В.М. Херсонес і таври: протистояння чи взаємодія? // Археологія. 2005. №1.

*Зубар, 2007* – Зубарь В.М. По поводу попытки возрождения одной устаревшей исторической концепции: Херсонес и тавры // ВДИ. 2007. № 3.

*Колесников, Яценко, д. 1979* – Колесников А.Б., Яценко И.В. Отчет о раскопках комплекса древнегреческих сельскохозяйственных усадеб у Евпаторийского маяка в полевой сезон 1979 г. // НА ИА НАНУ, д. 1979/101, № 9379.

*Колотухин, 2000* – Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. – Симферополь, 2000.

*Колтухов, 2004* – Колтухов С.Г. Лепная керамика Скифского населения Степного и Предгорного Крыма // Х сб. Вып. XIII. Севастополь, 2004.

*Кравченко, 2008* – Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Автореф. ... дис. канд. іст. наук. Спеціальність – 07.00.04 – археологія. К., 2008.

*Кравченко, 2008а* – Кравченко Е.А. Таври у писемних джерелах про Крим і Таврику. // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). К., 2008.

*Кутайсов, 1981а* – Кутайсов В.А. Отчет о раскопках Керкинитиды в 1981 г. Евпатория–Симферополь, 1982 // НА ИА НАНУ, д. 1981/3«е», ф.о. 9921.

*Кутайсов, 1981б* – Кутайсов В.А. Отчет о раскопках Керкинитиды в 1980 г. Евпатория –Симферополь, 1981 г. // НА ИА НАНУ, д. 1981/10«р», ф.о. 9822.

*Кутайсов, 1982* – Кутайсов В.А. Отчет о раскопках Керкинитиды в 1982 г. Симферополь, 1984 г. // НА ИА НАНУ, д. 1982/149, ф.о. 20731.

*Кутайсов, 1984* – Кутайсов В.А. Отчет о раскопках Керкинитиды в 1984 г. Симферополь, 1985 // НА ИА НАНУ, д. 1984/7«а», ф.о. 21189.

*Кутайсов, 1987* – Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. К., 1987.

*Кутайсов, 2004* – Кутайсов В.А. Керкинитиды в античную эпоху. К., 2004. 325 с.

*Кутайсов, Ланцов, 1985* – Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Отчет о работах западно-крымской экспедиции в 1985 г. Симферополь, 1986 // НА ИА НАНУ, д. 1985/16, ф.о. 21826.

*Кутайсов, Ланцов, 1986* – Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Отчет о работах западно-крымской экспедиции в 1986 г. Симферополь, 1987 г. // НА ИА НАНУ, д. 1986/6, ф.о. 21973.

*Латышева, 1996* – Латышева В.А. О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины) // Древности. Харьков, 1996.

*Лесков, Кравченко, 2007* – Лесков О.М., Кравченко Е.А. Гряда А могильника кизил-кобинської культури Уркуста I у Південно-Західному Криму // Археологія. 2007. № 4.

*Махортых, 2004* – Махортых С.В. Черногоровские древности Крыма // ССПК. Вып. XI. Запоріжжя, 2004.

*Николаенко, 1999* – Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 1. Севастополь, 1999.

*Ольховський, 1982* – Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4.

*Попова, Коваленко, 2005* – Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского поселения). М., 2005.

*Рубан, 1979* – Рубан В.В. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979.

*Савеля, 1979* – Савеля О.Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI–IV вв. до н. э. // ПГКСВП. Тбилиси, 1979.

*Савеля, 1994* – Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // АИК 1993 г. Симферополь, 1994.

*Савеля, 1996* – Савеля О.Я. Археологические материалы к истории Гераклеийского полуострова доколониального периода // Хсб. Вып. 7. Севастополь, 1996.



*Сенаторов, 1998* – Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань-2 // X сб. Вып. IX. Севастополь, 1998.

*Сенаторов, 2003* – Сенаторов С.Н. Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV вв. до н.э. из раскопок в Херсонесе // Xсб. Вып. 12. Севастополь, 2003.

*Сенаторов, 2005* – Сенаторов С.Н. Лепная керамика поселения на о. Березань из раскопок Государственного Эрмитажа 1963-1991 гг. // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1. СПб., 2005.

*Храпунов, 1991* – Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 1991.

*Щеглов, 1973* – Щеглов А.Н. О структуре населения хоры Херсонеса и Боспора в IV–II вв. до н.э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973.

*Яковенко, 1974* – Яковенко Е.В. Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н.е. К., 1974.

*Hannestad, Stolba, Sceglou, 2002* – Hannestad L., Stolba V.F., Sceglou A.N. Panskoje I. The Monumental Building U 6. Aarhus, 2002. Vol. I. Text. 308 p. Vol. 2. Plates.





*Кропотов В.В. (Киев)*

## **КУРГАН С «КОЛЛЕКТИВНЫМ ПОГРЕБЕНИЕМ» IV В. ДО Н.Э. В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ**

Курганы с так называемыми «коллективными погребениями» — одна из наименее изученных групп памятников Предгорного Крыма, представляющих собой перекрытые насыпью каменные склепы, содержащие до ста и более захоронений. Открытые в основном еще в конце XIX в., эти объекты в большинстве своем оказались ограбленными в древности и до наших дней сохранились в полуразрушенном виде. При этом, те скудные данные, которые они могли бы дать науке, были сильно обесценены низким научно-методическим уровнем раскопок: увлеченные поиском драгоценных высокохудожественных изделий, первые исследователи не уделили должного внимания ни их конструктивным деталям, ни особенностям погребального обряда, ни специфике расположения сопровождающего инвентаря. К тому же, основная масса найденных в них вещей ныне утрачена, а полевая документация, по сути, не доступна широкому кругу исследователей. В результате, мы имеем лишь самые общие представления об этих уникальных сооружениях, их хронологическом положении и культурной принадлежности, хотя особое значение «коллективных погребений» для понимания этнических процессов в Предгорном Крыму в эллинистическое и римское время признается всеми исследователями без исключения.

Единственный выход из создавшейся ситуации — изучение на современном научно-методическом уровне новых

памятников и последующее их введение в широкий научный оборот. Этой цели посвящена и данная работа.

Публикуемый курган (№2 по полевой документации) располагался в 4,5 км к ЗСЗ от с. Кринички Кировского района АР Крым, в 200 м к ЮЗ от Субашской станции Феодосийского горводоканала, вблизи подножья хребта Агармыш и был исследован в 2005 г. экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством автора. Памятник входил в группу из трех насыпей, вытянувшихся цепочкой по оси С-Ю на расстоянии 40 м друг от друга. Самый северный курган — крупный, высотой около 3,5 м и диаметром более 40 м, был разрушен в недавнее время сквозной траншеей, прорезавшей его насыпь с В на З почти до материка. Южный курган — значительно меньший: высота 1,2 м, диаметр близко 25 м, явных следов разрушения на его поверхности выявлено не было. Объект, исследованный в 2005 г., — наименьший в группе и находился непосредственно в ее центре. Окружавшая его местность никогда не распаивалась, благодаря чему памятник очень четко выделялся на поверхности. Его насыпь — овальная в плане, размером 24x16 м — была вытянута по оси З-В с незначительным отклонением к СВ, высота — 0,6 м. Северный и южный края насыпи ограничены резко, восточный и западный — более сглажены (рис.1-2).

Курган исследовался на снос вручную продольными траншеями шириной 2 м с



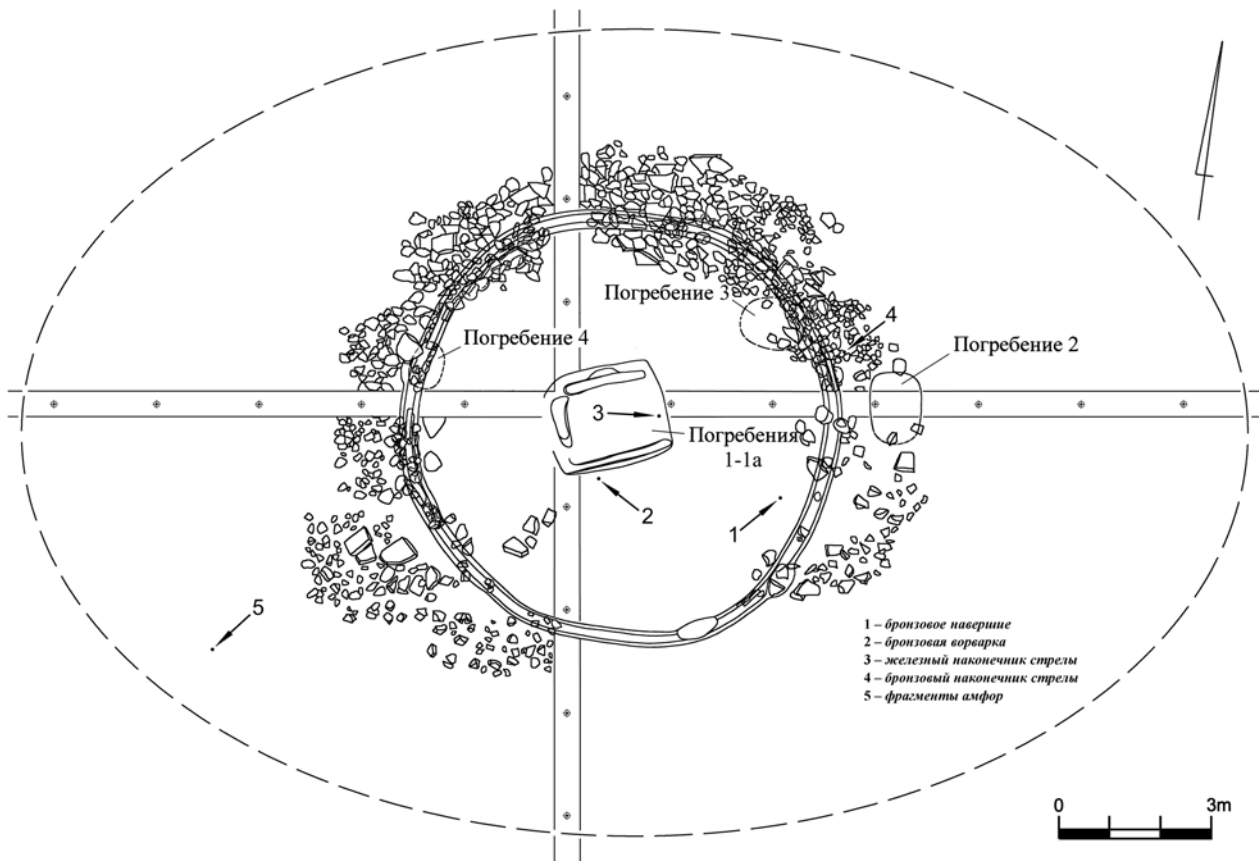


Рис.1. Курган 2 у с. Кринички, общий план.

оставлением двух перпендикулярных бровок, проведенных по осям кургана через его самую высокую точку, находившуюся в 1 м к ЗСЗ от геометрического центра. Только восточный и западный его края из-за недостатка времени снимались с помощью бульдозера ДТ-75. Ручная разборка и прекрасная сохранность памятника не только дали важные материалы для изучения «коллективных погребений», но и позволили по-новому осветить ключевые вопросы их происхождения и этнокультурной атрибуции.

\*\*\*

Курган был сооружен в два приема. Первичная насыпь возведена над погребением 1а и состояла из двух слоев: верхнего – плотный гумусированный суглинок с камнями, и нижнего – рыхлая пегая супесь. Граница между ними, четкая в центре кургана, слабо фиксировалась в его полах. Слой погребенной почвы проследить нигде не удалось, что, скорее всего, связано

с его крайне незначительной мощностью – плодородный слой на окружающей курган территории и ныне очень скудный и не превышает 0,05 м в толщину, сразу под ним следует материковая крошка.

Высота первоначального кургана осталась нам неизвестной, но его диаметр – 8 м, надежно устанавливается по кольцевому рву (глубиной и шириной от 0,3 до 0,4 м), служившему своеобразным фундаментом для каменной крепиды. Последняя имела вид сложенной насухо кладки из бутового камня и крупных известняковых плит, в некоторых случаях специально подтесанных. На крепиду опирался каменный панцирь, изначально, по-видимому, покрывавший насыпь целиком. Вся эта конструкция хорошо сохранилась в северной поле кургана, в южной же она еще в древности была почти полностью разобрана.

Спустя значительный промежуток времени, в ходе которого первоначальный курган успел оплыть по краю более чем на 3 м (рис.2), с восточной и западной его

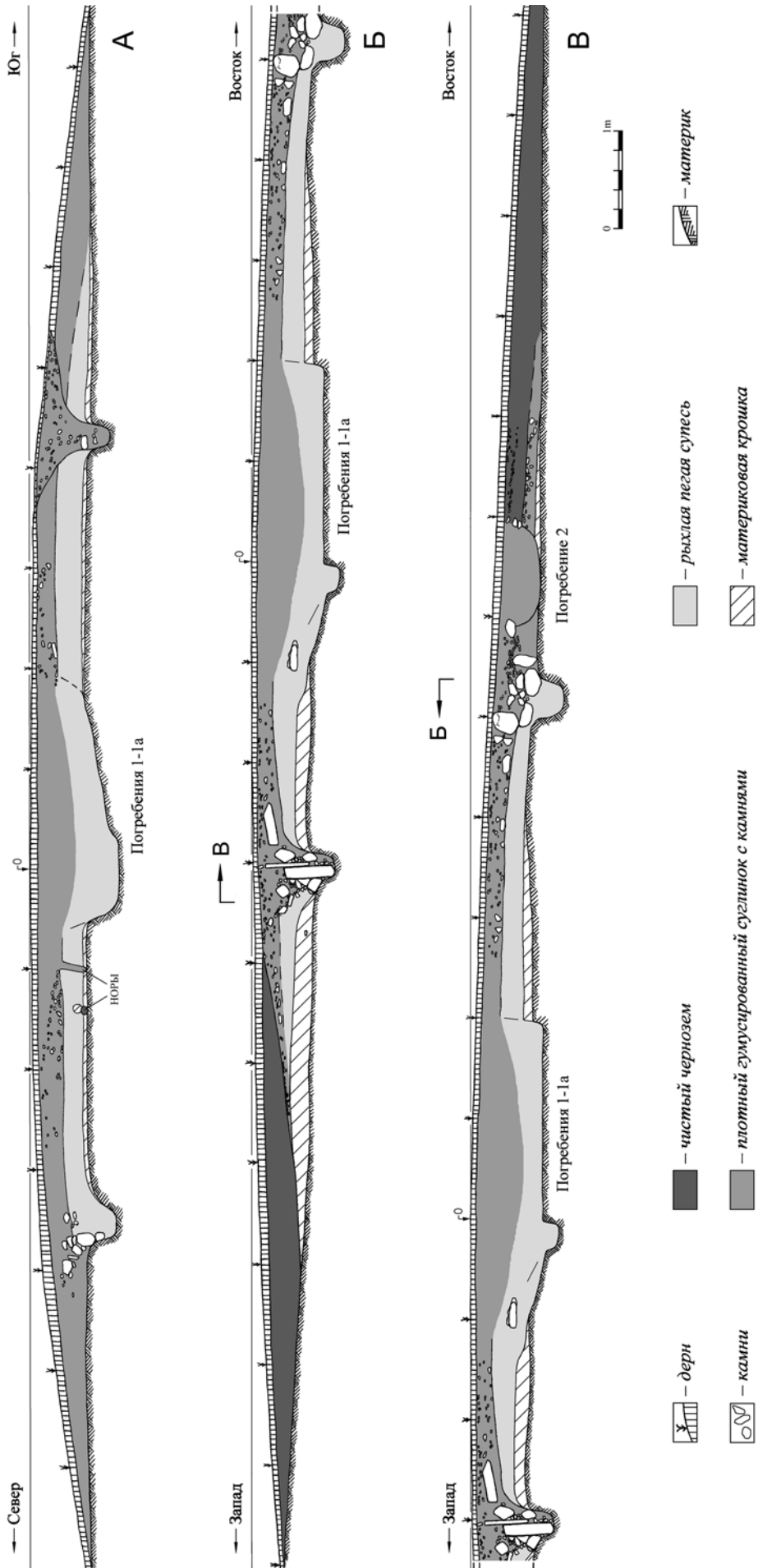


Рис.2. Курган 2 у с. Кринички, стратиграфия контрольных бровок.



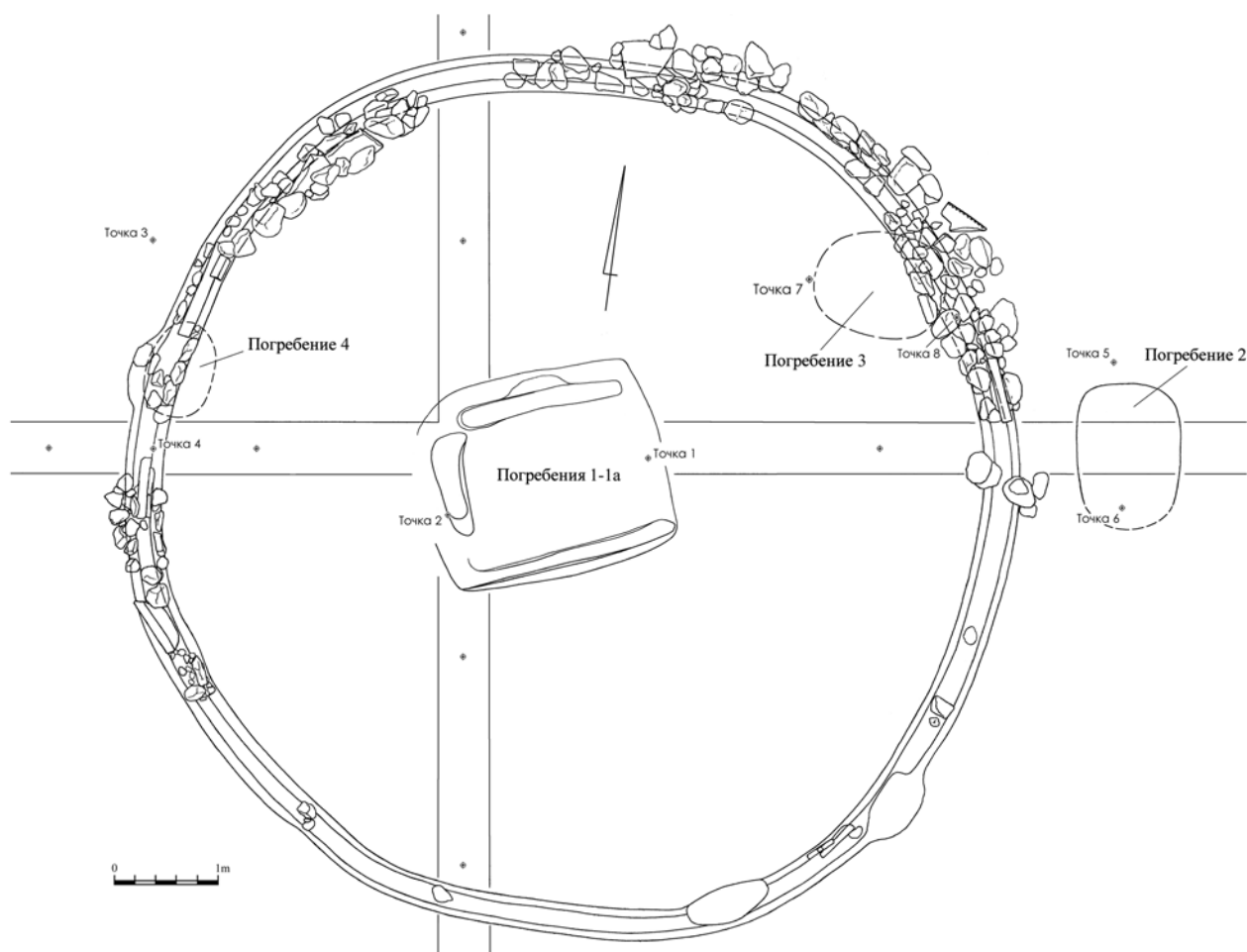


Рис.3. Курган 2 у с. Кринички, план центральной части.

сторон были пристроены две подсыпки из чистого чернозема, придавшие насыпи ярко выраженную овальную форму. Эти подсыпки, по всей видимости, следует связывать с сооружением вторичного погребения 1, так как под одной из них (западной) были найдены обломки красноглиняных и синопских амфор, являющиеся частями одних и тех же сосудов вместе с фрагментами, зафиксированными в заполнении этого погребения.

Всего в кургане было обнаружено два погребальных комплекса – погребения 1 и 1а, и три скопления человеческих костей, лишь условно названные погребениями 2, 3 и 4 (рис.3).

**Погребение 1 (впускное)** – находилось в геометрическом центре кургана. Конструкцию погребального сооружения достоверно проследить не удалось, так как его контуры, сливаясь с контурами разрушенного им погребения 1а, отчетливо не

читались даже на уровне материка. Однако, принимая во внимание незначительные размеры кургана, можно предположить, что данный объект имел вид простой подпрямоугольной в плане могилы размером 1,6-1,8 x 2-2,2 м, ориентированной длинной осью с ЗЮЗ на ВСВ. Его горизонтальное дно было устроено на глубине 0,75 м от вершины кургана, на 0,15 м ниже уровня материка (на уровне пола погребения 1а?). Каких-либо подстилок или подмазок на нем зафиксировано не было.

В могиле последовательно было захоронено несколько десятков человек, останки которых лежали непосредственно друг на друге без каких-либо подсыпок или прослоек между ними. Все захоронения в процессе расчистки условно были разделены на шесть ярусов, содержавших от шести до двенадцати погребенных.

**Ярус I** (рис.4 – ярус I). Останки усопших в этом ярусе были потревожены еще

в древности (во время выборки камня из крепиды и панциря?): отдельные их кости встречались сразу под дерном, целые же скелеты отмечены на глубине 0,24-0,29 м от вершины кургана. Всего в первом ярусе зафиксировано семь захоронений.

*Скелет I* (ребенок 3-5 лет)<sup>1</sup> лежал вытянуто на спине головой на ЗЮЗ вдоль длинной оси могилы ближе к ее северо-западному краю. Отдельные кости черепа, грудной клетки и рук обнаружены над скелетом в заполнении могилы.

*Скелет II* (взрослый человек, пол и возраст не определяются) находился рядом со скелетом I (в 0,3 м к югу от него) и был вытянут в том же направлении. Череп и большая часть посткраниального скелета смещены и обнаружены в заполнении могилы на уровне захоронения и над ним.

*Скелет VII* (мужчина зрелого возраста) располагался непосредственно под скелетом II, но был ориентирован в противоположную сторону. Его череп зафиксирован в первом ярусе, а посткраниальный скелет – во втором. Судя по сохранившемуся останкам, захоронение было совершено на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги скрещены в щиколотках. Нижняя часть скелета незначительно смещена при последующих подзахоронениях (скелетами I-II). К этому времени погребенный, по-видимому, еще не успел истлеть полностью.

*Скелеты III-VI* (молодой мужчина (?) и три ребенка в возрасте до 7 лет) представлены отдельными черепами, обнаруженными у северного края могилы среди разрозненных человеческих костей.

В I ярусе отмечены следующие находки: на правой руке скелета I – браслет из шести крупных бусин – четырех боченковидных из полупрозрачного синего стекла с белыми глазками, одной боченковидной из глухого желтого (?) стекла с поперечной линией и одной призматической из глухого черного стекла с оранжевыми фестонами (рис.4, 1; 11, 1), у ног скелета I – фрагмент стенки лепного сосуда, почти полный развал которого был обнаружен в следующем

ярусе (рис.4, 4), в ногах скелета II – бронзовое колечко (рис.4, 2; 11, 2), у южного края могилы – бронзовый браслет (рис.4, 5; 11, 5) и крупный фрагмент стенки еще одного лепного сосуда (рис.4, 3).

*Ярус II* (рис.4 – *ярус II*), за исключением посткраниального скелета VII, описанного выше, представлял собой сплошной слой разрозненных человеческих костей, отчасти представленных еще в первом ярусе (скелеты III-VI). Среди них явно преобладали кости нижних конечностей, в большинстве своем сочлененные между собой. Судя по ним, останки усопших в момент нарушения еще не успели истлеть полностью. Кроме них во втором ярусе обнаружено и шесть черепов: три (*скелеты VIII-X* – два взрослых мужчины и женщина) – у западного края могилы, и три (*скелеты XI-XIII* – ребенок в возрасте до 3 лет, мужчина и женщина 35-50 лет) – у восточного.

Также во II ярусе найдены: фрагментированный чернолаковый лекиф (рис.4, 6, 12; 12, 6, 12), почти полный развал лепного сосуда (рис.4, 7-8, 16; 12, 7-8, 16), бронзовые калачиковидная серьга (рис.4, 19; 11, 19), колечко (рис.4, 23; 11, 23), наконечник стрелы (рис.4, 17; 11, 17) и серьги с надетыми на проволочную дужку стеклянными пронизями – одной уплощенной боченковидной из глухого желтого стекла и двумя в виде кувшинчиков из полупрозрачного синего стекла с желтыми, белыми и зелеными глазками (рис.4, 13, 14, 20; 11, 13, 14, 20), фрагмент железного проволочного изделия (рис.4, 21; 11, 21), раковина каури (рис.4, 10; 11, 10), костяная пронизь (рис.4, 11; 11, 11), вытянутые боченковидные бусы из полупрозрачного синего (1 экз.), глухого желтого (1 экз.), глухого зеленого (3 экз.) и глухого лилового (3 экз.) стекла (рис.4, 9; 11, 9), зуб животного (лошади?), а также фрагмент кольцевого поддона гончарного красноглиняного сосуда (рис.4, 22; 11, 22) и ручка чернолакового килика (рис.4, 15), большая часть обломков которого была найдена ярусом ниже.

<sup>1</sup> Все антропологические определения проведены научным сотрудником Отдела биоархеологии ИА НАНУ к.и.н. Т.А. Назаровой.



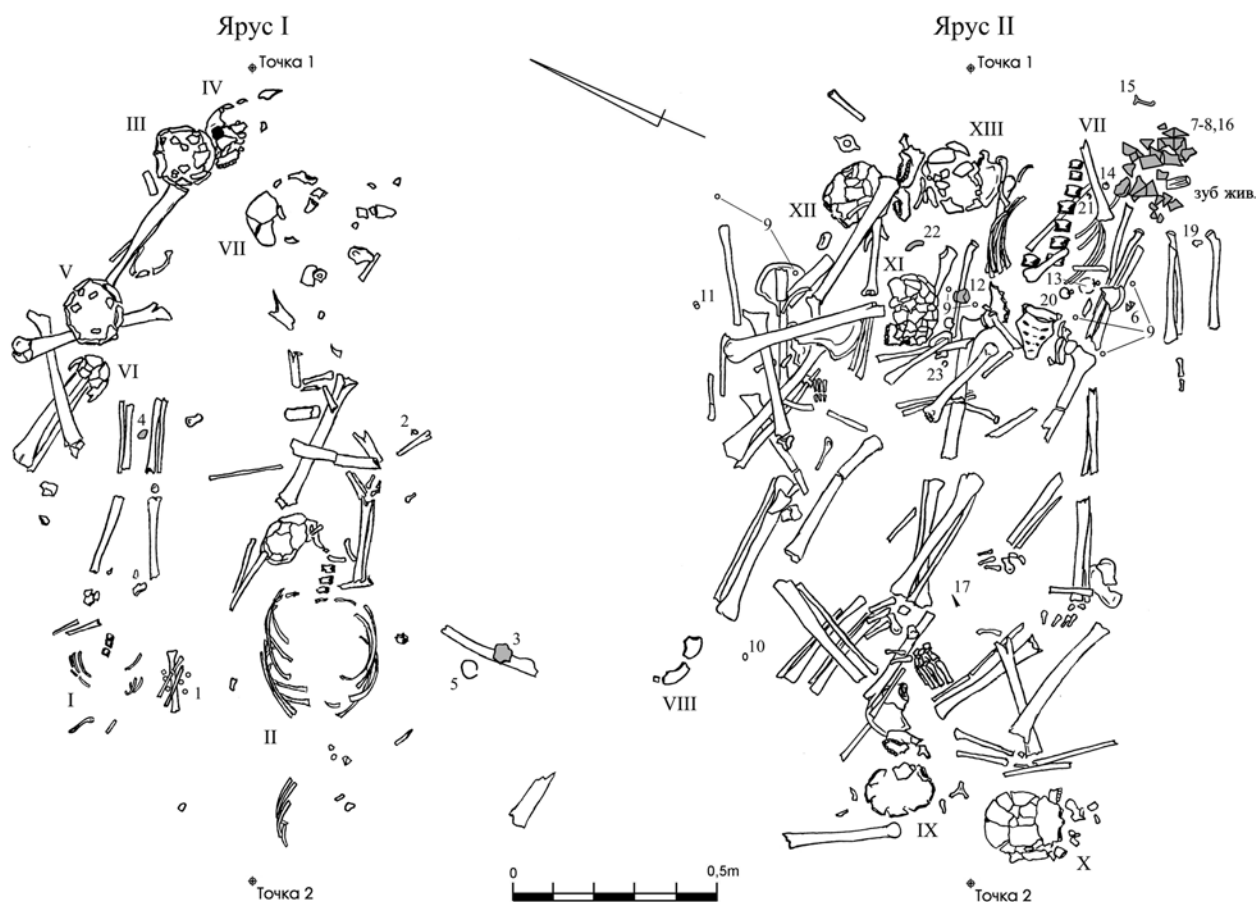


Рис.4. Курган 2 у с. Кринички, погребение 1: планы ярусов I и II.

*Ярус III* (рис.5 – *ярус III*). В этом ярусе зафиксировано двенадцать скелетов, два из которых сохранились в почти полном антропологическом порядке.

*Скелет XIV* (женщина 30-35 лет) лежал вдоль северного края могилы вытянуто на спине головой на ВСВ, руки – вдоль туловища.

*Скелет XX* (ребенок 8-12 лет) находился непосредственно под скелетом XIV и был частично им разрушен. Судя по сохранившимся останкам, усопший также располагался вытянуто на спине головой на ВСВ, но его ноги были скрещены в щиколотках.

Остальные скелеты определены по отдельным черепам, найденным у восточного (*скелеты XVI-XVIII, XXI и XXIV* – две женщины и три мужчины в возрасте 20-35 лет) и западного (*скелеты XV, XIX, XXII, XXIII и XXV* – две женщины и мужчина 25-35 лет, а также мужчина и женщина 18-20 лет) краев могилы. Все пространство между ними также заполняли разрозненные человеческие кости, среди которых преобладали

останки верхних и нижних конечностей, как и во II ярусе, в большинстве своем находившиеся в почти полном сочленении.

В III ярусе только бронзовые подвески с фигурными концами (рис.5, 18, 31; 11, 18, 31) найдены на черепах скелетов XX и XXI. Остальные находки сделаны в восточной части могилы, на предполагаемом месте расположения грудных клеток разрушенных скелетов. Среди них – гончарный сероглиняный кувшинчик с отбитыми в древности горлом и ручкой (рис.5, 25; 12, 25), еще одна бронзовая подвеска с фигурными концами (рис.5, 35; 11, 35), фрагменты железного изделия (рис.5, 36; 11, 36), зуб животного (лошади?), бусы: цилиндрическая из глухого зеленого стекла (1 экз.), вытянутые боченковидные из глухого черного стекла (4 экз.) и уплощенная боченковидная из того же материала с желтыми глазками (рис.5, 24, 25a, 26, 30, 34; 11, 24, 25a, 26, 30, 34), фрагменты стенок красноглиняной амфоры (рис.5, 28) и гончарного красноглиняного сосуда (рис.5, 32), а также



обломки чернолакового килика, часть из которых обнаружена между черепами скелетов XVII и XXIV (рис.5, 29, 33; 12, 15, 29, 33).

*Ярус IV* (рис.5 – *ярус IV*) содержал шесть почти полных скелетов, уложенных, за исключением одного, вытянуто на спине друг рядом с другом головами на ВСВ.

*Скелет XVIIIa*. От этого захоронения, расположенного в центре могилы, сохранился только позвоночный столб и часть ребер. Кости конечностей и таза отсутствовали. При разборке скелет предположительно был связан с черепом XVIII, зафиксированным в третьем ярусе, и получил условный номер XVIIIa.

*Скелет XXIa* (мужчина 20-35 лет), занимавший южную часть могилы, сохранился почти полностью (отсутствовал только череп). Его ноги были слегка раскинуты в стороны, левая рука согнута в локте. Скелет, по-видимому, связан с одним из зафиксированных в третьем ярусе в юго-восточном углу могилы черепов, потому и получил условный номер XXIa.

*Скелет XXVI* (мужчина 20-35 лет) сохранился в полном анатомическом порядке и располагался вытянуто в северной части могилы, частично перекрывая скелет XXVIII.

*Скелет XXVII* (мужчина 40-50 лет) находился между скелетами XXIa и XVIIIa, смешиваясь с костями последнего. От покойного *in situ* сохранились только череп, позвоночный столб и нижние конечности, судя по которым он также был вытянут вдоль длинной оси могилы.

*Скелет XXVIII* (женщина в возрасте до 30 лет) обнаружен под костями захоронений XVIIIa и XXVI и был ими сильно нарушен. Судя по сохранившимся останкам, покойная лежала вытянуто на спине, правая рука откинута в сторону, левая – не сохранилась.

*Скелет XXIX* (ребенок 3-6 лет) находился под скелетами XXIa и XXVII и в отличие от остальных захоронений этого яруса был уложен почти по диагонали могилы головой на В со скрещенными в щиколотках ногами. От скелета сохранилась только нижняя часть, верхняя – полностью разрушена перекрывшими его захоронениями.

В IV ярусе обнаружены следующие находки: на запястье левой руки скелета XXIa – железный пластинчатый браслет (рис.5, 52; 13, 52); к северу от скелетов XXVI и XXVIII, поверх костей захоронения XXXI, зафиксированного в V ярусе, – набор из тринадцати бронзовых наконечников стрел и одного железного (рис.5, 37; 11, 37); близ правой руки скелета XXVI – бронзовая ворварка (рис.5, 44; 13, 44); среди костей скелетов XVIIIa и XXVII – костяная пронизь (рис.5, 42; 13, 42), бронзовый наконечник стрелы (рис.5, 39; 13, 39), фрагмент чернолакового сосуда (рис.5, 45) и бусы: уплощенная боченковидная из прозрачного синего стекла (1 экз.), уплощенная из глухого желтого (?) стекла с разложившимися глазками (1 экз.) и боченковидная из полупрозрачного синего стекла с белыми глазками (1 экз.) (рис.5, 38, 41, 43; 13, 38, 41, 43); в юго-восточном углу могилы – бронзовая подвеска с фигурными концами (рис.5, 40; 13, 40).

*Ярус V* (рис.6 – *ярус V*) составили захоронения XXX-XXXVII и XVIIa.

*Скелет XVIIa* (молодой мужчина) представлен полным посткраниальным скелетом и располагался под захоронением XXIa, поверх костей скелета XXX. Его череп отсутствовал, но, возможно, был зафиксирован в ярусе III в юго-восточном углу могилы (в связи с чем, скелет и получил условный номер XVIIa). Судя по сохранившимся останкам, покойный был уложен на спину головой на ВСВ, руки вытянуты вдоль туловища. Согнутые ноги, по-видимому, изначально были направлены коленями вверх (как у покойников ямной культуры) и лишь позднее завалились на правую сторону.

*Скелет XXX* (мужчина 30-35 лет) находился под скелетом XVIIa и также располагался вытянуто головой на ВСВ, руки – вдоль туловища, ноги смещены в результате последующих подзахоронений. Под головой – крупный обломок известняковой плиты (попал в могилу случайно?).

*Скелет XXXI* (ребенок 7-10 лет) зафиксирован в северной части могилы в вытянутом положении головой на ВСВ, ноги слегка раскинуты в стороны, правая рука согнута под прямым углом и уложена на грудь.



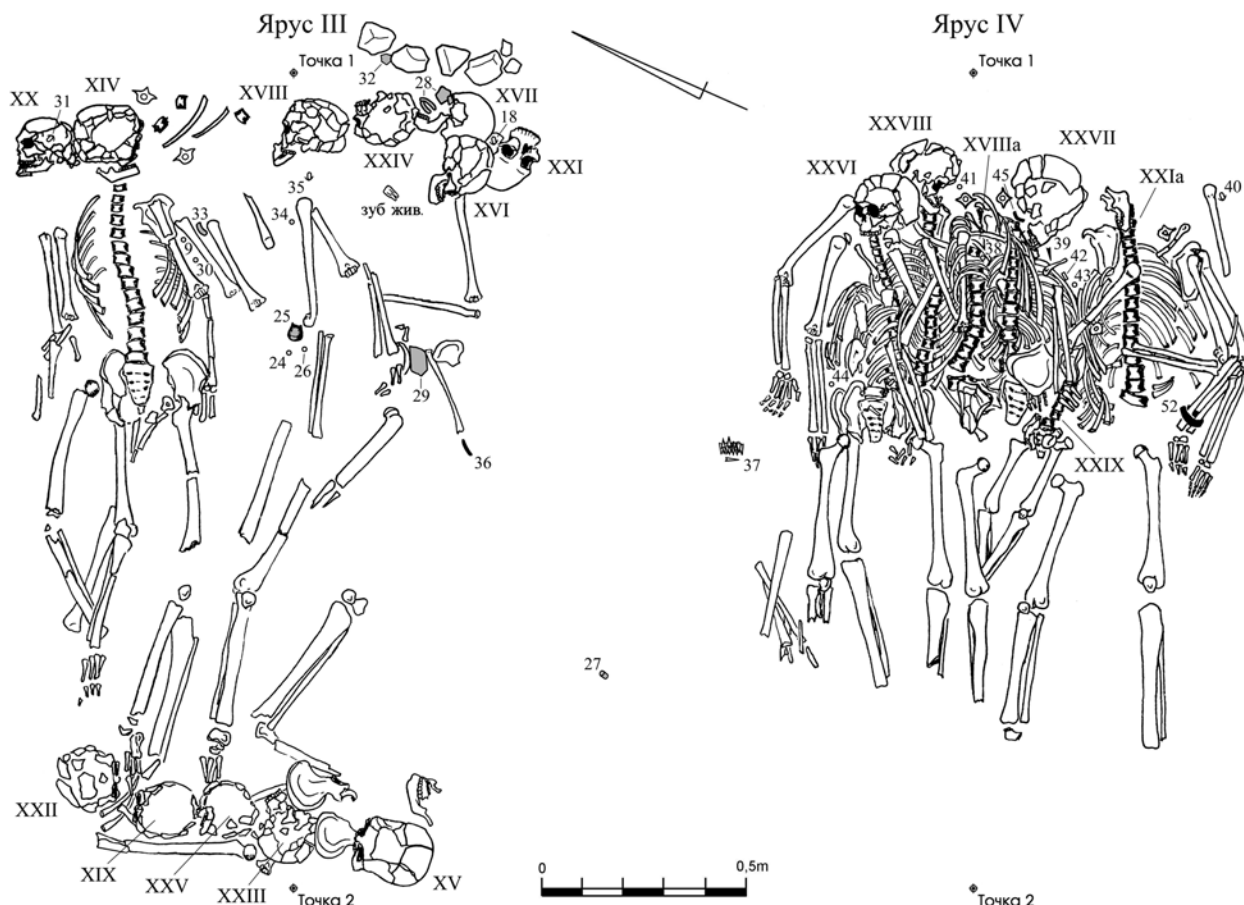


Рис.5. Курган 2 у с. Кринички, погребение 1: планы ярусов III и IV.

*Скелет XXXII* (женщина в возрасте до 30 лет) находился в центре могилы и частично перекрывал скелет XXXIV. Его кости сильно пострадали при последующих подзахоронениях — *in situ* сохранились только нижние конечности, грудная клетка и левое предплечье, череп откатился к восточному краю могилы. Изначально, по-видимому, покойная была уложена вытянуто на спине головой на ВСВ.

*Скелет XXXIII* (девушка-подросток 16-18 лет) представлен одним черепом, найденным в юго-западной части могилы под скелетами XVIIa и XXX.

*Скелет XXXIV* (мужчина 20-35 лет) располагался между скелетами XXXI и XXXIIa и был частично ими перекрыт. Его останки сохранились в почти полном анатомическом порядке — покойный был вытянут головой на ВСВ, правая рука чуть откинута в сторону.

Остатки скелетов XXXV-XXXVII обнаружены у западного борта могилы в смещенном состоянии.

*Скелеты XXXV* и *XXXVII* (мужчина 18-20 лет и женщина 20-25 лет) зафиксированы только по черепам, расположенным в ногах захоронения XXXIV.

*Скелет XXXVI* (ребенок неопределенного возраста) представлен хорошо сохранившейся грудной клеткой, находившейся в момент обнаружения в наклонном положении. По-видимому, захоронение было сдвинуто со своего первоначального места, когда его мягкие ткани еще не истлели.

В V ярусе найдены: под кистью левой руки скелета XVIIa — лежащие вместе два бронзовых наконечника стрелы (рис.6, 51; 13, 51), железный нож, шило и скоба (рис.6, 54; 13, 54, 54a-б), на запястье этой же руки — железный пластинчатый браслет (рис.6, 53; 13, 53) с прикипевшей к нему свинцовой пронизью (рис.6, 53a; 13, 53a); под тазом скелета XVIIa — подвеска-лунница из белого металла (рис.6, 57; 13, 57); на месте живота скелета XXX — бусина из полупрозрачного синего стекла с белыми глазками (рис.6, 49; 13, 49); между черепами XXX и





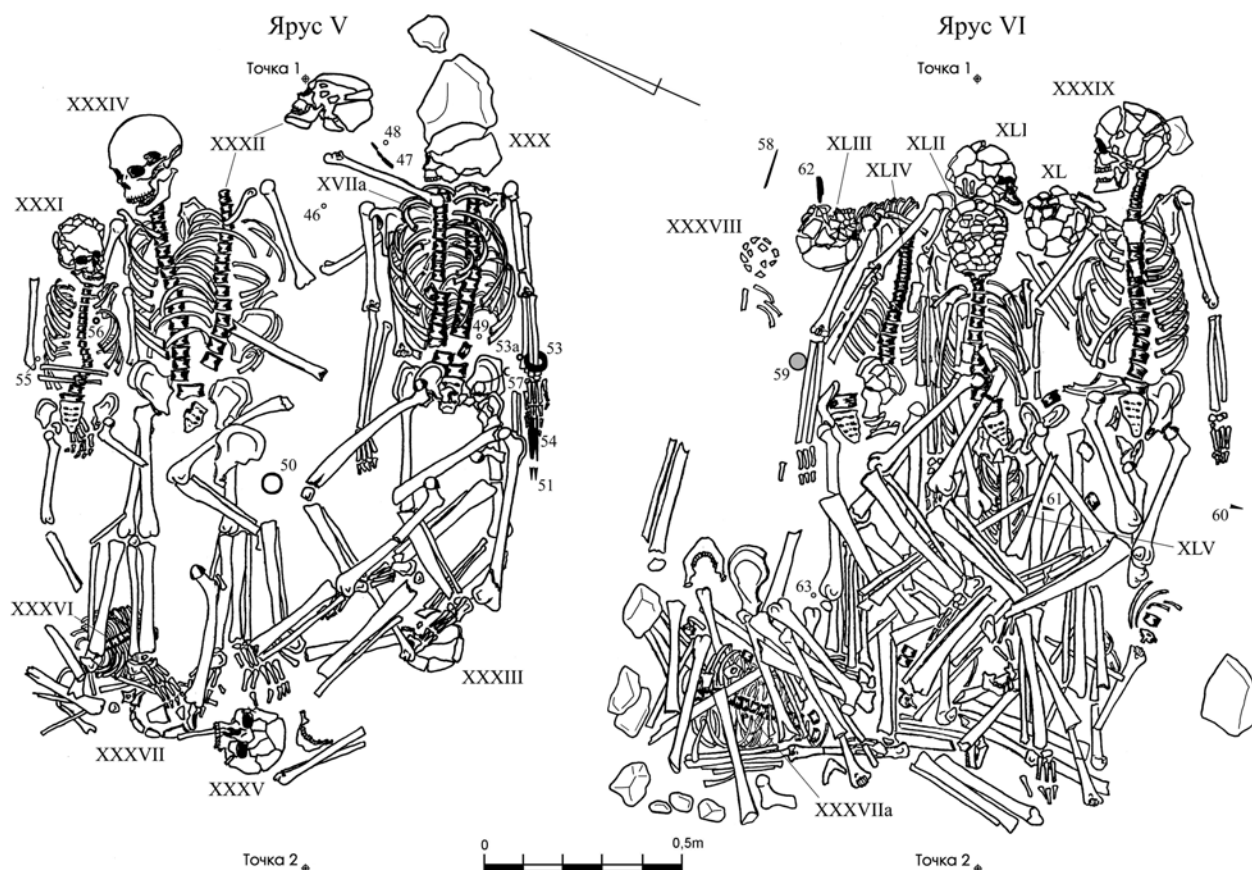


Рис.6. Курган 2 у с. Кринички, погребение 1: планы ярусов V и VI.

XXXII – железное шило (рис.6, 47; 13, 47) и фрагмент пронизи из зеленоватого стекла с разложившимися глазками (рис.6, 48; 13, 48); между скелетами XVIIa и XXXIIa – железный круглопроволочный браслет (рис.6, 50; 13, 50) и бусина из глухого желтого стекла с разложившимися глазками (рис.6, 46; 13, 46); на груди скелета XXXI – еще одна боченковидная бусина из полупрозрачного синего стекла с белыми (?) глазками (рис.6, 55; 13, 55) и свинцовая ворварка (рис.6, 56; 13, 56).

*Ярус VI* (рис.6 – *ярус VI*) составили скелеты XXXVIII-XLV, лежащие непосредственно на дне могилы. В юго-западной части они были перекрыты сплошным слоем костей, в основном нижних конечностей, многие из которых были сочленены между собой. Среди них, в западном углу могилы, оказалась и целая грудная клетка – *скелет XXXVIIa*, возможно, связанная с одним из найденных ярусом выше черепов (скелеты XXXV и XXXVII).

*Скелет XXXVIII* (ребенок грудного возраста) находился у северного края могилы.

Его останки сильно истлели и, к тому же, были потревожены норой грызуна: от скелета сохранились лишь отдельные кости черепа и грудной клетки, судя по которым, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ВСВ.

*Скелет XXXIX* (мужчина 30-35 лет) располагался у противоположного – южного, края могилы и также был вытянут головой на ВСВ. Откинута чуть в сторону правая рука перекрывала останки находившихся рядом захоронений XL-XLII.

*Скелет XL* (женщина (?) 30-40 лет). От этого захоронения сохранился только череп, лежащий между черепами XXXIX и XLI-XLII. Посткраниальный скелет полностью разрушен при подзахоронениях (скелетами XXXIX, XLI-XLII и последующими).

*Скелет XLI* (женщина(?) 18-20 лет) лежал в центре могилы, вдоль ее длинной оси, головой на ВСВ и был перекрыт захоронением XLII. Откинута далеко в сторону правая рука скелета перекрывала захоронения XLIII-XLIV.



*Скелет XLII* (женщина(?) 40-55 лет) располагался поверх скелета XLI и был ориентирован в том же направлении. Поверх его тазовых костей находилось захоронение XLV, в свою очередь, перекрытое описанным выше слоем костей.

*Скелет XLIII* (ребенок 8-10 лет) — единственное захоронение в комплексе, которое было уложено поперек длинной оси могилы головой на ССЗ. Скелет располагался вдоль ее восточной стенки на самом дне (в слое натечной глины) и был перекрыт последующими захоронениями (скелетами XXXIX-XLII и XLIV), разрушившими его нижнюю часть.

*Скелет XLIV* (мужчина(?) 20-35 лет) находился между захоронениями XXXVIII и XLI-XLII и был ориентирован с ними в одном направлении (головой на ВСВ). Сохранился полный посткраниальный скелет, череп отсутствовал.

*Скелет XLV* (ребенок в возрасте до 7 лет) обнаружен под слоем разрозненных костей над скелетом XLII. От погребенного *in situ* сохранилась только грудная клетка, остальные кости смещены при подзахоронениях. Судя по сохранившимся останкам, покойный также был уложен головой на ВСВ.

В VI ярусе обнаружены следующие вещи: в северном углу могилы, в слое натечной глины — железное шило (рис.6, 58; 14, 58); чуть южнее его, у головы скелета XLIII — железный нож с костяной ручкой (рис.6, 62; 14, 62); у левой руки скелета XLIV — лепная круглодонная курильница (рис.6, 59; 14, 59); у южного края могилы — бронзовый наконечник стрелы (рис.6, 60; 14, 60); еще один наконечник стрелы (рис.6, 61; 14, 61) — в ногах скелетов XXXIX и XLI; под слоем разрозненных костей в западной части могилы — бусина из полупрозрачного синего стекла с белыми глазками (рис.6, 63; 14, 63). При разборке скелетов, среди костей и в слое натечной глины под ними найдены две бронзовые проволочные подвески со спирально закрученными концами (рис.14, 64), раковина каури (рис.14, 65)

и две бусины: уплощенная из полупрозрачного синего стекла с белыми глазками и цилиндрическая из глухого черного стекла (рис.14, 66-67).

Кроме того, в заполнении могилы без точной фиксации местонахождения были обнаружены отдельные фрагменты ручек, венчиков и стенок нескольких лепных сосудов (рис.14, 69-72), мелкие части красноглиняной амфоры, бронзовая пронизь, сделанная из обломка трехгранного наконечника стрелы (рис.14, 68), а также несколько фрагментов лепных украшенных врезным геометрическим орнаментом сосудов эпохи энеолита (рис.12, 73-74)<sup>2</sup>.

**Погребение 1а (основное)** — полностью разрушено и перекрыто погребением 1. Его удалось выявить только по заполненным темным грунтом пазам, найденным под нижним ярусом захоронений погребения 1. Эти пазы имели вид своеобразных канавок, выдолбленных в материке на глубину 0,1-0,15 м от уровня пола погребения 1 вдоль трех из четырех его сторон. Размеры северного пазы 1,6х0,2 м, южного — 2х0,15 м, западного — 1х0,25 м (рис.7). Судя по ним, погребение 1а имело вид каменного ящика размером по внешнему краю примерно 1,8х1,6 м, ориентированного, как и разрушивший его комплекс, с ЗЮЗ на ВСВ. Культурная принадлежность сооружения достоверно не установлена — не исключено, что оно относилось еще к эпохе бронзы.

**Погребение 2** (рис.8) — скопление костей, найденное в 6 м к востоку от условного «0», за пределами крепиды первоначального кургана. Разрозненные человеческие кости находились в ориентированной по оси С-Ю овальной яме (размером около 1,4х1 м, глубиной до 0,4 м), прорезавшей позднюю досыпку кургана, и занимали почти все ее пространство вплоть до самого дерна. В их числе обнаружено десять черепов и девять нижних челюстей, относящиеся к разным скелетам: из 10 черепов — 7 мужских (возраст одного усопшего 20-25 лет, троих — около 30 лет, двоих — 40-50 лет, одного — 50-60 лет), 2 женских (возраст

<sup>2</sup> Определение старшего научного сотрудника отдела археологии энеолита — бронзы ИА НАНУ к.и.н. Ю.Я. Рассасакина.



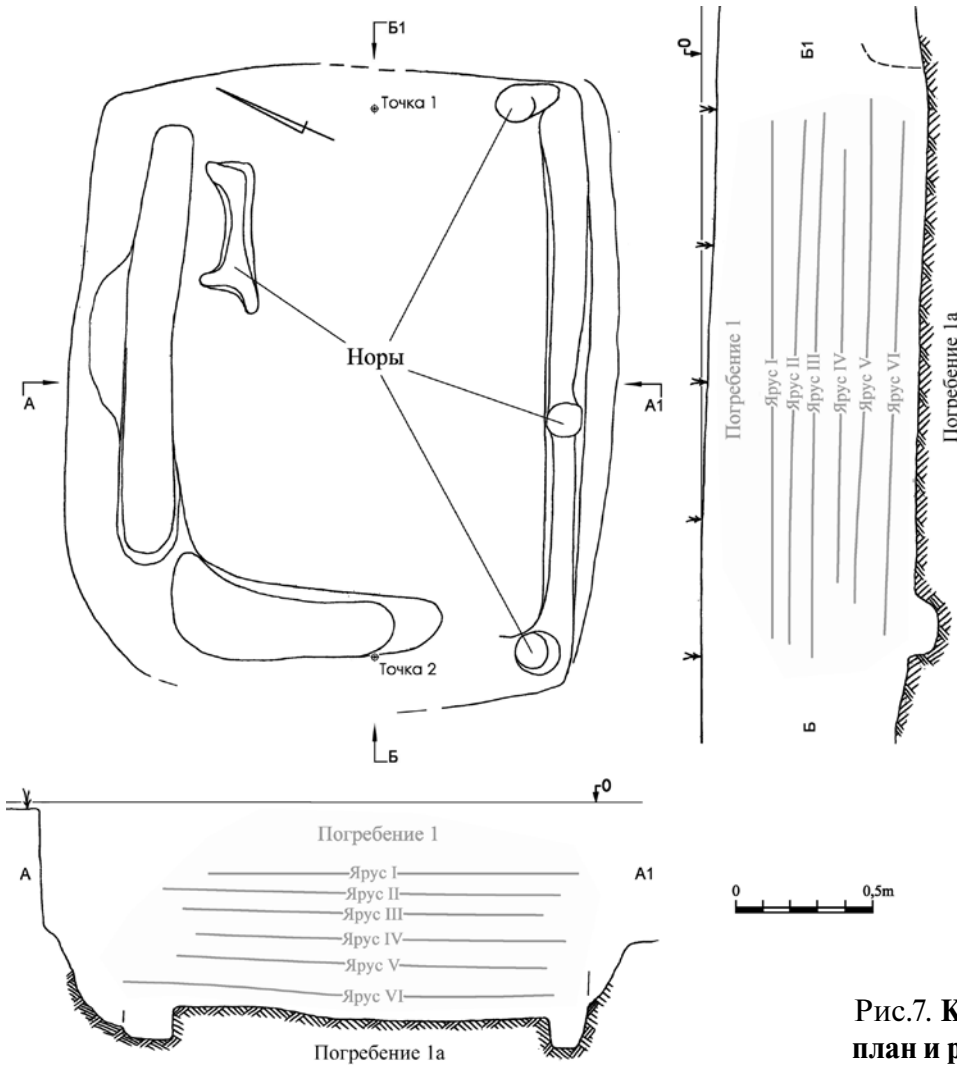


Рис.7. Курган 2 у с. Кринички, план и разрезы погребения 1а.

покойных до 35 лет) и 1 детский (ребенок 5-6 лет); из 9 челюстей – 5 женских (возраст четырех усопших 18-20 лет, возраст одной точно не определяется), 3 мужских (возраст покойных 20-25, 35-40 и 45-55 лет) и 1 детская (ребенок 5-6 лет). Судя по ним, в яму были свалены отдельные кости примерно двух десятков скелетов.

В заполнении погребения 2 найдены: четыре бронзовых колечка (рис.15, 4-7), обломки железного пластинчатого браслета, ножа и круглопроволочного изделия (рис.15, 1-3), бусы: уплощенная боченковидная из глухого желтого стекла (1 экз.), уплощенные из полупрозрачного синего стекла (2 экз.), биконические из полупрозрачного синего (1 экз.) и желтого (4 экз.) стекла, округлые из глухого красного стекла с черными глазками (2 экз.) и боченковидная из глухого черного стекла (1 экз.) (рис.15, 8-10), а также отдельные фрагменты

стенок красноглиняной и синопской амфор, части гончарного красноглиняного и чернолакового сосудов (в том числе фрагмент кольцевого поддона красноглиняного сосуда, оказавшийся частью того же изделия, что и обломок, изображенный на рис.11, 22) и более 20 фрагментов лепного горшка, почти полный развал которого был обнаружен во II ярусе погребения 1 (рис.12, 7-8, 16). Кроме того, здесь же находились и два обломка энеолитических сосудов (рис.15, 11-12), идентичные найденным в насыпи кургана и заполнении погребений 1 и 3.

**Погребение 3** (рис.9) – скопление костей, находившееся в 4 м к ВСВ от условного «0» среди камней панциря первоначального кургана. Точные контуры объекта проследить не удалось, но, по-видимому, он также имел вид неглубокой овальной в плане ямы, доверху заполненной



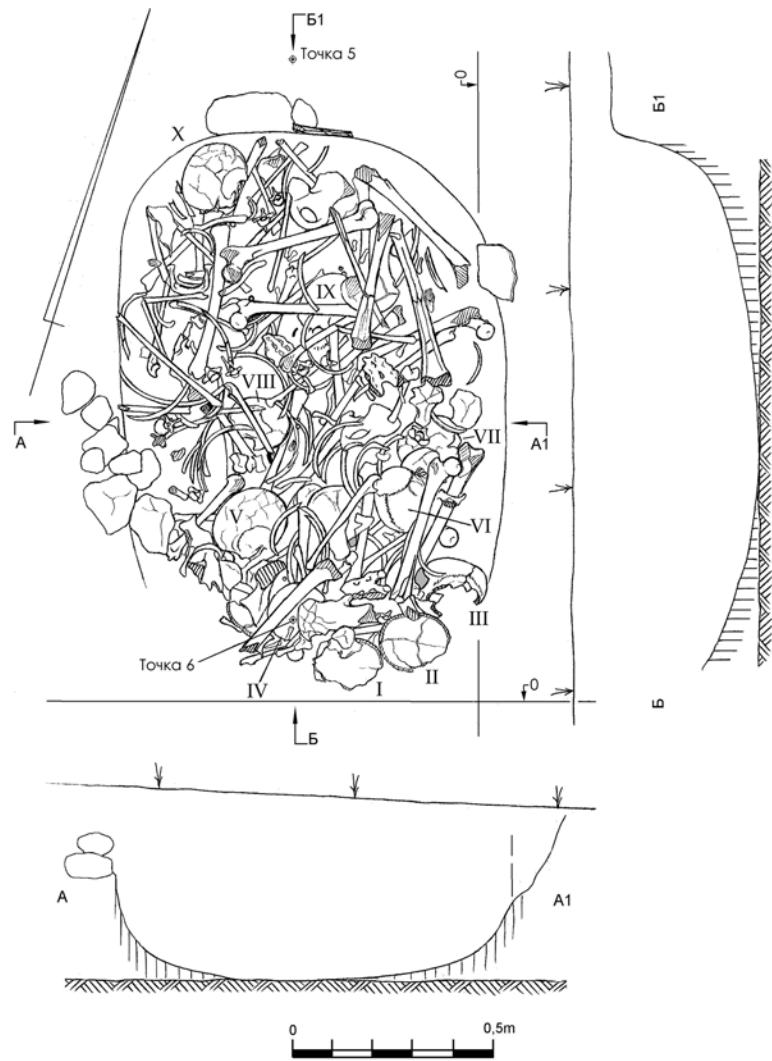


Рис.8. Курган 2 у с. Кринички, план и разрезы погребения 2.

разрозненными человеческими костями. Среди последних обнаружены и три черепа: два мужских (возраст усопших 40-50 лет) и один женский (возраст покойной точно не определяется). Среди костей в погребении 3 найдены: бочковидная бусина из полупрозрачного синего стекла (рис.15, 1), несколько фрагментов стенок красноглиняных амфор и гончарных красноглиняных и чернолаковых сосудов, а также обломок стенки лепного энеолитического сосуда (рис.15, 2).

**Погребение 4** (рис.10) — скопление костей, выявленное в 3 м к западу от условного «0». Это скопление по условиям находки явно отличалось от предыдущих. Длинные кости и черепа двух скелетов (мужчина (?) неопределенного возраста и ребенок 8-12 лет) были аккуратно сложены в небольшом углублении, сделанном в поле первоначального кургана, и также аккуратно накрыты

крупными известняковыми плитами, взятыми из каменного панциря. Позднее весь участок перекрыла мощная черноземная досыпка, пристроенная к кургану с двух сторон (западной и восточной). Каких-либо находок в погребении 4 обнаружено не было.

**Находки из насыпи.** В насыпи кургана также найдены: в дерне в 4,5 м к ВЮВ от условного «0» — бронзовое четырехгранное навершие с округлой втулкой (рис.1, 1; 16, 1); в дерне в 1,5 м к ЮЮВ от условного «0» — бронзовая усеченноконическая ворварка (рис.1, 2; 16, 2); под дерном в 2 м к востоку от условного «0» — железный черешковый наконечник стрелы с ромбовидной головкой (рис.1, 3; 16, 3); в дерне в 5,5 м к ВСВ от условного «0» — бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис.1, 4; 16, 4); в 8,5 м к юго-западу от условного «0» под поздней досыпкой кургана (в 0,1 м

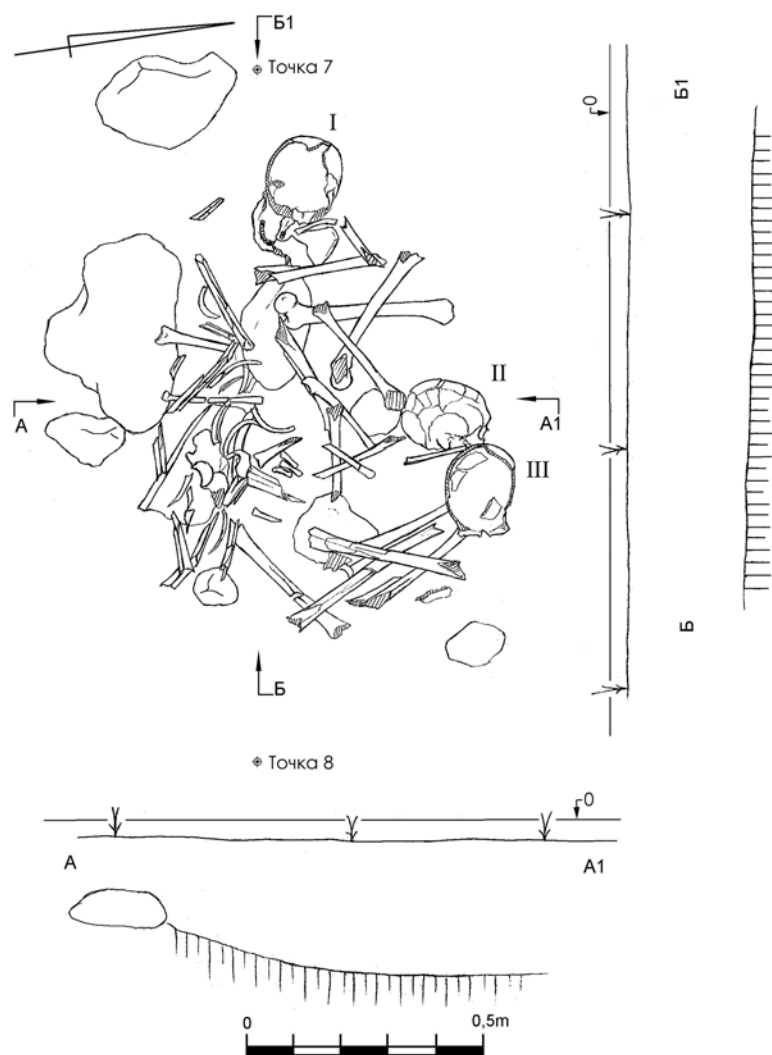


Рис.9. Курган 2 у с. Кринички, план и разрезы погребения 3.

над материком) – несколько обломков стенок и ручек красноглиняной и синопской амфор (рис.1, 5; 16, 5-5a). Остальные находки – фрагменты тех же амфор, гончарных и лепных сосудов (в том числе энеолитических) (рис.16, 6-16), концентрировались в центре насыпи вблизи и над погребением I. Особо следует отметить находку в верхнем слое насыпи первоначального кургана и в южной части кольцевого рва сорока кремневых отщепов, среди которых оказалось и несколько целых микролитических орудий, относящихся к эпохе неолита (рис.16, 17)<sup>3</sup>.

\*\*\*

Исследованное в кургане 2 у с. Кринички «коллективное захоронение» (погребение 1) рядом деталей отличается от

классических памятников этого типа – Тавельских, Талаевского, Курцевского и Сабловского курганов, а также курганов в быв. имениях Нестерова, Черкеса, Пастака и Крыма. В первую очередь, его выделяет особое хронологическое положение. Если ранее курганы с «коллективными погребениями» датировались в пределах второй половины или конца III в. до н.э. – рубежа I–II вв. н.э. (Троицкая, 1951: 94-98; Дашевская, 1951: 23-24; Колтухов, 2001: 59 и сл.), то данный комплекс предусматривает гораздо более раннюю датировку (Кропотов, 2007: 95-97). Найденные в нем массовые вещи – бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел (четвертой хронологической группы по А.И. Мелюковой), круглопроволочные и пластинчатые браслеты

<sup>3</sup> Определение младшего научного сотрудника отдела археологии каменного века ИА НАНУ Д.В. Ступака.



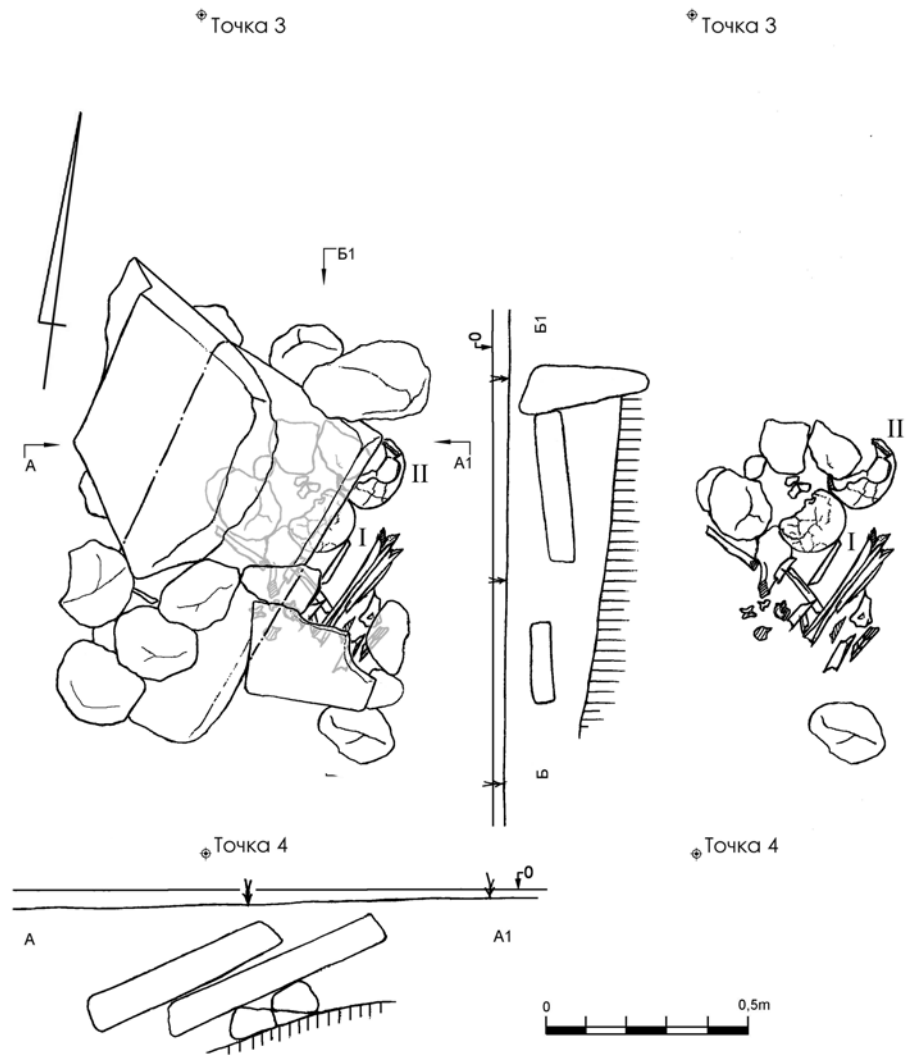


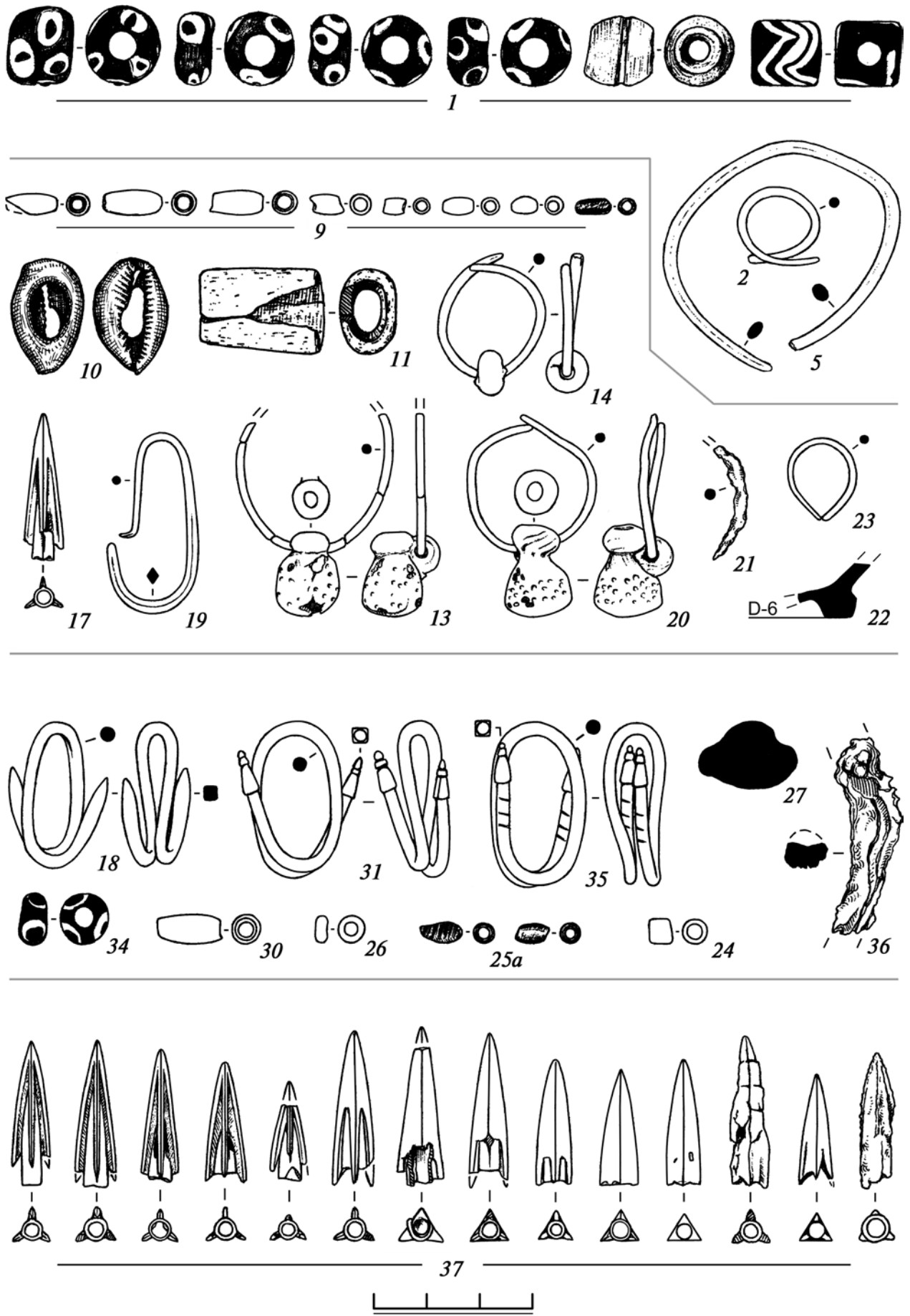
Рис.10. Курган 2 у с. Кринички, план и разрезы погребения 4.

(типов I-4/1 и II-2)<sup>4</sup>, серьги со спирально закрученными концами (тип 8), калачиковидная сережка (тип 10/1), подвески с фигурными окончаниями (тип 25), проволочные украшения с надетыми на них стеклянными пронизями (тип 27/3), железные шилья и ножи (в том числе с костяной ручкой), бронзовые ворварки, одноцветные и глазчатые бусы и т.д. — наиболее характерны для конца V — начала III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964: 25 и сл.; Силантьева, 1976: 130 и сл.; Петренко, 1978: 28-31, 35-36, 53, 57; Бессонова, 2007: 3 и сл.). Более узкую дату нам дают обнаруженные в комплексе с ними чернолаковые сосуды. Первый — аттический лекиф, сохранился только частично: его горло и ручка утрачены в древности, лак сильно потерт (рис.12, 6, 12). Судя по пропорциям корпуса, данный сосуд следует

сопоставлять с лекифом №1139 из Афинской агоры, датируемым второй четвертью IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1971: 316, pl.38, 1139). Второй предмет — аттический килик, представлен лишь отдельными фрагментами, но сохранившиеся части позволяют восстановить его форму почти полностью. Это аккуратно оформленный сосуд с почти вертикальными стенками, украшенный на внутренней поверхности дна тремя рядами концентрических насечек (с фигурным клеймом в центре?); широкий кольцевой поддон подчеркнут глубокой врезной линией, лак ровный без потертостей (рис.12, 15, 28, 33). Ближайший аналог этого изделия с Афинской агоры — килик №621, отнесенный авторами каталога афинских керамических сосудов к началу IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1971: 280, fig.6, 621, pl.27, 621),

<sup>4</sup> Здесь и далее использована классификация В.Г. Петренко.





214 Рис.11. Курган 2 у с. Кренички, погребение 1: находки из ярусов I-IV.



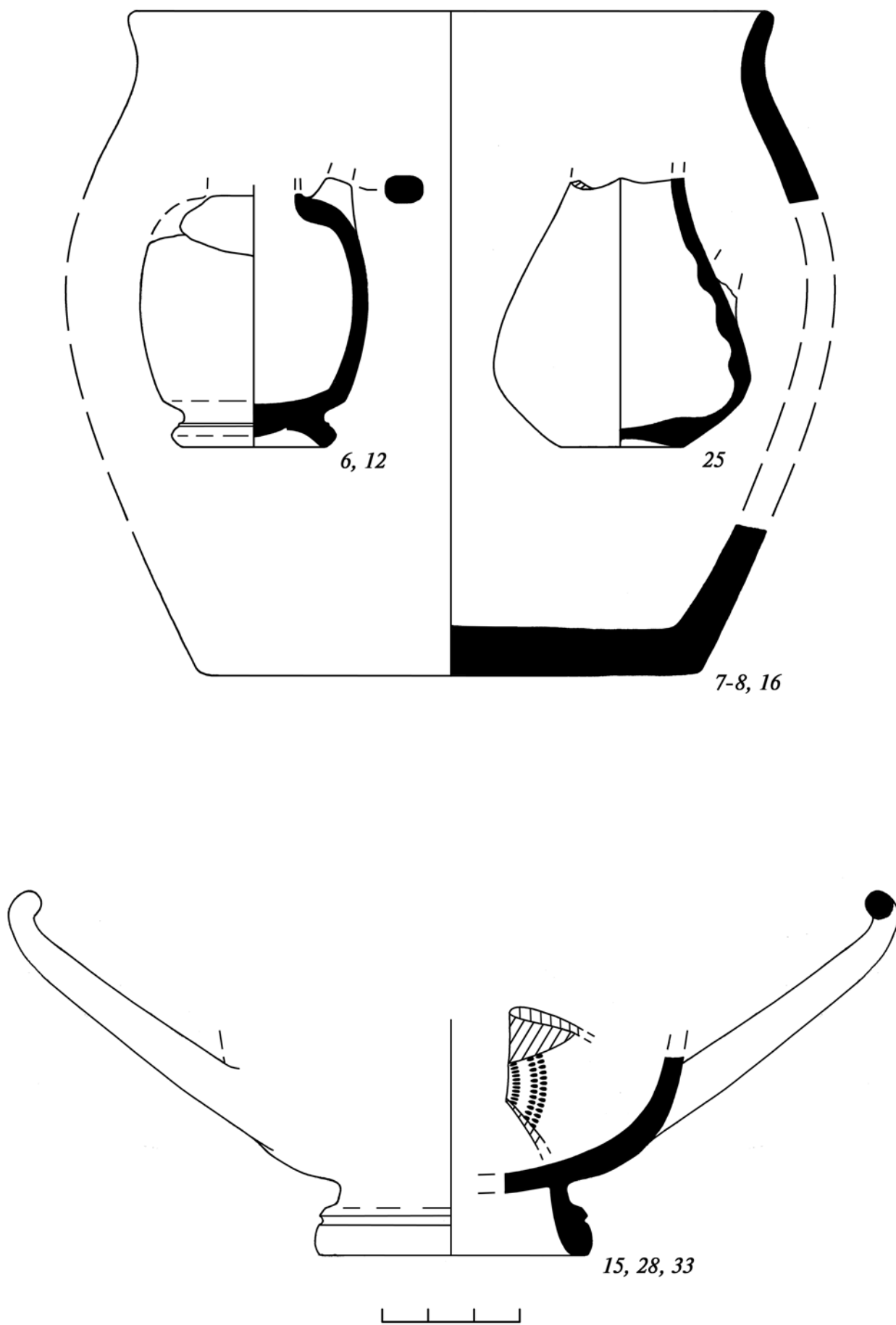
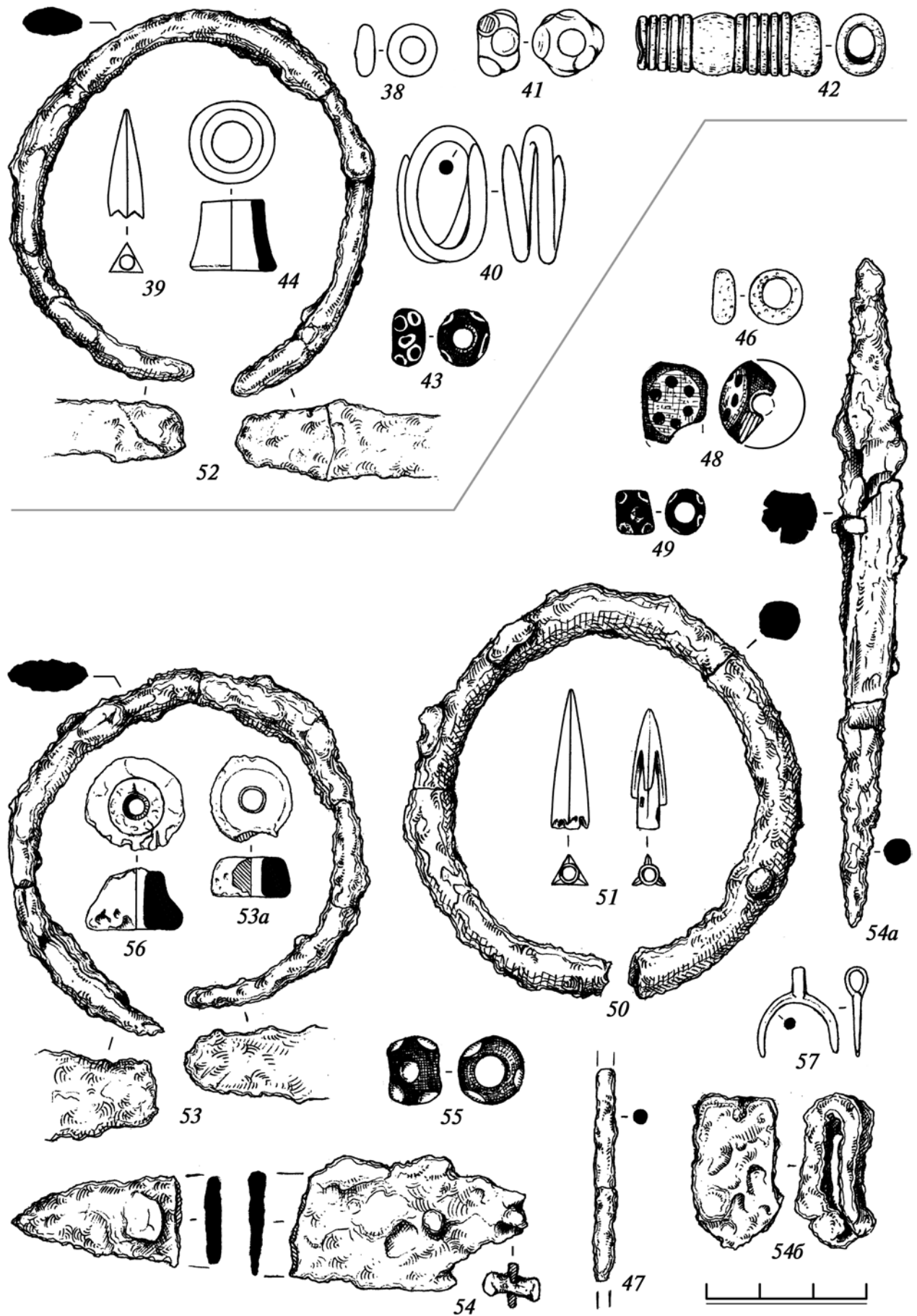


Рис.12. Курган 2 у с. Кринички, погребение 1: керамические сосуды из ярусов II и III.







216 Рис.13. Курган 2 у с. Кринички, погребение 1: находки из ярусов IV и V.



однако отмеченный на дне нашего образца штамп — клеймо, окруженное concentрическими насечками, более типичен для второй четверти этого столетия (ср. с сосудами №№ 517, 558-560, 609-611, 759, 804-805, 1051-1053 и др. Афинской агоры — *Sparkes, Talcott, 1971: 271, 275, 279, 290, 293, 309-310, pl.52-59*). Принимая во внимание эти определения и то, что оба предмета были обнаружены во II и III ярусах погребений, период формирования всего комплекса в целом следует, по-видимому, ограничивать первой половиной IV в. до н.э., не исключая при этом более ранней датировки для наиболее древних захоронений и более поздней для самых молодых. Впрочем, последнее вряд ли возможно. Количество покойных, а главное, интенсивность использования гробницы — в могиле неоднократно отмечено смещение не истлевших до конца останков ранних погребений при подзахоронениях последующих — указывает на довольно непродолжительный срок ее применения (не более 30-40 лет?). Этот факт также не позволяет рассматривать данное сооружение как семейную усыпальницу, как это принято для такого рода памятников (см., например: *Троицкая, 1951: 94 и сл.; Хазанов, 1960: 29-34; Колтухов, 2001: 59*). Учитывая регулярность подзахоронений (в среднем одно-два в год), вероятно, правильнее будет соотнести его с местом упокоения усопших целого рода или даже племени<sup>5</sup>.

Другая особенность публикуемого кургана — нехарактерный для «коллективных» памятников тип погребального сооружения: все захоронения были совершены не в просторном каменном склепе, возведенном из бутового камня или вертикально поставленных известняковых плит, а в небольшой подпрямоугольной в плане могиле, возможно, перекрытой в древности каменными плитами. При этом, нельзя не отметить наличие на периферии кургана скоплений человеческих костей. В двух из них — погребениях 2 и 3, обнаружены те

же вещи, что и в погребении 1 (фрагменты железных пластинчатых браслетов, нож, стеклянные бусы, части одних и тех же сосудов), что явно указывает на их тесную связь с последним: по всей видимости, из-за ограниченного объема могилы останки усопших ранее, чтобы освободить место для новых захоронений, часто не только сдвигали в сторону, но и просто изымали из могилы и перезахоранивали за ее пределами. С учетом этих останков общее число погребенных в гробнице могло достигать 60-70 человек.

Более сложна атрибуция третьего скопления — погребения 4, так как каких-либо находок в нем обнаружено не было. Принимая во внимание стратиграфическое положение объекта — до подсыпки кургана, связываемой предположительно с погребением 1, нельзя исключать и иное его происхождение (например, перезахоронение останков основного погребения).

Исследованный в 2005 г. курган не уникален. Подобный комплекс был изучен в 1997 г. экспедицией Государственного Эрмитажа на южной окраине с. Кринички, в 4 км от описанного (*Гаврилов, Крамаровский, 2001: 27-29*). Этот памятник представлял собой большой сырцовый склеп с подпрямоугольной в плане камерой, впущенный в насыпь более древнего кургана, и содержал останки не менее 30 человек и небогатый инвентарь IV в. до н.э. Близки по времени и ранние захоронения из каменных склепов в курганах у с. Курцы, в быв. имениях Черкеса, Пастака и Крыма, в кургане 2 группы Беш-Оба IV в., возможно, в некоторых других сильно разрушенных памятниках (*Колтухов, 2001: 62-70*). Сравнивая эти комплексы с погребальными сооружениями соседних регионов, нельзя не отметить их близкое сходство с синхронными усыпальницами Керченского полуострова (см., например: *Яковенко и др., 1970; Бессонова и др., 1988; Масленников, 1995*). Здесь также все захоронения совершались в небольших

<sup>5</sup> Близкую интенсивность захоронений мы наблюдаем и на многих других «коллективных» памятниках, в частности, в кургане, расположенном в 2 км к юго-востоку от публикуемого (*Кропотов, Лесков, 2006: 25-39*). Здесь за не более чем столетний период функционирования комплекса было совершено не менее 106 погребений.



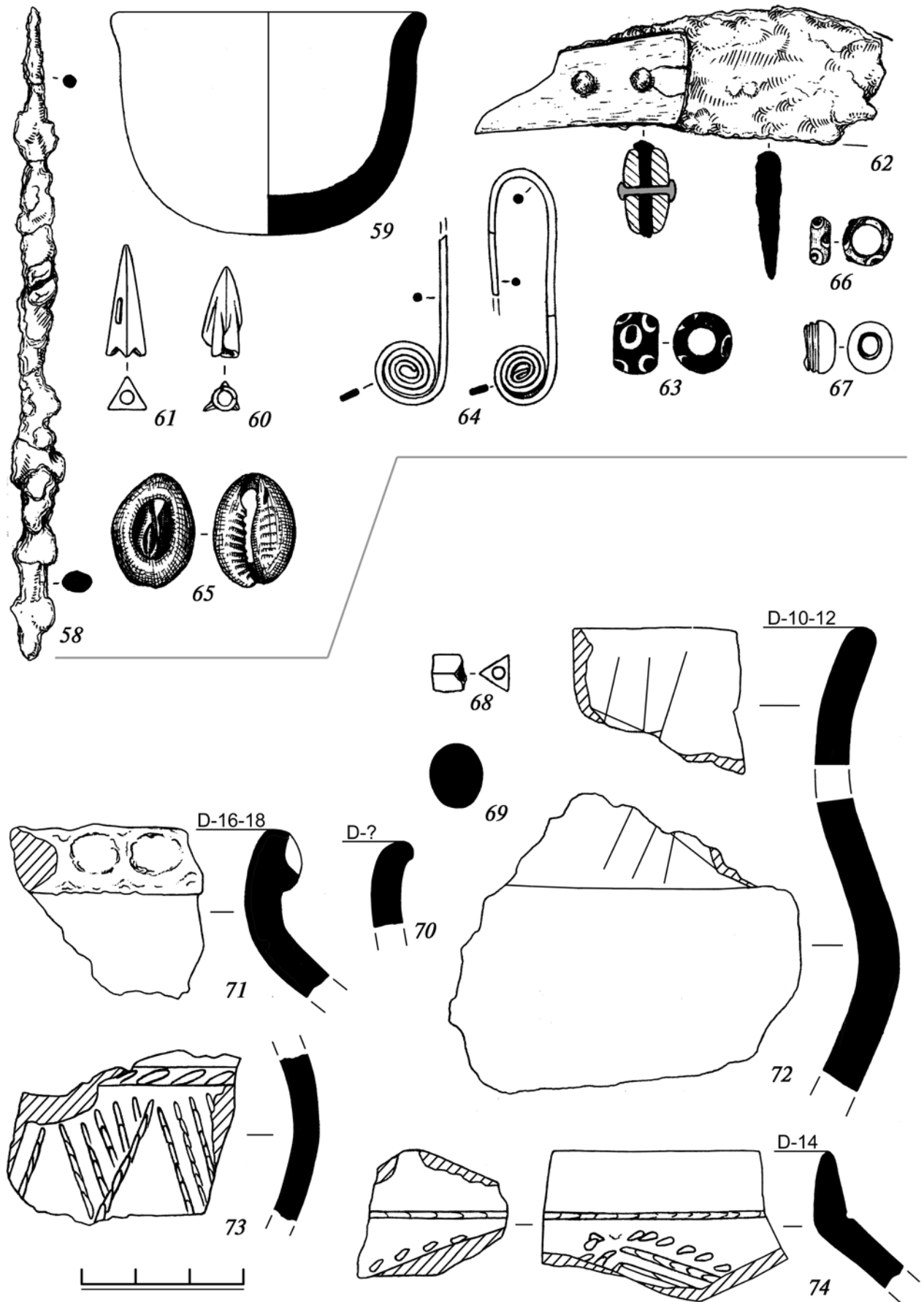
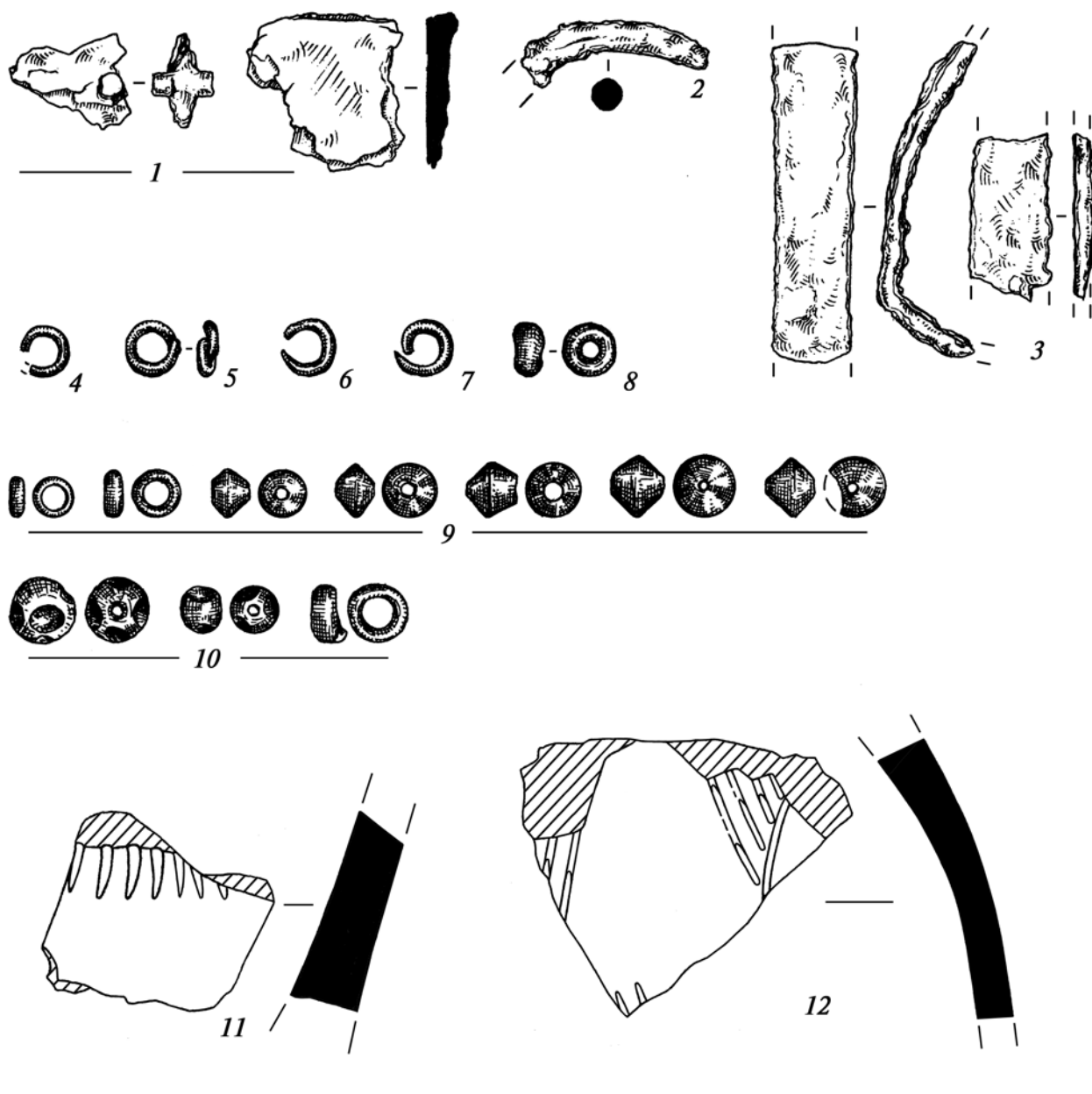


Рис.14. Курган 2 у с. Кринички, погребение 1: находки из яруса VI и из заполнения могилы.



Погребение 2



Погребение 3

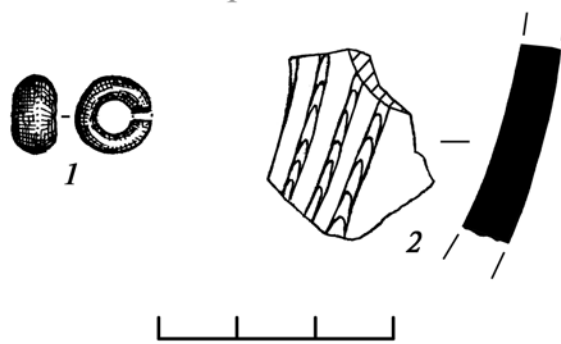
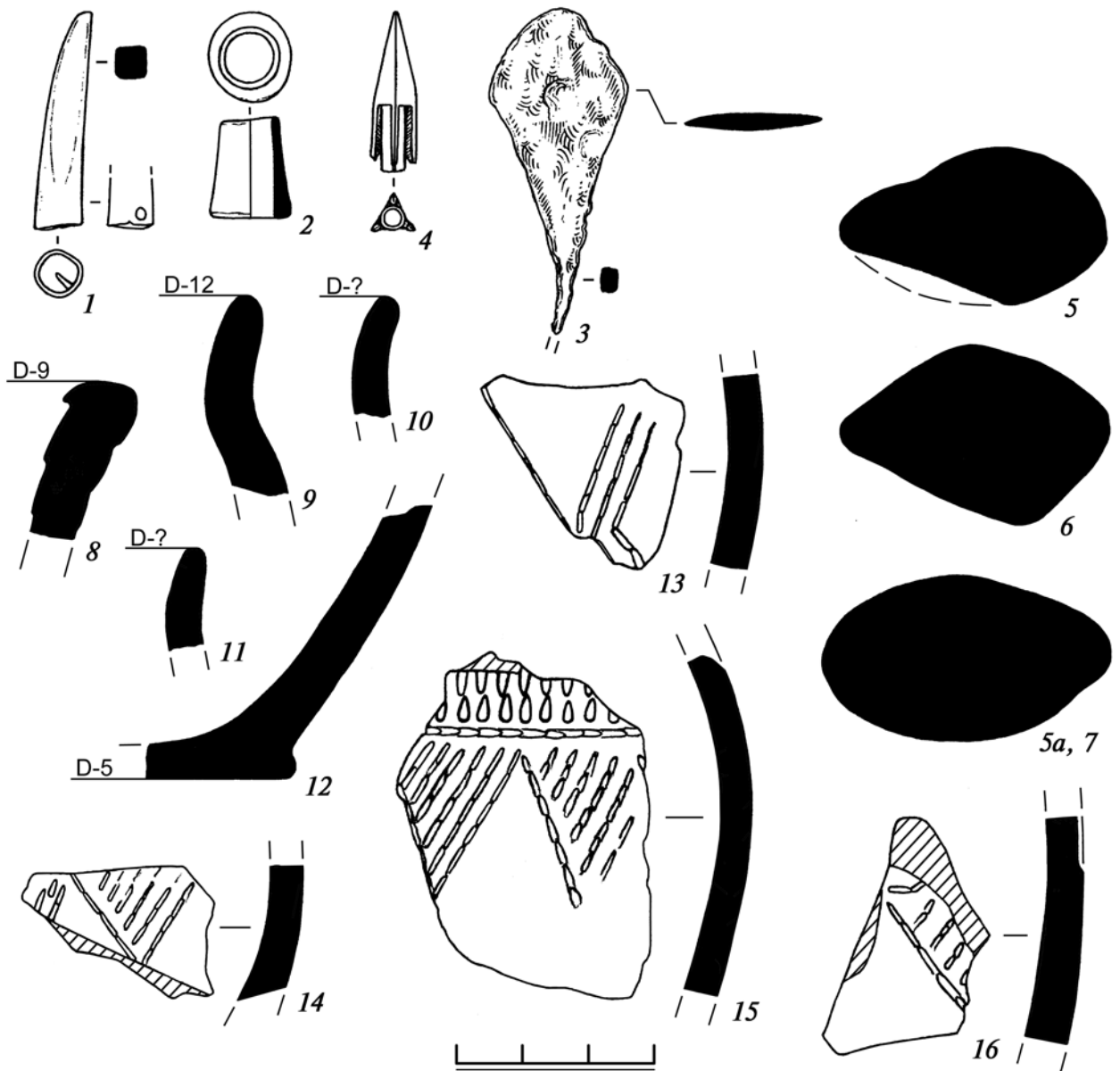
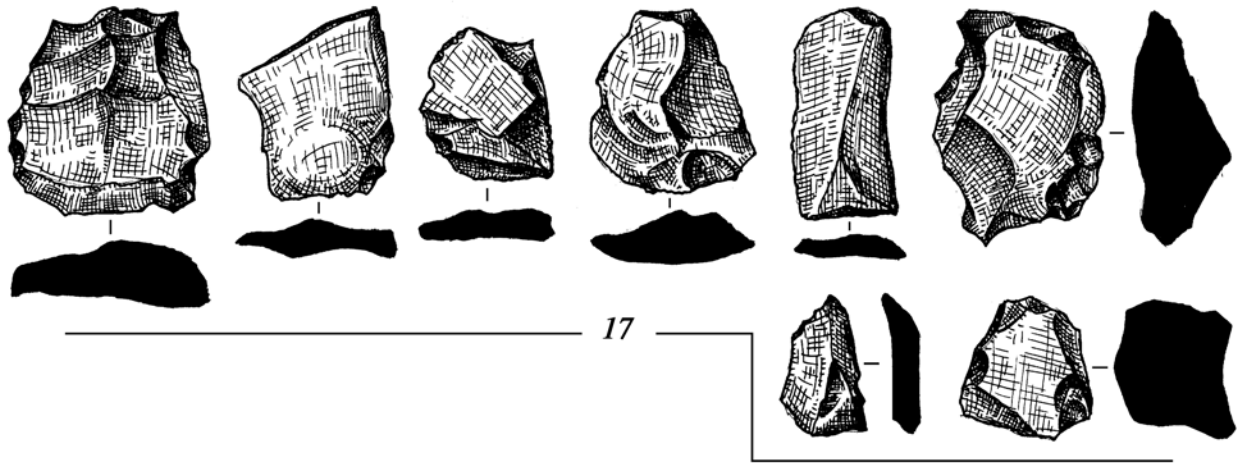


Рис.15. Курган 2 у с. Кринички, находки из погребений 2 и 3.





220 Рис.16. Курган 2 у с. Кринички, находки из насыпи.



подпрямоугольных в плане могилах или в подобных им по форме и размеру каменных склепах. Сходны и более мелкие их детали, в частности, преимущественная ориентация могил с ЮЗ на СВ, бедность погребального инвентаря, особенности его расположения при покойном и т.п. Едва ли не единственное их отличие — значительно меньшее количество погребенных: лишь изредка число последних доходило до 20-25 человек, причем в этих случаях часто наблюдалась и ярусность в их расположении.

Такое сходство между памятниками предгорной и восточной частей полуострова не может быть случайным. Вероятно, все

они оставлены одной этнической группой населения, осевшей на данной территории одновременно в конце V — начале IV вв. до н.э. Конечно, количество известных ныне «коллективных погребений» IV в. до н.э. в Предгорном Крыму значительно уступает числу подобных захоронений на Керченском полуострове, однако и существующие материалы позволяют кардинально пересмотреть традиционные взгляды на время их появления и этнокультурную атрибуцию. Дальнейшие полевые исследования, несомненно, позволят расширить наши представления об этих уникальных памятниках и, возможно, уточнят предложенные ныне датировки.

### Литература

*Бессонова, 2007* — Бессонова С.С. Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты VII–IV вв. до н.э. // Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь-Керчь, 2007.

*Бессонова и др., 2007* — Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988.

*Гаврилов, Крамаровский, 2001* — Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. Вып. I. Симферополь, 2001.

*Дашевская, 1991* — Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. М., 1991.

*Колтухов, 2001* — Колтухов С.Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.

*Кропотов, 2007* — Кропотов В.В. О времени появления курганов с «коллективными погребениями» в Предгорном Крыму // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Київ-Чигирин, 2007.

*Кропотов, Лесков, 2006* — Кропотов В.В., Лесков А.М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. Вып. 84. Симферополь, 2006.

*Масленников, 1995* — Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1995.

*Мелюкова, 1964* — Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М., 1964.

*Петренко, 1978* — Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М., 1978.

*Силантьева, 1976* — Силантьева П.Ф. Спиралевидные подвески Боспора // Труды ГЭ. Т. XVII. Л., 1976.

*Троицкая, 1951* — Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. Вып. I. Симферополь, 1951.

*Хазанов, 1960* — Хазанов А.М. Скифские коллективные погребения в Крыму // Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции. М., 1960.

*Яковенко и др., 1970* — Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.

*Sparkes, Talcott, 1971* — Sparkes B., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. P. 1-2. Princeton, 1971.



## **КУРГАН В УРОЧИЩІ ПЕРЕЩЕПИНЕ ПОБЛИЗУ БІЛЬСЬКОГО ГОРОДИЩА**

Восени 2001 р. Більський загін Охоронної археологічної експедиції Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації провів дослідження на майданчику під розташування газорозвідувальної свердловини № 170 на південно-східній периферії Перещепинського курганного некрополя I, розташованого на захід від с. Більськ Котелевського району Полтавської обл. Цей могильник вже неодноразово потрапляв в поле зору дослідників завдяки розкопкам Українсько-німецької археологічної експедиції ІА НАН України і Німецького науково-дослідного товариства, за безпосередньої участі в цих роботах нашого шанованого ювіляра – професора С.А.Скорого (*Мурзін, Ролле, Скорий, 1995, с.63-72; 2000, с.112-115; Мурзін, Скорый, 1997, с.94; Мурзін, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2000*), у співпраці з яким було виконано і, сподіваємося, ще буде здійснено чимало дослідницьких проектів.

В ході робіт Більського загону 2000-2001 рр. визначена південна межа Перещепинського I-го некрополя, укладено топографічний план центральної частини могильника із рештками насипів курганів та досліджені три з них, із похованнями скіфського часу (*Кулатова, Супруненко, 2002, с.167-168; 2003а, с.1-4 обкл.; Супруненко, 2002а, с.34-35*). Роботи продовжувалися й у 2002 р., в результаті яких досліджено ще п'ять курганів (*Кулатова, Супруненко, 2003, с.30-61; 2004, с.27-32*), та в 2006 р., – ще один

напівзруйнований курган (*Супруненко, Кулатова, Тимошук, 2007, с.355-357*).

Курганний некрополь в ур. Перещепине I, або Перещепинський курганний могильник I (*Шрамко, 1987, с.142, рис.66; Мурзін, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1998; 1999; Мурзін, Ролле, Супруненко, 1999*) розташований за 0,6-1,4 км на північний захід від Західного укріплення Більського городища, з напільного боку від валу і рову, неподалік північно-західного кута Великого укріплення Більського городища, на плато і схилі високої тераси правого берега Більського струмка, за 0,5-0,9 км на захід від Більського озера, справа від автодороги сс. Більськ-Саранчівка.

Група курганів займає пануюче підвищення край схилу плато та його схил, із абсолютними позначками висоти від 161,8 до 171,5 м, тобто, близько 25-50 м над рівнем заплави струмка і р. Суха Грунь. Кургани розташовані компактно, своєрідним чотирикутником у плані, видовженим у широтному напрямку вздовж схилу високого берега. Крім того, дві своєрідні «смужки» насипів спускаються ланцюжками майже у меридіальному напрямку до струмка вздовж лінії валу Великого укріплення і паралельно останньому, через 250-300 м на захід, відмежовані оплилим яром. З північного сходу могильник обмежений западною рову Великого укріплення Більського городища, за яким розташоване поселення VI–IV ст. до н.е. в ур. Лісовий Кут (*Скорый, 2007, с.138-140; 2008, с.146-179; Кулатова,*



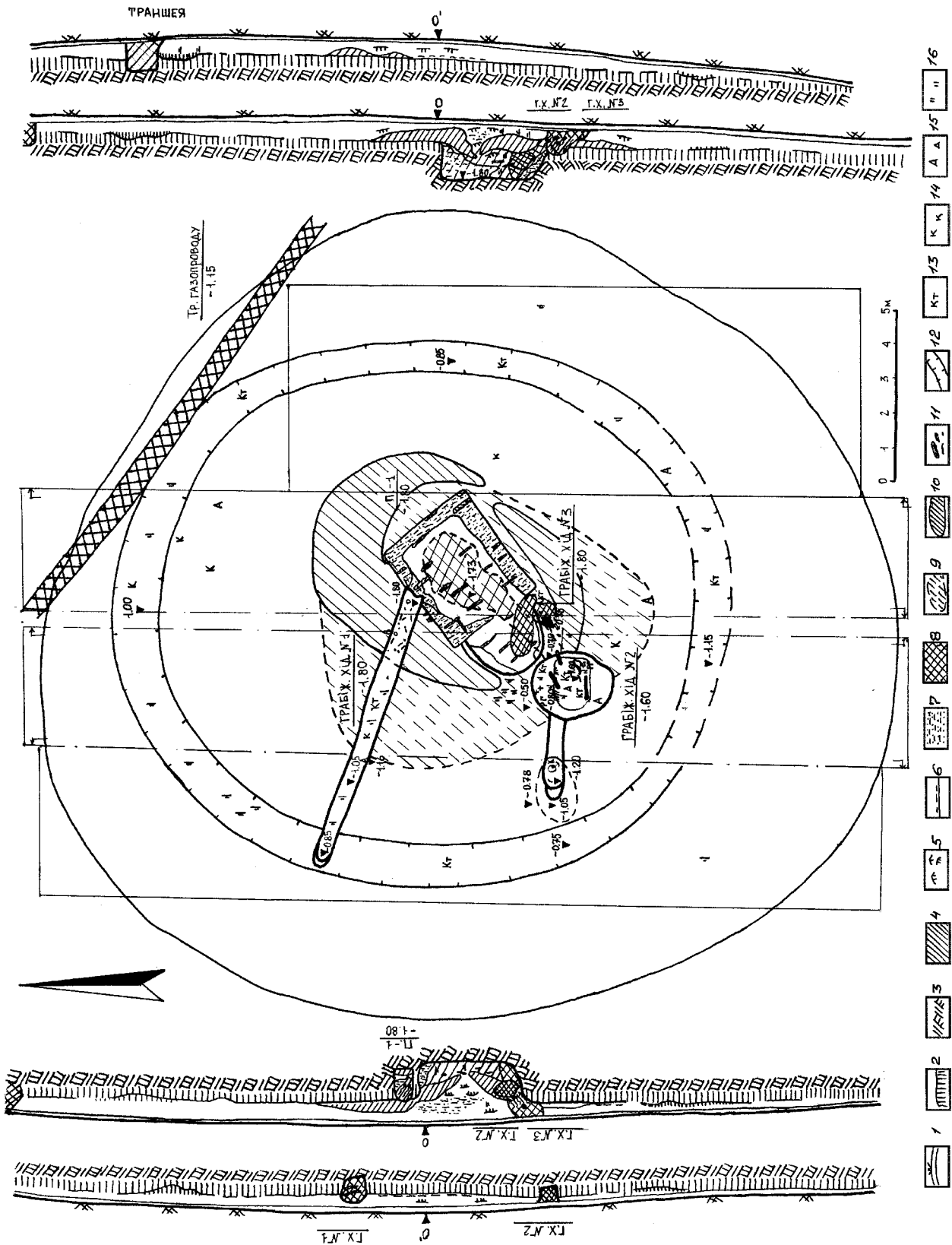


Рис. 1. Перещепине, ур. Курган № 2/2001 р. План і профілі бровок.

Умовні позначення: 1 – дерен; 2 – похований ґрунт; 3 – материк; 4 – чорноземне заповнення; 5 – дернини в насипу і заповненні; 6 – натопт; 7 – суглинок; 8 – перекопи; 9 – натопт у плані; 10 – викид у плані; 11 – рештки дерева; 12 – рів (рівчак); 13 – кістки тварин; 14 – уламки ліпної кераміки; 15 – уламки гончарного античного посуду; 16 – вуглини.





2008, с.137-149), з півдня – площиною основи другої тераси струмка, по якій прокладена дорога.

Площа могильника практично всуціль розорюється, чимало курганів перетинають польові та асфальтовані дороги. Частина розораних насипів скрадена між багаторічними трав'яними насадженнями, північно-західне скупчення насипів могильника вже майже знищене спорудами Більської установки комплексної переробки газу (далі – УКПГ) у 1970-х рр.

Могильник, виявлений обстеженнями В.О.Городцова 1906 р., позначений на його схемі Більського городища (*Городцов, 1911, рис.97*). Тоді ж дослідник зазначав, що у складі некрополю він нарахував не менше 150 збережених насипів. Через три чверті століття Б.А.Шрамко зафіксував на плані рештки близько 130 розораних курганів (*Шрамко, 1987, рис.66*), а наприкінці 1970-х та на початку 1980-х рр. – провів розкопки 5 насипів в його східній ділянці (*Шрамко, 1994, с.118, рис.1*). Розкопки курганів продовжені у 1993, 1995-1998, 2001 рр. В.Ю.Мурзіним, Р.Ролле, С.А.Скорим, В.П.Білозором та Є.В.Черненком, у ході яких були досліджені більше 20 насипів (*Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1998; 1999; Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2000*). Крім того, у 2000 р. Більським загоном Охоронної археологічної експедиції Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації під керівництвом О.Б.Супруненка рятивними роботами у центральній частині некрополя досліджено 5 поховань V ст. до н.е., а дослідженнями І.М.Кулатової навесні 2001 р. – ще 2 – у північно-західній частині могильника, практично під спорудами Більського УКПГ (*Супруненко, Кулатова, 2000, арк.1-18; Кулатова, Гейко, 2001, арк.1-5; Супруненко, Кулатова, 2002, с.70-71, Кулатова, Супруненко, 2002, с.167-168; Кулатова, Супруненко, 2006, с.40-46; Маєвська, 2006, с.47-51*). Таким чином, розкопаними на Перещепинському курганному некрополі I виявилися майже всі більш-менш значні насипи, а також, зі врахуванням вивчених Б.А.Шрамком та київськими дослідниками, і 12 невеликих – дуже розораних.

На особливу увагу заслуговує другий із досліджених у 2001 р. курганів (№ 2/2001 р.), що, незважаючи на три пограбування, – два фіналу пізньосередньовічного часу і початку ХХ ст., – все ж дав надзвичайно цікаві знахідки.

Знаходився він за 200 м на південний схід від воріт УКПГ, справа від стародавньої дороги на вододіл Більського струмка і р.Суха Грунь, що вела до поселення скіфського часу в ур.Холодівщина-1 (*Кулатова, Гейко, Супруненко, 2001, с.25-28*).

Чорноземний насип майже круглої в плані форми був пошкоджений з північного сходу прокладанням траншеї у 1960-х рр., значно розтягнутий в бік схилу розорюванням. Висота кургану – 0,72 м, його діаметр – 24х26 м. Місцями у насипу траплялися поодинокі вуглини, у центрі – 3-4 шари дернин, а на рівні похованого чорнозему – окремі фрагменти стінок розбитої у давнину античної амфори та уламки ліпного посуду скіфської доби (рис.1).

У центрі виявлений практично кільцевий, овальний у плані, з двома розривами – широким (до 2,0 м) з південного заходу – входу, та вузьким (0,6 м) – з північного сходу, масив суглинково-материкового викиду, розміром 6,0х8,5 м і максимальною потужністю з північного боку – 0,45-0,55 м, що лише частково перекривав прямокутну у плані поховальну яму зі сходинкою-входом, загальними розмірами 3,20х5,40 м (близько 14,3 кв. м), орієнтовану по вісі південний захід – північний схід. Масив викиду оточувала тонка смуга суглинкового натоπτу, рознесеного учасниками похорон у південно-західному напрямку, на загальній площі 8,5х10,5 м. З північно- та південно-східного боків викид лежав дещо віддалено від ями, на 0,4-0,8 м (рис.1).

Поховання здійснене у прямокутній материковій ямі (3,2х3,6 м, площею 11,5 кв. м, глибина якої – 1,73 м від «0», або 0,95 м від рівня стародавньої денної поверхні), з напівкруглою сходинкою-приступкою (1,6х2,1 м) з південного заходу, глибиною 1,8 м. Яма і приступка були заглиблені у материк на 0,7-0,8 м. Стінки ями рівні, вирівняна долівка ледь понижувалася до входу. Вхідна приступка мала вертикальні





Рис.2. Курган № 2. Фрагменти кераміки з насипу.

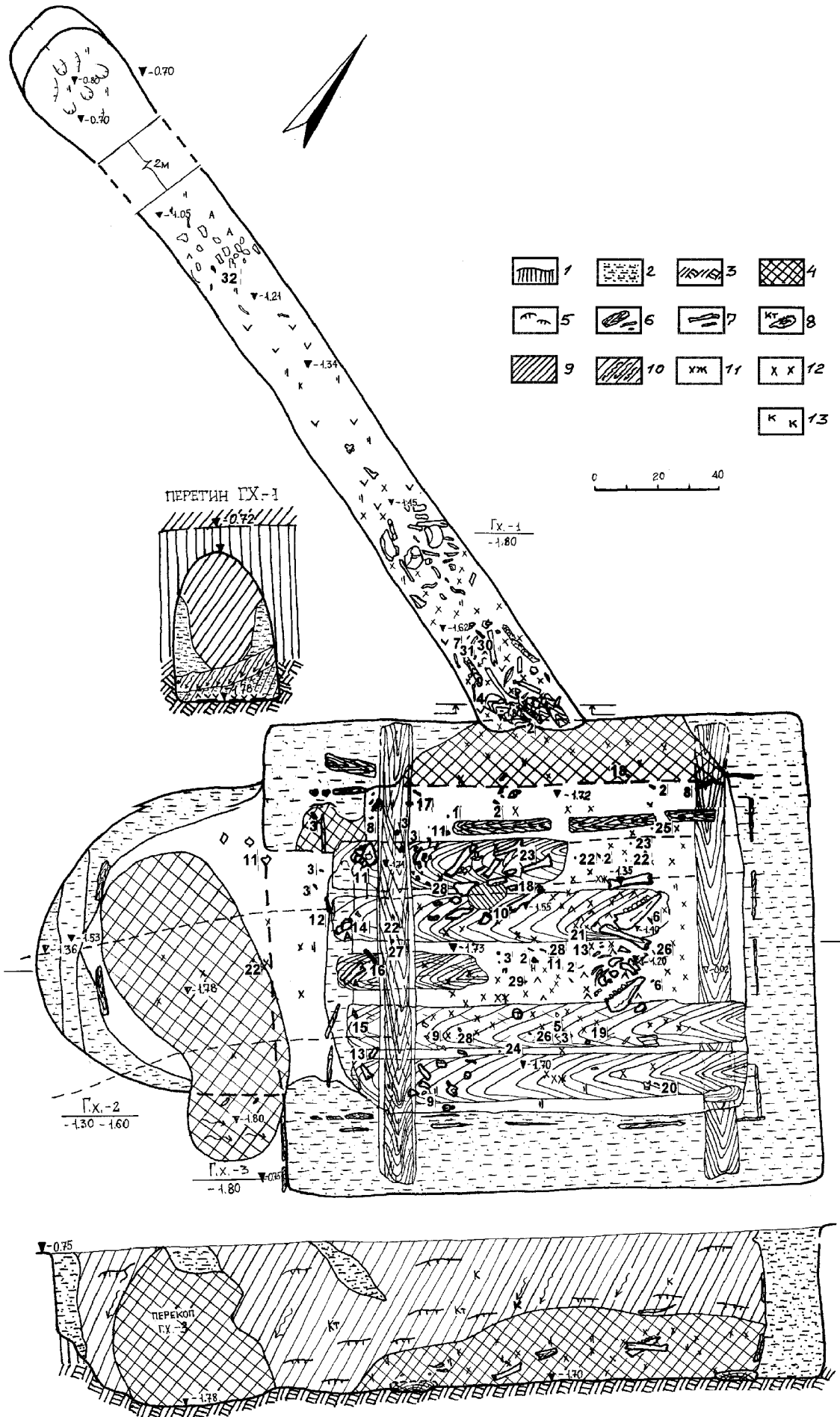
повздовжні стінки і з південного заходу – два вузькі уступи для спуску (рис.1; 3).

Частина викиду (переважно суглинкова) була використана для ущільнення конструкції прямокутного в плані рубленого склепу (2,3x2,8 м, площа – 6,5 кв. м) і вміщена між останнім та стінками поховальної камери. Склеп був влаштований на двох поперечних лагах прямокутного перетину (20x7-10 см), викладених на материковому дні на відстані 0,6-0,7 м від коротших стінок ями. Від поперечних лаг довжиною 3,20 м збереглися продавлені в матирику канавки прямокутного перетину, з відбитками дерева, глибиною 7-10 см. Довжина лаг була підігнана до ширини ями.

Стінки склепа склалися з брусів і товстих дощок (рештки одного із таких брусів перетином 8x12 см лежали у заповненні вздовж північно-західної стінки ями; менш виразної збереженості залишки дерева простежені вздовж усіх стінок) і

кріпилися у заруб, на зразок «хвоста ластівки». Про це свідчили дещо довші за розміри склепа повздовжні дошки, кінці яких виступали на 10-15 см. Вони склали верхній «вінець». Нижче на 10-15 см під ним знаходився інший, де довшими були поперечні бруси. Таких «вінців» нараховувалося не менше восьми. Склеп безпосередньо спирався на лаги, поверх яких настилася підлога. Вона складалася з шести поздовжно викладених дощок, шириною 25-30 та товщиною не менше 3-4 см, перетрухлі рештки яких збереглися (рис.3).

Про конструкцію входу до склепу повідомити щось істотне не доводиться, з огляду на перекопи грабіжників у цій частині поховання. Та все ж, рівна стінка суглинистого «заповнення» ями у південно-західному кутку, на стику з приступкою, передбачала, напевне, якусь дощату обшивку біля входу, а наявність рівно обмеженого суглинкового масиву вздовж завершення настилу підлоги з боку входу



— свідчила на користь дощатої закладки цього проходу. Ймовірно, якась дощата конструкція існувала (можливо, лише зверху) й уздовж південно-західної стінки ями, що підтверджується наявністю решток зотлілої дошки (рис.3).

Дерев'яне облаштування приступки обмежувалося наявністю дощатої обшивки нижнього уступа-сходинки.

Склеп і приступку перекривав поперечний *накатник* в один шар, із отесаних, більш-менш масивних плах (перетин за станом збереження — 18-25x7-10 см), довжиною не більше 3,2 м. Тобто, накатник майже не виступав за межі спорудженої ями, спираючись кінцями плах на ущільнююче заповнення між стінками склепу і котловану ями. Рештки перекриття виявлені як в заповненні склепу і приступки, так і по кутах ями, часом перекриті кістками коня, туша якого свого часу лежала на накатнику. Разом із конем, кістки якого пізніше неодноразово переміщувалися грабіжниками, знаходилися залізні ніж та деталі вузди.

Накатник зверху, до речі, зі слідами «очищення» вогнем, перекривався трьохчотирма шарами обпалених вогнем дернин. Цілком вірогідно, що центр перекриття закидався шматками дерну і ґрунтом, взятим з-під поминального вогнища, а далі — закладався шарами дернин. Їх обсяг майже тотожний обсягу дернин, отриманих при спорудженні кільцевого рівчака навкруги кургану (рис.1).

Курган мав первісний діаметр 13,5x16,0 м, був оточений канавкою на кшталт

кільцевого рівчака, глибиною близько 0,2-0,3 м, причому глибина її збільшувалася з південного боку. Ширина такого рівчака, добре простеженого за заповненням з інтенсивно чорного, вимитого талими водами чорнозему, не перевищувала 0,8-1,2 м. У заповненні рівчака траплялися численні вуглини, а також поодинокі кістки тварин, подрібнені фрагменти ліпної кераміки. Таким чином, першопочаткова висота кургану, насип якого розповзвся на 4-5 м, мала складати не менше 2,5 м.

*Заповнення* склепу зверху по краях ями містило потужний суглинковий масив ґрунту викида, по центру — шари дернин, з домішками суглинку. Все це підстиалося двома шарами дернин з рештками дерева від накатника, а нижче залягав чорнозем, з окремими вуглинами. Нижній шар заповнення був інтенсивно зритий грабіжниками. Подібний характер вмісту мала й приступка, хоча більша частина її виявилася повністю перекопаною скарбощукачами. З діяльністю останніх пов'язуються і винесені до вершини насипу рештки поховального інвентаря — уламки античної амфори, лекіфу, фрагменти ліпної кераміки і кістки коня (рис.3).

Отже, поховання виявилось *пограбованим* двічі — за доби пізнього середньовіччя та наприкінці XIX — на початку XX ст. Найдавніший *грабіжницький хід № 1* довгим прямим підкопом, загальною довжиною 9 м, був націлений з північно-західної поли насипу на центр кургану. Він починався трохи глибше рівня оплилого рівчака і

### Рис.3. Курган № 2, поховання. План та перетин.

*Умовні позначення:* 1 — похований ґрунт; 2 — суглинок; 3 — материк; 4 — перекопи; 5 — дернини в заповненні; 6 — рештки дерева; 7 — кістки людей; 8 — кістки тварин; 9 — ґрунт насипу кургану та чорноземне заповнення ям; 10 — затічне чорноземне заповнення; 11 — уламки залізних виробів; 12 — фрагменти бронзових виробів; 13 — уламки кераміки.

*Цифрами позначені:* 1 — фрагменти амфориска; 2 — наконечники стріл; 3 — уламки скляного арибала; 4 — світильник ліпний; 5 — пряслице; 6 — уламки залізного ножа; 7 — рожева фарба; 8 — арибал скляний; 9 — зуби коня; 10 — пляма остео-шкіряної, з домішками заліза і дерева, маси; 11 — фрагменти ліпної корчаги; 12 — уламки залізного ножа з кістяним накладчастим руків'ям; 13 — кістяні накладки до ножа; 14 — уламок леза залізного ножа; 15 — фрагмент прилезової частини залізного ножа; 16 — фрагмент леза залізного ножа; 17 — частина розвалу античного амфориска; 18 — шматочок сірки; 19 — уламки залізного кільця від вудил; 20 — уламки руків'я залізного заклепкового ножа; 21 — фрагмент дерев'яного виробу; 22 — золоті намистинки (бісер); 23 — золоті бляшки; 24, 25 — склопастові намистини; 26 — золоті намистини видовжено-овальної форми; 27 — перстень-печатка; 28 — уламки леза залізного меча; 29 — уламок вудил; 30 — уламок леза залізного ножа; 31 — фрагмент бронзового стрижня; 32 — уламки пісковикової плити-тарелі; А — дрібні фрагменти античного гончарного посуду.



прокопувався ще тоді, коли насип зберігав напівсферичну форму. Хід натрапив на середину північно-західної стінки ями, лише на 6-8 см заглибившись нижче її дна. За характером влаштування – напрямком і прокопуванням від основи насипу, – цей хід мав чітку відповідність із грабіжницьким ходом № 1 кургану № 1/1999 р. Більського курганного некрополю в ур.Перемірки (Супруненко, 2000, с.87-89; Кулатова, Супруненко, 2002а, с.52-71). Датується цей скарбошукацький підземний лаз XVII ст., як, напевне, і досліджений хід цього кургану. Рівень ходу поступово понижувався до поховальної камери – з 0,85 до 1,80 м від «0», тобто, мав пониження більше ніж 10 см на кожний метр довжини. Хід мав аркове склепіння. Висота ходу – близько 1,0 м, ширина в основі – 0,7-0,8 м. Дно вичовгане, нижня частина заповнення, крім двох передостанніх метрів від початку ходу, забита кістками похованих та розтрощеними або пошкодженими речами зі складу напутнього інвентаря і залишків тризни (рис.3).

Заповнення містило зверху шар просілого чорнозему насипу, по краях – витягнутий з ущільнення зруба суглинок. Їх підстилав майже на 20 см затічний прошарок намитого дощами поверхневого чорнозему, під яким і знаходилися рештки винесеного грабіжниками нижнього заповнення камери з численними дернинами, обгорілими шматками ґрунту, шкіряним і деревним тліном, вуглинами, особливо інтенсивно скупченими край початку лазу. Саме тут знаходилася й єдина неширока сходинка-уступ у горловині лазу. Перекоп від діяльності грабіжницької ватаги, що спорудила цей хід, практично знищив майже всі залишки поховання у західній частині зруба.

*Грабіжницький хід № 2* мав безпосередню відповідність аналогічному за номером ходу того ж кургану № 1/1999 р. Більського курганного некрополю в ур.Перемірки, між іншим, розташованого майже навпроти, на правому березі Більського струмка, за 1,2 км (Супруненко, 2000, с.88-89; Кулатова, Супруненко, 2002б, с.158-159). Вправність і знання про внутрішню конструкцію поховальних споруд скіфського часу у грабіжників, що його спорудили, були значно меншими від

попередніх. Так, скарбошукачі відкопали воронку розміром 1,2x1,5 та глибиною 1,05 м у західній полі кургану, з дна якої й почали прокопувати прямонаправлений хід на рівні 0,8 м від «0» (рис.1; 3). Після прокопування 4 м підземного лазу грабіжники наштовхнулися на масив суглинкового викиду з ями і повернули напрямок ходу на північний схід під кутом 135°. Для спрощення здійснення земляних робіт вони влаштували широку овальну у плані воронку, із розмірами на поверхні насипу 1,8x2,4 м, а в основі – на глибині 1,6 м – 0,9x1,5 м. Після проходження ще 0,8-1,0 м скарбошукачі натрапили на вхідну яму-приступку і прокопали через неї вузький (0,85 м) лаз до центральної частини склепу (рис.1; 3). Ця група шукачів наживи спорожнила повторно центральну частину склепу, виїнявши на поверхню розвали горщика, частини лекіфу і фрагменти амфори, кістки коня, шматки плах накатника і дощок настилу підлоги, пересіюючи заповнення. Орієнтовно, час цього грабіжницького проникнення, із застосуванням лопат, відноситься до XVIII – можливо, першої половини XIX ст.

*Останній грабіжницький хід № 3* є характерним для Більська підкопом «колодязем» селянина-скарбошукача кінця XIX – початку XX ст. Він здійснений через просів над більш давнім лазом № 2 та поховальною ямою. Овальний підкоп-щілина, розміром 0,9x1,3 м, досяг стінки приступки на рівні похованого чорнозему. Далі підкоп був розширений і заглиблений на північ, західний його край розіпертий шматками колод від просідання. Грабіжник прокопав заовалену «печерку» у заповненні приступки, довівши її до дна на рівні 1,8 м, а потім визначився з *de facto* попереднього пограбування і полишив пошуки. Чорноземне заповнення лазу інтенсивно чорного кольору перебивалося лише вкрапленнями винесеного дерева від перекриття та прошарками суглинка викиду. Перебирання заповнення в пошуку дрібних дорогоцінностей призвело до винесення в бік вершини насипу уламків античної амфори, лекіфу, фрагментів ліпної кераміки та кісток коня. Датування останнього ходу підтверджують і знахідки черепків від посудин опішнянського виробництва, здійснені поблизу вершини



кургана, уламки пляшкового скла поряд із перекопом (рис.1; 3).

Заповнення склепу було зрите і перемішане грабіжниками. Та все ж, виявлені знахідки засвідчували досить високий майновий ценз похованих і пишноту поховального обряду. З грабіжницьких ходів і перекопу походять кістки чоловіка у віці 30-35 років, молодої жінки (вік – 20-25 років), зуби та уламки черепа маленької дитини, віком 1,0-1,5 роки, первісне положення яких встановити неможливо. Не переміщеними в ямі залишилися лише рештки розвалу шкіряно-дерев'яно-залізного виробу у центрі, змішані з розкладеними під дією часу і гниття кістками, що перетворилися на своєрідну брекчію (рис.3:10). Шматочки цієї маси лежали тонким (до 1,5 см) «коржем» на овальній у плані площі (12x15 см) і були розкидані поруч на втричі більшій площі в перекопі. Поряд, а також по всій ямі, знаходилися дрібні платівки від декору наборного поясу, подрібнені фрагменти якоїсь бронзової посудинки, дзеркала, платівки від поясу (рис.3:х). Їх величезна кількість – більше 500 уламків – нагадувала про інтенсивність грабіжницьких пошуків, а також вказувала на використання тонких бронзових нашивок для декорування предметів поховального інвентаря. У центрі склепу траплялися й уламки тонких дощочок, спершу прийняті за фрагменти шкатулки, які згодом стали доказом існування серед складу напутніх предметів сагайдака, можливо, дерев'яного лука зі стрілами (рис.3:21). Найбільш атрактивними речами у похованні виявилися, звісно ж, цілий та фрагментований синьоскляні, з білими, темно- і світлосиніми зигзагами на поверхні, так звані, «фінікійські» поліхромні арибали – продукція середземноморської школи скловиробництва, напутні предмети жіночого речового комплексу – знайдені у північно-східному та північно-західному кутках склепу (рис.3: 3, 8). Один з арибалів був потрошений першими грабіжниками, частину з уламків якого вони винесли з поховання при перегляді складу заповнення. За місцезнаходженням на дні ями в кутках, неподалік стінки з північного заходу, арибали нібито мали висіти у кутках склепу. Це, у цілому, повторює

вже відзначену дослідниками своєрідність подібного обряду, зафіксованого у лівобережних і правобережних курганах знаті скіфського часу.

Серед знахідок у зритому грабіжниками заповненні переддення склепу – 4 фрагментовані залізні заклепкові ножі з кістяними накладками, в т.ч. з рештками шкіряного перехвата в основі руків'я і піхов (рис.3: 6, 12-16, 20, 30); кілька дрібних уламків леза залізного меча зі слідами синьо-фіолетової фарби від піхов (рис.3:28); фрагменти дрібних залізних платівок, пофарбованих фіолетовою фарбою, вірогідно, від того ж меча і його піхов; шматочки заліза від розвалів руків'я меча, списа та невиразні уламки частин леза ножів і, ймовірно, залізної ворворки (?) (рис.3:хж; 4). Розкиданими по дну склепа виявилися й 7 бронзових наконечників стріл середини-другої половини V ст. до н.е. (рис.3:2; 12); фрагменти залізних кілець вудил (рис.3: 19, 29; 10), частини з яких знайдені також і в заповненні грабіжницького ходу № 1. Напевне, деталлю вузди – частиною псалія або уламком рамки прямокутної підпружної пряжки – міг бути фрагмент бронзового стрижня, виявлений на дні грабіжницького ходу № 1 (рис.3:31; 13:2).

Кераміка з поховання представлена уламками стінок кружальної античної амфори, розтягнутими грабіжниками по всіх ходах (рис.3:А), ліпних горщиків – у похованні та грабіжницькому ході № 2, ще однієї великої ліпної посудини з того ж таки ходу (рис.3:к), ліпних миски – дрібні невиразні товстостінні фрагменти із заглаженою поверхнею, чорнолискованої корчаги (рис.2: 1, 2; 3:11) та кубка (рис.2: 3-4, 7; 5), маленького ліпного світильника «вазочки» на конічній пустотілій ніжці з сіро-чорнолискованою поверхнею (рис.3:4; 7). Найбільш виразними серед керамічного комплексу є фрагменти верхньої частини античного амфориска, прикрашеного по раструбу горловини і профільованій смужці на плічках світлим коричнево-червоним лаком (рис.3:1; 8). У складі керамічного комплексу був, напевне, й античний тонкостінний лекіф, дрібний уламок стінки якого трапився у верхній частині заповнення грабіжницького ходу № 3 (рис.2:6).



Виразний набір речей засвідчує багатство напутнього жіночого інвентаря, який мав належати дружині похованого: лисковане мініатюрне керамічне пряслице (рис.3:5; 13:1); пустотілі, овальні у перетині, намистини із золотої фольги, спаяні з двох половинок, орнаментовані поперечними канельованими смужками з насічкою (рис.3:22); золоті намистинки-бісеринки округлої форми, у вигляді двох спаяних між собою штампованих напівсфер (рис.3:22); золоті штамповані нашивні бляшки трикутної форми, з композицією із трьох розеток (рис.3:23); склопастові намистини (рис.3: 24, 25); фрагменти бронзового дзеркала (рис.14:6); деталі бронзового декору від посудинки або ж дерев'яної чаші (рис.14:9-10); рожева фарба (рум'яна) (рис.3:7); шматочок сірки (рис.3:18). У грабіжницькому ході № 1 виявлений неповний розвал великої пісковикової плити-тарелі (рис.3:32; 17).

Унікальною знахідкою у похованні є масивний золотий перстень-печатка (Гаврилюк, 2002, с.1 обкл., 6; Кулатова, Супруненко, 2002, с.168; Супруненко, 2002, с.1-2 обкл.; 2005, с.1 обкл.), можливо, мілетського виробництва, або ж робота іонійського майстра, який осів в одному з полісів Північного Причорномор'я. Перстень виявлений у заповненні південно-східної канавки від лаги настилу підлоги, тому був прогавлений грабіжниками (рис.3:27; 16).

З огляду на багатство решток напутнього інвентаря, залишених скарбошукачами, можемо тільки припускати реальний стан речей, коли поховання ще зберігалося недоторканим. Отже, при проведенні досліджень подібних більських курганів важливою є надзвичайна ретельність у здійсненні робіт, використання потужних металодетекторів, пересіювання і промивання заповнення, уважне ставлення до вивчення грабіжницьких ходів.

Нижче подаємо опис знахідок.

### **I. Кераміка. Липна:**

1. Неповний розвал верхньої частини ліпного **горщика** з відігнутих потовщених вінцем, невисокою звуженою шийкою та опуклими плічками, із шерехатою, ледь заглаженою поверхнею (рис.5),

прикрашеного по краю вінця охайними пальцевими зачіпами, нижче – розрідженим рядом наскрізних проколів круглою паличкою. Його фрагменти були виявлені у грабіжницьких ходах №№ 2 і 3, заповненні вхідної ями та склепу. Вірогідно, входив до складу супутнього інвентаря. Представлений в уламках. Визначені діаметри: вінця – 15,4 см; шийки – 12,6 см; корпуса – 19,2 см; верхня частина посудини збереглася, вірогідно, на 2/5 висоти – на 14,9 см. Розміри фрагментів – від 1,5x1,7 до 12,0x6,1 см. 12 од.

Належить до типових зразків ліпного посуду V ст. до н.е. скіфського часу басейну Ворскли (Ковпаненко, 1967, с.124) і Псла, близькими якому, за орнаментациєю та пропорціями, є горщики зі Східного укріплення Більського городища (Шрамко, 1987, с.111, рис.50:5), Книшівського городища (Гавриш, 2000, с.200, рис.XVII:2), селища в ур. Лісовий Кут у північно-західній частині Великого укріплення Більського городища (Мурзин, Ролле, Хери, Скорий, Махортых, Белозор, 2001, с.21, рис.13:5), на території якого, скоріше за все, він і був виготовлений.

2-3. **Фрагменти** стінок ліпного товстостінного великого **горщика** із шерехатою поверхнею та подрібненим шамотом у тісті. Виявлені у грабіжницькому ході № 2. Походять зі складу залишків тризни, розкиданих над накатником поховання. Розміри: 1,5x2,6 і 3,2x4,1 см. 2 од.

4. **Розвал** корпуса невеликої чорнолискованої **корчаги**, фрагментований (рис.3:1-2; 6), від посудини з видовжено-кулястим тулубом. Шийка, вінце і дно відсутні. Поверхня має якісне лискування. Уламки виявлені в північно-західному кутку склепа, вхідній ямі та грабіжницькому ході № 2. Походять зі складу поховального інвентаря. Реконструйовані розміри: збережена висота частини посудини – 18,6 см; реконструйована висота корчаги – 22-23 см; діаметри: шийки орієнтовно – 8,6 см; тулуба – 18,5 см; переддення – 11,1 см; дна приблизно – 12,0 см. 11 од.

Посудина знаходить паралелі серед знахідок на Східному укріпленні Більського городища (Шрамко, 1987, с.111, рис.50:13).

5-7. **Фрагменти** шийки і стінок ліпного тонкостінного **кубка** із підлискованою



поверхнею, досить дрібні (рис.2: 3, 4, 7). Походять із заповнення поховання, грабіжницького перекопу ходу № 3, і належать до решток тризни. При графічній реконструкції (рис.2:5) помітна наявність невисокої вертикальної шийки та розширеного, ледь опуклого корпусу, звуженого донизу. Приблизно встановлюється висота посудинки – 12,5-13,0 см; діаметри: шийки – 13,0 см; корпусу – 16,3 см; дна орієнтовно – 11,3 см. Розміри уламків – від 2,8x4,5 до 4,4x4,0 см. 3 од.

Віддалено посудинка нагадувала ліпний кубок з поховання 1/1999 р. зольника № 2 селища Царина Могила, з тою лише різницею, що корпус кубка майже не мав чітко вираженого реберчастого зламу (Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2000, с.5-6, рис.3).

8. **Світильник** ліпний (Шрамко, 1983, с.125, табл.51) на пустотілій конічній низенькій ніжці (рис.7), із заглаженою до лискування поверхнею сіро-чорного кольору. Край вінця, загнутий всередину, має прямий зріз; тулуб напівсферичної форми доповнює конічна розширена ніжка-піддон зі скругленим завершенням. Походить зі складу супутнього інвентаря. Висота світильника – 4,3 см; діаметри: вінця – 9,6 см; ніжки в основі тулуба – 3,9 см; піддону – 4,6 см (рис.7). 1 од., склеєний із уламків.

Посудинка належить до поширених на Більському городищі форм спеціального ліпного посуду. З аналогій назвемо подібні вироби з розкопок Східного укріплення (Шрамко, 1983, с.125, табл.51; 1987, с.111, рис.51: 12, 13, 17; 1996, с.75, рис.IV:2), на Правобережжі – з кургану № 70 поблизу с.Курилівка (Петренко, 1967, табл.8:6), більш віддалені за формою – із зольника № 7 Західного укріплення Більського (Гавриш, 2002, с.73, рис.3:11) та території Книшівського (Гавриш, 2000, рис.XXIV б) городищ. Найближчі, за формою та параметрами, світильники виявлені на тому ж таки Перещепинському курганному некрополі I – у похованні №4/2000 р. (Супруненко, Кулатова, 2002, с.71; Кулатова, 2009, с.179-181, рис.2-3) та на селищі в ур. Лісовий Кут – нижня частина в матеріалах розкопу I/2000 р. і ціла форма у господарській ямі № 2/2001 р. (Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2001,

с.23, рис.15:9; Кулатова, Гейко, 2001, арк.12, рис.8а; Кулатова, 2008, с.140, рис.6). Співставляючи ці світильники, складається враження, що всі вони – продукція одного майстра V ст. до н.е. Все це посередньо засвідчує й на користь припущення, що могильник Перещепине I є некрополем саме цього поселення – селища в ур.Лісовий Кут (Супруненко, Кулатова, 2002, с.71).

9. **Пряслице** ліпне, зрізанобіконічне, з однією зрізаною основою та добре заглаженою, до лискування, поверхнею чорного кольору. Верхня більша основа – пласка, нижня маленька – ледь скруглена. Тип IV, варіант 2, за В.Є.Радзівською (Радзівська, 1979, рис.1; Шрамко, 1983, табл.17:IV:2; Щербань, 2007, с.163, № 16). Висота – 1,65 см; діаметр корпусу – 2,0 см; діаметри основ: верхньої – 1,7 см, нижньої – 0,7 см; діаметр отвору, пробитого зверху, – 0,35 см (рис.13:1). Виявлене у заповненні поховальної камери і належить до складу предметів супутнього інвентаря. 1 од.

#### Гончарна:

10-12. **Фрагменти стінок** античної світло-коричневоглиняної хіоської **амфори**, дрібні. У тісті – домішки подрібненого вапняку, блискітки слюди. Виявлені в орному шарі та насипу кургана. Розміри – від 2,9x4,4 до 4,7x3,8 см. Швидше за все, це рештки побитої під час тризни тарної посудини для вина. 3 од.

13-15. **Фрагменти стінок** античної оранжево-червоно-коричневоглиняної **амфори** із добре відмуленим тістом та ледь помітними блискітками слюди, дрібні. Виявлені у перекопах грабіжницьких ходів. Розміри – від 2,3x4,0 до 3,1x6,1 см. Зі складу решток тризни, вміщених над накатником. 3 од.

Отже, у складі комплекту гончарного посуду, використаного, найімовірніше, під час тризни, були дві амфори, одна з яких – хіоська.

16. **Уламок стінки** античного рожево-коричневоглиняного **лекіфу**, дуже дрібний. Тісто щільної маси, добре відмулене. Виявлений у поверхневій частині перекопу грабіжницького ходу № 3, поблизу центра кургану. Розміри – 1,0x1,3 см (рис.2:6). Вірогідно, це рештки винесеної скарбошукачем посудини зі складу поховального інвентаря. 1 од.





17. Найвиразнішою керамічною знахідкою у складі комплексу є **розвал** верхньої частини рожево-коричневоглиняного **червонолакового амфориска**, виявлений у західній частині склепу на долівці та в перекопі ходу № 2. Це верх посудини (часом їх називають амфорками), загальною висотою близько 25-28 см, що зберігся на реконструйовану графічно висоту 13,5 см. Розширене лійчасте горло посудини від третини висоти з'єднане з основою плічок сплющено-овальними у перетині широкими ручками; на покатах плічках нанесене прокреслене профільоване кільце; ребро по верху корпусу позначене двома кільцевими лініями лаку (рис.8). Амфориск прикрашений по лійчастій горловині назовні та зверху у внутрішньому обсязі, профільованій смужці на плічках, зовнішній і внутрішній поверхні ручок світлим блискучим коричнево-червоним лаком (рис.8:1). Шийка посудини, тонкі боки ручок, плічка і верх тулуба – у кольорі глини.

Параметри збереженої частини амфориска: висота – 13,5 см; діаметри: вінця – 5,7 см; шийки – 3,3 см; найбільший тулуба – 12,2 см; висота ручок – 4,6 см; перетин ручок – 0,7х1,4 см. У складі розвалу – 5 фрагментів.

Амфориск, можливо, є продукцією одного із материкових чи острівних малоазійських античних керамічних центрів початку V ст. до н.е.

## II. Предмети вузди.

Туша дорослої особини коня свійського, покладена над накатником поховання, напевне, супроводжувалася вуздечним набором, від якого збереглися фрагменти трьох предметів, потрошені і переміщені грабіжниками.

18. **Уламок** бронзового **стрижня**, можливо, від псалія, прямий, круглого перетину, майже не корозований. Виявлений на дні у заповненні грабіжницького ходу № 1. Довжина – 3,1 см; діаметр – 0,65 см. Є ледь скошені згладжені злами з обох боків (рис.13:2).

Подібний стрижень трапився у складі решток інвентаря поховання кургану № 20/2000 р. Перещепинського некрополя II (Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых,

Белозор, 2001, с.6,10, рис.3:3). Гіпотетично може розглядатися як частина стрижня бронзового Г-подібного литого псалія, на зразок виявлених у складі комплектів вузди кургану № 15/1997 р. Перещепинського некрополя II (Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1999, с.16-19, рис.15-18) або може бути уламком рамки бронзової підпружної пряжки. С.В.Махортых притримується особної точки зору, що це якийсь досі не атрибутований виріб.

19. **Кільце** залізне чумбурне **від вузди** або кінцеве від вудил, сплющено-підпрямокутного перетину. Корозоване, складається з 2-х уламків-половинок. Діаметр – 3,5 см; перетин стрижня – 0,4-0,6х0,7-1,0 см (рис.10:1).

Подібні знахідки траплялися у комплектах вузди поховань V ст. до н.е. Перещепинського некрополя II, зокрема, № 15/1998 р. (Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1999, с.21, рис.14:7; 15:4), на Східному укріпленні Більського городища (Шрамко, 1987, с.89, рис.37:13).

20. **Уламок** гризла залізних **вудил**, з основою згину (коліном) петлі (рис.10:2), овально-сплющеним у перетині стрижнем, перетином 0,7-0,8х0,9 см. Зберігся на довжину 3,3 см. 1 од.

Належить до розповсюджених в окрузі Більського городища типів вудил, подібних до, наприклад, деталей вузди з кургану № 2/1980 р. (Шрамко, 1994, с.122, рис.5:1-3, 6-7); курганів №№ 12 та 13/1997 р.; № 15/1998 р. (Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1998, рис.5:3; 10:3-4; Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1999, с.29, 33, рис.26:8).

## III. Предмети озброєння.

21. **Уламок** залізного **меча** – шматочок поверхневого шару металу від леза, з рештками трьох невеликих пружок долу у середній частині. На поверхні збереглися сліди синьо-фіолетової фарби, що, ймовірно, належали шару фарбування піхов. Виявлений у грабіжницькому перекопі на дні склепу. Розміри – 2,4х3,2 см, товщина – близько 0,6 см. Частина розвалу меча зі складу поховального інвентаря. 1 од.

22-29. **Уламки** леза залізного **меча** – подрібнені сколи металу з відбитками шкіри, часом дерева. На поверхні збереглися сліди



Рис.4. Уламки виробів.  
Залізо.



синьо-фіолетової фарби, ймовірно, від піхов. Виявлені у заповненні поховання, зрештою скарбощукачами. Розміри уламків – від 1,3x1,6 до 1,1x2,3 см (рис.4: 1, 3). Крім того, трапилися надзвичайно корозовані фрагменти руків'я меча (?) розміром 0,6x0,9 та 0,8x0,9 см. Від розвалу меча у складі поховального інвентаря. 8 од.

На одному фрагменті меча, між відбитком кістки і металом, зафіксовані сліди тонковолокнистої, з простим полотняним переплетенням, тканини, із жовто-металевим блиском – залишками відбитків золотих бляшок-нашивок чи слідами золотистого набійного малюнку, як на думку С.В.Маєвської.

30-31. Шматочки заліза від розвалу *спуса* – аморфні корозовані платівки металу, розміром 0,5x0,8x1,6 та 1,2x0,5x3,0 см (рис.3:хж). 2 од.

32. Дрібні фрагменти, вірогідно, залізної *ворворки* конічної форми (?) (рис.3:хж). Трапилися майже по центру склепу – на долівці. Форма уламків ворворки не зафіксована, наближені розміри нижньої частини виробу круглої форми – діаметр 1,6 см, висота уламків – 0,5-0,6 см (рис.4: 2, 4).

#### Наборний бойовий пояс.

Виходячи з того, що у заповненні ями, грабінницьких ходах і перекопах виявлена велика кількість дрібних уламків бронзових прикрас платівчастого характеру (більше 500), більшість з яких мала невеликі отвори, і, при всій ретельності розчистки, не виявлено жодного штифта, гвіздочка чи дротинки для їх кріплення, припускаємо, що більшість з цих прикрас мала суто декоративне призначення і використовувалася для складання наборного поясу. Виявлені в уламках чи навіть цілих формах платівки розподіляються на кілька типів.

33. Наймасовіші – фрагменти *видовжених* тонких *платівок* підпрямокутної форми, з однією прямою основою, нечіткими

спрямленими бічними сторонами та зубчастою протилежною основою. Виготовлені з тонкого листа бронзи (вирізання), мають здебільшого по одному, зрідка – два маленькі отвори (рис.14:12-16). Із зубчастого лицьового боку орнаментовані по краю рядом неглибоких круглих наколів, нанесених гольчастим пуансоном. Отвори пробиті цим же чи товщим пуансоном, краї отворів зачищені напилком або точильцем. З лицьового боку уламки платівок мають сліди позолоти, чітко помітні на старих подряпинах. Ідентифіковано 111 уламків подібних «зубчастих» платівок та близько 450 дрібних фрагментів, що могли належати також цим виробам (рис.14).

Розміри уламків платівок – від 0,6x0,8 до 0,7x2,7 см (рис.14:12-16). Їх товщина однакова – 0,15-0,20 см. Діаметр отворів для нашивання – 0,09-0,10 см.

Подібні платівки вже одного разу трапилися при розкопках перещепинських курганів. Маємо на увазі поховання кургану № 19/2000 р. середини – початку третьої чверті V ст. до н.е., де схожі прикраси портупей виявлені разом із підпрямокутними видовженими платівками (Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махотых, Белозор, 2001, с.6,11, рис.3:5-6).

34. Майже аналогічні, підпрямокутної форми, з рівними основами *платівки*, одна з яких подекуди покреслена різакон з метою розмітки (рис.14:11). Розміри – 0,7x1,4 та 0,7x1,6 см. Товщина – 0,025 см. 2 од. Могли входити до комплексу декору наборного поясу чи бути розподільними або крайовими частинами своєрідного наборного візерунку.

35. Меншим числом представлені *фрагменти* видовжених, аналогічних за товщиною, *платівок* підпрямокутних чи скруглено-прямокутних обрисів, часом – з однією прямою основою та отворами (рис.14:11). Це уламки ширших платівок без



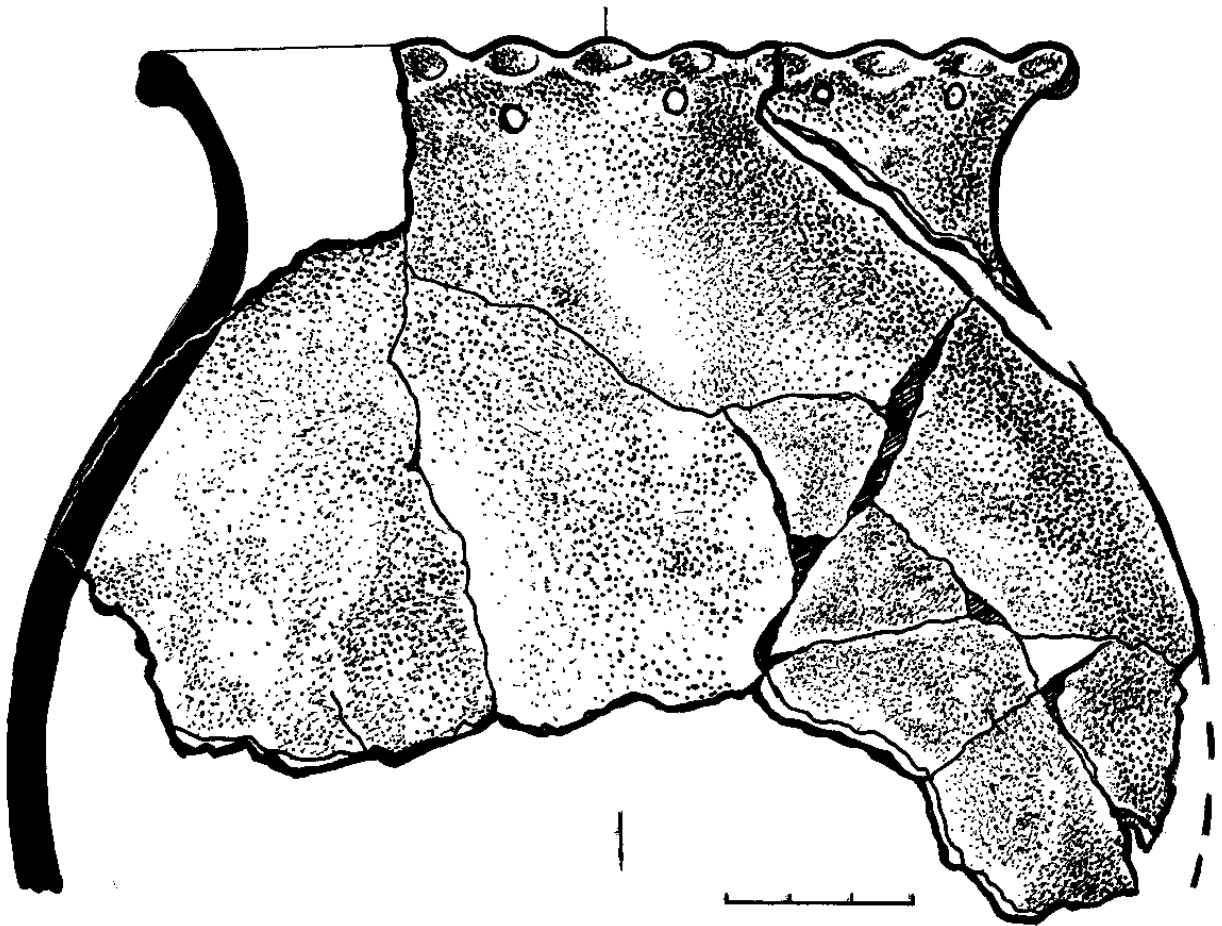


Рис.5. Верхня частина ліпного горщика.

орнаментатії. Отвори пробиті аналогічним із попередніми пуансоном, краї отворів зачищені. Вірогідно, що платівки – уламки більших за розмірами наборних деталей декорації шкіряного поясу. З лицьового боку уламки платівок мають нечіткі сліди позолоти. Їх розміри – від 0,9x0,8 до 1,2x2,2 см; товщина – 0,03 см. Виявлено 9 фрагментів подібних платівок (рис.14:5,11).

36. Фрагменти ще *більших платівок* або центральної бляхи від композиції (?), трохи товщих, з однією спрямованою основою та більшими отворами (рис.14: 1, 3). На них відсутня орнаментатія, сліди позолоти не помітні. Отвори більші, пробиті пуансоном, краї отворів зачищені. Виявлені 2 уламки таких платівок. Їх розміри – 1,2x1,8 та 2,0x2,2 см; товщина – 0,04-0,05 см (рис.14: 5, 11).

37. До комплексу парадного платівчастого наборного поясу належали також кілька *уламків* бронзових *платівок*, спаяних між собою «в накладку», виявлених у

заповненні склепу (рис.14: 2, 4). Збереглися на довжину 2,2-2,6 см, при ширині 0,8-0,9 см та товщині у 0,04 см. Розміри уламків – 0,8x1,0 та 1,3x2,6 см. 2 фрагменти.

Загальна довжина реконструйованого, з допуском вірогідності на втрати у 25%, такого ряду злегка перекритих одна одною платівок наборного поясу складала б близько 0,9-1,0 м. Це цілком відповідає розмірам декорування лицевого боку наборного поясу зі шкіри, ширина якого становила близько 2,6-2,7 см. До речі, на кількох платівках з внутрішнього боку є більш менш чіткі відбитки шкіри, що свідчить на користь такого припущення.

Названі вище аналогічні знахідки з одного із перещепинських курганів (*Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махотых, Белозор, 2001, с.6,11, рис.3:5-6*), разом із цими, складають уявлення про надзвичайно рідкісні зразки бронзового поясного набору, відомого у курганах Скіфії не більше ніж в десятку поховань. Єдиний з таких комбінованих



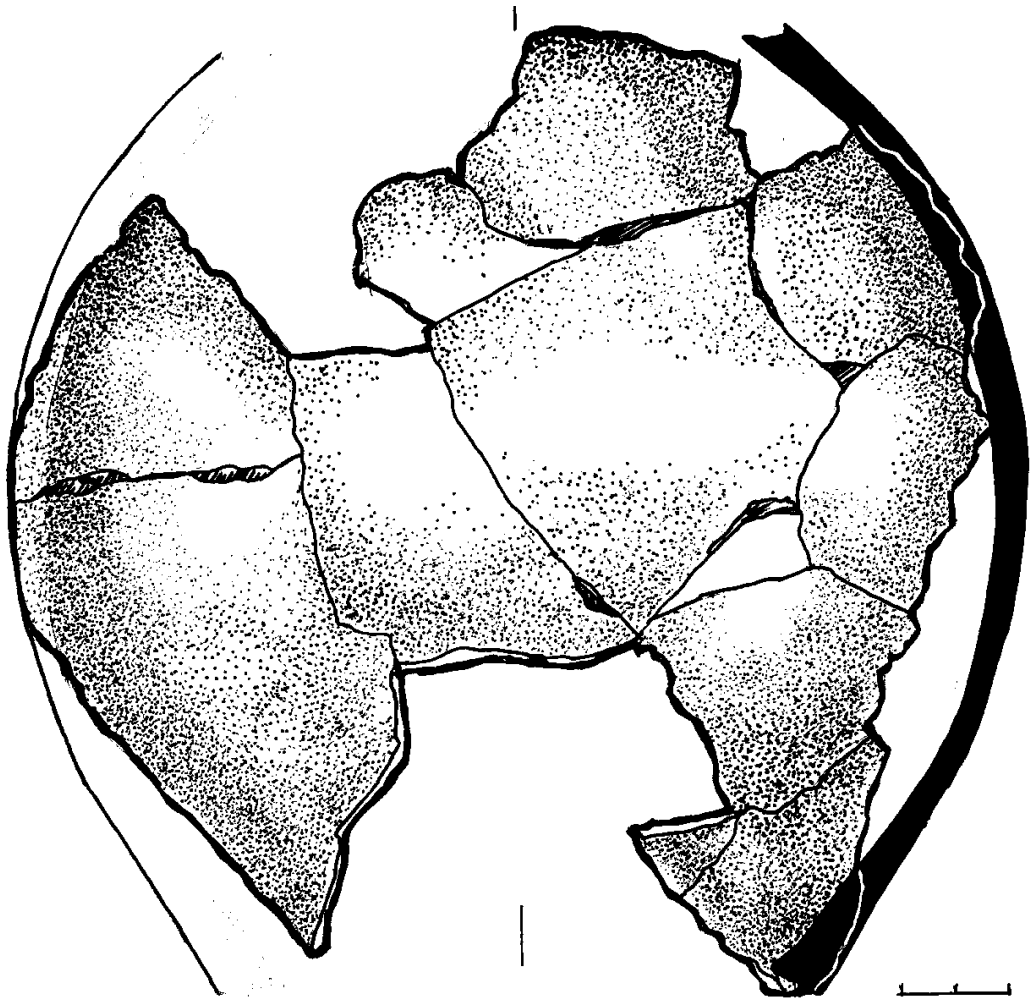


Рис.6.  
Фрагменти  
ліпної  
корчаги.

із різнотипних платівок пояс виявлений у Криму, в одному з курганів Німфейського некрополя (Черненко, 1968, с.60, рис.31:5).

**Стріли, спорядження лучника.**

38. Уламки тонких дощечок, товщиною 0,4-0,5 см, розмірами 0,7x0,5 см, імовірно, деталей каркасу сагайдака. Виявлені у центрі склепу в заповненні (рис.3:21). 4 од.

39-44. Наконечники стріл бронзові – 6 од. (рис.12:1-5), 5 з яких – тригранні, 1 – трилопатевий. Вони входили до складу сагайдачного набору і виявлені у передденні заповнення склепу та поряд з устям грабіжницького ходу № 1.

1) Трилопатевий втульчастий наконечник, зі спрямленими заточеними гранями, яким надані «баштоподібні» обриси, невеликою виділеною втулкою (рис.12:2), косо зрізаними кінцями лопатей, один із яких має форму шипа. Частина жальця і втулки втрачені. Висота – 3,0 см. 1 од.

Це наконечник стріли II відділу, 1-го варіанту 4-го типу, за Г.М.Мелюковою

та В.Г.Петренко (Мелюкова, 1964, с.14-16; Петренко, 1967, табл.34). Подібні наконечники мали широке розповсюдження у другій чверті – середині V, рідше – другій половині V – на початку IV ст. до н.е. (Полін, 1987, с.31,32, рис.11-13). Вони відомі за пам'ятками Лівобережжя Дніпра і Поворскля, зокрема, за знахідками на Східному укріпленні Більського городища та зольниках Цариної Могили, кургані № 13/1975 р. в ур.Скоробір (Шрамко, 1987, с.119, рис.56:12; 1994, с.113, рис.7:14-15; 1996а, с.47, рис.XVI:13; Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1998, рис.19:12), а також у посульському кургані № 2 в Аксютинцях із розкопок Д.Я.Самоквасова, Ольвійському некрополі, курганах скіфського часу Правобережжя (Петренко, 1967, табл.34:61-65; Полін, 1987, с.31, 32, рис.11:16; 12: 1-9, 12). До речі, у сагайдачних наборах ворсклинських поховальних комплексів V ст. до н.е. трапляється здебільшого по одному такому трилопатевому



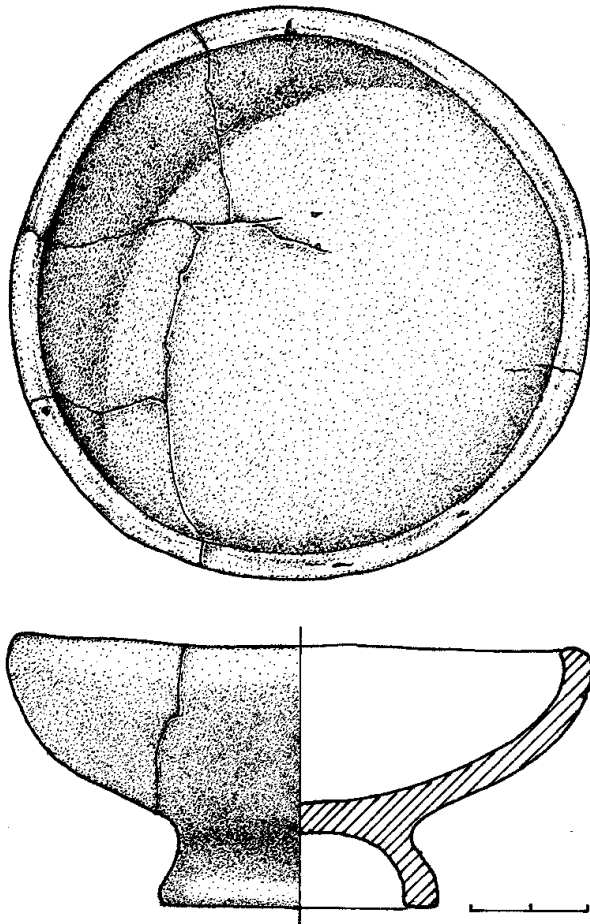


Рис.7. Світильник ліпний.

наконечнику (Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с.58, 65).

2) Тригранні трикутні втульчасті наконечники, з гранями, яким надано певних «баштоподібних» обрисів, з невеликою виділеною втулкою (рис.12:3), зрізаними під косим кутом до втулки кінцями лопатей, одна з яких має форму шипа, та їх уламків. Втулка позначена на гранях чіткими П-подібними заглибинами та профілюванням. Мають несталі пропорції і різну ширину голівки в основі баштоподібного розширення. Висота – 3,1-3,2 см, збережена висота уламків – 2,0-2,5 см. 5 од.

Описані наконечники стріл відносяться до III відділу, 2-го варіанту 2-го типу, за Г.М.Мелюковою і В.Г.Петренко (Мелюкова, 1964, с.14-16; Петренко, 1967, табл.34). Були розповсюджені у другій-третьій чвертях і наприкінці V ст. до н.е. (Полін, 1987, с.31, 32, рис.11-13). З аналогій назвемо наконечники стріл з кургану № 4 у Берестнягах, поховання 2 кургану № 2

у Корніївці, кургану № 3 Стеблівського некрополя (Там само, с.31,32, рис.11:22-23; 12:31-32; 13:2). Відомі такі наконечники й за більськими знахідками – інвентарем кургану № 11/1975 р. могильника Скоробір (Шрамко, 1994, с.113, рис.7:4), похованням № 2/2000 р. Перещепинського некрополя I (Супруненко, Кулатова, 2000).

3) Тригранний трикутний наконечник, зі звуженою високою голівкою, майже прямими гранями, зведеними «баштово» на останній чверті висоти, прихованою втулкою (рис.12:1), зрізаними косо до втулки гранями, одна з яких загострена у вигляді шипа. Втулка позначена в основі двома прямими тонкими заглибинками. Висота – 2,9 см. 1 од.

III відділ, один з варіантів 2-го типу, за Г.М.Мелюковою та В.Г.Петренко (Мелюкова, 1964, с.14-16; Петренко, 1967, с.44-46). Подібні наконечники зустрічаються у комплексах останньої чверті V–IV ст. до н.е. і відомі серед більських старожитностей першої половини V ст. до н.е. (Шрамко, 1996а, с.48, рис.XVII:18; Мурзін, Ролле, Білосор, 1996, с.143, рис.3).

45. Проблематичним є віднесення до комплексу озброєння великого мисливського однолезового **ножа**, з профільованим потовщенням спинки, фрагменти якого виявлені розтягнутими грабіжниками в похованні (рис.11: 2, 11, можливо: поз. 10, 12, 13). Відзначаючись прямою спинкою з паралельним лезом, він нагадує ніж з металевую ручкою III типу, за Б.А.Шрамком, репрезентовані такими зразками як знаряддя з Люботинського городища, курганів № 469 поблизу Аксютинців на Сулі або № 503 з Броварків на Пслі (Шрамко, 1983, с.80, табл.6: 27-28, 31). Виходячи з наявних уламків, ніж мав лезо шириною до 2,5 см і довжиною більше 16 см. Про характер руків'я судити важко, через відсутність фрагментів, які можна було б ідентифікувати. На найбільшому уламку збереглися фрагментарні сліди тканини з обох боків по всьому лезу. Встановити за ними переплетення, матеріал, частоту і фактуру ниток неможливо. Вірогідно, останні засвідчують наявність тканих піхов (що менш вірогідно) чи загортання ножа у тканину середньоволонистої структури – тонке полотно.



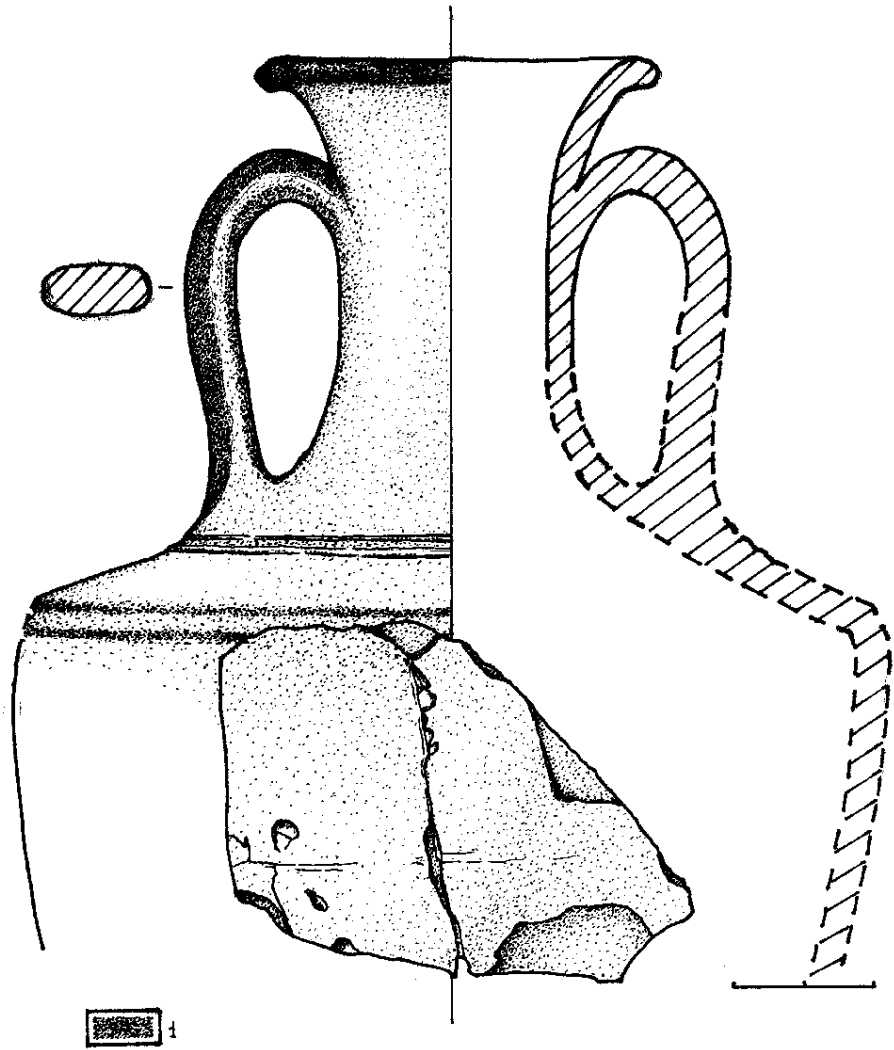


Рис.8. Верхня частина амфориска.

Кераміка, лак (1).

На спинці ножа (рис.11:2) можна помітити прикипілий шматочок шкіри з отворами-наколами, схожими на аплікацію зі шкіри, з нанесеним на окремі деталі шляхом перфорації орнаментом (визначення С.В.Маєвської). Всього уламків – 4.

#### IV. Побутові речі.

Серед решток поховального інвентаря було, принаймні, ще три ножі – заклепкові, з кістяним руків'ям, один із яких походив зі складу тризни – був покладений біля туші коня, два інших, напевне, – знаходилися у склепі, поряд із похованими.

46. **Фрагменти** залізного заклепкового ножа, з кістяним руків'ям у вигляді двох накладок, зі злегка горбатою потовщеною профільованою спинкою, широким масивним прямокутним черешком на дві третини руків'я, скріпленим із кістяними накладками за допомогою п'яти залізних

заклепок (рис.11: 1, 3, 6, 7). Ніж мав рідкісну для більських знахідок особливість – наявність металево-шкіряного перехвату в основі черешка, що утримував платівки накладок і запобігав їх розтріскуванню. Остання третина кістяних накладок з'єднувалася заклепками між собою і не утримувала черешок. Кістяні накладки завершувалися напівкруглим спилом. Ніж зберігся у чотирьох фрагментах – значний уламок леза і черешка із накладками та перехватом (рис.11:3); кінцевий фрагмент накладок, пропитаний окислами заліза (рис. 11:1); два шматочки жала леза (рис.11: 6, 7).

Таким чином, довжина ножа мала складати – близько 20-22 см; довжина леза – від 12,8 до 14,5 см; ширина леза – 2,5 см; довжина кістяних накладок – 7,2 см; їх ширина – 2,0-2,1 см; товщина спинки леза – 0,6-0,7 см; товщина черешка – 0,4 см;



ширина металево-шкіряного перехвату – 0,9 см; діаметр голівок заклепок – 0,2 см. Розміри кожного з уламків (за порядком опису вище) складають: 1) 2,5x12,1 см; 2) 3,2x2,2 см; 3) 1,5x1,7 см; 4) 1,4x1,5 см. Ніж походив зі складу супутнього інвентаря. 4 фрагменти.

На більшому уламку ножа (рис.11:3), біля самої ручки зберігся незначний відбиток тканини середньоволокнистої структури – простого полотна; на кістяних накладках (рис.11:1) виявлені також дрібні відбитки тканини. Важко стверджувати напевне, чи це рештки піхов, чи відбитки тканини одягу.

Нагадує 1-й тип II-ї групи ножів (підгрупа «Б»), за Б.А.Шрамком (*Шрамко, 1983, с. 53, 79, табл. 5*), а за формою – ніж з поховання другої половини V ст. до н.е. кургану № 2/1993 р. Перещепинського некрополя I (*Мурзін, Ролле, Скорий, 1995, с.70, рис.9:21*).

47. **Фрагменти** іншого залізного заклепкового **ножа**, з кістяним руків'ям у вигляді двох схожих накладок, з прямою (?) потовщеною спинкою, косим зрізом біля краю леза, коротким масивним черешком на половину руків'я, скріпленням із кістяними накладками за допомогою чотирьох залізних заклепок (рис.11:4). Напевне, ніж мав більш коротке лезо – близько 6-7 см. Половина кістяних накладок не втримувала черешка і з'єднувалася заклепками між собою. Завершення руків'я не збереглося. Кістяні накладки в основі леза мали скошений донизу зріз. Ніж зберігся у двох фрагментах – більший уламок руків'я з основою леза і кінець лезової частини.

Довжина ножа могла складати – близько 13-15 см; довжина леза – близько 7-9 см; ширина леза – 2,4 см; довжина кістяних накладок – близько 6 см; їх ширина – 2,0 см; товщина спинки ножа – 0,3 см; товщина черешка – 0,3 см; діаметр голівок заклепок – 0,2-0,3 см. Розміри кожного з уламків: руків'я – 2,0x5,1x0,7 см; леза – 4,7x2,4x0,3 см. Ніж походив зі складу супутнього інвентаря. 2 фрагменти.

Кістяна колодочка ножа (рис.11:4вверху) – з відбитками тканини простого полотняного переплетення тонковолокнистої структури, яку С.В.Маєвська співвідносить із рідкісним на той час імпортом

матеріалом – шовком. Крім того, поряд із накладками до металу прикипіли відбитки повсті, що лежала поверх тканини. Ніж, швидше за все, був загорнутий у зіжмакану тканину, – полотно серпанкового типу домашнього виготовлення на ткацькому верстаті найпростішої конструкції. На тканині можлива шерстяна (?) вишивка гладдю (*визначення С.В.Маєвської*).

Належить до 1-го типу пігрупи «Б» II-ї групи ножів, за Б.А.Шрамком (*Шрамко, 1983, с.53, 79, табл. 5*).

48. **Фрагменти** ще одного залізного заклепкового **ножа**, з кістяним руків'ям у вигляді двох подібних накладок, з прямою (?) потовщеною спинкою, піднятим доверху кінцем леза на останній третині довжини, на двох інших – паралельним спинці, масивним коротким черешком на третину руків'я, скріпленням із кістяними накладками, напевне, чотирма, розміщеними в ряд посередині ручки, залізними заклепками (рис. 11: 5, 8, 14, 16-17). Мав середнє за розмірами лезо – близько 9-10 см. Більша частина кістяних накладок не втримувала черешка і з'єднувалася заклепками між собою. Вона та завершення руків'я, крім заклепок зі шматочками кістки, не збереглися. Ніж знайдений у п'яти фрагментах – більший уламок леза, незначний фрагмент руків'я (рис.11:5), дрібний уламок леза і ручки із заклепками (рис.11: 8, 14, 16-17).

Довжина ножа могла складати – близько 16-18 см; ширина леза – 2,0 см; довжина кістяних накладок – близько 6-8 см; їх ширина – 1,8 см; товщина спинки ножа – 0,3-0,4 см; товщина черешка – 0,3 см; діаметр голівок заклепок – від 0,2 до 0,4 см. Розміри кожного з уламків становлять: більший – леза з вістрям – 8,7x2,0x0,4 см; дрібний леза – 1,7x1,8 см; чотири шматочки колодочки із заклепками – від 0,7x0,8x0,9 до 1,7x1,8x0,6 см. Ніж походив зі складу супутнього інвентаря. 6 уламків.

Ніж, вірогідно, мав дерев'яні піхви, відбитки яких помітні як на площині леза, так і на спинці. Займає проміжне положення між виробами 4-го типу підгрупи «А» та 1-м типом підгрупи «Б» II-ї групи ножів, за Б.А.Шрамком (*Шрамко, 1983, с.53, 79, табл. 5*).



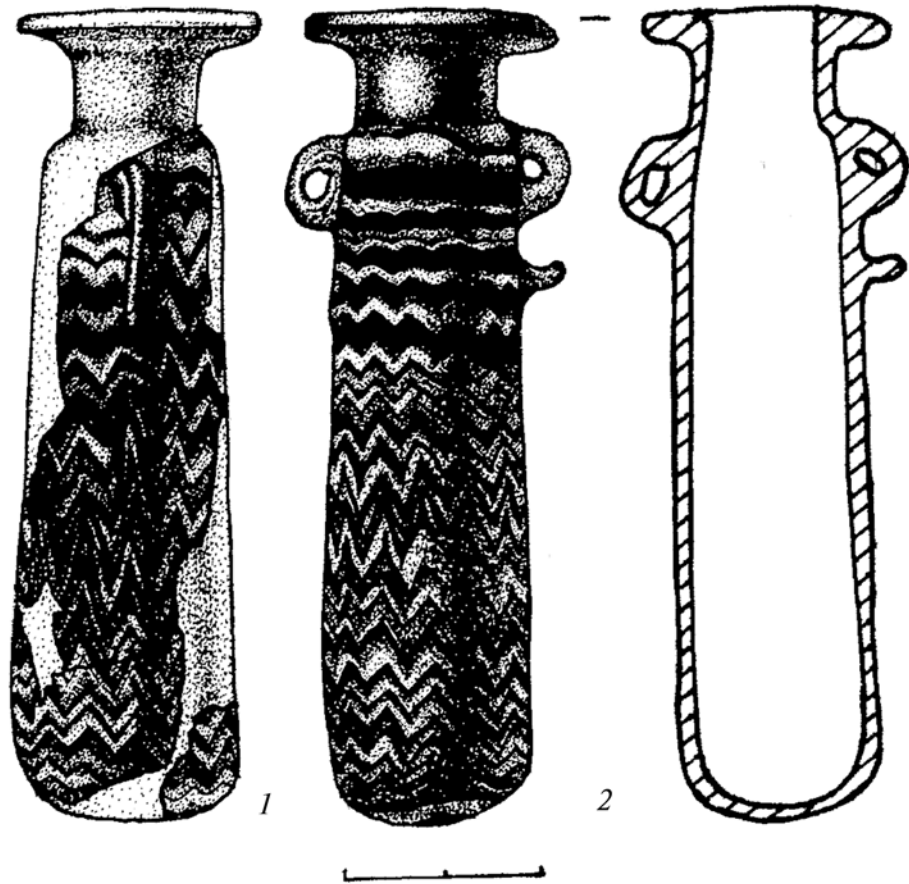


Рис.9. Арибали.  
Непрозоре скло.

49. **Фрагмент** залізного заклепково-го **ножа**, з тонким розкованим черешком, із кістяним руків'ям з двох накладок (рис.11:15). Виявлений у заповненні склепу, на глибині 1,35 м. Імовірно, на час спорудження кургану знаходився над рештками накатника, тобто, належав до залишків тризни. Розміри – 1,4x1,5 см, довжина залісної заклепки – 0,6 см.

50. Подрібнені **фрагменти** бронзової(их) **обивки(ок) дерев'яної посудини**, у вигляді загнутих в один бік шматочків листа металу (рис.14: 9, 10). Розміри – від 0,5x0,9 до 0,8x1,3 см. Один зі шматочків профільований. Товщина бронзового листа – 0,05-0,06 см. 3 од.

#### V. Предмети туалету і прикраси.

51. **Уламки** литого бронзового **дзеркала** круглої форми, з ледь потовщеним бортиком, реконструйованим діаметром у 27,0 см та товщиною диску 0,10-0,15 см (рис.14: 6, 7).

52-53. Найяскравішими знахідками з поховання є цілий та фрагментований, так звані «причесані», синьоскляні, з білими,

темно- і світлосиніми зигзагами на поверхні, «**фінікійські**» **поліхромні арибали** – продукція одного із центрів середземноморської школи скловиробництва, що належать до супутніх предметів жіночого речового комплексу (рис.3: 3, 8). Один з арибалів був потрощений грабіжниками, інший зберігся повністю (рис.9). Це посудинки для рідких і в'язких парфумів, трубчастої форми, виготовлені зі скла, на основі використання піщаного сердечника. За цілим арибалом помітно, що скляні флакони мали сплюснене, відведене назовні, потоншене вінце синього скла, обведене контурною смужкою непрозорого блакитного скла. Трохи звужена циліндрична шийка уступом переходила у також циліндричний корпус зі скруглено-сплюсненим дном. На плічках розміщувалися маленькі напівкруглі петельки для привішування, в одному випадку – з гачкоподібним виступом знизу (рис.9). Безперечно, посудини були виконані одним майстром.

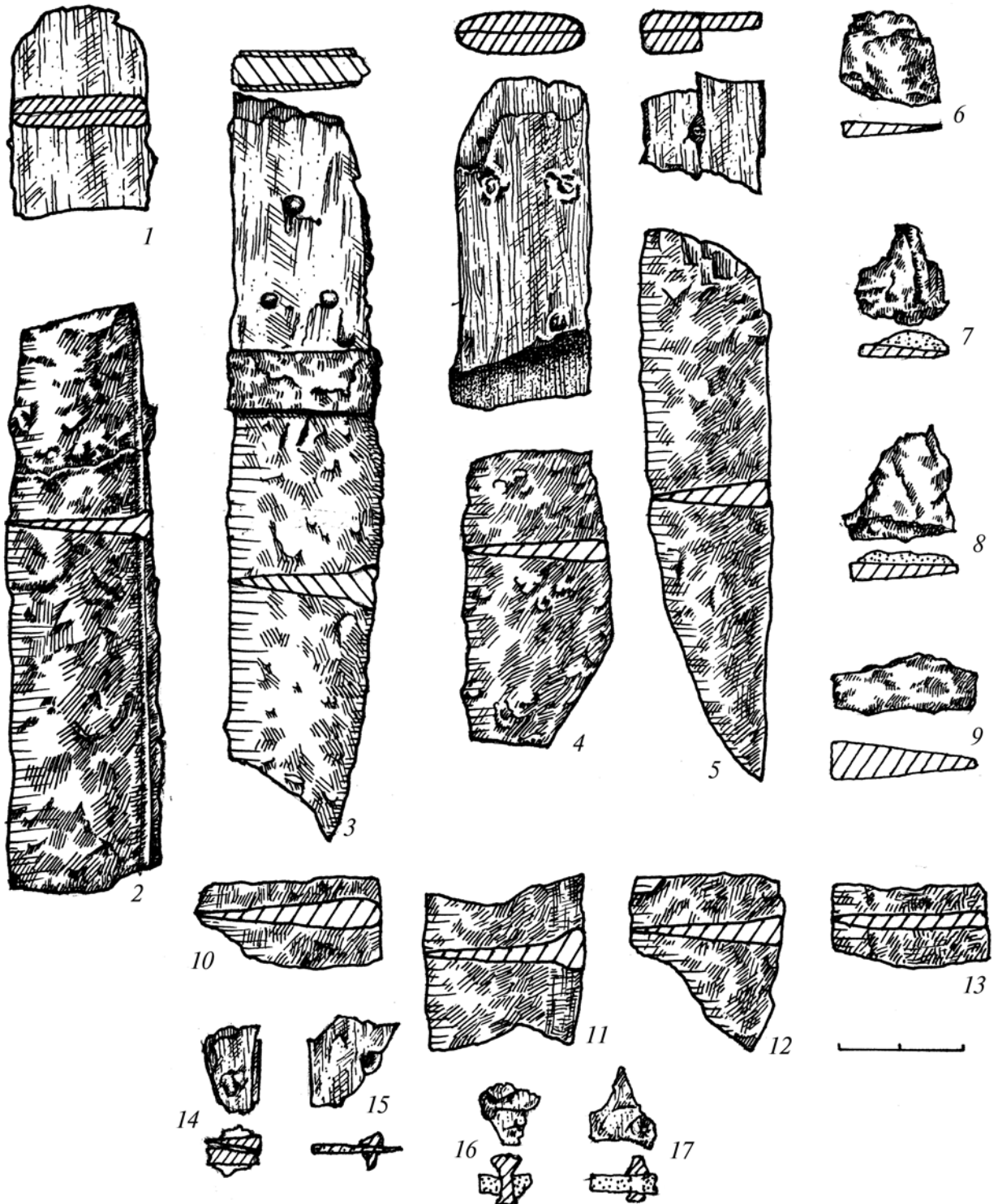
Щодо місця виготовлення таких флаконів, існує чимало точок зору, що окреслюють межі фінікійської колонізації







Рис.10. Деталі вузди. Залізо.



240 Рис.11. Фрагменти ножів. Залізо, кістка.



Середземномор'я – від безпосередньо Фінікії чи Карфагену до Малоазійських давньогрецьких центрів. Існують погляди, що подібні арибали – продукція майстерень Навкратіса, а то й Месопотамії. Облишивши атрибуційні суперечки, відсилаємо читача до найповнішого огляду технології та ймовірних місць виготовлення такого посуду, підготовленого одеськими дослідниками (Дзиговський, Островерхов, 2000, с.79-126).

Висота парфюмерних флаконів – 8,1-8,2 см; інші параметри, за збереженою цілою посудиною (рис.9:2), – діаметри: вінця – 2,5 см; шийки – 1,4 см; тулуба – 1,8-2,0 см; денця – 2,0 см; розміри вушок – 0,5x0,9 см; ширина вушок – 0,4-0,5 см; товщина стінок – 0,2 см. Інша, реставрована з уламків, посудинка має майже тотожні розміри, хоча відзначається дещо конічнішою, зі звуженням до верху, формою тулуба (рис.9:1).

Наведемо деякі аналогії виявленим арибалам. Згадаємо, для прикладу, групу подібних посудинок з Ольвійського некрополя, де саме синьоскляні зразки належать виробам V ст. до н.е. (Козуб, 1974, с.79-81, рис.34), а прямою аналогією є арибал з поховання № 5/1905 р. (Там само, с.80, рис.34:6), разом із арибалом з колекції Пітсбурзького Карнегі-музею природничої історії (*Ancient...Glass*, 1980, p.21, pl.). Перелік характеристик ряду подібних посудинок наведений вже названими одеськими дослідниками (Дзиговський, Островерхов, 2000, с.94-97). Саме арибали з синьоскляною основою у декорі характерні для продукції ряду середземноморських центрів V ст. до н.е., прикладом чого може бути посудинка з Ольвії у зібранні ОАМ НАН України (*Одесский археологический...*, 1983, с.38, № 60), флакони з Толедського музею мистецтв (*Klein, Dan and Lloyd Ward*, 1989, p.17: 1, 4), а також знахідка стінки схожого арибалу на Книшівському городищі в басейні Середнього Псла (Гавриш, 2000, с.136, 218, рис. XXXV:16). Більш пізньою продукцією цього ж склоробного центру є арибали з кургану № 22 поблизу с.Петухівка під Ольвією (Полін, 1992, с.36, рис.2; Дзиговський, Островерхов, 2000, с.83, рис.24:4), з території Пантікапею зі збірки ОАМ НАН України (*Одесский*

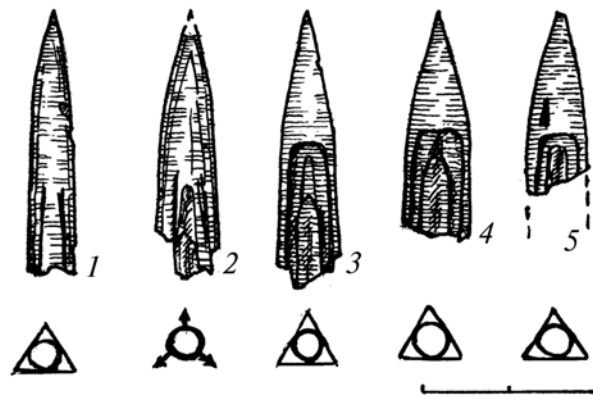


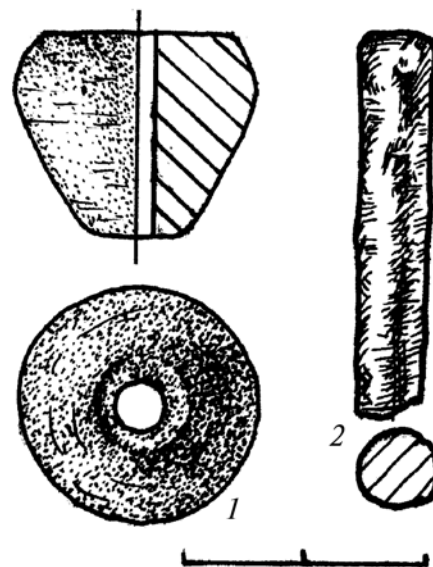
Рис.12. Наконечники стріл. Бронза.

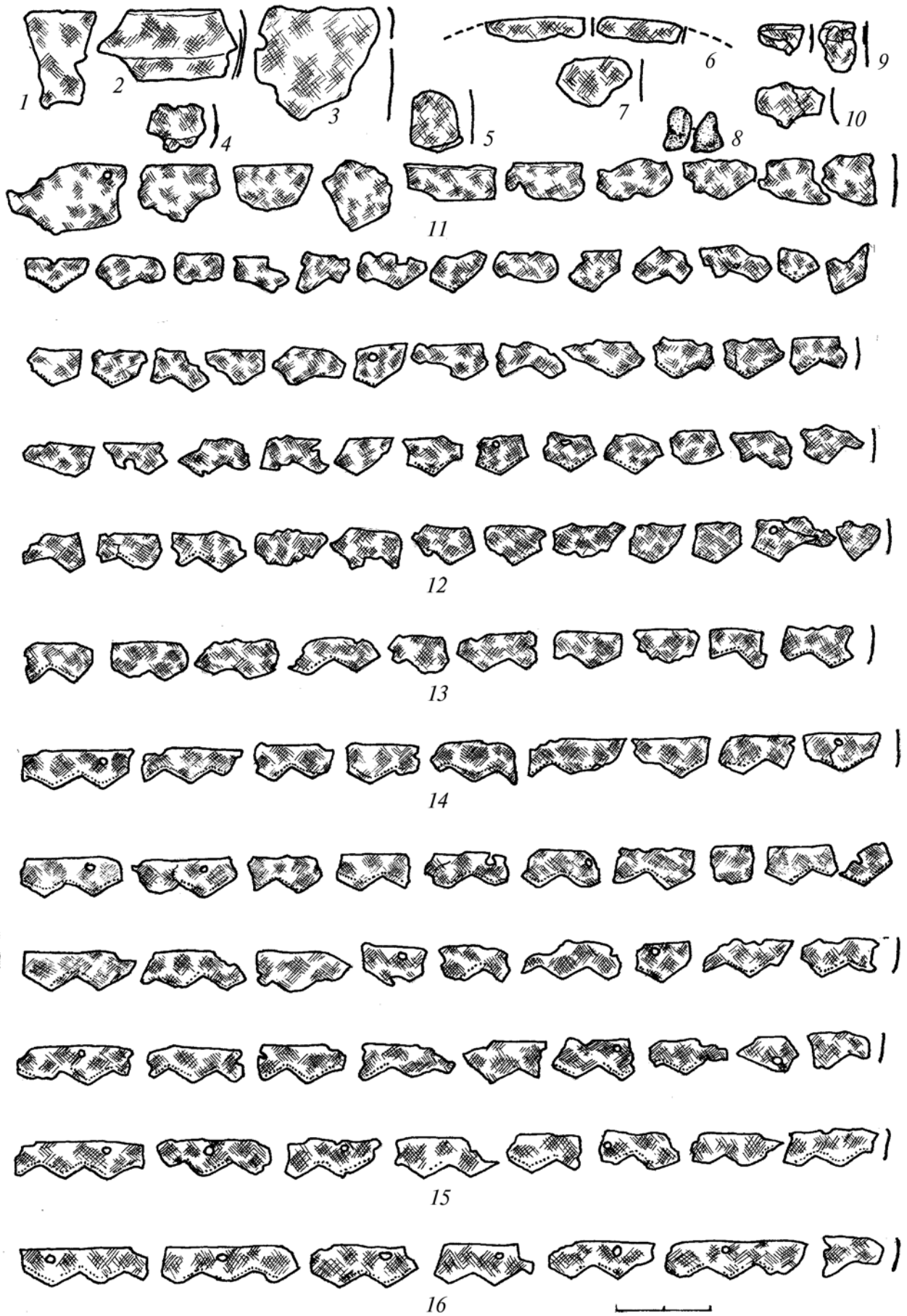
*археологический...*, 1983, с.38, № 61) та з Капуї (*Drahotova*, 1985, s.17, № 17), датовані вже IV ст. до н.е. Отже, виявлені у більському похованні флакони варто розглядати як середземноморські імпорти першої половини V ст. до н.е.

52. **Шматочок сірки** жовто-бурого кольору, видовженої аморфної форми, зі складу поховального інвентаря. Розміри – 0,5x0,4x0,8 см. 1 од.

53. **Крупинки** мінерально-органічної суміші – фарби яскравого рожевого кольору – рум'ян. Розміри таких крупинок досягали 0,3x0,4x0,2 см. Виявлено 7-8 рознесених грабіжниками шматочків фарби та розтерта пляма 0,5x2,0 см на площі в 0,2 кв.м.

Рис.13. Пряслице та уламок стрижня. Кераміка, бронза.





242 Рис.14. Фрагменты бронзових виробів.



54. *Уламки* пісковикової *тарелі* («блюда») видовжено-підпрямокутної форми, виготовленого з плитки місцевого крихкого пісковика сіро-коричнюватого кольору, з добре відшліфованою зовнішньою і менш старанно – зворотною поверхнями. Неповний розвал тарелі виявлений у заповненні грабіжницького ходу № 1. Бічні грані виробу добре затерті і скошені донизу, поперечний перетин – підтрапецієподібний. Довжина плитки – 36,4 см; ширина – 9,7-15,4 см; товщина – 1,3-1,6 см (рис.17). Збереглося 15 уламків тарелі (розміри – від 2,9x4,1 до 4,9x11,0 см), частина з яких склеїлася (до 6 од.).

Кам'яні тарелі («блюда»), переважно видовжених форм, з бортиками або фігурними завершеннями вужчих боків, нерідко зустрічаються серед інвентаря жіночих поховань. Вони характерні для поховального обряду племен скіфської доби Посулля, Поділля і Правобережного Лісостепу (*Ильинская, 1968, с.150-151*). Відзначені знахідки тарелей, щоправда, дещо простіших форм, й у Поворсклі (*Ковпаненко, 1967, с.156*). Ці виробу частіше зустрічаються серед інвентаря комплексів ранньоскіфського часу, а для округи Більського городища першої половини – середини V ст. до н.е. вони видозмінюються до найпростіших плиток, на зразок уламка плитчастого пісковика з поховання кургану № 20/2000 р. Перещепинського курганного некрополя II (*Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2001, с.8-9, рис.5:2*). Саме до таких типів цих виробів і належить описана знахідка. В.А.Іллінська відкинула поширювані рядом дослідників старожитностей раннього залізного віку гіпотези щодо призначення таких каменів в якості жертвеників або домашніх вівтарів (*Смирнов, 1964, с.166-167; Петренко, 1967, с.36*), запропонувавши найпростішу утилітарну атрибуцію – своєрідних туалетних столиків для розтирання мінеральних фарб на жировій основі (*Ильинская, 1968, с.151*). Зрештою, і поверхня знахідки з кургану № 2/2001 р. вкрита більш темним шаром пропитування якимось жиром.

Досить яскравими речовими знахідками комплексу є деталі античного імпортного намиста зі склопасти та золота. Всі вони виявлені на дні склепу і репрезентують,

імовірно, дві низки намиста з різних матеріалів. Шкода лише, що від комплектів намиста, внаслідок діяльності грабіжників, збереглися поодинокі намистини.

#### *Фаянсове і скляне намисто:*

55. *Намистина* фаянсова, округла, з наміченою біконічністю, виконана неохайно (рис.15:4). Виготовлена з пористого фаянсу світло-жовтого кольору, полива жовтіша та гладенька. Висота – 0,4 см; діаметр корпусу – 0,45 см; діаметр отвору – 0,2 см. 1 од.

Тип 1 намиста із єгипетського фаянсу, за К.М.Алексеевою, відомого за знахідками в похованнях ольвійського некрополя VI–V ст. до н.е. (*Алексеева, 1975, с.31, табл.5:1*).

56. *Намистина* скляна кільчасто-очкова подвійна, з двох намистинок стиснутої округлої форми, з'єднаних трьома тонкими стриженьками по корпусу між очками, виготовлена з брунатно-лілового, майже непрозорого скла, сіро-коричневого на вигляд, з трьома прошаркуватими очками, де на тонкий білий диск непрозорого скла накладений темно-синій, а поверх останнього – склопастове біле кільце. Висота намистинок – 0,25-0,30 см; загальна висота обох – 0,55 см; діаметр – 0,55 см; діаметр каналу отвору – 0,20-0,25 см (рис.15:6). Напевне, останні є виробничим напівфабрикатом, який, із огляду на оригінальні ажурні форми, пішов у продаж. 1 од.

Належать до типу 25, варіанту «в» або «г» очкового склопастового намиста другої половини VI–V ст. до н.е., за К.М.Алексеевою (*Алексеева, 1975, с.59, табл.16:50-52*). Подібна більській знахідка такої «комбінованої» подвійної очкової намистини ще невідома.

#### *Металеve намисто:*

57-58. *Намистини* рубчасті пустотілі, овальної у перетині форми, виготовлені із золотої фольги, спаяні з двох штампованих половинок, скріплених між собою тонкими кільцями золотого дроту по краях. Орнаментовані поперечними канельованими смужками та розділеними насічкою більш широкими валиками з рифленням вздовж довгої вісі виробу (рис.15:2-3). Їх розміри: висота – 1,3 см; діаметр корпусу – 0,95-1,00 см; товщина фольги – 0,05 см (рис.15:2-3); проба металу – 500°, маса – 0,55 г. На корпусі намистин помітні незначні деформації. 2 од.





Рис.15.  
Прикраси.  
1-4, 7 – золото;  
5-6 – склопаста.

Це продукція античних ювелірів, що має чимало аналогій у похованнях скіфського часу V–IV ст. до н.е. Пряма аналогія – намистина з кургану № 1/1994 р. Більського курганного некрополю «Б» (Супруненко, 1996, с.99, 100, 105, рис.10:4). Від намиста з сусіднього перещепинського кургану № 1/2001 р. (Кулатова, Супруненко, 2003, с.1-4 обкл.) ці вироби відрізняються ширшими смужками рифлених пружок та числом поперечних продавлених рисочок на них.

59-61. **Намистинки (бісер)** біконічно-скругленої форми, що складаються із двох спаяних між собою, штампованих із золотої фольги напівсферичних половинок, з наскрізним отвором для нанизування (рис.15:4). Висота – 0,30-0,35 см; діаметр – 0,40-0,45 см; товщина фольги – 0,20 мм; проби металу – 500-580°, маса – 0,05-0,07 г. Всього 3 од.

Зразки таких золотих прикрас широко розповсюджені у поховальних пам'ятках Степу і Лісостепу скіфської доби і датуються V–IV ст. до н.е. Дещо більші пропорції та охайність у виконанні такого дрібного намиста вказують на більш ранній час їх виготовлення – V ст. до н.е. З більських аналогій назвемо подібні намистинки з сусіднього кургану № 1/2001 р. та кургану № 1/1995 р. в ур.Марченки (Кулатова, Супруненко, 2001, с.102-104, рис.10:9).

#### **Інші золоті прикраси:**

62-63. **Бляшки** – прикраси головно-го убору нашивні, підтрикутної форми, з трійчастою композицією із розеток у вигляді круглих квіточок з 5-7-ми рельєфними пелюстками, переданими круглими виступами і об'єднаними у стилізоване суцвіття (рис.15: 1, 7). Центральні частини квіточок передані більшими перлинами, між ними – ще один напівкруглий виступ, що єднає композицію. Бляшки виготовлені із золотої фольги штампунням. Краї рівно

загнуті до середини, деталі добре пророблені. На звороті та по краях отвори або вушка для нашивання відсутні. Вірогідно, прикраси наклеювалися на якусь основу чи нашивалися стібками поперек квіточок, перехрещеними у вигляді трикутника. Висота прикрас – 0,8-0,9 см; ширина – 0,9 см; товщина – 0,15-0,20 см; товщина фольги – 0,015 см; проба металу – 500°, маса – 0,45-0,49 г (рис.89:1-7). 2 од.

Бляшки-нашивки у вигляді строе-них розеток походять з кургану VI ст. до н.е. № 9/1912 р. групи «Частих курганів», курганів IV – першої третини III ст. до н.е. № 11/16 поблизу с.Мастюгіне та № 4 поблизу с.Дурівка у Середньому Подонні (Либеров, 1965, табл. 33:6; Пузикова, 1995, с.5, рис.6; 2001, с.92, рис.19:1,1а; с.220, рис.18:8). Є вони і в окремих комплексах Лісостепового Правобережжя IV–III ст. до н.е. (Петренко, 1967, с.29, рис.19:16-17; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис.41:49). Нещодавно одна така бляшка виявлена у кургані № 1 Більського некрополю в ур.Марченки, датованому кінцем V – початком IV ст. до н.е. (Кулатова, Супруненко, 2001, с.103-105, рис.10:7).

64. Найвидатніша знахідка серед вцілілих речей поховального інвентаря – золотий чоловічий **перстень-печатка** – яскравий і високохудожній зразок класичної античної торевтики. Перстень має сплющений овальний щиток із загостреннями на кінцях, гранену шинку без потовщення донизу зі стременоподібним профілем, і відноситься до типу III «Б», за О.Я.Неверовим. Подібні персні датуються серединою – третьою чвертю V ст. до н.е. (Неверов, 1986, с.19). Щиток прикрашає різьблене зображення колісниці з парою коней та майже оголеною фігурою візничі, переданих у профіль (рис.16). За спиною у молодого наїздника, що тримається за реміні



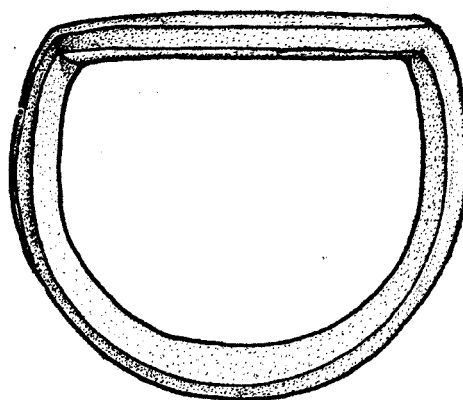
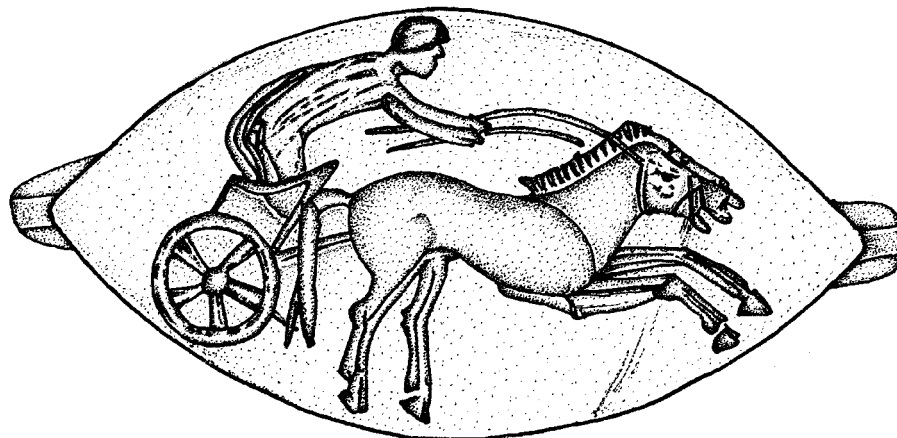


Рис.16. Перстень-печатка. Золото.

упряжі в пориві вперед, звивається плащ. Шинка персня знизу зберігає сліди заполірованого з'єднання. Розміри перстня: висота – 2,45 см; розміри щитка – 1,29x2,45 см; товщина щитка – 0,13 см; перетин шинки – 0,12x0,15 см; проба металу – 700°, маса – 10,72 г.

Наведемо попередні міркування відносно кола аналогій цьому унікальному витвору античного ювеліра, дібраних за характером виконання гравіювання та типом щитка і шинки. Перш за все, це електричний перстень із зображенням перського воїна та золотий перстень із фігурою жінки з Пантікапея, зі збірки Державного Ермітажа (Неверов, 1986, с.145, 147, табл.1:4,6; 3:3). Як здається, це роботи одного майстра з певного іонійського центру, можливо, Мілету, розгромленого персами на початку V ст. до н.е. Перегукується за характером моделювання обличчя вершника на більському перстні профільне зображення обличчя Гермеса на щитку подібного золотого виробу з Пантікапея (Scythian Gold, 1999, p.187,

№ 74). За повідомленням доктора Майкла Вікерса, в колекції Музею мистецтва й археології Оксфордського університету є перстень V ст. до н.е. з подібним, хоча й не тотожним сюжетом.

Щодо атрибуції зображеного сюжету, то можна поки що лише гіпотетично розглядати його як образ Ахілла і пов'язувати з культом цього бога-героя, розповсюдженим на території Ольвійського поліса та його хори (Русяева, 1976, с.180-182; Русяева, Супруненко, 2003, с.181-185). В цьому контексті варто згадати й деякі зображення героя на колісниці, які пов'язують з участю у спортивних святах на честь Ахілла населення Ольвії та її хори. Зокрема, саме так трактується сюжет зображення свинцевої платівки з поселення Кателіне I (Рубан, 1982, с.55-58). Можливо, через Ольвію до Більська й потрапив цей перстень, свого часу виконаний на замовлення заможного мешканця цього міста або ж виготовлений як нагорода за перемогу в таких змаганнях.



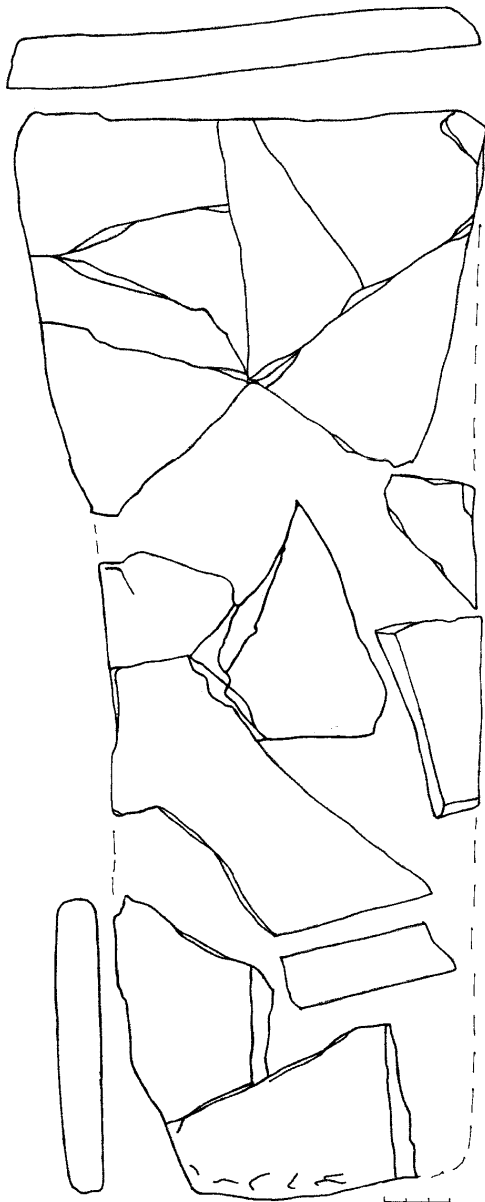


Рис.17. Плита-гаріль. Пісковик.

З огляду на знахідки вже відомих бронзових перснів зі Східного укріплення Більського городища (Шрамко, 1987, с.161, рис.74), виявлення високоякісного зразка золотого персня-печатки вказує на розповсюдженість подібних витворів торевтики

у середовищі населення Гелону – Більського городища, можливо, на користування ними в якості особистих печаток, а також на широкі контакти з північнопричорноморськими античними центрами, через які до мешканців фортеці на вододілі Ворскли і Псла потрапляли рідкісні, цінні та якісні зразки давньогрецького художнього ремесла класичної доби (Супруненко, 2002, с.2 обкл.).

#### VI. Рештки одягу та невизначені залишки.

65. *Рештки* розвалу *шкіряно-деревозалізного виробу*, змішані із зотлілими кістками, що перетворилися на своєрідну брекчію (рис.3:10). Шматочки цієї маси лежали тонким (до 1,5 см) «коржем» на овальній у плані площі 12x15 см і були розкидані у фрагментах поруч на втричі більшій площі в перекопі. Гіпотетично, в ході розкопок, розглядалися як залишки шкіряного захисного обладунку, хоча останнє було, ймовірно, бажанням виявити рештки такого виробу. На 2-х фрагментах цієї маси виявлені відбитки тканин. Зокрема, на фрагменті розміром 0,5x0,9 см, є відтиски тонковолокнистої, з простим полотняним переплетенням, тканини, зверху до яких прикипів шматочок шкіри (визначення С.В.Масвської).

Таким чином, за типом поховальної споруди, характером і датуванням речових знахідок та їх аналогій, досліджений курган належить до комплексів *другої – початку третьої чверті V ст. до н.е.*, засвідчуючи далеко не рядовий майновий та соціальний статус похованих в ньому і наявність на сусідньому поселенні в ур.Лісовий Кут досить заможних родин, пов'язаних, певно, із торгівлею з давньогрецькими центрами Північного Причорномор'я.

#### Література

Алексеева, 1975 – Алексеева А.И. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – М., 1975. – Вып. Г 1-12. – 95+19 с.  
Гаврилюк, 2002 – Гаврилюк Н.О. Від редакції // АБУ 2000-2001 рр. – Київ, 2002. – С.1 обкл., 5-7.

Гавриш, 2000 – Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). – Полтава, 2000. – 232 с.



*Гавриш, 2002* – Гавриш П.Я. Продовження розкопок зольника № 7 в Західній фортеці Більського городища // АЛЛУ. – Полтава, 2002. – № 1. – С. 72-73.

*Городцов, 1911* – Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 году // Труды XIV Археологического съезда. – М., 1911. – Т.3. – С.93-161.

*Дзиговский, Островерхов, 2000* – Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стекляная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Одесса, 2000. – 198 с.

*Ильинская, 1968* – Ильинская В.А. Скифы Днепропровского лесостепного Левобережья: (Курганы Посулья). – Киев, 1968. – 203, LXII, 2 с.

*Козуб, 1974* – Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. – Київ, 1974. – 184 с.

*Ковпаненко, 1967* – Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. – Київ, 1967. – 188 с.

*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепропровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). – Киев, 1989. – 336 с.

*Кулатова, 2008* – Кулатова І.М. Рятівні дослідження на поселенні скіфського часу в ур. Лісовий Кут у Більську // АЛЛУ. – Полтава, 2008. – № 1-2. – С.137-149.

*Кулатова, 2009* – Кулатова І.М. Колективне поховання на Перещепинському курганному некрополі в Більську // Полтавський краєзнавчий музей: Зб. наук. статей. Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток. – Полтава, 2008. – Вип. IV. – Кн.1. – С.177-185.

*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993* – Кулатова І.М., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Кургани скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. – Москва-Полтава, 1993. – 108 с.

*Кулатова, Гейко, 2001* – Кулатова І.М., Гейко А.В. Звіт про рятівні археологічні дослідження на поселенні скіфського часу в ур. Лісовий Кут та курганному некрополі в ур.Перещепине поблизу с.Більськ Котелевського району Полтавської обл. навесні 2001 р. // НА ІА НАНУ; НА ЦОДПА. – Фе. – Спр.349. – 72 арк.

*Кулатова, Гейко, Супруненко, 2001* – Кулатова І.М., Гейко А.В., Супруненко О.Б. Рятівні дослідження на поселенні скіфського часу Холодівщина поблизу Більська на Полтавщині // АБУ 2001-2002 рр. – Київ, 2003. – С.25-28.

*Кулатова, Супруненко, 2001* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Курган скіфського часу в урочищі Марченки поблизу Більська // АЛЛУ. – Полтава, 2001. – № 2. – С.99-105. – Вкл.IV.

*Кулатова, Супруненко, 2002* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Охоронні дослідження на Перещепинському курганному некрополі у Більську 2001 року // АБУ 2000-2001 рр. – Київ, 2002. – С.167-168.

*Кулатова, Супруненко, 2002a* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Ранньоскіфський курган поблизу Більського городища // Наукові записки з української історії. – Переяслав-Хмельницький, 2002. – Вип.13. – С.52-71.

*Кулатова, Супруненко, 2002b* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Ранньоскіфський курган поряд з Більським городищем // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2002. – Т.Х. – С.155-173.

*Кулатова, Супруненко, 2003* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу Перещепинського некрополя у Більську (за розкопками 2002 р.) // АЛЛУ. – Полтава, 2003. – № 2. – С.30-61.

*Кулатова, Супруненко, 2003a* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Нові матеріали з досліджень Більських курганних некрополів // АЛЛУ. – Полтава, 2003. – № 2. – С.1-4 обкл.

*Кулатова, Супруненко, 2004* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Охоронні дослідження на Перещепинському курганному некрополі у Більську в 2002 р. // АБУ 2002-2003 рр. – Київ, 2004. – Вип.6. – С.27-32.

*Кулатова, Супруненко, 2006* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Два поховання курганного некрополя скіфського часу в ур.Перещепине в околицях Більська // АЛЛУ. – Полтава, 2006. – № 2. – С.40-46.

*Либеров, 1965* – Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. – М., 1965. – Вып. Д 1-31. – 38 с., табл.

*Маєвська, 2006* – Маєвська С.В. Текстиль та неткані матеріали з Перещепинського курганного некрополя // АЛЛУ. – Полтава, 2006. – № 2. – С.47-51.

*Мелюкова, 1964* – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – М., 1964. – Вып. Д 1-4. – 91 с., 23 табл.

*Мурзін, Ролле, Білозор, 1996* – Мурзін В.Ю., Ролле Р., Білозор В.П. Про подальші дослідження Перещепинського могильника // Археологія. – Київ, 1996. – С.141-149.

*Мурзін, Ролле, Скорий, 1995* – Мурзін В.Ю., Ролле Р., Скорий С.А. Дослідження Перещепинського курганного могильника // Археологія. – Київ, 1995. – № 2. – С.63-72.

*Мурзін, Ролле, Скорий, 2000* – Мурзін В.Ю., Ролле Р., Скорий С.А. Археологічні дослідження спільної Українсько-німецької експедиції у Більську в 1994 році // АДУ 1994-1995 рр. – Київ, 2000. – С.112-115.





- Мурзин, Скорый, 1997* – Мурзин В.Ю., Скорый С.А. Исследование курганов в окрестностях Бельска // АДУ 1993 р. – Київ, 1997. – С.94.
- Мурзін, Ролле, Супруненко, 1999* – Мурзін В., Ролле Р., Супруненко О. Більське городище. – Київ-Гамбург-Полтава, 1999. – 104 с.
- Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1998* – Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997 г. – Київ, 1998. – 22, 39 с.
- Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Белозор, 1999* – Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. – Київ, 1999. – 61 с.
- Мурзин, Ролле, Хери, Махортых, Черненко, 1997* – Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Черненко Е.В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. – Київ, 1997. – 11, 12 с.
- Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2000* – Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 г. – Київ, 2000. – 61 с.
- Мурзин, Ролле, Хери, Скорый, Махортых, Белозор, 2001* – Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. – Київ, 2001. – 72 с.
- Неверов, 1986* – Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная тореветика. – Ленинград, 1986. – С.17-27.
- Одесский археологический..., 1983* – Одесский археологический музей АН УССР: Альбом / Отв. ред. Дзис-Райко Г.А. – Киев, 1983. – 196 с.
- Петренко, 1967* – Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. – М., 1967. – Вып. Д 1-4. – 178 с.
- Полін, 1987* – Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. – Київ, 1987. – № 59. – С.17-36.
- Полин, 1992* – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – Киев, 1992. – 201 с.
- Пузикова, 1995* – Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона: Альбом. – М., 1995. – 32 с.
- Пузикова, 2001* – Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: (Публикация комплексов). – М., 2001. – 272 с.
- Радзівєвська, 1979* – Радзівєвська В.Є. Техніка прядіння у населення лісостепової Скіфії // Археологія. – Київ, 1979. – № 32. – С.19-26.
- Рубан, 1982* – Рубан В.В. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – Киев, 1982. – С.55-58.
- Русяева, 1976* – Русяева А.С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. – Киев, 1976. – С.174-185.
- Русяева, Супруненко, 2003* – Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторически личности эллино-скифской эпохи (культурно-политические контакты и взаимовлияния). – Киев-Комсомольськ, 2003. – 320 с.
- Скорый, 2007* – Скорый С.А. Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (исследования 1999-2001, 2004 гг.) // Ранній залізний вік Європи: До 100-річчя від дня народження А.І.Тереножкіна. – Київ-Чигирин, 2007. – С.138-140.
- Скорый, 2008* – Скорый С.А. Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999-2001, 2004 гг.) // Revista archeologică. – Vol. – nr.1. – С.146-179.
- Смирнов, 1964* – Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – 379 с.
- Супруненко, 1996* – Супруненко О.Б. Розкопки Більського курганного некрополю «Б» // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава, 1996. – С.88-120.
- Супруненко, 2000* – Супруненко О.Б. До питання про пограбування курганів на Полтавщині за козацької доби // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – Київ, 2000. – Вип.9. – С.86-91.
- Супруненко, 2002* – Супруненко О.Б. Античний перстень з Більська // АЛЛУ. – Полтава, 2002. – № 1. – С.1-2 обкл.
- Супруненко, 2002а* – Супруненко А.Б. Унікальна находка накануне «года Коня» // Древний мир. – Киев, 2002. – № 3. – С.34-35. – Фото: С.36, 39.
- Супруненко, 2005* – Супруненко О.Б., авт. тексту, укл. До таїн прадавнього міста: Більське городище – перлина старожитностей Полтавщини / Буклет. – Полтава, 2005. – 1 арк., скл. у 6 с.
- Супруненко, Кулатова, 2000* – Супруненко О.Б., Кулатова І.М. Звіт про рятивні дослідження на курганному могильнику скіфського часу в урочищі Перещепине поблизу с.Більськ Котелевського району Полтавської області в 2000 році // НА ІА НАНУ. – Ф.е. – 2000/123. – 20, 5 арк, 48 іл.; НА ЦОДПА. – Ф.е. – Спр.320. – 64 арк.
- Супруненко, Кулатова, 2002* – Супруненко О.Б., Кулатова І.М. Рятивні роботи на Перещепинському курганному некрополі у Більську // АБУ 2000-2001 рр. – Київ, 2002. – С.70-71.



Супруненко, Кулатова, Тимощук, 2007 – Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Тимощук А.І. Дослідження на Більському городищі та в його окрузі у 2005-2006 рр. // АДУ 2005-2007 рр. – Київ-Запоріжжя, 2007. – С.355-359.

Черненко, 1968 – Черненко Е.В. Скифский доспех. – Киев, 1968. – 191 с.

Шрамко, 1983 – Шрамко Б.А. Археология раннего железного века Восточной Европы. – Харьков, 1983. – 135 с.

Шрамко, 1987 – Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев, 1987. – 184 с.

Шрамко, 1994 – Шрамко Б.А. Розкопки курганів VII–IV ст. н.е. поблизу Більська // Археологія. – Київ, 1994. – № 4. – С.117-133.

Шрамко, 1996 – Шрамко Б.А. Комплекс глиняних скульптур Бельського городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава, 1996. – С.67-87.

Шрамко, 1996а – Шрамко Б.А. Раскопки В.А.Городцова на Бельском городище в 1906 г. (по материалам коллекции ГИМ) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава, 1996. – С.29-54.

Щербань, 2007 – Щербань Анатолій. Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII – початку III століття до н.е. (за глиняними виробами). – Київ, 2007. – 256 с.

Ancient...Glass, 1980 – Ancient and Islamic Glass in the Carnegie Museum of Natural History: Catalogue by Andrew Oliverdr. – Pittsburgh, Pennsylvania, 1980. – 248 p. – Pl.

Drahotova, 1985 – Drahotova Olga. Evropske sklo. – Praha, 1985. – 134 s.

Klein, Dan and Lloyd Ward, 1989 – Klein Dan and Lloyd Ward. The History of Glass. – London, 1989. – 256 p.

Scythian Gold, 1999 – Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine. – New York, 1999. – 352 p.



## О КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАВШЕГО НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ (источники, проблематика)

### Введение

Скифия — перипетии появления и истории скифов в Северном Причерноморье — остается излюбленной темой сферы научных интересов сегодняшнего юбиляра, Сергея Анатольевича Скорого. А какая она была, Скифия, на своих западных рубежах, и где они находились — эти самые западные скифские земли?

Как известно, погребальная обрядность признана многими специалистами в качестве одного из решающих показателей скифского присутствия или отсутствия на протяжении не только всего периода пребывания скифов на обширных пространствах Северного Причерноморья, но особенно времени прихода и начала освоения скифами этого региона. Важным следует признать расширение в последние годы научных представлений и появление новых исследовательских гипотез:

— удревнение времени прихода скифов в Северное Причерноморье, что приходится на конец VIII в. до н.э. (*Alekseev, et al. 2002: 143-150; Alekseev, 2004: 9 и сл.; Евразия скифская радиоуглеродная 2005: 64 и сл., 215 и сл.*);

— понижение датировок раннего греческого импорта в лесостепных областях Северного Причерноморья до начала — первой трети VII в. до н.э. (см. *Kerschner, 2006: 239 и сл.; и др.*);

— дальнейшее расширение классификации и изучение технико-техно-

логических характеристик ранней сероглиняной гончарной керамики из северопонтийских колоний, а также поселений северо-западной части варварского хитерланда (*Смирнова, 1965: 8 и сл.; она же, 1994: 185-187; она же, 1998b: 23-37; она же, 1999a: 44-57; Chochorowski, 1996: 116-147; Pontic Grey Wares, 2008; Kowal, 2008: 74-94; Levițki, 2009*);

— изучение европейских восточногалльштаттских импортов в раннескифской культурной среде, в том числе учитывая обновленную европейскую хронологическую схему времени классической Гальштаттской культуры (*Смирнова, 1998a: 36-39; 1999b: 241-244; 2001: 33-44; 2004a: 64-65; 2004b: 421; Дараган, Кашуба, 2008: рис. 1; Дараган, Снытко, 2008: 303-308; Кашуба, 2008: 56 и сл.*) и др.

Базовыми территориями обитания скифов первой миграционной волны в Северном Причерноморье были области лесостепной части Правобережья Днепра, включая и Южную Подолию, как это было убедительно показано во многих работах последнего десятилетия (*Алексеев, 1996; 2003; Скорый, 1996a; 8-14; 1996b: 2003*). Территории далее к западу — Среднеднестровский бассейн и Восточное Прикарпатье — также были охвачены первой миграционной волной ранних скифов. Однако «скифское освоение» этих областей имело особый ход развития событий. Местное население Восточного Прикарпатья, хотя и испытало (возможно, и восприняло) самое эффективное на тот период скифское



оружие, продолжало сохранять устойчивые традиции во многих сферах своей материальной культуры – в домостроительстве, производстве лепной посуды, изготовлении личных украшений и прочее. Все это породило разные модели объяснения культурно-исторического развития, предложенные специалистами для описания ситуации в период скифской архаики в восточнокарпатском регионе: от признания безусловного присутствия ранних скифов на этих территориях до фактического отрицания такового (обзор – см. *Смирнова, 2004b: 409 и сл.*; и др.).

Здесь нужно отметить, что поздний период гальштаттской эпохи в Восточном Прикарпатье<sup>1</sup> остается пока еще малоизученным, что обусловлено как состоянием археологических источников, так и подходами специалистов к освещению его проблематики. Последние исследования, выполненные на основе поселенческих комплексов, ограничиваются отдельными и отдаленными друг от друга зонами региона: южная часть бассейна Среднего Днестра (*Каšуба, 2000*) и центральная часть Днестровско-Прутского междуречья (*Niculita, 2002; Arnăut, 2003*). Из погребальных памятников этого времени, обнаруженных случайно и представленных в центральной части Днестровско-Прутского междуречья одиночными разрозненными комплексами (*Мелюкова, 1979: 89-120; Лапушнян, 1979: 18-23; Levički, 1998: 28-59*; и др.), выделяется почти полностью раскопанный курганный могильник Тринка–Друмул Фетештилор, находящийся в северной части рассматриваемого региона (рис. 1). В целой серии публикаций, где рассматривались материалы этого памятника (*Левицкий и др. 1992: 95-107; Levički, 1995: 247-278; Levički, Naheu, 1997: 167-212; Levički, 1996: 165-193; 1997: 149-180; 2000: 38-39; 2004a: 76-82; 2004b: 369-393; Левицкий, 2004c: 152-157*), в том числе в монографическом исследовании (*Levički, 2006*), основные параметры его погребальной

обрядности были сопоставлены с позднегальштаттскими и раннескифскими могильниками соседних (Среднее Поднестровье и низменность Рэдэуць) и более отдаленных территорий – Карпатская котловина и южное Прикарпатье, а также лесостепная область Правобережья Днестра (*Levički, Demcenco, 2005: 44-71*).

Возвращаясь к проблеме нескифских (местных) и скифских культурных традиций у населения, проживавшего на западных границах Архаической Скифии, в своей статье предварительного характера авторы попытаются обозначить, в первую очередь, круг проблем, связанных с изучением погребальной обрядности. Предлагаемые здесь акценты и имеющиеся новые исследовательские подходы, в конечном итоге, позволят более полно понимать культурно-исторические и этнокультурные процессы, имевшие место в северной части восточнокарпатского региона в период VII–VI вв. до н.э.

### Могильник

#### Тринка–Друмул Фетештилор

*Местонахождение и планировка.* Расположенный в 700-800 м к югу от южной окраины села на высоком мысу, образованном руслом р. Драгиште и ложбиной безымянного ручья, могильник занимал пологий, юго-западный склон мыса, ориентированного в направлении ЮВ-СЗ. Абсолютная высота мыса 245,2 м, высота от уровня долины р. Драгиште – 75 м. Площадь могильника, состоящего из 12 небольших насыпей, составила около двух гектаров. Курганы были расположены в три ряда (по 2, 5 и 4 насыпи, соответственно, на расстоянии от 25 до 70 м), ориентированные в направлении ЮЗ-СВ и находящиеся от 30 до 75 м друг от друга. Всего было раскопано 9 курганов (рис. 2, 1).

*Конструкции.* Общая высота каменно-земляных насыпей составила от 0,45 до 0,7

<sup>1</sup> Деление периода раннего железного века Карпатского бассейна, Среднего и Нижнего Подунавья, а также восточного Прикарпатья (включая и территорию Днестровско-Прутского междуречья) на ранний (XII–IX вв. до н.э.), средний (VIII в. до н.э.) и поздний (VII–VI вв. до н.э.) гальштаттские периоды дается согласно принятой в румынской специальной литературе археологической систематике (*Vulpe, 1990: 102-130, Taf. 62*).



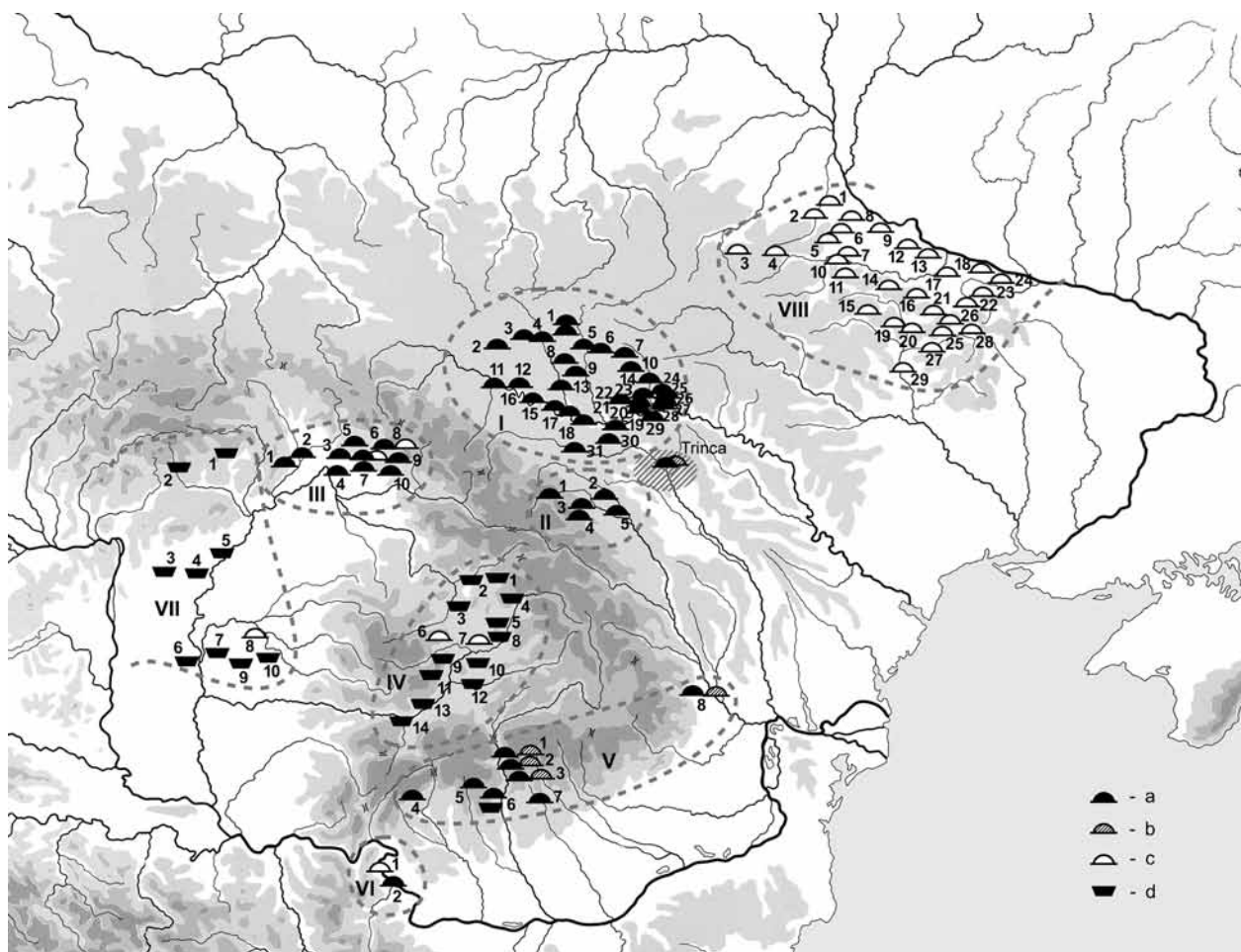


Рис. 1. Северное Причерноморье, Карпатский бассейн и Прикарпатье в позднегалльштатское – раннескифское время. Культуры и культурные группы.

**I. Западно-подольская группа:** 1 – Новосёлка-Гримайловская, 2 – Ивановка, 3 – Ладычин, 4 – Мышковцы, 5 – Качановка, 6 – Серватинцы, 7 – Ивановцы, 8 – Раков Кут, 9 – Шидловцы, 10 – Купин, 11 – Братышев, 12 – Беремяны, 13 – Билче Золотое, 14 – Завадинцы, 15 – Городница (Ивано-Франковская обл.), 16 – Дуплинск, 17 – Городок, 18 – Перебыковцы, 19 – Долиняны, 20 – Малинивцы, 21 – Текливка, 22 – Тарасивка, 23 – Шутнивцы, 24 – Городница (Тернопольская обл.), 25 – Сокилец, 26 – Чабанивка, 27 – Колодиивка, 28 – Лоевцы, 29 – Ленковцы, 30 – Круглик, 31 – Новосёлка; **II. Подольско-молдавская группа:** 1 – Викову де Сус, 2 – Сату Маре, 3 – Воловец, 4 – Кашвана, 5 – Ворничений Мичь; **III. Куштановицкая культура:** 1 – Невичке, 2 – Малые Гевецы, 3 – Жорнино, 4 – Лесовица, 5 – Куштановице, 6 – Чёрный Поток, 7 – Дунковице, 8 – Колодное, 9 – Осой, 10 – Белки; **IV. Скифская группа Трансильвании:** 1 – Мэрэшелу, 2 – Фынтынеле, 3 – Гэдэлиу, 4 – Бэица, 5 – Шоптериу, 6 – Кымпия Турзей, 7 – Чипэу, 8 – Тыргу Муреш, 9 – Чимбруд, 10 – Озд, 11 – Теюш, 12 – Блаж, 13 – Бландина, 14 – Симерия; **V. Группа Бырсесть-Фериджиле:** 1 – Чепарь, 2 – Тигвень-Петроаса, 3 – Тигвень-Бабе, 4 – Телешть-Дрэгоешть, 5 – Вайдееень, 6 – Фериджиле, 7 – Цицешть, 8 – Бырсесть; **VI. Группа Балта Верде и Гогошу:** 1 – Гогошу, 2 – Балта Верде; **VII. Культура Сентеш-Векерцуг:** 1 – Монай /Monaj, 2 – Матраселе /Mátraszele, 3 – Тапиосентмартон /Tápiószentmárton, 4 – Тапиоселе /Tápiószele, 5 – Хевеш /Heves, 6 – Чаньтелек /Czanytelek, 7 – Сентеш-Векерцуг /Sentes-Vekerzug, 8 – Дьема /Gyoma, 9 – Орошхаза /Orosháza, 10 – Бекешчаба-Фениеш /Békéscsaba-Fényes, 11 – Зёлдхаломпуста /Zöldhalompusztá; **VIII. Раннескифская культура Днепрового Правобережья:** 1 – Глеваха, 2 – Малая Офирна, 3 – Новая Котельня, 4 – Жовтневе, 5 – Перепятиха, 6 – Лазурцы, 7 – Стеблёв, 8 – Казаровцы, 9 – Трахтемиров, 10 – Медвин, 11 – Куриловка, 12 – Берестняги, 13 – Бобрица, 14 – Беркозовка, 15 – Рыжановка, 16 – Гамарня, 17 – Яснозорье, 18 – Ташлык (Ковалиха), 19 – Шполы, 20 – Константиновка, 21 – Цветково, 22 – Тенетинка, 23 – Жаботин, 24 – Гуляй Город, 25 – Макеевка, 26 – Репяховатая Могила, 27 – Журовка, 28 – Оситняжка, 29 – Турия.

Условные обозначения: a – насыпь: земля-камни, b – насыпь: земля-камни-земля, c – насыпь земляная, d – отсутствие насыпи.



м (каменных — 0,4-0,6 м) при диаметрах от 7-8 до 12-14 м (рис. 2, 2А, 3С; 3, 1). Вокруг места захоронения, на уровне древней поверхности, сооружался кромлех округло-овальной формы внешним диаметром от 5 x 5,2 м (курган IX) до 10 x 10,5 м (курган VIII) и шириной, соответственно, от 1,0 до 2,2 м. Курганы были предназначены только для одного захоронения, лишь на окраинах каменных насыпей курганов I и III находились еще по одному погребению-кенотафу. Зафиксированы два приема возведения насыпей (табл. 1). В большинстве случаев (75%) над остатками сожжения и сопровождающим инвентарем сначала сооружалось каменное ядро из камней средних и малых размеров, положенных несколькими слоями, которые далее покрывались земляной насыпью (курганы I-V, VIII) (рис. 2, 2А, 3С). В трех случаях (курганы VI, VII и IX — 25%) остатки первоначально накрывались небольшой земляной насыпью, а далее следовали слои камней и земли (рис. 3, 1-2), тогда погребальная площадка обязательно посыпалась мелом или известью (табл. 1-2).

*Погребальные сооружения и обряд.* На могильнике представлены исключительно курганные погребения (тип I). Корреляция основных признаков захоронений позволила выделить два основных варианта погребальных сооружений: вариант I.1 (83%) — на древнем горизонте (гл. — до 0,2-0,5 м от R0 и до 0,15-0,3 м от уровня современной дневной поверхности) и вариант I.2 — в яме (табл. 1). Площадь распространения остатков сожжения варьировала в пределах от 3 до 6 кв.м, а в кургане VIII она составила около 14 кв.м.

Преобладают захоронения на древнем горизонте без дополнительных надмогильных конструкций — субвариант I.1.A (табл. 1). Отмеченная в единственном случае деревянная конструкция (субвариант I.1.B — погребение IIIb, 1) имела неправильную четырехугольную форму, общую площадь около 7 м<sup>2</sup>, внутри которой была глиняная вымостка овальной формы (С-Ю, 0,9 x 0,7 м, толщина 0,05 м), вокруг которой тремя группами попарно располагались шесть ям разных размеров (от 0,64 x 0,5 м при гл. 0,22 м до 0,2 x 0,16 м при гл. 0,06 м) (Levički, 2006: fig. 18). Характер остатков

из внутренней площади этого сооружения позволил отнести его к наземным деревянным погребальным конструкциям (склепам), которые сжигались в процессе погребальной и/или погребально-поминальной церемоний.

Среди захоронений варианта I.2 представлены овально-удлиненные ямы (СЗ-ЮВ), одна из которых (размерами 2,54 x 0,96 м при гл. 1,32 м) на уровне древнего горизонта имела деревянное перекрытие (субвариант I.2.A — погребение I, 1), а у второй ямы, размерами 0,84 x 0,34 м при гл. 0,4 м, имелась небольшая ступенька (субвариант I.2.B — погребение III, 2) (табл. 1).

Могильник Тринка характеризуется биритуализмом: захоронения совершались как посредством трупосожжения, так и трупоположения. Ведущим обрядом было трупосожжение (7 — 58%): кремации осуществлялись непосредственно на месте захоронения и на стороне. На месте производилось частичное (погребение I, 1) или полное (погребение IIIb, 1) сожжение. Остатки от полных кремаций, производимых на стороне, размещались вместе с погребальным инвентарем на древнем горизонте (курганы V-IX) (рис. 3, 2; табл. 2).

Ингумации (3 — 25%) также находились непосредственно на древнем горизонте (курганы II-IV). Предполагается скорченное положение на боку и северо-восточная ориентировка погребенных. Антропологический анализ показал, что в одном из двух одиночных погребений был захоронен мужчина в возрасте 40-45 лет (погребение IV, 1), а парное захоронение (погребение III, 1) было женским, 12 и 18-21 лет, соответственно (табл. 2).

Погребения-кенотафы (2 — 17%) располагались на окраине каменных насыпей (погребения I,2 и III,2) (табл. 2).

Из выявленных на могильнике Тринка *особенностей ритуалов* отметим:

а) в погребениях на древнем горизонте без надмогильных конструкций (субвариант I.1.A):

— обычай уже упоминаемой посыпки мелом или известью погребальной площадки курганов, в которых остатки первоначально перекрывались землей, а затем камнями (табл. 1-2);



- обычай соблюдения определенного порядка в расположении предметов погребального инвентаря: сосуды – преимущественно к югу от площади распространения остатков сожжения; украшения и предметы туалета, оружие и детали колчана, орудия труда – в центральной части кургана, в пределах распространения остатков сожжения. Следует отметить, что инвентарь, находящийся на месте остатков погребального костра, за исключением пряслица и одного скопления фрагментов керамики из погребения VII,1 не имеет следов побывания в огне;
- жертвоприношения после совершения захоронения состоят из лепных сосудов, расположенных за пределами каменного панциря, и представляют собой остатки тризны, совершенной по окончании возведения каменной насыпи одновременно с сожжением ритуальных костров. После завершения тризны и ритуального разбивания сосудов каменная насыпь и остатки тризны накрывались земляным слоем (два случая – погребения VI, 1 и VIII, 1);
- обычай положения в могилу натуральных красителей (красная краска – охра?) отмечен в одном случае (погребение VI, 1) (табл. 2);
- б) обычай положения напутственной мясной пищи в могильнике Тринка выявлен во всех категориях погребений:
  - с трупосожжением, где жертвенное мясо (мелкий рогатый скот) было положено в миску (1 случай – погребение VI, 1);
  - с трупоположением, где жертвенное мясо было положено прямо на земле (2 случая – погребение III, 1, мелкий рогатый скот, и IV, 1, мелкий рогатый скот и домашний осел);
  - в кенотафе, где жертвенное мясо находилось на дне ямы (1 случай – погребение I, 1, крупный и мелкий рогатый скот).

*Погребальный инвентарь.* Состав инвентаря, сопровождающего кремации, фактически не отличается от найденного при

ингумациях – предпочтение отдавалось личным украшениям и посуде (рис. 2, 2В, 3С; 3, 3-18; табл. 3-4). Все без исключения курганы содержали скопления из фрагментов керамики и, реже, целые сосуды. За исключением кургана V, в котором найден фрагмент венчика кругового сосуда, керамика из могильника Тринка лепная и представлена сосудами, сделанными из грубого теста (кухонная посуда), а также из более качественного, с лучшей обработкой поверхностей (столовая посуда) (рис. 2, 2В, 3С; 3, 14, 16, 18). Следует отметить наличие в погребениях сосудов обеих технологических категорий, без соблюдения обычая обязательного положения определенных форм, однако, наиболее часто встречаются горшки и миски (табл. 3).

Украшения, как и посуда, находились во всех инвентарных захоронениях могильника: наиболее излюбленными были стеклянные и пастовые бусы, количество которых колеблется от 1 до 15, найдены также бусы керамическая и из тонкого бронзового листа (рис. 2, 2В, 3С; 3, 3-8; табл. 3). Из других личных украшений и деталей одежды отметим:

- бронзовые серьги, которые находились по одной в трех погребениях;
- парные бронзовые гвоздевидные булавки в погребении III,1 и фрагмент булавки в погребении VII,1;
- костяную орнаментированную обойму из погребения VI,1 (рис. 2, 2В; 3, 10; табл. 3). Особого внимания заслуживает прямоугольное каменное блюдо с бортиками и комочки охры из кургана VI (рис. 3, 17).

Орудия труда представлены железными ножами (2 случая), фрагментами сильно корродированных железных предметов (3 случая) и глиняными пряслицами (2 случая) (рис. 2, 2В; 3, 9, 15; табл. 3). Из немногочисленных в захоронениях могильника предметов вооружения можно отметить 5 наконечников костяных стрел (погребение I,1) и один бронзовый (погребение VIII,1). В погребении I,1 находились детали колчана – палочка-застёжка и столбик-гвоздик (рис. 2, 2В; табл. 3).

Комбинации сопроводительного инвентаря показывают, что в захоронениях



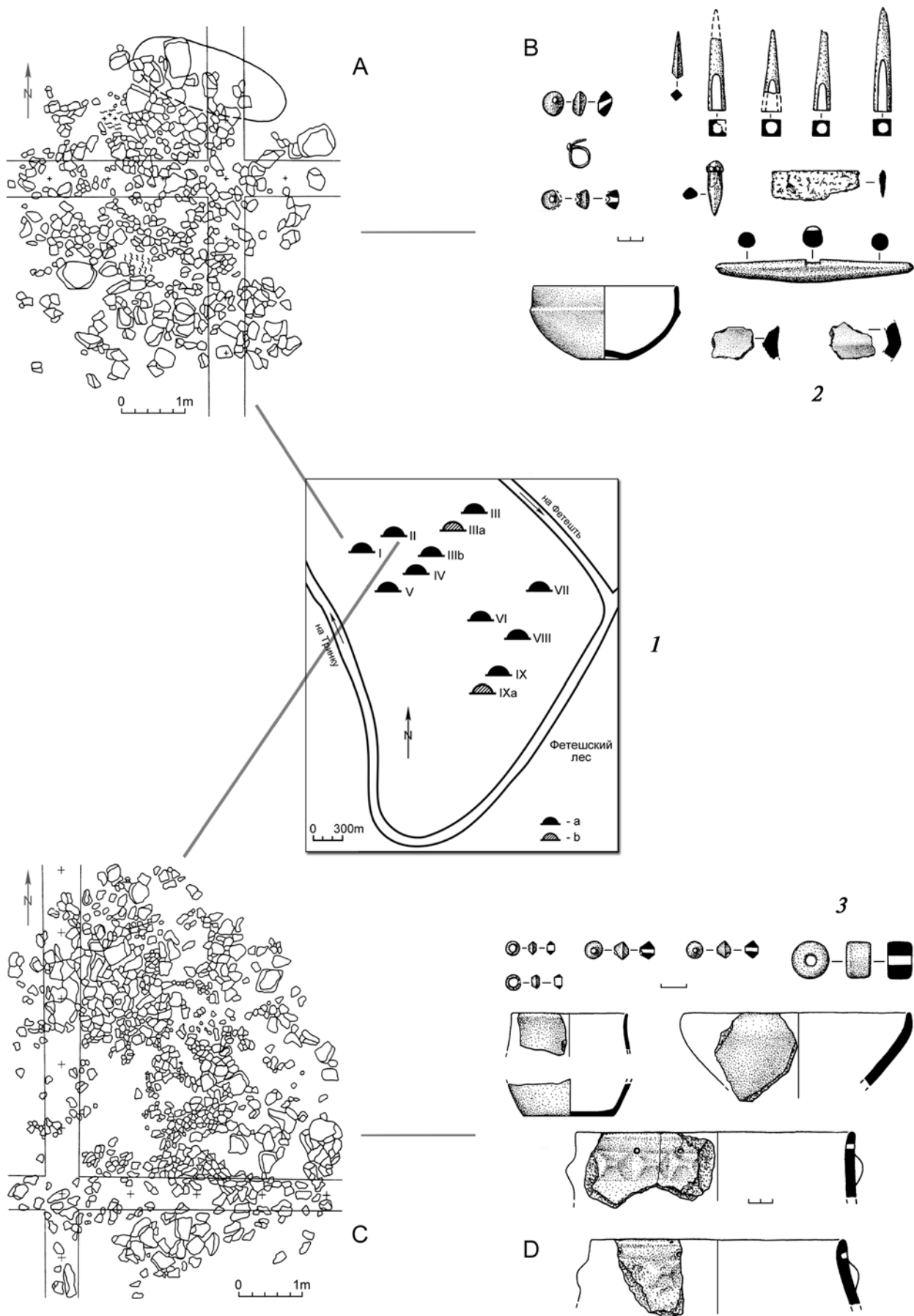


Рис. 2. Могильник Тринка-Друмул Фетештилор.  
 1 – расположение курганов; 2 – курган I (план и инвентарь); 3 – курган II (план и инвентарь).





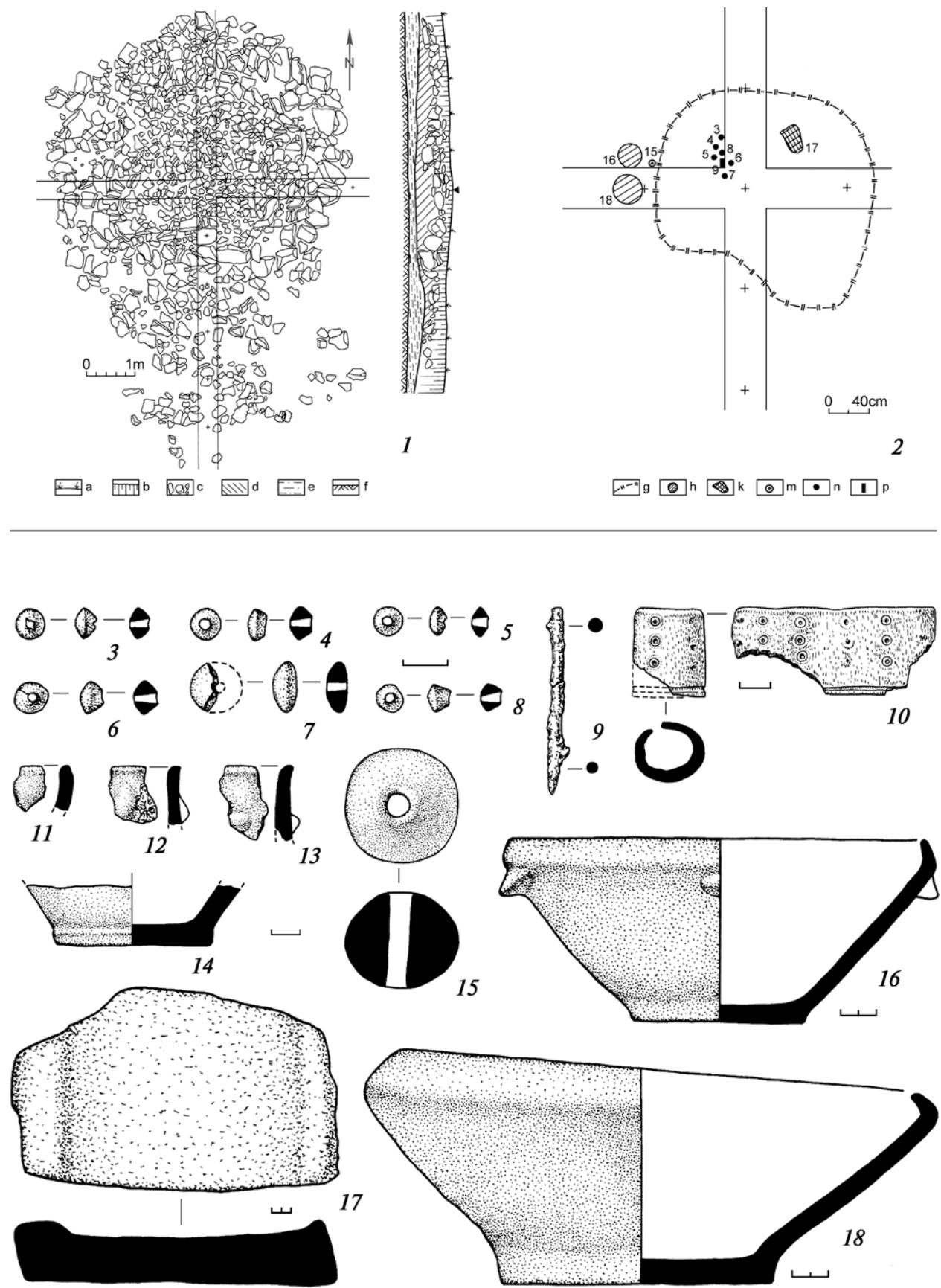


Рис. 3. Могильник Тринка-Друмил Фетештилор. Курган VI.

1 – план кургана; 2 – расположение инвентаря на площади остатков сожжения; 3-18 – инвентарь (3-8 – бусы; 9 – железный предмет; 10 – костяная обойма; 11-14, 16, 18 – керамика; 15 – пряслице; 17 – блюдо; 3-8 – стекло; 9 – железо; 10 – кость; 11-16, 18 – глина; 17 – камень).



наиболее часто встречаются посуда и личные украшения, а также посуда, личные украшения и орудия труда. Сочетания посуды, личных украшений и оружия, а также посуды, украшений, орудий труда и оружия в одинаковой степени редки (табл. 4).

Попытка определения женских и мужских захоронений среди кремаций (в условиях отсутствия антропологических данных) основывалась на анализе состава погребального инвентаря, хотя это представляется не бесспорным (*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975: 55*). Так, характерными только для мужских погребений считаются оружие и уздечные принадлежности, а для женских – украшения и туалетные принадлежности, а также типичные орудия труда (в первую очередь, пряслица). В то же время, погребения мужчин не лишены и некоторых украшений (бусы, серьги, браслеты и пр.), а среди женских известны захоронения с оружием. Погребения-кенотафы, сооруженные в честь погибших вдалеке воинов, по мнению специалистов, должны принадлежать взрослым мужчинам (*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975: 55, 75-76; Ильинская, 1975: 89; Ковпаненко, 1981: 73; Vasiliev, 1980: 38-39; Ковпаненко и др., 1989: 35*). Другой параметр, который может быть использован для определения пола кремированного, является вид животных, части которых были положены в качестве напутственной пищи (вместе с тем, определение пола на основе костей от жертвенного мяса, учитывая, что локальные предпочтения могли быть разными, также во многом условно). В целом, положение напутственной мясной пищи в погребениях позднегалльштаттского–раннескифского времени характерно, в первую очередь, для могил взрослых и в меньшей степени – для детей. В мужских захоронениях, пол которых определен на основании инвентаря, в зоне Среднего Поднестровья выявлены кости крупных животных (лошади), равно как и кости мелкого рогатого скота, свиньи и кролика (*Смирнова 1977: 33; она же, 1979а: 44; Крушельницкая, 1990: 140*). На грунтовых могильниках скифской группы Трансильвании в мужских погребениях находились кости крупного рогатого скота, а в женских – мелкого (*Vasiliev, 1980: 50-*

*53*). В позднегалльштаттских курганных могильниках южного Прикарпатья, как в мужские, так и в женские захоронения было положено преимущественно мясо птицы. В то же время в определенных антропологически погребениях мужчин наряду с костями птиц находились кости крупного и мелкого рогатого скота, а в женских – кости мелкого и крупного рогатого скота (*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975: tab. 8, 16-17*).

Диагностирующие параметры относительно пола погребенных в сопоставлении с материалами курганов могильника Тринка позволило отнести к числу мужских 4 погребения (№№ I,1, I,2 и III,2, а также II,1 – по антропологическим данным), а к числу женских 5 (№№ II,1, VI,1, VII,1, и IX,1, а также III,1 – по антропологическим данным). Погребения V,1 и VIII,1 могли быть как мужскими, так и женскими. Показательно, что в зависимости от пола погребенных курганы размещены в двух территориально отделенных группах могильника. Северо-западная часть могильника состоит как из захоронений мужчин, так и женщин, представленных ингумациями, полными и неполными кремациями, кенотафами. В юго-восточной части находились преимущественно могилы женщин, представленных кремациями на стороне и захороненных на древнем горизонте без надмогильных конструкций. Эти обстоятельства позволяют предположить, что женщин хоронили в отделенном месте на территории могильника по определенному обряду (рис. 2, 1).

*Результаты.* Привлеченные для исследованных погребальных комплексов хроноиндикаторы (наконечники стрел и детали колчана, серьги и булавки, круговая керамика и определенные типы лепной посуды, а также специфические орнаментальные композиции) показали время бытования могильника Тринка в пределах жизни трех поколений: от середины VII до первой четверти VI вв. до н.э. (*Levițki, 2004a: fig. 1*). Вместе с тем, современные тенденции плавного понижения датировок отдельных категорий изделий (как раннескифских, так и «европейских галльштаттских») показывают как наиболее предпочтительные



более ранние хронологические рамки для могильника – в пределах VII в. до н.э.<sup>2</sup>

**Сравнительные характеристики  
могильника Тринка–Друмул  
Фетештилор – позднегалльшаттские  
и раннескифские ресурсы  
(подходы к проблеме)**

Поиск позднегалльшаттских и/или раннескифских ресурсов как составляющих культурных традиций в погребальной обрядности рассматриваемого могильника Тринка проводился путем сравнения с синхронными древностями «восточного направления» (раннескифская культура Днепрового Правобережья), «ближайшего окружения» (Среднеднестровский бассейн, западноподольская группа раннескифской культуры; и низменность Рэдэуць, подольско-молдавская группа), а также «юго-западного и западного направлений» (куштановицкая культура Закарпатья; культура Сентеш-Векерцуг (или скифская группа Алфёльда); трансильванская скифская группа; группа Фериджиле/Бырсешть-Фериджиле южного Прикарпатья) (рис. 1). Предварительные результаты отражены в таблице (табл. 5), для составления которой были использованы серии статей и монографий (см. *Levițki, Demcenco, 2005: 45 и сл., там же библиография*)<sup>3</sup>. В свете проведенного нового анализа основных характеристик могильника Тринка (табл. 1-4), кратко обозначим некоторые тенденции:

– аналогичные *топографические условия и планировка рядами* отмечаются в западноподольской группе (Долиняны, Перебыковцы, Ленковцы, Мышковцы, а также целый ряд недавно раскопанных могильников Чабанивка, Тарасивка, Шутнивцы, Малинивцы, Текливка и Колодиивка), подольско-молдавской группе (Воловэци и Кажвана-Кодру). Планировка рядами зафиксирована в куштановицкой культуре (Чёрный Поток, Куштановице и Невицке) и группе Фериджиле (Тигвень–Бабе, Тигвень–Петроаса, Чепарь–Топлица, а также в Балта Верде (*Berciu, Comşa, 1956: 320-321, fig. 123*). Для раннескифской культуры Днепрового Правобережья

характерно расположение курганов компактными группами на высоких водораздельных участках плато и отдельных возвышенностях, однако большинство курганных групп состоят из насыпей разных эпох (*Ильинская, 1975: 73; Ковпаненко, 1981: 60; Ковпаненко и др. 1989: 27*). Для куштановицкой культуры характерны невысокие плато и равнины, однако и здесь присутствуют ряды внутри групп – Колодное II, Чёрный Поток, Куштановице и Невицке (*Смирнова, Бернякович, 1965: 107; Смирнова, 1979а: 39-40, рис. 11; Попович, 1990: 158*);

– курганы, имеющие *насыпи из известняковых рваных камней*, контур которых обрамлён кольцом из более крупных плит, накрытых земляной насыпью, представляют собой одну из определяющих характеристик западно-подольской группы памятников (*Смирнова, 2004b: 419*). Таким же способом сооружены и курганы в могильнике Сату Маре в низменности Рэдэуць в Южной Буковине (*Ignat, 1976: 106*). Каменно-землянные насыпи сооружались и носителями куштановицкой культуры (Колодное II, Жорнино и Лесовица, Куштановице, Белки, Осой (*Смирнова, Бернякович, 1965, 90-91*). Курганы, в структуре которых присутствуют камни, характерны и для группы Фериджиле-Бырсешть в Южном Прикарпатье (Фериджиле, Вайдеень и Телешть-Дрэгоешть (*Berciu, Comşa, 1956: fig. 193; Vulpe, 1967: 28; Călătoiu et al., 1987: 88*). Относительно лесостепной зоны Днепрового Правобережья отметим, что раннескифские курганы сооружались из земли и были предназначены только для одного погребения (*Ковпаненко, 1981: 63; Ковпаненко и др., 1989: 28*);

– *захоронения на древнем горизонте*, над которым сооружалась курганная насыпь, преобладают в погребальном обряде западно-подольской группы Среднего Поднестровья и низменности Рэдэуць в Южной Буковине. Носители культуры Куштановице также чаще всего хоронили усопших прямо на древнем горизонте, на земляное площадке или в небольших ямах, над которыми сооружался курган. Погребения на уровне древнего горизонта преобладают в курганных могильниках в Южном Прикарпатье: Фериджиле, Вайдеень, Тигвень-Бабе, Тигвень-Петроаса, Чепарь-Топлица, Ципешть, Телешть-Дрэгоешть (*Vulpe, 1967: 19,22-23,28; Vulpe, Popescu, 1972: 78; Popescu, Vulpe, 1982: 102,110-111; Călătoiu et al., 1987: 88*) и Бырсешть (*Morintz, 1957: 221; 1959a: 231; 1959b: 355; 1961: 201*), а также Дунайской равнины – Балта Верде и Гогошу (*Berciu, Comşa, 1956: 390-391, 409*). Что касается «восточного направления», то

<sup>1</sup> Хотя это должно явиться темой последующего углубленного изучения.

<sup>2</sup> В силу ограниченности заказанного объема статьи ссылки на использованную литературу даются не в полном объеме.



Табл.1

**Могильник Тринка-Друмл Фетештиор.  
Классификация погребений по конструкции**

Погребение	Конструкция						
	Насыпь			Погребальное сооружение			
	с кромлехом	камни→ земля	земля→ кам- ни→ земля	на древнем горизонте		в яме	
				на горизонте	глиняная вымостка с деревянной конструк- цией	с перекрыти- ем из дерева	со ступенькой
К I,1	X	X		X			
К II,1	X	X		X			
К III,1	X	X		X			
К IV,1	X	X		X			
К V,1	X	X		X			
К VIII,1	X	X		X			
К IIIб,1	X	X			X		
К I,2	X	X				X	
К III,2	X	X					X
К VI,2	X		X	X			
К VII,2	X		X	X			
К IX,2	X		X	X			
<b>Всего</b>	<b>12</b>	<b>9</b>	<b>3</b>	<b>9</b>	<b>1</b>	<b>1</b>	<b>1</b>

Табл.2

**Могильник Тринка-Друмл Фетештиор.  
Классификация погребений по погребальному обряду**

Погре- бение	Погребальный обряд					Особенности ритуалов					
	наличие останков погребенного					отсутствие останков погре- бенного (кенотаф)	красная краска (охра?)	по- сыпка мелом / изве- стью	напут- ствен- ная мясная пища	особый поря- док в поло- жении инвен- таря	жерт- вопри- ноше- ния и тризна
	трупосожжение		труположение								
	на месте		на стороне	одинач- ное	парное						
	частич- ное	полное									
К I,1	X										
К IIIб,1		X									
К VI,1			X				X	X	X	X	
К VII,1			X					X	X		
К IX,1			X					X	X		
К VIII,1			X						X	X	
К V,1			X						X		
К II,1				X							
К IV,1				X					X		
К III,1					X				X		
К I,2					X				X		
К III,2					X						
<b>Всего</b>	<b>1</b>	<b>1</b>	<b>5</b>	<b>2</b>	<b>1</b>	<b>2</b>	<b>1</b>	<b>3</b>	<b>4</b>	<b>5</b>	<b>2</b>

здесь любопытны данные, полученные М. Дараган при анализе погребальных конструкций начала раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи: если для позднейшего предскифского времени (Жаботин-I) подавляющее большинство захоронений совершались на древнем горизонте, то в постжаботинское время (уже скифская архаика) преобладают погребения в ямах (Дараган, 2007: 124 и сл., рис. 13; 15).

— на могильнике Тринка лишь в единственном случае зафиксирована сожженная *деревянная конструкция* (склеп?). Между тем, деревянные склепы широко известны в западноподольской группе, где являются ведущей погребальной конструкцией и имеют особое значение, маркируя скифское присутствие на западных территориях Северного Причерноморья (см. подробно: Смирнова, 2004b: 410 и сл.; Гуцал, Гуцал, 2003a: 18 и



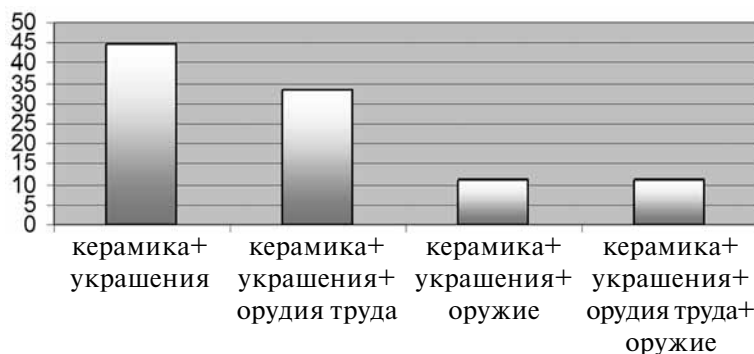
Табл.3

**Могильник Тринка-Друмел Фетештилор.  
Комбинации погребального инвентаря**

Погре- бие	Погребальный инвентарь																			
	Украшения, детали одеж- ды, предметы туалета					Керамика								Оружие, дета- ли колчана			Орудия труда			
	серьги	бусы	булавка	подвеска	блюдо	лепная							гончарная	наконечник стрелы	застежка	гвоздик	нож	пряслице	фр-т жел. изделия	
						гор- шок	чер- пак	кубок	миска	кор- чага	мин. сосуд	горшочек								
К I,1	1	2					1				2				5	1	1	1		
К VIII,1		1				9	1		4	1					1					
К III,1	1	16	2			1		1	1											X
К VII,1	1	2+1	1			1		1	3		1								1	2
К VI,1		6		1	1	2			3										1	1
К IX,1		2				9	1	3	3											
К II,1		4+1				2		2	1											
К IV,1		1				4			1	1										
К V,1		1					1	1	1			1						1		
К IIIb,1						X														
К I,2																				
К III,2																				
Всего	3	37	3	1	1	28	4	7	17	4	1	1	6	1	1	2	2	2	2	3+?

Табл.4

**Могильник Тринка-Друмел Фетештилор.  
Комбинации погребального инвентаря**



сл.; 2003b: 98-104; 2004: 21 и сл.). Между тем, раскопки казалось бы аналогичной конструкции в Сокилец показали, что часть погребальных сооружений едва ли можно относить к склепам (Сокилец, Шидловцы, Ладычин – *Бандрівський, Захар'єв, 2002: 557 и сл.*). Это, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на прошедшую в литературе дискуссию между Б.А. Тимошуком и Г.И. Смирновой (см. еще раз: *Смирнова, 2004b: 419*) и вернуться с позиций наших новых знаний к идее Б.А. Тимошука о культовом характере отдельных подкурганых сооружений раннескифского времени на Среднем Днестре (*Тимошук, 1969: 34; он же, 1974: 87 и сл.*);

– биритуализм, отмеченный в могильнике Тринка, представляет собой явление,

характерное для многих культур и культурных групп позднегалльштатского/раннескифского времени, практиковавших как курганные, так и грунтовые могильники: западноподольская и подольско-молдавская группы бассейна Среднего Днестра и Южной Буковины, культуры Вежерцуг северо-восточной Венгрии и юго-восточной Словакии, скифской группы Трансильвании, могильника Гогошу Дунайской равнины, а также для раннескифской культуры лесостепной зоны Днепровского Правобережья. Исключительно кремация практиковалась носителями куштановицкой культуры Закарпатья, группы Бырсешть-Фериджиле в Южном Прикарпатье, а также в некоторых могильниках культуры Сентеш-Вежерцуг, а только



Табл.5

**Северное Причерноморье, Карпатский бассейн и Прикарпатье  
в позднегалльштатское – раннескифское время.  
Основные характеристики погребальных конструкций и обряда в сравнении**

Группа Бырь- сешть- Фери- джиле	Скиф- ская группа Транс- ильва- нии	Культура Сентеш- Векерцуг	Куш- тано- вицкая культура	Подоль- ско-мол- давская группа	Мо- гильник Тринка	Характеристики	Запад- но-под- ольская группа РСК	Ранне- скиф- ская культура Дне- пров- ского Правобе- режья
●			●	●	●	Высотная местность, планировка рядами	●	●
●			●		●	<i>Конструкции и обряд:</i>	●	
○			●	●	●	1. к – камни-земля	●	
○					●	к – земля-камни-земля		
х	х	х	х			к – земля без насыпи		●
●			●	●	●	2. вариант I.1.A – на древнем горизонте, без надгробных сооружений		
					х	3. вариант I.1.B – на древнем горизонте, сожженный дере- вянный склеп	●	○ ● склеп в яме
х	●	●	○			4. вариант I.1.A – в яме		●
х	х	х	○	●	○	5. кремация на месте	●	○
●	○	○	●	●	●	6. кремация на стороне	○	х
	●	●			○	7. ингумация	○	●
○	х	○	○	х	х	8. кенотаф	○	○
	○	○			○	<i>Особенности ритуалов:</i>		
	○	○			○	1. посыпка мелом или известью		
	○	○			х	2. присутствие натуральных красителей (охра?)		○
○	○	○	●	○	●	3. соблюдение определен- ного порядка в размещении инвентаря	●	●
○	●	○			○	4. напутственная мясная пища	●	●
○					○	5. жертвоприношения, тризна	●	●

*Условные обозначения: ● – преобладает, ○ – присутствует, х – единичные случаи (по: Ильинская, 1975; Ковпаненко, 1981; Ковпаненко и др., 1989; Скорый, 2003; Дараган, 2007; Смирнова, Бернякович, 1965; Смирнова, 1968; 1977а; 1977б; она же, 1979а; она же, 1979б; она же, 2004б; Мелюкова, 1958; Малеев, 1991; Йерем, 1986; Крушельницкая, 1990; Попович, 1990; 1993; 2006; Гуцал и др., 2003; Гуцал и др., 2004; Гуцал и др., 2007; Sulimirski, 1936; Parducz, 1955; Berciu, Comşa, 1956; Morintz, 1957; 1959а; 1959б; 1961; Vulpe, 1967; 1990; Nicolaescu-Ploşor, Wolski, 1975; Ignat, 1978; 2000; 2006; Vulpe, Popescu 1972; Popescu, Vulpe, 1982; Vasiliev, 1980; Chochorowski, 1985; Călătoiu et al. 1987; и др.).*

ингумация – в могильнике Балта Верде на Дунайской равнине. Процентное соотношение между кремациями и ингумациями в погребальном обряде обществ, практикующих биригуализм, разное. Показательно, что оба обряда могут встречаться как на одном могильнике, так и в одном погребении: в Среднем Поднепровье в могильнике Шутнивыцы, погребение кургана I содержало кальцинированные кости и части от труположения, а в кургане IV были совершены три одновременных захоронения – центральное (парное труположение) и два трупосожжения (Гуцал и др., 1998: 74-75); в погребение 3 могильника Чюмбруд находился

скелет взрослой женщины и кремация ребенка в урне с крышкой (Vasiliev, 1980: 56). Кремации на стороне известны и в раннескифских погребальных комплексах лесостепной зоны Днепровского Правобережья: в кургане VI у Оситняжки кальцинированные кости были принесены из другого места; в кургане 174 из бассейна р. Тенетинка в яме рядом со скелетом взрослого были положены остатки кремации; в кургане 6 у с. Берестняги на дне ямы находилась кучка кальцинированных костей и инвентарь без следов воздействия огня (Ильинская, 1975: 85; Ковпаненко, 1981: 70). Там же сожжение покойников обычно совершалось на месте, совместно



с наземными или с помещенными в ямах погребальными конструкциями, а в кургане 419 у с. Лазурцы кальцинированные кости были оставлены на костре (Ильинская, 1975: 84-85; Ковпаненко, 1981: 70; Ковпаненко и др., 1989: 34);

– погребения-кенотафы представляют собой широко распространенное явление, в том числе и в позднегалльштаттский-раннескифский период. На могильниках западноподольской группы Среднего Поднестровья курганы-кенотафы содержали погребальные конструкции, остатки погребальных костров и инвентарь – в них отсутствовали только человеческие остатки в виде кремаций или ингумаций (Беремяны, Ладычин, Серватинцы, Завадинцы, Ленковцы, Ивановцы (Sulimirski, 1936: 63,95-99; Мелюкова, 1953: 60; Шукин, 1989: 107). Курганы-кенотафы исследованы в могильнике Кажвана-Кодру в низменности Рэдэуць (Ignat, 2000: 332). Курганы-кенотафы характерны и для куштановицкой культуры, где в курганах в были обнаружены погребальные костры, остатки тризн и предметы инвентаря, но отсутствовали сами захоронения (Куштановице, Дунковице, Колодное, Билке – Смирнова, Бернякович, 1965: 91). Символические погребения, в которых находился только инвентарь, обычно сосуды, известны и в могильнике Сентеш-Векерцуг в северо-восточной Венгрии (Йерем, 1986: 171). Кенотафы, не содержавшие инвентаря, кости, золу в могильнике Фериджиле представлены как курганами, так и впускными погребениями, совершенными на древнем горизонте (Vulpe, 1967: 23, 35-36), смотри также каталог и планы курганов). Курганы без каких-то археологических материалов встречаются и в позднегалльштаттских могильниках Балта Верде и Гогошу на Дунайской равнине (Berciu, Comşa, 1956: 408, 445);

– из особенностей ритуалов отметим, что в погребальном обряде позднегалльштаттских культурных обществ сопредельных территорий обычай положения натуральных красителей не известен: этот обычай присутствует только в отдельных позднегалльштаттских комплексах, например, в погребении № 1 грунтового могильника Журжулешть в Нижнем Попрутье, где комок охры находился в области коленных суставов (Leviţki, Haheu, 1999: 122-123). В то же время этот обычай имел широкое распространение в среде раннескифского населения лесостепной зоны Среднего Днепра (Ильинская, 1975: 154-155; Ковпаненко, 1981: 72; Ковпаненко и др., 1989: 36) и у носителей скифской группы Трансильвании, где практиковалась и посыпка погребений мелом (Vasiliev, 1980: 89-90). Обычай положения напутственной мясной пищи в погребения представляет собой явление, широко распространенное в эпоху бронзы и железа, включая и позднегалльштаттский/раннескифский период. В регионе Среднего Днестра он отмечен во многих

могильниках западноподольской группы: Братышев, Дуплиск, Ладычин (Sulimirski, 1936: 59, 70, 88), Долиняны (мясо лошади) и Перебыковцы (мелкий рогатый скот и кролик) (Смирнова, 1977b: 33; она же, 1979b: 44), В ареале скифской группы Трансильвании напутственная мясная пища засвидетельствована в 73% известных погребальных комплексов: она была положена в миску, но чаще всего находилась непосредственно на земле. Костные остатки свидетельствуют, что чаще всего в женские погребения клали мясо мелкого рогатого скота, а в мужские – крупного рогатого скота. Кости, принадлежащие другим животным (лошадь, свинья, собака(волк), кролик, птица), найдены в небольшом количестве погребений (Vasiliev, 1980: 50-53). Кости животных присутствуют также и в погребальных комплексах культуры Векерцуг. В могильнике Фериджиле в 10 из 70 проанализированных погребений были обнаружены кости птиц, в двух из которых также находились кости мелкого рогатого скота и более крупных животных (Nicolaescu-Plopşor, Wolski, 1975: 31-43). Остеологические остатки от жертвенного мяса в 9 из 21 проанализированных погребений могильника Тигвень-Бабе также свидетельствуют, что предпочтение отдавалось птичьему мясу, которое иногда сочеталась с мясом мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота и горного козла. В двух погребениях находились только кости крупного рогатого скота, а в одном – лошади (Nicolaescu-Plopşor, Wolski, 1975: 44-48; Popescu, Vulpe, 1982: 92). В этом контексте, особенной является ситуация в погребении 10 кургана № 3 могильника Тигвень-Бабе, в котором находились два сосуда с кальцинированными костями, принадлежащие только животным: первый содержал 42 фрагмента костей мелкого и крупного рогатого скота, свиньи; второй – более 420 фрагментов костей свиньи, быка, лошади, при преобладании костей свиньи (Nicolaescu-Plopşor, Wolski, 1975: 45). Наличие напутственной мясной пищи является характерным элементом раннескифских курганных погребальных комплексов лесостепной зоны Днепрового Правобережья: остеологические определения показывают, что в погребениях были положены части туш лошади, мелкого и крупного рогатого скота и свиньи (Ковпаненко и др., 1989: 35-40).

Основные характеристики могильника Тринка имеют прямые параллели в погребальных комплексах соседних территорий (Среднее Поднестровье и низменность Рэдэуць), заселенных общностями западноподольской группы памятников раннескифской культуры (Смирнова, 1990: 24-31; она же 2004b: 109 и сл., рис. 1; Крушельницкая, 1990: 151-157) или подольско-



молдавской группы (*Ignat, 2000: 313-344, он же, 2006: 35 и сл.*). Однако особенности ритуалов, совершаемых при захоронениях, а также ограниченность элементов, свойственных западнородольской группе, но являющихся скифскими по происхождению, позволили заключить, что могильник Тринка–Друмил Фетештилор имеет более отчетливый галлыштаттский облик и наименее выраженные скифские элементы по сравнению с западнородольской группой в целом (*Levički, Demcenco 2005: 69-70; Levički, 2006: 104-113*).

### Обсуждение

Проведенная корреляция выделенных типов погребальных сооружений с основными категориями сопроводительного инвентаря могильника Тринка–Друмил Фетештилор, а также наблюдения над планиграфией позволяют акцентировать следующее. На могильнике хоронили не только население, смешанное по своему составу, в то числе и по этническому составу. Здесь мы имеем дело с кладбищем местного населения, представленного преимущественно женскими могилами. К числу местных лидеров могла принадлежать женщина, похороненная в кургане VI, – с ней, помимо всего прочего, были положены каменное блюдо и охра, а ее могила занимала центральное место на могильнике. Сопроводительный инвентарь из этих женских захоронений – керамика и украшения – как раз и показывает тот местный ресурс, на фоне и на основе которого происходило продвижение и освоение воинскими группами ранних скифов новых лесостепных территорий.

Уже не раз подчеркивалось более существенное социально-престижное значение женщин в оседлых земледельческих обществах, где они играли гарантную роль в приобретении и сохранении жизненно-необходимых ресурсов, а также сохранении семейного (и родового) наследия (для предскифского периода – см. *Metzner-Nebelsick, 2004: 289-291*). Однако мужские погребения могильника Тринка, среди которых одно – со стрелами и деталями колчана – может интерпретироваться как воинское (курган I), позволяют

предполагать наличие смешанных браков и значительную инкорпорированность номадов в местную среду. Проблема «женщин» (или жен) ранних кочевников («киммерийцев») уже обсуждалась и на примере изучения особенностей женского костюма на широких территориях Юго-Восточной Европы (*Metzner-Nebelsick, 2004: 271 и сл.*), и на примере могильника Стойкань на юге Запрутской Молдовы, где отмечается высокий процент детских (подростковых) и женских захоронений: из 23 антропологически проанализированных скелетов 10 принадлежали детям или подросткам, 7 – женщинам 6 – мужчинам (*Hänsel, 1976: 141; Бруяко, 2004: 71 и сл.*). И если в Правобережной Днепровской Лесостепи можно говорить о воинских кладбищах ранних скифов, то западнее – в Среднеднепровском бассейне – освоение территорий скифами имело свои локальные черты. Местную среду представляет не только рассматриваемый могильник Тринка – имеются и другие памятники, например, могильник Ивановцы (*Шукин, 1989: 107, рис. 1, 1-3*).

Дальнейшее изучение могильников типа Тринка позволят вернуться к давно обсуждаемым вопросам о скифском присутствии в западных лесостепных областях Северного Причерноморья. Инновации в погребальном обряде и скифские оружие, конское снаряжение и предметы искусства, безусловно, являются сильными аргументами, позволяющими относить Среднеднепровский бассейн (в областях распространения западнородольской группы) к западным территориям Архаической Скифии. Но едва ли можно сейчас уточнять ее западные границы. Специфические черты западнородольской группы показывают не только сильную степень смешанности населения в этом регионе, но также весьма выраженную ориентированность его населения во внешних связях в западном и юго-западном направлениях. Благодаря таким контактам, появились те выражения материальной культуры, которые отличают западнородольскую группу от восточных соседей, проживавших в лесостепных областях Днепровского Правобережья.





## Література

- Алексеев, 1996* – Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии (VII–IV вв. до н. э.). Автореферат дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
- Алексеев, 2003* – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Бандрівський, Захар'єв, 2002* – Бандрівський М., Захар'єв В. Про один тип поховальних споруд періоду раннього заліза на Середньому Придністров'ї (за матеріалами розкопок кургану III в селі Сокилець у 1999 році) // Зап. наукового товариства імені Тараса Шевченка. Праці археологічної комісії, т. ССXLIV. Львів, 2002.
- Бруяко, 2004* – Бруяко И.В. Киммерийцы, фракийцы и могильник Стойкани // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004.
- Гуцал, Гуцал, 2003a* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Поховальні споруди в курганах Західного Поділля (за матеріалами Т. Сулімірського) // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Історичні науки. Т. 11. Кам'янець-Подільський, 2003.
- Гуцал, Гуцал, 2003b* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Дерев'яні поховальні камери у курганах Західного Поділля // *Археологія Тернопільщини*. Тернопіль, 2003.
- Гуцал, Гуцал, 2004* – Гуцал А., Гуцал В. Теклівські кургани епохи скіфської архаїки // *Хмельниччина: Дивокрай*. № 1-2. Хмельницький, 2004.
- Гуцал и др., 1998* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї // *Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр.* К., 1998.
- Гуцал и др., 2003* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д. Результати досліджень курганів скіфського часу біля с. Теклівка на Поділлі // *Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр.* К., 2003.
- Гуцал и др., 2004* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д. Розкопки курганів епохи раннього заліза в с. Малинівці на Середньому Дністрі // *Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр.* К., 2004.
- Гуцал и др., 2007* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д., Болтанюк П.А. Продовження робіт на курганах ранньоскіфського часу біля с. Колодіївка // *Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр.* Вып. 9. Київ-Запоріжжя, 2007.
- Дараган, 2007* – Дараган М.Н. Погребальные конструкции начала раннего железного века Днепровской Правобережной Лесостепи. Типология и пространственный анализ средствами ГИС-технологий // *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье*, 2007.
- Дараган, Кашуба, 2008* – Дараган М.Н., Кашуба М. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // *Revista Arheologică, SN, vol. IV, nr. 2. Chişinău*, 2008.
- Дараган, Снытко, 2008* – Дараган М.Н., Снытко Н. Восточно-альпийский гальштат и раннескифские (РСК-3) памятники Среднего Поднепровья: поиск хронологических реперов // *История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию проф. А.А. Спицына*. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2008 г. СПб., 2008.
- Евразия скифская радиоуглеродная, 2005* – Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. Санкт-Петербург, 2005.
- Ильинская, 1975* – Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). К., 1975.
- Йерем, 1986* – Йерем Э. Скифский период в восточной Венгрии // *Археология Венгрии (конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.)*. Москва, 1986.
- Кашуба, 2008* – Кашуба М. «Скифы и Гальштат» А.А. Спицына в современных исследованиях по Северному Причерноморью // *История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию проф. А.А. Спицына*. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2008 г. СПб., 2008.
- Ковпаненко, 1981* – Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. К., 1981.
- Ковпаненко и др., 1989* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского-лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.
- Крушельницкая, 1990* – Крушельницкая Л.И. Культуры Прикарпатья, Волыни и Закарпатья раннескифского времени // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. К., 1990.
- Лапушнян, 1979* – Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
- Левицкий, 2004c* – Левицкий О. Курганный могильник позднегальштатского периода Тринка «Друмл Фетешилор» // *Материалы Конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я»*. (до 105-річчя з дня народження Б. М. Гракова). Старожитності степового Причорномор'я і Криму, вип. XI. Запоріжжя, 2004.



Левецкий и др., 1992 – Левецкий О.Г., Савва Е.Н., Чобану Л.Ф. Исследования курганного могильника раннего железного века у с. Тринка. Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei I. Chișinău, 1992.

Малеев, 1991 – Малеев Ю.Н. Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч // Курганы степной Скифии. К., 1991.

Мелюкова, 1953 – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИ-ИМК. 1953.51.

Мелюкова, 1958 – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА 1958. №64.

Мелюкова, 1979 – Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. Москва, 1979.

Попович, 1990 – Попович И.И. Памятники Куштановицкой культуры // Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). К., 1990.

Попович, 1993 – Попович І. Куштановицька група пам'яток // Памятки гальштатського періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті. Київ, 1993.

Попович, 2006 – Попович І. Закарпаття за доби раннього заліза. Kraków-Lwów, 2006.

Скорый, 1996а – Скорый С.А. Кочовики передскифської та скифської доби в Дніпровському Правобережному лісостепу (питання етнокультурної історії). Автореферат дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1996.

Скорый, 1996б – Скорый С.А. К вопросу о скифском этнокультурном компоненте на поселениях лесостепного Правобережья // Древности. Харьков, 1996.

Скорый, 2003 – Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

Смирнова, 1965 – Смирнова Г.И. K otázce trácké na kruhu robené keramiky ve středním Podněstří // AR, t. 17, 1. Praha, 1965.

Смирнова, 1968 – Смирнова Г.И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10.

Смирнова, 1977а – Смирнова Г.И. Щодо поховального характеру ранньоскифських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки // Археологія. 1977. №23.

Смирнова, 1977б – Смирнова Г.И. Курганний могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. 1977. 18.

Смирнова, 1979а – Смирнова Г.И. Куштановицкие курганы в Закарпатье у села Черный Поток // АСГЭ. 1979. 20.

Смирнова, 1979б – Г. И. Смирнова, Курганы у села Перебыковцы – новый могильник скифской

архаики на Среднем Днестре // Труды ГЭ. 1979. XX.

Смирнова, 1990 – Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Дисс. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990.

Смирнова, 1994 – Смирнова Г.И. Кружальная сероглиняная керамика из раннескифских памятников Среднего Поднестровья: время и пути попадания // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат. междунар. конф. Тирасполь, 1994.

Смирнова, 1998а – Смирнова Г.И. Немировское городище и гальштатский мир // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Мат. междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М.И. Артамонова. Санкт-Петербург, 1998.

Смирнова, 1999а – Смирнова Г.И. Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья // АСГЭ. 1999. Вып. 34.

Смирнова, 1999б – Смирнова Г.И. О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к столетию Б.Н.Гракова). Мат. междунар. конф. Запорожье, 1999.

Смирнова, 2001 – Смирнова Г.И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.

Смирнова, 2004а – Смирнова Г.И. О гальштатских прототипах раннескифской лощеной посуде из лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.) // Congresul al IX-lea Internationale de Thracologie. Tracii și lumea circumpontica / IXth International Congress of Thracology. Thracians and circumpontic World. Rezumate / Summaries, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 sept. 2004. Chișinău, 2004.

Смирнова, 2004б – Смирнова Г.И. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Kraków, 2004.

Смирнова, Бернякович, 1965 – Смирнова Г.И., Бернякович К.В. Происхождение и хронология памятников Куштановицкого типа Закарпатья. АСГЭ. 1965. Вып. 7.

Тимошук, 1969 – Тимошук Б.О. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород, 1969.

Тимошук, 1974 – Тимошук Б.О. Зустріч з легендою. Ужгород, 1974.



*Шукин, 1989* – Шукин М.Б. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1989.

*Alekseev, 2004* – Alekseev A.Yu. Some chronological problems of European Skythia: archaeology und radiocarbon // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences, vol. 42. Dordrecht, Boston, London, 2004.

*Alekseev et al., 2002* – Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.A., Cook G., Dergacev V.A., Kovaliukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures in Eurasia (9<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> BC) // Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology 21, 2002.

*Arnăut, 2003* – Arnăut T. Vestigii ale sec. VII–III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați. Chișinău, 2003.

*Berciu, Comșa, 1956* – D. Berciu, E. Comșa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoșu (1949-1950) // Materiale și Cercetări Arheologice II. București, 1956.

*Călătoiu et al., 1987* – Călătoiu Gh., Mocioi I., Marinoiu V. Mărturii arheologice în Gorj. Târgu-Jiu, 1987.

*Chochorowski, 1985* – Chochorowski I. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa-Kraków, 1985.

*Chochorowski, 1996* – Chochorowski J. Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p.n.e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. Szarej ceramiki toczonej // Problemy epoki brązu I wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Kraków, 1996.

*Hänsel, 1976* – Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beitr. Ur- u. Frühgesch. Arch. Mittelmeer-Kulturraum 16-17. Bonn, 1976.

*Ignat, 1976* – Ignat M. Decouvertes du Hallstatt thrace dans le departement de Suceava // Thraco-Dacica, t. I, nr. 1-2. București, 1976.

*Ignat, 1978* – Ignat M. Necropola tumulară hallstattiană de la Volovăț – Dealul Burlei // Suceava V, 1978.

*Ignat, 2000* – Ignat M. Un nouveau groupe culturel du hallstatt tardif sur le territoire de la Roumanie // Studia Antiqua et Archaeologica VII, Iași, 2000.

*Ignat, 2006* – Ignat M. Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul lumii traco-getice (sec. VII–V a. Chr.). Târgoviște, 2006.

*Kerschner, 2006* – Kerschner M. Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // Eurasia Antiqua, 12. Berlin, 2006.

*Kowal, 2008* – Kowal A. Grey ware from the Koshary site // Pontika 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Kraków, 2008.

*Levițki, 1998* – Levițki, O. Considerații asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. Revista Arheologică, nr. 2. Chișinău, 1998.

*Levițki, 1995* – Levițki O. Investigațiile arheologice de la Trinca, raionul Edineț, Republica Moldova // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. I. București, 1995.

*Levițki, 1996* – Levițki O. Considerations sur les monuments funéraires du Hallstatt tardif sur le territoire de la Moldavie // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7-9-November 1996). Bukarest, 1996.

*Levițki, 1997* – Levițki O. Ensembles tumulaires d'époque Hallstattienne en Moldavie. // Premier age du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Actes du Colloque International (Septembre 1993, Tulcea). Tulcea, 1997.

*Levițki, 2000* – Levițki O. Necropola tumulară hallstattiană târzie – Trinca «Drumul Feteștilor» (jud. Edineț) // Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages). Abstracts. Tulcea, 2000.

*Levițki, 2004a* – Levițki O. Încadrarea cronologică a necropolei tumulare Trinca «Drumul Feteștilor» // Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gheorghe Postică. Chișinău, 2004.

*Levițki, 2004b* – Levițki O. Apartenența culturală a necropolei tumulare hallstattiene de la Trinca, Jud. Edineț // Memoria Antiquitatis XXIII. Piatra-Neamț, 2004.

*Levițchi, 2006* – Levițchi O. Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca – «Drumul Feteștilor». Bibliotheca Archaeologica Moldaviae III. Iași, 2006.

*Levițki, 2009* – Levițki O. Considerații asupra ceramicii lucrate la roata olarului din așezarea Trinca «Izvorul lui Luca» // Omagiu lui prof. Ion Niculiță la 70 anii. Chișinău, 2009 (sub tipar).

*Levițki, Demcenco, 2005* – Levițki O., Demcenco T. Construcții și obiceiuri funerare practicate de comunitățile hallstattiene târzii din Platoul Moldovei de Nord (în baza necropolei Trinca «Drumul Feteștilor») // Revista Arheologică. SN. Chișinău, 2005. Vol. I. Nr. 1.

*Levițki, Haheu, 1997* – Levițki O., Haheu V. Șantierul arheologic Trinca (Republica Moldova), (Campania 1995) // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. I. București, 1997.

*Levițki, Haheu, 1999* – Levițki O., Haheu V. Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești. Studia în onorem Ion Niculiță. Chișinău, 1999.



*Metzner-Nebelsick, 2004* – Metzner-Nebelsick C. Wo sind die Frauen der Kimmerier? Ein Beitrag zum Kulturkontakt zwischen Kaukasus, nordpontischen Steppen und Karpatenbecken am Beispiel der Frauentrachten des 9. und 8. Jahrhunderts v.Chr. // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004.

*Morintz, 1957* – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești (reg. Galați, r. Vrancea) // *Materiale și Cercetări Arheologice III*. București, 1957.

*Morintz, 1959a* – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești-Vrancea (r. Vrancea, reg. Galați) // *Materiale și Cercetări Arheologice V*. București, 1959.

*Morintz, 1959b* – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești (r. Vrancea, reg. Galați) // *Materiale și Cercetări Arheologice VI*. București, 1959.

*Morintz, 1961* – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești (r. Vrancea, reg. Galați) // *Materiale și Cercetări Arheologice VII*. București, 1961.

*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975* – Nicolaescu-Ploșor D., Wolski W. Elemente de demografie și ritual funerar la populațiile vechi din România. București, 1975.

*Niculiță, ș.a. 2002* – Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. Butuceni. Monografie arheologică. Bibliotheca Thracologica XXXVI. București, 2002.

*Parducz, 1955* – Parducz M. Le cimetiére hallstattien de Szentés-Vekerzug III // *Acta Archaeologica VI* / 1-4, 1955.

*Pontic Grey Wares, 2008* – Pontic Grey Wares. International Conference, Bucarest-Constanza 30/09 – 03/10/2008. Bucarest-Constanza, 2008.

*Popescu, Vulpe, 1982* – Popescu E., Vulpe A. Nouvelles decouvertes du type Ferigile // *Dacia N.S.*, t. XXVI, nr. 1-2, București, 1982.

*Smirnova, 1998b* – Smirnova G. Din nou despre ceramica cenușie lucrată la roată descoperită în sinturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu // *SCIVA*, t. 49, nr. 1. București, 1998.

*Sulimirski, 1936* – Sulimirski T. Scytowe na zachodnim Podolu. Lwów, 1936.

*Vasiliev, 1980* – Vasiliev V. Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980.

*Vulpe, 1967* – A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică. București 1967.

*Vulpe, 1990* – Vulpe A. Die Kurzschwerte, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. PBF VI, 9. München, 1990.

*Vulpe, Popescu, 1972* – Vulpe A., Popescu E. Contribution a la connaissance des debuts de la culture ceto-dacique dans la zone Subcarpatique Vilcea-Argeș (La necropole tumulaire de Tigveni) // *Dacia N.S.*, t. XVI, nr. 1-2. București, 1972.



## **К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА**

В ближайшей округе Бельского городища, крупнейшего укрепленного поселения скифского времени в Восточной Европе, располагается целый ряд синхронных курганных некрополей. Большинство из них локализуется к западу и северо-западу от городища, у с. Бельск Котелевского р-на Полтавской области (рис. 1).

Наиболее известным среди них является могильник в урочище Скоробор, располагающийся на плато высокой террасы левого берега р. Сухая Грунь. Первые исследования здесь были проведены В.А. Городцовым в 1906 г. (*Городцов, 1911: 138-143*). Всего было раскопано более двадцати курганов, причем десять из них располагались в непосредственной близости к так называемому Большому Скоробору. Последний представляет собой остатки огромного кургана, вне всякого сомнения, усыпальницу представителя самого высокого социального ранга, разрушенного селитроварщиками в начале XVII в. В настоящее время от него сохранились хаотические нагромождения вываренной земли, которые занимают площадь более 1 км в окружности. Недавние изыскания совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции, в результате которых был обнаружен ров диаметром около 100 м, подтвердили это предположение (*Махортых, Ролле, 2006: 9, рис. 2*).

Исследованные В.А.Городцовым в урочище Скоробор курганы входили в состав компактной группы, состоящей из

правильных и равных между собой по длине рядов. Всего таких рядов было выявлено пять и в каждом из них насчитывалось по восемь насыпей (рис.2, II). В первом ряду располагались самые большие курганы, во втором – меньше, в третьем – еще меньше и в пятом – самые маленькие. Обращает на себя внимание замечание ученого, что «число 40, необычная и, несомненно, преднамеренная планировка этих курганов, их очевидная связь с разрушенным гигантским курганом Большого Скоробора – наводят на мысль, что все они возникли по одному поводу и состоят в связи друг с другом» (*Городцов, 1911: 139*). Отметим, что подобное планиграфическое расположение курганов впервые зафиксировано в истории геродотовой Скифии и, возможно, отражает социальную иерархию местного общества.

Практически все исследованные в урочище Скоробор захоронения оказались ограбленными. Исключение составляет лишь курган № 6. Выявленное в нем парное погребение представлено двумя лежавшими рядом вытянуто на спине костяками, ориентированными головами на юго-запад (рис. 3, I). Руки мужского костяка лежали кистями на животе. В головах стояла глиняная чашка, на груди – скопление извести.

На шее женского костяка располагалось большое количество мелких бус и железная булавка, на левой ключице лежала глиняная пуговица. У колена правой ноги





Рис. 1. План Бельского городища и курганных некрополей:

1 – Восточное укрепление, 2 – Западное укрепление, 3 – Куземинское укрепление, 4 – селище в урочище Царина, 5 – селище в урочище Лисовый Кут, 6 – курганный могильник в урочище Перещепино, 7 – курганный могильник в урочище Марченки, 8 – курганный могильник в урочище Осняги, 9 – курганный могильник в урочище Скоробор.

находились остатки колчана, окрашенного красной краской.

Примечательно, что все раскопанные В.А. Городцовым курганы относятся к архаической группе памятников, датирующейся в пределах VII–VI вв. до н.э.

В 1906 г. В.А. Городцовым была исследована еще одна курганный группа в урочище Осняги, располагающаяся в 1 км к юго-западу от Западного укрепления на противоположном берегу долины р. Сухая Грунь. Раскопано 9 курганов.

Устройство погребальных сооружений в целом оказалось одинаковым. Насыпи состояли из чернозема с включением незначительного количества лесса. В центре окружности каждого кургана находилась четырехугольная, как правило, с округлыми углами, яма. Дно ее тщательно выравнивалось и покрывалось досчатым полом или подстилкой из луба.

Сверху могилы перекрывались бревнами, расположенными в один или два ряда, некоторые из которых носили следы обугливания. Помимо этого, костры

из соломы или стеблей пшеницы с зернами в колосьях устраивались и на древнем горизонте.

Несмотря на потревоженность, захоронения содержали довольно богатый погребальный инвентарь, в том числе золотые изделия (нашивные бляшки, серьга и пр.), свидетельствующие как о высоком социальном статусе погребенных в курганах лиц, так и о их датировке в пределах V–IV вв. до н.э. (рис. 4, 4-9). Грабители проникали в курганы одним и тем же способом: сверху рыли круглую яму-лазейку, в виде воронки, направляя ее или на юго-западный или на юго-восточный край бревенчатого настила.

Исследования в районе Большого Скоробора, вблизи участка, где проводил раскопки В.А. Городцов, были продолжены лишь более 50 лет спустя Б.А. Шрамко. В течение двух полевых сезонов было изучено девять курганов: восемь в 1965 г. и один в 1972 г. (Шрамко, 1994: 102).

Следует отметить значительное разнообразие в устройстве открытых



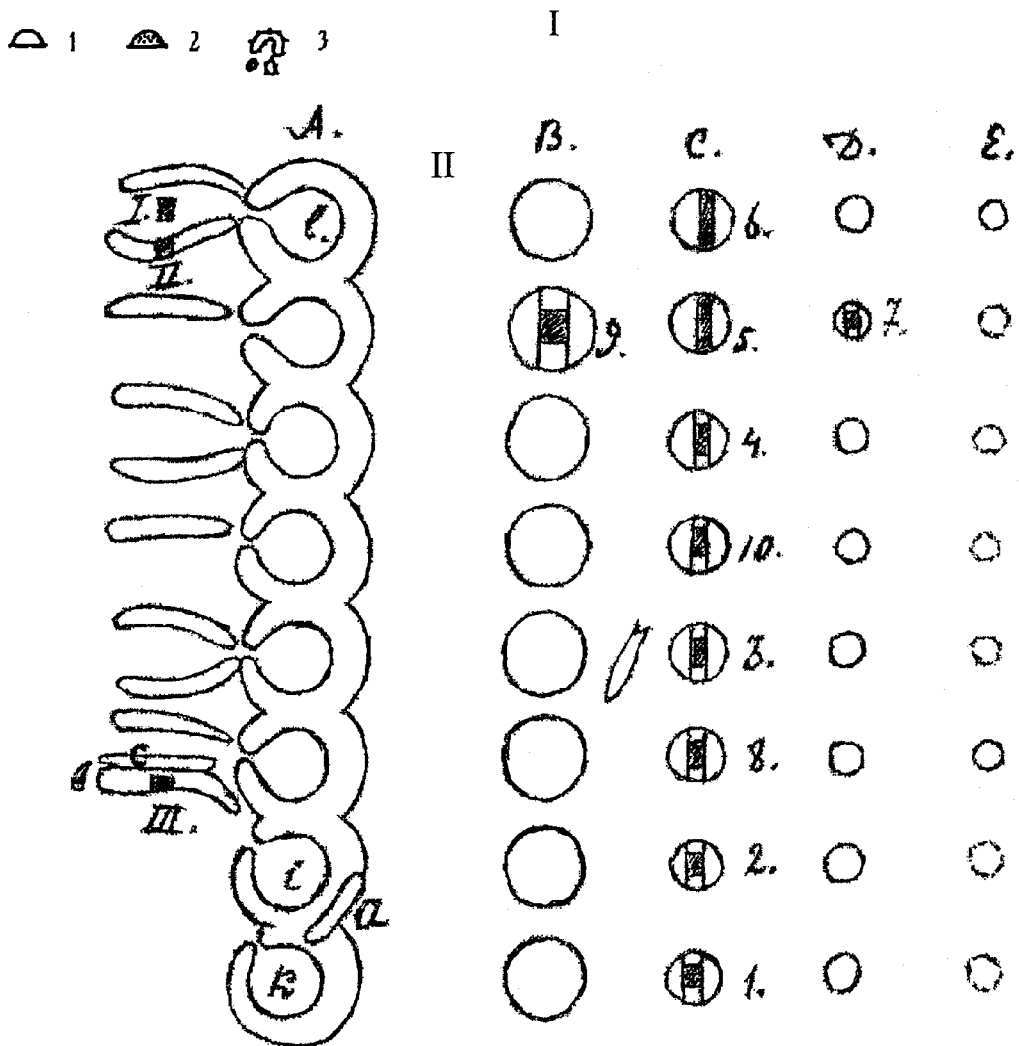
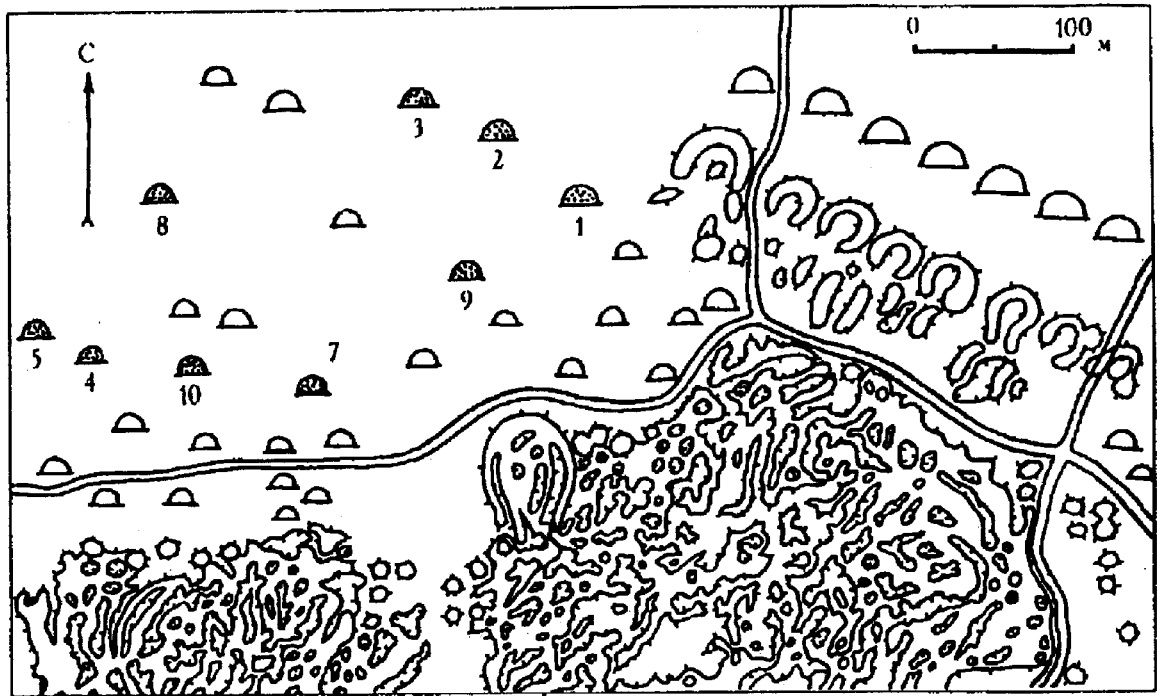


Рис. 2. План расположения курганов в могильнике Скоробор на участке раскопок Б.А.Шрамко 1965/1972 гг. (I) и В.А. Гордцова 1906 г. (II):  
 1 – курганы; 2 – раскопанные курганы; 3 – майданы.



погребальных конструкций. К примеру, в располагающихся рядом курганах №№ 1-4 захоронения совершались как в простой прямоугольной яме, так и в деревянном склепе или срубе. В одном случае могила была заполнена кусками сильно обожженной глины вперемежку с древесным углем и остатками трупосожжения в виде кальцинированных человеческих костей.

Особый интерес представляет непогребальное захоронение в кургане № 2 (рис. 3, 2). Оно содержало захоронение женщины в вытянутом положении на спине, головой на запад. В области шеи и груди найдены остатки ожерелья из стеклянных и золотых бус. Слева над плечом лежала бронзовая булава. Еще одна аналогичная булава располагалась на груди. Справа от костяка были остатки костей от жертвенного мяса и железный нож. Против правой плечевой кости лежало бронзовое зеркало с железной ручкой. Рядом находился чернощеный черпак.

Помимо этого, в кургане на уровне погребенной почвы обнаружен своеобразный культовый «зольник» с остатками золы, колосков и зерен различных растений, костей животных и керамики. Он имел форму неправильного круга и располагался на месте кострища, устроенного в небольшом углублении с дном из утрамбованной глины.

Б.А. Шрамко также были возобновлены раскопки курганов рядом с урочищем Осняги, на краю берегового плато левого берега р. Сухая Грунь, которое относится к окраине урочища Скоробор. В 1975 г. на этом участке исследовано 15 курганов.

Большинство захоронений совершено в ямах прямоугольной формы, перекрытых бревенчатым накатником, который в ряде случаев опирался на вырытые в верхней части могилы заплечики, шириной от 20 до 40 см. В некоторых захоронениях прослежены столбовые ямки вдоль стен и их облицовка горизонтально уложенными деревянными плахами.

Хронологически исследованные комплексы подразделяются на две группы: немногочисленную раннюю, датирующуюся VII–VI вв. до н.э. и количественно преобладающую позднюю, относящуюся к V–IV вв. до н.э. Дату погребений определяют

выявленные в могилах предметы вооружения, керамика, в том числе античные чернолаковые сосуды, а также изделия из золота (рис. 4, 1-3). Примечательно, что при совершении захоронений вещи укладывались не только в могилу, но иногда также размещались сверху на перекрытии.

С именем Б.А. Шрамко связано и начало изучения курганного могильника в урочище Перещепино, также входящего в состав некрополей Бельского городища. Он располагается несколько особняком, к северо-западу от Западного укрепления на плато и склоне высокой террасы р. Сухая Грунь (рис. 5, 1). В 1980 г. здесь было раскопано пять курганов.

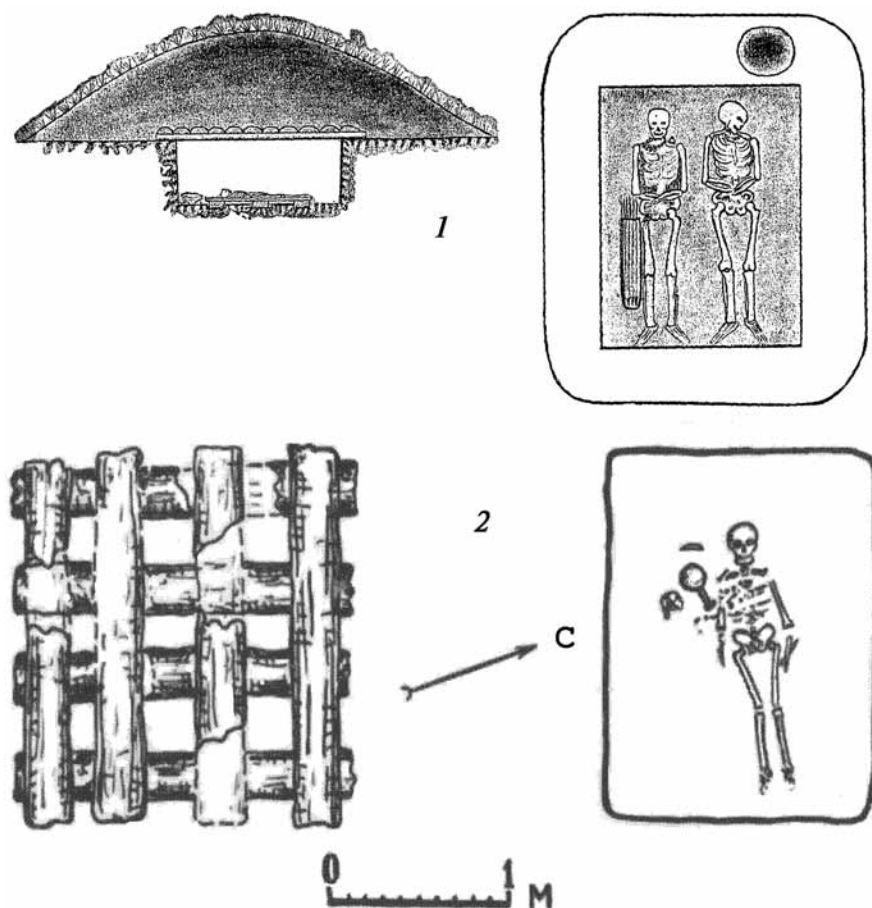
Впоследствии исследования курганов в урочище Перещепино были продолжены совместной экспедицией Института археологии НАН Украины и Немецкого научно-исследовательского общества (руководители Р.Ролле и в разные годы В.Ю.Мурзин, Е.В.Черненко, С.В.Махортых). С 1993 по 2002 гг. исследовано 19 насыпей (Махортых, Ролле, 2006). Судя по полученным материалам, большинство погребений Перещепинского могильника было совершено в V в. до н.э.

Как правило, в курганах находилось по одной могиле. Исключение составляют курганы №№ 3, 8 и 15, в которых выявлено по два отдельных захоронения. Насыпи сооружались из дерновых вальков овальной и прямоугольной формы длиной от 20 до 40 см и шириной 20-25 см. При исследовании кургана № 2, недалеко от окружавшего могилу глинистого выкида, обнаружен компактно лежавший комплекс уздечных принадлежностей, состоящий из железных удиц, двухдырчатых псалий и бронзовых колец. Компактность и целостность комплекса свидетельствует, что он был положен в нижней части насыпи специально при сооружении кургана.

В курганах Перещепинского некрополя захоронения совершались в прямоугольных и реже квадратных грунтовых ямах, перекрытых деревянными плахами в один или два ряда. Размеры могил варьируют от 2,6 x 2,8 м до 5 x 6,25 м. В одном случае (курган № 7) погребение располагалось в деревянном склепе, расположенном







**Рис. 3. Курганный некрополь в урочище Скоробор:**

1 – курган № 6/1906 г;  
2 – курган № 2/1965 г.  
(по В.А.Городцов, 1911  
и Б.А.Шрамко, 1994).

в грунтовой яме с дромосом. Погребальные сооружения перещепинских курганов, как правило, ориентированы по линии север-юг или северо-восток – юго-запад. В дне большинства могильных ям вырыты канавки для лаг, на которые укладывалось деревянное покрытие пола.

О положении умерших судить трудно, поскольку большинство могил ограблено. Не потревоженными оказались лишь некоторые сопровождающие погребения, выявленные в курганах №№ 6, 15 и 21, где скелеты лежали вытянуто на спине головой на запад, восток и северо-восток.

Курганы Перещепинского могильника содержали богатый и разнообразный погребальный инвентарь, представленный предметами вооружения, украшениями, посудой, в том числе античной (рис. 4, 10-14). Полученные материалы имеют важное значение для изучения культурных связей обитателей Бельского городища с внешним миром в скифскую эпоху.

К числу локальных особенностей Перещепинского некрополя относится

высокая насыщенность его захоронений предметами конской упряжи. Так, полные комплекты конской упряжи и отдельные детали конского снаряжения выявлены в 80% исследованных погребений. Учитывая тот факт, что почти все могилы ограблены, и поэтому данные о погребальном инвентаре являются неполными, чрезвычайно высокий процент погребений с конской упряжью демонстрирует особый характер исследованного участка Перещепинского могильника и позволяет рассматривать его как кладбище воинской аристократии. Значительный процент погребений всадников, которые зачастую сопровождалась вооружением, в том числе и защитным, позволяет выделить в рамках Перещепинского некрополя довольно многочисленную группу погребений конных воинов, которые, составляли элитную прослойку местного общества.

Необходимо упомянуть и о спасательных работах, которые проводились на Перещепинском могильнике экспедицией Центра охраны и исследования памятников



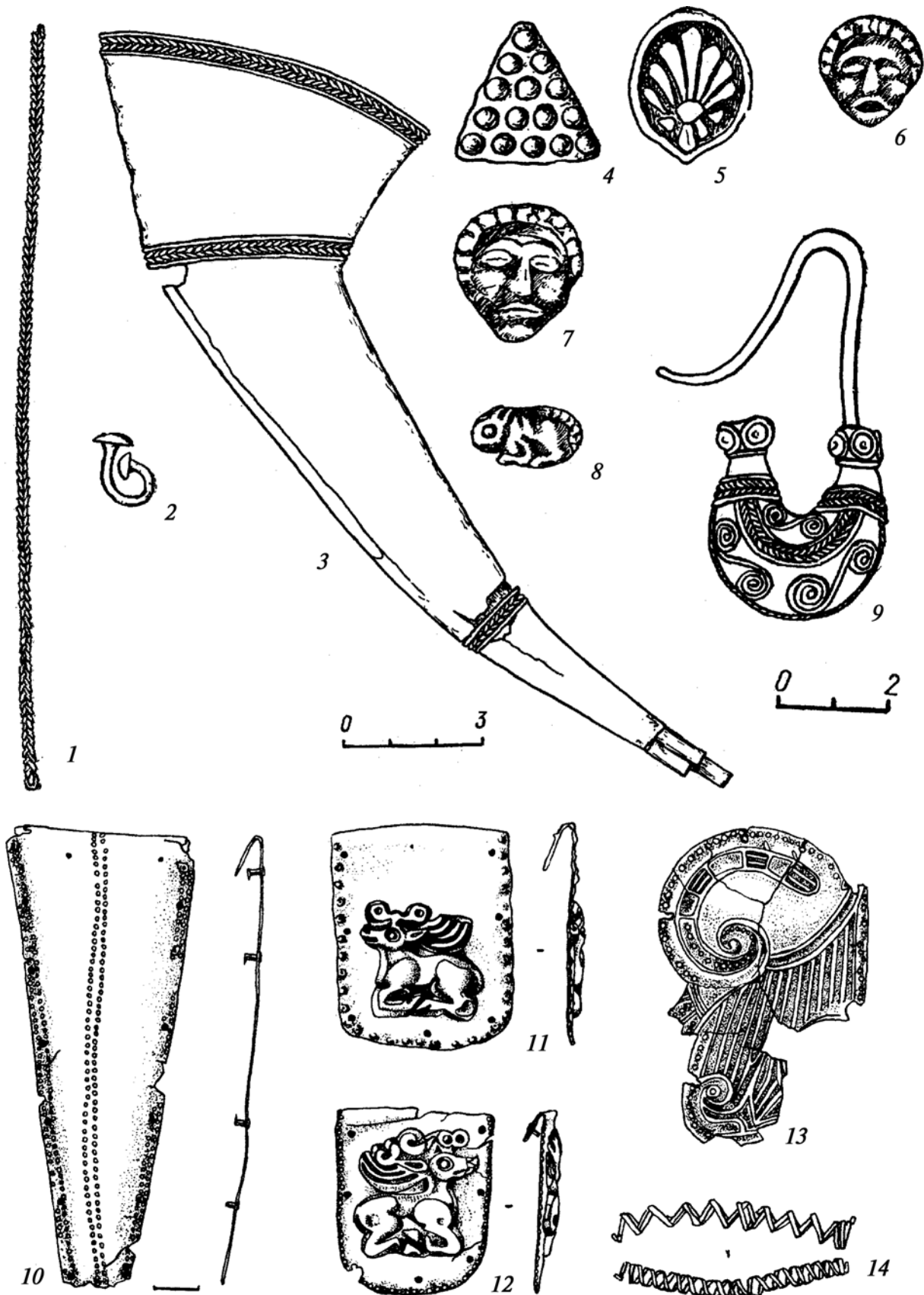


Рис. 4. Художественные изделия из драгоценных металлов:

1 – золотой браслет в виде цепочки с петлей, курган №1, Осняги; 2 – золотая серьга, курган №14, Осняги; 3 – ритон из рога с оковкой из серебра и золота, курган №7, Осняги; 4-9 – золотые нашивные бляшки и серьга, курган №5 Осняги; 10-14 – золотые обивки деревянных сосудов, Перещепино, курган №15.



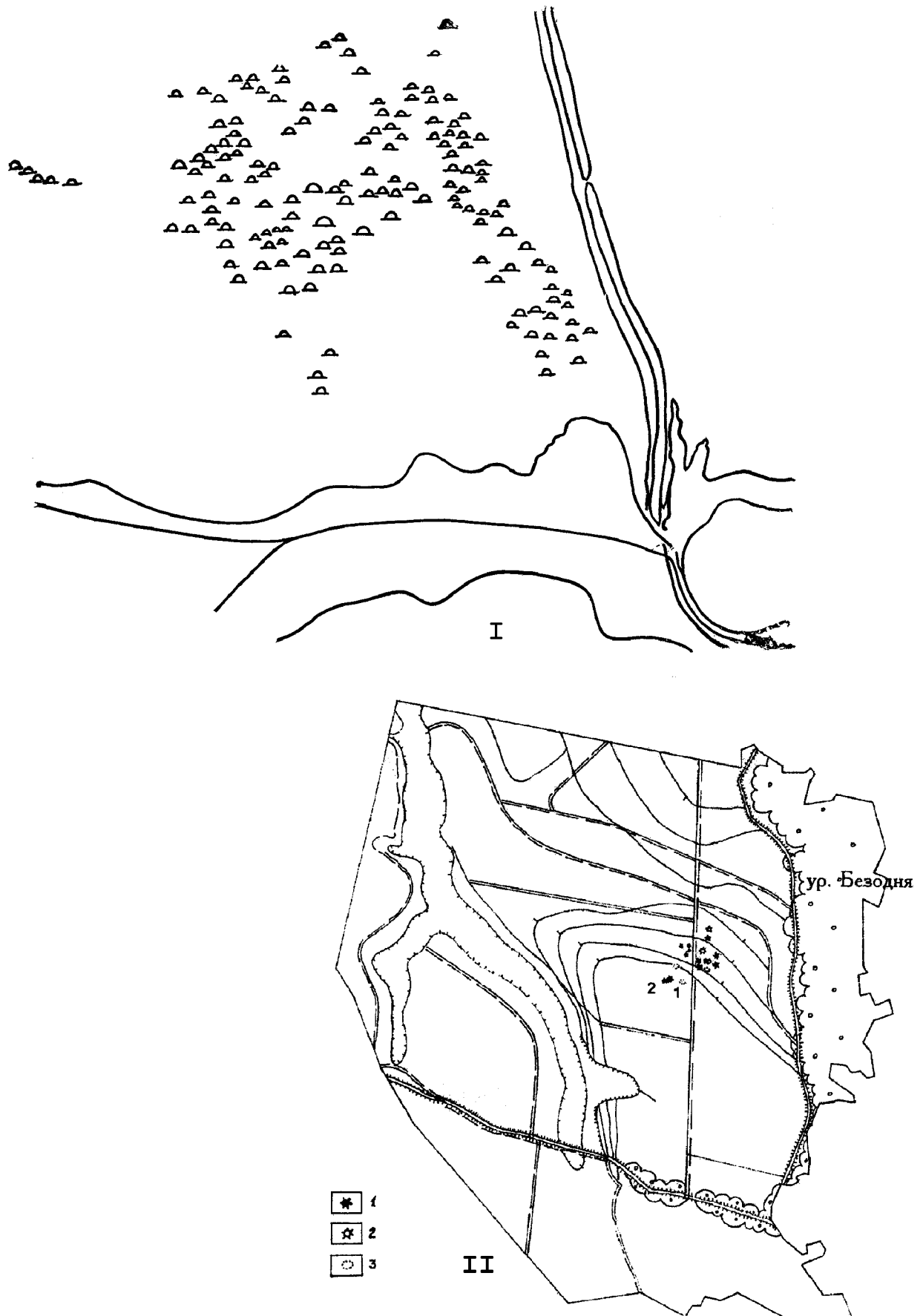


Рис. 5. План Перещепинского (I) и Бельского (II – группа «Б») курганных могильников.

1 – раскопанные курганы; 2 – курганы; 3 – пятна распаханных насыпей) (по Б.А.Шрамко, 1987 и А.Б.Супруненко, 1996).



археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации. Под руководством И.Н. Кулатовой и А.Б. Супруненко на его территории в 2000–2002 и 2006 гг. исследовано 14 подкурганных погребений V–IV вв. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 2006: 40). Наибольший интерес среди них представляют открытые в 2002 г. неограбленные парные захоронения в курганах №№ 2 и 3. Первое из них – погребение женщины и девочки, а второе – двух мужчин, лежащих в вытянутом положении на спине. Захоронения сопровождалось многочисленным и выразительным погребальным инвентарем (античная керамика, зеркало, украшения, меч, наконечники копий и пр.), позволяющим датировать их в пределах V в. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 2003: 58) (рис. 6).

Помимо Перещепинского некрополя, исследования Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2003–2006 гг. проводились на курганном могильнике в урочище Марченки, локализуемом на второй террасе левого берега р. Сухая Грунь к юго-западу от с. Бельск, на участках «Пятое и Восьмое поле» коллективного хозяйства «Скиф», по обе стороны от полевой дороги на Скоробор и с. Батьки<sup>1</sup> (Махортых, Ролле-Герц, Скорый, Герц, Каравайко, 2007).

В отличие от перещепинских, исследованные в урочище Марченки курганы в основном содержали наиболее древние погребения скифского времени в окрестностях Бельска. Особый интерес среди них представляет курган № 1 группы «Восьмое поле», содержащий два хронологически одновременных захоронения VII – начала VI вв. до н.э. Одно из них, вероятно, сопровождающее погребение ребенка, было совершенно на уровне древнего горизонта, а другое, основное, захоронение воина – в грунтовой яме размерами 4,4 x 4,8 м (Черненко, Ролле-Хери, Скорый, Махортых, Хери,

Белозор, 2005: 53–59, рис. 32–46). В этом же кургане прослежен и такой достаточно редкий элемент оформления элитных курганных комплексов скифского времени как глиняный кольцевой вал вокруг могилы (Ковпаненко, Скорый, 1988).

В заключение следует упомянуть о еще одном некрополе, получившем в специальной литературе название Бельского могильника. В отличие от рассмотренных выше, он располагается непосредственно на территории Большого укрепления Бельского городища, в его южной части (Шрамко, 1987: 143, 154, рис. 67).

Курганы Бельского могильника расположены двумя группами. Первая группа (А) состоящая из 3 курганов, находится в южной части вала близ дороги, ведущей из с. Лазьки в с. Бельск. Вторая группа (Б) насчитывает 17 курганов, расположенных по обе стороны грунтовой дороги, ведущей из с. Бельск в с. Глинск на плато, которое с севера и запада ограничено глубокими ярами<sup>2</sup>.

В 1981 г. в могильнике «А» Б.А. Шрамко был исследован один курган, относящийся к V в. до н.э. (Шрамко, 1987: 154). Раскопки показали, что насыпь сооружалась в два приема. Сначала она была доведена до высоты 1,1 м и на ее поверхности совершена тризна, от которой сохранилось пятно кострища с фрагментами лепной керамики и обломками костей животных. Четырехугольная могильная яма размерами 4,6 x 4,15 м ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В могиле похоронен человек пожилого возраста в панцире из железных чешуек и с деревянным щитом с железными пластинками. Кроме того, в могиле погребен подросток 10–12 лет, возможно, слуга. Около него найдены обломки двух греческих амфор.

Исследования Бельского могильника «Б» были начаты Украинско-Немецкой экспедицией Института археологии НАН

<sup>1</sup> Еще три кургана скифского времени в урочище Марченки были исследованы ранее в 1906 г. и 1995 г. (Городцов, 1906: 133, 134; Кулатова, Супруненко, 2001: 99–105).

<sup>2</sup> Небольшая курганная группа, состоящая из 5 насыпей, локализуемая в 0,15–0,35 км от юго-западного въезда на Западное укрепление Бельского городища получила буквенное обозначение – Бельский могильник «Г». В 1999 г. здесь был исследован один курган, датирующийся ранне-скифским временем (Кулатова, Супруненко, 2002: 155–172).



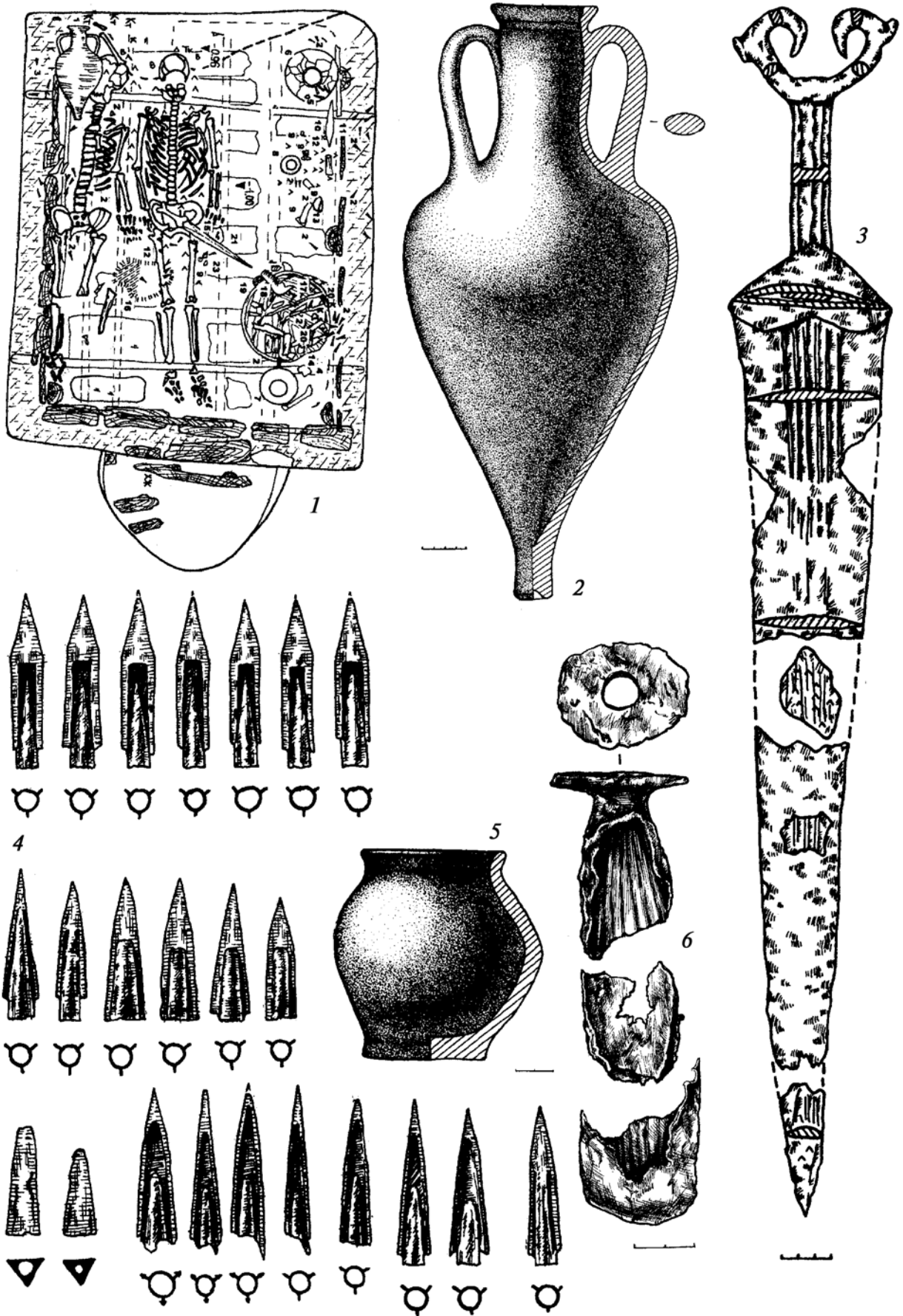


Рис. 6. План и инвентарь погребения № 1 кургана № 3/2002 г. Перещепинского могильника (по И.М.Кулатовой, А.Б.Супруненко, 2003).



Украины совместно с экспедицией Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации в 1994 г. (Мурзин, Ролле, Скорый, 1995: 79-86; Супруненко, 1996) и продолжены полтавскими археологами в 1995 и 1997 гг. (Супруненко, 2006: 114-122) (рис. 5, 2).

К настоящему времени опубликованы результаты раскопок шести курганов. Некоторые из них отличаются довольно сложной структурой погребальных конструкций: устройством кольцевой деревянной вымостки вокруг насыпи, сооружением деревянных склепов в грунтовых ямах, имеющих дромос со ступеньками (курганы №№ 1 и 7). Погребальная камера в кургане № 2, несмотря на небольшие размеры (2,8 x 3 м и глубина 0,65 м), сохранила остатки четырех погребенных и имела деревянные перекрытие, облицовку стен, столбы по углам могилы и настил на дне. К числу особенностей погребального обряда, зафиксированных в этом могильнике, относится также открытое в кургане № 3 погребение в камерном сооружении (подбое). Прежде подобные захоронения не были известны в некрополях Бельского городища. Дата исследованных в Бельском могильнике «Б» погребений – IV в. до н.э. свидетельствует, что этот некрополь маркирует финал курганного строительства на территории Бельского городища.

Из проведенного выше обзора следует, что в истории изучения курганных некрополей Бельского городища выделяется несколько периодов. Первый приходится на начало прошлого столетия и связан с исследованиями В.А. Городцова, главным образом, на территории могильников, располагающихся в урочищах Скоробор и Осняги. Второй период (середина 60-х – начало 80-х гг. XX в.) характеризовался продолжением работ на двух упомянутых

выше могильниках под руководством Б.А. Шрамко, а также началом раскопок курганов в урочище Перещепино. Третий период (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) связан с деятельностью Украинско-Немецкой археологической экспедиции, а также Центра охраны и исследования памятников археологии Полтавской облгосадминистрации. Основные усилия этих научных коллективов были направлены на изучение Перещепинского и Бельского могильников, а также курганов в урочище Марченки.

На сегодняшний день мы располагаем сведениями о не менее чем 100 курганах из могильников, раскопанных в окрестностях Бельска и на самом городище. Наиболее полно изученным среди них является некрополь в урочище Перещепино – около 40 исследованных насыпей, затем следуют могильники в урочище Осняги – 24, Скоробор – 20, урочище Марченки – 8, а также Бельский некрополь (А и Б) – 7 курганов. Практически на всех упомянутых выше могильниках (за исключением Бельского некрополя «Б») захоронения совершались на протяжении почти всего скифского периода. Вместе с тем, в урочище Скоробор и Марченки число раннескифских комплексов VII и VI вв. до н.э. составляет в целом 65-70%, тогда как на Перещепинском могильнике господствуют погребения V в. до н.э., составляющие там более 80% от всех исследованных захоронений. Близкая ситуация прослеживается и на Бельском могильнике «Б» где зафиксировано абсолютное преобладание погребений IV в. до н.э.

Возросший объем археологических источников позволяет предложить новое решение ряда проблем в изучении «Бельского феномена», тесно связанного с одним из наиболее развитых регионов скифской ойкумены VII–V вв. до н.э. – бассейном средней Ворсклы.

### Литература

Городцов, 1911 – Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии, в 1906 году // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. Т.3. М., 1911.

Ковпаненко, Скорый, 1988 – Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. 1988. №2.



*Кулатова, Супруненко, 2001* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Курган скіфського часу в урочищі Марченки поблизу Більська // АЛЛУ. 2001. №2.

*Кулатова, Супруненко, 2002* – Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Ранньоскіфський курган поряд з Більським городищем // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. X. 2002.

*Махортых, Ролле, 2006* – Махортых С.В., Ролле, Р. Некоторые итоги исследований Бельского городища и его округа Украинско-Немецкой экспедицией // АЛЛУ. 2006. №1.

*Махортых, Ролле-Герц, Скорый, Герц, Каравайко, 2007* – Махортых С.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А., Герц В.Ю., Каравайко Д.В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2006 г. К., 2007.

*Мурзін, Ролле, Скорый, 1995* – Мурзін В.Ю., Ролле Р., Скорый С.А. Дослідження курганів на території

Більського городища // Полтавський археологічний збірник. 1995. № 3.

*Супруненко, 1996* – Супруненко О.Б. Розкопки Більського курганного некрополю «Б» // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.

*Супруненко, 2006* – Супруненко О.Б. Поховання Більського курганного некрополю «Б» (за розкопками 1995 р.) // АЛЛУ. 2006. №2.

*Черненко, Ролле-Херц, Скорый, Махортых, Херц, Белозор, 2005* – Черненко Е.В., Ролле-Херц Р., Скорый С.А., Махортых С.В., Херц В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 2004 г. К., 2005.

*Шрамко, 1987* – Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987.

*Шрамко, 1994* – Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности - 1994. Харьков, 1994.



## **О СКИФСКОМ И НЕСКИФСКОМ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПАМЯТНИКИ ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ V – IV вв. до н. э.)<sup>1</sup>**

В 2002-2006 гг. на страницах журнала «Вестник древней истории» прошла дискуссия об этнической принадлежности памятников скифского времени Среднего Дона, инициированная В.И. Гуляевым (Гуляев, 2002). Участвующие в дискуссии стороны изложили свои основные аргументы и соображения. Новые публикации, в частности, заключительная статья (Гуляев, 2006) показали, что к дискуссии на том уровне, как она была задумана изначально, в общем-то, добавить особо нечего. Может быть, продуктивнее вести спор по отдельным пунктам «подписываясь», как у мирового судьи, под теми из них, где между спорящими сторонами достигнут определенный консенсус.

Мне представляется, что в статье, положившей начало дискуссии, изначально был задан не совсем продуктивный ракурс, нацеленный на продвижение авторской точки зрения о скифской принадлежности среднедонских курганов. Между тем, хорошо известно, что назвать какую-либо культуру скифской далеко не тоже самое, что аргументировано доказать ее принадлежность именно скифам как конкретному этносу. Это возможно лишь при соблюдении как минимум двух неперемennых условий:

1. При наличии достоверных свидетельств нарративных источников о присутствии скифов в том или ином регионе;

2. Путем доказательства идентичности археологических памятников, например, Лесостепи, бесспорно, скифским курганам Северного Причерноморья. При этом совпадение должно наблюдаться по существенным критериям (погребальные сооружения и обряд, его специфические особенности, изделия местного производства, произведения искусства и т.п.).

Дискуссия на страницах «Вестника древней истории» по, казалось бы, периферийным аспектам скифологии, остро обнажила некоторые назревшие методологические проблемы нашей науки. Одна из них – проблема понимания самой скифской археологической культуры. Может быть, она не стоит так остро для большинства украинских скифологов, работающих со степными скифскими памятниками Северного Причерноморья V–IV вв. до н.э. Однако с нею постоянно сталкиваются практически все исследователи, занимающиеся этнокультурными аспектами «скифского мира». Без ее разработки нам никогда не удастся определить, если так можно сказать, степень «скифизации» степных и лесостепных культур древней Европы, решить вопросы о соотношении курганных могильников и городищ в глубине Лесостепи, о возможности вхождении населения последней в состав скифской кочевой государственности и многое другое. Более

<sup>1</sup> Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 09-01-56108 а/ц.



строгая дефиниция скифской классической АК и уточнение этномаркеров собственно скифов, позволит освободить науку от той вольной или невольной путаницы в культурных и этнических определениях, которые еще встречаются в современной скифо-сарматской археологии. На эту серьезную проблему не так давно обратила внимание Т.М. Кузнецова (*Кузнецова, 1999: 67-70*). Но, похоже, ее интересные соображения (и опасения) не особенно сказались на исследовательской кухне скифологов.

Впервые скифы «появляются» в Лесостепи, и в частности на Среднем Дону в работах исследователей почти сто лет назад (*Ростовцев, 1914; Спицын, 1918*). Но смею утверждать — здесь они были локализованы отнюдь не в результате скрупулезного анализа исторических или археологических источников, а путем простого логического умозаключения: «скифская культура» = скифы. Поэтому встает закономерный вопрос: какое содержание тогда вкладывали в понятие «скифская культура»?

Как известно, в конце XIX в. это понятие было образовано от античного этнонима «скифы» и поэтому с самого начала несло в себе немалую этническую нагрузку. Но, как показала история нашей науки XX в., само по себе введение древнего этнонима в название АК чревато негативными последствиями. Недавний поучительный пример дает история с «савроматской» археологической культурой Южного Приуралья, где, как выяснилось, исторических савроматов, описанных Геродотом, никогда не было. С другой стороны, мы часто упускаем из виду, что на понимание природы скифской культуры у корифеев начала XX в. неизгладимый отпечаток накладывал характер имевшихся в их распоряжении археологических источников, Это были почти исключительно инвентари из раскопок наиболее заметных и богатых курганов. К тому же в руки археологов тогда, как правило, попадал не весь комплекс

погребального инвентаря, а наиболее яркая его часть. В результате исследователи начала XX в. могли работать лишь, так сказать, с «выборкой из выборки». Кажется, именно это обстоятельство во многом предопределило понимание М.И. Ростовцевым скифской культуры, прежде всего, как культуры верхних, господствующих слоев общества, «царей и высшей феодальной аристократии» (*Ростовцев, 1914: 80*)<sup>2</sup>. Но, при всем уважении к классикам, соответствует ли такое понимание скифской культуры уровню современной скифологии? Вряд ли. В XX в. были раскопаны тысячи степных скифских курганов различного социального статуса, в том числе, масса рядовых. С другой стороны, несмотря на единство многих категорий сопровождающих инвентаря и некоторых общих элементов обряда, со временем обозначились заметные отличия степных скифских могильников от синхронных им лесостепных некрополей (*Граков, Мелюкова, 1954*). В последних проявляются локальные особенности отдельных групп лесостепных памятников при их очевидном большем или меньшем отличии от степных, собственно скифских. Я исхожу из того, что для более адекватного понимания проблемы «скифы и Лесостепь» надо четко различать старую историографическую традицию и непосредственные данные источников, фонд которых постоянно пополняется (*Алексеев, 2003: 115*). В процессе исследования последние обладают бесспорным приоритетом перед пусть и яркими, но все же уже ставшими достоянием историографии традициями прошлого, и тем более цитатами из сочинений именитых ученых почти столетней давности.

Ранее я раскрыл некоторые научные принципы, а главное указал тот фактический материал, который заставляет меня придерживаться старой «гелонобудинской» гипотезы принадлежности памятников скифского времени на Среднем Дону (*Медведев, 2002: 154-167*). Отмечу лишь,

<sup>2</sup> Справедливости ради, надо указать, что сам М.И. Ростовцев хорошо осознавал неполноту археологических источников, на которых была построена его концепция единой скифской культуры. Он признавал, что не смог опереться на формы погребальных сооружений, так как эта сторона мало и плохо изучена (*Ростовцев, 1925: 309*). На это обстоятельство справедливо обратил внимание В.Д. Березуцкий (*2002: 138*).



что со времен П.Д. Либерова она базировалась на комплексном анализе как письменных, так и археологических источников (Либеров, 1969: 5-26). Правда, в свете новых открытий кое-что из нее пришлось исключить (тезис о местных истоках среднедонской культуры, о финно-угорской принадлежности ее носителей), кое-что пришлось добавить (Медведев, 1999: 120-144).

Почему я не нахожу в источниках оснований для локализации собственно скифов на Среднем Дону? Действительно, к концу VI в. до н.э. в лесостепном Подонье сложилась культура скифского типа, ярче всего представленная в материалах воронежских курганов. Но с самого начала она *далеко не идентична классической скифской*, на чем так упорно настаивает мой оппонент В.И. Гуляев. Он настойчиво акцентирует внимание читателя на сходстве, иногда вплоть до полного тождества, некоторых категорий инвентаря из воронежских курганов, с одной стороны, и Причерноморской Скифии IV в. до н.э., с другой. При этом в качестве весомого аргумента постоянно привлекаются пространные цитаты из работ М.И. Ростовцева и других именитых археологов (Гуляев, 2001: 26-31; 2002: 152; 2004: 14-17). Сходство это несомненно, на что обращалось внимание и ранее (Медведев, 1999: 121). Но, как уже неоднократно указывалось, практически все перечисленные В.И. Гуляевым категории погребального инвентаря для Среднего Дона являются *импортом*, продукцией ремесленных центров, в том числе, расположенных вне Скифии (серебряные круглодонные кубки, мечи с золотыми накладками на рукояти, женские золотые украшения и т.п.). Безусловно, они характеризуют культуру местной военно-аристократической верхушки, которая, как и всякая элитарная культура, носила синкретический характер, но никак не ее этнос. Я же ставлю вопрос о степени близости среднедонской и классической степной скифской культуры, так как никакой другой культуры V–IV вв. до н.э., достоверно оставленной скифами, мы не знаем.

Высокая степень общности многих элементов материальной культуры и погребальной обрядности в Степи и Лесостепи скифского времени сильно затрудняет

выявление локальной этнокультурной специфики. Тем не менее, она есть и в последнее время успешно выявляется исследователями. При несомненном сходстве, вплоть до тождества некоторых категорий инвентаря, среднедонская культура обладала рядом локальных отличий. Напомню только некоторые массовые археологические проявления культурного своеобразия той части среднедонского населения, которая оставила курганные некрополи типа Частых и Мастюгинских курганов. Прежде всего, это *местные формы лепной керамики* («вазы» и «ритуальные сосудики» с парными проколами под венчиком), *литые бронзовые котлы скифского типа, но с рельефными «усами» под ручками, своеобразие в наборе вооружения* (некоторые оригинальные типы акинаков, обилие находок наконечников дротиков с рюмковидными втулками, железные втульчатые двулопастные наконечники стрел — последние нигде больше массово не встречаются кроме Среднего Дона), *зооморфные поясные крючки, наконечники, среднедонской вариант звериного стиля*. Они ярко характеризуют субкультуру этноса, оставившего воронежские курганы, выделяя ее среди других синхронных культур «скифского мира». По сравнению со скифскими степными курганами несомненным своеобразием обладают и сами воронежские могильники. Основная масса их погребений принадлежала лицам весьма близкого социального статуса. Здесь нет того количества «рядовых» погребений, которые известны в каждом крупном скифском могильнике. Но главное отличие от погребальной обрядности степных скифов я вижу в господствующем типе погребальных сооружений — *это деревянные столбовые гробницы больших размеров* (свыше 50% курганов), не характерные для причерноморских скифов V–IV вв. до н.э. Именно в них совершались захоронения среднедонской знати, тогда как скифские катакомбы здесь неизвестны. Это обстоятельство явно противоречит основному тезису В.И. Гуляева о единстве элитарной культуры Скифии от Дуная до Дона, на чем собственно и держится концепция скифской государственности в Степи и Лесостепи. Если бы на Среднем Дону в IV в. до н.э. действительно правили «отпрыски того же правящего



династического рода из племени «скифов царских» (Гуляев, 2001: 29), то как тогда объяснить, что их хоронили в погребальных сооружениях совсем иных типов, нежели скифских номархов? Весьма показательно, что попытка опровергнуть этот тезис свелась лишь к ссылке на единичные случаи открытия таких погребальных сооружений в Степной Скифии (Гуляев, 2006: 179). Однако следует напомнить, что на более чем тысячу степных погребений V–IV вв. до н.э., учтенных В.С.Ольховским, приходится не более пяти, совершенных в столбовых гробницах. Здесь нелишне напомнить, что этот исследователь не без основания связывал их появление в Степи с влиянием традиций лесостепного населения (Ольховский, 1991: 42–43).

С другой стороны, на Среднем Дону не встречен ряд существенных признаков, ярко характеризующих собственно культуру классических скифов Северного Причерноморья второй половины V–IV вв. до н. э. именно как этноса. К числу ее отличительных признаков относятся погребальные сооружения преимущественно в *катакомбах* с преобладанием западной ориентировки погребенных, обычай возводить на насыпях каменные изваяния, использовать металлические шумящие навершия, совершать захоронения *коней и «соумирающих» ферапонтов* в аристократических курганах и т.д. Все эти, как впрочем, и другие признаки в силу каких-то причин отсутствуют в курганах Среднего Дона. Думаю, отсутствуют далеко не случайно. Другие аргументы, недавно приведенные в пользу «скифскости» создателей среднедонских курганов (Гуляев, 2006: 187–190) выглядят или недостаточно корректными (институт воинственных женщин-амазонок существовал отнюдь не только у савроматов и скифов, но и, например, у тюркоязычных народов Средневековья (Плетнева, 1993: 9–20)) или пока неподтвержденными (например, заключение об антропологическом сходстве – ведь до сих пор не опубликован сравнительный анализ краниологических серий из курганов Среднего Дона и собственно скифских).

Сущность «среднедонского феномена» я вижу в наличии здесь ярко выраженной

культуры скифского типа (скифоидной, скифообразной), в которой наряду с «общескифским» компонентом (в культурном смысле этого не очень удачного термина) заметна несомненная *локальная специфика*. Помимо указанных различий она проявляется и в типах памятников – в распространении на Среднем Дону, как впрочем, и в других локальных вариантах лесостепной культуры, не только курганных некрополей, но и многочисленных городищ и неукрепленных поселений, тогда как в Степной Скифии V–IV вв. до н. э. мы знаем почти исключительно лишь погребальные памятники. На это весьма существенное различие в структуре степных и лесостепных памятников более полувека назад обратили внимание исследователи (Граков, Мелюкова, 1954: 73). Поэтому признать среднедонскую культуру или даже среднедонские курганные могильники собственно скифскими в узком смысле (т.е. принадлежащими скифам как конкретному этносу) я не могу. Не могу еще и потому, что в нашем распоряжении нет никаких прямых свидетельств о пребывании скифов на Среднем Дону. Ссылка В.И. Гуляева на известное сообщение Геродота о том, что кочевья скифов царских местами доходили до Танаиса (Herod.: IV. 20) бьет мимо цели, так как явно не имеет никакого отношения к Среднему Дону. Там речь идет о совсем иной территории – степных владениях базилидов по побережью Меотиды. Да и истоки «феномена среднедонских курганов» лежат не на степном скифском Юге, а на западе, в Украинской Лесостепи эпохи архаики<sup>3</sup>. Они восходят к традициям лесостепных курганных могильников Поднепровья, что признает и В.И. Гуляев. С другой стороны, им не принимаются во внимание прямые свидетельства «отца истории» о будинах и переселившихся в их землю гелонах (Herod.: IV. 21, 108–109). Перекрестный анализ весьма определенных данных Геродота однозначно свидетельствует о том, что по его представлениям «земля будинов» находилась на периферии Скифии где-то у северо-восточного угла «Скифского квадрата», между савроматами низовий Дона и тиссагатами его верховьев (Медведев, 2002: 158–161).



Мне кажется, лучше всего этническую принадлежность среднедонского населения с курганным обрядом захоронения раскрывает уникальное свидетельство Аристотеля: «У скифов, называемых гелонами, водится редкое животное, называемое таран-дом» (*De mir. ausc.*: 30). Из этого сообщения видно, что для Аристотеля гелоны были скифами — в IV в. до н. э. этот этноним уже употреблялся в расширительном смысле для обозначения номадов Северного Причерноморья. В то же время, они были все же какими-то «особыми» скифами<sup>4</sup>, поскольку сохранили свой этноним и занимали вполне определенную территорию, ту самую, где водилось интересующее Аристотеля загадочное животное. Важно, что это сообщение Стагирита относится как раз ко времени наибольшего расцвета среднедонской культуры — к 30-40-ым годам IV в. до н. э. Весьма показательно, что его современник, Эфор, отнес гелонов, наряду с савроматами и агафирсами, к числу «славнейших из номадов» (FGH 70 F 158). На основании свидетельства Эфора В.П. Яйленко допускает существенное изменение этнокарты Скифии в IV в. до н. э. по сравнению со временем Геродота (Яйленко, 2007: 63-69). Независимые от античной литературной традиции данные археологии (расцвет курганной культуры на Среднем Дону), также подтверждают возросшую роль номадов-гелонов в жизни Скифии IV в. до н. э.

В свете приведенных выше археологических данных и свидетельств Аристотеля и Эфора о гелонах-скифах и гелонах-номадах наши расхождения с В.И. Гуляевым по

поводу этнокультурной принадлежности людей, оставивших воронежские курганы, кажутся не так уж и велики. На уровне археологического анализа они как раз упираются в вопрос о мере близости среднедонских курганов и собственно скифских степных памятников. Мой уважаемый оппонент из работы в работу доказывает их тождество. Я же, признавая несомненное сходство значительной части их инвентаря, не могу не замечать и весьма существенных отличий, указывающих на своеобразие среднедонских курганов, не говоря уж о городищах. Причем, и это важно еще раз подчеркнуть, вышеназванные отличия проявляются не в каких-то уникальных вещах импортного производства, а в массовом материале явно местного происхождения. В связи с этим хотелось бы напомнить, что в этнологии есть понятие «активные этнические признаки» — те, которые отличают одну этническую общность от другой, с которой она находится в сравнении (Бромлей, 1973: 65). Думаю, что среди вышперечисленных отличительных признаков субкультуры среднедонских курганов (столбовые гробницы, лепные вазы, «ритуальные сосудики», бронзовые котлы «с усами» и т.п.) могли быть и такие, которые были значимы для ее «этнофоров» — населения лесостепного Подонья V–IV вв. до н. э., оставившего эти курганные могильники. Как мне представляется, только таким путем — путем скрупулезного учета меры сходства и степени различия среднедонской и степной скифской культур можно непротиворечиво согласовать вполне определенную античную

<sup>3</sup> При этом не следует забывать, что подлинные имена носителей РСК в Лесостепи до нас не дошли. Может быть, среди них были номады, которых звали skuda-scythai. Но, проникнув в лесостепные районы и освоившись в них, за несколько поколений они, видимо, так обособились друг от друга и смешались с местным населением, что к концу VI в. до н. э. (время Гекатея) и тем более к середине V в. до н. э. (время Геродота) ни одного этнонима кроме, возможно, скифов-аротеров в Лесостепи они не удержали. Да и античные источники архаической эпохи ни разу прямо не упоминают скифов в Северном Причерноморье. О сложности проблемы этнической принадлежности т. н. «ранних скифов» см.: Медведев, 2004: 15.

<sup>4</sup> В то же время, видеть в них «скифов отложившихся» не позволяет текст «Истории» Геродота, помещавшего этот народ на далеком северо-востоке (*Доватур и др.*, 1982: 248). По его рассказу между средним течением Танаиса, где находится «земля будинов», и областью расселения «скифов отложившихся» сначала идет «пустыня на расстояние более семи дней пути», а дальше начинается территория многочисленного народа тиссагетов, где проживал еще один охотничий народ — иирки (*Herod.*: IV. 22-23). Как известно, решить вопрос о локализации «скифов отложившихся» в среднедонском Правобережье Б.А. Рыбакову «удалось» только при помощи методики «ножниц и клея», грубо препарировав текст «Истории» Геродота (*Рыбаков*, 1979: 116-122).



традицию о населении по берегам Танаиса в его среднем течении и данные современной археологии. Свидетельства античной литературной традиции и археологические материалы независимо друг от друга указывают на то, что сложившаяся здесь со времени Геродота этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае — не такой однозначной, чтобы ее без насилия над источниками можно было непротиворечиво описать при помощи старой гипотезы «скифы на Среднем Дону». В то же время укажу, что этнокультурная ситуация на Среднем Дону существенно отличалась и от той, которая сложившаяся в V–IV вв. до н. э. в Днепровском Лесостепном Правобережье. Здесь С.А. Скорому, кажется, действительно удалось выявить присутствие скифского компонента (*Скорый, 2003*).

Пока мы спорили о том, кто же проживал на Среднем Дону в скифское время, наука не стояла на месте. Совершенно неожиданно открылся еще один интереснейший аспект этой проблемы — на рубеже XX и XXI веков в лесостепном Правобережье Северского Донца стали известны курганные могильники, которые оказались во многом близки синхронным среднедонским (*Медведев, 2005: 92-103*). На могильнике Старый Мерчик были проведены масштабные раскопки, выявившие серию погребений второй половины V–IV вв. до н.э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000*). Чуть позже были введены в научный оборот материалы раскопанного еще в конце 70-х годов XX в. В.Г. Бородулиным могильника Песочин (*Бабенко, 2005*). В результате новейших полевых исследований и публикации материалов старых раскопок к началу XXI в. выборка исследованных курганных погребений скифского времени на Северском Донце (около 200 комплексов) стала вполне соизмеримой со среднедонской. Но дело даже не в количестве, а, прежде всего, в качестве нового археологического материала из Харьковской области. Даже самое поверхностное знакомство с ним дает во многом иную картину погребальной обрядности и материальной культуры северскодонского населения, практиковавшего курганный обряд захоронения, нежели это представлялось ранее (*Либеров, 1962*).

В харьковских курганных могильниках V–IV вв. до н.э. сразу обращают на себя внимание две существенные детали. Большинство из них возникли на новом месте (насыпи части курганов у с. Старый Мерчик были сложены из культурного слоя более ранних поселений) и не были топографически связаны с курганами архаической поры, что, возможно, действительно свидетельствует о приходе новых групп населения (*Бабенко, 2005: 193-194*). Некоторые могильники насчитывали по несколько десятков, а то и сотен насыпей. Как правило, они занимали присклоновые участки на высоких мысах и были удалены на значительное расстояние от ближайших городищ, где постоянно проживало оседлое население. Подобная топография отличает и все курганные могильники в Правобережье Среднего Дона. Практически совпадает и время существования среднедонских и северскодонских курганных некрополей — вторая половина V–IV вв. до н.э. при абсолютном преобладании комплексов середины — второй половины IV в. до н.э. (*Бабенко, 2005: 171*).

Наиболее яркую черту недавно открытых курганных могильников на Северском Донце представляет весьма характерный тип погребальных сооружений в виде деревянных гробниц столбовой конструкции, ранее здесь практически неизвестных. Они серийно представлены в могильнике Старый Мерчик и в меньшей степени — в Песочине. Могилы имеют прямоугольную, иногда почти квадратную в плане форму. По устройству последние настолько близки среднедонским, что если бы не подписи в публикациях под рисунками, их можно было бы однозначно принять за среднедонские. От последних они отличаются лишь более скромными размерами. На сегодняшний день, это, пожалуй, наиболее яркий и массовый признак сепаратной близости могильников скифского времени лесостепного Подонья и Правобережья Северского Донца.

На Северском Донце преобладали меридианально ориентированные погребения. В курганном могильнике у с. Черемушны Валковского р-на Харьковской области ориентировка головой в южном



направлении составляла 77,7% (Буйнов, Шевченко, 2004: 32-34). По этому признаку они более близки посульским курганам и несколько отличаются от среднедонских, где у погребенных доминирует ориентация головой в юго-западный и, в меньшей мере, в противоположный северо-восточный сектора. Налицо высокая степень общности не только в устройстве погребальных сооружений, но и многих категориях погребального инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э. В первую очередь обращает на себя внимание близость, хотя и не идентичность керамических комплексов этих двух групп могильников. На Северском Донце не менее половины керамических находок составляют вазообразные сосуды, чаще без ручек, но иногда с одной или даже двумя ручками, очень близкие среднедонским «вазам» (Бандуровский, Буйнов, 2000: рис.51, 2-4, 6). В то же время, в харьковских курганных погребениях, хотя и не часто, но все же встречались горшки, идентичные местной городищенской посуде. На Среднем Дону последние ни разу не входили в состав инвентаря курганных погребений.

Весьма близким оказался и набор прочего инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов. Особая близость этих двух групп памятников проявляется в присутствии пряжек-сюльгам, наносников, украшенных фигуркой зайца, втоков для дротиков рюмкообразной формы, железных черпаков (Бабенко, 2005: 158). Следует согласиться с заключением харьковских археологов, что престижный погребальный инвентарь курганных погребений в среднем течении Донца в процентном отношении не уступает, а иногда и превосходит аналогичные показатели многих степных памятников и некоторых среднедонских могильников (Бабенко, 2004: 33). В то же время, в отличие от среднедонских курганов, в массе своей содержащих

аристократические и воинские захоронения, в могильниках Песочин и Старый Мерчик погребения знати все же составляли меньшую часть курганных захоронений. Около половины курганов содержали рядовые могилы, сопровождаемые скромным инвентарем, в том числе, лепными горшками, чего мы не наблюдаем на Среднем Дону. Однако все же курганы №№ 2-12 могильника Старый Мерчик дали целую серию погребений в столбовых гробницах, инвентарь которых, несмотря на сильное ограбление, со всей очевидностью свидетельствует о принадлежности некрополя местной знати и воинам. Но даже среди них явно выделялось погребение в кургане № 11. В состав его инвентаря входил круглодонный серебряный кубок с позолотой, меч с рукоятью, обложенной золотом, пара наконечников дротиков, наконечник копья, бронзовые кнемиды, остатки плети со спиральной золотой лентой, золотые нашивные бляшки, импортная посуда и многое другое. Уже эти находки заставляют сопоставить этот комплекс с хорошо известным курганом № 3 группы Частых близ Воронежа, где в 1911 г. также были найдены знаменитый серебряный сосуд с изображением скифов и меч с рукоятью, обложенной золотом.

Для нашей темы важно, что курганные могильники V–IV вв. до н. э. по среднему течению Донца демонстрируют во многом иную культурную традицию, заметно отличную от степной скифской. И это притом, что курганы скифов находятся в непосредственной близости от северскодонецких. Но как это ни удивительно, археологические признаки присутствия степных скифов именно в это время здесь минимальны – на Донце открыто не более 4-5-ти катакомб (чуть более 2%), одно каменное и еще одно деревянное изваяние. Попутно замечу, что на Суле и Среднем Дону нет ни тех, ни других<sup>5</sup>. Еще сильнее

<sup>5</sup> Ссылка В.И. Гуляева на известные Бориспольские курганы под Киевом, где погребения IV в. до н.э. совершались в катакомбах степного типа, мало что меняет в оценке степени распространения этого типа погребальных сооружений в Левобережной Лесостепи. Как известно, Приднепровская Террасовая Лесостепь по своим природно-ландшафтным условиям имеет характер узкого, вытянутого на север вдоль Днепра степного языка. Поэтому распространять этнокультурную ситуацию в Приднепровской Террасовой Лесостепи на всю Украинскую Лесостепь вряд ли правомерно.



курганные некрополи Харьковщины отличаются от синхронных им курганов, расположенных в низовьях Северского Донца по берегам р. Быстрой типа Шолоховского и Сладковских курганов (Максименко, 1983: 29-32). В тоже время бросается в глаза несомненная близость курганных некрополей по среднему течению Северского Донца, особенно у с. Старый Мерчик классическим среднедонским. Она проявляется как в топографии могильников, так и в широком использовании деревянных столбовых гробниц того же типа, что и на Среднем Дону. Как уже отмечалось, явное сходство наблюдается и в наборах погребального инвентаря. Все это требует объяснения.

Один из ведущих исследователей северскодонецких курганов Л.И. Бабенко пришел к интересному заключению о более широком территориальном распространении «среднедонского феномена», вызванного чрезвычайно близкими культурно-историческими процессами (Бабенко, 2002: 157-158). Он попытался их конкретизировать, указав в качестве возможной причины обогащения лесостепных племен их участие в войнах скифских царей в качестве союзников. Это предположение может удовлетворительно объяснить лишь богатство и однотипность инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э., но не близость устройства их погребальных сооружений и некоторых деталей обряда, иногда вплоть до идентичности. Мне кажется, высокая степень сходства среднедонских и северскодонецких некрополей на фоне отличия их обрядности от памятников смежных территорий V–IV вв. до н. э. (степных скифских, «сирматских» в низовьях Донца) могла иметь и более глубинные причины, в том числе на уровне особой, «сепаратной» этнокультурной близости носителей курганного обряда погребения в двух соседних лесостепных регионах – на Среднем Дону и Северском Донце. В свою очередь, последняя может пролить свет на одну из самых сложных тем этногеографии Леостепной Скифии – проблему локализации геродотовых будинов и меланхленов, а также на вопрос о соотношении этих двух этносов.

Большинство современных исследователей отождествляют население, оставившее северскодонецкие памятники, с меланхленами Геродота (Шрамко, 1962: 233-234; Бандуровский, Буйнов, 2000: 119-123; Бабенко, 2005: 203; Гречко, 2008: 10-11). В связи с этим следует вспомнить, что еще более ста лет назад немецкие исследователи связывали греческий этноним «меланхлены» с черным цветом шерсти разводимых ими овец или с черными овечьими шкурами, в которые они одевались (Tomaschek, 1888: 116; Reichardt, 1889: 108). Не так давно И.В. Пьянков предложил интересную гипотезу, позволяющую рассматривать меланхленов как часть большого и многочисленного народа будинов (Пьянков, 1994: 202). Исследователь обратил внимание на любопытное свидетельство Аристотеля о будинах, которые разводят только овец черного цвета. *«Приведем еще и следующее известие сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих вокруг Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные»* (Ael. Hist. anim. XVI. 33). Таким образом, единственная, бросающаяся в глаза этнографическая черта, отмеченная Геродотом для меланхленов – **черный цвет их верхней одежды** – более чем вероятна и для будинов, использовавших по свидетельству Аристотеля лишь шерсть черных овец. Гипотезу И.В. Пьянкова приняли современные исследователи (Щеглов, 2002: 258-268). А.Ю. Алексеев развил ее далее, высказав весьма плодотворную мысль, что в случае с меланхленами (*«одетыми в черное»*) название этноса является чисто описательным, тогда как в названии будинов, скорее всего, сохранился этноним в собственном смысле слова (Алексеев, 2003: 80). Более того, исследователь допускает тождество этих народов, не осознававшееся древними авторами прежде всего в силу разных систем описания, применявшихся к ним. Правда, А.Ю. Алексеев считает, что территории обитания «будинов-меланхленов» и просто будинов очерчиваются разные: для первых – это ареал юхновской культуры, для вторых – городецкой. Однако мне представляется, что такая локализация интересующих нас этносов противоречит свидетельствам Геродота, который всегда упоминает их по соседству. Противоречит



и явно бросающееся в глаза археологическое различие двух вышеназванных культур (Медведев, 2004: 109-115). Если же мы примем локализацию меланхленов в среднем течении Донца, а будинов на «обширных пространствах от воронежских до полтавских лесостепей» (Граков, 1971: 131), включая Среднее Подонье, то это противоречие будет снято и на уровне археологии.

В V–IV вв. до н.э. все эти пространства были заняты родственными племенами, оставившими посульский, сейминский, северскодонецкий и среднедонской варианты лесостепной скифоидной культуры. На Дону и Донце ее расцвет как раз приходится на время наивысшего скифского могущества. Скорее всего, не скифы, а будины вместе с переселившимися к ним гелонами, да меланхлены как наиболее южная часть «большого и многочисленного народа будинов» составляли основную массу обитателей лесостепного междуречья Днестра и Дона в геродотово и послегеродотово время. Я не разделяю полностью точку зрения П.Д. Либера, ограничившего «землю будинов» лишь Средним Подоньем. Специальное

исследование диатезы племен «за Танаисом» убеждает в том, что в поле зрения купцов-информаторов Геродота (или его предшественников), попал лишь крайний восточный район «земли будинов», пересекавшийся торговым путем из Гавани борисфенитов в Приуралье (Медведев, 1997: 24-29). Здесь эллинские купцы могли познакомиться с подлинным («туземным») именем этого народа – будины, тогда как к эллинам через скифов совсем иным путем дошел этноним их северных соседей – меланхленов (саударатов). Учитывая особую близость «курганной» культуры северскодонецкого и среднедонского населения V–IV вв. до н.э., следует допустить, что меланхлены являлись иноназванием (греческим экзоэтнонимом) той части большого и многочисленного народа будинов, которая обитала в лесостепном Правобережье Северского Донца. Этот новый ракурс старой проблемы геродотовых будинов и меланхленов еще раз убеждает в том, насколько точен был «отец истории» в «скифском логосе» – он никогда не давал древним этносам случайных и, тем более, придуманных названий.

## Литература

Алексеев, 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Бабенко, 2003 – Бабенко Л.И. Об этнической ситуации в северскодонецком регионе в IV в. до н.э. // Проблеми історії та археології України. Харків, 2003.

Бабенко, 2004 – Бабенко Л.И. Античный импорт в погребениях Песочинского могильника // РА. 2004. № 3.

Бабенко, 2005 – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Бандуровский, Буйнов, 2000 – Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев, 2000.

Березуцкий В.Д., 2002 – Березуцкий В.Д. «Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ. 2002. №4.

Бромлей, 1973 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1973.

Буйнов, Шевченко, 2004 – Буйнов Ю.В., Шевченко В.Б. Новые данные о погребально-поминальной

обрядности у племен северскодонецкой группы памятников скифского периода // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной конференции 4-6 ноября 2004 г. Харьков, 2004.

Граков Б.Н., 1971 – Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Граков, Мелюкова, 1954 – Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954.

Гречко, 2008 – Гречко Д.С. Сіверськодонецька група пам'яток лісостепу східної Європи скіфської доби. Автореф. дис. к. і.н. Київ, 2008.

Гуляев, 2001 – Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Москва, 2001.

Гуляев, 2002 – Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1.

Гуляев, 2004 – Гуляев В.И. Еще раз об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего





- Дона в скифское время. Труды Донской (Потуданской) экспедиции ИА РАН 2001-2003 гг. М., 2004.
- Гуляев, 2006* – Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2006. № 1.
- Доватур и др., 1982* – Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Кузнецова, 1999* – Кузнецова Т.М. «Скифы», «скифская культура», «скифская археологическая культура» // Скифы Северного Причерноморья VII–IV вв. до н. э. М., 1999.
- Либеров, 1962* – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113.
- Либеров, 1969* – Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151.
- Максименко, 1983* – Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов/Дон, 1983.
- Медведев, 1997* – Медведев А.П. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографической информации Геродота // Археология. 1997. № 4.
- Медведев, 1999* – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999.
- Медведев, 2002* – Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // ВДИ. 2002. № 3.
- Медведев, 2004* – Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.
- Медведев, 2005* – Медведев А.П. Новый аспект этногеографии Скифии в свете последних раскопок курганов на Северском Донце // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005.
- Ольховский, 1991* – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Плетнева, 1983* – Плетнева С.А. Средневековые «амазонки» в европейских степях // Археологические памятники Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.
- Пьянков, 1994* – Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4.
- Ростовцев, 1914* – Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. № 34.
- Рыбаков, 1979* – Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- Скорый, 2003* – Скорый С.А. Скифы в Днепро-вской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). – К., 2003.
- Спицын, 1918* – Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Шрамко, 1962* – Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Щеглов, 2002* – Щеглов Д.А. Три источника скифской географии Геродота // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002.
- Яйленко, 2007* – Яйленко В.П., Очерк этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. М., 2007.
- Tomaschek, 1888* – Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1888. I, 11.
- Reichardt, 1889* – Reichardt C. Landeskunde von Skythien nach Herodot. Diss. Halle, 1889.



## РАННЬОСКІФСЬКІ ВУДИЛА З ЕЛЕМЕНТАМИ «СТРОГОСТІ» З ЗІБРАНЬ ЧЕРНІВЕЦЬКОГО КРАЄЗНАВЧОГО МУЗЕЯ

Незважаючи на тривале, всебічне вивчення скіфських старожитностей, що продовжується вже понад два століття, не припиняють з'являтися речі, які доповнюють наші знання з матеріальної культури раннього залізного віку, дозволяють повному поглянути на проблеми розвитку інвентарного комплексу населення Північного Причорномор'я скіфської доби. Здебільшого, вони надходять з новодосліджених археологічних об'єктів. Втім, іноді такі речі зберігаються у фондах музеїв, часто залишаючись невідомими широкому колу дослідників.

Саме такий артефакт вдалось виявити в зібраннях Чернівецького краєзнавчого музею (ЧКМ)<sup>1</sup>. Ланка бронзових стремено-подібних вудил звідси (рис. 1, 1) помітно виділяється на фоні раніше відомих речей схожого різновиду. На жаль, точне місце знахідки предмета не відоме. Деякі висновки щодо цього можна зробити, виходячи з загальних відомостей про фонди ЧКМ. Абсолютну їх більшість складають речі з Чернівецької області – історичної Північної Буковини, часто з досліджень відомого місцевого археолога Б.О. Тимошука. Інша – менша група предметів, передана свого часу з Київського історичного музею, приписана до Середнього Придністров'я, Дніпропетровщини, Ольвії, інших місць. Вона чітко документована. Приймаючи це до

уваги, наші вудила, найвірогідніше, слід пов'язувати з Чернівецькою областю.

Довжина ланки виробу – 7,9 см. Зовнішня петля стремено-подібної форми, шириною до 2,5 см, має 3 виступи на підніжжі стрем'ячка. Бічні виступи, ймовірно, запобігали зісковзуванню ремня з підніжки. Не виключено, що таку роль виконував і середній виступ, що являє собою рештки литника. Як видно на прикладі форми для відливу бронзових вудил (*Сабурова, Ягодин, 1964*), він мав утворюватись саме тут: у місці заливання розплавленої бронзи у форму. Спочатку округлий, діаметром до 0,9 см, стержень гризел поступово набуває підквадратного перетину. Саме подальша конструкція цього стрижня робить наш екземпляр унікальним на фоні всього масиву подібних речей. Він не переходить у характерну суцільнолиту внутрішню петлю, а утворює її загнувшись. На внутрішньому боці цього кільця шириною до 1,8 см, видно сліди спрацьованості – від тертя іншої ланки (свідчення тривалого використання вудил). Утворивши петлю, стержень загинається у напрямку зовнішньої петлі, одночасно пригинаючись до гризел (щоб запобігти висковзуванню іншої ланки), але не торкаючись їх. Натомість стержень відгинається вбік, формуючи шип для колючої дії на рот коня. Як відомо, у окремих випадках, для кращого керування

<sup>1</sup> Широ вдячний співробітникам музею О.П. Затуловській, Н.М. Холодницькій, В.І. Танашик, М.Й. Зайшлюк за сприяння в роботі з матеріалами.



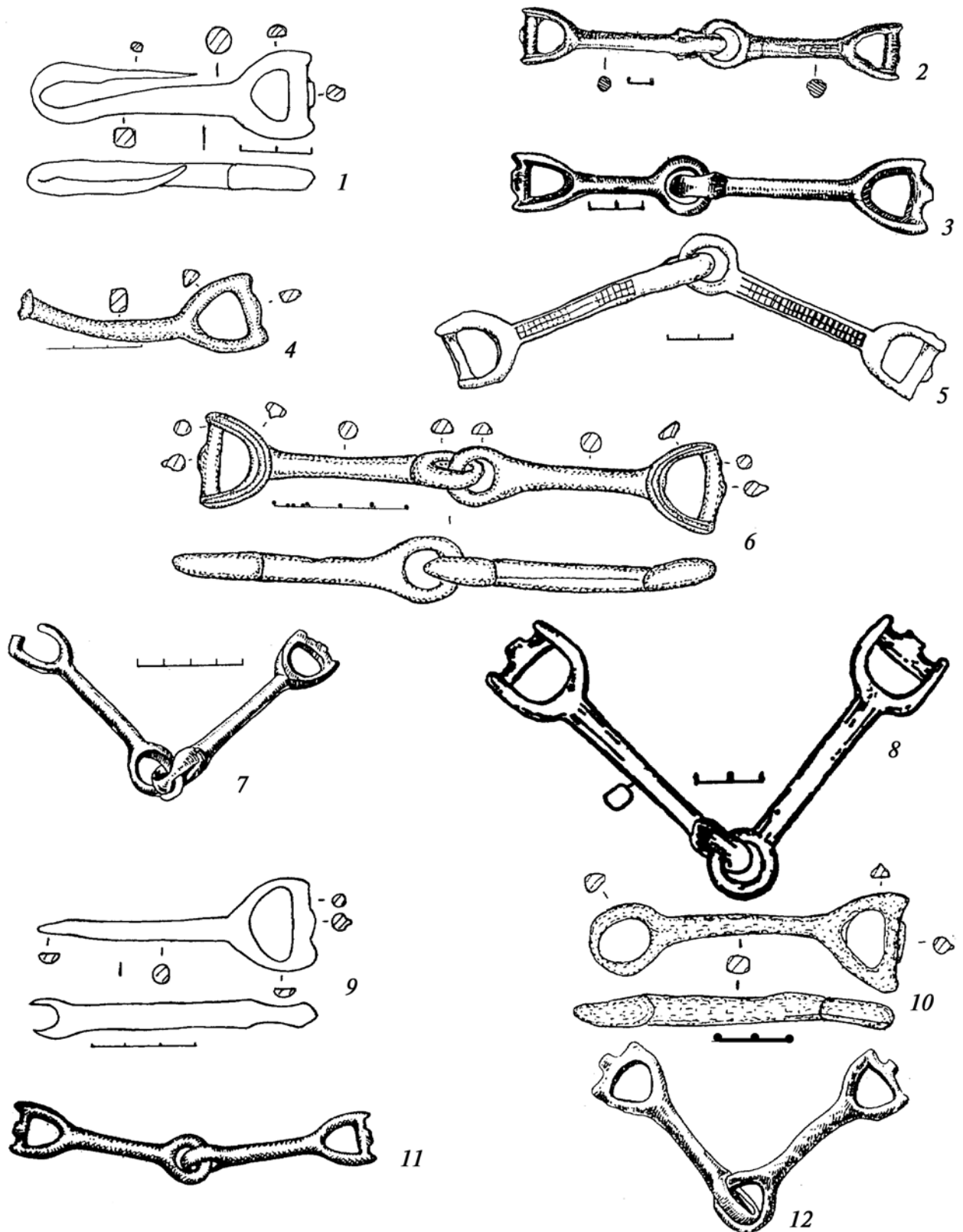


Рис. 1. Бронзові вудила.

1 – Чернівецький краєзнавчий музей; 2 – Яснозір'є, курган 6, поховання 1; 3 – Макіївка, курган 453; 4 – Черкаський повіт; 5 – Жаботин, курган 524; 6 – курган 183 на р. Тенетинка; 7 – Оситняжка, курган 471; 8 – поховання 1 Реп'яховатої могили; 9 – Хмельна; 10 – Головатино; 11 – курган 45 поблизу Берестняг; 12 – Ємчиха, курган 373.

2 – за Г.Т. Ковпаненко, С.С. Безсоною, С.А. Скорим; 3 – за В.А. Іллінською; 5 – за А.Ю. Алексеевим; 7, 12 – за Л.К. Галаніною; 8 – за В.А. Іллінською, Б.М. Мозолевським, О.І. Тереножкіним; 11 – за Г.Т. Ковпаненко.



неслухняними конями у скіфській час використовувались так звані «строгі» вуздечні деталі з додатковим рифленням чи шипами – для посиленого точечного тиску на певні ділянки рота коня. Оригінальний прояв такої «строгості» маємо й на нашій знахідці.

На жаль, не зберіглась інша ланка. Важко сказати, чи була вона звичайною: з цільнолитим внутрішнім кільцем, чи мала такий ж шип. У першому випадку симетричність «строгості» могла вирівнюватись рифленням на її стержні. З іншого боку не можна виключати і «асиметричної строгості» – лише на одній частині. Вказані зразки могли виконувати такі ж завдання, як і достатньо відомі вудила з яскраво вираженими асиметричними ланками: чинити підвищений тиск на один з боків рота коней, які гірше виконують команди на рух у одну з сторін.

Вудила з ЧКМ дозволяють отримати й певні дані щодо їх розташування у роті коня. За умови, що описаний шип був відігнутий назад (лише так, при натягненні повода, він може здійснювати колячий ефект), зовнішні петлі вудил мають розташовуватись вертикально: перпендикулярно до ротового розрізу.

Попри своєрідність, чернівецька знахідка, має широке коло аналогій зі схожим чином оформленими зовнішніми петлями (рис. 1, 2-12; 2; 3, 1-5). Бронзові стремено-подібні вудила з 3-ма виступами на підніжці широко відомі в Дніпровському Лісостепу. Багато їх виявлено на Правобережжі. У Тясминській підгрупі – кургани 453 коло Макіївки, 524 біля Жаботина (*Ильинская, 1975: табл. IV, 7*), 471 поблизу Оситняжки (*Галанина, 1977: табл. 15, 8*), Реп'яховата Могила, поховання 1 (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980: рис. 4, 17*), а також Черкаський повіт. У Пороссі знайдено 5 вудил: Яснозір'є, курган 6, поховання 1 (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994: рис. 6, 2*), Берестняги, курган 45 (*Ковпаненко, 1981: рис. 6, 2*), Ємчиха, курган 373 (*Галанина, 1977: табл. 15, 7*), Головятино, Хмільна. Екземпляри з Київщині пов'язуються з курганом біля Черняхова та Ржищевом. Менше знахідок відомо у Лівобережному Лісостепу. У Поворсклі – з поселення Пожарна Балка

(*Андриенко, 2001: рис. 1*); у Тerasовому Лісостепу – з Мозоліївки (*Кулатова, 1996: рис. 2*); у Посуллі – з Роменського повіту.

Значного поширення такі знахідки набули й на Північному Кавказі: курган 20 Нартанського могильника (*Батчаев, 1985: табл. 48, 3*), Келермес (курган 2 або 4 Д.Г. Шульца) (*Галанина, 1997, табл. 17, 30, 80*), Тамгацикське поселення (*Крупнов, 1960: рис. 12, 4*).

А от у степовій північнопричорноморській зоні такі вудила (як зрештою й ранньоскіфські деталі вузди, та й загалом пам'ятки) зустрічаються рідко. Пригадується екземпляр з поховання 1, кургану 21 біля Колдирів у Нижньому Подонні (*Беспальй, Парусимов, 1991: рис. 2, 9*).

Вказані аналогії відносяться до ранньоскіфського часу: VII–VI ст. до н.е. Цим періодом слід датувати й чернівецькі вудила.

Хоча оформлення шипа на них і є унікальним, не можна сказати що такими ж виключними були й інші прояви «строгості» на скіфських вуздечних предметах. У ранньоскіфський час на *стержнях бронзових вудил* часто зустрічається *рифлення у вигляді 1-4-х рядів опуклин* (рис. 1, 2, 5; 3, 1, 2, 6-16), що має, як відомо, доскіфське коріння. Такі екземпляри відомі з Дніпровського Правобережного Лісостепу: кургани 38 під Гуляй-Городом (*Бобринской, 1887: табл. VIII, 12*), 524 коло Жаботина (*Ильинская, 1975: табл. IV, 7*), 6 поблизу Яснозор'я (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994: рис. 6, 2*), Реп'яховата Могила (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980: рис. 17, 1, 2*); Північного Кавказу: кургани 2 або 4 (Д.Г. Шульца), 24 біля ст. Келермеської (*Галанина, 1997: табл. 17, 77-80; 25, 330*), 16 могильника Новозаведене (*Петренко, Маслов, Канторович, 2000: рис. 3*), 7 некрополя Циплієвський Кут (*Пьянков, 2000: рис. 2, 1*), знахідки з Підгородної (*Ложкин, Петренко, 1981: рис. 1*). Увагу привертають вудила з Келермеського могильника (рис. 3, 12), у яких на стержнях комбінується «орнамент» з *рядів опуклин та хрестовидних фігур*. Водночас, у ранньоскіфську добу, з'являються *залізні вудила з витими стержнями* (рис. 3, 17, 18), відомі за знахідками у курганах 2 неподалік Перебиківців у Середньому Придністров'ї



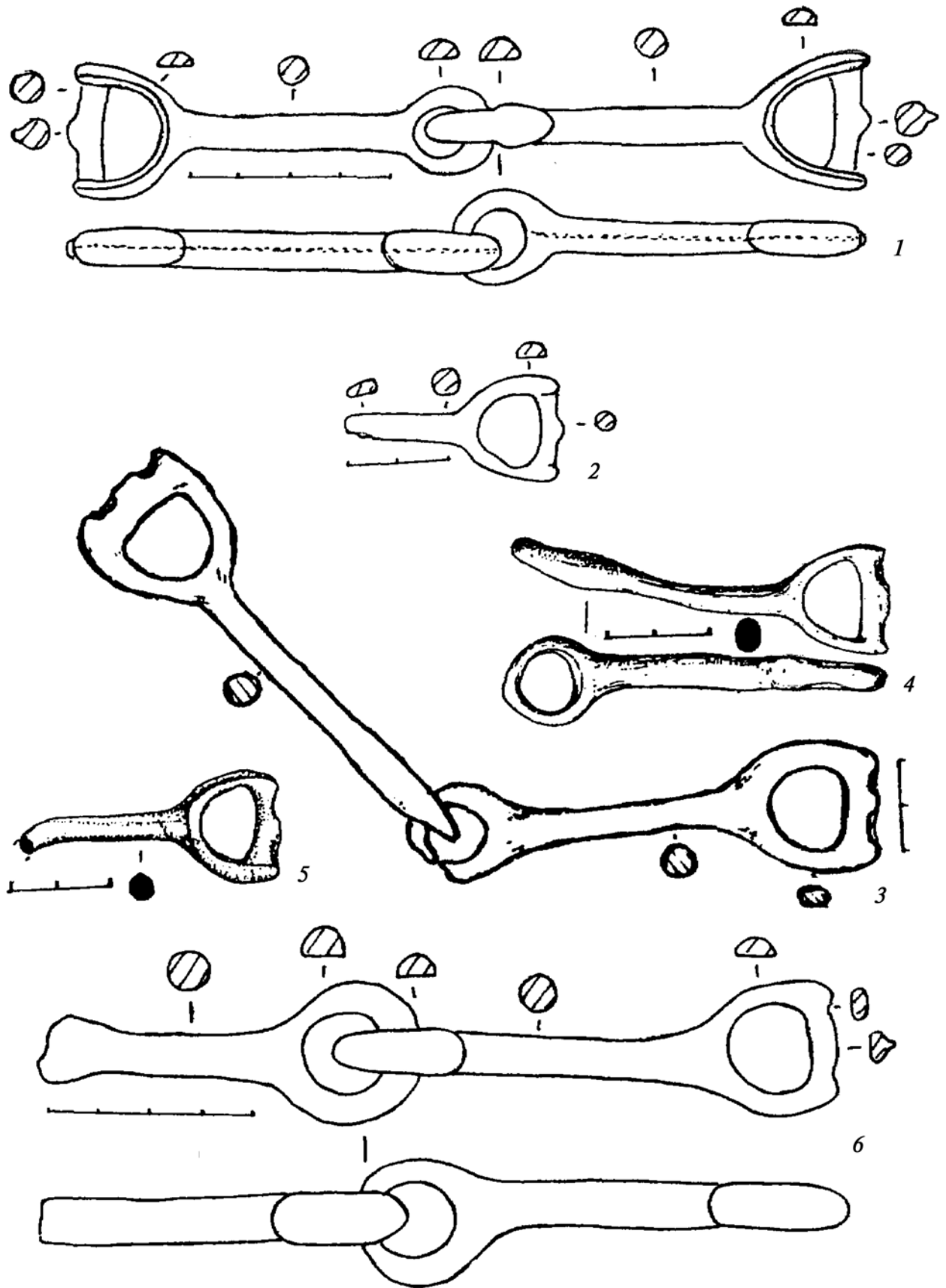


Рис. 2. Бронзові вудила.

1 – курган поблизу Черняхова; 2 – околиці Ржищева; 3 – Мозоліївка; 4, 5 – поселення Пожарна Балка; 6 – Роменський повіт.

3 – за І.М. Кулатовою; 4, 5 – за В.П. Андрієнком.



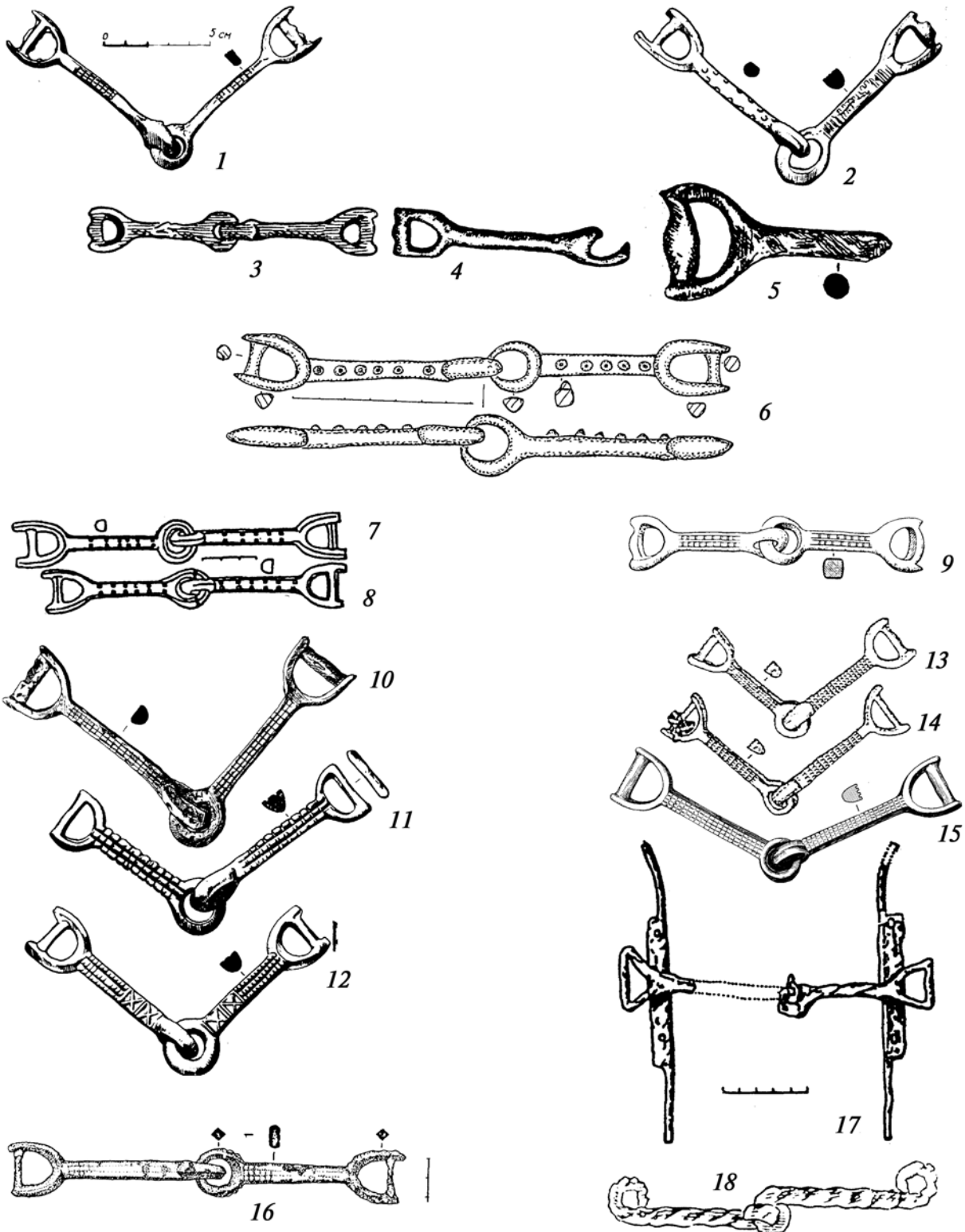


Рис. 3. Вудила.

1-16 – бронза; 16, 17 – залізо.

1, 2, 11, 12 – ст. Келермеська, курган 2 або 4 (Д.Г. Шульца); 3 – Нартан, курган 20; 4 – Тамгацьке поселення; 5 – Колдири, курган 21, поховання 1; 6 – Гуляй-Город, курган 38; 7, 8 – Реп'яховата Могила; 9 – Підгородна; 10 – ст. Келермеська, курган 24; 13, 14 – Новозаведене, курган 16; 15 – I Краснознамянський курган; 16 – Цаплівський Кут, курган 7; 17 – Перебиківці, курган 2; 18 – Нартан, курган 23.  
 1, 2, 10-12 – за Л.К. Галаніною; 3, 18 – за В.М. Батчаєвим; 4 – за Є.І. Крупновим; 5 – за Є.І. Беспалім, І.Н. Парусімовим; 7, 8 – за В.А. Іллінською, Б.М. Мозолевським, О.І. Тереножкіним; 9 – за М.Н. Ложкіним, В.Г. Петренко; 13, 14 – за В.Г. Петренко, В.Є. Масловим, А.Р. Канторовичем; 15 – за В.Г. Петренко; 16 – за А.В. П'янковим; 17 – за Г.І. Смирноюю.



(Смирнова, 1979: рис. 9, 7), 23 Нартанського могильника у Кабардино-Балкарії (Батчаев, 1985: табл. 53, 2).

Друга половина VI ст. до н.е. ознаменувалась значними змінами у скіфській матеріальній культурі, що дало змогу говорити про двоетапність її побутування, а самі новації пов'язувати з новою хвилею кочовиків зі сходу (Алексеев, 2003: 197). Цей процес не оминув і обладунок коня, відбившись, зокрема, й на різновидах «строгості». Замість *ранньоскіфських рифлень на стержнях вудил* акцент переходить на *колячий ефект на рот коня з боків*. Саме для цього служили *дводирчасті псалії з гострим оформлення країв вісімкоподібних розширень* (рис. 4, 1-3) типу знайдених у курганах 400 коло Журовки (Бобринской, 1905: 9-13) та 6 (поховання 2) біля Кам'яної Балки (Гребенников, 2008: рис. 15, 4, 5). У V ст. до н.е. у Європейській Скіфії розповсюджуються й *чотирикутні шиповані насадки на стержні вудил* (рис. 4, 4-12; 5, 1-8, 10, 12), відомі з курганів I і 3 Стеблівського могильника у Поросі (Скорый, 1997: рис. 6, 4; 20, 3), I Завадської Могили у Степовому Причорномор'ї (Мозолевский, 1980: рис. 36, 11, 12), 1 коло с. Брут на Північному Кавказі (Габуев, Эрлих, 2001: рис. 7, 17). Однак, масово вони поширюються пізніше – у IV ст. до н.е.: кургани 11 групи Частих, 9 біля Дуровки у Середньому Подонні (Пузикова, 2001: рис. 8, 1; 29, 1); 12 Перещепинського могильника у Поворсклі (Мурзин, Ролле, Херц и др., 1999: рис. 5, 3); 1 коло Мирного у Лівобережному Теразовому Лісостепу (Фіалко, 1994: рис. 15, 2); Товста Могила (Мозолевський, 1979: рис. 24, 2, 5, 7), Краснокутський (Мелюкова, 1981: рис. 15, 2, 3; 17, 7, 8), Водяна та Бабина Могили (Мозолевский, Полин, 2005: рис. 22, 2; 68, 1), Огуз (Фіалко, 1996: рис. 1, 2), Страшна Могила, II Мордвинівський (Ильинская, 1973: рис. 3, 2; 5, 2) у Степовому Причорномор'ї та інші. Вказані деталі продовжують існувати й в сарматську добу.

У IV ст. до н.е. разом із ними часто зустрічаються *залізні вудила з витим оформленням стержней* (рис. 4, 7-9; 5, 9-12). Такий ефект досягався скручуванням одного, або сплітанням декількох залізних прутів. Оформлені таким чином предмети, походять з курганів 6 неподалік Старинської птахофабрики (Ильинская, 1973: рис. 1, 2), 9 коло Дуровки, 11 групи Частих (Пузикова, 2001: рис. 8, 1; 29, 1), 25 могильника Колдирі (Парусимов, 1994: рис. 3, 6), Краснокутського (Мелюкова, 1981: рис. 17, 7, 8) та інших. Питання широкого застосування вудил з витими стержнями у середньоскіфський період (чого можна було б очікувати, враховуючи, що вони відомі як у більш ранній, так і в пізніший часи) поки що залишається відкритим.

Варто згадати й оригінальні *насадки на стержні IV ст. до н.е. з трубочок та зубчастих кілочок* (рис. 5, 12, 13) типу знайдених у Краснокутському кургані (Мелюкова, 1981: рис. 16, 5, 6; 17, 8) чи Плоскій Могили (Болтрик, Савовский, 1991: рис. 2, 1), що мають паралелі на фракійських територіях (Венедиков, 1957: обр. 14; 35).

I, нарешті, розглядаючи додаткові засоби для управління неслухняними конями, не можна обійти увагою *двопетельчасті вигнуті шиповані предмети V–IV ст. до н.е.* (рис. 6), відомі за знахідками з курганів 10 біля Горок (Гуляев, Савченко, 2004: рис. 5, 18), Шолохівського (Максименко, Смирнов, Горбенко, Лукьяшко, 1984: рис. 62, 6), поховання 13 гетського могильника Zimnicea (Alexandrescu, 1983: fig. 7, 1) та городищ біля Огульців (Буйнов, Окатенко, 2004: рис. 4, 7) та Більського (Шрамко Б.А., 2005: рис. 3, 3)<sup>2</sup>. Нещодавно були висунуті гіпотези про застосування цих речей для тиску на носові кістки коня, для кращого керування ним (Вальчак, Гуляев, Савченко, 2004: 46; Вальчак, 2005: 324, 325; Парусимов, 2005: 200-202)<sup>3</sup>. На користь інтерпритації цих виробів, як засобів додаткової дії на морду коня (а разом з цим – й кращої

<sup>2</sup> Схожу знахідку (рис. 6, 11) виявлено в 2006 р. й у 4 Филипівському кургані в Приураллі (Сокровища, 2008: 104).

<sup>3</sup> Існують і точки зору про використання таких деталей як елементів упряжі оленя (разом зі схожими кістяними виробами) (Окатенко, Буйнов, 2005: 127; Шрамко, 1988: 235); інструмента, що використовується у бортництві (женя) (Шрамко, 2005: 154); псалія (Гуляев, Савченко, 2004: 43, рис. 5, 18).



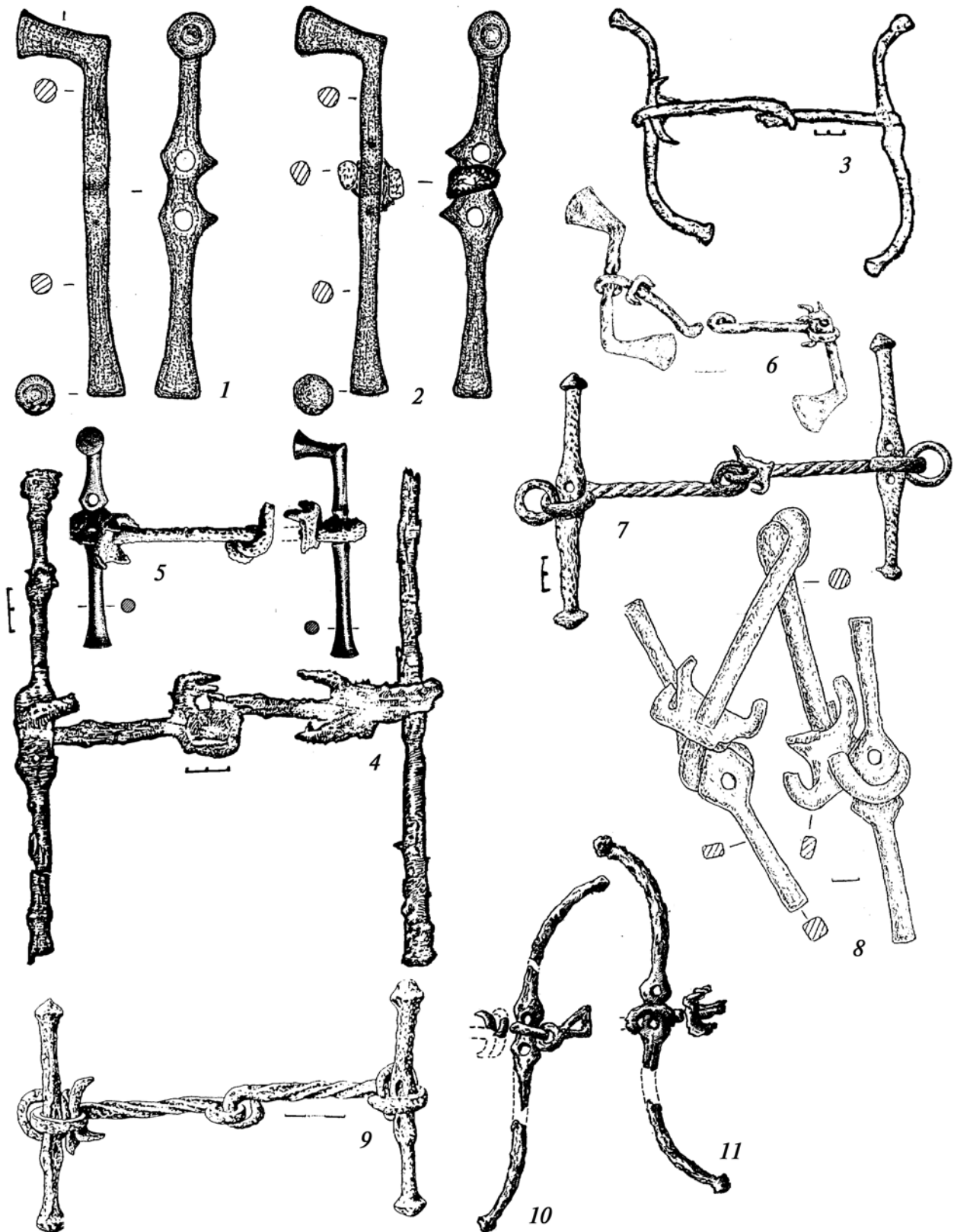


Рис. 4. Деталі спорядження коня.

1-3 – бронза; 6 – залізо та бронза; 4, 5, 7-12 – залізо.

1, 2 – Журовка, курган 400; 3 – Кам'яна Балка 6/2; 4 – Стеблів, курган 1; 5 – Стеблів, курган 3; 6 – І Завадська Могила; 7 – Брут, курган 1; 8 – курган 11 групи Частих; 9 – Перещепино, курган 12; 10 – Журовка, курган 9; 11, 12 – Страшна Могила.

3 – за Ю.С. Гребенниковим; 4, 5 – за С.А. Скорим; 6 – за Б.М. Мозолевським; 7 – за Т.А. Габуєвим, В.Р. Ерліхом; 8, 10 – за А.І. Пузіковою; 9 – за В.Ю. Мурзіним, Р. Ролле, В. Херцем та ін.; 11, 12 – за В.А. Іллінською.





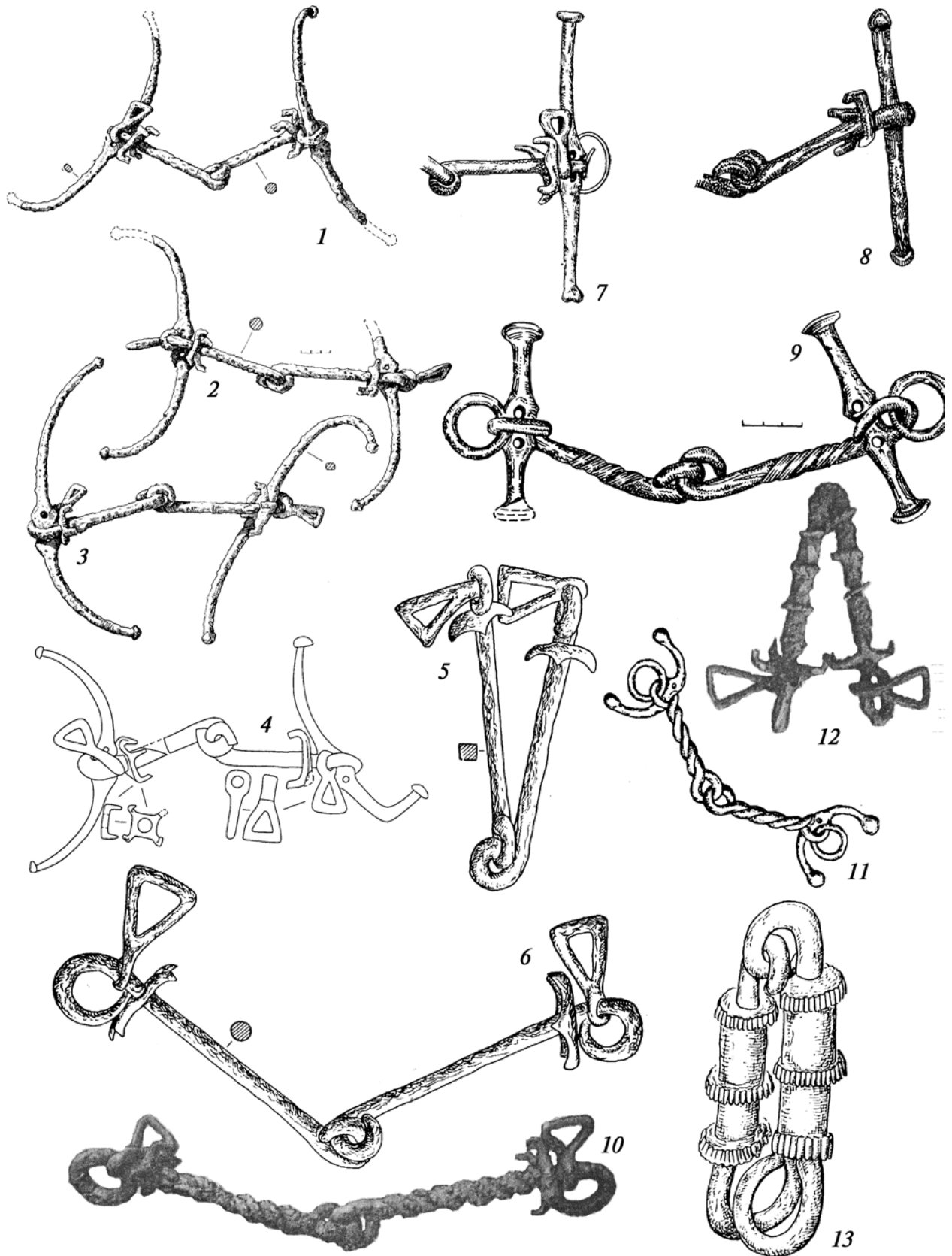


Рис. 5. Залізні деталі спорядження коня.

1-3 – Товста Могила; 4 – Бабина Могила; 5, 6, 10, 12, 13 – Краснокутський курган; 7 – Мелітопольський курган; 8 – II Мордвинівський курган; 9 – Старинська птахофабрика, курган 6; 11 – Колдирі, курган 25.

1-3 – за Б.М. Мозолевським; 4 – за Б.М. Мозолевським, С.В. Поліним; 5, 6, 10, 12, 13 – за А.І. Мелюковою; 7-9 – за В.А. Іллінською; 11 – за А.В. П'янковим.



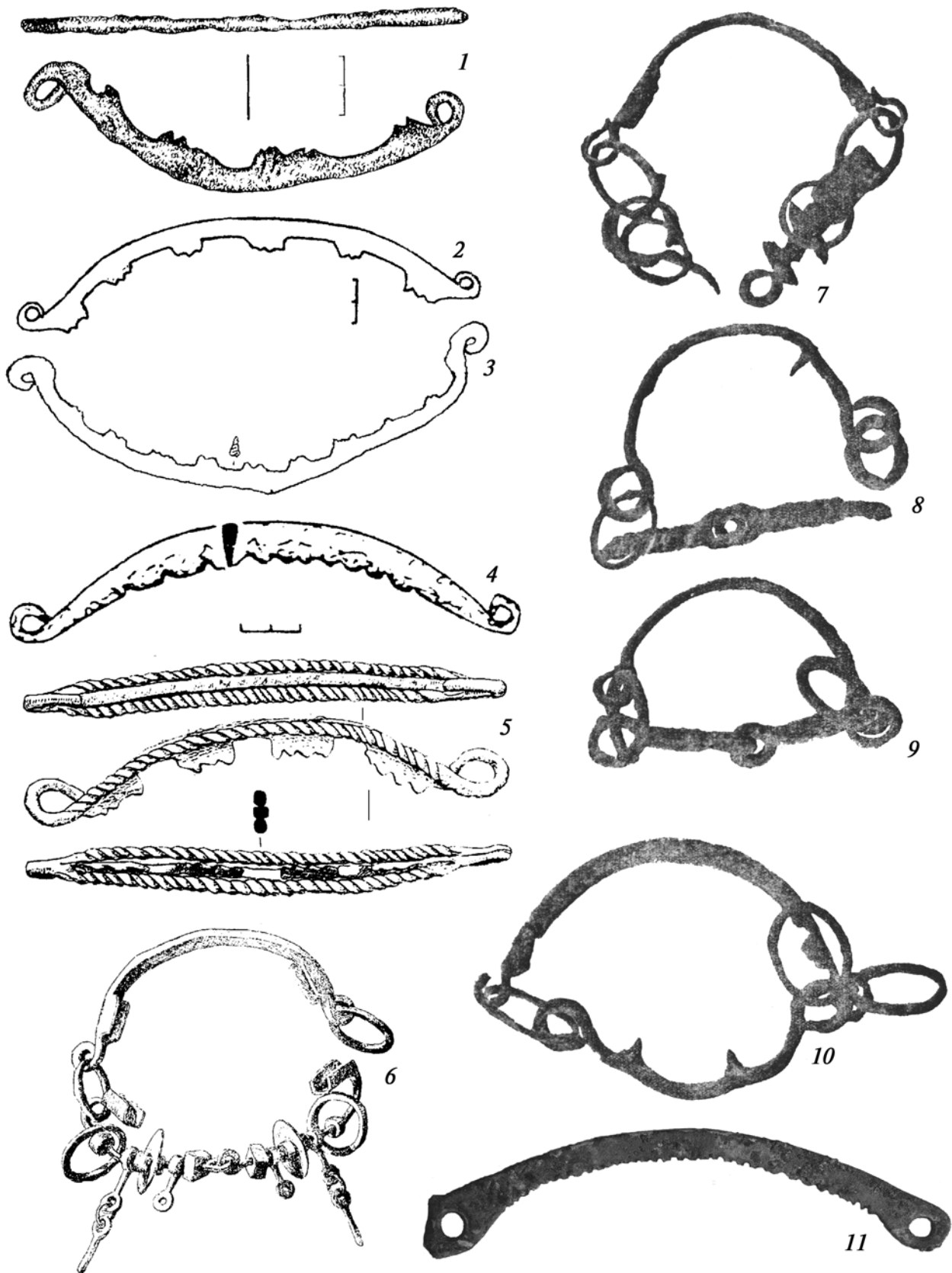


Рис.6. Залізні вигнуті двохпетельчасті предмети.

1 – Горки, курган 10; 2 – городище в урочищі Городище біля Огульців; 3 – Більське городище; 4 – Шолохівський, курган; 5 – Zimnicea, поховання 13; 6-10 – Ямбол; 11 – Филипівка, курган 4.  
 1 – за В.І. Гуляєвим, Є.І. Савченком; 2 – за Ю.В. Буйновим, В.Н. Окатенко; 3 – за Б.А. Шрамком; 4 – за І.Н. Парусимовим; 5 – за А.Д. Alexandrescu; 6-10 – за І. Венедиковим; 11 – за Л.Т. Яблонським, Д.В. Мещеряковим та ін.

фіксації оголів'я) говорить і низка знахідок з Фракії (рис. 6, 6-10), у яких до вудил приєднані вигнуті петельчасті стержні, часто з виступами (Венедиков, 1957: 178, 179, 194, 195; *обр.* 32-35). Мова йде про вироби з Ямбола, віднесені І. Венедиковим до IV ст. н.е. та Пастуши, описані вказаним дослідником серед інших предметів I–IV ст. н.е.<sup>4</sup>

Розглянутий нами чернівецький предмет ще раз підкреслює насамперед

практичне значення вудил. У разі необхідності, для досягнення потрібного ефекту, майстри відходили від усталених форм. Разом з тим, існували групи речей (орнаментовані псалії, бляхи та пряжки-пронизки для перехрестя ременів), у яких утилітарні, художні й сакральні елементи поєднувались більш рівнозначно. Інші вуздечні деталі (пронизки, привіски, нахрапники) мали переважне орнаментальне та, вірогідно, релігійне значення.

## Література

- Алексеев, 2003* – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Андриенко, 2001* – Андриенко В.П. Детали конской узды с поселения Пожарная Балка // ДАС. 2001. Вып. 9.
- Батчаев, 1985* – Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.
- Беспалый, Парусимов, 1991* – Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. №3.
- Бобринской, 1887* – Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887. – Т. I.
- Бобринской, 1905* – Бобринской А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Черкасском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. №14.
- Болтрик, Савовский, 1991* – Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии – К., 1991.
- Буйнов, Окатенко, 2004* – Буйнов Ю.В., Окатенко В.Н. Раскопки городища скифского времени в урочище Городище // АБУ 2002-2003 рр. Київ, 2004.
- Вальчак, 2005* – Вальчак С.Б. Редкая деталь скифской уздечки Восточной Европы // Древности. 2005.
- Вальчак, Гуляев, Савченко, 2004* – Вальчак С.Б., Гуляев В.И., Савченко Е.И. Об одной из деталей скифской уздечки Восточной Европы // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н. э.», посвященная памяти Б. Н. Гракова. Азов – Ростов-на-Дону, 2004.
- Венедиков, 1957* – И. Венедиков. Тракийската юзда // ИАИ. 1957. №21.
- Габуев, Эрлих, 2001* – Габуев Т. А., Эрлих В. Р. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.
- Галанина, 1977* – Галанина Л.К. Скифские древности Приднепровья // САИ. 1977. Вып. Д 1-33.
- Галанина, 1997* – Галанина Л.К. Келермесские курганы. – М., 1997.
- Гребенников, 2008* – Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н. э.). – Николаев, 2008.
- Гуляев, Савченко, 2004* – Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.
- Ильинская, 1973* – Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. К., 1973.
- Ильинская, 1975* – Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. К., 1975.
- Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980* – Ильинская В.А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. К., 1980.
- Ковпаненко, 1981* – Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. К., 1981.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые курганы раннего железного века в Поросье // Древности скифов. К., 1994.
- Крупнов, 1960* – Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.
- Кулатова, 1996* – Кулатова И.Н. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // прил. к: Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999.



- Ложкин, Петренко, 1981* – Ложкин М.Н., Петренко В.Г. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА АН СССР. 1981. №167.
- Максименко, Смирнов, Горбенко, Лукьяшко, 1984* – Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Мелюкова, 1981* – Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.
- Мозолевський, 1979* – Мозолевський Б.М. Товста Могила. К., 1979.
- Мозолевський, 1980* – Мозолевський Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетрвщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ. К., 1980.
- Мозолевський, Полин, 2005* – Мозолевський Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могила). К., 2005.
- Окatenко, Буйнов, 2005* – Окatenко В.Н., Буйнов Ю.В. Новые находки деталей наголовника оленяманщика в Скифии // Проблеми дослідження пам'яток Східної України. Луганськ, 2005.
- Парусимов, 1994* – Парусимов И.Н. Железные детали узды из Шелоховского кургана // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005.
- Парусимов, 2005* – Парусимов И.М. Курган скифської доби могильника Колдирі // Археологія. 1994. №1.
- Петренко, Маслов, Канторович, 2000* – Петренко В.Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология Центральной группы курганов могильника Новозаведенное // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М., 2000.
- Пузикова, 2001* – Пузикова А.И. Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.
- Пьянков, 2000* – Пьянков А.В. Комплекс кургана 7 могильника Циблиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в Раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006.
- Сабурова, Ягодин, 1964* – Сабурова М.А., Ягодин В.Н. Литейная форма из Хорезма // СА. 1964. №1.
- Скорый, 1997* – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997.
- Смирнова, 1979* – Смирнова Г.И. Курганы у с. Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // ТГЭ. 1979. №XX.
- Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок филипповских курганов). Оренбург, 2008.
- Фиалко, 1994* – Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской Терассовой Лесостепи. К., 1994.
- Фиалко, 1996* – Фиалко О.Є. Скіфські вудечки з залізними нахрапниками // Археологія. 1996. №4.
- Шрамко, 1988* – Шрамко Б.А. Детали оленьей упряжи в Скифии // СА. 1988. №2.
- Шрамко, 2005* – Шрамко Б.А. Особенности развития техники обработки земли в Восточной Европе в раннем железном веке // Древности. 2005.
- Alexandrescu, 1983* – Alexandrescu A.D. Tombes de chevaux et pi ces du harnais dans la nécropole g te de Zimnicea // Dacia. 1983. T. XXVII.



## САРМАТСЬКІ КИНДЖАЛ ТА МЕЧІ З ЗІБРАННЯ МУЗЕЮ ІСТОРІЇ ЗБРОЇ У М. ЗАПОРІЖЖЯ

У Запоріжжі існує унікальний для України Музей історії зброї, де зібрані експонати, що датуються періодом від доби каменю до часів Другої світової війни включно.

Безумовно, одним з недоліків археологічної частини колекції є те, що речі придбані у випадкових осіб — тому з'ясувати точне місце їх знахідки, а також дані про інший матеріал, що був виявлений разом з ними, практично неможливо. Проте переважає позитивний момент — адже речі залишаються в Україні і вони доступні для огляду численним відвідувачам Музею та для наукової обробки.

Сьогодні ми хочемо ввести до наукового обігу три сарматські мечі та сарматський кинджал з кільцеподібними навершьями.

Свого часу А.М. Хазанов (*Хазанов, 1971: 9*) дійшов висновку, що такий тип зброї остаточно сформувався у сарматів приблизно на початок III ст. до н.е. За його даними, основна маса таких кинджалів та мечів знайдена у Поволжі та пов'язана з пам'ятками суловського часу (середньосарматський період), які він, як і інші дослідники, ототожнює з пам'ятками сарматських племен сіраків. На його думку, поява таких кинджалів та мечів на Північному Кавказі та у Північному Причорномор'ї приходить на I ст. до н.е. та обумовлена просуненням туди аорсів та сіраків (*Хазанов, 1974: 10*).

Проте визначний дослідник сарматської історії та культури К.Ф. Смирнов наполягає, що просунення сарматів у

Північне Причорномор'я розпочалося вже у III ст. до н. е. (*Смирнов, 1984: 118-119*). Більш обережний у цьому питанні С.В. Полін, який прив'язує дату появи сарматів у Північному Причорномор'ї до середини II ст. до н.е. (*Полін, 1992: 101*).

Як би там не було, вже на початку I ст. до н. е. сармати наближаються до східних кордонів Римської імперії, що проходили вздовж Дунаю. Славний римський поет Публій Овідій Назон, який відбував у ті часи своє заслання у цьому, чи не найвіддаленішому кутку держави, згадує у своїх листах (*Листи з Понту: 1, 2, 75-85*) «несамовитих язигів», «яких надихають луки, повні сагайдаки та коні, здібні до найдовших перегонів». Імператори Риму для нейтралізації сарматської загрози, як зазначає римський історик Тацит (*Історія: 3, 5*), були змушені тримати наготові поміж сучасними Віднем та Будапештом чотири легіони.

Незважаючи на те, що основним напрямком сарматської експансії був західний, сармати проявляли досить високу активність і на сході. Так, разом з юеджами (китайське найменування східноіранських племен тохарів), вони взяли участь у руйнуванні Греко-Бактрийського царства. Невипадково східний кордон розповсюдження кинджалів та мечів з кільцеподібним навершьям доходить до Китаю (*Хазанов, 1971: 11*).

У I–II ст. н.е. починається також просунення сарматських племен на південь від Великого Кавказького хребта (*Алиев,*





Рис. 1. Сарматські мечі з Музею історії зброї.



Рис. 2. Сарматські меч та кинджал з Музею історії зброї.

1971: 199). Вірогідно, рух сарматів у цьому напрямку проходив через Дербентський прохід, оскільки характерні для сарматських племен аланів катакомбні поховання виявлені поблизу сучасного м. Мінгечаур в Азербайджані. Серед знайденого в них поховального інвентарю зустрічаються й типові для сарматів кинджали та мечі з кільцеподібними навершьями (Алиев, 1971: 205). Можна припустити, що саме ця територія була своєрідним плацдармом для сарматських вторгнень на територію Ірану.

Єдиний відомий А.М. Хазанову (Хазанов, 1971: 10) кинджал сарматського типу з кільцеподібним навершьям походить аж з Бахрейнських островів, що у Персидській затоці. Але зображення таких кинджалів

та мечів відомі на іранських рельєфах та фресках – наприклад, на рельєфі з гробниці Антіоха I в Німруд Дазі, котрий датується I ст. до н.е. (Хазанов, 1971: 10-11).

Після такого короткого екскурсу щодо історії сарматських кинджалів та мечів з кільцеподібними навершьями, звернемося до експонатів Музею історії зброї.

1. Залізний цільнокований меч довжиною 65,5 см (рис. 1, 1). Довжина клинка – 53 см. Діаметр кільцеподібного навершья 3,8 см. Клинок дволезовий, звужується лише у останній третині леза. Руків'я у перетині овальне, його ширина 2 см. Перехрестя прямокутне, його довжина 6,2 см., ширина 0,4 см. Ширина клинка біля перехрестя 5,6 см.

Згідно А.М. Хазанову (*Хазанов, 1971: 5*), мечі таких розмірів зустрічаються досить рідко і становлять лише близько 2% від врахованих їм сарматських мечів. Зрозуміло, що після публікації А.М. Хазанова кількість подібних зразків сарматської зброї збільшилася, але ми гадаємо, що ця обставина незначно вплинула на його статистичні підрахунки.

2. Залізний цільнокований меч довжиною 48,5 см (рис. 2, 1). Довжина клинка – 36,3 см. Діаметр кільцеподібного навершя 3,5 см. Клинок дволезовий, за формою нагадує перший меч. Руків'я у перетині овальне, його ширина біля перехрестя 3,3 см. Перехрестя прямокутне, його довжина 5,8 см, ширина 0,4 см. Ширина клинка біля перехрестя 4,8 см.

3. Залізний цільнокований меч довжиною 44,8 см (рис. 1, 2). Довжина клинка – 30 см. Діаметр кільцеподібного навершя 5 см. Клинок дволезовий, за формою нагадує витягнутий рівнобедрений трикутник. Руків'я у перетині овальне, його ширина 2,7 см. Перехрестя прямокутне, його довжина 7,2 см, ширина 1,2 см. Ширина клинка біля перехрестя 4,2 см. На клинку збереглися залишки дерев'яних піхв.

Як зазначав А.М. Хазанов (*Хазанов, 1971: 5*), сарматські мечі з кільцеподібними

навершнями розміром 40-50 см становлять більшість серед відомих, а саме близько 40%.

4. Залізний кинджал (рис. 2, 2) довжиною 34,6 см. Довжина клинка 20,7 см, його найбільша ширина – 3,4 см. Лезо трикутне, як у попереднього меча. Діаметр навершя – 3,3 см. Перехрестя прямокутне, виготовлено у вигляді бронзової обойми шириною 2 см.

А.М. Хазанову (*Хазанов, 1971: 10*) були відомі лише два кинджали з бронзовими перехрестями. Це кинджал з Моздокського могильника на Північному Кавказі та вже згадуваний кинджал з Бахрейнських островів. Проте, на відміну від нашого екземпляру, у двох останніх випадках з бронзи були виготовлені не тільки перехрестя, а й кільцеподібні навершя.

Що стосується визначення часу речей, що публікуються, то їх точне датування навряд чи можливе, оскільки дані про комплекси, в яких вони були знайдені, відсутні, а датування за принципом аналогій значно ускладнено великою однотипністю сарматських мечів та кинджалів з кільцеподібними навершнями. Тому ми пропонуємо віднести їх до часу найбільшого поширення таких мечів та кинджалів, а саме до II ст. до н.е. – II ст. н.е.

## Література

*Алиев, 1971* – Алиев Играр. Сармато-аланы на пути в Иран // История иранского государства и культуры. М., 1971.

*Полин, 1992* – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. К., 1992.

*Смирнов, 1984* – Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

*Хазанов, 1971* – Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971.



## О ПЛАНИГРАФИИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСОВ С СОПРОВОЖДАЮЩИМИ ЗАХОРОНЕНИЯМИ КОНЕЙ)

Несмотря на огромное количество литературы по погребальному обряду скифов, как-то мало внимания уделялось вопросу взаиморасположения и взаимосвязи погребений внутри скифского кургана. При сборе сведений о погребениях с сопровождающими захоронениями коней и предметами узды, мной было обращено внимание на повторяемость или стандартность расположения погребений в скифских курганах. В данной работе учтены данные о 57 погребениях с сопроводительными захоронениями коней<sup>1</sup>. Первое, что хотелось бы отметить — сопровождающие захоронения нескольких коней зафиксированы в основном в курганах «царей» и знати. В то же время в курганах рядовых скифов с захоронением одного коня фиксируются те же черты и особенности погребального обряда, что и у элиты. Кроме того, можно отметить устойчивость погребального обряда во времени: начиная с 5 века, классического скифского времени, до самых поздних захоронений особенности погребального обряда, касающиеся захоронений коней, остаются неизменными. По всей видимости, особенности обряда были обусловлены не социальными и не временными причинами, а единой этнической принадлежностью погребённых, религиозно-мифологическими представлениями всего этноса.

В подавляющем большинстве кони были погребены в специально сооруженных для них могилах. В свое время Б.Н.Мозолевским были выделены по форме могил четыре вида: квадратные, прямоугольные, овальные или щелевидные и ямы с подбоями (*Мозолевский, 1979, 160*), что нашло подтверждение в дальнейших исследованиях (*Болтрик, Фиалко, 2005, 16*).

Внутри могил кони были положены в основном с подогнутыми под себя ногами, как лежащие живые кони. В ряде случаях замечено, что кони были погребены в позе стоя (*Болтрик, 1980*). Для поддержания коня в позиции стоя делались различные приспособления. В Великой Знаменке были найдены остатки деревянных балок под животом коня, в другом случае были зафиксированы земляные перегородки и выступы для лучшего фиксирования тела мертвых коней. Также зафиксированы случаи, когда черепа лошадей покоились на земляных ступенях.

Погребения с сопровождающими захоронениями коней Северного Причерноморья были разделены мной на группы в зависимости от ориентировки по сторонам света. При этом имелось ввиду расположение конской могилы по отношению к могиле хозяина. Выделяются следующие группы:

<sup>1</sup> Из них 1 погребение коня находилось в насыпи, 5 комплексов с могилой коня, точное расположение которой не устанавливается, 5 комплексов с расположением коня в могиле.



1). Комплексы с захоронением коней с западной стороны погребения человека (30 комплексов);

2). Комплексы с захоронением коней с восточной стороны погребения человека (7 комплексов);

3). Комплексы с захоронениями коней с северной стороны погребения человека (5 комплексов);

4). Комплексы с захоронениями коней с южной стороны погребения человека (2 комплекса)<sup>2</sup>.

Как видно по количественным выкладкам, расположение конских могил с юга и с севера могилы человека встречается довольно редко. Также немногочисленны комплексы с расположением конских захоронений с восточной стороны могилы человека. В силу немногочисленности их можно считать нетипичными для скифского погребального обряда. Причины, обусловившие их нетипичность, будут рассмотрены детально несколько ниже.

Наиболее распространенным и типичным для Северного Причерноморья остается расположение захоронений коней в отдельной яме с западной стороны погребения человека.

### **Комплексы с расположением погребений коней с западной стороны**

При расположении коня с западной стороны могилы хозяина, кони как правило, направлены головой на восток, к могиле хозяина, в то время как хозяин в большинстве случаев был положен головой на запад. Получается, что хозяин и его кони как бы «смотрят» на восток. В кургане Солоха, кони были ориентированы головой на запад, то есть направлены мордой от могилы хозяина. Это единственный случай.

Теперь отвлечемся несколько от конских могил и рассмотрим закономерности в расположении основных и впускных могил в скифских курганах. Самое глубокое

в каждом кургане, будь он большой или маленький, как правило, основное погребение (рис. 1).

При этом, как правило, если в кургане имеется несколько или две впускные могилы, они тоже отличаются по глубине. По представленному графику видно, что их можно квалифицировать, как относящиеся к двум категориям. Впускные погребения 1 — это погребения, которые в своем кургане занимают по глубине первое место после основного погребения, независимо от абсолютных отметок. Впускные погребения 2 в своем кургане занимают по глубине второе место среди впускных (табл. 1-2). Если же внести в этот график данные по глубинам конских могил, то получается, что конские могилы занимают самое последнее место после всех впускных могил (рис. 1). Притом не только в относительном, но и в абсолютном значении. Если глубина основных и впускных погребений от 3-4 м доходит до 12 м и варьирует от кургана к кургану, то самая глубокая конская могила достигает глубины только 2,48 м, и остается примерно одинаковой для всех курганов, будь они царские или более низкого сословия. В основном они имеют глубину от 0,7 м до 1,5 м. В пяти царских курганах погребения коней сопровождалась погребениями конюхов. Могильные ямы «конюхов», как правило, в два раза мельче, чем могилы коней. Это можно понимать, что в данном случае лошади были важнее, чем люди.

Основное погребение всегда было сооружено в центре кургана. Если разложить впускные погребения по географическим сторонам света относительно центрального погребения, то получается, что они расположены с точностью наоборот в сравнении с конскими погребениями. Только единицы впускных погребений 1-й категории расположены к западу<sup>3</sup> и к востоку от основного погребения. Большинство их расположено на север или на

<sup>2</sup> Комплексы, содержавшие захоронения коней в одной могиле с хозяином, комплексы с неполными данными и комплексы с предметами узда не рассматриваются в данном анализе, как не играющие роли в планиграфии кургана.

<sup>3</sup> Впускные погребения 1, расположенные на западе от основного погребения, происходят из курганов с традиционной для скифов планиграфией, только перевернутой, «зеркальной» планиграфией. О них будет сказано ниже.



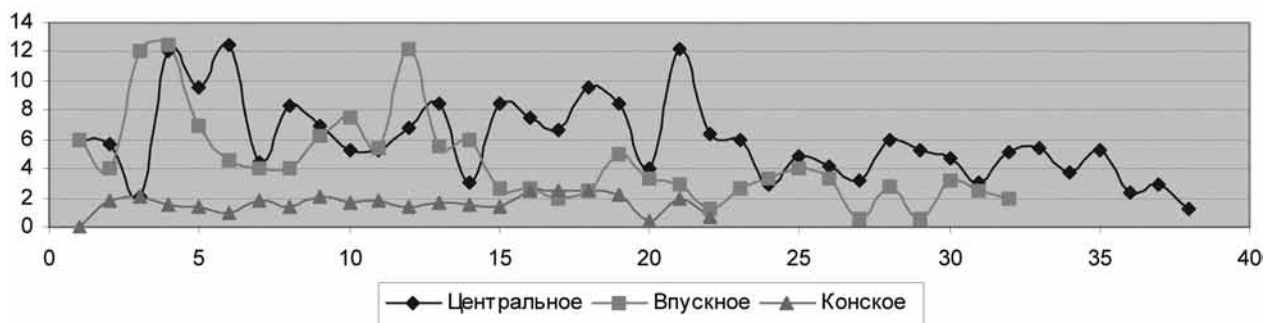


Рис. 1. Соотношение глубин центральных, впускных и конских погребений в курганах Северного Причерноморья с захоронениями коней и без захоронений коней.

юг от основного погребения. Получается, что впускные погребения 1-й категории расположены примерно на одной меридиональной линии с центральным. Если учитывать, что погребенные в скифских курганах обычно расположены вытянуто на спине, головой на запад, то получается, что впускные погребения расположены как бы сбоку от основного погребения. Отсюда происходит характерная только для северо-причерноморской скифской археологии терминология – «боковая южная гробница», «боковая северная гробница».

Если взять в расчет только впускные погребения категории 2, то есть вторые и последующие впускные погребения, то их расположение на плане кургана несколько

иное. Примерное равное количество их расположено на юге и севере от центральной могилы, то есть на одной меридиональной оси и такое же количество их расположено восточнее центральной могилы. Впускные погребения 2-й категории на западе не встречены ни разу.

По всей видимости, существовала некая иерархия мест расположения могил на плане кургана. Основное погребение имело привилегию находиться в центре, туда же подхоранивались через дромос персоны, по всей видимости, равные по статусу с погребённым в центральной гробнице. Следующим по престижности было расположение могилы на одной меридиональной линии с основной гробницей с севера или с юга. Судя по тому, что дромосы в центральную гробницу для следующего подзахоронения были прокопаны с северной стороны (исключение составляет курган Огуз с дромосом с юга), похоже, что умерший позже должен был находиться севернее «хозяина» гробницы. Остальные впускные погребения могли располагаться в восточной половине кургана, в основном в центральной части. Понятно, что распределение мест в кургане отражает прямо или опосредованно семейно-родовую иерархию, в которой место каждого определялось, прежде всего, его статусом в роду, а также его полом. В пользу этого свидетельствуют курганы, в которых одно единственное впускное погребение было сооружено в восточной половине, оставляя свободными более престижные места с севера и юга от основного погребения. Например, в кургане Толстая Могила, несмотря на свободные места с

Табл. 1

#### Соотношение глубин впускных погребений в курганах Северного Причерноморья

Курган	Впускное погр. 1	Впускное погр. 2
Огуз	5,55	4,4
Александрополь	5,9	4,8
Братолюбовка	2,3	0,65
Хомина могила	6	4,5
Гайманова могила k29	8	4
Красный Перекоп k22	5	4
Кут k1	3,3	2,9
Кут k18	2,7	2,1
Кут k2	3,3	
М.Лепетиха k3	3,34	2,63
Нагорное k3	2,8	2,6
Страшная могила k4	1,7	0,4
Кут k5	1,5	0,8
Корнеевка k2	3,45	2,3
Белозерский лиман k4	5,9	5,7
Первомаевка-2 k2	2,3	1,9
Носаки k4	4	3,4



Табл. 2

**Соотношение глубин и расположение по секторам кургана центрального, впускных и конских погребений в курганах Северного Причерноморья с захоронениями коней и без захоронений коней**

	Курган	Высота кургана	Глубина центр. погр.	Сектор и глубина впускного 1	Сектор и глубина впускного 2	Сектор и глубина конск. погр.
1	Огуз цент.	20	6.4	N 5.55	S4.4	W 2.2
2*	Огуз	-	-	N 5.55	-	NO вход.яма
3	Алесандрополь	21	5,9	NO 5,9	NO 4.8	W 0.35
4*	Алесандрополь	-	-	-	-	NO дромос
5	Братолюбовка	6	7	W 2.30	O.0.65	W 1.80
6	Братолюбовка	-	-	-	-	O 1.20
7	Толстая могила	8.6	8.5	SW 6.2	-	O 1.35
8	Толстая могила	-	-	-	-	O 1.7
9	Солоха	18	4.0	S 5.4	-	W 1.52
10	Солоха	-	-	S 5.4	-	W 1.42
11	Чертомлык	19	12.2	N12.2	-	W 2.48
12	Чертомлык	-	-	-	-	W 2.48
13	Чертомлык	-	-	-	-	W 2.48
14	Деев курган	4	5.7	S 4	-	W 1.77
15	Чмырева могила	4.5	9.6	SW12.45	-	SW 2.13
16	Мелитопольский	6	12.5	S 7	-	W 1.50
17	Лемешев курган	8.5	8.5	-	O? 8.0	SW 1.67
18	Мордвиновский к 2	6.5	4.5	-	-	W 1.45
19	Страшная могила	7	6.9	-	-	W 1.0?
20	Страшная могила	-	-	-	-	W 1.8?
21	Башмачка к 6	7	5.3	-	-	W 1.40
22	Краснокутский	8.5	3	-	-	SW 1.77
23	Ниж.Серогозы к 4	2.15	5.45	-	-	W 1.90
24	Старинская птицеф. к 6	4.2	1.2	-	-	NW 0.7
25	Вел.Знаменка к 13	3,5	4.34	-	-	W 1.6
26	Никольское к 9	4	4	-	-	W 4.0
27	Водяная могила	?	?	-	-	W 1.4
28	Шевченко-2 к 1	2	2,15	-	-	O 1.1
29	Желтокаментка	9.5	7.5	N 7.5	-	W 1.9
30*	Желтокаментка	-	-	-	-	N drom.
XX						
31	Завадская Могила	4.5	4.2	-	-	W ?+W ?
32	Козел	14	9.6	-	-	W?
33	Б.Цымбалка	15	8.5	-	-	W?
34	Каменная могила	5.7	2.1	-	-	NW ??
XX						
35	Владимировка к 10	0	2.28	-	-	O вход.яма
36	Хомина могила	3.2	6	W6	NO 4,5	O дромос
37	Хомина могила	-	-	-	NO 4.5	O вход.яма
38	*Гайманова могила к 29	8	6.8	S4.0	NO 8	S вход.яма
39	Бабина могила	8.15	?	?	?	NO дромос
40	Великая Знаменка к 2/3	?	-	-	-	NO вх.яма
XX						
41	Казенная могила	5.7	12	12	-	-
42	Мордвиновский к 1	7	8.3	?4.6	-	-
43	М.Лепетиха большой к 2	7.45	5.28	N4.0	O??	-
44	Верхний Рогачик	11	6.7	O??	-	-
45	Ерковцы	1	2.9	S2.7	-	-
46	Калиновка *2	0.7	4.8	2.7	-	-
47	Капуловка к 3	0.5	4.1	2	-	-
48	Капуловка -2 к 1	1.	3.20	N2.5	-	-
49	Красный перекоп к 22	2	6	N5	4S	-
50	Кут к 1	1.2	?	3.3+2.9+1.3	-	-
51	Кут к 18	Вг.	-	NO 2.70	SO2.10	-
52	Кут к 2	0	-	3.3	-	-
53	М.Лепетиха к 3	1.85	4.65	N3.34	S2.63	-
54	Морская кошара	0	3.1	S0.6	-	-
55	Нагорное к 3	1.2	5.1	Z2.8	Z2.6	-
56	Страшная могила к 4	2.5	3.8	NO.60	S 0.4	?
57	БОФ к 13	0.8	5.25	S3.2	-	-
58	Широкое к 5	0.45	2.3	S2.5	-	?
59	Старое к 3	2	2.9	NO2.	-	-



северной и южной сторон могилы царя, одному единственному впускному погребению не позволено было занять их.

Судя по тому, что впускные погребения никогда не располагались в западной половине кургана, можно полагать, что западная сторона была не только непрестижной, но и неблагоприятной для людей стороной. В западной половине кургана располагались только конские могилы и могилы конюхов, сопровождавших животных. Об этом же свидетельствуют погребения с двумя камерами, из которых именно западная непрестижная использовалась для погребального, как его обычно называют «хозяйственного» инвентаря, а восточная — для погребения. Самая ранняя такая камера была устроена в кургане Солоха, датирующемся рубежом 5-4 вв до н.э. Центральная гробница в Соболевой Могиле также имела две камеры с различным назначением: восточная — для погребения, а западная — для инвентаря. В Двугорбой Могиле (начало 4 в. до н.э.) была осуществлена та же идея, но в более сложной форме. От входной ямы центрального погребения отходило сразу четыре камеры, в западных были амфоры с вином, котел с напутственной пищей, повозка. А восточные были для погребенных. Та же идея воплощена в Бердянском кургане — в виде расположенных рядом ям с катакомбами, направленными в разные стороны. Центральная катакомба с камерой на восточную сторону содержала захоронение «царя», а южная с камерой на западную сторону была предназначена для инвентаря и слуг (Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994).

На основе выявленных закономерностей можно сделать заключение, что традиционным для скифов Северного Причерноморья была следующая схема планиграфии кургана: в центре — основная могила, на одной меридиональной линии с ней, с юга или с севера от нее, боковые впускные погребения. Последующие впускные погребения расположены либо на одной меридиональной оси, либо в восточной половине кургана, а конские могилы — на западной половине кургана. Получается, что курган скифов был разделен идеальной меридиональной осью на две половины: западную, куда уходили души мертвых, и

восточную — обращенную своим выходом к миру живых. А на границе между ними, на меридиональной линии, располагались могилы царя и его свиты.

Теперь рассмотрим другие элементы планиграфии скифского кургана. Многие скифские курганы были обведены кольцевым рвом и по краю рва еще и валом. Центральная часть кургана была окружена дополнительной обваловкой. Все эти конструкции имели, как правило, с восточной и западной стороны два разрыва, так называемые перемычки. Эти входы или выходы зачастую имели незначительные отклонения от географического запада — востока, но они всегда расположены в одну линию с центральной осью основного погребения. В литературе уже неоднократно отмечалось, что длинная ось входной ямы центрального погребения в скифском кургане ориентирована в створ с проходами во рву и находится на одной прямой с ними (Саенко, 1994: 164-167). В соответствии с расположением проходов намечались и места укладки валов выкида из могилы, в котором в соответствующих местах также оставались проходы (Мозолевский, Поллин, 2005: 296). При разметке контура рва, применялся примитивный циркуль в виде веревки и кола (Ольховский, 1991). Некоторая скошенность контуров центральной камеры Соболевой Могилы, объясняется необходимостью коррекции ориентировки ее по перемычкам рва в процессе выкапывания. Мной же замечено, что на этой же линии расположены могилы коней. Длинная ось конских погребений также всегда находится в створе с центральной могилой и перемычками во рву. В некоторых случаях зафиксирована так называемая погребальная дорожка, ведущая от западной перемычки к могиле. Конские могилы расположены именно на этой дорожке.

Если длинная ось центрального погребения была направлена не строго по линии запад-восток, проходы во рвах соответственно смещались, тогда получалась ровно на столько же градусов смещается идеальная меридиональная ось скифского кургана. Например, в Соболевой Могиле и в Желтокаменке перемычки расположены на северо-востоке и на юго-западе. В



Толстой Могиле сохранилась только восточная часть рва, перемишка расположена на северо-западе. Примеров незначительного отклонения от географической оси запад – восток довольно много. С.В.Полин полагает, что это могло быть связано с точками восхода и захода в период строительства погребального сооружения (*Мозолевский, Полин, 2005: 296*).

Около разрывов во рву с западной стороны находят следы поминальной тризны, состоящей из фрагментов амфор и костей животных, среди которых преобладают кости коня. Иногда следы тризны прослеживаются по всему периметру кургана, как например, в кургане Бабина Могила, но все же наибольшее скопление всегда у западной перемишки рва – выхода, ведущего на запад. Получается, что прощальное «кормление души», поминальные тризны происходили на западе. Соответственно мир мертвых для скифов Северного Причерноморья ассоциировался с западной стороной.

Идеальная меридиональная линия в скифском кургане, судя по перечисленным данным, разграничивала два мира. Вот почему впускные погребения в центральную гробницу в скифских курганах вносились в курган по линии север – юг. С северной полы кургана прокапывался длинный до 20 метров дромос, который шел строго по границе, или по нейтральной зоне между двумя мирами и заканчивался входом в центральную камеру. Согласно логике, расположение дромоса строго вдоль меридиональной оси, по своего рода нейтральной полосе не нарушало покой мира мертвых и было наиболее безопасным для мира живых. Такой дромос был проложен в курганах Желтокаменка, Александропольском, Братолюбовском. В кургане Огуз длинный дромос был проложен с юга, но также строго вдоль идеальной «разграничительной» линии. Выявленное в скифских курганах деление кургана на западную – неблагоприятную половину, с воротами в мир мертвых и восточную с могилами родственников, предполагает, что восточная была связана с миром живых.

А меридиональная линия, вдоль которой выстраивались погребенные, была как раз линией разделения двух миров. Именно поэтому было так важно соблюдать этот принцип «перпендикулярности»<sup>4</sup>, чтобы не была нарушена идеальная линия разделения двух миров.

В связи с меридиональным расположением дромосов в скифских курганах, хотелось бы отметить, что и подземные грабительские ходы были также проложены строго по меридиональной линии. Особое внимание уделил этим грабительским ходам С.В.Полин, он близко подошел к тому, чтобы признать их следами ритуальных ограблений, или подобных ритуальных действий, которые позднее использовались для ограблений с целью наживы (*Мозолевский, Полин, 2005: 427-445*). Ю.В.Болтрик и Е.Е.Фиалко в свое время высказывали предположение, что грабительский ход в кургане Чертомлык является «мощным наклонным дромосом» (*Болтрик, Фиалко, 1994: 24-27*). Узвзка планиграфии курганов с бинарной моделью мира скифского общества дает дополнительный аргумент в пользу ритуального характера зачастую необычайно узких и длинных подземных ходов, поскольку они ни разу не нарушили, а очень логично вписываются в него. Эти ритуальные ходы, несомненно, были использованы позднее для ограбления курганов.

Восточная перемишка была направлена в восточную «живую» сторону и, по всей видимости, служила указателем правильного и безопасного подхода к могиле предка во время последующих посещений кургана.

Подводя итог всему отмеченному выше, мы получаем следующую картину. В скифском кургане главные персоны – вожди или цари находились на границе между мертвым миром и миром живых, они образовывали как бы линию с севера на юг. За их плечами находились только кони и конюхи, а перед их взорами располагались их подчиненные или родственники рангом пониже и далее на восток – мир живых людей, где их народ, соплеменники и

<sup>4</sup> Термин принцип «перпендикулярности» применяется П. Шульгой для пазырыкских курганов Горного Алтая (*Шульга, 2003*).



родственники живут. Такая интерпретация планиграфии скифских курганов совпадает с тем, что в религиозных верованиях скифов большое место занимал культ богатыря, вождя, который, как правило, был и основателем племени — первопродком, а также знаменитым богатырем и воином.

В результате длительной дискуссии среди скифологов было установлено, что у скифов царь или вождь племени был в первую очередь воином, а во вторую линию он же был главным жрецом. Таким образом, политическая и религиозная власть была в руках одного и того же человека или одной социальной высокопоставленной прослойки общества. Если развивать эти мысли дальше, то можно понять в какую сторону смотрели скифские каменные изваяния. Скифские каменные изваяния представляют фигуры воинов в полном боевом снаряжении. Они изготовлены из гранита, песчаника или ракушечника и представляют собой изображение грозных властителей. Воины одеты в панцири, снаряжены мечом, кинжалом, боевым топором, луком, колчаном, полным смертоносных стрел. На сегодняшний день в Северном Причерноморье известно 79 статуй (*Ольховский, Евдокимов, 1994*). Но ни одна из них не была найдена в первоначальном положении. Но на фоне изложенной выше интерпретации, с большой долей вероятности можно предполагать, что эти каменные изваяния были обращены лицом на восток и установлены были на самой вершине кургана, как раз на линии раздела между светлым миром живых и темным миром мертвых.

Рассмотрим комплексы с нетипичным расположением конских могил по отношению к могиле «хозяина».

### **Комплексы с захоронениями коней с северной стороны погребения человека, мордами на юг (5 комплексов)<sup>5</sup>**

Все захоронения коней были устроены в дромосах вторичных погребений и

во вторичных входных ямах. Получается, что «нетипичное» расположение конской могилы было во всех случаях следствием необходимости вписываться в существующую планиграфию кургана. В Желтокаменке и в Александрополе подзахоронения внесены в камеры центральных гробниц через длинные дромосы, берущие начало в полах курганов. В Бабиной Могиле в гробнице 2 длинный дромос из пола кургана также приводит в центр кургана, но не соединяется с центральной гробницей, а завершается самостоятельной погребальной камерой. С.В. Полин допускал мысль, что в своеобразии конструкции Бабиной Могилы отражены семейные связи. Первичная гробница содержала погребение женщины. В гробнице 2 были погребены мужчина и женщина равного статуса, т.е. супруг женщины из центральной гробницы с новой супругой (*Мозолевский, Полин, 2005: 319*).

Поскольку конские погребения сопровождали вторичное погребение, то они были расположены в их дромосах и входных ямах, что называется поближе к их «хозяину». Мордами они были ориентированы, как и положено, к могиле «хозяина», в данном случае на юг.

Особо следует отметить особенность впускной северной могилы кургана Огуз. Северная могила находилась к северо-северо-востоку от условного центра кургана. Конструкция погребения состояла из входной ямы, дромоса и камеры. Погребение было разрушено. Камера длинными сторонами была ориентирована по линии СЗ-ЮВ, что свидетельствует, что погребенная женщина пожилого возраста была положена в широтном направлении. Поскольку захоронения коней не характерны для женских погребений (*Бессонова, Кирилин, 1977: 128-140*), то Е.Е. Фиалко пришла к предположению, что кони из северной могилы могли быть упряжными конями повозки (*Фиалко, 1994: 143*).

<sup>5</sup> Бабина Могила. Впускное погребение. 2 коня в дромосе в северо-восточной части кургана (*Мозолевский, Полин, раскопки 1986*); Царский курган «Желтокаменка». Вторичный дромос. 2 коня (*Мозолевский, 1982: 179-181*); Александрополь. Вторичный дромос. 14 коней; Огуз. Северная могила. Три коня во входной яме (*Фиалко, 1994: 122-144*); Великая Знаменка. Курган 2, погребение 3. Вторичная входная яма. 3 коня (*Ковалев, 1981: 50-51*).



### **Комплексы с сопровождающими захоронениями коней, расположенными с южной стороны (2 комплекса)<sup>6</sup>**

Конские могилы, расположенные с южной стороны могилы «хозяина», также все относятся к вторичным впускным погребениям. В кургане Огуз в дромосе (вторичном?), тянущемся с юга на север, было найдено как минимум 11 конских наборов. Из них четыре золотых, три серебряных уздечных гарнитура, одиннадцать седел, и часть нагрудника. К центральному первичному погребению в каменной гробнице относилась конская могила, расположенная к западу от нее на погребальной дорожке. Поэтому находки останков лошадей в дромосе вполне логично сопровождали вторичное захоронение, внесенное в центральную гробницу через длинный каменный дромос, построенный одновременно с центральной гробницей именно для таких целей. Останки еще одного коня были обнаружены в слепом ходе, идущем от входной ямы дромоса на юг, то есть по той же линии, что и сам дромос. Рядом с конем был погребен человек, как полагает Ю.В. Болтрик, «охранник». В кургане 29 Гаймановой Могилы погребение коня было совершено во входной яме впускной могилы. Конь был положен на животе с подогнутыми ногами по меридиональной оси, мордой на север, в сторону камеры с погребенным. Можно утверждать, что с севера и с юга могилы хозяина располагали коней только во впускных погребениях, когда погребение было совершено путем выкапывания дромоса от полы кургана до его центра или же во входной яме впускного погребения. При этом, согласно традиции, кони были всегда ориентированы мордами к могиле хозяина, и располагались вдоль меридиональной оси кургана. Таким образом, это было вынужденной формой отклонения от обряда.

Рассмотрим теперь расположение коней с восточной стороны могилы хозяина.

### **Комплексы с сопровождающими захоронениями коней, расположенными с восточной стороны (7 комплексов)<sup>7</sup>**

В моей выборке насчитывается семь комплексов с расположением конских могил с восточной стороны. Весьма интересным представляется, что во всех случаях, когда это устанавливается, погребенные были ориентированы головой не на запад, как в большинстве скифских погребений, а на восток или на юг. Складывается впечатление, что именно это обстоятельство послужило причиной зеркального расположения конских могил, по сравнению с традиционным. В курганах с «зеркальным» расположением погребенного, конские захоронения, также как и в «нормальных» курганах, расположены в нескольких метрах от могилы хозяина с подогнутыми ногами и также обращены мордами к ней, только в зеркальном положении, в восточной половине кургана.

Рассмотрим их последовательно. Наиболее ярким примером зеркальной планировки является курган Толстая Могила. Насыпь окружена рвом с разрывом в северо-восточной части. Западная часть рва не сохранилась. Центральная могила состояла из прямоугольной входной ямы, ориентированной широтно. В восточной торцевой стене ямы устроен вход в дромос, направленный на восток. Погребальная камера прямоугольной формы была расположена перпендикулярно входной яме и дромосу и ориентирована меридионально. Как удалось установить по остаткам разграбленной камеры, погребенный мужчина был положен на деревянный настил, в вытянутом положении, головой на юг. В восточной стороне насыпи напротив

<sup>6</sup> Огуз. Дромос (вторичный?), 11 конских наборов (Фалко, 1994: 122-144); Гайманова Могила, курган 29, впускное погребение. Входная яма, 1 конь мордой на восток (Ильинская 1973: 53-54, рис. 6, 2; 7).

<sup>7</sup> Толстая Могила, основное погребение (Мозолевский, 1979); Хомина Могила, основное погребение, дромос, два коня; Хомина могила, погребение 2, впускное. (Мозолевский, 1973: 187-235); Шевченко, группа 2, курган 1, основное погребение (Зарайская, Привалов, 1992: 118-160, рис. 4, 5, 1-5); Владимировка, курган 10, основное (Чередниченко, Болдин, 1977: 125-151, рис. 17-18); Стеблев, курган 1, погребение 2 (Скорый, 1997); Братолюбский курган, вторичное погребение в центральную могилу (Kubyshev, 1996: 131-140).



перемычки в обваловке, на одной линии с центральной гробницей и разрывом в обваловке, были расположены одна за другой две конские могилы и три могилы конюхов. Боковая гробница с двумя входами, где были погребены последовательно женщина и двухлетний мальчик, находилась в юго-западной части кургана. Как видно по описанию, по всем конструктивным деталям: кольцевой ров с перемычкой, центральная яма в центре, расположение конских могил напротив перемычки, на одной линии с центральной могилой — это типично скифский курган. Разница лишь в том, что конские могилы находились на восточной половине кургана, а впускная могила наоборот в западной половине. Налицо зеркальная планиграфия.

В кургане 10 у Владимировки конь был положен мордой на запад во входной яме, расположенной с восточной стороны камеры. В камере находился скелет подростка, лежавшего на спине, головой на юг. Два последних комплекса — Стеблев, курган 1, погребение 2 и Братолюбовский курган, вторичное погребение, отнесены к группе с «зеркальной планиграфией», с некоторой долей условности. Могилы коней располагались с восточной стороны, но положение погребенных осталось неустановленным.

Похожая ситуация наблюдается и в кургане Хомина Могила. Прямоугольная в плане входная яма, была вытянута по длине в востока на запад. Гробница была ориентирована длинными сторонами по меридиональной линии и полностью ограблена. Однако меридиональная вытянутость камеры предполагает нетрадиционную ориентировку погребенного головой: на юг или север. В северной и южной стенах входной ямы были устроены подбои для конских погребений. Кони были положены на животе с подогнутыми ногами, мордами на запад, к могиле хозяина. Под курганом обнаружено две впускные могилы. Одна из них расположена была на запад от первой. Налицо та же зеркальная планиграфия кургана. Основной погребенный ориентирован нетрадиционно: кони с восточной стороны могилы хозяина, впускное погребение на западе от основного погребения.

Под насыпью кургана 1 группы 2 у с. Шевченко находились две погребальные конструкции: основная могила, устроенная в центре и конская, расположенная в 1,3 м к востоку от основной. В ней находился ориентированный на запад скелет взнузданного коня, в ориентированной с запада на восток почти квадратной яме с нишей-подбоем в южной стене. В яме были погребены четверо человек. Все они положены на растительной подстилке, вытянуто, на спине, головой на восток. Опять таки налицо нетрадиционная ориентировка головой погребенных, и расположение на востоке конской могилы. В то же время соблюдены обычные для скифских курганов правила — конь направлен мордой к хозяевам и находится «за их спиной».

Феномен курганов с зеркальной планиграфией еще не обсуждался в скифской археологии. Но еще никто не заметил влияние нетрадиционной или «обратной» ориентировки на общий план кургана. Уже сейчас можно исключить влияние внешних этнокультурных связей, поскольку из общей массы перечисленные курганы выделяются только «зеркальной» планиграфией. Они также имеют рвы с перемычками на западе и востоке, также центральная могила расположена в центре кургана, конская могила расположена «за спиной» хозяев, впускные погребения на противоположной половине кургана. Думаю, причиной изменения ориентировки основного погребенного и опрокидывания всего плана кургана, когда впускные могилы и могилы коней должны были тоже менять свое место на обратное, могли быть явления несколько иного плана, такие как причина смерти. У калмыков, например, самоубийцу хоронят, сориентировав его наоборот, поскольку он не закончил положенного ему круга жизни. У кара-калпаков, если семью преследуют несчастья, они переставляют мебель в юрте. Известно, что ориентировка входа в юрту, расположение в ней мебели, разделение ее на зоны, деление ее на мужскую и женскую стороны являются строго каноничными и связаны с представлением о мироздании. Так, данная семья пыталась спрятаться в «зазеркалье» от несчастий.





Таким образом, перечисленные скифские курганы не противоречат погребальным традициям скифов и подчинены тем же планиграфическим правилам, как все остальные курганы.

Вполне возможно, меридиональному принципу были подчинены не только внутрикурганное пространство, но и расположение скифских курганов на местности. При анализе пространственно-временной концентрации курганов скифского времени в Нижнем Поднепровье М. Дараган привела карты расположения насыпей по высоте (*Дараган, 2007, 37-42*). Мной было сразу обращено внимание на карту с курганами высотой 15-21 м, то есть «царских», они расположены также в виде вытянутой цепочки с юга на север в следующем порядке: Огуз, Козел, Солоха, Чертомлык, Нечаева могила, Александрополь<sup>8</sup>. В свете выявленной закономерности о расположении погребений с равным статусом в одну меридиональную линию, факт этот вызывает понятный интерес и требует дальнейшего осмысления. Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко еще в 1994 году подметили, что четыре крупнейших царских кургана: Огуз, Солоха, Чертомлык и Александрополь расположены на одной линии, как они ее назвали «трансскифской магистрали» протяженностью 126 км (*Болтрик, Фиалко, 1994: 24-27*). В таком случае вызывает интерес порядок расположения в меридиональном ряду. Пазырыкские племена

Горного Алтая, обнаруживающие аналогичный меридиональный принцип курганной планиграфии, располагали наиболее важных персон на юге. Вдоль южной стены в деревянных срубах пазырыкской культуры всегда расположено ложе погребенного, северная половина склепа предназначалась для сопроводительного инвентаря, так называемый «хозяйственный отсек». В случаях коллективных погребений взрослый лежит всегда на юге, а севернее, перед ним был положен ребенок. Тот же принцип соблюдался при погребении мужчины и женщины. Женщина всегда находится севернее мужчины. То есть пазырыкцы лежат в одну линию друг за другом с юга на север, младшие «перед очами» старшего. В скифских курганах также все погребения, впущенные в центральную могилу, были впущены с северной стороны, за исключением Огуза. Если этот принцип применить к расположению скифских царских курганов, то три кургана демонстрируют логическую последовательность. Солоха – самый старший курган (конец 5 – начало 4 вв. до н.э), Чертомлык занимает срединное положение (середина третьей четверти 4 в. до н.э), Александрополь наиболее поздний. Нарушает закономерность только Огуз, «пристроенный» с юга. По хронологии он должен занимать место севернее Чертомлыка. Возможно, причина тому явно фракийская ориентированность Огуза.

## Литература

*Бессонова, Кирилин, 1977* – Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифский мир. К., 1977.

*Болтрик, 1980* – Болтрик Ю.В. О конских могилах с материковыми перемычками // Археологическими исследования на Украине в 1978-1979 гг. Днепропетровск, 1980.

*Болтрик, 1987* – Болтрик Ю.В. К вопросу о наиболее позднем хронологическом пласте курганов скифской знати // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч.1.

*Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994* – Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган // РА. 1994. №3.

*Болтрик, Фиалко, 1994* – Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Курганы царей Скифии 4 в до н.э. // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию Б.Н.Гракова. Запорожье, 1994.

*Болтрик, Фиалко, 2005* – Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Роль коня в погребальной традиции скифов

<sup>8</sup> Впервые эту закономерность отметил Ю.В. Болтрик (*Болтрик, 1987: 147*), соотнося эти курганы с меридиональным караванным путем в Скифии (редколлегия).



// Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005.

*Зарайская, Привалов, 1992* – Зарайская Н.П., Привалов А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1992.

*Ильинская, 1973* – Ильинская В.А. Скифская узда 4 века до н.э. // Скифские древности. К., 1973.

*Ковалев, 1981* – Ковалев Н.В. Новая находка узды фракийского типа. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. К., 1981.

*Мозолевский, 1973* – Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе // Скифские древности. К., 1973.

*Мозолевский, 1982* – Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. К., 1982.

*Мозолевский, Полин, 2005* – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса 4 века до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). К., 2005.

*Мозолевский, 1979* – Мозолевский Б.М., Товста Могила. К., 1979.

*Ольховский, Евдокимов, 1994* – Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния 7–3 вв. до н.э. М., 1994.

*Саенко, 1994* – Саенко В.Н. Скифский курган как семиотическая система // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию Б.Н.Гракова. Запорожье, 1994.

*Скорый, 1997* – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К., 1997.

*Череднченко, Болдин, 1977* – Череднченко Н.Н., Болдин Я.И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. К., 1977.

*Фиалко, 1994* – Фиалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. К., 1994.

*Шульга, 2003* – Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

*Kubyšev, 1996* – Kubyšev A. Der Bratoljubovka-Kurgan. Die Grabanlage eines skythischen Nomarchen // Hamburger Beitrage zur Archaeologie. Mainz, 1996.



## ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ СФЕРА КУЛЬТУРЫ В СКИФСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (СЦЕНЫ С УЧАСТИЕМ ХИЩНИКОВ И АНТРОПОМОРФНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ)

Искусство скифского времени известно, прежде всего, по многочисленным изображениям различных животных. Изображения антропоморфных персонажей встречаются гораздо реже и совсем редки изображения, на которых антропоморфные персонажи взаимодействуют с животными, прежде всего, хищниками.

Изображения сцен с участием хищников и антропоморфных персонажей были распространены, как правило, в западных регионах скифского мира. Их можно условно разделить на 4 типа в зависимости от характера взаимодействия персонажей.

### **Тип 1.** Охота с участием собаки.

Этот сюжет представлен на двух изображениях IV в. до н.э.: на чаше из кургана Солоха (Северное Причерноморье), где изображена охота на львов (рис.1, 1) (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986: 158, 159*), и на ажурном колпачке из могильника Тээргэ-III (Тува), где изображена сцена охоты на кабана (рис.1, 2) (*Грач, 1980: 81, рис. 117*).

### **Тип 2.** Охота всадников на хищника.

Представлена несколькими оригинальными изображениями IV в. до н.э. из степного Северного Причерноморья. На чаше из кургана Солоха на одной стороне изображена сцена охоты всадников с собаками на льва (рис.1, 1) (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986: 159*), на другой – сцена охоты всадников на рогатую львицу (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986: 158*).

На парных уздечных бляшках из кургана Огуз изображен всадник на вздыбленном

коне, замахнувшийся на хищника, стоящего у ног коня (рис.1, 3-4) (*Фиалко, 1995: 137, 138, рис.3*). Оружие в руках всадника не обозначено, но вполне можно предполагать, что это копье. Подобное огузским изображением происходит из фракийского комплекса из Луковита в Болгарии (*Фиалко, 1995: рис.7, 2*).

К этому типу можно отнести и сцену, воспроизведенную на навершии из кургана Слоновская Близница: всадник сидит на грифоне, который напал на пятнистого хищника (рис.1, 5) (*Канторович, 1998: рис.1, 1-2*). По поводу интерпретации данного изображения существует немало различных мнений (см. их обзор: Канторович, 1998). В частности, большинство исследователей считает пятнистое животное копытным. Тем не менее, определяющим видовым признаком животного может служить передняя лапа, подогнутая вперед, локтем назад, так как это характерно только для хищников. Близкое по сюжету изображение происходит из кург.1 у с. Дуровка (Среднее Подонье): всадник с поднятой правой (?) рукой сидит на грифоне, который напал на оленя (*Пузикова, 2001: рис.7, 1*).

**Тип 3.** Борьба хищника и антропоморфного персонажа. Представлен тремя вариантами.

**Вариант А.** Борьба мужского персонажа со львом голыми руками.

Архаическое изображение такой сцены помещено на ритоне из Келермесских



курганов в Прикубанье (рис.2, 1) (*Галанина, 1997: кат.41, табл.39, 41*). Изображения IV в. до н.э. представлены серией золотых округлых бляшек из северопричерноморских курганов: Чертомлыка, Чмыревой Могила, Мордвиновского, Шульговки, Верхнего Рогачика, Куль-Обы (*Артамонов, 1961: 79*) и Желтокаменки (*Мозолевский, 1982: 211, рис.37, 21*). На них изображен обнаженный мужчина (Геракл), который опустившись на одно колено и, обхватив правой рукой шею льва, душит его (рис.2, 3-4) (*Мозолевский, 1982: 211, рис.37, 21; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991: кат.212, 29а, рис.75*). Более реалистичное изображение этой сцены происходит из причерноморского кургана Баби-на Могила, где найдены округлые уздечные бляхи с изображением поединка Геракла с немейским львом (*Мозолевский, Полин, 2005: табл.8, 4*). Из этого же комплекса происходит бляшка с изображением поединка Геракла с чербером, выполненная также достаточно реалистично (*Мозолевский, Полин, 2005: табл.8, 3*).

**Вариант В.** Антропоморфный персонаж убивает хищника мечом.

Одна такая сцена изображена на халцедоновой печати, вероятно ахеменидского производства, которая происходит из кург. 2 вблизи с. Покровка Оренбургской обл. (рис.1, 8) (*Смирнов, 1964: 147, рис.16, 26*). Другая – на парных серебряных нашечниках из кургана Огуз в Северном Причерноморье (рис.1, 6-7) (*Фиалко, 1995: 135, рис.1*).

**Вариант С.** Терзание хищником человека.

Такая сцена помещена на боковых выступах ножен меча из кургана Солоха в Северном Причерноморье (рис.2, 6-6а) (*Манцевич, 1969: рис.3; 11*). На бляшках из кург. 5 у с. Архангельская Слобода (Северное Причерноморье) изображен лежащий хищник с повернутой анфас головой, в лапах которого находится человеческая голова (рис.2, 7) (*Лесков, 1981: 140-141, рис.26*). Вполне возможно, что условная сцена нападения хищника на антропоморфного персонажа изображена на конском наноснике из кург.1 некрополя II Тенгинского городища (рис.2, 5) (*Эрлих, 2002: рис.4, 13*).

В верхней части ритона из Уляпского кург. 4 (Прикубанье) воспроизведены

сцены гигантомахии (?); в одной из них изображен маленький хищник с гривой, запрыгнувший бородатому обнаженному мужчине на грудь и кусающий его за шею (рис.2, 2) (*Сокровища курганов Адыгеи, 1985: 33, кат.365*).

Оригинальной, непонятной и потому не отнесенной к перечисленным выше вариантам, представляется сцена на шитке перстня из кург. 4 в ур. Носаки в Северном Причерноморье (рис.1, 9). Согласно В.Г. Петренко, здесь изображен «человек с кувшином перед львиной мордой» (*Петренко, 1978: 62*).

**Тип 4.** Женский персонаж (богиня) с хищниками.

**Вариант А.** Богиня сидит на одном или двух хищниках.

Представлен двумя разновидностями. Первая – изображения на золотых височных подвесках из кургана Толстая Могила (Северное Причерноморье) и кург. 5 (1908 г.) у с. Мастюгино (Среднее Подонье) (рис.3, 5-6) (*Мозолевский, 1979: 135-136, рис.117-118; Манцевич, 1973: 37, рис.11, 2*). В обоих случаях богиня сидит с поднятыми руками – так называемая поза оранты – на двух хищниках. Еще одно подобное изображение происходит из кург.2 у с. Любимовка (Северное Причерноморье) (рис.3, 7) (*Лесков, 1972: 54, ил.21*), но здесь богиня сидит на одном хищнике. Как отметила С.С. Бессонова, такой тип изображения «достаточно выразительно отражает негреческие традиции, связанные с памятниками кавказского круга и луристанскими бронзами», а представленный образ был, вероятно, изначально характерен для иранских народов (*Бессонова, 1983: 92-93*). Похожие подвески найдены и в погр. 3 кург. 10 у с. Великая Белозерка (Северное Причерноморье), однако, здесь богиня сидит на двух баранах, а сзади нее изображены разнонаправленные фигуры сфинксов (*Гуляев, 2005: ил.113*). Еще одно изображение богини между двумя копытными животными (оленьями?) происходит из Александропольского кургана (Северное Причерноморье) (*Бессонова, 1983: 89, рис.12, 2*).

Вторая разновидность представлена изображением на бляшке из кургана Большая Близница (Прикубанье), где



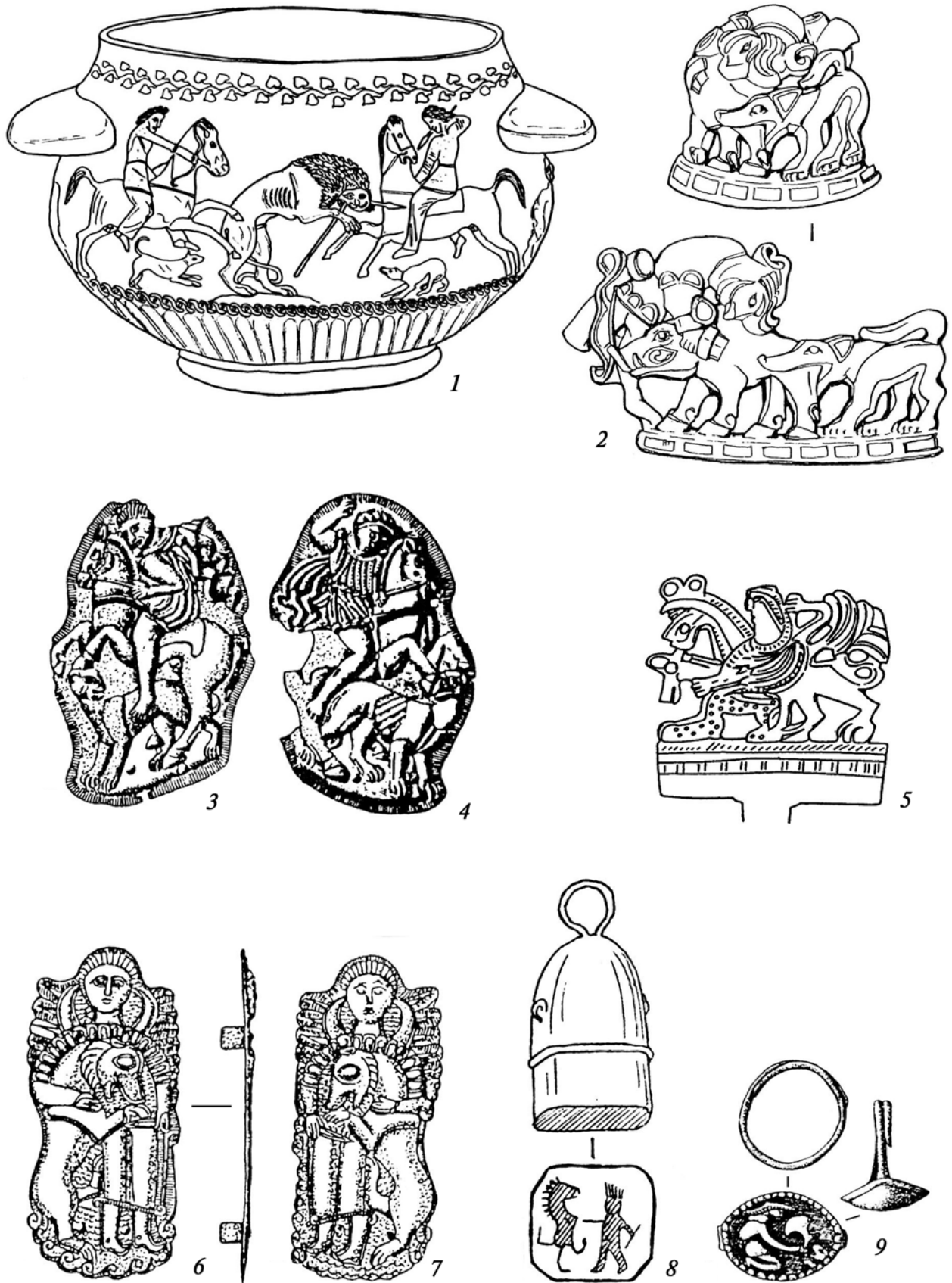


Рис.1.

1 – курган Солоха, Сев. Причерноморье (по: *Piotrovsky., Galanina, Grach, 1986*); 2 – мог-к Тээргэ-III, Тува (по: *Грач, 1980*); 3-4, 5-6 – курган Огуз, Сев. Причерноморье (по: *Фиалко, 1995*); 5 - курган Слоновская Близница, Сев. Причерноморье (по: *Канторович, 1998*); 8 – кург. 2 у с. Покровка, Южное Приуралье (по: *Смирнов, 1964*); 9 – кург.4 в ур. Носаки, Сев. Причерноморье (по: *Петренко, 1978*).



воспроизведена богиня, которая сидит на хищнике, левой рукой держась за него, а в правой держа двуручную чашу (рис.3, 4) (Артамонов, 1966: табл.286). Подобная сцена воспроизведена еще на одной бляшке из кургана Большой Близницы, но здесь богиня сидит на грифоне (Артамонов, 1966: табл.288).

**Вариант В.** Богиня, держащая хищников за лапы.

В одном из секторов зеркала из Келермесских курганов в Прикубанье (рис.3, 3) изображена крылатая богиня, держащая двух львов за передние лапы (Максимова, 1954: рис.1). Близкое по сюжету изображение IV в. до н.э. (рис.3, 2) происходит из погр.1 кург. 11 у с. Старый Мерчик в бассейне р. Северский Донец (Бандуровский, Буйнов, 2000: рис.19, 5).

Композиционно к этому же варианту можно отнести и фигурное изображение женского божества, которое служило ручкой зеркала из Херсонского кургана в Северном Причерноморье (рис.3, 1) (Кузнецова, 1991: рис.14). Здесь на плечах богини расположены два маленьких хищника (собаки или шакалы), которые стоят на задних лапах с повернутой анфас головой.

Из Верхнерогачикского кургана в Северном Причерноморье происходят бляшки, на которых изображена богиня, сидящая с птицей на руке, и собакой, сидящей перед богиней (Онайко, 1970: кат.4936).

Как видим, сцены с участием хищников и женских персонажей резко отличаются по характеру от сцен с участием хищников и мужских персонажей. В первом случае — это мирное сосуществование или даже владычество женского персонажа над хищниками, во втором — смертельное противостояние.

По всей видимости, такое различие было связано, в первую очередь, с символикой образа хищника, одного из самых популярных образов изобразительного искусства почти всех народов скифского мира.

В структуре Вселенной хищные звери, согласно Д.С. Раевскому, соотносятся только с нижним, хтоническим миром (Раевский, 1985: 116-121; см. также: Переводчикова, 1994: 14-15). В различных контекстах,

прежде всего, в оформлении меча и его ножен, хищник выступал символом и главным представителем нижнего мира. Известно, что в индоевропейской мифологической традиции эта часть мира соотносилась с женским началом, олицетворением которого была Богиня Земли. Скифские изображения богини с хищными зверями также можно рассматривать в этом контексте. Изображение, аналогичное упомянутому северопричерноморским и прикубанским изделиям (рис.3, 4-7), происходит из могильника на Тилля-тепе (Афганистан), также связанного с североиранскими народами (Сарианиди, 1983: 77-80). В.И. Сарианиди отметил, что подобный тип изображения богини известен еще на печатях Бактрии эпохи бронзы (1983: 79).

Связь богинь с хищниками подтверждается и наблюдениями С.С. Бессоновой относительно сущности скифских женских божеств, которые были связаны со сферой «дикой природы», стихийными (а потому часто хищными) силами земли (Бессонова, 1991: 92). Возможно, таковой в древности вообще представлялась природа всех женских божеств. Например, этимология древнегреческого теонима «Гера» связана с идеей ярости, страсти, гнева (Казанский, 1989). Гера сама в ряде мифологических сюжетов выступает как богиня безумия (Евзлин, 1993: 238). В связи с этим, на наш взгляд, можно сопоставить как семантически равнозначные изображение хищника с головой человека в пасти из кург. 5 возле с. Архангельская Слобода (Лесков, 1981: 140-141, рис.26) и изображение «змееногой» богини с головой бородатого мужчины в одной руке и ножом в другой (Артамонов, 1961: 66-67, рис.10; Бессонова, 1983: 93-94, рис.19). Ярость хтонической стихии может успокоиться только жертвой (Евзлин, 1993: 268), высшая из которых — человеческая.

С другой стороны, большинство хищников, изображенных в скифском «зверином стиле», также можно определить как сущности женского пола.

На первый взгляд, можно довольно уверенно сказать, что звери, изображенные в скифской стилистической манере, воспроизводились без обозначения определенного пола, поскольку на большей их



части какие-либо явные половые признаки просто отсутствуют. Иное дело изображение скифо-античного круга, происходящие из Северного Причерноморья и Прикубанья. Античная традиция изображения в целом близка к натуралистичности, и именно поэтому в ней, наряду с детализацией, было принято отмечать и признаки пола. Это, прежде всего, касается изображения фаллоса. Именно с этим первичным признаком мужского пола изображены некоторые животные (львы, собаки, кабаны, олени) на античных или скифо-античных предметах IV в. до н.э. Преимущественно это ненавязчивое, неакцентированное изображение, скорее, намек на него. И лишь на двух неантичных изображениях, происходящих с территории скифского мира, воспроизведен фаллос: это свернувшийся хищник из крымского кургана Кулаковского (*Ильинская, Тереножкин, 1983: 109, 114*) и хищник в сцене борьбы из 4-го Семибратнего кургана (*Ильинская, Тереножкин, 1983: 220*). Возможно, оригинальным изображением фаллоса является голова синкретического существа, которая как будто вырастает из паха хищника, изображенного на зеркале из кург. 16 алтайского могильника Юстыд-ХII (*Кубарев, 1991: табл. XXXVIII, 26*). Кроме первичных, вторичным половым признаком можно считать изображение гривы, которую в природе имеют только львы-самцы.

Безусловным признаком женского пола является изображение «вымени». Оно обозначено у 6 хищников, изображения которых также относятся к скифо-античному кругу: на обкладках горитов чертомлыцкого типа, на кубках из Куль-Обы, на рукояти меча из Толстой Могилы и на браслетах из Большой Близицы (*Политович, 2006: 365*). Тем самым мастер, вероятно, специально подчеркивал женский пол отмеченных зверей, что, скорее всего, имело определенное значение в контексте изображения.

Однако все выше обозначенное касается лишь круга изображений, выполненных в античной или скифо-античной художественной манере, тогда как на собственно скифских изображениях определить пол хищников, исходя непосредственно из особенностей их воспроизведения,

невозможно. Хотя в предшествующей художественной традиции, существовавшей в евразийских степях и в Сибири в эпоху бронзы, различных животных и антропоморфных персонажей на стелах и петроглифах изображали, как правило, с четкими признаками мужского пола (*Медоев, 1979: рис.16; 21; 35; 36; 39; Вадецкая и др., 1980: 68; др.*).

Что же касается скифского времени, можно предположить, что мастера исходили «от противного», а потому отсутствие первичных или вторичных признаков мужского пола у животного можно воспринимать как принадлежность его к женскому полу. Следует учесть, что анатомически признаки женского пола являются скрытыми и не выделяются на внешнем строении животного. Подтверждением этого является изображение одной из кобылиц на пекторали из Толстой Могилы, вымя которой показано с внутренней стороны изделия и тем самым «скрыто» от зрителя (*Мозолевский, 1979: 87*). То есть можно предположить, что большинство изображений хищников следует считать особями женского пола. Видимо, не случайно в литературе за хищниками, имеющими преимущественные признаки семейства кошачьих, закрепилось определение «пантера».

Подобное определение пола хищников соотносится с его семантической интерпретацией, поскольку, согласно мифологическим представлениям многих народов, хищник, особенно семейства кошачьих, выступал как символ женской богини. Это, прежде всего, Богиня Земли (богиня-мать) или же родственные ей персонажи, которые, так или иначе, восходили к одному первоначальному. Главным символом и спутником такой богини был именно хищник. Показательными являются переднеазиатские статуэтки энеолитического времени, среди которых представлены женские фигурки с детенышем леопарда на руках и в набедренной повязке с хвостом (*Антонова, 1984: 98*). Львы были связаны с переднеазиатской Иннаной-Иштар, символизируя разрушительную силу этого женского божества (*Антонова, 1984: 175*). Хищные звери также выступали символами плодородия природы, чем объяснялась



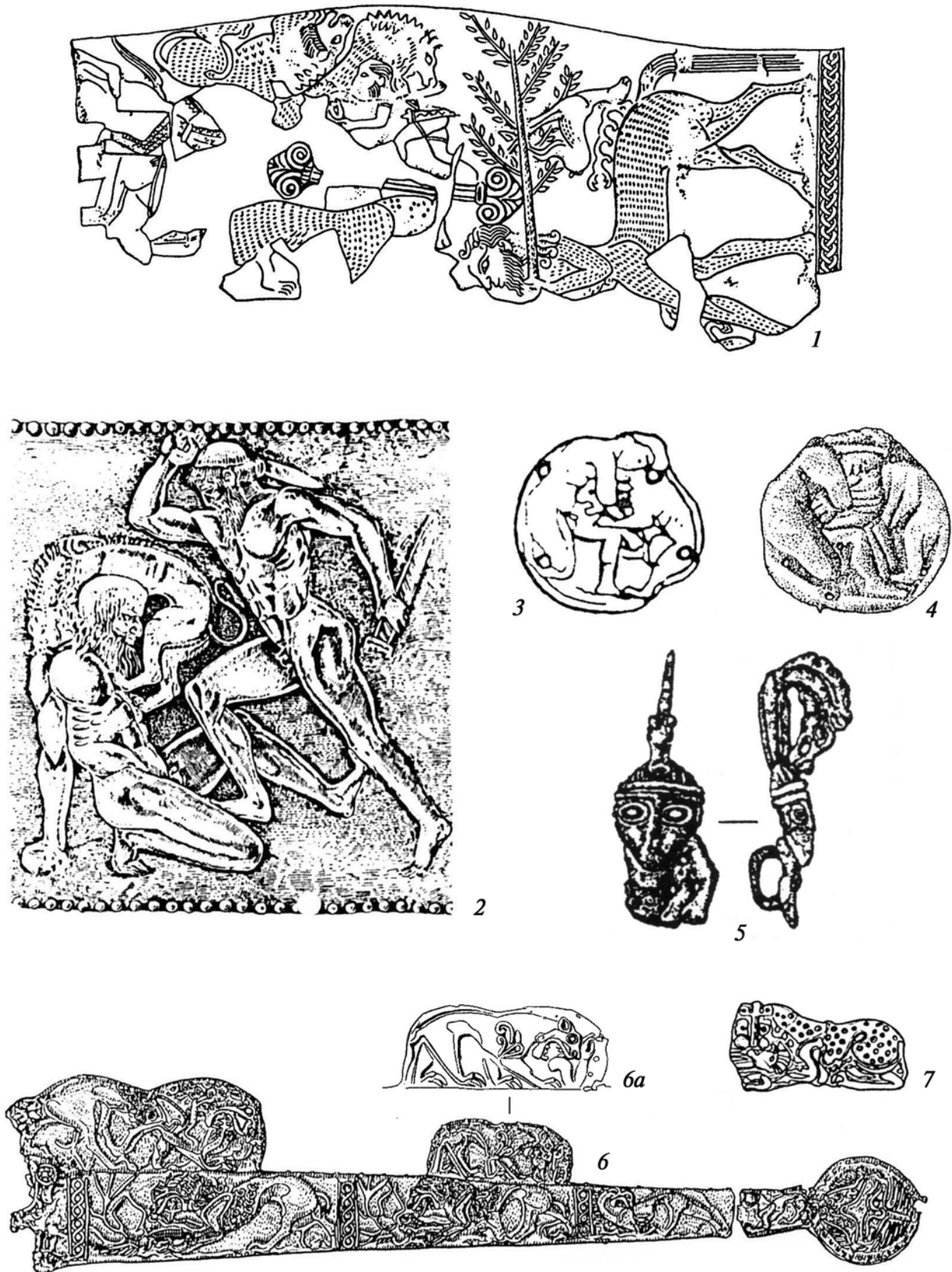


Рис. 2.

1 – Келермесские курганы, Прикубанье (по: Галанина, 1997); 2 – Уляпский кург.4, Прикубанье (по: Соколовица курганов Адыгеи, 1985); 3 – курган Чертомлык, Сев. Причерноморье (по: Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991); 4 – курган Желтокаменка, Сев. Причерноморье (по: Мозолевский, 1982); 5 – кург.1 некрополя II Тенгинского городища, Прикубанье (по: Эрлих, 2002); 6-6а – курган Солоха, Сев. Причерноморье (по: Манцевич, 1969); 7 – кург.5 у с. Архангельская Слобода, Сев. Причерноморье (по: Лесков, 1981).



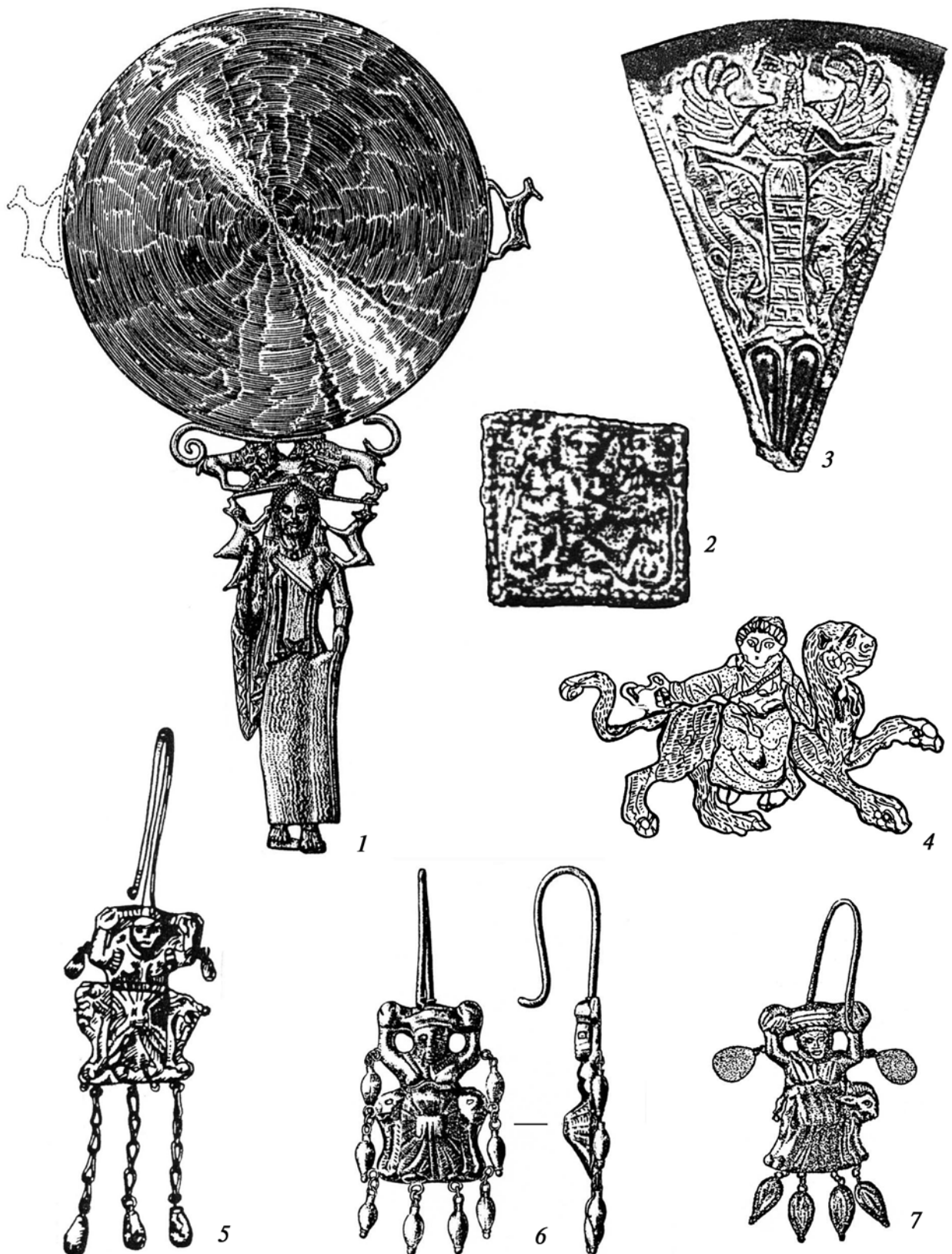


Рис.3.

1 – Херсонский курган, Сев. Причерноморье (по: Кузнецова, 1991); 2 – погр.1 кург.11 у с.Старый Мерчик, Северо-Восточное Причерноморье (по: Бандуровский, Буйнов, 2000); 3 – Келермесские курганы, Прикубанье (по: Максимова, 1954); 4 – курган Большая Близница, Прикубанье (по: Артамонов, 1966); 5 – кург.5 (1908 г.) у с.Мастюгино, Среднее Подонье (по: Манцевич, 1973); 6 – курган Толстая Могила, Сев. Причерноморье (по: Мозолевский, 1979); 7 – кург.2 у с. Любимовка, Сев. Причерноморье (по: Лесков, 1972).



их связь с женскими божествами. В индоевропейской традиции с женским началом соотносились, прежде всего, хищники семейства кошачьих — лев, леопард (*Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 500*). Хищник являлся спутником и символом также и древнеиранской богини земли и плодородия (*Снесарев, 1969: 256-258*).

В литературе скифскую богиню, изображенную вместе с хищниками, принято называть Хозяйкой зверей. Однако применение такого названия относительно этого образа, на наш взгляд, очень сужает возможный круг функций божества, которое с ним соотносится. С.С. Бессонова приводит обширный круг аналогий этому образу, благодаря которому он может быть отнесенным к классу богинь плодородия, для которых заступничество над дикими зверями было лишь одной из ее функций (*Бессонова, 1983: 81-93*). О Великой богине, почитавшейся местным населением Северного Причерноморья, говорит И.Ю. Шауб (*Шауб, 1999; 2007*).

Сцены с участием мужского персонажа и хищника основаны на их открытом смертельном противостоянии. При этом, победа могла изображаться обоюдной: в одних случаях повержен человек, остатки которого терзает хищник (рис.2, 5-6), в других — предрешена судьба хищника (рис.1, 1, 3-8; 2, 1, 3-4).

К раннескифскому времени относится только одно изображение сцены противоборства героя-мужчины и хищника, воспроизведенное среди других сцен на ритоне из Келермесских курганов (рис.2, 1). Ритон в скифском мире — предмет мужской, воинской культуры, мужской символ (*Галанина, 1997, с.148*), и появление подобной сцены в сочетании с иными эпическими и ритуальными изображениями (см. рис.2, 1) на таком предмете вполне закономерно. Подробное исследование келермесского ритона, проведенное М.И. Максимовой, показало тесную связь общего замысла всего декора со скифской идеологией (*Максимова, 1956*). На отдельно выделенном поле на ритоне было изображено крылатое божество в позе «колелопреклоненного бога», держащее за передние правые лапы двух грифонов (*Галанина, 1997: табл.39, 41*).

Иконография божества непонятна из-за повреждений, но, как отметила С.С. Бессонова (*1983: 86*), грифоны почти никогда не изображались вместе с «Владычицей зверей». Напротив, в греко-восточном искусстве известен образ «Владыки зверей» (*Бессонова, 1983: 86, рис.10*). Известен этот персонаж и по скифским изображениям — из кургана Шахан в Прикубанье (*Манцевич, 1966: 34-35, рис.7, 11; Бессонова, 1983: 86, рис.9, 2*) и погр. 2 кургана Соболева Могила в Северном Причерноморье (*Мозолевский, Полин, 2005: 178-179, рис.98, табл.16-17*). В первом случае изображение было воспроизведено на золотой обкладке деревянного сосуда, во втором — на ажурной пластине, входившей в комплекс оформления горита, т.е. в обоих случаях они были связаны с предметами мужской сферы культуры.

Таким образом, келермесский ритон четко обозначил мужскую линию скифской культуры, существовавшей фактически параллельно женской (см. также об этом: *Бессонова, 1991*).

В VI–V вв. до н.э. мужская линия в изобразительном искусстве практически не проявлялась. Исключение составляет изображение на халцедоновой печати из кург. 2 у с. Покровка (рис.1, 8), попавшее в Южное Приуралье из Ахеменидского Ирана. И только в IV в. до н.э. в Северном Причерноморье и Прикубанье распространились изображения сцен противостояния мужского персонажа и хищника (прежде всего, львов). Это сцены охоты (рис.1, 1, 3-5), рукопашной схватки (рис.2, 3-4) и поражения хищника мечом (рис.1, 6-8).

Изображения сцен рукопашной схватки все исследователи признают заимствованными из античного искусства и рассматривают как схватку Геракла с немейским львом. Однако, хотя этот сюжет и был производным из античной мифологии и иконографии, он, тем не менее, был органически включен в «ткань скифского мифологического осмысления мира», поскольку выражал понятную и актуальную для местного населения идею (*Граков, 1950; Раевский, 1985: 164-165*). По мнению Д.С. Раевского, существовал строгий отбор популярных в Скифии мотивов греческой мифологии (*Раевский, 1985: 164*). В частности,



из всего богатства изобразительных сюжетов, связанных с Гераклом, одним из самых популярных греческих героев, использовались только некоторые: борьба со львом и, возможно, со змеями (там же), а также — с цербером (*Мозолевский, Полин, 2005: табл.8, 4*). Б.Н. Граков по этому поводу отметил семантическое единство всех воплощений мотива борьбы героя со львом, одинаковое восприятие их как связанных с местными мифами (*Граков, 1950: 14*). Тогда же, в IV в. до н.э., распространяются изображения сцен борьбы и с другими хтоническими существами (*Бессонова, 1977: 17-20*).

В восточных регионах скифо-сарматского мира появляются изображения сцен охоты на иное хтоническое животное — кабана. Это изображения из могильника Тээргэ-III в Туве (рис.1, 2), из сибирской коллекции Петра I (*Руденко, 1962: табл.IV, 5*), а также сарматских памятников — погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье и погр. 1 кург. 4 могильника Вербовский-II на Дону (*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993; Трейстер, 1994; Мамонтов, 2004; Сергацков, 2006*). Данные сцены находят параллели в

знаменитом сюжете калидонской охоты на кабана в античной мифологии, а также в охоте на кабана, приводящего своих преследователей в потусторонний мир, в кельтской мифологии (*Мифы народов мира: 635*).

Можно предположить, что спрос на подобные изображения, возросший в скифском мире в IV в. до н.э., обозначил переломный момент в мировоззрении североиранских народов, когда, по выражению Е.В. Антоновой, «хтоника уступила место героике» (*Антонова, 1984: 22*).

Изображение противоборства мужского персонажа и хищника немногочисленны, но довольно показательны. Благодаря им как бы разрывался круг покорности всего сущего перед смертью, перед хтоническими силами, торжество которых выражалось в сценах нападения и терзания, и вместе с тем появилась тема борьбы с этими силами и победы над ними (*см. Раевский, 1985: 165*). Тем самым рядом с сугубо мифологической темой кругооборота жизни и смерти (сцены нападения и терзания, наиболее полно выраженные на пекторали из кургана Толстая Могила) появилась эпическая тема преодоления смерти.

## Литература

*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991* — Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К., 1991.

*Антонова, 1984* — Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

*Артамонов, 1961* — Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып.2.

*Артамонов, 1966* — Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966.

*Бандуровский, Буйнов, 2000* — Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). К., 2000.

*Бессонова, 1977* — Бессонова С.С. Образ собакоптах у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи // Археологія. 1977. Вип.23.

*Бессонова, 1983* — Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.

*Бессонова, 1991* — Бессонова С.С. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере у скифов //

Духовная культура древних обществ на территории Украины. К., 1991.

*Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980* — Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.

*Галанина, 1997* — Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

*Гамкрелидзе, Иванов, 1984* — Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка протокультуры. Том II. Тбилиси, 1984.

*Граков, 1950* — Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

*Грач, 1980* — Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

*Гуляев, 2005* — Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.

*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993* — Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погреб-



- бение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Евзлин, 1993* – Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.
- Ильинская, Тереножкин, 1983* – Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. К., 1983.
- Казанский, 1989* – Казанский Н.Н. К этимологии теонима Гера // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
- Канторович, 1998* – Кантарович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (стилистика и семантика) // РА. 1998. № 4.
- Кубарев, 1991* – Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кузнецова, 1991* – Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991.
- Лесков, 1972* – Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
- Лесков, 1981* – Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.
- Максимова, 1954* – Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Том XXI.
- Максимова, 1954* – Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Том XXV.
- Мамонтов, 2004* – Мамонтов В.И. К вопросу о сарматской торевтике // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археол. конф. Тез.докл. Волгоград, 2004.
- Манцевич, 1966* – Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. Вып.8.
- Манцевич, 1969* – Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150. М., 1969.
- Манцевич, 1973* – Манцевич А.П. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Гос. Эрмитажа // АСГЭ. 1973. Вып.15.
- Медоев, 1979* – Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка. Мангышлак. Алма-Ата, 1979.
- Мозолевский, 1979* – Мозолевский Б.М. Товста Могила. К., 1979.
- Мозолевский, 1982* – Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. К., 1982.
- Мозолевский, Полин, 2005* – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). К., 2005.
- Онайко, 1970* – Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–27. М., 1970.
- Переводчикова, 1994* – Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
- Петренко, 1978* – Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4–5. М., 1978.
- Полидович, 2006* – Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 3. Донецк, 2006.
- Пузикова, 2001* – Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Раевский, 1985* – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Руденко, 1962* – Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д 3–9. М.
- Русяева, 1979* – Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979.
- Сарианиди, 1983* – Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сергацков, 2006* – Сергацков И.В. Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. до н.э. // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Междунар. науч. конф-ция, посв. 75-летию со д.р. Г.А.Федорова-Давыдова. Тез. докладов. М., 2006.
- Смирнов, 1964* – Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Снесарев, 1969* – Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сокровища курганов Адыгеи, 1985* – Сокровища курганов Адыгеи. Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ, 1961–1963. Каталог выставки / Лесков А.М. и др. М., 1985.
- Трейстер, 1994* – Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1.
- Фиалко, 1995* – Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1.
- Шауб, 1999* – Шауб И.Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3.
- Шауб, 2007* – Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- Эрлих, 2001* – Эрлих В.Р. Святилище IV в. до н.э. некрополя II Тенгинского городища // Третья Кубанская археологическая конференция. ТД МАК. Краснодар-Анапа, 2001.
- Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986* – Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986.



## О ЛОЖНОЙ И НАСТОЯЩЕЙ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНОСТЕЙ ТИПА НИЖНЕГО ГОРИЗОНТА ЛАБЕНЩИНЫ

В постчернобыльский период активно исследуются древние городища бассейна Березины-Днепровской. Несмотря на это, их культурно-хронологическая интерпретация — едва ли не самый проблемный вопрос в современной археологии старшей эпохи железа Беларуси. Впрочем, за последние 10-12 лет неоднократно объявлялось, что эти памятники, как правило, однослойные, ещё также и однокультурные. М.И. Лошенко относит все такие городища бассейна Березины, притом одинаково как верхней и средней, так и нижней, к одной-единственной культуре — штрихованной керамики. По его мнению, эта культура, если судить по замечанию в отношении Петрович, была там автохтонной. Возникновение этого, как и всех других таких березинских городищ, приурочено им ко второй половине или к концу III в. до н. э. (*Лашанкоў, 1994: 123; 1997: 152*). Эти же соображения М.И. Лошенко пытается распространить на обширную территорию вне бассейна Березины. Заодно с березинскими им упоминаются городища Мысли близ истока Немана, Ивань на верхней Случи, Сорочи на средней Орессе, а также Милоград на Днепре (*Лашанкоў, 1994: 152-154; 2001: 166*).

Ключевое значение в данном случае имеет хронология, поэтому к ней сразу и обратимся. Она несомненна у М.И. Лошенкова в той своей части, где им воспроизводятся опубликованные датировки, например, бронзовых очковидных подвесок,

железного кельта, стеклянных бус (*Егорейченко, 1993: 41-42*). Но ведь, согласно А.А. Егорейченко, сочетание дат золочёной античной бусины и типичного зарубинецкого кельта позволяет отнести занятие городища Ивань носителями культуры штрихованной керамики ко времени не ранее середины, или даже, как было уточнено, второй половины I в. до н.э. (*Егорейченко, 1996: 23*). М.И. Лошенко сама интерпретация этих датировок почему-то была оставлена без внимания. Для появления «штриховиков» на Березине, Случи и Орессе им была избрана гораздо более ранняя дата, по крайней мере, конец III в. до н. э. Источник этой датировки, впрочем, можно предположить, ведь, согласно А.Г. Митрофанову, как раз не позднее III в. до н. э. должно было возникнуть Августовское городище, отнесённое им к группе самых первых городищ штрихованной керамики в средней Беларуси (*Митрофанов, 1978: 15*).

Но эту дату М.И. Лошенко пытается обосновать целиком самостоятельно, прежде всего, с помощью двух наконечников стрел. Один, ранее не издававшийся, происходит из раскопок Л.Д. Поболья на городище Дмитровичи (*Поболь, 1987: 9, рис. 21, 7*). Второй, уже опубликованный, был найден А.В. Ильютик на городище Чижуха (*Лашанкоў, 1997: рис. 1, 7*). Оба эти наконечника представляют собой железные пластинки, почти одинаковые не только по форме и размерам, но даже по характеру повреждений (рис. 1, 27-28). Характерно



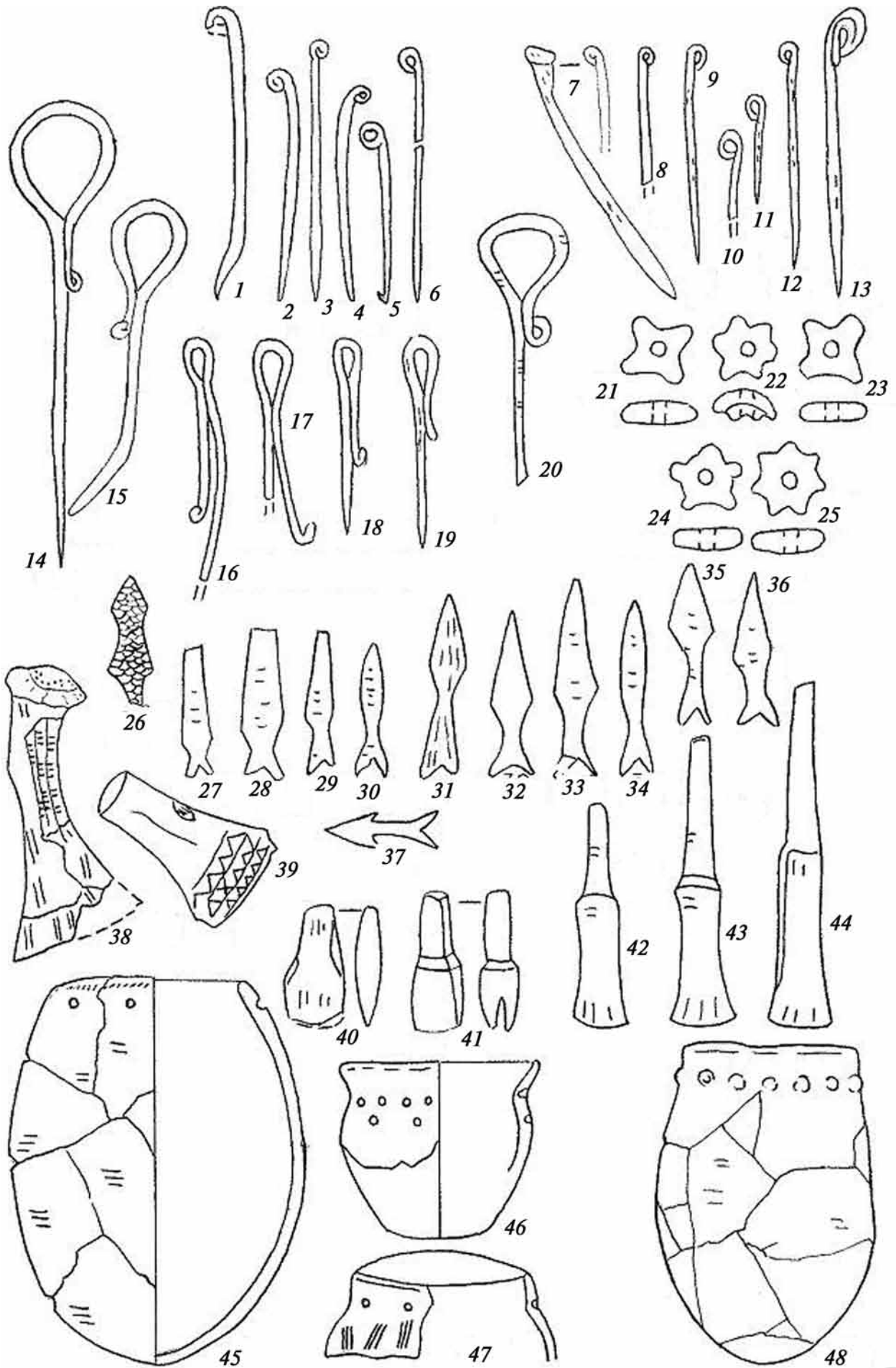
расщеплённые черешки, на первый взгляд, упрощали выбор их аналога. Датируя их не позднее III в. до н. э., М.И. Лошенко указывает, прежде всего, находку из раскопок В.И. Сычёва на городище Любны (*Лашанкоў, 1997: 152; Лашанкоў, Сычоў, 1993: рис. 1, 9*). С ней, кстати, связана одна довольно забавная история. Во время устного отчёта о своих раскопках на заседании тогдашнего Сектора археологии В.И. Сычёв рекомендовал эту находку как... ритуальный железный предмет в виде рыбки (рис. 1, 29). Впервые в качестве наконечника стрелы, снабжённого шипами за счёт своего раздвоенного черешка она была определена, по-видимому, нами (*Рассадин, 1991: рис. 23*). По мнению М.И. Лошенко, железные пластинчатые наконечники стрел с раздвоенными черешками датируются, в общем, IV–II вв. до н. э. Этими же рамками им в целом ограничивается существование городища Любны (*Лашанкоў, Сычоў, 1993: 39, рис. 1, 9*). Итак, стрелки с раздвоенными черешками будто бы получают довольно важное хронологическое значение, поэтому рассмотрим их внимательнее.

М.И. Лошенко правильно сгруппированы не только сами эти наконечники, но и образцы для абсолютной их датировки по сравнительно-типологическому методу. Во-первых, им предложено различать имеющие подтреугольную, как в Дмитровичах и Чижаве, головку, и листовидную, как в Любнах. Во-вторых, их аналоги подразделяются у него на южные и северные. В-третьих, отмечены некоторые территориальные различия. Действительно, если на Дону и в Приуралье такие наконечники имеют подтреугольные головки, то на Смоленщине в Посеймье – и подтреугольные, и листовидные (рис. 1, 31–36). Делается вывод, что любенская «рыбка» ближе к смоленской серии. Но дальше логика почему-то нарушается, и М.И. Лошенко пытается датировать этот наконечник не по смоленским, а по среднедонским образцам наконечников стрел скифских типов IV–III вв. до н. э., согласно А.И. Мелюковой (*Лашанкоў, Сычоў, 1993: 33*). Но в связи с ними ни о каком III в. до н. э. речи больше идти не может, поскольку это столетие уже полностью исключено

из хронографии Большой Скифии, так как её верхний временной рубеж, согласно новым данным, пришёлся на конец IV в. до н. э. (*Алексеев, 1996: 41–42*). Как выяснилось, вне пределов малых Скифий в Крыму, на нижних Днепре и Дунае просто-напросто отсутствуют скифские комплексы, которые датировались бы только III в. до н. э. Однако полвека назад А.И. Мелюкова ещё исходила из другого представления и писала о широком распространении скифских железных наконечников стрел как в IV, так и в III вв. до н. э. (*Мелюкова, 1964: 29*). Правда, уже довольно давно известно, что железные наконечники стрел с раздвоенными черешками происходят из более ранних комплексов. Так, погребение № 3 Ново-Никольского раннепрохоровского могильника с парой аналогичных находок датировано Г.М. Мошковой не суммарно IV–III, а только IV в. до н. э. (*Мошкова, 1974: 13, рис. 2: 5, 6*). Известно, что устаревшая хронология раннескифских бронзовых наконечников стрел, по А.И. Мелюковой, уже подверглась пересмотру в сторону удреждения (*Полін, 1987: 17–36*). Видимо, то же ожидает и железные позднескифские.

В специальной публикации о находках вещей скифских типов из Беларуси любенский наконечник вообще не упоминается (*Рассадин, 1992: 61–74*). Не был включён в сводку этих находок также и наконечник, найденный К.П. Шутом на днепродвинском городище Кубличи (*Шут, 1969: 281, рис. 7: 9*). Между тем он совершенно однотипен происходящим как со смоленских, так и с березинских городищ (рис. 1, 29). Как для дмитровичского и чижавского, так и любенского наконечников более вероятным, чем скифское, представляется днепродвинское происхождение. Е.А. Шмидтом, на которого, кстати, и ссылается М.И. Лошенко (*Лашанкоў, Сычоў, 1993: 33*), специально подчёркивалось следующее. Во-первых, что на городищах днепродвинской культуры наконечники именно скифских стрел вообще не найдены. Во-вторых, что наиболее характерными для неё являются железные листовидные с черешками типа ласточкина хвоста. И что они, в-третьих, воспроизводили форму более ранних костяных, тоже очень свойственных днепро-





двинской культуре (Шмидт, 1992: 86, 133, табл. 1, 22, табл. 18, 2-7, 9, 11) (рис. 1, 31). Кстати, по наблюдению В.И. Шадыро, некоторые костяные стрелы по форме подражают, в свою очередь, кремнёвым (Шадыро, 1985: 48, рис. 28, 4). И в самом деле, там же, в Подвинье, на торфяниковой стоянке Осовец-7 обнаружен черешковый наконечник стрелы с уже намечающимися боковыми шипами (Чарняўскі, 2003: мал. 1, 1) (рис. 1, 26).

Для таких же, как и на Смоленщине, наконечников, подтреугольных и листовидных, найденных на городище Кузина Гора на Сейме, А.Е. Алихова, на которую М.И. Лошенко, кстати, тоже сослался, также указывались не скифские, а ещё предскифские прототипы, и также из кости (Алихова, 1962: 105, рис. 10: 8, 9). Среди костяных наконечников стрел из Суботовского городища действительно имеются экземпляры с раздвоенным основанием (Тереножкин, 1961: рис. 66, 2, 3). Впрочем, костяные наконечники стрел дьяковской культуры 24-го типа (ланцетовидные с полулунным завершением черешка), по мнению К.А. Краснова, наоборот, являлись подражением скифским железным IV–III вв. до н.э. (Дьяковская культура, 1974: 32, табл. 1, 30, 31). Но, если с этим согласиться, придётся допустить, что пластинчатые наконечники стрел были изобретением поздних скифов, а мы знаем, что это не так. Бронзовый наконечник стрелы с раздвоенным черешком представлен, например, среди находок XII–VII вв. до н.э. на поселении ранней кобанской культуры в Сержень-Юрте (Стени..., 1989: табл. 101, А, 33) (рис. 1, 37). Итак, вряд ли удастся точно определить как время появления идеи делать наконечники стрел именно такими, так и самого позднего её воплощения — в

железе. Последнее вполне могло произойти и раньше III в. до н.э. Кстати, на городище Чижаха такой наконечник был найден в предматериковом слое, вместе с милоградской по облику керамикой (Ильютин, 1998: 29).

Но такую же дату, III в. до н.э., М.И. Лошенко попытался обосновать и по булавам с кольцевыми завитками. Они на березинских городищах в основном железные, но изредка сделаны также из бронзы (рис. 1, 7-9). «Іх шматлікія аналагі на поўдні, — пишет М.И. Лошенко, — ...не выходзяць за межы III ст. да н.э.» (Лашанкоў, 1997: 153, мал. 1, 10-12). Чтобы убедиться в ошибочности этого утверждения, достаточно обратиться к двум таблицам, изданным В.Г. Петренко, на которые ссылается М.И. Лошенко. Настаивая только на III в. до н.э. прежде всего для бронзовых булавок, он, однако, указал однотипные им, но всё же железные: с селища Лихачёвка, а также с Каменского городища и из Кирова (рис. 1, 5, 6). В обеих этих таблицах названные булавки показаны среди находок IV–III вв. до н.э. (Стени..., 1989: табл. 41, 55, табл. 42, 38, 39). Бронзовые же булавки со свёрнутыми в петлю головками датированы В.Г. Петренко гораздо более ранним временем, а именно VII–VI вв. до н.э. (Стени..., 1989: табл. 41, 6, 7). Обойдённые М.И. Лошенко, они как раз и требовали внимания ещё и потому, что обе эти булавки, с городища Леплявы и с Жаботинского поселения, довольно близки по форме к найденной им самим в Петровичах, между прочим, как раз бронзовой булавке (рис. 1, 3, 4). Таким образом, при полном, а не выборочном использовании хотя бы одних скифских аналогов получается, что та же петровичская булавка из бронзы с петлёй вместо головки вполне может быть гораздо старше III в. до н.э., на

### Рис. 1. Находки на памятниках типа нижнего горизонта Лабенщины и их аналоги.

1 — Погребы, 2 — Козинцы, 3 — Леплявское городище, 4 — Жаботин, поселение, 5 — Каменское городище, 6 — Кирово, 7-9 — Петровичи, 10, 38, 42, 46 — Лабенщина, 11 — Язно, 12, 29, 47 — Кубличи, 13, 43 — Кашеличи, 14 — Деревянное, 15 — Корост, 16 — Щатково, 17 — Палицкое, 18, 19, 28 — Чижаха, 20 — Бураково, 21 — La Ciurea, 22 — Малышки, 23, 27 — Дмитровичи, 24 — Лысуха, 25 — Кострица, 26 — Осовец-7, 30 — Любны, 31 — Холмец, 32, 34 — Демидово, 33 — Федотково, 35-36 — Кузина Гора, 37 — Сержень-Юрт, 39 — Мстиславль, 40 — Замошье, 41 — Горани, 44 — Девички, 45 — Горошков, 48 — глазковская культура (26, 40 — камень, 31, 38-39, 41 — кость, 21-25, 45-48 — керамика, 1-4, 9, 14-18, 37 — бронза, остальное — железо).





котором, как на нижней её дате, безуспешно настаивал М.И. Лошенко. Потому что кроме раннескифских, аналогичные, если не сказать идентичные, этой петровицкой хорошо представлены также и среди ещё более ранних булавок лебедовской культуры позднего бронзового века (*Березанская, 1976: 210, рис. 2, 25-27, рис. 7, 25*) (рис. 1, 1, 2). Впрочем, такие булавки известны и в эпоху средней бронзы (*Gedl, 2003: рис. 7, 2*).

«Такіх шпілек, — пишет далее М.И. Лошенко, — на помніках цэнтральнабеларускага арэала культуры штрыхавнай керамікі няма» (*Лашанкоў, 1997: 153*). И это, опять же, совершенно неверно, если учесть опубликованную А.Г. Митрофановым железную булавку из верхнего горизонта Лабенщины, относящегося как раз к этой культуре (*Митрофанов, 1978: 21, 29*) (рис. 1, 10). Гораздо в большем количестве железные булавки с такими же элементарно кольцообразными навершиями представлены, кроме средней, в северной Беларуси, на многих памятниках западновинского локального варианта днепродвинской культуры. На основании многочисленных аналогов из Прибалтики, Смоленщины, Волго-Окского междуречья В.И. Шадыро предлагает датировать этот тип днепродвинских железных булавок концом I тысячелетия до н.э. — началом нашей эры (*Шадыро, 1985: 63, рис. 38, 18-24*) (рис. 1, 11, 12). А.М. Медведев булавку этого же типа из городища культуры штрихованной керамики Кашеличи по находкам в слое, где она найдена, предлагает датировать I—II вв. н.э. (*Медведев, 1996: 28, рис. 48, 2*) (рис. 1, 13). Итак, вполне очевидно, что вряд ли имеется достаточно оснований для ограничения III в. до н.э., как верхним хронологическим пределом, бытования того же самого примитивного типа железных булавок не только в бассейне Западной Двины, но и Березины. Надо полагать, что, по крайней мере, часть из них на самом деле связана с теми материалами березинских городищ, которые синхронны не нижнему, а верхнему горизонту Лабенщины.

Датировка березинских городищ по М.И. Лошенкоу целиком была воспринята А.В. Ильютик (*Ильютик, 1998: 29-30*). Дополнительно ею упоминается ещё

«милоградский пятирожковый грузик» из городища Лысуха, датируемый, по её мнению, второй половиной I тыс. до н.э. (*Ильютик, 1994: 196, рис. 2, 7*). М.И. Лошенко так называемые «рожковые» грузики пытался датировать более определённо: «ранним этапам милоградской культуры — VI—IV ст. да н.э., а магчыма і больш ранняй парой» (*Лашанкоў, 1989: 76, рис. 1, 1-14*). Но ведь эти незамысловатые глиняные изделия были найдены не только на восточнополесских милоградских, но и на березинских городищах, таких как упомянутая Лысуха, а также Дворище и Дмитровичи (*Ильютик, 1996: 156, рис. 6, 1*) (рис. 1, 23, 24). Налицо противоречие между представлениями о хронологии городищ и датировке найденных на них же грузиков. Однако данное недоразумение всё же легко исправить, поскольку «рожковые» грузики на самом деле вряд ли возможно датировать сколько-нибудь определённо. Они снова во множестве были найдены, например, на полесских поселениях тшинецко-комаровской культурной общности II тыс. до н.э. (*Охрименко, Гусаревич, 2003: рис. 8, 1, 4-9*). С другой стороны, такой же крестовидный грузик обнаружен на городище Кашеличи культуры штрихованной керамики, где самый ранний горизонт не был, согласно А.М. Медведеву, старше I в. до н.э. (*Медведев, 1996: 36, 46, рис. 73, 3*).

Однако, помимо грузиков, тем же III в. до н.э. А.В. Ильютик попыталась датировать и часть керамики некоторых березинских городищ, а именно венчики CS 2:1 и CS 2:2, по её классификации (*Ильютик, 1998: 27, табл. 3-4*). Аналогом послужили милоградские венчики из постройки на Борховском городище. Её О.Н. Мельниковская действительно отнесла к III в. до н.э., потому что так датируется, якобы, найденная там же посоховидная булавка с перекрученным стержнем (*Мельниковская, 1967: 91, 107, рис. 37: 13, 47: 19, 21*). Однако она не бронзовая, а железная, и вдвое короче найденной на Басовском городище, но не в комплексе, а просто в слое. Он был широко датирован В.А. Ильинской — VI—III вв. до н.э., а среди находок IV—III вв. до н.э. данная булавка ею даже не упоминается (*Іллінська, 1952: 40, табл. 1, 31*). Найденная в



Борхове булавка гораздо ближе не к скифской, а к днепродвинской из Кострицы, которую В.И. Шадыро помещает среди железных днепродвинских булавок первых веков н.э. (*Шадыро, 1985: 64-65, рис. 38, 7*). То, что таблицу венчиков, сгруппированных О.Н. Мельниковской соответственно трём выделяемым ею этапам милоградской культуры, нельзя использовать как определитель, нами в своё время было показано на примере городища Ястребка (*Рассадин, 1989: 11*). Это подтвердилось снова, когда, как заметила А.В. Ильютик, милоградские аналоги одних и тех же березинских венчиков у О.Н. Мельниковской датируются I в. до н.э. — I в. н.э., а у М.И. Лошенкова — только III в. до н.э. (*Ильютик, 1998: 27*). Интересно, что М.И. Лошенко основывается, в общем, на той же самой таблице О.Н. Мельниковской, но со своими поправками. Особенно повлияла на них ещё одна находка булавки, аналогии которой также происходят из окрестностей украинской Басовки. «Рассматриваемая бронзовая булава с городища Ястребка является надёжным репером для определения раннего времени памятника V в. до н.э. Попытка же С.Е. Рассадина продатировать её IV—III вв. до н.э. не убедительна» (*Лошенко, 1993: 47*). Этим автором нам уже неоднократно приписывалось то, чего нет на самом деле. Как не было, например, и упомянутой «попытки» на указанной им странице, где единственный раз во всём автореферате нашей кандидатской диссертации упомянута та самая ничем не примечательная булава, вернее, общепринятая датировка её скифских аналогов: «...гвоздевидные из Горошкова, Козинцев, Милограда, Погребов, Чаплина, Ястребки — VI—III вв. до н.э. (по В.Г. Петренко)» (*Рассадин, 1989: 9*). Поскольку хронологию керамики березинских городищ пытаются установить по датировке Ястребки, а её, в свою очередь, по дате обломанной булавки, придётся остановиться на ней подробнее. Мы исходим из того, что время возникновения прототипа и время бытования аналогов нередко не совпадают. Например, подковообразные фибулы появляются ещё в скифскую эпоху, но продолжают использоваться вплоть до этнографической современности.

Бронзовые булавки с коническими, как у ястребской, головками известны от эпохи бронзы по средневековье включительно (*Эпоха бронзы..., 1987: 134, рис. 66, 23; Финно-угры..., 1987: табл. CXVI, 6*). Судя, например, по находке в Пожарной Балке, такие булавки использовались уже ранними скифами в VII—VI вв. до н.э. (*Андриенко, 1996: 357, рис. 1, 3*). Но согласимся с М.И. Лошенко, что аналогом ястребской находки должна считаться лишь булава с точно таким же, как у неё, диаметром головки из Басовского «А» кургана, где погребение датируется первой половиной V в. до н.э. (*Галанина, 1977: 50*). Однако это не означает автоматически, что только тогда такая же булава должна была появиться и в Ястребке. Иначе таким же «надёжным репером» пришлось бы признать ещё одну гвоздевидную булаву, аналогии которой не менее надёжно фиксируются тоже на р. Суле, в скифских курганах V—IV вв. до н.э. (*Ильинская, 1968: 143-145*). Однако ранняя группа зарубинецкого могильника Велемичи П.К.В. Каспаровой датирована началом — серединой I в. до н.э., а поздняя, в которую входило погребение № 45 с этой булавкой, — второй половиной I в. н.э. (*Каспарова, 1972: 93, 101, рис. 20, 6*). В общем, так же, I в. до н.э. — I в. н.э., датируется и зарубинецкое поселение Погребы (*Максимов, 1972: 26*). Там была обнаружена и булава, такая же обломанная, но с конической головкой, как в Ястребке (*Канівець, 1953: табл. VI, 1*). Наконец, третья такая же — ещё и в Лемешевичах, где имеются и милоградские, и зарубинецкие, и более поздние материалы (*Вергей, 1994: 3-20, табл. VI, 1*). Итак, по-прежнему актуально замечание В.П. Петрова о присутствии в зарубинецкой культуре скифских гвоздевидных булавок, не определявших, однако, её типа (Петров, 1959: 48). Видимо, вовсе не требуется быть знакомым с материалами этого памятника в полном (?) объёме, чтобы понять: зарубинецкая серия вполне внятно выражена и в Ястребке, где она особенно наглядна на фоне отсутствия такого раннемилоградского, в общем, элемента, как «жемчужный» орнамент (*Лошенко, 1993: рис. 6*). Вполне возможно, что булава-«репер», как и две другие, из Погребов и Лемешевич, могла относиться не к



классическому скифскому, а к зарубинецкому времени. Точнее сказать невозможно, поскольку практически весь остальной металл из Ястребки для её хронологии не полезней найденных здесь же бранных останков кошки. Не исключено, однако, что реальный возраст и булавки, и зарубинецких, и части милоградских венчиков находится где-то внутри пределов датировки двух стеклянных античных бусин, но она, к сожалению, тоже весьма неопределённая: III–II вв. до н.э. и I–II вв. н.э. Итак, городище Ястребка скорее само нуждается в образцах для уточнения хронологии, чем способно прояснить таковую для городищ бассейна Березины.

Итак, получается, что и венчики CS 2:1 и CS 2:2, и «рожковые» грузики, и булавки с кольцевыми головками, и наконечники стрел с раздвоенными черешками дату основания этих городищ совсем не проясняют. Однако нужные для решения этой задачи материалы в распоряжении М.И. Лошенкова, по-видимому, всё же были. Но он даже и не пытался датировать, например, булавки, для которых им было предложено оригинальное, хотя и необоснованное название: «заціскачки» (*Лашанкоў, 1997: 150, мал. 1, 1-5*). Речь идёт о булавках с S-овидным навершием, введённым в научный оборот уже довольно давно (*Поболь, 1974: 257, рис. 107, 7*). Они отличаются от обычных посоховидных только несколько большей длиной окончания завитка, вытянутого вдоль стержня, что и придаёт им некую пинцетообразную форму (рис. 1, 17-19). Трудно, однако, представить, как могла эта их особенность использоваться функционально. Скорей всего, она имела декоративный характер. «Варта адзначыць, — пишет М.И. Лошенков, — што шпількі разгледжанай канструкцыі вядомы пакуль што толькі ў насельніцтва, якое пражывала ў басейне Бярэзіны. Аналагічныя шпількі-заціскачкі знойдзены на гарадзішчах Шчаткова, Чыжаха і паселішчы Чырвоная Зорка. З улікам Паліцкай іх цяпер пяць» (*Лашанкоў, 1997а: 30-31, рыс. 2, 3*). То же самое, но тридцатью годами ранее, уже утверждалось Л.Д. Поболем, который отмечал, что аналоги булавки из Щаткова неизвестны ему ни в милоградской, ни в зарубинецкой,

ни в культуре штрихованной керамики (*Поболь, 1967: 214, рис. 14, 7*) (рис. 1, 16). Однако посоховидные булавки такой своеобразной конструкции этнографическую особенность бассейна Березины, скорее всего, всё же не составляли. Это выясняется, например, с помощью одной из них, найденной на днепродвинском городище Бураково (рис. 1, 20). Её завиток удлинён приблизительно настолько же, как и у такой же железной булавки с городища Чижыха (*Шадыро, 1985: 64, рис. 38, 2*). Гораздо интереснее не северные, а южные аналогии. Бронзовая посоховидная булавка с аналогично оформленным завитком была обнаружена в погребении висоцкой культуры в с. Деревянное и датирована Ю.В. Кухаренко VII–VI вв. до н.э. (*Кухаренко, 1966: 113, рис. 43*) (рис. 1, 14). Видимо, такая её датировка нашла подтверждение в находке такой же по типу булавки при раскопках в уроч. Одринки около с. Корост, тоже на Ровенщине (рис. 1, 15). Но там было исследовано не висоцкое, а милоградское погребение, сопровождавшееся, однако, аналогичным набором украшений из гривны и булавки (*Канівець, 1953: 61, табл. XV, 11*). Итак, вопреки М.И. Лошенкову, аналоги посоховидных булавок особой разновидности из белорусского Поднепровья, а также и Подвинья представлены в западной Волыни. Впрочем, в проникновении такой формы с юга далеко вглубь лесной зоны нет ничего необычного: точно так же, например, двухпетельчатыми булавками скифского типа пользовались обитатели древнейших смоленских городищ (*Шмидт, 1992: табл. 11, 7*). Замечательно, что указанные аналоги, висоцкий и милоградский, позволяют, наверное, датировать эти булавки из городищ бассейна Березины, и притом весьма ранним временем. Их раннюю дату хорошо подтверждает также находка скифской по типу двухщитковой серьги VI–V вв. до н.э. совместно с одной из таких булавок на Щатковском городище (*Поболь, 1974: рис. 107, 6; Рассадзін, 1992: 72*).

На Петровицком городище ранняя датировка этих псевдо-«заціскачак» подтверждена ещё надёжнее. «Аналіз вугалю на С14 са знешняга вала, — пишет М.И. Лошенков, — выкананы ў Таліне ў Інстытуце



геологіі АН Эстоніі, даў наступнаю дату: Tп — 1305 — 2485 ± 35 — 609 г. да н. э. Два другія ўзоры вугалю ўзяты са сцяны з галоўнага вала і датуюцца наступным чынам: Tп — 1307 — 2435 ± 30 — 558 г. да н.э. і Tп — 1308 — 2365 ± 35 — 485 г. да н.э.» (Лашанкоў, 1995: 123). Получаецца, што с датіроўкай булавок гэтага тыпа, по Ю.В. Кухаренко, практычна супадаюць і даты возведзення і рэканструкцыі вала на Петровічах: самы канец VII — пачаток V вв. да н.э. Но, с другой стороны, публикацыя гэтых вынікаў радыоуглероднай датіроўкі ствараецца едва ли не комічная сітуацыя, паколькі яны явна супярэчаць помешчанаму в той же статье выводу М.И. Лошенкова: «Матэрыялы гарадзішча Пятровічы дазваляюць акрэсліць час яго функцыянавання двума апошнімі стагоддзямі да н.э. і першым стагоддзем нашай эры» (Лашанкоў, 1995: 124). Сперва адасля адзін яго вал, а ўсё астатняе гарадзішча — трыста лет спусця?

Дело тут, конечно, в элементарной ошибке, наподобие уже допущенной ранее в отношении двух бронзовых зеркал с рукоятками-петлями из гарадзішча Лиски. В спецыяльнай публікацыі аўтара раскопкі яны былі атнесены к канцу VI — пачатку V вв. да н.э. (Лашанкоў, 1982: 43-44). Курьёз заключался в том, что «непасрэдны аналаг», выбраный для них М.И. Лошенковым, датіроўваўся пахожа, IV–V вв., но, аднак, уже нашай эры. Іздатель гэтага зеркала, А.А. Иессен, на котораго М.И. Лошенков, кстаті, ссылаўся, совершенно определённа отнёс яго не к раннескифскому, а раннесредневековому времени (Иессен, 1961: 171). Эта хронологічная памылка была в своё время исправлена, а для зеркал из Лисок былі предложены раннетагарскія аналогі VII — пачатка VI вв. да н.э. (Рассадин, 1989: 9). Потом и М.И. Лошенковым стала іспользавацца ісклучітельно такая, исправленная датіроўка гэтых зеркал (Лошенков, Барцева, 1995: 93). Видимо, прішло время исправить ошибочную датіроўку времени возникновения гарадзішча в бассейне Березины. Как свидетельствуют результаты раскопок А.В. Ильютік, М.И. Лошенкова, Л.Д. Поболя и наших совместных с Т.С. Скрипченко, здесь первые из них тоже закладываюцца уже в VII–VI вв.

до н.э. Впрочем, для каждого конкретного памятника дата основания требует уточнения, как это было сделано, в частности, на гарадзішче Петровічы. Однако предложенная нами в своё время датіроўка гарадзішча Турец-Гарадзішча у р. Свислочи, начиная с VI в. до н.э., и теперь представляется вполне обоснованной (Рассадзін, Скрыпчанка, 1994: 125).

«Асэнсаванне знаходак, — пішет М.И. Лошенков, — прывяло да высноў, што гарызонты аднаслойных ніжне- і сярэднебарэзінскіх гарадзіўчаў тоесны ніжнім (раннім) гарызонтам на ўмацаваных паселішчах у цэнтральнай і, магчыма, паўночна-заходняй частках рэспублікі» (Лашанкоў, 1997: 148). Но что это далеко не так, он, в общем-то, признаёт и сам. К примеру, М.И. Лошенковым тут же подчёркивается практическое отсутствие на березинских гарадзішчах обработанной кости. Кое-какой каменный — кремнёвый — інвентарь на Петровічах всё же выявлен, но он имеет здесь «выразныя мезалітычныя рысы», и поэтому в расчёт прынімацца не может. Между тем гарадзішча Горани и Ратюнки, с которыми М.И. Лошенков тоже пытаецца как-то сопоставить также и Петровічы, даюць обширную серію как каменных, так и костяных изделий. Впрочем, это их отличие от гарадзішча бассейна Березины, спецыяльна уже подчёркивалось А.А. Егорейченко. В самом деле, о каком сходстве с ранними гарадзішчэнскімі комплексами северо-западной Беларусі (Горани, Зазоны, Ратюнки) и соседней Литвы (Навкунай, Неверішке) может ідти речь, если последние возникли ещё в конце II тыс. до н.э., задолго до появления железа, в эпоху господства камня и кости (Археалогія Беларусі, 1999: 118, 153)? Но в рамках той самой же культуры штрихованной керамики для березинских гарадзішча легко найти другие параллели.

«Несколько удивительно почти полное отсутствие изделий из кости, — пішет М.Ф. Гурын про гарадзішче Мысли. — По всей вероятности, железо уже полностью вытеснило такой материал, как кость для изготовления различных бытовых и хозяйственных предметов». По-видимому, так оно и было, ведь по находкам из металла и



стекла этот замечательный памятник культуры штрихованной керамики датируется временем не ранее I в. до н. э. (Гурин, 2000: 35). Неудивительно, что в археологических материалах этих Мыслей находит полное своё соответствие верхний горизонт городищ бассейна Березины, включая его также и на Петровичах. Однако в Мыслях нет материалов более архаического облика, в отличие, например, от Щаткова или Сорочёй. «Судя по обломкам, — пишет М.И. Лошенко о тех же Сорочах, — можно говорить о преобладании у местного населения профилированных горшков милоградского облика». Однако рисунки этих обломков, опубликованные им, видимо, не оставляют сомнений: здесь нужно говорить именно о милоградской культуре (Лошенко, 2001: 163). Её напластования на этом сильно повреждённом, но, по-видимому, всё же городище, оказались перекрыты отложениями культуры штрихованной керамики. На северной окраине Полесья такой же, в принципе, культурной стратиграфией обладает Иваньское городище, где самый ранний горизонт дал милоградскую керамику, а самый поздний — штрихованную (Егорейченко, 1996: 23, 64). Почему-то был оставлен без внимания также и один хорошо известный аргумент Л.Д. Поболь. «В связи с находками такой керамики со штрихами в Щаткове, — писал он ещё много лет назад, — можно было считать, что на этом городище имеются отложения культурного слоя культуры штрихованной керамики. Но подобному предположению противоречит полное отсутствие форм сосудов, характерных для упомянутой культуры: горшки баночных типов, горшки ребристых типов с защипами по ребру и др. Отсутствуют здесь также и другие предметы материальной культуры, хорошо известные в городищах культуры штрихованной керамики: пряслица, напоминающие собою шляпки гриба и др.» (Поболь, 1967: 197). Очевидно, что за прошедшие годы оснований для пересмотра этого мнения автора раскопок в Щаткове не появилось. Появилось, однако, возражение А.А. Егорейченко против включения в область распространения культуры штрихованной керамики нижнего течения Березины,

поречья Днепра и Сожа, о чём, по его мнению, свидетельствует, в том числе, также и весь комплекс вещевых остатков в Щаткове (Археологія Беларусі, 1999: 118). Мы также не согласны как с попытками необоснованного расширения ареала этой культуры, так и с попытками «купирования» милоградского — за счёт, например, тех же Сорочёй. Наличие в «многострадальном» жилище из раскопа IV в Милограде трёх пар височных колец наподобие найденных, но по отдельности, на Лабенщине, в Мыслях и Петровичах, ещё совсем не свидетельствует, что оно было построено «або спалена» (? — С.Р.) не «милоградцами», а «штриховиками» (Лашанкоў, 1997: 152-154). Как не даёт оснований пара позднелатенских фибул оттуда же полагать, что это жилище здесь построили, или, наоборот, сожгли, непосредственно сами галлы.

Итак, в целом некорректной хронологической соответствует, к сожалению, такая же культурная атрибуция. При этом находящиеся в научном обороте культурно-археологические интерпретации пересказываются тоже далеко не корректно. «У выніку знаёмства з матэрыяламі ніжняга гарызонта гарадзішча Лабеншчыны, — пишет М.И. Лошенко, — С.Я. Расадзін прыйшоў чамусці да думкі, што іх трэба разглядаць як самастойнаю групу помніка» (Лашанкоў, 1997: 148). Что единственное число в конце этой фразы неуместно и искажает суть дела, следует уже из самого названия нашей публикации (Рассадин, 1990: 68-70).

Таким образом, речь на самом деле идёт, конечно, не только о городище Лабенщина, но и довольно многочисленных в бассейне верхней и средней Березины памятниках, однотипных его нижнему горизонту, которые М.И. Лошенковым необоснованно и неудачно причисляются к культуре штрихованной керамики. Иначе говоря, имеется в виду та самая культура, которая странным образом «потерялась» на Петровичах. Реально на этом городище она должна была уместаться между самым концом VII — началом V вв. до н.э. и концом I в. до н. э. — I в. н.э., то есть датировками его валов, по С14, и началом отложения на нём же горизонта штрихованной



керамики, по находке, например, кельта с узким корпусом. Вопреки М.И. Лошенко-ву, ни о какой «автохтонности» этой культуры в Петровичах не может быть и речи (Лашанкоў, 1994: 124). Ничего похожего на её ранние комплексы, представленные, например, в Горанях, или на других «костеносных» городищах ранней штрихованной керамики, здесь нет. Частично синхронные им поселения старшей эпохи железа в бассейне Березины обладали совсем другими культурными особенностями. Мы считали и считаем их промежуточными между милоградской культурой, с одной стороны, и днепродвинской, с другой, с некоторым, однако, смещением в сторону последней. В самом деле, от ранних городищ белорусского Подвинья синхронные им памятники соседнего бассейна Березины резко отличаются отсутствием костяной и каменной индустрии. С другой стороны, если во всех без исключения частях милоградского ареала в разных формах, однако всегда достаточно выразительно, представлены погребальные памятники, то на верхней – средней Березине синхронные им, как известно, отсутствуют. Однако, кроме этих принципиальных отличий, обнаруживаются также многие частные совпадения, которые как раз и представляют особый интерес.

На верхней – средней Березине, как и у «милоградцев» на верхнем Днепре, основным, или, точнее, единственным, типом поселения были городища. Но эти милоградские поселения, согласно О.Н. Мельниковской, сразу закладывались в качестве городищ (Мельниковская, 1967: 167). Согласно уточнению А.А. Егорейченко, они или возникают уже как укрепленные, подобно Холопеничам и Чаплину, или же существуют без укреплений только короткое время, как Ивань и Горошков (Егорейченко, 1996: 19). В отличие от милоградских, городища бассейна Березины развивались, видимо, по-другому. Согласно А.Г. Митрофанову, первоначально искусственных укреплений они не имели и почти не отличались от стоянок эпохи бронзы. Эти поселения, защищенные лишь деревянным забором, да ещё искусственным увеличением крутизны склонов занятых ими возвышенностей,

рассматривались им как переходные от неукрепленных к укрепленным (Митрофанов, 1978: 10, 15). Но точно так же, согласно В.И. Шадыро, выглядели и первые днепродвинские городища VIII–IV вв. до н.э. (Шадыро, 1985: 13–16). Впрочем, различия между всеми этими тремя группами городищ вряд ли можно считать значительными. С другой стороны, как это справедливо подмечено А.А. Егорейченко, слегка заглубленное жилище из раскопа I на городище Оздятичи, бесспорно, было тождественно типичным милоградским, будучи даже снабженным, как и они, характерным угловым выступом (Егорейченко, 1982: 56). Одновременно с Оздятичским, согласно А.Г. Митрофанову, возникло городище Лабенщина, нижний горизонт которого дал точно такую же культуру. Однако жилище, относящееся к этому горизонту, имело явно не милоградский облик. По-видимому, это был узкий (4,5 м), но «длинный» дом столбовой конструкции (вскрыт на 9,5 м) (Митрофанов, 1978: 14). Наиболее ранние наземные дома, выявленные на днепродвинском Кубличском городище, тоже были столбовыми и «длинными»: 8x3 м, 8x2,7 м. Открытые на городище Лабенщина очаги в виде подковообразных каменных выкладок тоже оказались аналогичными днепродвинским, а не милоградским (Митрофанов, 1978: рис. 5; Шадыро, 1985: 27). Однако бросается в глаза сходство глиняной посуды, что для А.Г. Митрофанова послужило одним из главных оснований предположения об этнической родственности, а для А.А. Егорейченко – даже для тождественности среднебелорусских березинских и классических милоградских памятников (Митрофанов, 1978: 30; Егорейченко, 1982: 56). Действительно, это большое сходство простирается даже вплоть до наличия на городище Чижуха фрагмента круглодонного сосуда (Ильютик, 1998: 26, рис. 2, 7). Однако керамика милоградского облика выходит за пределы ареала этой культуры едва ли не дальше, чем штриховка – за пределы культуры штрихованной керамики. Например, круглодонный сосуд с яйцевидным туловом был даже орнаментирован «жемчужинами», но он принадлежал не к милоградской, а к глазковской культуре



раннего бронзового века на Байкале (*Эпоха бронзы...*, 1987: рис. 125, 25) (рис. 1, 48). Вся милоградская посуда была разделена в своё время на две половины: сосуды с шейкой (подгруппа А) и сосуды с прямым или загнутым внутрь венчиком (подгруппа Б) (*Мельниковская*, 1967: 100, рис. 42) (рис. 1, 45). На березинских городищах эта подгруппа Б, так характерная для милоградской культуры, практически вовсе не представлена. С другой стороны, здешние сосуды с шейками имеют как милоградские, так и днепродвинские аналогии. Нами в своё время было отмечено, что профили верхних частей гладкостенных и штрихованных сосудов например, из Кублич, вряд ли диссонировали бы среди таковых из Лабенщины, Кимии, Оздятич, Новосёлок (*Рассадин*, 1990: 68-69) (рис. 1, 46-47). Те же кубличские аналогии использовались впоследствии также и А.В. Ильютик (*Ильютик*, 1998: 27). «Грузікі ражковай формы, – утверждает М.И. Лошенко, – у раннім жалезным веку з'яўляюцца спецыфічнай асаблівасцю менавіта мілаградскай культуры» (*Лашанкоў*, 1989: 76). Типичный «рожковый» грузик крестовидной формы представлен, например, в гето-дакийской культуре румынской Молдовы III–II вв. до н.э. (*Teodor*, 1987: fig. 28, 1) (рис. 1, 21). Впрочем, в данном случае интереснее шестилучевой грузик из Малышек (*Медведев*, 1996: рис. 61, 4), а также семилучевой из днепродвинской Кострицы, который, вопреки В.И. Шадыро, также скорее «рожковый», чем «дьякова» типа (*Шадыро*, 1985: 85, рис. 60, 12) (рис. 1, 22, 25).

Однако своеобразие культуры ранних городищ бассейна Березины, по-видимому, отчётливее проявилось в других находках, в частности, пары топоров в самом нижнем горизонте Лабенщины (рис. 1, 38, 42). Совершенно разные, по типу они оба одинаково и абсолютно чужды милоградской культуре. Один был из рога лося и производил, согласно А.Г. Митрофанову, впечатление недообработанного орудия (*Митрофанов*, 1978: 51-52, рис. 20, 12). Впрочем, тоже как некая заготовка выглядит, например, топор из лосиного рога, обнаруженный на одном из поселений культуры лейковидных кубков. Однако он имеет

уже следы интенсивного применения, как предполагается, в качестве полифункционального хозяйственного орудия (*Rogatko*, 1997: 127, рис. 1). Территориально, и, по-видимому, хронологически, к найденному в Лабенщине ближе широколезвийный топор-заготовка, обнаруженный на городище культуры штрихованной керамики Горани, ранняя дата которого определяется VI–V вв. до н.э. (*Зверуго*, 1992: 99, 103). Не исключено, что к той же старшей эпохе железа принадлежал также ещё один топор из лосиного рога, найденный на древнем городище в Мстиславле, согласно уточнению Е.Р. Романова, «глубоко в земле» (*Романов*, 1908: 79-80, № 29). Древнейшую часть культурного слоя мстиславского городища Девичья Гора, синхронную нижнему слою Тушемли, Л.В. Алексеев датировал второй половиной I тыс. до н.э. (*Алексеев*, 1963: 78). Мстиславский роговой топор тщательно отделан и даже орнаментирован (рис. 1, 39). Возможно, такой же законченный вид должен был иметь топор найденный в Лабенщине, который А.Г. Митрофанов склонен был считать культовым.

Точно такие же не южные, скифские и милоградские, а северные аналогии имеет находка около очага 1 в раннем горизонте Лабенщины. По А.Г. Митрофанову, это железное орудие с лезвием на черенке напоминает долото. Аналогичную находку из днепродвинского городища Девички В.И. Шадыро именует рубилом, но датирует его так же, I–IV вв. н.э., согласно тем же прибалтийским аналогам из В. Герте и Х.А. Мооры (*Митрофанов*, 1978: 35, рис. 20, 16; *Шадыро*, 1985: 62-63, рис. 40, 1) (рис. 1, 44). Городище штрихованной керамики Кащеличи дало два экз. этих топоров со стержнями, как они названы А.М. Медведевым (рис. 1, 43). Их датировка сужается им до II в. н.э., поскольку в Прибалтике они встречены в комплексах этого времени (*Медведев*, 1996: 31, рис. 49, 2, 3). Возможно, однако, что, как и роговой, железный топор из нижнего горизонта Лабенщины относится к более раннему времени. Ареал этого типа в Прибалтике так же широк, как и у клиновидных, простираясь вплоть до Финляндии. В Латвии клиновидные топоры скифского типа появляются,



согласно Я. Циглису, около середины I тыс. до н.э., но продолжают бытовать вплоть до I в. н.э. (Циглис, 2003: 119). Не совпадает ли распространение обоих этих типов также и хронологически? Возможно, у железных черешковых топоров имеются прототипы, выполненные ещё в другом материале. Так, по форме и размерам их очень напоминают роговые муфты с пазами для металлических, а до того и кремнёвых лезвий, относящиеся, видимо, ещё к ранней культуре штрихованной керамики (Зверуго, 1992: 95, рис. 2: 1-2, 4-6, 8-9, 11) (рис. 1, 41). Но, с другой стороны, сами костяные орудия, как таковые, иногда воспроизводят форму синхронных им металлических. Например, на городище Ратюнки найден наконец копья с листовидным пером, точно воспроизводящий такие же, но бронзовые, распространённые в XV–IX вв. до н. э. в лужицкой культуре (Археологія Беларусі, 1999: 153, мал. 44, 24). Цельнокаменные черешковые топоры так наз. лепельско-борисовского типа, или топоры «с оплечьем», бытовали в Подвинье и на верхней Березине в эпоху бронзы (Исаенко, 1976: 29, рис. 5, 14). О более позднем их использовании, и, возможно, изготовлении, свидетельствует находка такого же черешкового топора на днепродвинском городище Заговалино (Шут, 1969: 31-42). Другой такой топор был найден и на днепродвинском городище Замосье (рис. 1, 40) (Шадыро, 1985: рис. 18, 4). Итак, если всё это учесть, то черешковый топор из железа, совсем не обязательно будет противоречить раннему возрасту нижнего горизонта Лабенщины. С другой стороны, вместе с роговым он определённо подчёркивает не милоградскую — южную, — а противоположную — северную — культурную ориентацию этого горизонта.

На верхней и средней Березине пока что не только нет ни единой находки скифского импорта, но и отсутствует даже такой простой элемент южного происхождения, как «жемчужный» орнамент. Итак, намечается большая близость древностей типа нижнего горизонта Лабенщины всё же к днепродвинской культуре, что во многом было обусловлено, по-видимому, общим направлением их культурных связей не

на юг, в лесостепную Скифию, как у милоградской, а на север, в глубину лесной зоны. Однако для этого имелись, возможно, глубинные причины. Так, практически во всех частях ареала милоградской культуры уже открыты памятники её бесспорной генетической предшественницы, — культуры лебедовской. В ареале же древностей типа нижнего горизонта Лабенщины они остаются пока что совершенно не известными.

Но если их происхождение пока неясно, то судьба их, наоборот, известна хорошо. Итак, согласно А.М. Медведеву, в ареале штрихованной керамики налицо явная тенденция усиления оборонительных сооружений в юго-восточном направлении, или вниз по Березине (Медведев, 1996: 20). Удаляясь от своей основной территории, «штриховики», естественно, старались здесь обезопасить свои городища их повышенной защитой. Видимо, это было тем более необходимо, что здесь под свои поселения ими использовались прежние места обитания местных жителей. Согласно А.Г. Митрофанову, первоначально городище Лабенщина долгое время существовало как слабо укреплённое поселение. Раскопки показали, что ранний период жизни на нём был прерван большим пожаром Полуметровый слой пожарища перекрывает нижний горизонт примерно такой же толщины на всей его площади. Полностью выгоревшее городище было перестроено коренным образом. Головешки, что остались от домов прежних жителей, были выброшены с площадки, а она вместо деревянного забора укрепляется с одной стороны двойной, а с другой даже тройной линией валов. На Лабенщине начинает формироваться её верхний горизонт, относящийся уже к культуре штрихованной керамики (Митрофанов, 1978: 14-16, рис. 5). Когда именно «штриховики» захватили Лабенщину, а вместе с ней весь бассейн верхней — средней Березины, а также прилегающую часть Полесья, мы знаем теперь довольно точно. Во второй половине I в. до н. э., согласно А.А. Егорейченко, они уже обосновались в Ивани (Егорейченко, 1996: 23). Судя по хронологии таких же датирующих находок, зарубинецкого кельта из Петровичей





золочёных бус из Мыслей, одновременно им удалось также занять первое и заложить второе из этих городищ. В результате ареал древностей типа сожжённой ранней Лабенщины оказался полностью перекрытым широким расселением этих пришельцев из Понемонья.

Каким путём они оттуда пришли, красноречиво рассказывает так наз. «зеркальная» гидронимия центральной Беларуси. Вас.А. Булкин указал на существование здесь «зеркального» ряда названий: Неман ← Березина ← Исlochь ← Во́лма — Во́лма, → Свисlochь → Березина → Днепр. По его мнению, через Минскую возвышенность, где сближаются верховьями обе эти Во́лмы, проходил водный торговый путь эпохи Полоцкого княжества (Булкин, 1983: 5-3). Ничто не препятствует, однако, отнесению возникновения этого «зеркального» речного ряда, по которым шла трасса

реконструированного Вас.А. Булкиным пути, к гораздо более ранней, еще дославянской эпохе, так как названия в его составе издавна признаются всё же за балтские (Жучкевич, 1974: 26, 338).

Этническая принадлежность автохтонного населения, оставившего нижний горизонт на Лабенщине, Петровичах, и др., неясна. Ясно, однако, что около рубежа эр ему в лучшем случае была уготована роль этнического субстрата юго-восточной части культуры штрихованной керамики. Зато известно, как именно это население именовалось в античных письменных источниках: андрофаги, или, иначе, амадоки (Рассадзин, 1992а: 60-73; 1999: 17).

Итак, оказывается, что многие археологически установленные факты, и даже датировка валов Петровичского городища по С14, могут получить вполне непротиворечивую историческую интерпретацию.

## Литература

- Алексеев, 1996 — Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н. э.) Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
- Алексеев, 1963 — Алексеев Л.В. Городище Девичья Гора в Мстиславле // КСИА. 1963. Вып. 94.
- Андрienко, 1996 — Андрienко В.П. Булавки с поселения Пожарная Балка // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Археалогія Беларусі, 1999 — Археалогія Беларусі. Другі том. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.
- Березанская, 1976 — Березанская С.С. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. К., 1976.
- Булкин, 1983 — Булкин В.А. Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
- Вергей, 1994 — Вергей В.С. Селище у дер. Лемешевичи // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994. № 5.
- Галанина, 1977 — Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып Д 1-33.
- Гурин, 2000 — Гурин М.Ф. Археологические материалы из городища Мысли // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2000. № 15.
- Дьяковская культура, 1974 — Дьяковская культура, М., 1974.
- Егорейченко, 1982 — Егорейченко А.А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // СА. 1982. № 1.
- Егорейченко, 1993 — Егорейченко А.А. Некоторые итоги семилетнего изучения городища Ивань // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў. Тэз. дакл. міжнар. канф. Мінск, 1993.
- Егорейченко, 1996 — Егорейченко А.А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. — II в. н. э.). Минск, 1996.
- Жучкевич, 1974 — Жучкевич В.А. Топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
- Зверуго, 1992 — Зверуго Я.Г. Исследования Гораньского городища // Lietuvos archeologija. 1992. Т. IX.
- Иессен, 1961 — Иессен А.А. Так называемый «Майкопский пояс» // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
- Ильютник, 1994 — Ильютник А.В. Пряслица и грузики из городищ раннего железного века бассейна Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994. № 5.
- Ильютник, 1996 — Ильютник А.В. Лысуха — памятник железного века // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. № 7.
- Ильютник, 1998 — Ильютник А.В. Керамика городищ железного века бассейна Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1998. № 13.



- Ильютик, 2002* – Ильютик А.В. О датировке и культурной принадлежности ранних городищ в бассейне Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2002. № 17.
- Іллінська, 1952* – Іллінська В.А. Верхньосульська експедиція 1947 р. // АПУРСР. 1952. Т. 4.
- Ильинская, 1968* – Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968.
- Канівець, 1953* – Канівець В.І. Звіт про археологічну розвідку в Західній Україні в 1952 р. // НА ІА НАНУ. № 1952/16, ф.екс. 2087.
- Канівець, 1953* – Канівець В.І. Звіт про розвідкові розкопки біля с. Погреби, Броварського району, Київської області в 1952 р. // НА ІА НАНУ. № 1952/15, ф.екс. 1995 (а).
- Каспарова, 1972* – Каспарова К.В. Зарубинецкий могильник Велемичи-II // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
- Кухаренко, 1966* – Кухаренко Ю.В. Из разведок в Полесье // КСИА. 1966. Вып. 107.
- Лашанкоў, 1982* – Лашанкоў М.І. Бронзавыя люстэркі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 2. 1982.
- Лашанкоў, 1989* – Лашанкоў М.І. Тыпалогія гліняных грузікаў з усходнепалескіх гарадзішчаў мілаградскай культуры // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1989. № 5.
- Лашанкоў, 1993* – Лашанкоў М.І. Ястребка – гарадышча мілаградскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1993. № 3.
- Лашанкоў, 1994* – Лашанкоў М.І. Даследванні гарадышча Пятровічы // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1994. № 1.
- Лашанкоў, 1997* – Лашанкоў М.І. Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі // Труды VI Міжнароднага Конгрэса славянскай археалогіі. Т. 3. Этногенез і этнокультурныя кантакты славян. М., 1997.
- Лашанкоў, 1997а* – Лашанкоў М.І. Паліцае гарадышча і яго месце сярод помнікаў басейна Бярэзіны // Заслаўскія чытанні 1995 г. Заслаўе. 1997.
- Лошенков, 2001* – Лошенков М.И. Поселение культуры штрихованной керамики на юге Беларуси // Lietuvos Archeologija. 2001. T. 21.
- Лошенков, Барцева, 1995* – Лошенков М.И., Барцева Т.Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле милоградской культуры // Гістарычна-археал. зборнік. 1995. № 6.
- Лашанкоў, Сычоў, 1993* – Лашанкоў М.І., Сычоў В.І. Раскопки гарадышча Любны // Гістарычна-археал. зборнік. 1993. № 2.
- Максимов, 1972* – Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.
- Медведев, 1996* – Медведев А.М. Белорусское Пономонье в раннем железном веке. Минск, 1996.
- Мельниковская, 1967* – Мельниковская О.Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Мелюкова, 1964* – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Д1–4.
- Митрофанов, 1978* – Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск, 1978.
- Охріменко, Гусаревич, 2003* – Охріменко Г., Гусаревич О. Нові пам'яткі тшцінецко-комарівської культури на Волинському Поліссі // Kultura i Historia, 2003. № 4. Lublin.
- Петров, 1959* – Петров В.П. Зарубинецкий могильник // МИА. 1959. № 70.
- Поболь, 1967* – Поболь Л.Д. Поселения железного века около д. Шатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск, 1967.
- Поболь, 1974* – Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.). Минск, 1974.
- Поболь, 1987* – Поболь Л.Д. Отчёт о полевых работах в 1987 г. // Архив Ин-та истории НАН Беларуси. Ед. хр.1028.
- Полін, 1987* – Полін С.В. Хронологія ранньоскіфскіх пам'яток // Археалогія. 1987. Вып. 59.
- Рассадин С.Е., 1989* – Рассадина С.Е. Милоградская культура (актуальные проблемы исследования). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1989.
- Рассадзін, 1992* – Рассадзін С.Я. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII – III ст.ст. да н. э. // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1992. № 2.
- Рассадзін, 1992а* – Рассадзін С.Я. Герадотавы андрафагі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1992. № 2.
- Рассадин, 1990* – Рассадина С.Е. Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоёв Лабенщины? // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. Докл. науч.-практ. конф. Псков, 1989.
- Рассадин, 1999* – Рассадина С.Е. Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. Минск. 1999.
- Рассадзін, Скрыпчанка, 1994* – Рассадзін С.Я., Скрыпчанка Т.С. Раскопки гарадышча Турэц – Гарадышча // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1994. № 1.
- Романов, 1908* – Романов Е.Р. Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908 год. Вильна, 1908.
- Степи..., 1989* – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.



*Тереножкин, 1961* – Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. К., 1961.

*Трубникова, 1938* – Трубникова Н.В. К вопросу о юхновском городище // Труды ГИМ. 1938. Вып. 8.

*Финно-угры..., 1987* – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987.

*Циглис, 2003* – Циглис Я. Железные клиновидные топоры в Латвии // *Archeologia Lituana*. 2003. № 4.

*Чарняўскі Макс, 2003* – Чарняўскі Макс.М. Аб даследаванні тарфянікавай стаянкі Асавец-7 у 2002 г. // Гістарычна-археал. зборнік. 2003. № 18.

*Шадыра, – Шадыра В.І.* Беларускае Падзвінне ў эпоху жалеза і ранняга сярэднявечча (VIII ст. да н. э. – VIII н. э.). Аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук. Мінск.

*Шадыро, 1985* – Шадыро В.И. Железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.

*Шрамко, 1996* – Шрамко Б.А. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Збірник наукових праць. Полтава, 1996.

*Шут, 1966* – Шут К.П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966.

*Шут, 1969* – Шут К.П. Городище Заговалино Ушачского района // Тез. докл. XII конф. молодых учёных Белорусской ССР. Минск, 1969.

*Эпоха бронзы..., 1987* – Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

*Gedl, 2003* – Gedl M., Przemiany kulturowe w środkowym okresie epoki brązu na południowo-zachodnich peryferiach zasięgu kultury trzcinieckiej // *Kultura i Historia*, 2003. № 4. Lublin.

*Rogatko 1997* – Rogatko J., Topór rogowy z Gródka nad Bugiem, województwo zamojskie // *Wiadomości archeologiczne*. 1997. T. 53.

*Teodor, 1987* – Teodor S., Cercetările arheologice de La Ciurea, județul Iași // *Arheologia Moldovei*. XI. 1987.



## РАСКОПКИ СКИФСКОГО АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО КУРГАНА БЛИЗНЕЦ-2 В г. ДНЕПРОПЕТРОВСК (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

На южной окраине г. Днепропетровск, у пос. Опытный, на краю правобережного плато в 5 км от русла Днепра находилась группа курганов, две насыпи которой отличались значительными размерами и еще в XIX в. рассматривались как одна из достопримечательностей Екатеринославщины. Вследствие сходства метрических характеристик и внешнего вида насыпей курганы получили название «Близнецы» (Кащенко, 1887: 52-53).

Один из курганов группы был раскопан в 1967 г. экспедицией Днепропетровского областного исторического музея, возглавляемой Л.П.Крыловой. Выявленные в нем погребения относятся к энеолиту — бронзовому веку (Крылова, 1967).

Курган Близнец-2, исследованный в 2007 г. Днепропетровской целевой археологической экспедицией, возведен над скифским погребением. Овальная в плане, трапециевидная в сечении насыпь, высотой над уровнем поля 7,05 м, задернована. Ее диаметр по оси восток — запад 54 м, по оси север — юг 50 м. Диаметр плоской вершины составлял около 30 м. В ее центре, на месте грабительского раскопа, находилась вытянутая по оси север — юг западина размерами на верхнем уровне 20-21 м, шириной 8-9 м, глубиной в центральной части около 1,5 м. Края насыпи сформированы террасой (галереей) шириной 8-12 м, высотой над уровнем поля 1-1,2 м, плавно поднимавшейся к крутым полам. Вероятно, она образовалась в результате активной

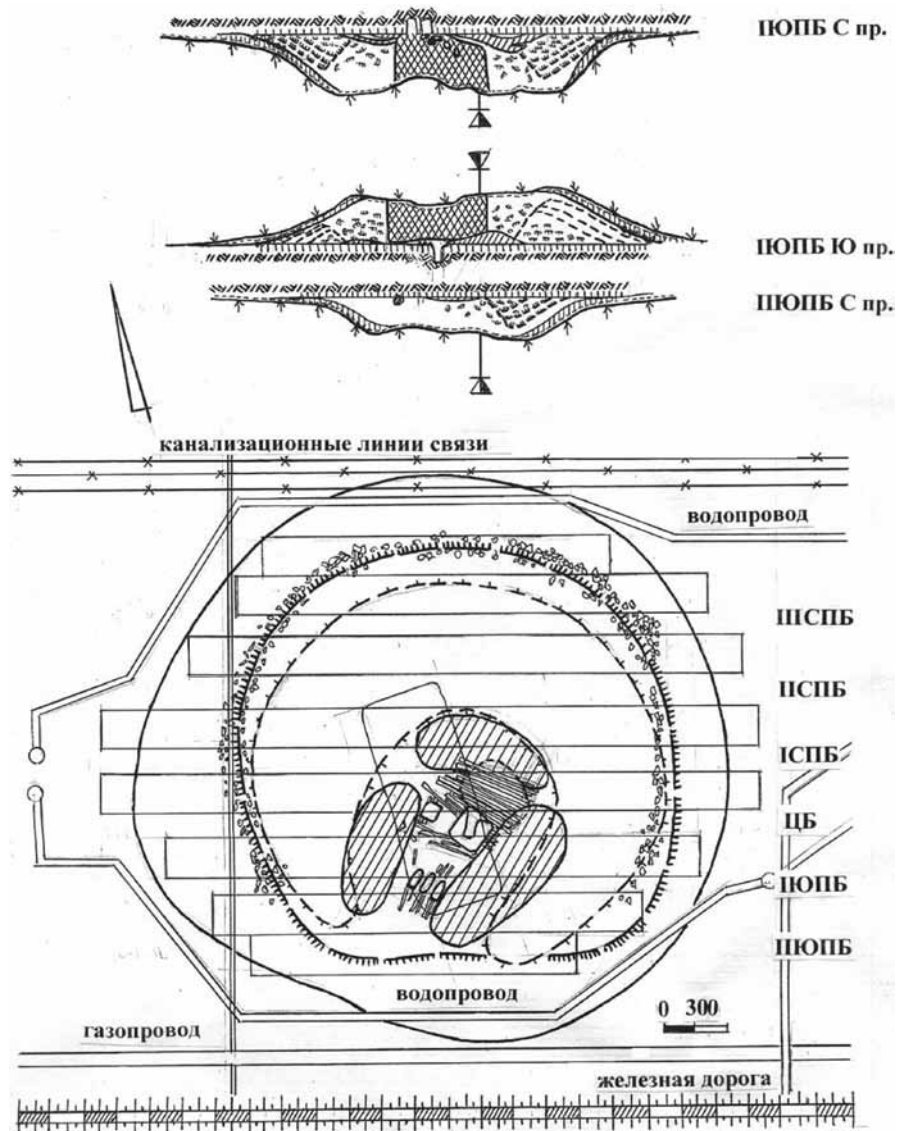
антропогенной деятельности на кургане и прилегающих к нему участках поля. Не исключено, что к образованию террасы привела выборка местными жителями камней крепиды, как это произошло на некоторых скифских курганах Никопольщины (Мозолевский, Полин, 2005: 72). На уплощенной вершине и в полах наблюдались обнажения гранитных камней размерами до 1 х 0,8 х 0,5 м, которые были извлечены грабителями из входной ямы скифского погребения №1.

Диаметр подкурганной площадки с фиксируемой по профилям бровок линией древнего горизонта по оси восток-запад составлял 39 м, по оси север-юг 35 м. Полы кургана обложены гранитными камнями средними размерами 0,5 х 0,4 х 0,3 м, которые образовывали крепиду шириной 2-4 м, удерживающую насыпь от оползания. Камни ее основания, лежащие на уровне древнего горизонта, позволяют определить первоначальный диаметр насыпи, равный 42-43 м. Погребенная почва находилась на глубине 7 м от репера, материковый суглинок на глубине 7,5 м (рис. 1).

Центральная часть подкурганной площадки и ее обваловка имели сложное оформление, свидетельствующие о пышности и длительности ритуальных действий, проводимых во время сооружения усыпальницы, строительства насыпи и процесса самого погребения.

Центральная площадка, на которой сконцентрированы выявленные в кургане





культурно-ритуальные комплексы (погребальная конструкция, захоронения трех лошадей, продовольственная яма-погреб, строительная жертва), находилась в южной части подкурганного пространства (рис. 1). Ее границы сформированы скалами лежавшего на погребенной почве материкового выкида из могилы и уложенных туда же выкидов из продовольственной ямы-погреба и могил лошадей. Выкид образует три приблизительно одинаковых по размерам и объему грунта отдельные насыпи. Две из них овально-прямоугольной в плане, полулинзовидной в сечении формы площадью 14,5 x 5,5 м и 12 x 5 м, высотой соответственно 1,5 и 1,2 м, параллельны друг другу, ориентированы по оси юг-юго-запад – север-северо-восток. Третья насыпь сегментовидной в

плане, полулинзовидной в сечении формы, ограничивала центральную площадку с севера. Размеры насыпи 13,5 x 5,5 м, высота 1 м. Таким образом, центральная площадка представляла собой неправильный прямоугольник размерами 16 x 6,5 м, ориентированный по оси юг-юго-запад – север-северо-восток. Между материковыми выкидами оставлены проемы-дорожки, ведущие к центральной площадке. Основной проем (погребальная дорожка) находился между двумя параллельными насыпями суглинка в южной части площадки. Его ширина составляла 4,5 м. Боковые проемы-дорожки шириной 1,5 м открывали доступ к площадке с востока и запада.

Наличие трех проемов-дорожек, ведущих к площадке, обусловлено общим



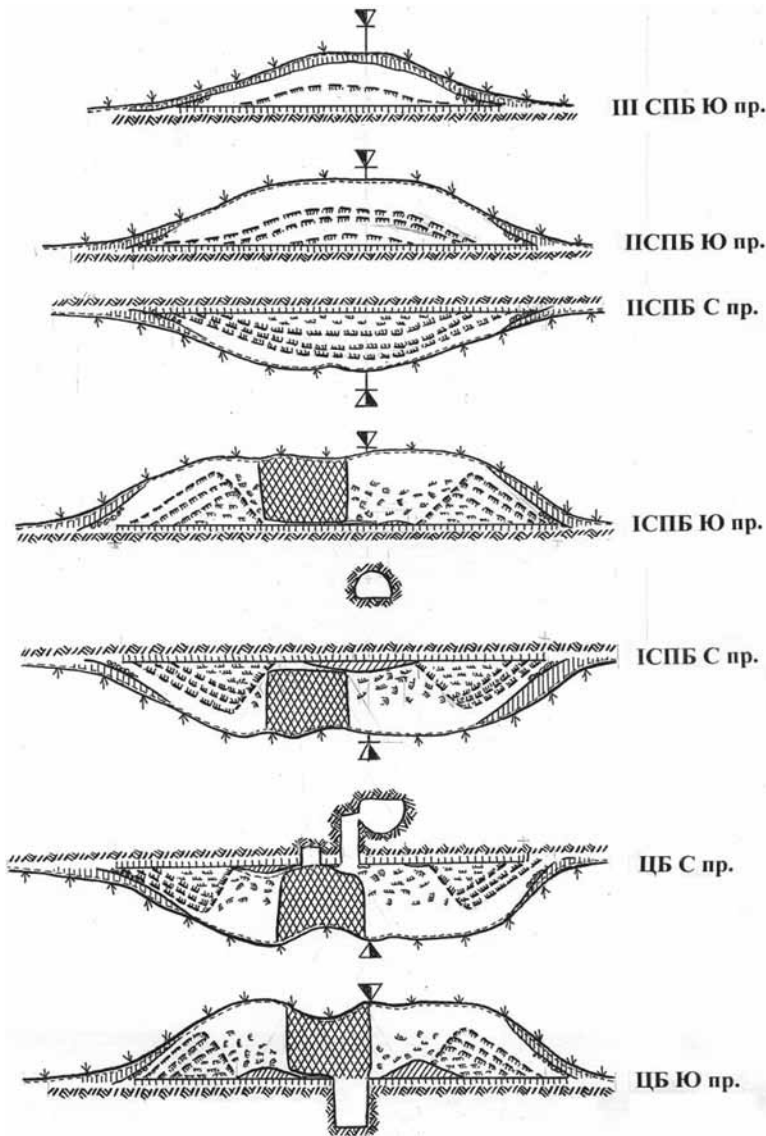


Рис. 1. План кургана Близнец-2 и профили бровок.

архитектурным замыслом строителей кургана, предусматривающим ряд трудоемких операций по ее оформлению.

По завершении рытья ям погребально-го сооружения, захоронений лошадей, продовольственной ямы-погребца, оформления материковых насыпей и проемов-дорожек поверхность центральной площадки была тщательно очищена от просыпавшегося суглинка и застелена плетеными из растительного материала циновками, перекрывавшими и края выкидов. Отпечатки циновок наиболее отчетливо сохранились именно на их поверхности. Вероятно, затем состоялся обряд погребения умершего и лошадей, после чего поверхность площадки, входная яма усыпальницы и захоронения лошадей были перекрыты накатами из дубовых плах и бревен.

Над погребальной камерой, в северной части площадки находилось 11 поперечно лежащих ошкуренных бревен длиной до 7-7,5 м, диаметром 0,25-0,35 м, концы которых выходили в проемы-дорожки и заходили на края материковых выкидов. Над входной ямой погребения, так же поперечно центральной площадке, лежали 9 прямоугольных в сечении плах длиной 5-7 м шириной 0,25 м, толщиной 0,2 м. Плахи уложены таким образом, что оставили не перекрытой расположенную рядом продовольственную яму-погреб.

В южной части площадки 9 таких же плах, длиной около 5 м, были сгруппированы по 3 и уложены продольно, перекрывая ямы погребения лошадей. Вероятно, завершило оформление площадки перекрытие досками или деревянным

шитом продовольственной ямы-погребца (рис. 2).

На расстоянии 7 м на восток (угол 95°) от условного центра, в 1,5 м на юго-восток от продовольственной ямы-погребца, на площади 1,5 x 1,5 м, в подошве восточной насыпи материкового выкида вне анатомического порядка лежали кости нижней части скелета человека. Они были «впечатаны» в плотный суглинок (рис. 2). Расчлененность, отсутствие следов подстилки и инвентаря, не позволяет рассматривать эти останки в качестве сопровождающего погребения, подобного представленным во многих аристократических скифских курганах.

Сооружение насыпи производилось одновременно с оформлением центральной площадки и расположенных в ней культово-ритуальных объектов. Первым ее этапом была укладка вокруг площадки выкидов из основного погребения, могил лошадей и продовольственной ямы-погребца. Эти сложенные из материкового суглинка насыпи стали основой последующей обваловки центра подкурганного пространства дерновыми блоками, которые укладывались на внешние пологие склоны суглинистых насыпей и погребенную почву за их пределами.

Проемы-дорожки на начальном этапе строительства оставались свободными. Через них по завершении обряда погребения на центральную площадку были внесены и уложены над камерой и входной ямой бревна и плахи. После их укладки необходимость в боковых проемах-дорожках отпала, и они были также заложены дерновыми блоками, вследствие чего вокруг центральной площадки образовался кольцевой вал, разомкнутый основным проемом-дорожкой. Обваловка дерновыми блоками производилась в три строительных периода, что отчетливо прослеживалось в профилях центральной и промежуточных бровок. После завершения каждого строительного периода высота вала последовательно увеличивалась до 2,5-3 м, 3-3,5 м, 3,5-4 м. Внешний диаметр вала составлял 37-39 м, ширина 9-12 м (рис. 1).

Дерновые блоки представляли собой пласти чернозема, возможно, привезенные

из поймы Днепра вместе с росшим на них тростником. При возведении вала они достаточно беспорядочно укладывались тростником вниз. Упорядочено дерновые блоки укладывались по завершении каждого этапа строительства. Блоки без тростника уложены таким образом, что наслаивались друг на друга, образуя плотную ступенчатую кладку, сходную с кладкой черепицы или иного кровельного материала, например сланца, дранки и др. Эти слои отличаются плотностью и цветом от основной части грунтовой толщи вала. Котлован, образовавшийся внутри вала, заполнен беспорядочно набросанными дерновыми блоками, перемешанными со структурно однородным черноземом. Возведение кургана завершилось досыпкой слоем однородного черноземного грунта, увеличившей насыпь до современных, с учетом последующих нарушений, размеров. В полах насыпи отмечен слой однородной почвы темного цвета, сформировавшийся в результате оползания крутых склонов кургана и просыпавшегося к его подножью грунта, вынутого из грабительского раскопа. Вероятно, следствием ограбления, как и у большей части так называемых скифских «толстых могил» (Мозолевский, Полин, 2005: 241), явилось и формирование плоской вершины Близнеца-2.

Трудоемкость доставки дерновых блоков для строительства насыпи за несколько километров из днепровской поймы вполне компенсировалась легкой доступностью строительного материала, который легко режется во влажном состоянии. Наши наблюдения согласуются с достаточно давно сложившимся в скифской историографии мнением о том, что все, или значительная часть аристократических курганов возводилась из дерновых блоков или грязевых вальков, доставляемых из увлажненных низин (Тереножкин, 1955: 30; Іллінський, Мурзин, 1999: 102; Отрощенко, Болтрик, 1982: 42; Мозолевский, 1979: 150). Следует отметить, что существует и иная точка зрения на происхождение строительного материала скифских насыпей. По мнению С.В.Полина, дерновые блоки могли нарезаться только в непосредственной



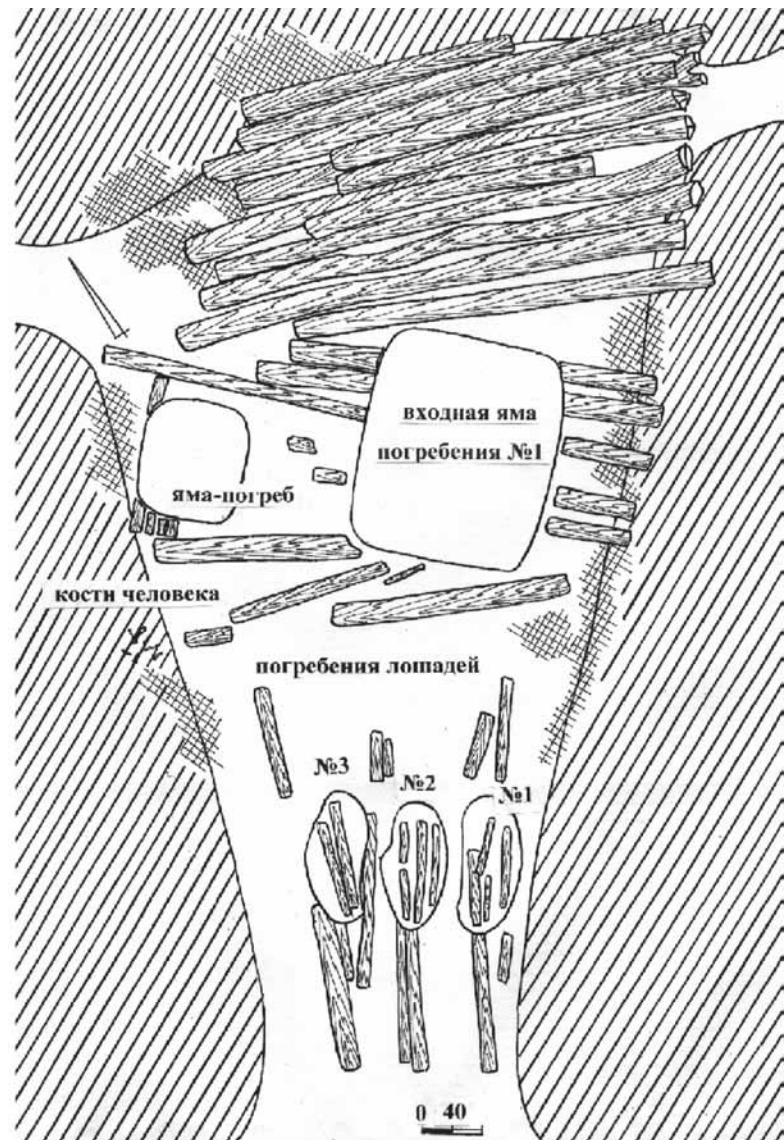


Рис. 2. Курган Блинец-2.  
План центральной части под-  
курганного пространства.

близости от курганов (Мозолевский, Полин, 2005: 248-252). Соглашаясь с его замечанием о недостаточной объективности попыток установления происхождения строительного материала без проведения соответствующих анализов, мы не можем принять категоричности вывода. Во всяком случае, блоки из насыпи Блинца-2 сохранили не вообще растительный тлен, толщина которого достигала 2 см, а именно тлен тростника.

Погребение, для которого возведен курган, находилось на расстоянии 2 м на юго-запад (угол 235°) от условного центра, на глубине 7 м от репера и от поверхности насыпи.

Входная яма прямоугольной в плане с закругленными углами формы размерами 2,9 x 2,5 м, глубиной от уровня

древнего горизонта 4,3 м, ориентирована по оси север-северо-восток – юг-юго-запад (рис.3). На верхнем уровне, за счет срезанных при ограблении и осыпавшихся стен, ее размеры составляли 3,2 x 2,8 м. Яма заполнена однородным, очень рыхлым черноземом. Только под юго-юго-восточной стеной сохранился незначительный участок плотного суглинистого грунта и три гранитных камня первоначальной забутовки ямы. В заполнявшем яму черноземе на разных уровнях присутствуют обломок лезвия меча, осколок абразивного камня, зуб человека.

На дне входной ямы находился пандус длиной 2,2 м, шириной 0,95-1 м, ведущий под незначительным уклоном к входу в погребальную камеру, расположенную под северо-северо-восточной стеной.



Вход в погребальную камеру шириной 1,9 м, высотой около 1,6-1,7 м, был закрыт закладом, состоящим из деревянных плах прямоугольного сечения. Их ширина равна 0,15 м, толщина 0,07 м. Сохранились остатки трех плах, из которых две остались стоять вертикально, одна упала в камеру. В районе заклада, на дне камеры и в ее заполнении, концентрировалась большая часть найденных в погребении железных скоб, что предполагает их использование для скрепления плах. В состав заклада входили также стоявшая вертикально на входе песчаниковая необработанная плита размерами 41 x 33 x 7 см, и находящаяся здесь же, в грунте заполнения погребальной камеры, массивная абразивная плита-наковальня.

Вплотную примыкавшая к входной яме погребальная камера неправильной трапециевидной в плане формы с сильно закругленными углами размерами 6,15 x 5,6 м ориентирована по оси юго-восток – северо-запад. Свод высотой 3 м имел куполообразную форму. Разница в уровнях dna колодца и камеры составляла 1,4 м (рис. 3).

Дно камеры окрашено мелом. Следы окрашивания прослежены на нескольких участках у стен камеры. Вероятно, дно также было покрыто растительной подстилкой.

С уровня dna камеры вырыта еще одна погребальная яма размерами 3 x 1,15 м, имеющая на верхнем уровне правильную прямоугольную форму с четкими прямыми углами. Она ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Ее глубина от уровня dna камеры составляла 1,4 м. У dna яма приобрела неправильную прямоугольную форму с сильно закругленными углами. За счет расширяющихся продольных стен размеры ямы на этом уровне увеличились до 3 x 1,35 м.

На дне, в центральной части внутренней ямы, находилось пятно тлена коричневого цвета, оставшееся от кожаной подстилки, на которой сохранились тазовые кости и часть позвоночного столба мужского скелета, лежавшего вытянуто на спине в юго-восточной ориентации (рис.3).

Из инвентаря, найденного в погребальной камере и внутренней яме, условно первоначальное положение сохранили

обломки железного наборного портупейного пояса, находившиеся в районе тазовых костей и позвоночника погребенного. Все остальные предметы погребального инвентаря при ограблениях смещены со своих мест и перемешаны с черноземом заполнения.

Наибольшая концентрация находок в заполнении погребальной камеры отмечена справа от входа в нее, во внутренней яме и возле нее. Отсюда происходят уже упоминаемые выше каменный абразив-наковальня, 39 бронзовых наконечников стрел, вток и обломок железного наконечника копья, многочисленные обломки железных скоб, обрывки кожаных изделий и шерстяной ткани, куски реальгара и мела, костяные кольца разного размера, в том числе 3 массивных, выточенных из слоновой кости, бронзовые и железные звенья наборного пластинчатого пояса, панцирные пластины, костяные гравированная застежка, инкрустационные вставки и накладки в виде ромбов, четырехлучевой звезды и стилизованного изображения сердца, обломки костяных пластин с гравированными сюжетными изображениями, в том числе колесниц и колесничих, лошадей, пантер, мужских и женских фигур – богов греческого пантеона (Зевса, Ареса, Гермеса, Эроta, менады), пальметок, ионийской капители, костяные инкрустационные полосы, гладкие или орнаментированные геометрическими и растительными узорами, обломки умбона, меча, железного ножа с костяной ручкой, бронзовая чаша киафа, 2 лопаты из лопаток лошади, железная и бронзовая ворварки, 2 бронзовых спаренных кольца, обломки деревянных изделий, золотые перстень, бусина и подвеска, бронзовая ручка килика, электрова обойма деревянного сосуда, 5 лежавших вместе когтей медведя. В грунте заполнения внутренней ямы также находились истлевшие остатки двух деревянных, обтянутых кожей, колчанов, в одном из которых насчитывалось 166 бронзовых наконечников стрел, в другом – 121 наконечник.

Три погребения лошадей домашних (два жеребца и кобыла) произведены на расстоянии 3-3,5 м на юго-запад от входной ямы основного погребения на основной



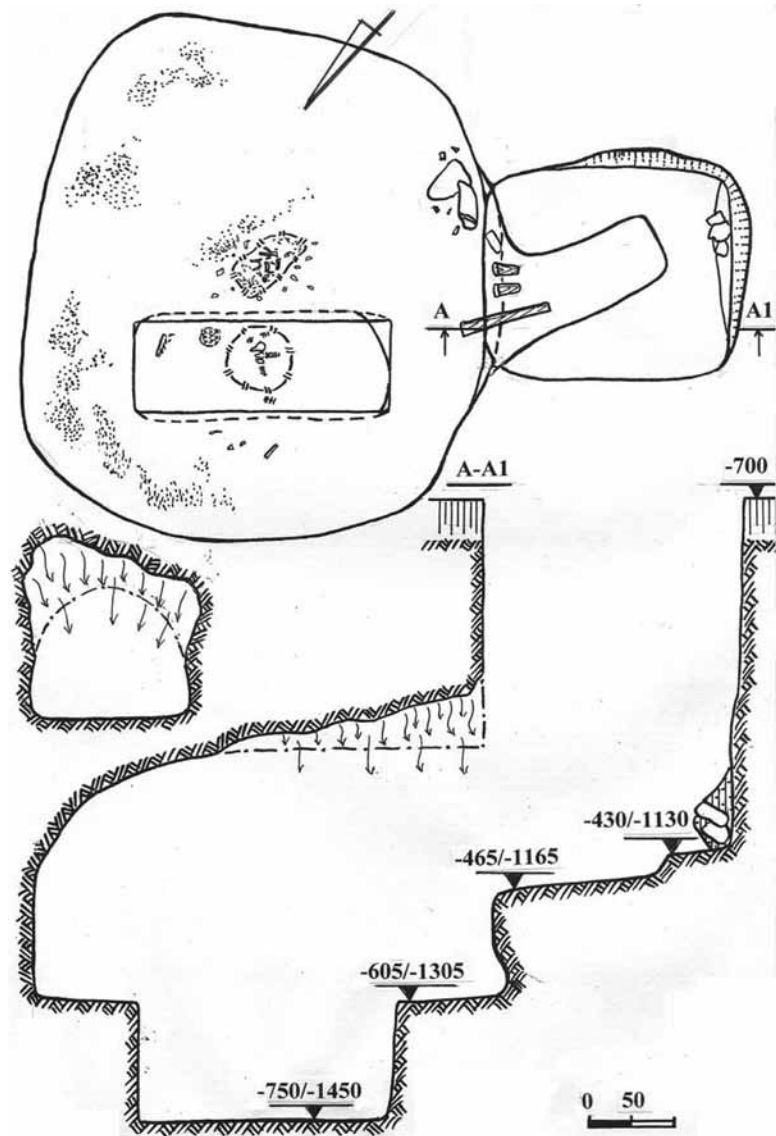


Рис. 3. Курган Блинец-2. План и разрезы погребения № 1.

погребальной дорожке. Они образуют ориентированный по оси запад-северо-запад — восток-юго-восток ряд параллельных ям, расстояние между которыми составляло 0,35-0,45 м (рис.2). Ямы имеют овальную в плане форму и приблизительно одинаковые размеры, составляющие 2-1,75 x 0,8 м при глубине от уровня древнего горизонта 1-1,3 м. Ориентация и позы, которые пытались придать лошадям при захоронении, также подобны. Они погребены в положении лежа на животе с подогнутыми ногами черепами на северо-восток (рис. 4). От узды сохранились железные удила, соединенные с псалиями S-видной формы с восьмерковидным расширением в средней части и двумя отверстиями.

Продовольственная яма-погреб находилась на расстоянии 4,8 м на запад-

северо-запад (угол  $295^\circ$ ) от условного центра, в 1,8 м на северо-запад от входной ямы основного погребения (рис. 2). Она имела прямоугольную в плане форму с сильно закругленными углами размерами 1,7 x 1,6 м, глубину от уровня древнего горизонта 1,2 м. Яма ориентирована по оси север-северо-восток — юг-юго-запад, перекрыта поперечно лежавшими досками длиной 2 м, шириной 0,16-0,18 м, толщиной 0,03 м. Сохранились остатки четырех досок, уложенных встык (рис.5).

На дне ямы, почти в ее центре, находилась круглая в плане ямка диаметром 0,2 м, глубиной 0,1 м с отвесными стенами и ровным дном. В нее была помещена ножка бронзового котла, на плечиках которого под углом к тулову помещены две симметрично расположенные «двустольные»



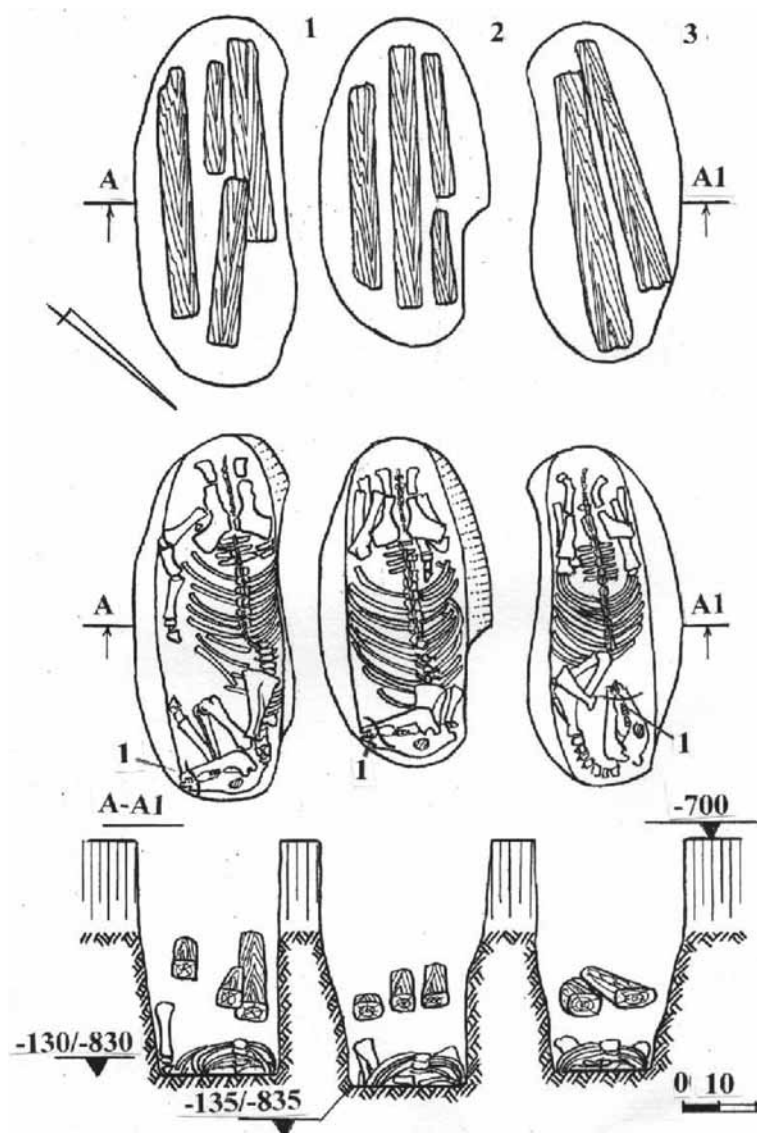


Рис. 4. Курган Близнец-2.  
Планы и разрезы конских могил.  
1 – удила и псалии.

ручки. Внутри котла находились череп и расчлененный скелет лошади. Вокруг котла, на растительной подстилке, следы которой фиксировались в виде белесого глина, лежало большое количество обломков костей лошади и мелкого рогатого скота. По двум сторонам от котла находились два деревянных подноса, на которых лежали кости лошади, овец и козы, в том числе уложенные в три слоя кости грудины, сохранившие анатомическую целостность. Здесь же, среди костей, находились обрывки веревок, свитых из растительных волокон, свидетельствующие о том, что мясо, вероятно, было копченым или вяленым (рис. 5).

Как и многие скифские курганы степной Украины, Близнец-2 подвергался ограблению дважды. Первый раз курган был

ограблен в раннем железном веке, о чем свидетельствует находка двух лопат, изготовленных из лопаток крупных копытных животных, которые были оставлены грабителями во внутренней яме основного погребения. Очевидно, хронологический интервал между погребением и ограблением был достаточно продолжительным. За это время мягкие мышечные ткани погребенного успели истлеть. Иначе трудно объяснить, почему при отсутствии большей части скелета во внутренней яме *in situ* сохранились тазовые кости и часть позвоночного столба. Второе ограбление, вероятно, произошло в XIX в. Грабительская траншея правильной прямоугольной формы размерами 20 x 7,5-8 м ориентирована по оси север-юг. Фиксируемые в профилях бровок стены траншеи отвесные. Глубина траншеи



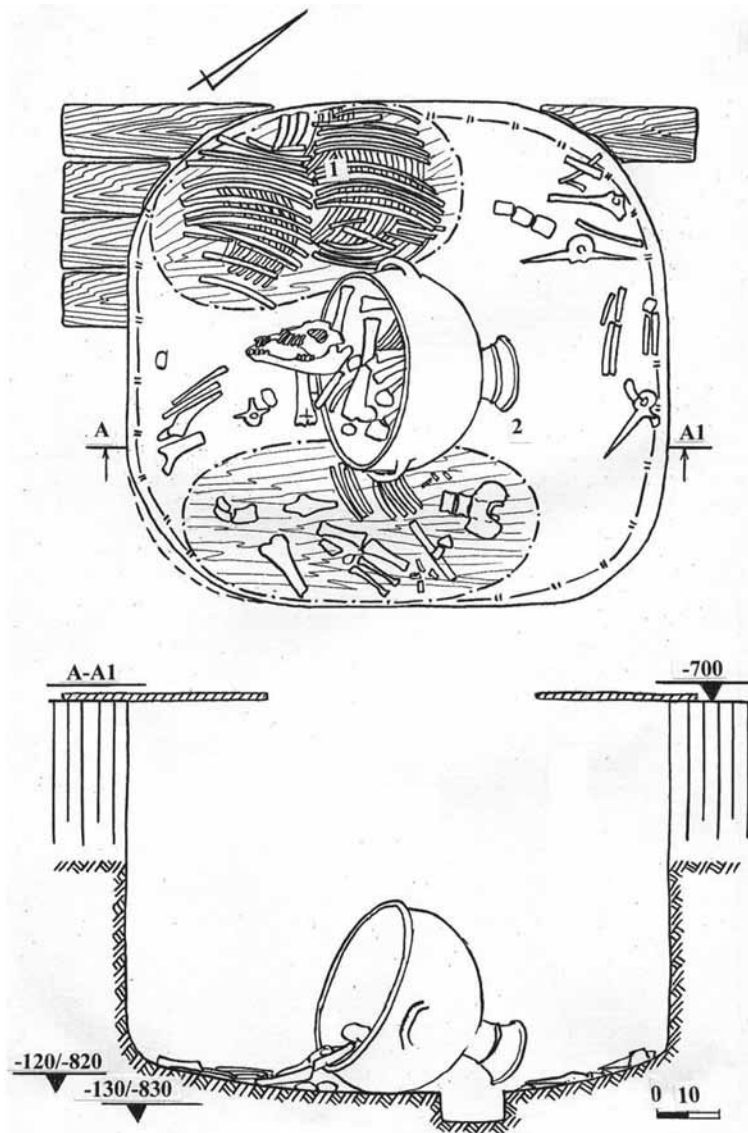


Рис. 5. Курган Близнец-2.  
План и разрез продоль-  
ственной ямы-погребя.

1 – веревочки,  
2 – бронзовый котел.

на большинстве ее участков составляла около 6,5 м от репера. В профилях бровок и плоскости траншей прослежены шурфы, закладываемые грабителями с уровня дна траншеи в поисках входной ямы в усыпальницу. Не исключено, что ограбление произведено людьми, имеющими некоторые навыки раскопок курганов согласно принятой на то время методики. Вероятно, этим объясняются значительные размеры траншеи, ее правильная форма и строгая меридиональная ориентация. Знакомство грабителей с устройством скифских катакомбных погребений, в конечном итоге способствовало сохранению внутренней ямы от повторного ограбления. Так как наличие такого конструктивного элемента не вписывалось в традиционные представления о скифской погребальной обрядности,

грабители ограничились обследованием камеры и не заметили внутренней ямы, в результате чего в ней сохранилась представительная серия артефактов, позволяющих судить об обилии и богатстве заупокойных даров, сопровождавших погребенного.

По сопровождающему инвентарю памятник предварительно может быть датирован в хронологических рамках конца V в. до н. э.

При определении прижизненного социального статуса лиц, погребенных в скифских курганах, принято учитывать размеры насыпи, размеры и сложность погребальной конструкции, наличие сопровождающих погребений, транспортных средств, количество конских захоронений, качество и количество сопровождающего инвентаря (Мозолевский, 1979: 157;



*Мозолевский, Полин, 2005: 299-300; Курочкин, 1980: 106).*

Исходя из этих критериев и особенностей погребального комплекса, правомерно предположить, что погребенный в Близице-2 человек принадлежал к элитной страте скифского общества, представители которого являлись носителями и одновременно создателями синкретической скифо-эллинистической культуры.

Современная высота кургана Близице-2 составляла 7,05 м, однако в древности, до снятия верхней части насыпи при ограблении, он был значительно выше, что позволяет сопоставить памятник с III группой скифских курганов. К ней Б.Н.Мозолевским отнесены насыпи высотой 8-11 м. Погребенные в них лица, по его мнению, принадлежали членам царской семьи и царям, правившим отдельными частями Скифии (*Мозолевский, Полин, 2005: 299*).

Приемы сооружения насыпи стандартны для курганного строительства Степной Скифии V–III вв. до н. э., которое характеризуется обваловкой, состоящей из выкида из могилы и уложенных поверх них земляных блоков. Вал разомкнут проемами-дорожками, ведущими к подкурганной площадке и расположенной в ней могильной яме. В некоторых скифских курганах фиксируется покрытие подкурганной площадки и проемов различными подстилками растительного происхождения, что также аналогично отмеченному на Близице-2 покрытию центральной площадки циновками. Примером подобного оформления насыпи может служить курган Огуз, валы которого разомкнуты двумя проемами-дорожками, покрытыми тонким слоем глины и камки (*Фиалко, 1994: 123*).

Обычными для скифских курганов являются и погребения лошадей, количество которых и местоположение в насыпях отличаются значительной вариабельностью. Расположение конских погребений на погребальной дорожке, как это имеет место в Близице-2, известно в Огузе, Чертомлыке, Толстой Могиле (*Болтрик, Фиалко, 2005: 236-238*).

В Близице-2 не выявлены погребения сопровождающих лиц, наличие которых

является нормой для большинства элитных скифских погребальных памятников. Возможно, что такие погребения могли находиться в районе рва или за его пределами. В связи с особенностями окружающего антропогенного ландшафта, эта часть погребального комплекса осталась не исследованной. Разрозненные кости скелета мужчины, найденные под выкидом на поверхности центральной площадки, рассматриваться в качестве сопровождающего погребения не могут. Нами они интерпретированы как жертва, вероятнее всего, строительная. Примеры использования частей тел людей в скифских жертвенных ритуалах немногочисленны. Разрозненные кости человека со следами расчленения, рассматриваемые авторами публикации как жертвоприношение, представлены во рву кургана № 3 у с. Ивановка в Правобережной Лесостепи (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 42*). В погребении №3 Соболевой Могилы обломок малой берцовой кости найден среди мелко нарубленных костей животных, лежавших на овечьей шкуре рядом с блюдом с мясом (*Мозолевский, Полин, 2005: 156*). Однако, традиция расчленения тел умерших людей в скифской погребальной обрядности представлена вполне отчетливо. В курганах Правобережной Лесостепи конца V – начала III вв. до н.э. известны десятки скелетов с перерубленными костями. Такие погребения интерпретируются как местный обычай, направленный на обезвреживание «опасных» покойников, или как свидетельство преднамеренного разрушения погребений (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 47*).

Вместе с тем, памятник характеризуется рядом особенностей, выделяющих его из общей массы курганов скифской знати.

Отличительной особенностью Близице-2 является накат из бревен, перекрывающий поверхность центральной площадки, входную яму погребения и конские могилы. В степных скифских курганах подобные конструкции отсутствуют. Использование большого количества дерева в кургане Близице-2 позволяет предположить влияние северной, лесостепной, традиции, для которой характерно широкое применение этого строительного материала в



курганах VII–V вв. до н.э. Однако и в курганах Лесостепи, и Предстепья, таких как курган № 7 Подгороднего (*Ковалева, Мухомад, 1979: рис. 3. 1*), Стеблевские курганы (*Скорый, 1997: 9-11, рис. 8, рис. 39*), Фляровка (*Ковпаненко, 1984: 112, рис. 1*) и др., бревна не покрывают подкурганную площадку, а являются частью шатрового перекрытия, что не позволяет рассматривать их в качестве прямых аналогов. В курганах раннего железного века Северного Причерноморья известны и более близкие конструкции, однако, они относятся к предскифскому времени. Например, бревенчатый накат из лежавших по окружности бревен перекрывал центральную часть подкурганной площадки черноговровского кургана 6 у с. Александровка (*Ромашко, 1980: 77, рис. 2. 3*).

Необычно для скифской погребальной обрядности захоронение умершего не непосредственно в камере, а в вырытой в ее центральной части глубокой прямоугольной яме. Нельзя утверждать, что индивидуальные погребальные ямы внутри катакомбных конструкций вовсе отсутствуют, однако они, как, например, погребение №2 гробницы 2 кургана 12 у с.Балки Запорожской обл. (вторая половина IV в. до н.э.) (*Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский, 1977: 143, рис. 33*) предназначены для сопровождающих лиц. Эти ямы отличаются незначительными размерами и глубиной, расположены в дромосе или у входа в погребальную камеру. Внутренняя яма Близнаец-2 имела принципиально иное назначение. Её возможно рассматривать в качестве основной части погребальной конструкции – сакрального объема, принадлежащего только погребенному царю или аристократу. Учитывая синкретический скифо-эллинический облик погребального комплекса, правомерно предположить, что проникновение традиций эллинской культуры в скифскую среду в конце V–IV вв. до н.э. было настолько интенсивным, что нашло отражение даже в погребальной обрядности – наиболее консервативном этнокультурном маркере любого общества. Размеры и форма ямы соответствуют простым прямоугольным грунтовыми могилам некрополей Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства. Этот тип погребений

доминировал в античных некрополях Северного Причерноморья в VI–V вв. до н.э., был распространен и в более позднее время (*Леви, 1984: 40; Беляев, 1984: 52; Шургая, 1984: 62; 1984а: 65, 67, 69*).

Отличительной особенностью культово-ритуального комплекса Близнаец-2 является также наличие в нем продовольственной ямы-погребца, в который помещены бронзовый котел и напутственная пища.

Следует отметить, что присутствие в яме-погребце большого количества мяса также свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного. Проведенный О.П.Журавлевым анализ остеологического материала показывает, что представленные в нем кости принадлежат лошади и мелкому рогатому скоту. Отсутствие костей крупного рогатого скота в составе напутственной пищи отличает большинство аристократических скифских курганов от погребений рядовых общинников (*Гаврилюк, 1987: 23*).

В плане установления прижизненного статуса погребенного в Близнаце 2 человека интерес также представляет находка в заполнении внутренней погребальной ямы лапы медведя, от которой сохранились компактно лежащие когти. Вероятнее всего, лапа была частью меховой накидки или плаща, которые носились через плечо. В античной мифологии шкуры животных (овцы, лошади, оленя, пантеры) считались обязательными атрибутами отправления культа Диониса. На расписной керамике VI–IV вв. до н.э. известны изображения одетых в шкуры животных сатиров, пана, силен, менад – богов и мифических существ, составляющих свиту Диониса. На краснофигурной керамике V–IV вв. до н.э. в накидке из шкуры кошачьего хищника со скрещенными на груди лапами-завязками нередко изображается и Дионис (*Русяева, 1992: 39-40, рис. 4. 1, 2, рис. 5. 1, 2*). Учитывая, что именно культ Диониса имел наибольшее распространение в скифской, и в целом в варварской среде, накидка из шкуры медведя из Близнаец-2 может рассматриваться как свидетельство начала обожествления правящей страты скифского общества, как, например, обожествлялись в IV вв. до н.э. боспорские и фракийские цари



(Русяева, 1992: 38-42). В погребении присутствуют и другие артефакты, связанные с дионисодейством, прежде всего серия инкрустационных костяных вставок с гравированными изображениями богов эллинистического пантеона, что подтверждает

возможность рассмотрения комплекса Близнаца-2 в качестве источника, отражающего процесс формирования в скифском обществе конца V–IV вв. до н.э. культуры, сочетающей традиции эллинского и варварского миров.

## Литература

Беляев, 1984 – Беляев С.А. Херсонес // Археология СССР в 20-ти томах: Е.М.Алексеева, А.К.Амброз, Т.М.Арсеньева и др. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский, 1977 – Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский Н.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганный могильники Рясные могилы Носаки. К., 1977.

Болтрик, Фіалко, 2005 – Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Кінь як складова поховальної церемонії царських скіфів // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2005. XII.

Гаврилюк, 1987 – Гаврилюк Н.А. Пища степных скифов // СА. 1987. №1.

Іллінський, Мурзін, 1999 – Іллінський А.О., Мурзін В.Ю. До історії вивчення Мелітопольського кургану // Археологія. 1999. №2.

Кашенко, 1987 – Кашенко А. Предание о могилах «Близнацы» // Екатеринославский юбилейный листок. – 21 апреля 1887.

Ковалева, Мухопад, 1979 – Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифские памятники Самарско-Орельского междуречья // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1979.

Ковпаненко, 1984 – Ковпаненко Г.Т. «Червона могила» у с.Фляровка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989 – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский район). К., 1989.

Крылова, 1967 – Крылова Л.П. Научный отчет Днепропетровского исторического музея им.академика Яворницкого об археологических раскопках, проведенных музеем в 1967 году. // НА ИА НАНУ.

Курочкин, 1980 – Курочкин Г.И. Гипотетическая реконструкция для погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н.э. и курган Аржан

(к проблеме происхождения скифов) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Леви, 1984 – Леви Е.И. Ольвия // Археология СССР в 20-ти томах: Е.М.Алексеева, А.К.Амброз, Т.М.Арсеньева и др. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Мозолевский, 1979 – Мозолевский Б.М. Товста Могила. К., 1979.

Мозолевский, Полин, 2005 – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). К., 2005.

Отрощенко, Болтрик, 1982 – Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К., 1982.

Ромашко, 1980 – Ромашко В.А. К вопросу о генезисе киммерийских памятников Днепровского Левобережья // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.

Русяева, 1992 – Русяева М.В. Основной сюжет на пекторали Товстої Могили // Археологія. 1992. №3.

Скорый, 1997 – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К., 1997.

Тереножкин, 1955 – Тереножкин А.И. Скифский курган в г.Мелитополе // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5.

Фіалко, 1994 – Фіалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. К., 1994.

Шургая, 1984 – Шургая И.Г. Пантикапей // Археология СССР в 20-ти томах: Е.М.Алексеева, А.К.Амброз, Т.М.Арсеньева и др. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

Шургая, 1984а – Шургая И.Г. Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфий, Илурат // Археология СССР в 20-ти томах: Е.М.Алексеева, А.К.Амброз, Т.М.Арсеньева и др. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.



*Рябкова Т.В. (Санкт-Петербург)*

## **БРОНЗОВЫЙ СОСУД ИЗ КУРГАНА 524 У с. ЖАБОТИН**

Курган 524 у с. Жаботин Черкасского уезда Киевской губернии исследован А.А. Бобринским в 1913 г. Вещи из разграбленного в древности погребения поступили в Императорский Эрмитаж (коллекция ДН 1913/2). Частично материалы раскопок были опубликованы автором (*Бобринский, 1916: 1-3*) и позднее переизданы В.А. Ильинской (*Ильинская, 1975: 20, табл.VII*). Тем не менее, материалы этого уникального памятника, справедливо считающегося эталонным, давшего, наряду с материалами Жаботинского поселения, название древнейшему этапу в развитии материальной культуры раннескифского периода, до сих пор опубликованы не полностью. Это не позволяет в полной мере оценить значение памятника и определить его место в кругу древностей раннескифского времени.

В инвентарном описании отмечено, что вместе с панцирными чешуйками лежали и бронзовые пластины, прямой край которых имеет отверстия для крепления, а противоположный орнаментирован ромбами. В публикации В. А. Ильинской эти пластины не упомянуты вовсе (*Ильинская, 1975: 20*), Е.В. Черненко была известна только одна пластина, предположительно отнесенная им к поясному набору (*Черненко, 1968: 71*). В коллекции Государственного Эрмитажа хранится 6 фрагментов таких

пластин, общая длина которых составляет около 25 см, вероятнее всего, украшавших нижнюю часть бронзового чешуйчатого доспеха (*Рябкова, 2005: 242*). Ромбы, образующие выступы на нижнем крае пластин, прочерчены с изнаночной стороны металлическим инструментом типа стилоса<sup>1</sup>. Аналогии подобным пластинам происходят из памятников Северного Кавказа: погребения 4 мог. Индустрия-1 (*Виноградов и др., 1980: 193, рис. 7, 9-11*); погребения 1 1989 г. у Лермонтовской скалы (*Березин, Дударев, 1998: 182, рис. 8, 4*); разрушенного погребения с восточного подножия г. Бештау (*Дударев, Фоменко, 2007: 10*). Серийность подобных находок на Северном Кавказе, с одной стороны, и уникальность в Приднепровье, с другой, позволяют предположить северокавказское происхождение данной вещевой категории.

Помимо этого, вместе с панцирными чешуйками лежали и фрагменты бронзовых предметов, отличающиеся от чешуек толщиной пластины, наличием на них ромбического орнамента и прямых линий, прочерченных с лицевой стороны (рис.1). Два неорнаментированных фрагмента имели клепки, тщательно сглаженные с внешней стороны (рис.2), что позволило предположить их принадлежность к металлическому клепаному сосуду (*Рябкова,*

<sup>1</sup> Приношу искреннюю благодарность за помощь в определении техники изготовления предметов сотрудникам ОАВЕиС Государственного Эрмитажа к.и.н. Р.С. Минасяну и к.и.н. Е. А. Шаблавиной.



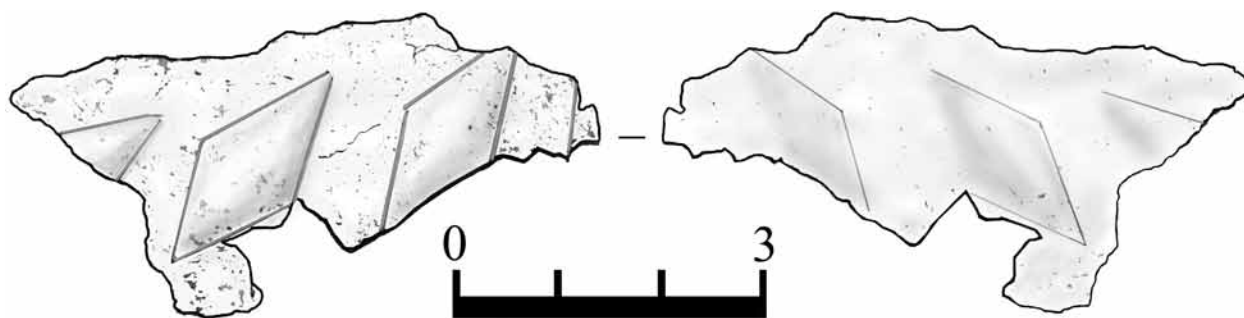


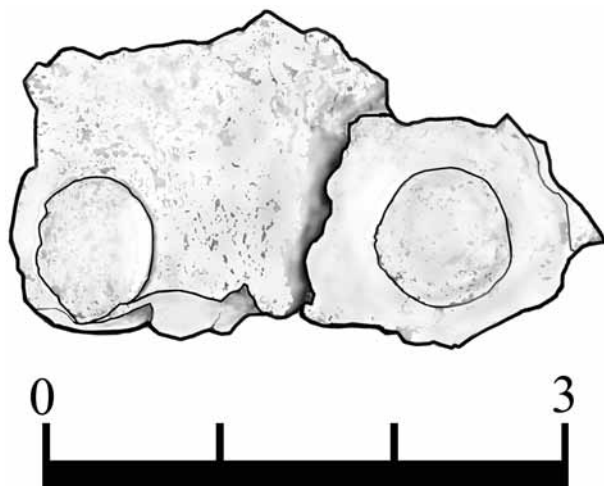
Рис. 1. Орнаментированный фрагмент бронзового сосуда (к. 524 у с. Жаботин).

2005: 242). Отметим, что техника нанесения орнамента на пластины нижней части панциря и сосуд одинакова — это прочерчивание металлическим инструментом типа стилоса по изнаночной стороне в первом случае, по лицевой — во втором.

Бронзовые клепаные сосуды, традиционно называемые ситулами, хорошо известны в предскифских и раннескифских памятниках Северного Кавказа и Правобережного Приднепровья (Ильинская, 1975: 114; Ковпаненко, 1981: 99; Ковпаненко и др., 1989: 60; Крупнов, 1952: 20-27; Галанина, 1997: 150; Петренко 2006: 83-86). Однако до сих пор клепаные сосуды с орнаментом в кочевнических погребениях Северного Кавказа и Приднепровья не были известны, и наличие орнаментированного бронзового сосуда в к. 524 у с. Жаботин является уникальным фактом.

Рентгено-флюоресцентный анализ, выполненный С.В. Хавриным в

Рис. 2. Фрагменты с клепками (к. 524 у с. Жаботин).



Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, показал идентичность состава металла орнаментированных фрагментов и фрагментов с клепками, поэтому высока вероятность того, что все это части одного предмета. Они изготовлены из сплава, основу которого составляет медь, в качестве примесей присутствует олово (11-14%) в незначительном количестве (следы) свинец, сурьма, олово, железо.

Подобные бронзовые сосуды, украшенные аналогичным орнаментом в виде наклонно расставленных ромбов, известны в комплексах первой половины I тысячелетия до н. э. южных и северных склонов Центрального Кавказа. Так, из погребений Тлийского могильника происходит представительная серия орнаментированных ромбами бронзовых клепаных сосудов; кружки с зооморфными ручками из п. 401, п. 409, п. 417 (Техов, 2002: 74, рис 10; табл.82, рис5; табл. 90, рис.3), бронзовое ведерко-котел с боковыми ушками, связанными проволочными ручками из п. 362/1 (Техов, 2002: табл 32, рис.9), ваза с маленькими ушками из п. 49 (Техов, 1981: табл 97, рис.6). Среди вещей клада из селения Лухвано, хранящихся в Государственном Эрмитаже, есть клепаная бронзовая кружка, украшенная в верхней части орнаментом в виде двух поясов наклонных ромбов, обрамленных «тремя кольцевыми врезами» (Иессен, 1962: 46, рис.5). Исследование этой кружки (инв. № 1727/16) показало, что орнамент нанесен на нее и на фрагменты сосуда из к. 524 у с. Жаботин одинаковым способом — они были прочерчены с лицевой стороны предмета, и невысокий рельеф образовался



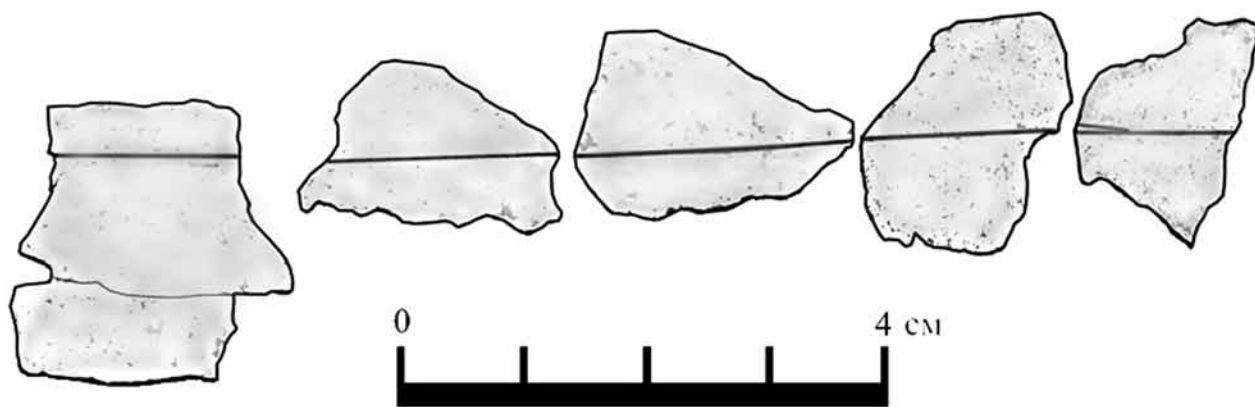


Рис. 3. Фрагменты с горизонтальными линиями (к. 524 у с. Жаботин).

за счет легкой деформации металла (рис.4). Кроме того, в коллекции Дн 1913/2 есть пластины, на которых видны горизонтальные линии (рис.3) – вероятно, они вместе с ромбами являлись частью орнаментального пояса, похожего на пояс сосуда из Лухвано. Отметим, что на всех без исключения сосудах с ромбическим орнаментом из Тлийского могильника полосы ромбов разделены не горизонтальными прочерченными линиями, а точками, насечками, двойными линиями, заполненными мелкими наклонными штрихами. Таким образом, вероятно, что фрагменты сосуда из к. 524 относятся к орнаментированному ромбами клепаному сосуду, имеющему аналогии среди древностей Центрального Кавказа, наиболее же близкой аналогией можно считать сосуд из лухванского клада. Атрибуция фрагментов бронзовых пластин с орнаментом как частей орнаментированного клепаного сосуда позволяет утверждать, что в состав комплекса к. 524 у с. Жаботин входила и эта, весьма редкая для Приднепровья, вещь категории.

По мнению исследователей, занимающихся проблемами кобанской культуры, начало изготовления бронзовой посуды приходится на период Кобан II, датирующийся серединой XII – началом X вв. до н.э. (Козенкова, 1996: 92) и продолжается до VII–VI вв. до н.э. (Техов, 2002: 182). Б.В. Техов датировал комплексы с бронзовыми орнаментированными кружками из Тлийского могильника VIII–VII вв. до н.э. (Техов, 2002: 181), а комплексы с сосудами с двумя ушками – VII–VI в.в. до н. э (Техов, 2002: 182); А.А.

Иессен отнес комплекс лухванского клада к IX–VIII вв. до н.э. (Иессен, 1962: 46). Таким образом, комплексы с орнаментированными кружками на шкале относительной хронологии предшествуют комплексам с орнаментированными сосудами с двумя ушками. Это подтверждается и с позиций относительной хронологической шкалы, построенной А.Ю Скаковым с учетом эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров, встречающихся в комплексах с бронзовыми орнаментированными сосудами. Так, орнаментированный топор из лухванского клада отнесен А.Ю. Скаковым ко второму хронологическому периоду в развитии декора кобано-колхидских бронзовых топоров (Скаков, 1997: 77), а топоры из

Рис. 4. Клепанный бронзовый сосуд с орнаментом из клада у с. Лухвано.  
По: Иессен, 1962, рис. 5.



погребений 49 и 362/1 Тлийского могильника отнесены к 4-му хронологическому периоду (Скаков, 1997: 82).

Если согласиться с позицией А.А. Иессена и А.Ю. Скакова, то сосуд из лухванского клада древнее сосудов из Тлийского могильника. Очевидно, дата, близкая дате лухванского сосуда, должна быть принята и для сосуда из к.524 у с. Жаботин, что является дополнительным аргументом в

пользу пересмотра хронологической позиции этого комплекса в сторону удревнения. Таким образом, смещение его нижней хронологической границы в VIII в. до н.э. (Kossak, 1987: 28; Дараган, 2005: 101) уже представляется весьма вероятным. Кроме того, можно с уверенностью говорить о более тесных связях вещевого комплекса к. 524 у с. Жаботин с центрально-кавказским регионом, чем это предполагалось ранее.

## Литература

- Березин, Дударев, 1998* – Березин Я. Б., Дударев С. Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 1.
- Бобринский, 1916* – Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 г. ИАК. 1916. вып. 60.
- Виноградов и др., 1980* – Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. К., 1980.
- Галанина, 1997* – Галанина Л. К. Келермесские курганы. Москва, 1997.
- Дараган, 2005* – Дараган М. Н. Происхождение и хронология псалий типа Уашхиту-Жаботин в контексте центрально-азиатских инноваций комплекса РСК 1 // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.
- Дударев, Фоменко, 2007* – Дударев С.Л., Фоменко В. А. Новые данные о связях населения Кавминвод с внешним миром в VIII–VII вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2007.
- Иессен, 1962* – Иессен А. А. Клад из селения Лухвано в Грузии // СГЭ. 1962. XXII.
- Ильинская, 1975* – Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. К., 1975.
- Ковпаненко, 1981* – Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. К., 1981.
- Ковпаненко и др., 1989* – Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. К., 1989.
- Козенкова, 1996* – Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- Крупнов, 1952* – Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М., 1952.
- Петренко, 2006* – Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва, Берлин, Бордо, 2006.
- Рябкова, 2005* – Рябкова Т. В. Курганы 524 у с. Жаботин // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Скаков, 1997* – Скаков А. Ю. К вопросу о эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997.
- Техов, 1981* – Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы IX – первой половины VII в. до н. э). Тбилиси, 1981.
- Техов, 2002* – Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.
- Черненко, 1968* – Черненко Е. В. Скифский доспех. К., 1968.
- Kossak, 1987* – Kossak G. Von den Anfängen des skitho-iranischen Tierstils // Skythika. München. 1987.



## ДО ЛЕГЕНДИ ПРО САРМАТСЬКИХ КАТАФРАКТАРІЇВ<sup>1</sup>

Література про катафрактаріїв є величезна (Хазанов, 1971: 75-76), і через обмежений обсяг статті я навіть побіжно не торкатимусь її тут. Зазначу лише, що панцирні вершники згадуються античними авторами серед військ Селевкідів (*Polib.*, XXXI, 3, 8; *Liv.*, XXXV, 48), у персів (*Heliod.*; *Amm. Marc.*, XVI, 10, 8; XXIV, 6, 8; XXV, 1, 12), парфян (*Plut.*, *Crass* XXI), вірмен і мідян (*Plut.*, *Luc.* XXVI; *Strabo*, XI, 14, 9), албанів (*Strabo*, XI, 14, 9), сарматів (*Tac.*, *Hist.*, I, 79) і у складі римської кавалерії (*Veg.*, I, 20). Залишимо також осторонь боспорських та парфянських катафрактаріїв, яким присвячені роботи В.О. Горнчаровського, В.П. Никонова та інших. Те, що ми маємо розглянути зараз, – само по собі не проста справа.

Точка зору про існування у сарматів катафрактаріїв як характерної риси їх військової справи була сформульована В.Д. Блаватським і розвинута у роботах Ю.М. Десятчикова та А.М. Хазанова (*Блаватский*, 1954: 114-121; *Десятчиков*, 1968: 44-51; *Хазанов*, 1971: 72). Ці автори розуміли під катафрактаріями вид кінноти з такими специфічними якостями: 1) панцирний захист вершника й коня; 2) застосування довгого списа як основної зброї і т. зв. «сарматська посадка»;

3) особлива тактика атаки – кар'єром, в зімкнутому клиноподібному шикуванні<sup>2</sup>. Свого часу А.М. Хазанов припустив, що в I ст. до н.е. – I ст. н.е. в результаті реформи підрозділи катафрактаріїв з'явилися і поширилися у військах всіх сарматських племен (Хазанов, 1971: 71).

Ці положення, висунуті такими авторитетними вченими, було прийнято одностайно. Антикознавці знайшли в них базу сарматизації боспорських та херсонеських військ, скіфологи й сарматознавці – джерело звитяжного руху сарматів на захід. Іноді цікава ідея, кочуючи з посилення до посилення, поступово стає науковим фольклором, що аргументи знаходяться поза критикою, а її аргументація (особливо джерелова база), як правило, забувається та не перевіряється<sup>3</sup>. Так вийшло й з сарматськими катафрактаріями, що поскакали по степах нищівним кар'єром зі сторінок наукових і науково-популярних робіт (з останніх *fantasy* на цю тему див. *Нефедкин* 2004: 25-81).

Проблема сарматських катафрактаріїв забезпечувалася, головним чином, письмовими та іконографічними, меншою мірою – археологічними джерелами, а також

<sup>1</sup> Роботу написано як частину авторського проекту в Institute for Advanced Studies (Princeton, NJ) за фінансової підтримки фонду Герди Хенкель Штіфтунг. Російськомовну версію опубліковано у НАВ, вип. 9, Волгоград, 2008.

<sup>2</sup> Щоправда, письмові джерела прямо не підкреслювали ці особливості катафрактаріїв, а просто у різному контексті говорять про важку кінноту.

<sup>3</sup> Порів. погляди В.О. Горнчаровського, С.М. Перевалова, С.П. Кожухова, О.О. Сазонова.

загальними міркуваннями про специфіку розвитку важкої кінноти і даними про наявність її у сусідів та сучасників сарматів. Проте, при уважному розгляді аргументи на користь існування у сарматів катафрактаріїв в розумінні перелічених дослідників мають достатньо слабких місць.

Перш за все, це не зовсім коректний підхід до письмових джерел. Про сарматських важкоозброєних вершників згадував лише Тацит. Він писав, що катафракта – це залізний або шкіряний панцир, який у роксоланів носять «*ватажки і всі благородні*», тобто, їхню важку кінноту складала знать. В пасажі про рейд роксоланів, які «*вдерлися до Мьозії кількістю до 9 тисяч вершників*» (виділено мною – О.С.) ніяк не підкреслено, що всі вони були катафрактаріями. Тому такий висновок (Хазанов, 1971: 75) є не зовсім об'єктивний. Отже, Тацит, на якого звичайно посилаються в підтвердження існування у сарматів катафрактаріїв як особливої тактичної і бойової одиниці, повідомляв тільки про наявність у них панцирів і панцирних вершників. Решта давніх авторів описувала не сарматських, а парфянських, персидських або вірменських катафрактаріїв. Але чи вірно з погляду методології дослідження переносити ці дані в повному обсязі на сарматів?

Археологічні матеріали демонструють вельми обмежене в часі і просторі поширення обладунку у них. До ранньосарматського часу відносяться навряд чи десять знахідок фрагментів лускатого панциря, розкиданих по степах від Уралу до Дону. Прекрасні і, на перший погляд, численні панцири й кольчуги кінця I ст. до н.е. – початку II ст. н.е. зосереджені в басейні Кубані і походять, головним чином, з курганів, розкопаних в Закубанні та на Золотому кладовищі. У пізньосарматських пам'ятках від Уралу до Дунаю обладунку немає зовсім. У чому тут справа – я, одверто кажучи, поки пояснити не можу. Але можу констатувати: археологічні матеріали не дають підстав казати про наявність катафрактаріїв «*у всіх или, по крайней мере, у большинства сарматских племен к концу I в. н.э.*» (Хазанов, 1971: 80).

Схоже, що обладунок потрапляв до сарматів Східної Європи найрізноманіт-

нішими шляхами й зовсім не регулярно. Нечисленні лускаті панцирі скіфського типу з прохоровських могил Поволжя, швидше за все, – спадок савроматів. Іноді раннім сарматам діставалися дивовижні трофеї – кіраси часу еллінізму з Прохоровки та Бердянки або бронзовий єгипетський чи сирійський панцир (ст. Грушевська), узятий в якомусь закавказькому храмі. Сірацькі ватажки (Зубів хутір, ст. Воздвиженська, Лиса Гора) могли розжитися своїми римськими обладунками під час Мітрідатових воєн, а то й пізніше, в першій половині I ст. н.е. (рання дата перелічених могил дискусійна). В середині I ст. н.е. зі сходу прийшли алани, котрі їздили у сідлах нового типу з високими луками і практикували штурмовий удар списом з коня, що скаче. Якщо ототожнювати з ними Золоте кладовище (чому є всі підстави), то хуннсько-сяньбійські та парфянські паралелі обладунку з цих курганів указують на початкову територію міграції похованих в них людей і на їх контакти дорогою на Кубань. Роксолани Північного Причорномор'я або носили шкіряну зброю (пригадаймо Тацита: «... *прикриття, складене із залізних платівок або дуже твердої шкіри*» – виділено мною), або чомусь не клали свої панцирі і кольчуги до могил. Дисперсність знахідок обладунку на землях сарматів (окрім Північно-Західного Кавказу) є, швидше за все, наслідок рідкості цього озброєння і відбиває мінливість його долі в степу.

Засоби захисту бойового коня відомі у Месопотамії з II тис. до н.е. (Никонов, 1985: 30). В євразійських степах першими їх почали застосовувати, хоча й обмежено і не цілеспрямовано, скіфи. Джерела містять дані про застосування панцирного захисту коня в персидській кавалерії та у війську Селевкідів (Никонов, 1985: 31).

В час, що цікавить нас, кінський обладунок був поширений на Близькому Сході. Саллюстій знав його у вірмен (Sal. IV, 4, 64-66). За словами Страбона (Strabo, XI, 14, 9), «*такого роду кінноту люблять не тільки мідяни та вірмени, але й албанці, бо вони користуються на війні вкритими бронею кінськими*». Широко відомі парфянські лускаті панцирні попони з Дура-Европос (Robinson, 1975, p. 194, pl. 529, 530) (мал. 1, 2, 3), там такі



знайдене графіто із зображенням вершника на вкритому такою попоною коні (мал. 1, 1). В імператорський час у складі римської кавалерії з'явилися катафрактарії та клібанарії, у яких кінський обладунок був обов'язковим (Никоноров, 1985: 33).

Проте жоден давній автор не писав про існування кінського обладунку у сарматів. Більш того, Арріан в «Диспозиції проти аланів» стверджує прямо протилежне: «*скіфи<sup>4</sup>, не маючи обладунку та маючи коней без обладунку...*» (Arrian., Dis., 31). Звернемося до іконографічного та археологічного матеріалу. Широко відомі рельєфи на колоні Траяна (мал. 2, 1) зображують, на загальну думку, сарматських катафрактаріїв. Проте кінські панцирі на рельєфах явно умовні й стилізовані; вбрати коня у такий обладунок та змусити тварину продуктивно рухатися в ньому абсолютно неможливо<sup>5</sup>, й дарма О.К. Нефьодкин намагається обґрунтувати його реальність посиланнями на Поллукса (Нефедкин, 2004: 30) – перераховані цим автором частини кінського обладунку не мають відношення до зображень на колоні Траяна. У всі часи кінський обладунок – нехай то армована попона або металеві пластини – вкривав лише різні частини корпусу (це залежало від часу і конструкції обладунку), залишаючи вільними ноги й черево. Кращим підтвердженням цьому є графіті та кінські катафракти з Дура-Европос або кінський обладунок європейських лицарів пізнього середньовіччя.

Так само фантастичні і нереальні зображення кінського (та й людського) обладунку на фресках пантікапейського склепу 1841 р. Ще М.І. Ростовцев припустив, що художник Стефанській, який копіював їх, чогось не зрозумів, а зображення панцирних вершників, що сидять «по-дамському», є «безумовна фальсифікація или інтерполяція» (Ростовцев, 1914: 352). Враховуючи решту помилок копії Стефанського, варто пристати до думки М.І. Ростовцева, як це й зробив Ю.М. Десятчиков (Десятчиков,

1972: 75). Не потрібно вигадувати такі пояснення цієї посадки, як вираз зневаги до ворога (Кызласов, 1973: 35) або, повіривши в існування таких панцирів, погоджуватися з неможливістю будь-якої іншої пози (Горелік, 1971: 245). В.О. Горончаровський, слушно сумніваючись у реальності такої посадки, все ж таки десь вірить копії Стефанського і, посилаючись на кілька аналогічних зображень, вважає, що корені цього явища лежать або в художньому задумі авторів зображень, або в ритуальній сфері (Горончаровский, 1993: 80).

Треба зазначити, що т. зв. дамська посадка або «амазонка» з'явилася у нові часи в Європі і зумовлена такими далекими від військової справи аспектами, як стан жінки в християнському суспільстві, особливості жіночого одягу того часу тощо. До того ж, для такої посадки існує спеціальне сидло з двома різнонаправленими передніми луками. А у сидлах античного часу втриматися, сидячи по-дамському, було фізично неможливо.

Проте, ризикну припустити, що помилився не Стефанській, який копіював фрески. Дамська посадка воїнів на них – художній прийом «зсув на глядача», який породив міф і про «сарматську посадку» (див. нижче).

На думку дослідників, кінський нагрудник зображений на боспорському надгробку Афенія, сина Мени (Хазанов, 1971: 86; Десятчиков, 1972: 71; Горончаровский, Никоноров, 1987: 203). Дійсно, на камені вибито щось схоже на нагрудник, проте в археологічному матеріалі подібні речі поки не представлені<sup>6</sup>. Але не треба забувати, що на стелі зображений боспорянин, а не сармат. І хоч ніхто не заперечує впливу сарматської військової справи на боспорську, у роботах Б.Д. Блаватського, Ю.М. Десятчикова та В.О. Горончаровського порівняння й часом ототожнення сарматських та боспорських катафрактаріїв перетворилося на чергове положення наукового фольклору.

<sup>4</sup> Тут, звісно, маються на увазі сармати. Ототожнення цих та інших багатьма античними авторами є загально відомим (Мачинский, 1971: 49).

<sup>5</sup> Так вважав й А.М. Хазанов (Хазанов, 1971: 87).

<sup>6</sup> Перший такий нагрудник нещодавно знайдений С.А. Скорим у скіфському похованні V ст. до н.е.



Існує думка, що сарматські панцирі для коня знайдені в курганах біля станиці Ярославської і в Каліновському могильнику (Хазанов, 1971: 87; Никоноров, 1985: 32). Проте перший не зберігся, й нічого певного сказати про нього не можна. Другий навряд чи є кінським обладунком – цей висновок був зроблений тільки на основі розмірів пластин, але великі пластини відомі й на панцирях для людей. О.М. Ждановський не виключав, що кінському обладунку належала велика кількість ламеларних пластин з вхідної ями катакомби у кургані 15 біля ст. Тбіліської (Ждановській, 1984: 92). Але серед них є S-подібно вигнуті пластини, що захищали поперек воїна. Втім, всі ці панцирі зруйновані, точна кількість пластин невідома, і все наші «про» і «contra» рівним чином не можуть бути доведені. Звичайно, не можна виключати наявність кінського обладунку у окремих воїнів, але не схоже, що він застосовувався масово (порів. Хазанов, 1971: 86) і не може розглядатися як одна з головних відмінностей сарматських катафрактаріїв.

Другою особливістю катафрактарія вважається використання списа як головної зброї. Думка про особливо довгі, до 4,5 м, (Блаватский, 1954: 117; Хазанов, 1971: 182; решта авторів так чи інакше використовувала їхні висновки) списи сарматів сходять до точки зору М.І. Ростовцева (Ростовцев, 1914: 330-331). В її основі – зображення списів на пантікапейських фресках та рельєфах. Проте чи є у нас гарантія того, що тут ми не маємо справи з фантазією художника? Розписи пантікапейських склепів схематичні, й навряд чи співвідношення довжини списа і росту вершників реальні.

Обчислити довжину сарматського списа за іконографічними матеріалами спробував Д.А. Скобелев (Скобелев, 2004). Він провів велику роботу по вимірюванню різних частин тіла вершників і коней на зображеннях і порівнянню їх з антропометричними даними моделей<sup>7</sup>. Проте вже на початку експерименту автор зробив припущення, що ставить під сумнів об'єктивність

результату. Я маю на увазі метод, яким Д.А. Скобелев визначив зріст зображених коней для подальших обчислень довжини списа: «Так как в пантікапейских гробницах были похоронены явно не простые воины, то ездили они, надо полагать, не на мелких клячах, а как минимум, на средних, а то и рослых ... жеребцах и меринах» (Скобелев, 2004, №3: 99). Даруйте, але нам абсолютно невідомо, хто був похований у пограбованих пантікапейських склепах – очільники, прості воїни або їх дружини – а, втім, і на яких конях вони їздили. Шкала «дрібні, середні й рослі коні» була розроблена В.О. Віттом для пазирикських коней (до речі, рослий пазирикський кінь 150 см у загривку зараз вважається малим), а застосування її для всіх коней Євразії скіфо-сарматської доби – знов-таки науковий фольклор, не більш. Диспропорція ж зображень коня і вершника на фресках, рельєфах тощо явно спростовує їх реалістичність і позбавляє можливості бути джерелом.

Для прикладу обчислимо довжину списа одного з вершників з орлатської пластини, прийнявши за одиницю відліку довжину його плеча у 35 см (антропометрія дорослого чоловіка). Спис виявиться (з усіма можливими допущеннями та округленнями) завдовжки 217 см. Це число є близько косій довжині тулуба середнього коня верхово-упряжного складу, проте на пластині піка удвічі довша за коня. Кінь же цього контофора – явно високопорідний, ахалтекінського вигляду, з довгою шиєю, той самий «як мінімум, середній, а то й рослий жеребець» Д.А. Скобелева – за цими підрахунками буде... 70 см у загривку! Абсолютно очевидно, що всі орлатські фігури диспропорційні і не можуть використовуватися для обчислення довжини списа. Я упевнений, що вони – не виняток в корпусі іконографічних джерел, хоча зображення зброї, обладунку, кінського спорядження на цих пластинах цілком реалістичні.

Після численних припущень і підрахунків Д.А. Скобелев дійшов наступного висновку: довжина сарматських списів не

<sup>7</sup> На мій погляд, досить було б параметрів голени, стегна або рамена, котрі, як відомо, у дорослих чоловіків є незмінними (поодинокі випадки гігантизму можна не брати до уваги).



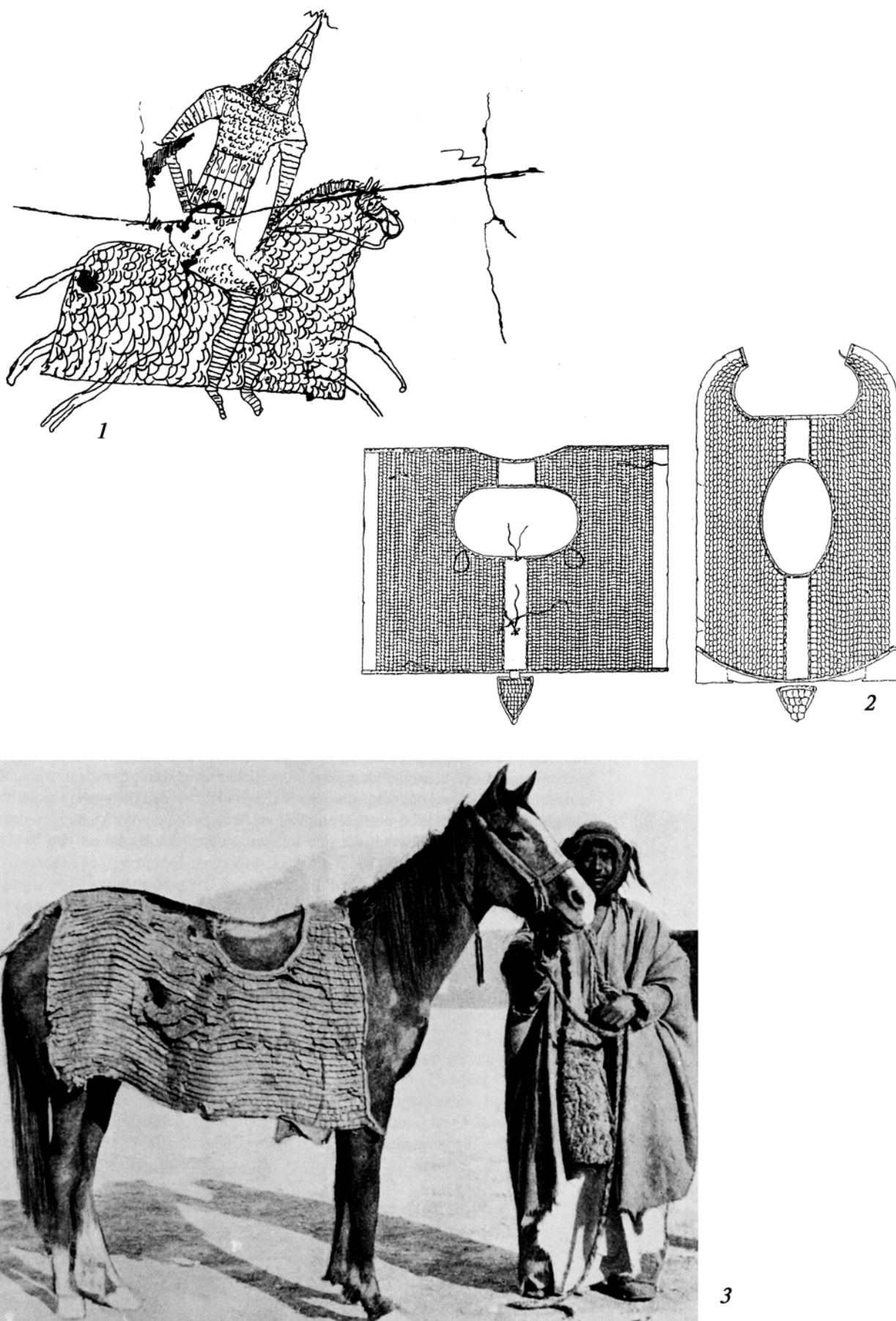


Рис. 1. Катафракти з Дура-Європос.  
1 – граффіто (Хазанов, 1971); 2,3 – катафракти з розкопок (Dixon, Southern, 1992).



перевищувала 3,5 м і у цілому дорівнювала довжині списів легкої кавалерії нового часу (Скобелев, 2004, № 4: 89)<sup>8</sup>. Думаю, що це не випадково — останні з'явилися кінцевим продуктом пошуку ратища оптимальної довжини, що відсіяв некеровані «наддовгі», за визначенням Д.А. Скобелева, списи. І хоча автор (цілком довірно, на мій погляд) не хоче «*исключить возможность бытования у сарматов сверхдлинных пятиметровых пик*», в дуже непоганому розділі статті про їх застосування у новий час (Скобелев, 2004, № 4: 90-96), він сам же показує безперспективність цієї зброї і її зникнення поволі з арсеналів. Довга македонська сарисса була вузько спеціалізованою зброєю, що пішла у небуття разом з фалангою. Навпаки, динамічна східна кіннота (у тому числі й сарматська), що діяла на основі природних якостей коня і вершника, не насилувала їх природу. «Наддовгі» списи відродилися в середньовічній Європі, як результат розвитку кінноти у тупиковому рицарському напрямі, і повторно вмерли із зникненням рицарської кінноти.

Маркус Юнкельман, що проводив практичні експерименти із зброєю римських типів, стверджує, що спис завдовжки більш ніж 4,5 м стає некерованим (Junkelmann, 1992: 146). Списи польських крилатих гусар XVII ст. сягали 4 м; унікальним є гусарський спис з арсеналу Сангушків завдовжки 498 см (Żygulski, 1982: 270-271). Д.А. Скобелев навів дані по списках європейської кавалерії пізнього середньовіччя і нового часу (Скобелев, 2004, № 4: 95, табл. 7). Списи легкої кавалерії XIX ст. не перевищували у довжину 3 м, а у французьких та англійських кірасир були трохи довшими — до 3,3 м. За одними даними (Фролов, 1998: 40), статутна довжина піки донських і кубанських козаків початку XX ст. — 3,15 м, за іншими (Скобелев, 2004, № 4: 95, табл. 7) козака піка зразку 1839 р. була 3,4 м завдовжки, зразку 1901 р. — 3,1 м.

Навряд чи величезна робота, виконана Д.А. Скобелевим, варта того: гора народила мишу. Ми ніколи не знатимемо реальної довжини сарматського списа, поки не знайдемо його у землі. Все інше — припущення, що стоять близько або далеко від науки.

За археологічними даними довжина звичайних (метальних?) сарматських списів навряд чи перевищувала 2,5 м. Можливо, списи важкоозброєних вершників (тобто, зброя для таранного удару з коня) були до 3,5 м завдовжки — останнє припущення абсолютно теоретичне і нічим не підтверджено<sup>9</sup>. Як я намагався показати, використовувати боспорські розписи, надгробні стели та інші іконографічні джерела для обґрунтування незвичайно великої (більше 4 м) довжини сарматських списів некоректно.

Нарешті, третя характерна особливість катафрактаріїв — специфіка прийомів їхнього бою й тактики. Що стосується першого, то така відмінність, як атака кар'єром, є малопереконлива. Цю «відмінність» В.Д. Блаватський угледів у зображеннях скіфських і сарматських вершників. Тут причина помилки знов у відношенні до джерела. Скіфського коня зображували, згідно грецькому канону, на аттичному або короткому галопі (canter), з опорою на зігнуті задні ноги і піднятими на різну висоту передніми<sup>10</sup> (Reinach, 1925: 6-12). Канон сарматського часу передбачав зображення коня в галопі, який Соломон Рейнак назвав розгорнутим або опорним (galop allonge). Отже, різниця у зображеннях скіфських і сарматських вершників не передає різні алюри, а зумовлена різними художніми стилями.

Крім того, російським терміном «кар'єр» (у козаків — «намет») зветься просто дуже швидкий галоп, а не якийсь окремий алюр. Атака кавалерії завжди провадилася швидко, чому більшою мірою

<sup>8</sup> В тих таки межах без усяких підрахунків реконструювали довжину контоса римських кавалеристів Карен Діксон і Пат Саузерн (Dixon, Southern, 1992: 50). Варто було город городити?

<sup>9</sup> А.С. Скрипкин люб'язно повідомив мене про знахідку у 1965 р. у савроматському похованні IV ст. до н.е. точно виміряного списа 3,4 м завдовжки.

<sup>10</sup> Так зображувалися не тільки скіфські, а й грецькі коні (див. фриз Парфенона та інші відомі рельєфи).





Рис. 2. Зображення сарматських панцирів.  
1 – колона Траяна (Watson, 1983); 2 – теракота з Керчі (фото ДІМ).

сприяли коні, ніж вершники. Річ у тому, що при русі великої маси коней галопом варто лише одному «понести», тобто зірватися у кар'єр, як всі інші через стадний інстинкт кидаються за ним, і впоратися з ними майже неможливо. Власне, весь ефект кавалерійської атаки побудований на швидкості алюру, яка значно збільшує як фізичну, так і психологічну (що є важливе) силу удару. У нас немає підстав стверджувати, що скіфи і сармати атакували на різних алюрах – це перенапряга джерела. Проте вони дійсно атакували по-різному – скіфи під'їжджали до шикування ворога, метали списи та дротики і повертали назад, а сармати таранили його списками та ставали до рукопашної.

Ще однією специфічною особливістю сарматських катафрактаріїв вважається т. зв. «сарматська посадка» (*література див. Перевалов, 1999: 75-76*): вершник сидить, кинувши повід, обернувшись праворуч і тримаючи спис двома руками паралельно корпусу коня. Цю посадку було сконструйовано В.Д. Блаватським за іконографічними джерелами (археологія у цьому випадку безсила). Проте він і його послідовники жодного разу не спробували уявити собі, наскільки ця посадка придатна на практиці – верхи на коні, та ще й у бою.

Показавши фізичну неможливість «сарматської посадки», я пояснив її зображення специфікою іконографічних джерел і підкреслив, що вона стала черговим положенням наукового фольклору (*Симоненко, 2002: 110-122*). Це викликало різку критику С.М. Перевалова, яка інколи виходить за рамки етичних норм наукової полеміки (*Перевалов, 2007: 143-156*). Не повторюючи своїх викладень, які читач знайде в згаданій статті у ВДИ, приведу лише деякі контр-аргументи.

«Узловою точкою наших расхождений» (*Перевалов, 2007: 139*) є різний підхід до придатності наративних і археологічних джерел для реконструкції таких специфічних реалій, як посадка вершників і інші окремі питання стародавньої військової справи. Я упевнений, що в цьому питанні слід бути обережним і пам'ятати, що наші

можливості обмежені. Мій опонент переконаний у протилежному: для нього тисячу разів переписані, можливо, спотворені (що визнає і він сам; *Перевалов, 2007: 157-158*) і не обов'язково вірні думки давніх авторів або невідомо ким намальовані фрески є так само точні, як фотографії.

Втім, справа навіть не в цьому. С.М. Перевалов використовує як аргументи саме ті положення наукового фольклору, коректність яких я ставлю під сумнів. Його принцип: «це так, тому що так сказав N». Я не заперечую закон достатньої підстави, але давайте хоч іноді перевіряти, чи достатня наша підстава!?

Наприклад, С.М. Перевалов підкреслює, що Майнор Макл вважав дворучний хват списа «національною особливістю» сарматів» (*Перевалов, 2007: 153*), не помічаючи, що Макл стверджує це на підставі **тих самих фресок і надгробків** (*Markle, 1977: 337*), цінність яких як джерела вельми сумнівна! С.М. Перевалов, йдучи за Маклом по логічному колу, аргументує свої міркування тим, що якраз і потрібно довести.

Мій опонент не зрозумів результату експеримента Макла: переконавшись, що впоратися із сариссою можна тільки двома руками і **саме тому вважаючи такий хват неможливим**, Макл стверджував, що македоняни тримали кавалерійський спис в одній руці – «*the Macedonians managed cavalry lance with only one hand* (виділено мною – *O.C.*)» (*Markle, 1977: 336*).

Маркус Юнкельман назвав дворучний хват списа сарматським або парфянським знову-таки на підставі іконографічних та письмових джерел (*Junkelmann, 1992: 144*). Тому посилання С.М. Перевалова на нього є чергове логічне коло, цього разу описуване слідом за Юнкельманом!

Мій опонент стверджує, що Юнкельман моделював посадку пізньоримських катафрактаріїв IV ст. н.е., яка є нібито відмінна від класичної «сарматської посадки» I–II ст. н.е. Його не бентежить, що він порівнює те, існування чого ще потрібно довести. «*В римской армии применялся как тот, так и другой способы*» – стверджує мій



опонент так безапеляційно, ніби бачив це на власні очі (Перевалов, 2007: 154). Перепрошую, але ми не у військово-історичному клубі, а посилання на точку зору Карен Діксон і Пат Саузерн (Dixon, Southern, 1992: 49-50), висловлюючись мовою Перевалова, «можна залишити без уваги». Ці авторки лише повторили думку Джона Колстона, а він, знов-таки, керувався тими самими образотворчими джерелами, точність яких сумнівна (Coulston, 1986: 65). Колстон помилково вважав, що одноручний хват списа під пахвою не застосовувався у давнину через відсутність стремен. Проте для цього потрібні не стремена, а міцна глибока посадка, яку забезпечує сідло з високими лугами. При дворучному хваті списа з одного боку коня ризик бути вибитим з сідла віддачею набагато більший, ніж при одноручному хваті. Дотепно, як Діксон і Саузерн в той же час не виключають, що одноручний хват «*просто не розвинувся через відсутність історичного прецеденту*»<sup>12</sup>. Аргументи такого рівня, на жаль, не можуть братися до уваги, а інших у моїх опонентів немає. А *posse ad esse* — не кращий принцип доказу.

І ще один важливий момент: **жоден з експериментаторів так і не відтворив «сарматську посадку»** в розумінні С.М. Перевалова. Чи не тому, що вона неможлива фізично? Виходячи з тексту Юнкельмана, змодельована ним посадка — єдине, чого він зміг досягти, досліджуючи можливість дворучного хвата взагалі.

Не варто С.М. Перевалову нехтувати моїм досвідом вершника з 40-річним стажем. З його задержаних заяв видно, що, не будучи фахівцем, він так і не зрозумів мене: я не стверджував і не стверджую, що їздити верхи без повода та стремен неможливо. Не вірячи мені, він проконсультувався у артиста цирку. Проте одна справа — джигітовка в ідеально рівному манежі діаметром 13 м, і зовсім інше — скачка по пересіченій місцевості з 3,5-метровим списом в руках. Чи врахував цю різницю консультант С.М. Перевалова, який вважає, що моделювання «сарматської посадки»

без стремен та повода не створює «*жодних проблем*» (Перевалов, 2007: 153, посилання 75)? Моделювання, можливо, й не створює, але їзда та бій на такій посадці, м'яко кажучи, є проблематичні. Наслідуючи моєму опонентові, я звернувся до артистів київського кінного театру «Скіф», що працюють двоюбої на списках, і їхній висновок був прямо протилежним думці осетинського джигіта — так (тобто, на «сарматській посадці») атакувати не можна. Поясню для С.М. Перевалова: «не можна» не означає повну відсутність фізичної можливості; можна, звичайно, але результат буде один — вершник опиниться на землі.

Про неможливість атаки без повода: віддачу списа при зіткненні приймає на себе кінь, який **підтримується поводом** у рівновазі на заді. Ось що малося на увазі, і ось чого не зрозумів С.М. Перевалов — я зовсім не стверджував, що вершник може утриматися в сідлі, не інакше, як набираючи повід (Перевалов, 2007: 155).

Спробую розвіяти сумніви мого опонента і у знайомстві з «особливостями колуючої зброї» (Перевалов, 2007: 154), які мені відомі за власним досвідом, а не тільки з цитованої праці В. Федорова у малозрозумілому викладі С.М. Перевалова. Приклад бойового використання піки у нові часи (улани, гусари, козаки) показують, що, як правило, вона після нанесення першого удару залишалася в тілі ворога, а вершник переходив до роботи клинком (*порів. думку Макла про використання сарисси; Markle, 1977: 334*). Ось що писав ротмістр Сумського гусарського полку В. Літтауер, який, звісно, знав предмет: «*Пики полагались только половине эскадрона — тем, кто находился в первой шеренге... В атаке на полном галопе пики предназначались только для нанесения первого удара. Как только пика настигала врага (ударив его или проколов насквозь), ее следовало бросить, в противном случае от силы удара могло сместиться плечо. Бросив пику, кавалерист тотчас выхватывал шапку* (виділено мною — О.С.)» (Литтауер, 2005: 90). Що трапиться з вершником, який тримає спис

<sup>12</sup> Alternatively, it may be that without any historical precedent this style had simply not developed (Dixon, Southern, 1992: 50).



«по-сарматському», я вже пояснював (*Симоненко, 2002: 112-114*).

Зображення контофорів за фронтальним (*фон Галль, 1997: 177*) каноном – анфас, у величому статичному повороті корпусу, із списом в обох руках – це прийом давніх художників під назвою «зсув на глядача» (*Раушенбах, 1975: 88-89*). Він був породжений, з одного боку, незнанням законів перспективи, з іншою – бажанням (і навіть необхідністю, як здавалося художнику) показати на передньому плані все, що вимагав сюжет. Прикладом такого прийому може бути керченська теракота із колекції А.С. Уварова (ДІМ Росії) – торс вершника розгорнутий анфас так, що його ліва рука, яка тримає повід, показана з правого боку коня, але це абсолютно нереально в натурі (мал. 2, 2). Ще один яскравий приклад «зсуву на глядача» – катафрактарії на фресці пантікапейського склепу 1841 р., які сидять «по-дамському». В нашому випадку «зсув на глядача» – це винесення на передній план обох рук вершника, що й породило міф про «сарматську посадку».

Мені здається, що підходи Д.А. Скобелева і С.М. Первалова до рішення їхніх завдань безперспективні просто тому, що нашими засобами і методами отримати їхнє науково обгрунтоване рішення неможливо.

Щодо катафрактаріїв слід підкреслити, що я не заперечую запропонованого А.М. Хазановим та іншими дослідниками визначення їхньої специфіки як роду військ. Проте ані археологічні, ані інші джерела, якщо к ним підходити об'єктивно, не демонструють, що ця специфіка була притаманна панцирній кінноті сарматів. Вона складалася із знатних і заможних кочовиків – практично весь обладунок знайдений у багатих могилах (те, що більшість їх пограбовано, є зайве тому підтвердження). В поєднанні з уточненням Тацита цей факт говорить про доступність засобів бойового захисту лише верхівці сарматського суспільства. Але чи зводилися броненосні вершники до окремих підрозділів? Як це здійснювалося на практиці, і хто ними командував? У кочовиків аж до Чингіз-хана військо формувалося за родо-племінним принципом, і родичі на чолі зі своїми

ватажками були водночас військовою одиницею. Сармати не склали винятку, тому специфіка катафрактаріїв як окремих підрозділів із своїми завданнями, командирами, тактикою та іншими атрибутами армійської організації навряд чи могла бути реалізованою у кочовому війську. Якщо римські або іранські катафрактарії як рід військ і мали якісь специфічні відмінності у спорядженні і тактиці, то не варто це в такому ж обсязі шукати у сарматів.

Амміан Марцеллін, Геліодор, Страбон, Плутарх та інші писали не про сарматських, а про парфянських, персидських, вірменських катафрактаріїв. Дійсно, такого роду кіннота могла з'явитися тільки в арміях розвинутих держав із централізованою владою та іншими суспільними механізмами, що можуть забезпечити формування, постачання, навчання і застосування такої специфічної бойової одиниці. Не думаю, що у кочовиків-сарматів були в наявності всі ці умови. Таким чином, питання про час і місце появи катафрактаріїв, поставлене А.М. Хазановим, як і раніше, є далеким від остаточного розв'язання. Не вдаючись до подробиць, припущу, що вони з'явилися в Кангюї та Парфії.

Проте, скільки б ми не сперечалися про деталі, в цілому точка зору про те, що катафрактарії були нововведенням у військовій справі давнини, є вірна. Нововведення це, проте, полягало не в озброєнні (панцирна кіннота існувала і раніше), не в алюрі атаки або шикунанні (навряд чи ми з'ясуємо коли-небудь, як це було насправді), а в способі бою – штурмовому ударі списом з коня, що скаче. З трьох особливостей катафрактаріїв саме ця посправжньому відрізняла їх від більш ранніх панцирних вершників. Я думаю, що удар цей став можливий після винаходу кочовиками «жорсткого» сидла з високими луками. Саме воно дозволяло вершнику втриматися на коні після сильної віддачі списа. І хай через секунду воїн кидав його – «жорстке» сидло нейтралізувало поштовх ратища, що виносив вершника з «м'якого» сидла. Нове сидло навіть без стремен значно підвищило безпеку і комфортність посадки вершника. Таранний удар списом з коня, що скаче, став загальнодоступним



і ефективним бойовим прийомом цілих підрозділів. Сарматська тактика штурмового удару контофорів або катафрактаріїв зобов'язана своєю появою перш за все сидлу з високими луками.

Час винаходу цього сидла точно не встановлюється<sup>13</sup>. Проте привертає увагу безперечний збіг в I ст. н.е. трьох обставин: чергова хвиля міграції сарматів (аланів?) на захід, поява зображень сидел нової форми і поява даних про сарматських панцирних вершників (Симоненко, 2004).

Часом появи у сарматів катафрактаріїв вважалися I ст. до н.е. – I ст. н.е. (Блаватский, 1954: 114; Десятчиков, 1968: 49; Хазанов, 1971: 80). А.М. Хазанов справедливо зазначав, що їхня кількість ніколи не була дуже великою (Хазанов, 1971: 75). Поховання із обладунком складають навряд чи 5% загального числа воїнських могил сарматів (підррахунок приблизний, адже точна кількість останніх невідома).

Важко й погодитися з тим, що катафрактарії були у військах всіх сарматських племен (Хазанов, 1971, с. 80). Поодинокі знахідки обладунку в приуральських, поволзьких та донських ранньосарматських пам'ятках демонструють їхню рідкість у сарматів цього часу (аорсів?). Дуже умовно визначаючи племінну належність кубанських поховань із обладунком, можна говорити про те, що важка кіннота була в аланів, сіраків та меотов наприкінці I ст. до н.е. – на початку III ст. н.е. Тацит писав про її наявність у роксоланів, проте археологічний матеріал це поки не підтверджує.

Я не певен, що у сарматів існували підрозділи катафрактаріїв у розумінні В.Д. Блаватського і А.М. Хазанова. Авторитетні імена цих високоповажних вчених позбавили їхню гіпотезу критичного аналізу послідовників, і поняття «сарматський катафрактарій» згодом перейшло до розряду наукового фольклору.

## Література

*Блаватский, 1954* – Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

*фон Галль, 1997* – фон Галль Х. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. 1997. № 2.

*Горелик, 1971* – Горелик М.В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластине из Гермесова кургана // СА. 1971. № 3.

*Горончаровский, 1993* – Горончаровский В.А. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. Вып. 6. Спб., 1993.

*Горончаровский, 1987* – Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Илуратский катафрактарий (из истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. №1.

*Десятчиков, 1968* – Десятчиков Ю.М. Появление катафрактариев на Боспоре // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных студенческих конференциях. М., 1968.

*Ждановский, 1984* – Ждановский А.М. Подкурганые катакомбы Среднего Прикубанья первых

веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

*Кызласов, 1973* – Кызласов И.Л. О происхождении стремьян // СА. 1973. № 3.

Литтауэр В. Русский гусар. Рассказ об Императорской кавалерии 1911-1920. СПб, 2005. 256 с. Илл.

*Мачинский, 1971* – Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.

*Нефёдкин, 2004* – Нефёдкин А.К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов II в. до н.э. – V в. н.э. СПб., 2004.

Никоноров В.П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 184. М.,

*Перевалов, 1999* – Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. №4.

*Перевалов, 2007* – Перевалов С.М. Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3.

<sup>13</sup> Цікаве спостереження Є.В. Степанової про те, що зображення китайських сидел скіфського типу датуються тільки ранньою Хань; з пам'яток рубежу н.е. «происходят изображения уже иных сидел» (Степанова, 2006: 135).



- Раушенбах, 1975* – Раушенбах Б.В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975.
- Ростовцев, 1914* – Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
- Симоненко, 2002* – Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1.
- Симоненко, 2004* – Симоненко А.В. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Скобелев, 2004* – Скобелев Д.А. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // *Roma Bellum*. 2004. № 3; № 4.
- Степанова, 2006* – Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // *Археологические вести*. Вып. 13. СПб., 2006.
- Фролов, 1998* – Фролов Б.Е. Пики кубанских казачков // *Древности Кубани*. Вып.10. Краснодар, 1998.
- Хазанов, 1971* – Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Coulston, 1986* – Coulston J.C. Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // *The Defence of the Roman and Byzantine East*. Vol. I. (BAR International series S297). Oxford, 1986. P. 59-75.
- Dixon, Southern, 1992* – Dixon K.R., Southern P. The Roman Cavalry. From the 1st to the 3rd Century AD. London, 1992.
- Junkelmann, 1992* – Junkelmann M. Die Reiter Roms. Teil III. Mainz, 1992.
- Markle III, 1977* – Markle III M.M. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor // *American Journal of Archaeology*. 1977. Vol. 81. No. 3.
- Reinach, 1925* – Reinach S. La representation du galop dans l'art ancien et moderne. Paris, 1925.
- Robinson, 1975* – Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. Thatford, 1975.
- Rostovtseff, 1935* – Rostovtseff M.I. Dura and the Problem of Parthian Art. New Haven, 1935.
- Watson, 1983* – Watson G. The Roman Soldier. London, 1983.
- Żygulski, 1982* – Żygulski Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Blizkiego Wschodu. Warszawa, 1982. S. 270-271.



## АМАЗОНКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Амазонки, как историческое явление, вызывают неугасающий интерес. Вряд ли можно отыскать другой такой феномен, с равным постоянством будоражащий человеческий разум и воображение. Ведь только литературная история предания об амазонках насчитывает более 25 столетий. Впервые появившись в произведениях древнегреческих авторов, легендарные воительницы стремительно пронесли по страницам трудов римских и византийских литераторов, дневников мореплавателей и первооткрывателей эпохи средневековья, специальных трактатов ученых — философов, историков, географов, этнографов, литературоведов 17-20 веков. Таким образом, повествования об амазонках оказались представленными как в фольклоре исторических и этнографических народов, так и в географической, исторической и даже художественной литературе. При этом стало очевидным, что амазонки были известны не только античному миру. Народ женщин, живущих отдельно от мужчин, или господствующие над мужчинами женщины и в качестве литературной традиции, и как исторический феномен известен во многих уголках земного шара (Косвен, 1947).

Посвященные амазонкам материалы достаточно обширны и разнообразны. Но одним из главных в них, начиная со времен античности и по сей день, был и, по сути,

остаётся вопрос — реально ли существовали амазонки либо в виде самостоятельного и независимого «народа женщин», либо в виде народа, у которого женщины играли главенствующую, а мужчины — второстепенную роль. Сколько существует этот вопрос, столько же существуют и два варианта ответа на него. Часть исследователей более чем скептически относится к рассказам об амазонках. Достаточно четко подобную позицию сформулировал в начале 19 века анонимный автор статьи «Амазонки живут без мужчин», опубликованной в «Московском собеседнике»: «Были ли амазонки? Толикое множество древних писателей об них говорят и превозносят похвалами, что никто почти даже доселе не осмеливается объявить противного чувствования. Но что касается до меня, то я почитаю за баснь все то, что ни говорили о сей материи» (Амазонки..., 1806)<sup>1</sup>. Иная часть авторов исследований не подвергает сомнению историческую реальность существования амазонок не только в прошлые, но и в настоящие времена. Так, к примеру, в вышедшей в тридцатых годах 19 века «Истории амазонок» немецкий востоковед Фр. Нагель написал, что в действительном существовании «народа женщин» не может быть никакого сомнения» (Nagel, 1838).

Со второй половины 20 в. амазонками вновь активно заинтересовались, теперь историки-археологи. Широкий размах

<sup>1</sup> Цитируется по Косвен, 1947, № 2: 28.



археологических исследований территорий Украины, которые населяли некогда древние номады — киммерийцы, скифы, сарматы — позволил вычленивать и собирать ценнейшие материалы. А это в свою очередь дало возможность вновь обратиться к решению проблемы амазонства, но теперь уже не теоретически, а скорее практически. Археологи установили, что в среде кочевников действительно существовали женщины, которые подобно мужчинам (а возможно и наравне с ними) не только носили оружие, но и принимали участие в военных столкновениях и потому были погребены так, как подобает доблестным воинам. Отношение к этому историческому феномену неоднозначно, поскольку вопрос о роли и месте женщины в обществе всегда был противоречивым и актуальным, каковым остается и по сей день.

Мой интерес к амазонкам пробудился неспроста. В 1983 г., во время исследования курганного могильника у с. Новое в Северном Приазовье<sup>2</sup>, были раскопаны захоронения скифских воинов, в числе которых оказались и женщины-воительницы. Публикация археологического материала (*Фиалко, 1987; 1987а; 1991*) вполне закономерно повлекла за собой поиск не только аналогичных памятников среди исследованных ранее комплексов на других территориях, но и письменных источников, содержащих свидетельства о древних воительницах. Собственно аналитическому обзору нарративных источников и посвящена настоящая статья.

К наиболее ранним упоминаниям об амазонках относятся мифические сказания Древней Греции. Созданные бродячими певцами (аэдами) на рубеже 2-1 тыс. до н.э., они повествовали об удивительной жизни и деяниях великих богов, о путешествиях и подвигах знаменитых героев, о войнах и праздниках, где рядом с богами и героями выступали цари и их рабы, звери и сказочные чудовища. В различных областях Греции сложились целые циклы мифов, которые декламировали или пели на

праздниках или разного рода собраниях. Эти мифы, как и возникшие на их основе эпические поэмы Гомера, Гесиода Аполлония Родосского и др., определенным образом отражали события и явления той среды, в которой они возникли (*Бокщанин, 1954: 3-4*). «Миф» в переводе с греческого означает слово, т.е. слово о богах и героях. Соответственно, «мифология» выступает для древнего человека обобщением представлений о том мире, в котором живет не только он сам, но и те силы (боги), которые управляют этим миром (*Тахо-Годи, 2005: 9*). Мифотворчеству древних греков посвящены многочисленные исследования, затрагивающие самые разные его аспекты — от филологического до философского (*Штоль, 1865-1867; Альтман, 1937; Радциг, 1939; Лосев, 1953, 1957, 2005; Кун, 1954; Грейвс, 1992 и многие др.*). Весьма представительен и корпус работ, посвященных специальному анализу произведений античных авторов. Причем среди них есть те, что посвящены разбору отдельных произведений конкретных авторов (*например, Доватур, Каллистов, Шишова, 1982; Скржинская, 1977*), и внушительные своды источников, сопровождающиеся подробными комментариями и пояснениями (*Латышев, 1947-1949; Каллистов, 1945; Косвен, 1947; Скржинская, 1991; 1998 и многие др.*).

В мифах реально существовавшие и выдуманные персонажи и события настолько переплетены, что всё воспринимается как чудесная сказка. Почитаемые в Элладе герои встречаются и с амазонками, но эти эпизоды всегда носили характер вооруженных столкновений. И если герои и выходили из смертельных схваток победителями, то лишь с большим трудом. Причем подобная победа всегда расценивалась как подвиг.

Один из самых популярных и любимых легендарных героев — Геракл — сын верховного Бога Эллады Зевса. Прославился Геракл своими удивительными и захватывающими подвигами. Один из многочисленных подвигов героя — девятый

<sup>2</sup> Исследования проводила Приазовская археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины под руководством Ю.В. Болтрика.



— связан с амазонками. Царица амазонок — красавица Ипполита — владела чудесным поясом, полученным в подарок от бога войны Ареса как знак власти над всеми амазонками. Этот подарок отличался не только красотой, но и магическими свойствами — пояс защищал и приносил удачу в бою. Капризная и своенравная Адмета, дочь властителя древнего города Микены Эврисфея, прослышала о диковинном украшении и пожелала получить его. Дабы исполнить ее желание, любящий отец послал за вождельным поясом Геракла, который находился в то время в услужении у царя Микен. Геракл с небольшим отрядом героев сел на корабль, и все они отправились в долгий путь — к самым дальним берегам Понта Эвксинского, где находилась страна амазонок со столицей городом Фемискирой. Когда корабль прибыл к устью реки Фермодонт, Геракл бросил якорь в бухте Фемискиры. Узнав об этом событии, навстречу ему вышла царица в сопровождении амазонок, чтобы узнать о цели прибытия гостей. Геракл рассказал, что прибыл за чудесным поясом. Ипполита, наслышанная о невероятных подвигах героя и потому относившаяся к нему с глубоким уважением, предложила свой пояс как дар в знак любви. Но в дело неожиданно вмешалась богиня Гера — жена Зевса. Надо сказать, что Геракл был незаконным сыном Зевса, рожденным от земной женщины. Однажды, увидев красивую молодую женщину (Алкмену, дочь царя Микен) Зевс влюбился и вскоре явился к ней в облике ее мужа. После этой встречи на свет появились близнецы, одним из которых и был Геракл. Гера не могла простить Зевсу подобной измены и, невзлюбив Геракла, страстно желала погубить юношу, придумывая все новые и новые испытания и ловушки для него. Наверное, именно поэтому вся жизнь Геракла превратилась в бесконечную цепь испытаний, подстроенных мстительной богиней. Благодаря нечеловеческой силе и не без покровительства отца, Геракл неизменно выходил победителем из вынужденных схваток и, вопреки стараниям Геры, не только не погиб, но стал одним из самых любимых героев Эллады. Приняв облик амазонки (а боги часто перевоплощались

не только в людей, но и в животных), Гера принялась убеждать воительниц напасть на отряд чужеземцев, чтобы расстроить их коварный замысел — похищение Ипполиты. Амазонки поверили обману Геры и, сев на лошадей, поспешили к кораблю. Завязался ожесточенный бой. Геракл, подзревая предательство, был готов к сражению. Он по очереди перебил почти всех предводительниц амазонок, после чего их войско обратилось в бегство. Многие пали в этом бою, но победу одержали герои. Геракл завладел боевым топором и доспехами Ипполиты, а двух ее сестер — Меланиппу и Антиопу захватил в плен. Позже Геракл обменял Меланиппу на пояс царицы, а Антиопу отдал своему другу и соратнику Тесею в награду за храбрость. Вернувшись в Микены, Геракл передал пояс Эврисфею, который подарил его Адмете. Остальной добычей, взятой у амазонок, герой распорядился следующим образом: богатые плащи подарил храму Аполлона в Дельфах, а топор Ипполиты вручил царице Лидии — Омфале (впоследствии этот топор царицы амазонок стал одной из священных регалий лидийских царей) (Кун, 1954: 147-149; Грейвс, 1992: 364-368). Так Геракл совершил свой девятый подвиг.

Другая легенда как бы продолжает цикл об амазонках, но здесь главными действующими лицами становятся Тесей и захваченная им в плен Антиопа. После битвы с амазонками Тесей возвращается в Аттику. В Афинах, где он мудро правил, Антиопа становится его женой. Амазонки же тем временем жаждали мести и мечтали освободить Антиопу из тяжкого, как им казалось, плена. Поэтому большое войско амазонок перешло по льду Киммерийский Босфор, переправилось через Дунай и дошло до Афин. Там воительницы стали лагерем и совершили жертвоприношения в честь Ареса, после чего вторглись в Афины. Испуганные жители города в панике искали спасения на Акрополе — центральной укрепленной части города. Тесей встал во главе афинского войска, и закипела битва. Но в решительном сражении произошла страшная трагедия — Антиопа, горячо любившая мужа, сражалась на стороне афинян против амазонок. Копье, брошенное



одной из амазонок по имени Молпадия, вонзилось в грудь Антиопы. Не узнавшая в пылу битвы, она замертво упала к ногам мужа. Кровавый бой мгновенно прекратился. Скорбели и афиняне, успевшие полюбить красавицу Антиопу, и амазонки, так жаждавшие спасти свою подругу. После похорон прекрасной царицы оставшиеся в живых амазонки, гонимые из Аттики, вернулись к себе на родину (Кун, 1954: 192-193; Грейвс, 1992: 268-270). По другой же версии, оставшиеся в живых амазонки, не пожелали возвращаться домой, а вместе со скифами, принимавшими участие в битве, ушли в Скифию (Диодор. IV, 28, 4).

Появляются амазонки и в одном из эпизодов Троянской войны. Во время осады Трои греками, на помощь троянцам с далекого Понта явилось конное войско амазонок во главе с царицей Пенфесилией. Юные воительницы выступили в авангарде троянского войска и греки стали отступать к морю. Близка уже была победа амазонок, но неожиданно на помощь грекам пришли непобедимые герои — Ахилл и Аякс. Когда побеждать вновь стали греки, бесстрашная Пенфесилея выступила против Ахилла и метнула в него копье, но оружие сломалось, ударившись о выкованный Гефестом щит. Ахилл был взбешен подобной дерзостью и напором, выхватив свое копье, он точным броском сразил храбрую воительницу. Когда же после боя Ахилл сорвал с поверженного врага шлем, он был настолько потрясен необычайной красотой царицы, что влюбился в уже мертвую деву. Погибших амазонок, как и павших греков, похоронили с почестями, Ахилл же отправился на остров Лесбос приносить жертвы богам, дабы искупить свои грехи (Кун, 1954: 333-335).

Мифы выводят воинственный народ женщин — сильных, бесстрашных, прекрасных наездниц, отлично владеющих копьем и мечом. Их боевые качества ценились греками достаточно высоко, коль скоро отряды воинственных дев призывались на помощь в сражениях с противником. К тому же они отличались дивной внешностью, во всяком случае, все их царицы — вспомнить хотя бы Пенфесилею, потрясшую красотой Ахилла.

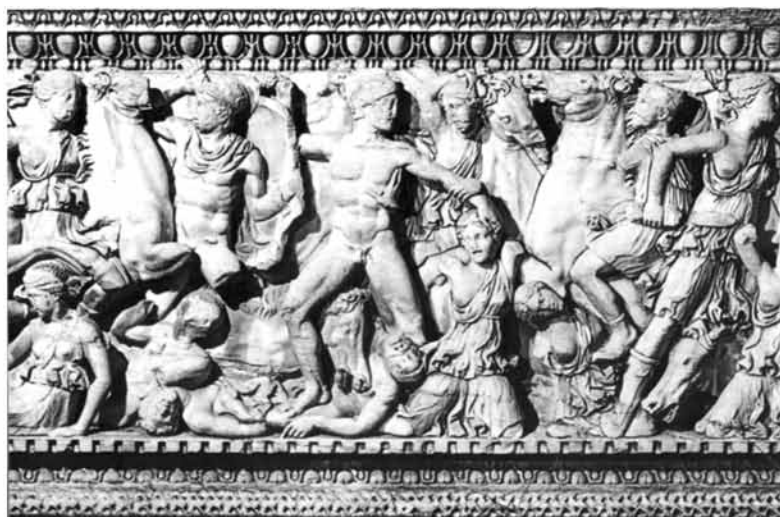
Эти сюжеты, сохранные в произведениях древних авторов, воспринимаются как красивые легенды, рожденные под безоблачным небом Эллады. Однако, наряду с удивительными женщинами, в них задействованы персонажи, чьи имена и сегодня известны истории, а города, в которых происходили рассказанные события (Троя и Афины) существовали в действительности. Вряд ли можно думать, что миф не имеет совершенно ничего общего с реальностью. Ведь миф — это лишь своеобразное описание действительности, пропущенное через определенное мировоззрение.

Интересные сведения этнографического характера содержат многие произведения античных авторов. Любопытно, что практически все, кто в той или иной степени обращался к событиям в Северном Причерноморье, упоминали об амазонках.

Слово «амазонка» имеет два толкования. Согласно одному из них это «мужененавистницы» или «равные мужчинам», другому — «безгрудые».

Первый рассказ о женщинах-мужеубийцах (*Οἰόρπαια*) принадлежит знаменитому историку Геродоту (484-425 гг. до н.э.). Он оставил описания многих стран и земель, которые посетил и увидел сам. Побывал он и в греческих колониях, основанных на Черноморском побережье современной Украины — в том числе и в Ольвии. Некоторые современные исследователи полагают, что он поднимался вверх по Днепру вплоть до местностей современной Киевской области. В его рассказе уже нет ни богов, ни мифических героев, которые постоянно вмешивались в жизнь смертных людей. В 4 книге своей «Истории» автор останавливается на достаточно важных моментах: откуда появились амазонки, каковы их отношения с греками, кто их соседи и, наконец, какими они были. Из его повествования следует, что греки столкнулись с амазонками в Малой Азии, на реке Фермодонт. Там между ними произошла битва, в которой победу одержали греки. Пленных амазонок они посадили на корабли и отправились домой. В море, улучив подходящий момент, когда греки, празднуя свою победу, выпили слишком много вина и потеряли





1



2



3

**Рис. 1. Многофигурные фризы со сценами амазномахии:**

1 – фрагмент рельефа мраморного аттического саркофага, музей в Салониках; 2 – фрагмент росписи известнякового саркофага амазонок, 4 в. до н.э., археологический музей во Флоренции; 3 – нижний орнаментальный фриз краснофигурного кратера мастера Woolly Satyrs, 470-460 гг. до н.э., музей Метрополитен, Нью-Йорк.



бдительность, амазонки перебили всех воинов. Но управлять кораблями отважные девы не умели... Долго носились неуправляемые суда по морю, пока не прибило их к берегу Меотийского озера (Азовское море), к гавани Кремны. Эту местность населяли скифы. Сойдя на берег, амазонки отправились вглубь страны. Там они захватили табун коней и стали грабить скифские земли. Через какое-то время они, наконец, стали лагерем. Мало кто в то время не слышал о бесстрашии и воинственности амазонок. Хотя скифы и сами обладали этими чертами, они предпочли жить в мире с новыми соседями. Для этого старейшины скифов выделили отряд юношей и поселили их в лагере неподалеку от лагеря амазонок с тем, чтобы они завязали добрые отношения и привели затем молодых девушек с собой к скифам. По прошествии времени юноши сблизилась с амазонками и стали жить вместе. Геродот, кстати, отмечает интересный момент — юноши не смогли выучить язык амазонок, а вот девушки, напротив, быстро усвоили язык скифов, хотя и не в полной мере (*Геродот. IV, 114, 117*). Тем не менее, на предложение поселиться среди скифов амазонки не согласились, объяснив, по словам Геродота, это решение так: «Мы не могли бы жить вместе с вашими женщинами, ведь у нас и у них разные обычаи. Мы стреляем из лука и мечем дротики, и ездим верхом, женским же работам мы не обучены. А ваши женщины не делают ничего из того, что мы перечислили но, оставаясь в повозках, занимаются женским трудом, не выезжая на охоту и вообще никуда. Так вот мы не можем ладить с ними». Дабы избежать конфликтных ситуаций, молодые семьи покинули Скифию и ушли за реку Танаис (Дон). На расстоянии трех дней пути к востоку от Танаиса и трех дней пути к северу от Меотийского озера (Азовского моря) они и поселились и стали зваться савроматами. При этом они сохранили скифский язык, хотя и в немного искаженном виде (*Геродот. IV, 110-117*).

Писали об амазонках многие древние авторы — Гиппократ (около 470-356 гг. до н.э.), Лисий (ок. 459-380 гг. до н.э.), Палефат (3 в. до н.э.), Страбон (68 г. до н.э. — 20 г. н.э.), Диодор Сицилийский (1 в. до н.э.), Помпей Трог (1 в. до н.э. — 1 в. н.э.), Плутарх (50-125 гг. н.э.) и многие другие. Пересказывать каждого из них вряд ли стоит, тем более что некоторые сообщения повторяются и носят явно компилятивный характер. Однако выбрать наиболее интересную информацию об амазонках и ответить на самые существенные для нас вопросы вполне возможно.

Итак, амазонки — племена женщин-воительниц, обитавших, по сведениям нескольких древних писателей, на северо-востоке Малой Азии (между городами Синопа и Трапезунт), в Каппадокии, на берегах речки Фермодонт у города Фемискира (Геродот, Лисий, Эфор, Страбон, Диодор Сицилийский, Помпей Трог и др.). О местности Фемискира — равнине от Хадисии до Термодонта упоминал Гекатей Милетский (6 — начало 5 в. до н.э.) во 2-ой книге «Генеалогии» (350), послужившей прототипом «Истории» Геродота (*Латышев, I (XIX): 299*). Фермодонт (или Термодонт по другим источникам) отождествляется с современной речкой Терме-Чай, впадающей в Черное море (*Латышев, I (XIX): 282; Кавказ..., 1990: 90*). Помимо малоазийских, древние авторы, в том числе Страбон в «Географии» (и Метродор Скепсийский (2 в. до н.э.), и Гипсикрат (1 в. до н.э.), а также упоминаемые им, повествуют и об амазонках на Кавказе, которые обитали в предгорьях Кавказских гор, и реке Мармадамей, впадающей в Меотиду, разделяет амазонок и их соседей. Причем, если к малоазийским амазонкам Страбон относится как к исторической реальности, то факт существования амазонок на Кавказе вызывает у него сомнения: «Кто ... поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло состоять из одних женщин без мужчин? ...наша склонность верить больше древним сказаниям, чем

<sup>3</sup> Здесь и далее произведения античных авторов цитируются по: *Латышев, 1947-1949; Кавказ, 1990; Скифы, 1992*.





Рис. 2. Объемные изображения амазонок:

1 – статуя амазонки Фидия, мраморная копия с оригинала 5 в. до н.э., вилла Адриана в Тибуре; 2 – фрагмент скульптурного декора крышки бронзового диноса из Капуи, 5 в. до н.э., Британский музей, Лондон; 3 – деталь бронзового декора колесницы (?), 3 в. до н.э., Археологический музей, Пловдив.

современным...» (Страбон. XI.V, 3)<sup>3</sup>. Со временем, как показал Геродот, амазонки, захватив часть скифских юношей, ушли за Дон, где стали называться савроматами (Геродот, IV, 116). Косвенно эту информацию подтверждает и Плиний Старший в «Естественной истории», где говорит о расселении племен: «...у Танаиса, который при впадении образует два устья, живут сарматы, ...сами же они разделяются на многие племена. Первые – савроматы-гинекократумы, произошедшие от браков с амазонками...» (VI, 19).

Свое происхождение амазонки ведут по материнской линии. Из эпической поэмы «Аргонавтика» следует, что амазонки считаются дочерьми бога войны Ареса и наяды Гармонии (Аполлоний Родосский. II, 990) – вот почему они одновременно так воинственны и так красивы. Филострат в «Рассказе о героях» писал, что «... их отец и родоначальник Арес приучил их заниматься военными делами и проводить жизнь в оружии и на конях, а в низинах у них пасется достаточное для войска количество лошадей» (Филострат. III). Диодор

Сицилийский в труде «Историческая библиотека» сообщает, что они поклоняются богу войны Аресу и богине охоты Артемиде Таврополе (*Диодор. II, 46*). На добычу от своих походов царицы амазонок устанавливали храмы этим богам в основанных ими же городах. Так в городе Эфесе было установлено изваяние Артемиды под деревом, где совершались жертвоприношения, после которых воительницы исполняли танец со щитами, а затем под аккомпанемент дудочек водили хоровод. Позже над этим изваянием воздвигли храм Артемиды Эфесской, поражавший своим великолепием и известный как одно из семи чудес света. Кроме того, во время праздника конеубиения, по данным Каллисфена, приведенным в сочинении «Жизнь и деяния Александра Македонского», амазонки в течение 30 дней приносили жертвы Зевсу, Посейдону, Гефесту и Аресу (*Каллисфен. III, 25*). Перечень божеств, которым поклонялись воительницы, должен был подчеркнуть не столько их характер и приверженности, сколько очевидные отличия от верований и обрядов греков.

По поводу погребальных сооружений и обряда амазонок сведений практически нет. Лишь в одном случае Диодор Сицилийский, в повествовании о деяниях царицы Мирины, упомянул о том, что погибшие соплеменницы царицы погребены под тремя огромными курганами, которые до сих пор называются «курганами амазонок» (*Диодор. III, 54*).

Многие из древних авторов сообщали и о постоянных военных тренировках амазонок. Диодор Сицилийский поведал о двух доблестных царицах амазонок (матери и дочери), которые приучали девочек с самого раннего возраста к охоте и каждодневным занятиям военным искусством. Во время военных походов большое внимание уделялось дисциплине (*Диодор. II, 45-46*). По словам Помпония Мелы, приведенным в «Землеописании», амазонки «...занимаются теми же делами, что и мужчины, и даже не освобождаются от военной службы. Мужчины служат в пехоте и в сражении мечут стрелы, а женщины вступают в конные стычки и сражаются не железным оружием, а накидывают на врагов

арканы и умерщвляют их затягиванием» (*Помпоний Мела. I, 19 (114)*). Гиппократ в сочинении «О воздухе, водах и местностях» говорит, что амазонки «ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях» (*Гиппократ. 24*). А Филострат в том же «Рассказе о героях» отметил, кстати, что «...амазонки, когда слезут с коней, оказываются слабыми и в полном смысле женщинами».

Кроме каждодневных упражнений, существовали и некие хозяйственные нагрузки. Большую часть года, судя по описанию Страбона, девушки сами исполняют все работы – пахут, сеют, занимаются садоводством, ухаживают за своими стадами, в особенности за лошадьми. Здесь, очевидно, имеются в виду рядовые амазонки. Самые же сильные из них, «занимаются главным образом охотой на лошадях и военными упражнениями» (*Страбон. XIV, 1*).

Вооружение амазонок составляли луки со стрелами, топоры, дротики, копья и небольшие легкие щиты в форме полумесяца (*Пиндар. Немейские оды III, 38; Страбон, XI, 5.1*). Из письма Александра Македонского к матери следует, что топоры амазонки употребляли серебряные (*Каллисфен. III, 26*). Кроме того, как рассказывал Помпоний Мела (*I, 19 (114)*), амазонки и в бою, и на охоте ловко управляются арканом – длинной веревкой с петлей на конце.

Сообщают авторы и о личных качествах воительниц. Диодор Сицилийский отмечал отличную силу, ум, военные таланты и красоту этих женщин (*Диодор. II, 44, 45; XVII, 77, 2*). В письме матери Олимпиаде Александр Македонский дал амазонкам любопытные характеристики. По его мнению «...амазоницы, значительно превосходящие ростом прочих женщин, отличающиеся красотой и здоровьем, ...они отличаются сообразительностью и остроумием...» (*Каллисфен. III, 27*). Здесь же содержатся и некоторые сведения и о системе поощрений воинской доблести. Получившая ранение на войне, почитается храбрым воином «и, увенчанная, остается присно-памятною». За привезенное тело врага в награду дается золото, серебро и пожизненное продовольствие. А в случае гибели на войне близкой родственницы(?),



в качестве морального возмещения полагаются немалая сумма денег (*Каллисфен. III, 25*). Таким способом, видимо, стимулировалась воля к победе и поддерживался воинский дух в войске.

Некий диссонанс в представлении о внешнем облике амазонок вносят Страбон и Гиппократ. Они свидетельствуют, что правой груди у амазонок нет, потому что еще в раннем детстве матери прижигают ее, приложив специальный медный инструмент, раскаленный на огне. По их убеждению, так женщине удобнее было стрелять из лука и метать копье, поскольку после такой процедуры вся сила уходила в правую руку и бросок становился мощнее и точнее (*Страбон. XIV, 1; Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24*). Считается, что именно эта информация «вывела» и само название амазонок как «безгрудые» (*Латышев, т.1, с.296*).

Некоторые сведения, хотя несколько противоречивые и краткие, касаются костюма воительниц. Геродот, очевидно, не случайно акцентировал внимание на том, что амазонки носят мужскую одежду (*Геродот. IV, 116*). Кстати, Александр Македонский в упоминавшемся выше письме отмечал, что их одежда была цветной. Страбон сообщал, что из шкур диких зверей они изготавливают себе шлемы, плащи и пояса (*Страбон. XIV, 1*). Из последнего следует, что в отличие от мужчин-воинов, они не носили тяжелого защитного доспеха. Палефат (1 в. до н.э.) в сочинении «О невероятном» утверждал, что они «...носили хитоны до пят, а на головах — митры...» и на самом деле были не женщинами, а мужчинами-варварами (*Палефат. XXXII*). А у Евсевия Иеронима (4 в.) во второй книге «Против Йовиниана», в отличие от предыдущих авторов, амазонки показаны «...с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывающие на состязание сладострастия идущих против них мужчин» (*Евсевий Иероним. II, 37*).

Для продления рода, в течение двух весенних месяцев амазонки сходятся с мужчинами из соседних племен. У рожденных после этого детей доля складывается по-разному. Девочек амазонки оставляют себе и воспитывают по своему образу

и подобию. «...детей же женского пола амазонки, по рассказам, любят и считают своими единокровными, ухаживают за ними по-матерински, только не кормят своим молоком; это они делают ради сражений, чтобы и малютки не изнеживались и у них самих не отвисали груди. Нужно думать, что и самое имя амазонок произошло от того, что они не питаются грудью, а кормят своих детей кобыльим молоком и сотами росы, которая наподобие меда осаждается на речных тростниках» (*Филострат. III*). Девочек, по сведениям Помпея Трога, оставленным в «Истории», «воспитывали в одних с собой нравах, именно приучали не к безделию или обработке шерсти, а к оружию, лошадям и охоте...» (*Помпей Трог. II, 4, 10-11*). Мальчиков же по одной версии отдавали на воспитание отцам — «...новорожденных мужского пола выносят на границы своей страны, чтобы их там взяли отцы; те действительно берут, кому кого придется, и делают своими рабами» (*Филострат. III*) или считают своими сыновьями (*Страбон. XIV, 1*). По другой версии мальчиков убивали или калечили «...тотчас по рождении: одни переламывают голени, другие — бедра, для того, чтобы они были хромыми и чтобы мужской пол не восставал против женского» (*Гиппократ. О переломах и о членах, 101*) и «...чтобы сделать их непригодными к военной службе» (*Диодор. II, 45, 3*). Искалеченные мужчины в дальнейшем не могли составлять внутренней угрозы, им предоставлялось смирение и рабство. Далее в труде Гиппократа «О переломах и о членах» (101) сказано, что амазонки «пользуются мужчинами как ремесленниками для работ кожаных, медных или других, требующих сидячего образа жизни», а у Диодора Сицилийского в «Библиотеке» находим, что им, кроме того, предоставляют «пряжу шерсти и домашние женские работы» (*Диодор. II, 45, 2*). А ведь благодаря Геродоту известно, что «...и фракийцы, и скифы, и персы, и лидийцы, и почти все варвары считают тех, кто обучается ремеслам, и их потомков менее почтенными, чем остальные сограждане. Тех же, кто воздерживается от занятий ремеслами, они считают благородными и более всего тех, кто занимается военным делом...» (*Геродот.*





II, 167). Вот престижное военное дело амазонки и оставили за собой.

Замуж девушки могли выйти, как сообщает большинство древних авторов, только после того, как убьют трех врагов. Некоторые так и доживают до старости в девичестве, потому что не смогли выполнить этого требования. Поселиться с мужьями они, по сведениям Гиппократ, могли лишь после совершения «обычного жертвоприношения». А выйдя замуж, амазонка «перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступить в поход» (*О воздухе...*, 24).

Особое место в истории амазонок занимают эпизоды, связанные с великим завоевателем Александром Македонским. Чаще других встречается рассказ о том, как однажды к Александру явилась царица Фалестра в сопровождении трехсот амазонок и сообщила, что хочет родить от него ребенка. Диодор Сицилийский писал, что ее мотивация была удивительно проста и прямолинейна: «Из всех мужчин ты совершил наиболее великие подвиги, и нет выше меня женщины по силе и храбрости. Надо полагать, что от двух столь выдающихся людей родится ребенок, который превзойдет всех смертных» (*Диодор. XVII, 77*). Поскольку Фалестра была дивной красавицей, Александр согласился на это предложение. Царица амазонок покинула его спустя 13 дней с богатыми дарами. Однако в «Истории» Помпея Трога сообщается, что ребенку так и не суждено было потрясти мир, так как вскоре после этих событий Фалестра погибла со всеми амазонками (*Помпей Трог. II, 4, 32*).

Здесь стоит вспомнить и об именах амазонок, приведенных в источниках. Их количество поразительно. В греческих мифах фигурирует 82 (!) имени амазонок (*Ruffell, 1997*). Среди них царицы, девы из царского окружения и рядовые стрелки.

Кроме того, более 70 имен амазонок оставили на своих произведениях вазописцы (*Bothmer, 1957: 234*). Имена амазонок на вазах главным образом греческие. Но известны среди них и два скифских — на чернофигурном кубке Клития значится имя Скилейя, а на краснофигурной вазе Евфрония возле амазонки начертан женский вариант имени Токсарис. По мнению М.В. Скржинской скифские имена амазонок вошли в греческую архаическую литературу из какого-то утраченного эпического предания скифов, персонажами которого являлись женщины-воительницы (*Скржинская, 1998: 219*). Это, в свою очередь, может служить указанием на присутствие в скифской воинской среде и женщин.

О том, что амазонок воспринимали как реальную опасность, свидетельствует фрагмент из «Панегирика» Исократ (обнародованного, очевидно, в 370 г. до н.э.): «...Еще во времена слабости Эллады пришли в нашу страну фракийцы с Эвмолпом, сыном Посейдона, а скифы — с амазонками, дочерьми Ареса, не в одно и то же время, а в которое те и другие господствовали над Европою...» (*Исократ. 68*).

Таким образом, античная литературная традиция, помимо описания облика амазонок, дает представление и о своеобразном историческом феномене, причем в двух его вариантах:

- чаще говорится о представительницах воинственного племени — равных мужчинам, принимающих активное участие в военных походах, но до определенного времени — до замужества;
- реже речь идет о женском царстве, где мужчин либо нет вовсе, либо они занимают подчиненное положение или вообще используются лишь для продолжения рода.

### Рис. 3. Изображения амазонок на сосудах:

1 — ойнохоя краснофигурная, конец 5 в. до н.э., Muzeum für Kunst und Geverbe, Гамбург; 2 — пелика «группы Олинф 5 141», 370-360 гг. до н.э., Одесский археологический музей; 3 — пелика Мастера Львиноголового грифона, начало 4 в. до н.э., Ялтинский историко-литературный музей; 4 — пелика круга мастера Грифонов, 360 г. до н.э., Ялтинский историко-литературный музей; 5 — кратер Мастера Берлинской гидрии, 460 г. до н.э., музей Метрополитен, Нью-Йорк; 6 — серебряный сосуд из Рогозенского клада, 4 в. до н.э.





Почему практически ни один античный автор не обходит своим вниманием амазонок? Чем вызван такой интерес к этим женщинам, не угасающий и по сей день? Скорее всего, тем, что амазонки — это фактически первые феминистки. Своим обликом и поведением они рушили все привычные стереотипы. По рассказам Геродота, у скифов женщины занимаются лишь определенно женскими делами, живут на возах и вообще никуда не ходят, не то что на охоту. У греков женщины занимали подчиненное положение — практически наравне с рабами. Их местом пребывания была женская половина дома (гинекей), где они занимались домашними делами и детьми. Гречанки не имели права появляться ни в общественных местах (даже в театре), ни на праздниках. Исключение составляли лишь гетеры, специально воспитывавшиеся и обучавшиеся музыке, пению, танцам, наукам, поскольку их прямым предназначением было развлекать мужчин и скрашивать их досуг. Поэтому нетрудно себе представить, какое впечатление оказали бесстрашные красавицы-всадницы на эллинов. И не столь уж важно были ли это одни только женщины или женщины среди мужчин, — само сочетание женщины и оружия для грека было потрясением, подобным яркой вспышке на ночном небе.

Подтверждением определенного признания амазонок служит тот факт, что эти персонажи были широко задействованы греками не только в литературных опусах, но и в изобразительном искусстве. Наиболее популярной в античном искусстве, начиная с эпохи архаики, была тема амазономахии — битвы между амазонками и греческими героями, иллюстрирующая общегреческие мифы.

Многофигурные рельефные композиции широко использовались в орнаментике монументальных *архитектурных сооружений* (Батаклиев, 1989: 17). Подобные изображения украшали многие храмы древней Эллады и соседних государств — западные метопы Парфенона, метопы сокровищницы афинян в Дельфах начала 5 в. до н.э.; рельефы фриза храма Аполлона в Бассах 5 в. до н.э.; рельефы фриза Артемисиона в Магнесии 5–4 вв. до н.э.; рельефы

западного фронтона святилища Асклепия в Эпидавре 4 в. до н.э.; рельефы западного фриза Галикарнасского мавзолея середины 4 в. до н.э. и другие памятники зодчества.

Многофигурными фризами с батальными сценами, в том числе и амазономахией, украшались и *саркофаги*. Один из ярких образцов представлен в коллекции экспонатов 2–3 вв. н.э. музея в Салониках (Греция). Скульптурные фигуры конных и пеших амазонок в легких одеждах с обнаженной правой грудью буквально переплетены с фигурами греческих воинов, облачение которых составляют главным образом плащи и шлемы (Andronicos, 1994: fig. 67). Одни из них, поверженные, лежат на земле или пытаются подняться с колен, другие продолжают ожесточенное сражение. Аналогичный сюжет представлен на саркофаге из гробницы в Тарквиниях (4 в. до н.э.), хранящемся в Археологическом музее во Флоренции. Полированные стенки известнякового саркофага расписаны без применения обмазки. Амазонки в легких одеждах, на колесницах, верхом на конях и пешие, вступают в поединок с греческими воинами в панцирях и шлемах. В одних группах амазонки явно одерживают верх, в других победа, бесспорно, на стороне греков. Этот саркофаг, совершенно очевидно сделанный эллинским мастером в одном из греческих центров Южной Италии, был привезен в Этрурию и использован для погребения этруска (Лосева, Сидорова, 1988: 55). Воинственные девы на погребальных саркофагах представлены в легких коротких подпоясанных одеждах, верхом на конях или спешенными, с занесенным в пылу схватки с врагом оружием (чаще это бывает боевой топор или меч).

Фигуры амазонок встречаются и на различных *рельефах*. Один из таких рельефов 4 в. до н.э. (во фрагментах) найден на Тамани (совхоз «Юбилейный»). Сложность композиции и динамизм изобразительного ряда делают рельеф уникальным для греческого искусства. В многоярусной композиции, где тесно переплетены фигуры сражающихся персонажей и лошадей, большинство исследователей склонны усматривать сцену амазономахии (Боспорский рельеф, 2001). Однако, подробный анализ



изображений — черт лиц задействованных персонажей, особенностей их фигур, деталей одежды, трофеев — склоняют к мысли о том, что на рельефе проиллюстрирована переданная Геродотом местная легенда о происхождении савроматов. В основе ее лежит история появления амазонок в Скифии, и, соответственно, первая встреча скифов с неопознанными еще в дерзких воинах амазонками (Селиванова, 2008). Вполне вероятно, что местный мастер, хорошо знакомый с канонами греческого искусства, изобразил на рельефе популярный в боспорской среде сюжет.

Особое место среди античных произведений занимали *статуи* амазонок. Известно, что в Древней Греции жрецы храмов или священных участков, советы старейшин, народные собрания устраивали своеобразные конкурсы мастеров, для того, чтобы получить наилучшее произведение искусства. Здесь уместно вспомнить рассказ Плиния Старшего о событиях, происходивших в Эфесе. Его жители, почитавшие амазонок как основательниц своего города, заказали статую амазонки для храма Артемиды. В конкурсе состязались четыре признанных мастера из различных художественных центров: афинский ваятель Фидий, сикионский скульптор Поликлет, кидонский художник Кресилай и аргосский мастер Фрадмон (Чубова и др., 1986: 49). Все изваяния раненых амазонок были настолько хороши, что заказчики поручили самим конкурсантам определить лучшее из них. По словам Плиния Старшего (XXXIV, 53), лучшей посчитали работу Поликлета, на которой и остановили свой выбор заказчики. Бронзовая амазонка Поликлета — красива, с мужественной внешностью, в спокойной позе. Ее фигура лишена какой-либо живости, что очевидно соответствовало образу покоренной воительницы, и именно в таком воплощении она более импонировала грекам (Соколов, 1968: 49). Дошедшие до наших дней римские мраморные копии греческих оригиналов (ок. 430 г. до н.э.) хранятся в разных музеях мира: амазонка Поликлета в Капитолийском музее (Рим), Фидия — на вилле Адриана в Тибуре (Тиволи), Кресилая — в Государственном музее (Берлин). Работа

Фрадмона осталась неопознанной среди римской скульптуры (Чубова и др., 1986: 49). Кроме того, можно вспомнить мраморную голову амазонки (5 в. до н.э.) из собрания Эрмитажа (Санкт-Петербург), которая, очевидно, является одним из повторений бронзовой статуи Поликлета, представленной в Капитолийском музее (Саверкина, 1986: 76). Фрагментированная мраморная копия статуи умирающей амазонки (470–460 гг. до н.э.) из собрания Императорского музея (Вена) изображает фигуру юной девы со склоненной к плечу головой. В ней усматривают образ царицы Пенфесилеи, смертельно пораженной Ахиллом (Леви, 1915: 14). В Национальном музее (Неаполь) находится римская мраморная копия с бронзового оригинала скульптуры «Павшая амазонка» (230 г. до н.э.) (Чубова и др., 1986: 34). Здесь мастер изобразил убитую амазонку лежащей на спине, с закинутой за голову правой рукой и с рассыпавшимися длинными волосами. Левая ее рука касается древка длинного копья. Следует отметить, что скульпторы тоже изображали воинственных дев в женской одежде явно греческого образца и фасона и при этом без каких-либо очевидных физических изъянов.

Известны и небольшого размера *бронзовые статуэтки* амазонок, которые, как правило, служили частью декора разных по назначению предметов. Они представляли собой вооруженных всадниц в момент сражения, реже раненных в бою. К первым можно причислить небольшую (высотой 35 см) статуэтку из раскопок городища у санатория «Чайка» близ Евпатории, хранящуюся в Эрмитаже (Санкт-Петербург). Она сделана в виде сидящей на вздыбленном коне молодой женщины, держащей в левой руке повод, а в поднятой правой руке, вероятно, занесенное для броски копье (Кобылина, 1972, табл. 13). Сюда же относится скульптурный декор бронзового диноса (5 в. до н.э.) из Капуи, служившего погребальной урной, хранящейся в Британском музее (Лондон). Четыре фигурки амазонок верхом на конях размещены по краю венчика сосуда. Две из них смотрят вперед, две обернулись назад, в одной руке каждая держит лук, другой достает из



колчана стрелу. Эти произведения торевтики как будто не связаны органически с сосудом, воспринимаемым как их постамент (Лосева, Сидорова, 1988: 254). Иной тип изображения представляет статуэтка из с. Могилово (3 в. до н.э.), хранящаяся в Археологическом музее Пловдива (Болгария). Она служила украшением колесницы (Энциклопедия, 1980: 26). Тело раненой амазонки опрокинуто на круп припавшего на задние ноги коня, левая рука безвольно свисает к земле. Трагизм ситуации выражает даже фигура коня, будто пытающегося осторожно спустить на землю свою хозяйку. Интересно, что все три фигурки, совершенно очевидно выполненные в разное время и в разных центрах, облачены в так называемый скифский костюм и острокопечные головные уборы.

Пожалуй, наиболее ярко представлены амазонки в греческой *вазовой живописи*. Образ амазонки вазописцы стали использовать с конца 7 в. до н.э., к середине 6 в. до н.э. он становится в один ряд с наиболее популярными (Bothmer, 1957: 1-2). Как справедливо заметила М.В. Скржинская, вазовая живопись свидетельствует о существовании предания об амазонках в Северном Причерноморье на полтора столетия раньше его первой записи, которая относится к середине 5 в. до н.э. (Скржинская, 1998: 223). Изображения амазонок помещаются мастерами на сосуды разных форм — от изящных небольшого размера киликов, скифосов и алабастров до крупных сосудов типа ойнохой, пелик, амфор, кратеров. Такие сосуды представлены в коллекциях многих музеев мира. На вазах более раннего периода мастера предпочитали изображать многофигурные сцены амазономахии. Нередко встречаются и сцены сражения одного из популярных героев (Ахилла, Геракла или Тесея) с царицей амазонок, где задействованы 2-3 персонажа. В 4 в. до н.э. на сосудах появляются изображения битвы амазонок и аримаспов с грифонами, «портретные» рисунки голов амазонок, либо чередующихся с фигурами грифонов, либо на фоне головы коня, как бы удерживаемого под уздцы, и головы грифона. Думается, описывать в данном контексте росписи

конкретных vaz не имеет смысла, тем более что значительная их часть уже введена в научный оборот (Кобылина, 1951; Bothmer, 1957; Горбунова, 1961; Сидорова и др., 1985; Шталь, 2000; 2004; Вдовиченко, 2008, и, кроме того, серия работ Бизли, Бордмана и многих других авторов). Упомянутые выше мотивы росписей vaz позволяют утверждать, что наряду с хорошо известными в литературных источниках темами, вазописцы иллюстрировали и сюжеты из утраченных произведений эпохи архаики (Скржинская, 1986: 94). На ранних, в особенности чернофигурных, вазах костюм и вооружение амазонок фактически не отличались от греческих. С конца 6 в. до н.э., с проникновением мифов о переселении амазонок в причерноморские степи, их облик стал ближе геродотовским персонажам, одетым в скифский костюм (Скржинская, 1998-а: 22). Как правило, это юная дева в «мужском» наряде — одежда (кафтан и узкие штаны с лампасами) облегает стройную фигуру; ступни ног либо босые, либо в мягких коротких сапожках, так называемых скификах; на голову одета мягкая шапочка в форме колпака, иногда со свисающими сзади и по обеим сторонам защитными «клапанами». И, конечно же, они всегда с оружием — либо это лук и колчан со стрелами, либо копье или дротик.

Даже беглый обзор произведений античного искусства свидетельствует о широком распространении мифов об амазонках в Северном Причерноморье. Популярность этого персонажа подтверждает значительное увеличение числа сосудов с их изображениями — только пелик в музеях Украины насчитывается около 200 экземпляров (Вдовиченко, 2008: 110). Следовательно, сюжеты с ними были любимы, модны и потому столь востребованы.

Сведенные воедино данные древних авторов и произведения античного искусства, в которых задействованы амазонки, подводят к восприятию этих персонажей как реально существовавшего феномена. Природа его наиболее удачно представлена в сюжете о скифских юношах Плине и Сколопите «Истории» Помпея Трога. Жены предательски убитых предводителей



«сами взяли за оружие и стали защищать свои владения сначала оборонительными войнами, а потом и наступательными. Они не хотели и думать о брачных связях с соседями, называя их рабством, а не браком. Представляя единственный в своем роде для всех веков пример, они решились править государством без мужчин и даже

с презрением к ним...» (*Помпей Трог. II, 4, 1-6*). Подтверждением реальности подобного феномена, в определенной степени, служат, с одной стороны, обширная литературная традиция, сохраненная у многих народов (*Косвен, 1947*), с другой – археологические материалы (*Фиалко, 1991*), засвидетельствовавшие его существование.

### Литература

*Альтман, 1937* – Альтман М.С. Греческая мифология. Л., 1937.

*Амазонки..., 1806* – Амазонки живут без мужчин // Московский собеседник, 1806, ч.2.

*Батаклиев, 1989* – Батаклиев Г. Антична митология. София, 1989.

*Бокшанин, 1954* – Бокшанин А. Введение// Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954.

*Боспорский рельеф, 2001* – Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М., 2001.

*Вдовиченко, 2008* – Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (7-4 вв. до н.э.). Симферополь, 2008.

*Горбунова, 1961* – Горбунова К.С. Мастера греческих расписных vaz. Л., 1961.

*Грейвс, 1992* – Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992.

*Доватур, Каллистов, Шишова, 1982* – Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

*Энциклопедия, 1980* – Энциклопедия на изобразителните изкуства в България. Т. 1. София, 1980.

*Кавказ..., 1990* – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ред. Гусанов М.Р. Ростов-на-Дону, 1990.

*Каллистов, 1945* – Каллистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Ист. зап., 1945, № 16.

*Кобылина, 1951* – Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА, 1951, № 19.

*Кобылина, 1972* – Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.

*Косвен, 1947* – Косвен М.О. Амазонки. История легенды // СЭ. 1947. № 2.; № 3.

*Кун, 1954* – Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954.

*Латышев, 1947-1949* – Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе// Вестник древней истории. 1947-1949. №№ 1-4; 1952. № 2.

*Лосев, 1953* – Лосев А.Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии// Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т.72, 1953.

*Лосев, 1957* – Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

*Лосев, 2005* – Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. М., 2005.

*Лосева, 1988* – Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Искусство Этрурии и древней Италии. М., 1988.

*Радциг, 1939* – Радциг С.И. Античная мифология. М-Л., 1939.

*Саверкина, 1986* – Саверкина И. Греческая скульптура 5 в. до н.э. в собрании Эрмитажа. Оригиналы и римские копии. Л., 1986.

*Селиванова, 2008* – Селиванова Л.Л. Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки? // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2008.

*Сидорова, Тугушева, 1985* – Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания ГМИИ. М., 1985.

*Скифы, 1992* – Скифы. Хрестоматия. Сост., введение, коммент. Т.М. Кузнецовой. М., 1992.

*Скржинская, 1977* – Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977.

*Скржинская, 1986* – Скржинская М.В. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи 7-6 вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 4

*Скржинская, 1991* – Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К., 1991.

*Скржинская, 1998a* – Скржинская М.В. Изображения иноземцев на аттических вазах из Северного Причерноморья // *Borghsthenika*. – Тезисы юбилейных чтений (к 70-летию В.В. Лапина). К., 1998.

*Скржинская, 1998* – Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.

*Соколов, 1968* – Соколов Г.И. Акрополь в Афинах. М., 1968.

*Тахо-Годи, 2005* – Тахо-Годи А.А. «Античная мифология» А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. М., 2005.



- Фиалко, 1987* – Фиалко Е.Е. Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К., 1987.
- Фиалко, 1987a* – Фиалко Е.Е. Датировке женских погребений с оружием у скифов // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. 6 Республиканской конференции молодых археологов. К., 1987.
- Фиалко, 1991* – Фиалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. К., 1991.
- Чубова, Конькова, Давыдова, 1985* – Чубова А.П., Конькова Г.И., Давыдова Л.И. Античные мастера. Скульпторы и живописцы. Л., 1986.
- Шталь, 2000* – Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. 4 в. до н.э., керченский стиль. М., 2000.
- Шталь, 2004* – Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы и ойнохои. 4 в. до н.э., керченский стиль. М., 2004.
- Штоль, 1865-1867* – Штоль Г.В. Мифы классической древности. Т.1-2. М., 1865-1867.
- Andronicos, 1994* – Andronicos M. Thessalonike Museum. Athens, 1994.
- Bothmer, 1957* – Bothmer D. Amazones in Greek Art. Oxf., 1957.
- Nagel, 1838* – Nagel Fr. Geschichte der Amazonen. Stuttgart und Tübingen, 1838.
- Ruffell, 1997* – Ruffell J. Brave Women Warriors of Greek Myth: An Amazon Roster. IAXS Research Project No. 326, 1997.



## **ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ СКИФИИ**

Долгое время считалось, что для скифского вооружения характерны именно бронзовые наконечники стрел. А.И. Мелюкова в своей монографии «Вооружение скифов» (Мелюкова, 1964) очень тщательно разработала типологическую классификацию всех видов скифского вооружения и уделила большое внимание именно бронзовым наконечникам стрел скифской эпохи. Ее характеристика бронзовых наконечников стрел для скифских луков сохранила свое значение и в настоящее время. Новые находки и хронологические уточнения, которые вносят различные исследователи (Медведская, 1972 и 1980; Клочко, 1979; Петренко, 1982, 1990 и 2006; Полін, 1987) не меняют общей целостности типологической классификации бронзовых наконечников стрел, которая дана в ее монографии. В то же время необходимо учитывать, что когда А.И. Мелюкова создавала свою монографию, было еще очень мало известно о железных наконечниках стрел, существовавших в Скифии. По существу, тогда у А.И. Мелюковой и в других работах в качестве образцов железных наконечников фигурировали лишь немногие поздние образцы, и поэтому сложилось ошибочное мнение об очень позднем появлении железных наконечников, которые якобы сначала начали делать по образцу бронзовых втульчатых наконечников (Мелюкова, 1964: 29). Ранние находки железных наконечников в лесостепных памятниках вначале не учитывались, хотя их было

много. Достаточно сказать, что в кургане Старшая Могила (середина VII в. до н.э.) было обнаружено 40 железных наконечников, а в хронологически близком кургане № 8 у хутора Поповка вообще весь колчаный набор состоял только из железных наконечников стрел (47 экземпляров), но все находки из Посулья долго еще не рассматривались как ранние (Ильинская, 1968: 95). В то же время появились даты VII–VI вв. до н.э. для памятников с находками железных наконечников (Ильинская, Тереножкин, 1983: 316; Šramko, 1991, 1992).

А.И. Мелюкова справедливо отметила в упомянутой монографии, что она не рассматривает специально массовые находки железных наконечников стрел в других регионах. Дальнейшие исследования подтвердили правильность такого подхода, ибо эти материалы позволяют говорить о ряде местных центров производства железных наконечников вне собственно Скифии (Абрамова, 1993; Медведев, 1999; Эрлих, 2007). В данной работе в этом вопросе мы следуем за А.И. Мелюковой и специально рассматриваем здесь железные наконечники стрел лишь тех регионов, которые традиционно связываются со скифами или Скифией. Это тем более важно потому, что именно здесь в Лесостепи за последнее время накопился уже большой материал, который требует разработки собственной типологии, так как многие находки железных наконечников уже не укладываются в построенную в основном





на основе бронзовых наконечников традиционную схему А.И. Мелюковой. Новые обстоятельства требуют не только разработки новой типологической схемы специально для железных наконечников, при учете не только формы, но и особенностей технологии древней обработки железа, использования орудий и приспособлений, о существовании которых ранее не было известно. Особенно важное значение имеют раскопки последних лет на ряде памятников Днепровского Левобережья и особенно на огромном Бельском городище. Многие материалы из раскопок поселений и курганов Днепровского Левобережья будут использоваться впервые (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998; Буйнов, 2004; Моруженко, 1989; Радзиевская, 1980; Задников, 2006; Алексеев, 2000; Мурзин, Ролле, 1995; Ролле, Мурзин, Шрамко, 1991; Šramko, 1974; 1992; Шрамко, Б.А. 2008; Шрамко И.Б. 1994, 1995, 2006 др.).

Все железные наконечники стрел Скифии по известным нам в настоящее время материалам можно разделить на три большие группы: **черешковые**, **втульчатые** и **шипастые**. Внутри групп можно выделить иногда и своеобразные типы или варианты этих типов. Самые ранние железные наконечники появились отнюдь не позже бронзовых как подражание им, а гораздо раньше и некоторые имеют свои прототипы еще среди кремневых наконечников стрел бронзового века.

Самой ранней является группа **черешковых** наконечников. Эти наконечники относятся к числу двухлопастных с листовидной, лавролистной или ромбовидной головкой (рис. 2), которые имеют свои прототипы в хорошо известных памятниках позднего бронзового века (Березанская, 1990; Ткачев, 1999, Полин, Тупчиенко, Николова, 1994; Телегин, 1956). Надо полагать, что кузнецы Скифии, ковавшие наконечники разных типов, вряд ли непосредственно видели ранние кремневые наконечники бронзового века, но, тем не менее, связь с этими более ранними изделиями обнаруживается через ряд других культур, в которых долго сохраняются кремневые, костяные, а позже и металлические наконечники. Эти находки хорошо увязываются, например, с находками

позднечернолесской культуры первой половины VII и даже начала VII в. до н.э. (Тереножкин, 1961: 95, рис. 66, 1, 4; Крушельницкая, 1998: 70). Такая связь заметна также при сопоставлении с памятниками высокой культуры. Кремневые наконечники здесь не только имеют черешок, но дают и два варианта головок наконечников либо лавролистной, либо ромбической формы (Ильчишин, 2007: 613, рис. 2). В скифскую эпоху железные черешковые наконечники стрел встречаются редко. Тем более важны недавно сделанные новые находки таких наконечников стрел на лесостепных поселениях, имеющих отложения VII–VI вв. до н.э. В частности, два черешковых наконечника найдены в 2002 году И.Б. Шрамко при раскопках Бельского городища и один при раскопках Ю.В. Буйнова в 2002 году на городище у хутора Городище. Находки на Бельском городище хорошо увязываются с материалами доскифского времени, которые уже неоднократно здесь встречались (Шрамко, 2007: 327, рис. 3, 11, 17, 18; Ковпаненко, 1973: 248). Что касается находки на городище у хутора Городище, то тут ситуация сложнее. Авторы опубликованного отчета о раскопках 2002 года неожиданно утверждают, что характер местной лепной керамики и амфорной тары указывает только на конец VI в. до н.э., как на время возникновения городища (Буйнов, Окатенко, 2004: 12). С таким выводом согласиться невозможно. По ряду наблюдений нам кажется, что это городище имеет и более ранние отложения, относящиеся к раннескифскому времени.

Определяя дату возникновения городища у хут. Городище, авторы публикации опираются прежде всего на определения находок античной керамики. Может быть мы и ошибаемся, но нам кажется, что такой подход к определению времени возникновения является ошибочным. На наш взгляд, для определения времени возникновения поселения более важны не находки хорошо датированного античного импорта, а невзрачные и подчас немногочисленные находки обломков лепной керамики и других местных изделий. Находки античной керамики (особенно амфорной тары) и другой продукции античных мастерских



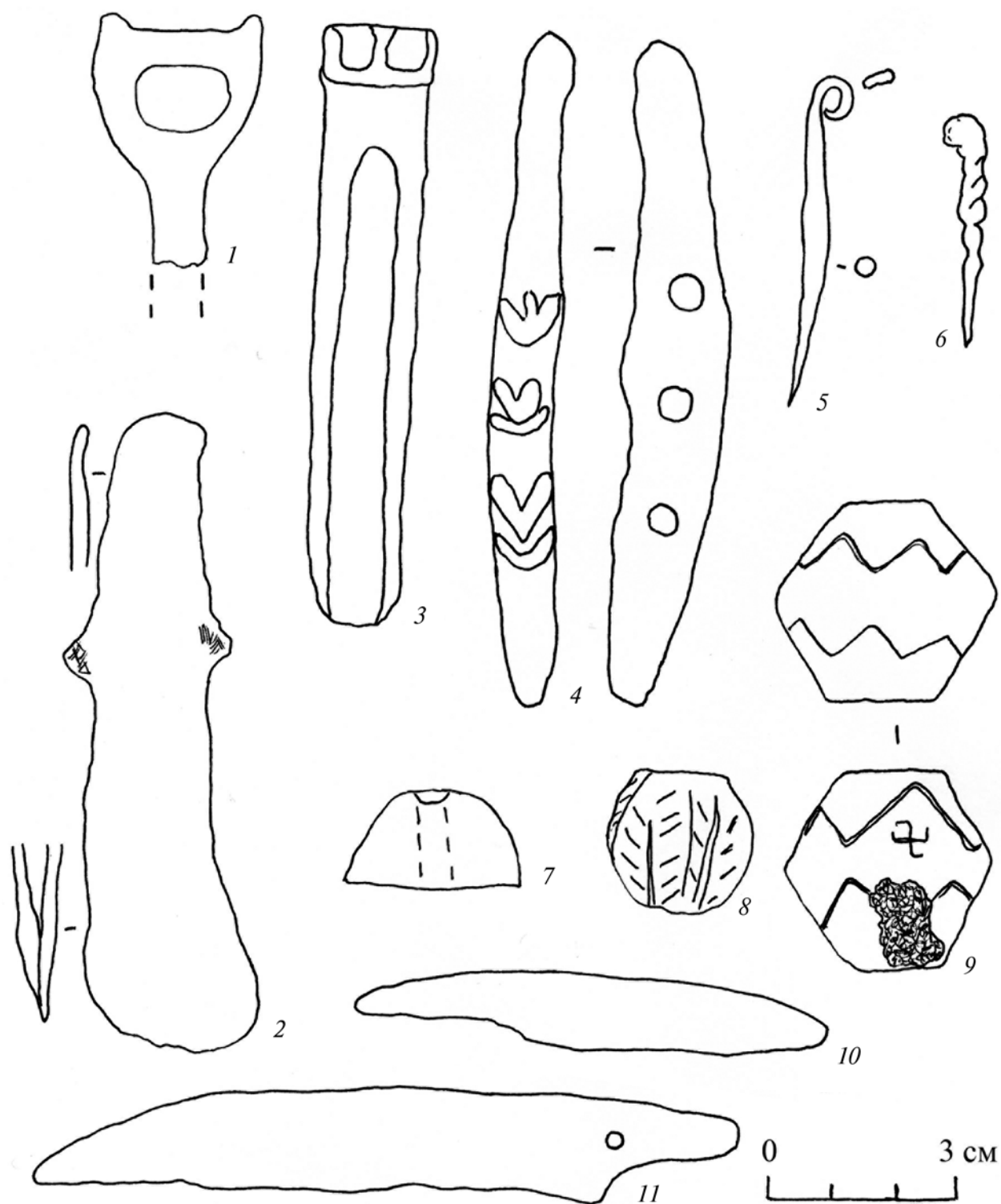
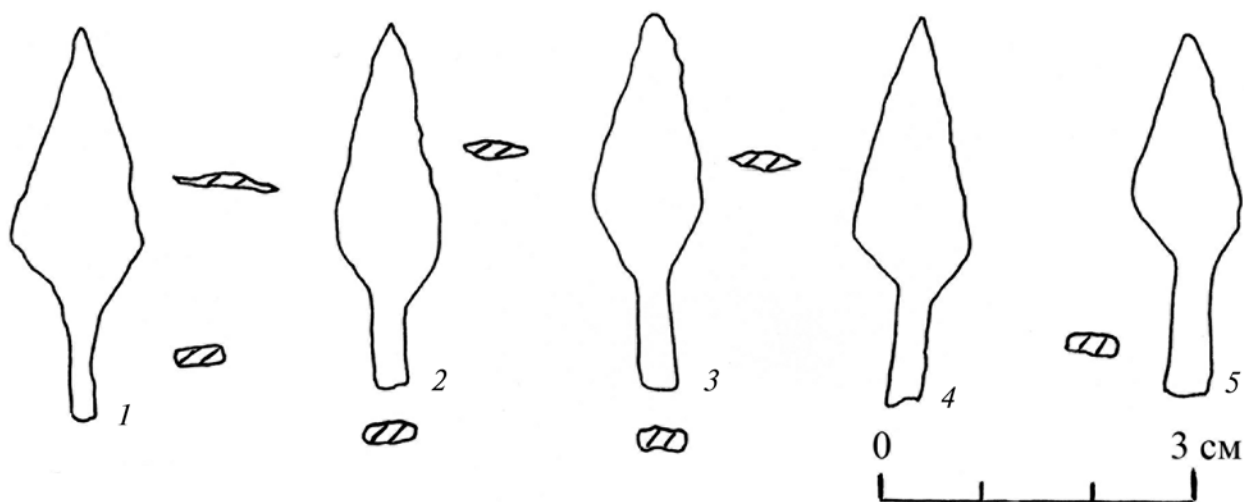


Рис. 1. Находки раннескифского времени на Бельском городище.  
1, 3 – бронза, 2, 5, 6, 10-11 – железо, 4, 7 – кость, 6, 8-9 – глиняное пряслице с резным орнаментом.

показывают не время возникновения поселения, а время установления торговых связей с античным миром. Поэтому в данном случае надо было обратить большее внимание на ранние находки местных изделий и прежде всего на такой материал,

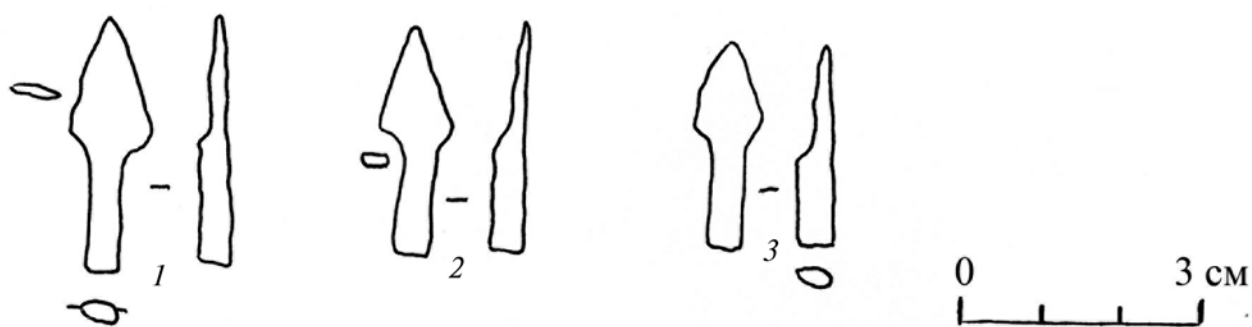
как лепная керамика. К сожалению, этого не было сделано.

Ранние образцы местной лепной керамики даже не упоминаются, хотя даже краткий отчет показывает, что такая керамика имеется (Буйнов, Окатенко, 2004:



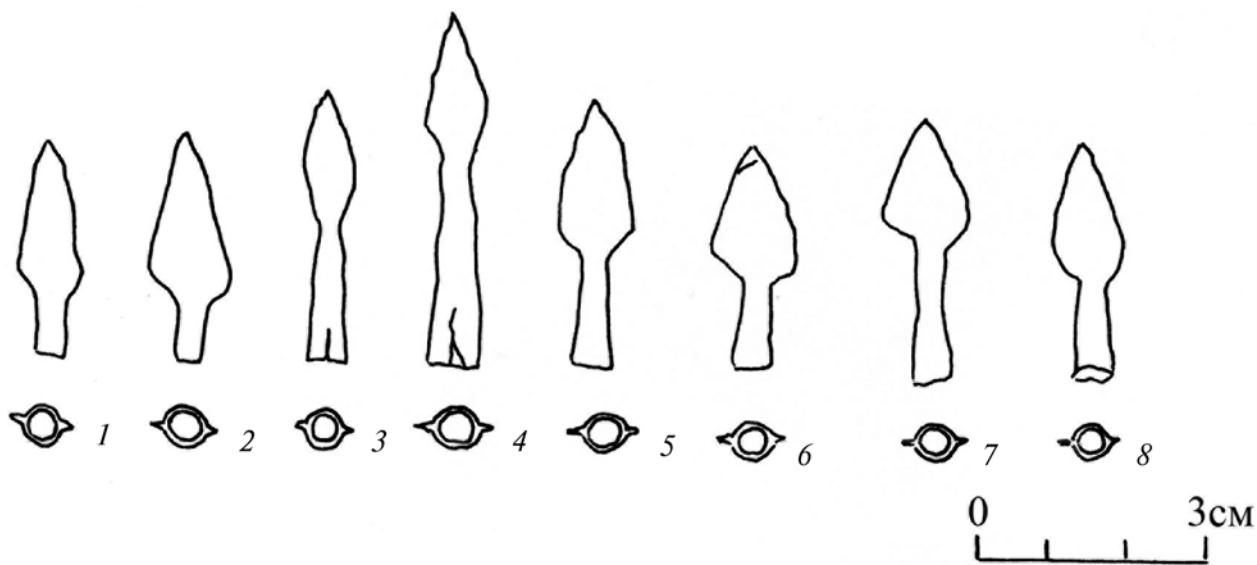
**Рис. 2. Черешковые железные наконечники стрел.**

1 – городище у хут. Городище, 2-3 – Западное укрепление Бельского городища, 4 – Марицкое городище, 5 – кург. у Мاستюгино на Среднем Дону.



**Рис. 3. Однолопастные железные наконечники стрел.**

1-2 – Восточное укрепление Бельского городища, 3 – городище Кузина гора.



**Рис. 4. Двухлопастные втульчатые железные наконечники стрел.**

1-6 – Бельское городище, 7 – кург. № 2 Караванской группы (у г. Люботин).



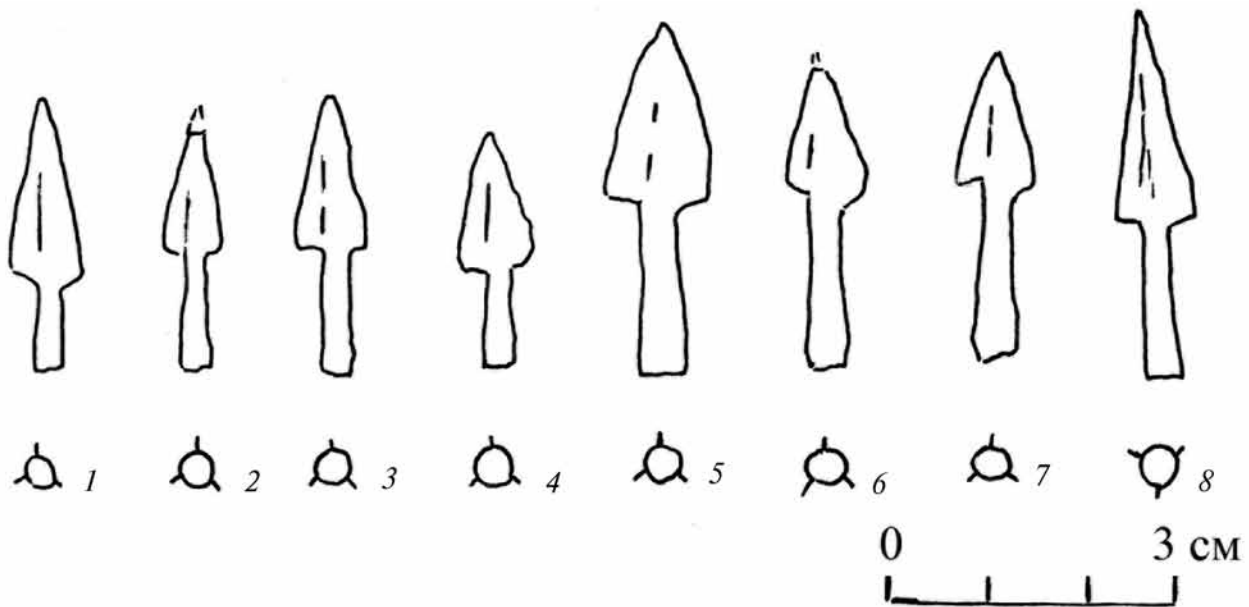


Рис. 5. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел.  
1-4 – Бельское городище, 5, 7 – Коломацкое городище, 6 – курган Круглик (Харьковская обл.).

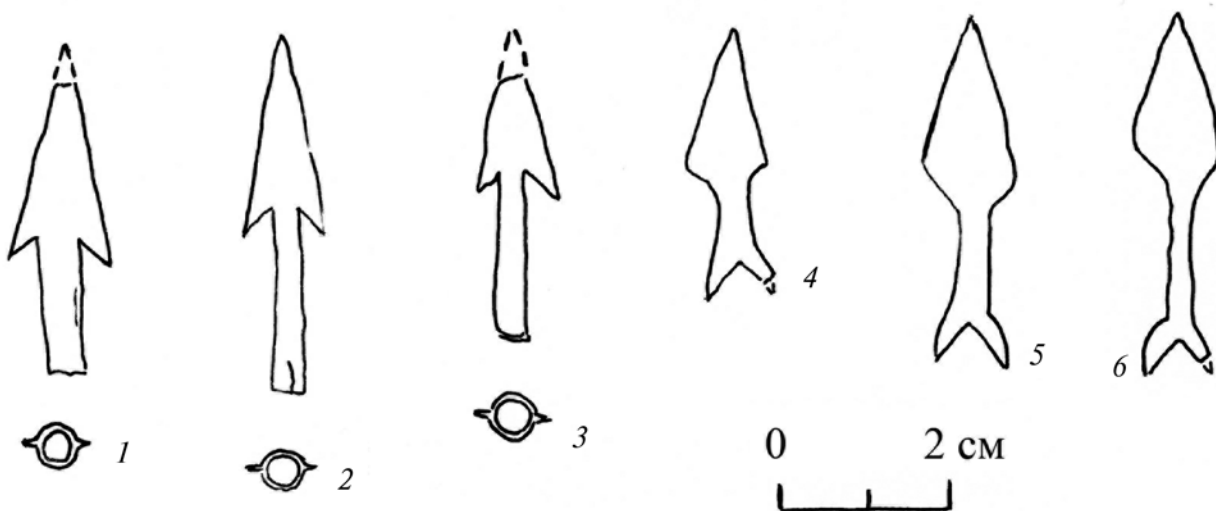


Рис. 6. Шипастые наконечники стрел.  
1-3 – шипастые 1-ой группы, 4-6 – шипастые 2-ой группы.  
1 – Западное укрепление, 2-6 – Восточное укрепление Бельского городища.

10, рис. 2, 4; 11, рис. 6). Найдена она была также и при исследованиях П.Д. Либера и при наших первых раскопках 1952 года на городище у хутора Городище (Либера, 1962: 69-71, 77 и др.). Даже в кратком опубликованном сообщении видно, что были найдены очень ранние предметы, которые относятся к раннескифской эпохе. Говоря о находках архаического типа, авторы называют только одну булавку неизвестного происхождения (Либера, 1962: рис. 10, 1),

но игнорируют очень выразительные изделия из кости и рога (Либера, 1962: рис. 5, 17; 10, 6), металлические украшения (Либера, 1962: рис. 5, 18), специфические архаические железные ножи (Либера, 1962: рис. 5, 11-13) и другие изделия, которые в совокупности явно фиксируют существовавшие на городище более ранние отложения, относящиеся к раннескифскому времени. Найденный здесь железный черешковый наконечник стрелы также следует

связывать с этими ранними отложениями, учитывая, что железные наконечники известны уже в ранних комплексах второй половины VII — первой половины VI вв. до н.э. (Полін, 1987: 21).

В то же время необходимо отметить, что кузнецы, ковавшие железные черешковые наконечники, могли быть знакомы с кремневыми прототипами черешковых наконечников, встреченных на чернолесских памятниках и в материалах висоцкой культуры, в которой изделия из кремня доживают до VIII—VII вв. до н.э. При этом имеются убедительные доказательства связей висоцкой культуры с Бельским городищем (Бандрівський, Крушельницька, 1998; Лычишин, 2007; Светличная, 1992).

Большинство известных сейчас двухлопастных **втульчатых** наконечников выглядит довольно однообразно. Они имеют обычно лавролистную или близкую к ромбической головку.

Что касается лавролистных или ромбических головок, то эти различия не следует преувеличивать, так как тщательное сравнение этих головок показывает, что близкие к ромбическим головки часто появлялись в результате заточки лавролистных наконечников в ходе их эксплуатации (рис. 7). Поэтому ромбические головки не следует рассматривать как особый тип, а учитывать как разновидность или вариант лавролистных. Сразу же необходимо отметить, что небольшие морфологические разновидности, наблюдаемые и при изучении бронзовых (литых) и железных (кованных) наконечников существенно различаются, и это имеет существенное значение при попытках выделения типов наконечников. При изучении литейных форм и отлитых в них наконечников стрел имеющиеся даже незначительные отличия, независимо от воли изготовителя, жестко закрепляются в изделиях и тиражируются в сотнях и даже тысячах экземпляров. Иная картина складывается при ковке железных изделий. При изготовлении железных наконечников стрел форма изделия легко изменяется. Так, при ковке двухлопастных, а особенно трехлопастных наконечников кузнецу достаточно было одного — двух ударов молотком по тонкой лопасти, чтобы

изменить ее конфигурацию. Более того, при этом у одного и того же наконечника могут появляться лопасти разной формы. Практического значения эти небольшие изменения не имели, и нет необходимости учитывать их и рассматривать как появление новых типов, тем более, что следы заточки на наконечниках заметить можно далеко не всегда.

Трехлопастные втульчатые железные наконечники стрел впервые выделила в качестве предметов типично скифского вооружения А.И. Мелюкова (Мелюкова, 1964), которая опираясь на находки в среднедонских курганах, уверенно датировала их IV в. до н.э. Дальнейшие находки позволили расширить время бытования таких наконечников от конца V до III в. до н.э. (Медведев, 1999; Березуцкий, 1995). В лесостепных курганах железные наконечники этой группы встречаются довольно часто, а в кургане урочища Круглик вблизи села Огульцы недалеко от городища у села Городище Ю.В. Буйнову, как уже отмечалось, удалось в 2003 году обнаружить даже погребение IV в. до н.э., в котором найдены соединенные ржавчиной (лежали в одном колчане) около 40 железных наконечников этой группы. Это скопление позволило отметить некоторые детали, которые трудно заметить в единичных находках (рис. 8).

Изучение новых находок железных наконечников стрел позволило выявить среди них особый, очень своеобразный тип наконечников (рис. 3), который следует рассматривать как переходную форму или архаический тип ранних втульчатых наконечников. Они предшествуют двухлопастным втульчатым наконечникам, известным как в бронзовом, так и в железном варианте еще по находке в Симферопольском кургане (Щепинский, 1962). Очень своеобразная форма новых находок наконечников позволила назвать их **однолопастными** втульчатыми. Действительно они выкованы так, что прямоугольная в сечении заточка раскована в близкую к треугольной форме лопасть только на одной стороне, а обратная сторона совершенно гладкая, плоская. На ней отражаются только незначительные неровности наковальни (если они имеются). Кратковременное появление



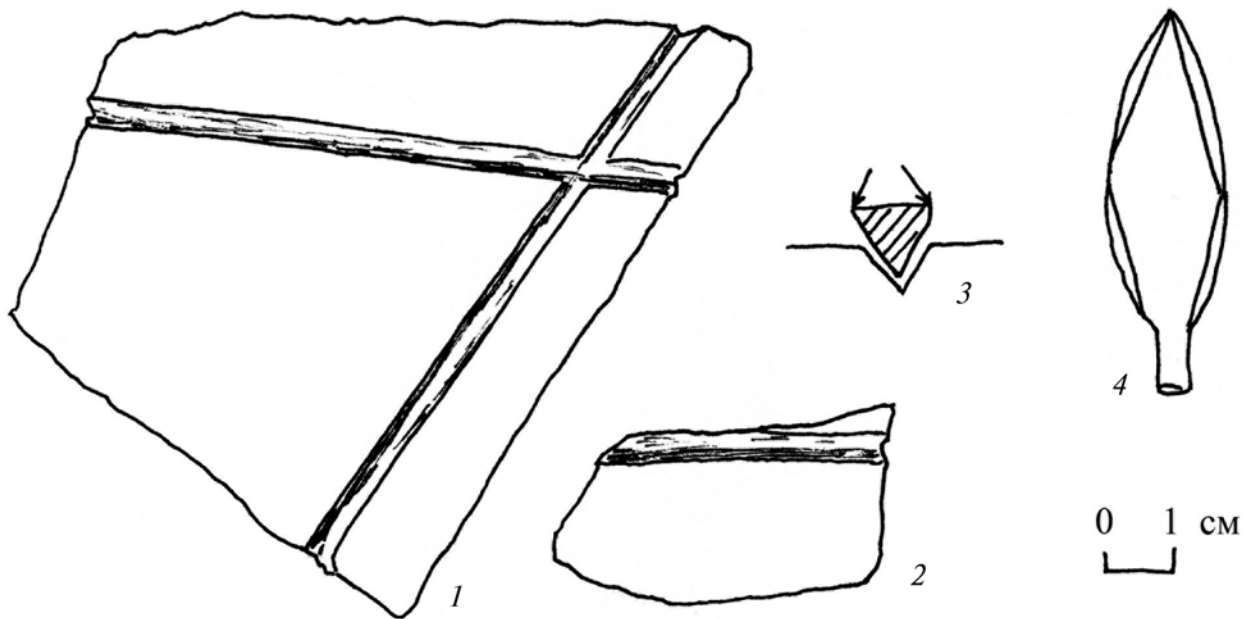


Рис. 7. Орудия и схемы их использования по материалам Бельского городища.

1-2 – каменные плитки-подставки с желобками треугольного сечения для формовки лопастей наконечников стрел, 3 – схема формовки лопастей заготовки треугольного сечения, 4 – схема изменения лопастей железных наконечников стрел при заточке.

этих своеобразных наконечников возможно было связано с тем, что в начале железного века железо было очень дорогим металлом и возникла попытка изготовить самые упрощенные, а следовательно более дешевые наконечники, которые требовали минимальных затрат на обработку. При изготовлении этих наконечников еще не был решен вопрос о наиболее целесообразной технологии изготовления втулок. Поэтому в нижней части прямоугольного сечения заготовки зубильцем делали небольшой надрез. Края надреза загибались внутрь, образуя небольшую и неровную втулку, которая выглядит как сплюснутая перемычка втулки. Такая технология была явно неудачной и не получила распространения. Точно определить время существования однолопастных наконечников сейчас невозможно ввиду очень небольшого количества находок (всего 3 экз.), которые к тому же найдены только в культурном слое поселений, вне закрытых комплексов. Неудачные попытки делать втулки с помощью простого подрубанья позволяют предполагать, что эти наконечники кратковременно выпускались где-то в начале VII в. до н.э., так как в середине VII в. до н.э. уже умели

делать хорошие конические втулки (Бойко, Берестнев, 2001). Последние формировались на основе веерообразного расклепывания нижнего конца заготовки, как это показал А.Г. Навродцкий на схеме в приложении к статье В.Р. Эрлиха (Эрлих, 2007, рис. 3, 2: 356) затем следовало загибание краев на оправке с коническим концом.

В скифскую эпоху распространение получают двухлопастные (рис. 4) и трехлопастные железные втульчатые наконечники стрел (рис. 5), которые известны по многим комплексам. Судя по ряду находок в курганах (Симферопольский курган, Старшая Могила, Поповка, Караванская группа у Люботина и др.), двухлопастные втульчатые наконечники появились не позже середины VII в. до н.э. и существовали в VI в. до н.э., когда сменились трехлопастными втульчатыми наконечниками. (Щепинский, 1962; Ильинская, 1968; Алексеев, 2000).

Особо выделяется группа шипастых втульчатых наконечников, среди которых можно отметить два типа.

К первому типу относятся наконечники, у которых шипы располагаются в нижней части головки (рис. 6, 1-3).



Второй тип отличается тем, что шипы в этих наконечниках расположены на черешке. Последний внизу раздваивается и образует два шипа (рис.6, 4-6).

Наконечники первого типа более ранние чем наконечники второго типа. Прототипы первых, шипастые кремневые и бронзовые наконечники стрел встречаются еще в памятниках непоротовской группы высококой культуры (*Крушельницка, 1998: 171, рис. 104, 11-12: 196, рис. 111, 9, 24-26*).

Все известные сейчас железные шипастые наконечники стрел обычно относят к IV в. до н.э., но в то же время известно, что в среднедонских курганах имеются наконечники IV—III вв. до н.э. (*Либеров, 1965; Медведев, 1999; Березуцкий, 1995*), а на территории близкой к юхновской культуре находки таких наконечников второго типа могут относиться к концу V—IV вв. до н.э. (*Пузикова, 1981*). Наибольшее распространение они получили в III в до н.э. (*Березуцкий, 1995*).

Технику изготовления бронзовых литых наконечников впервые и обстоятельно исследовал Б.Н. Граков (*Граков, 1930; 1948*). Недостаток материалов не позволил ему рассмотреть этап наиболее развитой техники литья наконечников, когда стали использовать литье в кокиль. Ряд новых находок позволил устранить этот пробел (*Шрамко Б.А., 1999; 2002*).

Техника изготовления железных наконечников Скифии почти не исследовалась. Во многом это было связано с тем, что железные наконечники из погребений и поселений подвергались сильной коррозии и это затрудняло их изучение. Нам не удалось найти ни одного экземпляра, который можно было бы подвергнуть металлографическому анализу. Приятное исключение представляет находка на Мотронинском городище (*Бессонова, Скорый, 2001*), на котором удалось найти, хотя и небольшой обломок железного наконечника стрелы, позволивший получить некоторые конкретные сведения. Д.П. Недопако провел металлографический анализ этого обломка, показавший, что исследованный участок имеет структуру феррита с микротвердостью 206 кг/мм кв. Полное определение технологии изготовления наконечника по небольшому обломку не

представлялось возможным (*Бессонова, Скорый, 2001: 143*).

Последовательность изготовления железных наконечников стрел лучше всего показать на примере новых, самых сложных трехлопастных втульчатых наконечников. Вначале делали общие заготовки в виде стержня диаметром около 10 мм. Эта первоначальная заготовка рубилась на части длиной около 50 мм. Полученные части заготовки проковывались так, что бы получался стержень с треугольным поперечным сечением. Затем один конец заготовки проковывался на каменной подставке с желобом треугольного сечения (рис.7). Использование подставки с желобком позволяло поочередно проковывать две лопасти, придавая им лавролистные или ромбические очертания. Противоположный конец заготовки вначале расковывали веерообразно, а затем при помощи оправки загибали в виде втулки.

В скифское время изготовление втулок с помощью оправки с коническими концами было уже заурядным явлением. Железные оправки на лесостепных поселениях скифской эпохи встречались довольно часто, но их иногда бывает трудно отличить от небольших пробойников. На тупых концах пробойников все же часто сохраняются следы ударов молотком. Кроме того, тупые концы оправок часто имеют квадратное или прямоугольное сечение. Последнее облегчает удержание оправки при сгибании втулки. Две типичные оправки были найдены при разведке на Бельском городище (*Šramko, Rolle, Murzin, 1991: 74, рис. 16, 13, 14*).

Вопреки бездоказательному мнению А.Г. Навроцкого (*Эрлих, 2007: 353*), втулки железных наконечников скифской эпохи никогда не сваривались. Ни на одном из железных наконечников следов сварки не было обнаружено. А.Г. Навроцкий видимо не совсем четко представляет себе миниатюрность этих наконечников.

Судя по одному из рисунков (*Эрлих, 2007: рис. 3, 4*), А.Г. Навроцкий догадывался, что при изготовлении трехлопастных наконечников надо было иметь подставку, в которую при ковке опускалась бы одна из лопастей, но конкретно такие подставки





Рис. 8. Часть пучка железных наконечников стрел из кургана Круглик (Харьковская обл.).

ему не были известны. Поэтому подставка на его рисунке показана лишь с уже готовым трехлопастным наконечником. Только найденные при раскопках подставки с желобками треугольного сечения (рис.7), смогли хорошо объяснить процесс формирования лопастей железных трехлопастных наконечников стрел. Нет прямых доказательств существования в скифское время закалки наконечников стрел, но закалка стали была известна кузнецам Скифии (Шрамко И.Б., 2006).

При решении спорного вопроса о центре (или центрах) производства железных наконечников стрел необходимо, на наш взгляд, прежде всего обратить внимание не на большое количество найденных в том или ином регионе железных наконечников, а на места, где бесспорно существует развитое ремесло, связанное с добычей и обработкой железа, где найдены не только наконечники, но также орудия и различные приспособления, необходимые для изготовления этих наконечников. В настоящее время одним из таких центров является Бельское городище. На Бельском городище были найдены скифские каменные подставки с желобками, предназначенные для формовки трехлопастных

наконечников, а также железные оправки и каменные подставки, необходимые для изготовления наконечников.

Именно на Бельском городище найдены и другие орудия и приспособления, применявшиеся при изготовлении железных наконечников стрел (Шрамко, 1983: рис. 8: 82). В частности, типичные железные оправки для изготовления втулок известны на Западном Бельском городище (Šramko, Rolle, Murzin, 1991: 74, рис. 10, 13, 14).

Известные нам материалы о железных наконечниках стрел позволяют говорить о том, что с самого начала железного века местное население правильно оценило появление и внедрение в хозяйство такого нового материала как железо (и сталь). Весьма рано появляются первые попытки использовать новый материал для улучшения такого важного оружия как лук и стрелы. В VII–VI вв. до н.э. появляются курганы, в которых имеются железные наконечники стрел (Полн, 1987: 21), сосуществовавшие с бронзовыми.

Несомненно, важным преимуществом железных наконечников было то, что для их изготовления использовалось местное сырье. Отсутствие необходимости обеспечить бесперебойное снабжение импортом





ремесленников Скифии и появление независимости их от необходимости приобретать дорогие привозные компоненты (медь, олово и т.п.) для получения необходимых сплавов уже само по себе имело большое значение. Развитие местного металлургического и кузнечного ремесла открывало перед местными ремесленниками неограниченные возможности постоянного совершенствования кузнечных изделий. По археологическим материалам

видно появление новых форм кузнечных изделий и в частности новых форм железных наконечников стрел. Расширение ареала железных наконечников показывает, что они все в большей мере удовлетворяли потребности местного населения. В конечном счете, это, как известно, привело к полному вытеснению литых бронзовых наконечников и к переходу повсюду к наконечникам, выкованным из железа и стали.

## Литература

- Абрамова, 1993* – Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
- Алексеев, 2000* – Алексеев А.Ю. Луристанская булава в Скифии // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2000.
- Алихова, 1962* – Алихова А.Е. Городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113.
- Бандрівський, Крушельницька, 1998* – Бандрівський М., Крушельницька Л. Основні періоди розвитку висоцької культури (за матеріалами поховальних пам'яток) // Записки наукового товариства ім. Т.Г.Шевченка. Т. ССXXXV. Львів, 1999.
- Березанская, 1990* – Березанская С.С. Усово озеро: поселение срубной культуры на Северском Донце. К., 1990.
- Березуцкий, 2006* – Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.
- Бессонова, Скорый, 2001* – Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988-1996 гг). Киев, Краков, 2001.
- Бойко, Берестнев, 2001* – Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV в до н.э. курганного могильника у с.Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998* – Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998.
- Буйнов, Окатенко, 2004* – Буйнов Ю.В., Окатенко В.Н. Раскопки городища скифского времени в урочище Городище // АБУ. К., 2004.
- Буйнов, Бандуровский, Окатенко, 2005* – Буйнов Ю.В., Бандуровский А.В., Окатенко В.Н. Исследования курганов скифской эпохи в Харьковской области // АДУ 2003-2004. Запоріжжя, 2005.
- Городцов, 1947* – Городцов В.А. Раскопки Частых курганов под Воронежем // СА. 1947. Т. IX.
- Граков, 1930* – Граков Б.Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // Техника обработки камня и металла. М., 1930.
- Граков, 1948* – Граков Б.Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК. 1948. Вып. 22.
- Замятнин, 1946* – Замятнин С.Н. Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем // СА. 1946. Т. VIII.
- Задников, 2004* – Задников С.А. Античный тарный импорт раннескифского времени с Бельского городища // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 2004. Вип. № 7.
- Ковпаненко, 1978* – Ковпаненко Г.Т. Бронзовый меч с Бельского городища // СА. 1973 № 4.
- Крушельницька, 1998* – Крушельницька Л. Чорноліська культура Середнього Придністров'я. Львів, 1998.
- Клочко, 1979* – Клочко В.И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв до н.э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979.
- Либеров, 1961* – Либеров П.Д. Мастюгинские курганы // СА. 1961. № 3.
- Либеров, 1962* – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Сев. Донца // МИА. 1962. № 113.
- Либеров, 1969* – Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151.
- Медведев, 1999* – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999.
- Мелюкова, 1964* – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
- Мурзин, Ролле, Херц, Скорый, Махортых, Белозор, 2001* – Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый



С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. К., 2001.

*Моруженко, 1973* – Моруженко А.А. Раскопки городища Полковая Никитовка // АО за 1972 г. М., 1973.

*Петренко, 1982* – Петренко В.Г. Комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Ставрополя // КСИА. 1982. № 170.

*Петренко, 1990* – Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

*Петренко, 2006* – Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Москва, Берлин, Бордо, 2006.

*Полін, 1987* – Полін С.В. Хронологія ранньоскифських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.

*Полин, Тупчиенко, Николова, 1994* – Полин С.В., Тупчиенко Н.О., Николова А.В. // Курганы верховьев Ингульца. Вып. № 3. Кировоград, 1994.

*Пузикова, 1981* – Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

*Радзиевская, 1978* – Радзиевская В.Е. Раскопки городища у с. Коломак // АО за 1977 г. М., 1978.

*Радзиевская, 1979* – Радзиевская В.Е. Продолжение исследований Коломакского городища // АО за 1978. М., 1979.

*Радзиевская, 1980* – Радзиевская В.Е. Исследования Коломакского городища // АО за 1979 г. М., 1980.

*Радзиевская, 1985* – Радзиевская В.Е. Курганы VI в до н.э. у пос. Коломак // СА. 1985. №1.

*Светличная, 1992* – Светличная Е.В. К вопросу о связях Днепровского Левобережья с лужицко-высоцкими племенами // История и археология Украины. Харьков, 1992.

*Телегін, 1956* – Телегін Д.Я. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці (1950-1956) // АП. 1956. № 6. К.

*Шрамко Б.А., 1975* – Шрамко Б.А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонобудинская проблема // СА. 1975. № 1.

*Шрамко Б.А., 1984* – Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.

*Шрамко Б.А., 2002* – Шрамко Б.А. Новая литейная форма с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии // РА. 2002. № 1.

*Шрамко Б.А., 2007* – Шрамко Б.А. Основні підсумки досліджень Більського городища // Записки наукового товариства ім. Т.Г.Шевченка. Т. ССЛІІІ. Львів, 2007.

*Шрамко Б.А., 2008* – Шрамко Б.А. Бельское городище // Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. Т.ІV. М., 2008.

*Шрамко И.Б., 1997* – Шрамко И.Б. Раскопки Западного укрепления Бельского городища // АДУ 1993 року. К., 1997.

*Шрамко І.Б., 2006* – Шрамко І.Б. Ранній період в історії геродотовського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). К., 2006.

*Шрамко И.Б., 2006* – Шрамко И.Б. К вопросу о кузнечных инструментах ремесленников скифской эпохи // Археологическое изучение центральной России. Липецк, 2006.

*Шрамко, Задніков, 2006* – Шрамко І.Б., Задніков С.А. Розкопки зольника № 5 в 2004 р. на Західному укріпленні Більського городища //Археологічні дослідження в Україні 2004-2005. Вип.8. Київ-Запоріжжя, 2006.

*Шрамко, Задніков, 2007* – Шрамко І.Б., Задніков С.А. Результати археологічного дослідження Більського городища в 2006 р. // АДУ. 2005-2007 рр. Вип. 9. Київ-Запоріжжя, 2007.

*Щепинский, 1962* – Щепинский В.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

*Эрлих, 2007* – Эрлих В.Р. Железные наконечники стрел из Прикубанья и проблемы типологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.

*Murzin, Rolle, Šramko, 1996* – Murzin V., Rolle R., Šramko B., Das Burgwallsystem von Belsk // Hamburger Beiträge zur Archäologie. – №18. – Mainz, 1996.

*Šramko B.A., 1974* – Šramko B.A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentten von Buntmetallen in der Fruheisenzeit // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstzeit in Mitteleuropa. – Bratislava, 1974.



*Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е. (Москва)*

## **ПРОТОМЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАНА 2 МОГИЛЬНИКА УАШХИТУ I<sup>1</sup>**

Знакомство одного из авторов этой статьи с С.А.Скорым относится к далекому уже сейчас 1989 году и произошло оно на вечерних «посиделках» коллег «скифосарматчиков» после заседаний Первой Кубанской конференции в г. Краснодар. Надо отметить, что предшествующий этой встрече полевой сезон 1988 г. был чрезвычайно богат для предскифской археологии. Тогда на могильнике Клин-Яр III А.Б.Белинским было открыто знаменитое погребение с «новочеркасской» уздой и коническим шлемом ассиро-урартского облика, явившегося впоследствии важнейшим хронологическим репером всего новочеркасского периода. Именно в этот же сезон был раскопан и первый курган могильника Уашхиту I, в котором впервые удалось зафиксировать остатки колесничной упряжки предскифского времени. И хотя сообщения об этих открытиях не стояли в программе конференции, мы с Андреем Белинским с большим энтузиазмом знакомили с находками коллег в «кулуарах», показывая фотографии погребений и рисунки вещей. Одним из тех, кто проявил к ним самый живой интерес и был Сергей Анатольевич, в то время активно исследовавший лесостепные памятники киммерийской эпохи.

Материалы первого кургана могильника Уашхиту I были в 1994 г. опубликованы

в статье и монографии «У истоков раннескифского комплекса» (Эрлих, 1994: 134-150; 1994a), однако продолжить исследование этого интересного могильника в те годы нам не удалось в силу целого ряда причин.

Лишь спустя шестнадцать лет силами совместной экспедиции Государственного музея Востока и Института археологии РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда этот могильник был доисследован.

В качестве «приношения» в сборник, посвященный 60-летию С.А. Скорого, мы публикуем серию погребений предскифского времени из второго кургана могильника Уашхиту I.

Курганный могильник Уашхиту I находился на водоразделе рек Улька и Фарс, в 2 км к югу от аула Кабехабль и в 2,5 км на СВ от хут. Дорошенко. Участок пахотного поля, на котором располагался могильник, был с запада ограничен поймой р. Улька, с юга - грунтовой дорогой, ведущей к аулу Кабехабль, а с севера безымянным ериком - правым притоком реки. Расстояние от поймы р. Улька составляло 160 м к югу. Излучина заросшего камышом ерика огибала могильник с северной стороны.

Могильник состоял из двух распаханных курганов (само слово «Уашхиту» означает в переводе с адыгейского «два

<sup>1</sup> Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 07-06-00241а.



кургана»), расстояние между которыми не превышало 40 м (рис. 1, 1, 2). В 1988 г. Кавказской археологической экспедицией был раскопан южный курган № 1. В этом кургане высотой около 5 м было обнаружено ограбленное элитное погребение начала VII в. до н. э. в большой могильной яме размерами 13x7 м. На дне могилы впервые *in situ* была открыта упряжка колесницы предскифского времени.

В 2005 г. оставшийся неисследованным северный курган – № 2, стоявший на мысу, омываемым безымянным ериком – притоком реки Ульки, находился на земле частного крестьянского хозяйства жителя аула Кабехабль Батмирзы Тлюстангелова и подвергался ежегодной распахке.

Насыпь кургана имела форму близкую к полусферической и была несколько растянута к востоку – юго-востоку. При этом её северный склон, оканчивавшийся у русла безымянной речки, был более крутым, чем южный. Диаметр кургана равнялся 60-64 м, высота по результатам нивелировки поверхности достигала 4 м. Погребенная почва в ходе исследования была зафиксирована на глубине –3,00-3,50 м.

Интересно, что в отличие от кургана 1, насыпь которого была возведена над большой ямой с захоронением вождя колесничего предскифского времени и лишь частично перекрыла грунтовой могильник майкопской эпохи (*Днепровский, Корневский, 2003*), в насыпь кургана 2 было впущено 42 погребения, относящихся к широкому хронологическому диапазону, начиная с эпохи ранней бронзы и заканчивая сарматским временем (рис.2).

В центре кургана на незначительной глубине обнаружено разрушенное погребение воина-колесничего (погребение № 9). Кроме этого в кургане встречено 15 скорченных погребений, которые мы суммарно отнесли к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку. Три погребения (14, 24 и 37) имели погребальный инвентарь, относящийся к протомеотскому времени.

Поскольку результаты радиоуглеродного исследования всех имевшихся здесь комплексов еще нами не получены, в данной публикации мы приводим лишь те погребения, которые по материалу уверенно

могут быть отнесены к протомеотскому периоду.

**Погребение 9** (рис. 3-5). Находилось в центре насыпи. R=0 находился непосредственно над краем скелета лошади № 4 (примерно напротив центра скелета). Погребение было обнаружено **на глубине** –115-137 см от R=0. Конструкция **погребального сооружения** не прослеживалась. Это было захоронение четырех упряжных лошадей, уложенных головой на юг, на животе с подогнутыми ногами. Головы у лошадей №№ 2 и 4 были повернуты к юго-западу и лежали на боку, у лошади № 1 – также на юго-запад, но ее череп лежал основанием вниз, а у лошади № 3 череп ориентирован на юг. Лошади были уложены попарно так, что между парами в центре был промежуток шириной 30-40 см.

Остеологический материал позволил Ю.А.Спасовскому определить двух из четырех особей как взрослых жеребцов.

**Лошадь 1** – крайняя к востоку. Ее кости соприкасались с запада с костями лошади 2, а с восточной стороны были повреждены трактором в ходе обнаружения. Близ черепа лошади находились выпавшие из зубов удила (1), по бокам лежали псалии (2). С двух сторон позвоночника в области лопаток находились крупные бляхи с «солярными знаками» (3 и 4). Еще одна подобная бляха лежала орнаментом вниз между ребрами лошади 1 и позвонками лошади 2 (5). В средней части скелета, на ребрах, соприкасавшихся с ребрами лошади 2, лежало бронзовое кольцо (6). С восточной стороны под костями лошади на глубине –130-151 см был прослежен участок прокаленной докрасна почвы.

**Лошадь 2**, находившаяся к западу от лошади 1, лежала вплотную к ней, на животе с подогнутыми ногами. В зубах лошади были зажаты удила (7), рядом – псалии (8).


**Лошадь 3** также лежала на животе, прижимаясь к лошади 4. Лошадь была взнуздана сохранившимся в сочленении – удилами (9) и псалиями (10).

**Лошадь 4** лежала вплотную к третьей, на животе. В зубах лошади находились удила (11), рядом – псалии (12). В области





1

2  Курганный могильник Уашхиту- I  
съемка В. Марковского (1987 г.)

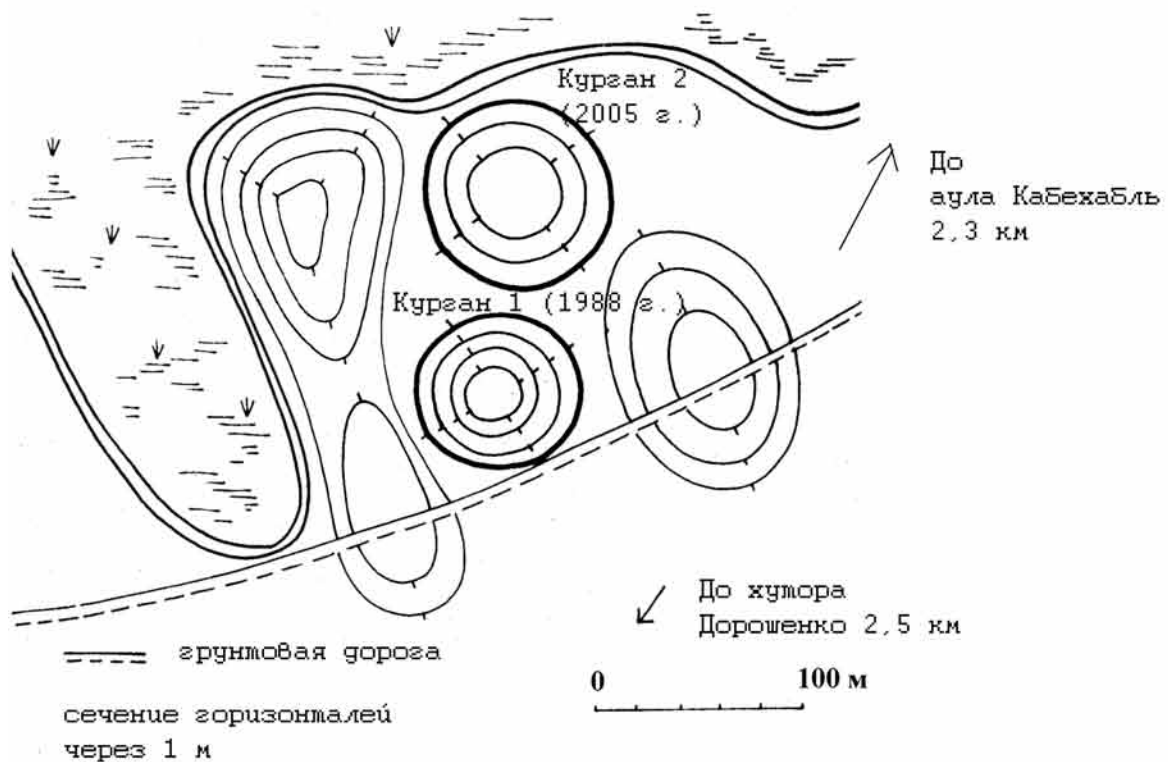


Рис. 1. Топоплан могильника Уашхиту- I.

1 – общий вид курганов, фото 1987 г.; 2 – топоплан могильника Уашхиту.



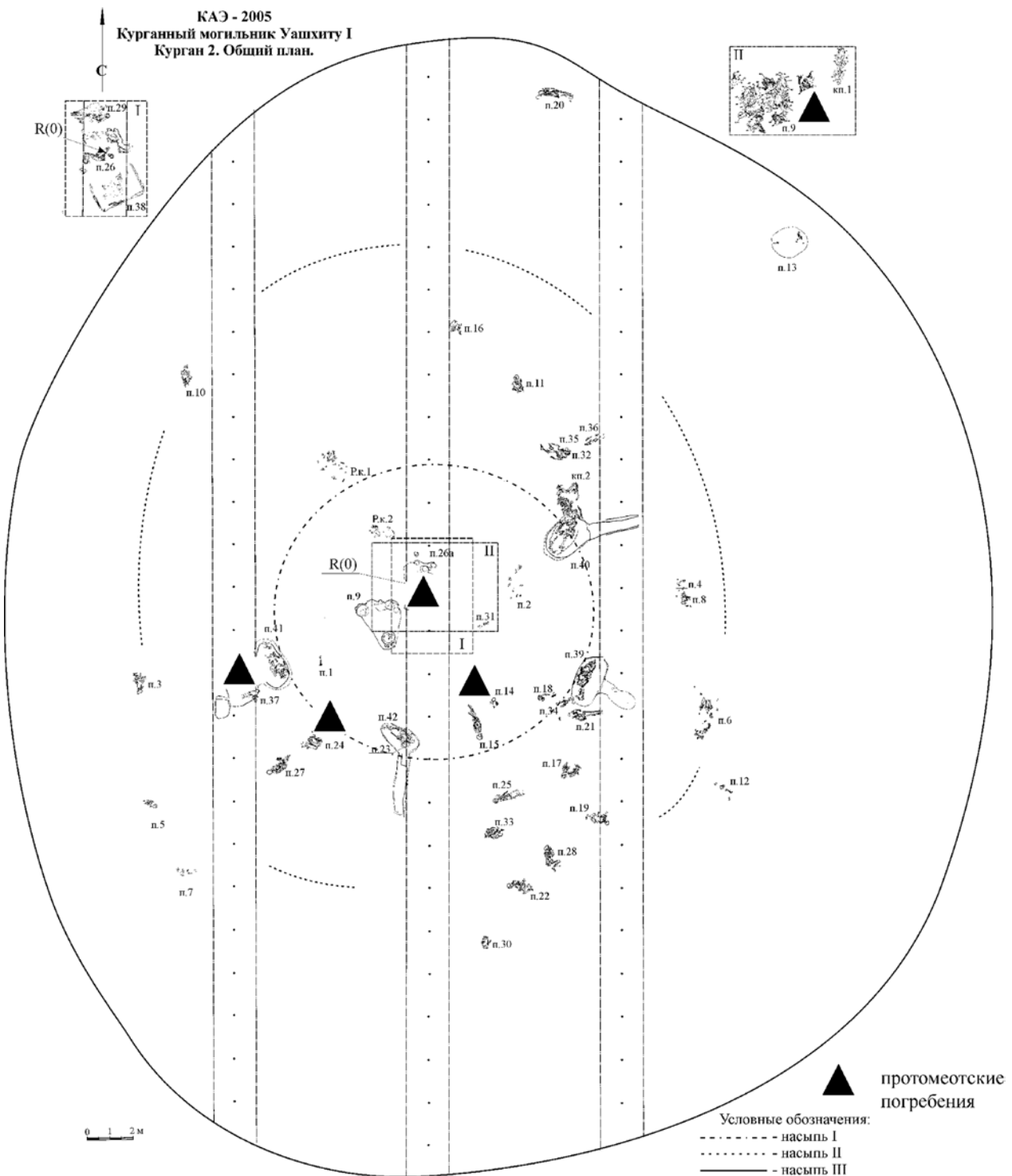


Рис. 2. Общий план кургана 2 могильника Уашхиту-I с обозначенными протогеотскими погребениями.

лопаток с двух сторон помещались две большие бляхи с «соляными знаками» (13 и 14). Между позвонками лошадей 3 и 4 в центре скелетов находилось бронзовое кольцо (15), а немного севернее на позвонках лошади 4 еще одна аналогичная бляха (16).

В 40 см к северо-западу от костей лошадей была расчищена бронзовая ситупа (17) с парными зооморфными ручками, внутри которой находились кости животного, покрытые окислами бронзы, и фрагменты дерева, вероятно, части крышки, закрывавшей устье сосуда. В

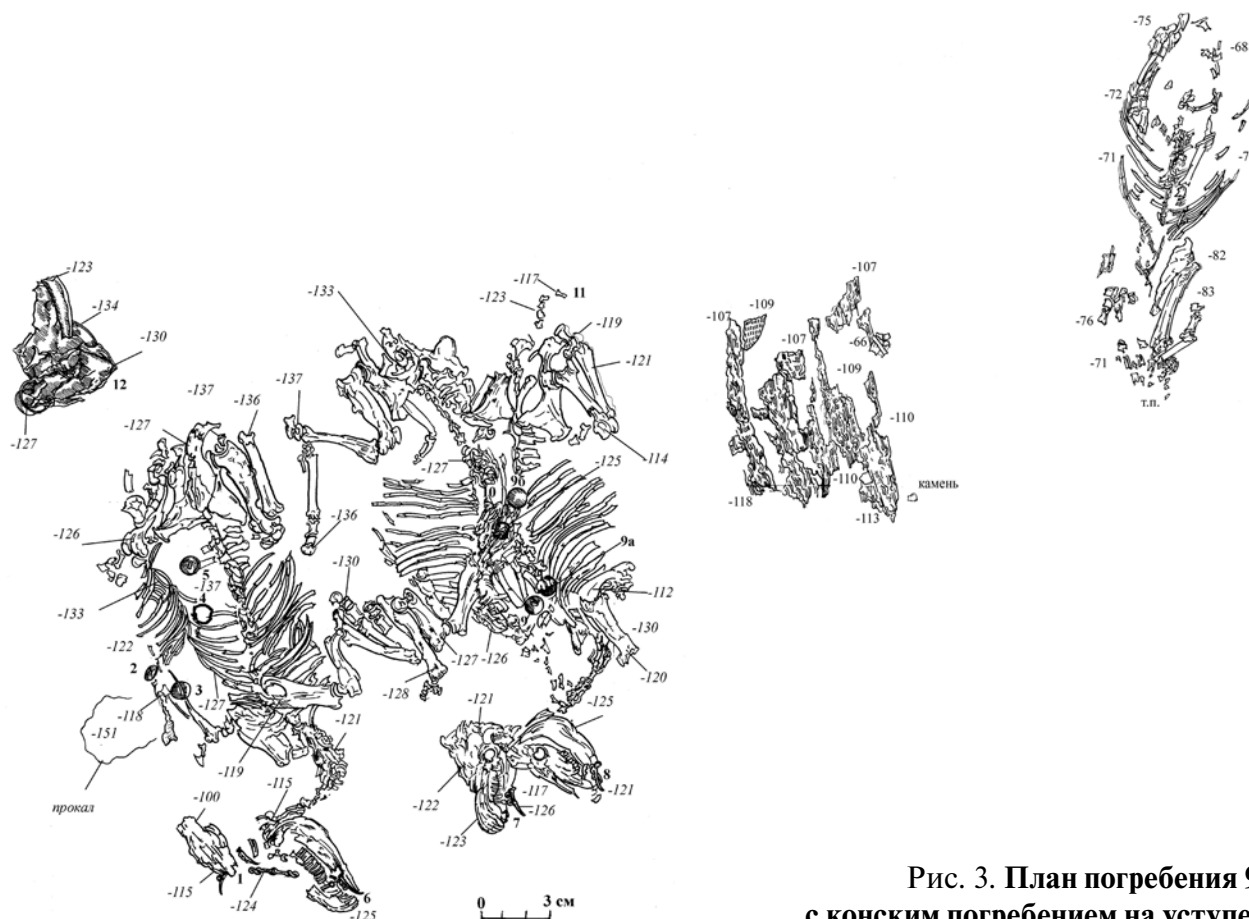


Рис. 3. План погребения 9 с конским погребением на уступе.

30 см к северу, напротив костей лошадей 2 и 3 на глубине 138 см была найдена костяная бусина (распалась). К востоку — северо-востоку от ситутлы в насыпи были найдены фрагменты керамики (18, 19, 20).

К северу от конских костей обнаружены несколько фрагментов свода разбитого человеческого черепа. Две фаланги пальцев были найдены у северного окончания скелетов лошадей 3 и 4.

На расстоянии 0,5 м к востоку от **R=0** на глубине -107-118 см был расчищен участок истлевшего дерева общими размерами 1 x 0,7 м. При расчистке дерево имело белесый и черный цвета. Сохранность его крайне плохая. Судя по прослеженному направлению волокон, дерево было уложено в направлении север — юг. Возможно, данный фрагмент являлся остатками перекрытия могильной ямы. Это предположение кажется тем более вероятным, если учесть, что на костях лошадей 3 и 4 встречены небольшие участки черного органического тлена.

Приводим описание найденных в погребении предметов:

#### Конь 1

1. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев — 10,3 и 11,4 см (рис. 6, 1).

2. Однотипные трехпальчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой — в виде раскованной лопасти. Высота псалиев — 12,3 и 13,1 см. (рис. 6, 2, 3).

3. Круглая массивная бляха с уплощенным щитком, украшенным рельефным изображением в виде солярного знака-ромба, вписанного в круг и с розеткой в центре. На обороте — массивная петля. Диаметр 7,6 см (рис. 6, 4).

4. Аналогичная бляха. Диаметр -7,6 см. (рис. 6, 5).

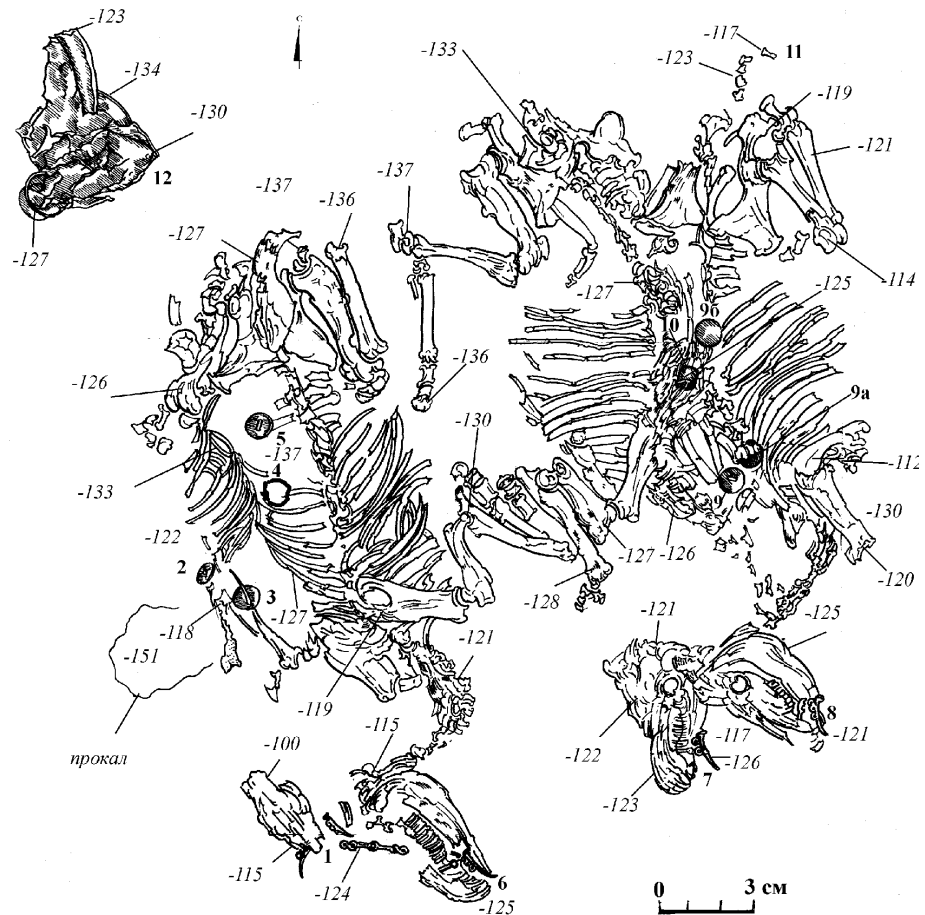
5. Аналогичная бляха. Диаметр — 7,6 см (рис. 6, 6).

6. Упряжное браслетообразное кольцо. Диаметр — 6,7 см., ширина пластины — 3,4 см (рис. 6, 7).



**Рис. 4. План погребения 9 (упряжка колесницы).**

**Лошадь 1:** 1 – удила и псалии бронзовые; 2, 3, 5 – бляхи бронзовые; 4 – кольцо бронзовое; **лошадь 2:** 6 – удила и псалии бронзовые; **лошадь 3:** 7 – удила и псалии бронзовые; **лошадь 4:** 8 – удила и псалии бронзовые; 9, 9а, 9б – бляхи бронзовые; 10 – кольцо бронзовое; 11 – кости человека; 12 – сосуд (ситула) бронзовый.



### Конь 2

7. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,7 и 10,8 см (рис. 6, 8).

8. Однотипные трехпетельчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 13 см (рис. 6, 9, 10).

### Конь 3

9. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,9 и 11,3 см (рис. 7, 1).

10. Однотипные трехпетельчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 12,9 см (рис. 7, 2, 3).

### Конь 4

11. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют

одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,7 и 10,8 см (рис. 7, 4).

12. Однотипные трехпетельчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 12,9 и 13,2 см (рис. 7, 5, 6).

13. Круглая массивная бляха с уплощенным щитком, украшенным рельефным изображением в виде солярного знака-ромба, вписанного в круг и с розеткой в центре. На обороте – массивная петля. Диаметр 7,6 см (рис. 7, 7).

14. Круглая массивная бляха с уплощенным щитком, украшенным рельефным изображением в виде солярного знака-ромба, вписанного в круг и с розеткой в центре. На обороте – массивная петля. Диаметр 7,5 см (рис. 7, 8).

15. Аналогичная бляха. Диаметр – 7,7 см (рис. 7, 9).

16. Упряжное браслетообразное кольцо. Диаметр – 6,5 см, ширина пластины – 3,5 см (рис. 7, 10).







Рис. 5. Погребение 9, вид с севера.

17. Ситула, склепанная из листовой бронзы. Отдельно сформован цилиндрический поддон, приклепанный к тулову маленькими гвоздиками. Тулово реповидной формы изготовлено из двух кусков листовой бронзы и склепано при помощи бронзовых гвоздиков-заклепок. Венчик слегка отогнут наружу. Сосуд имеет две литые ручки с зооморфными ушастыми выступами. Сосуд подвергался ремонту в древности. Отверстие закрыто прямоугольной заплаткой, приклепанной тремя гвоздиками.

Высота сосуда 25 см. Диаметр поддона 12, 5. Максимальный диаметр тулова – 33 см (рис. 8, 1, 7).

18. Фрагмент стенки сероглиняного чернолощеного сосуда, украшенного врезным орнаментом в виде заштрихованных лент, расположенных перпендикулярно друг другу. Размер фрагмента 23 x 17 см (рис. 8, 2, 6).

19. Фрагмент стенки сероглиняного толстостенного сосуда (корчаги?), украшенного врезным орнаментом в виде заштрихованных полос, расположенных под

прямым углом друг другу. Размер фрагмента 25 x 21 см (рис. 8, 3, 5).

20. Фрагмент придонной части крупного сероглиняного сосуда – корчаги (рис. 8, 4).

По-видимому, с этим же погребением связано и дополнительное конское погребение 1 (рис. 3), располагавшееся несколько выше на краю ямы погребения 9 либо на уступе. Оно находилось в центре насыпи к ВСВ от R=0. Координаты точки привязки, расположенной у южного края скелета: ЦВ – 2,5 м; ЦС – 0,5 м. Погребение было обнаружено на глубине –68-72 см от R=0. Контуры могильной ямы не прослеживалась.

Кости лошади плохой сохранности. Жеребец старше двух лет (определение Ю.А.Спасовского) был уложен на брюхо с подогнутыми ногами, прижатыми к корпусу. От черепа сохранилось только скопление зубов. Общая ориентация скелета по оси север - юг, головой на юг с небольшим отклонением к западу.

**Погребение 14** (рис.9, 1). Находилось в юго-восточной поле насыпи. Координаты



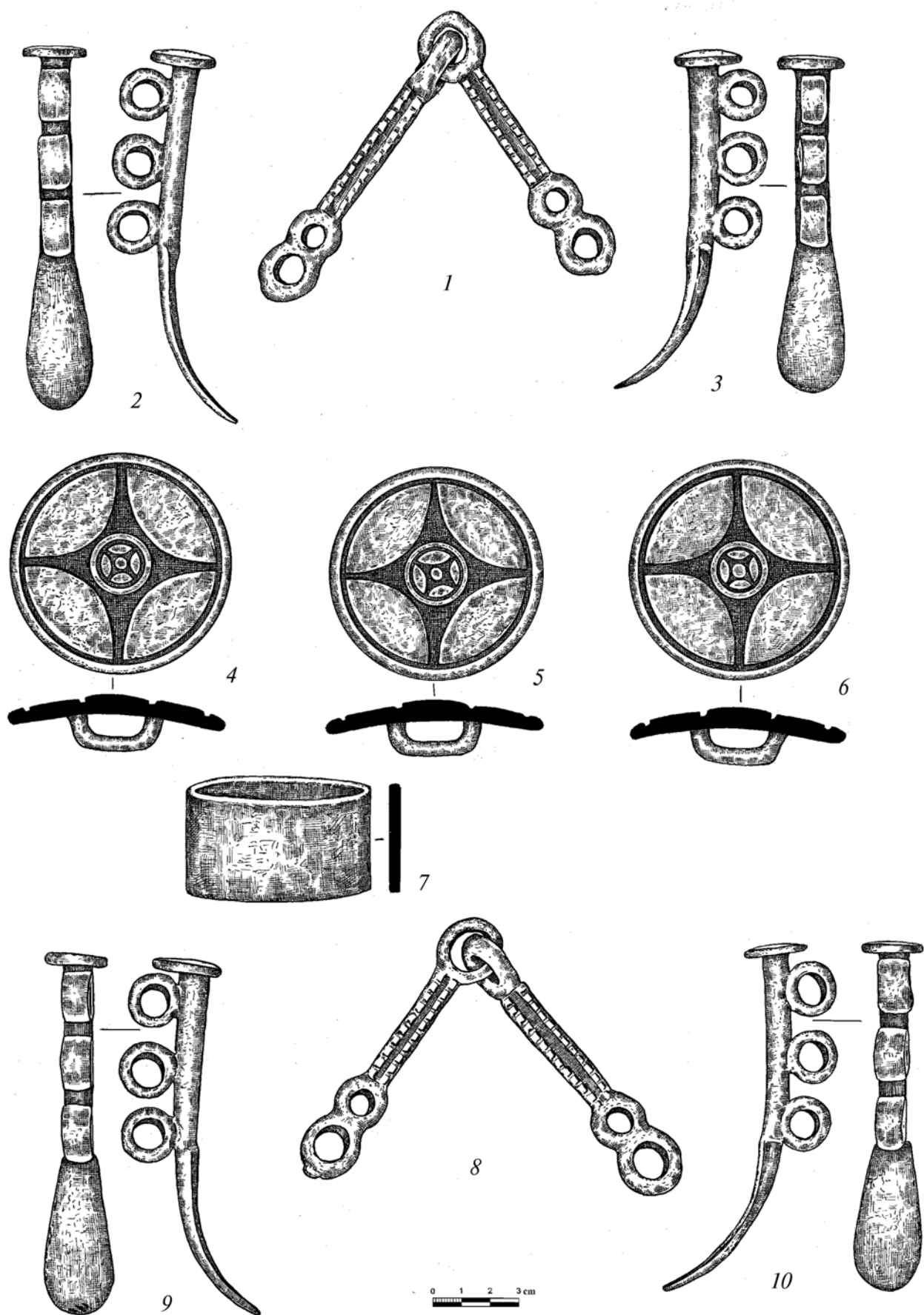


Рис. 6. Погребение 9, детали конской упряжи.  
1-7 – узда и упряжь лошади 1; 8-10 – узда лошади 2. Бронза.



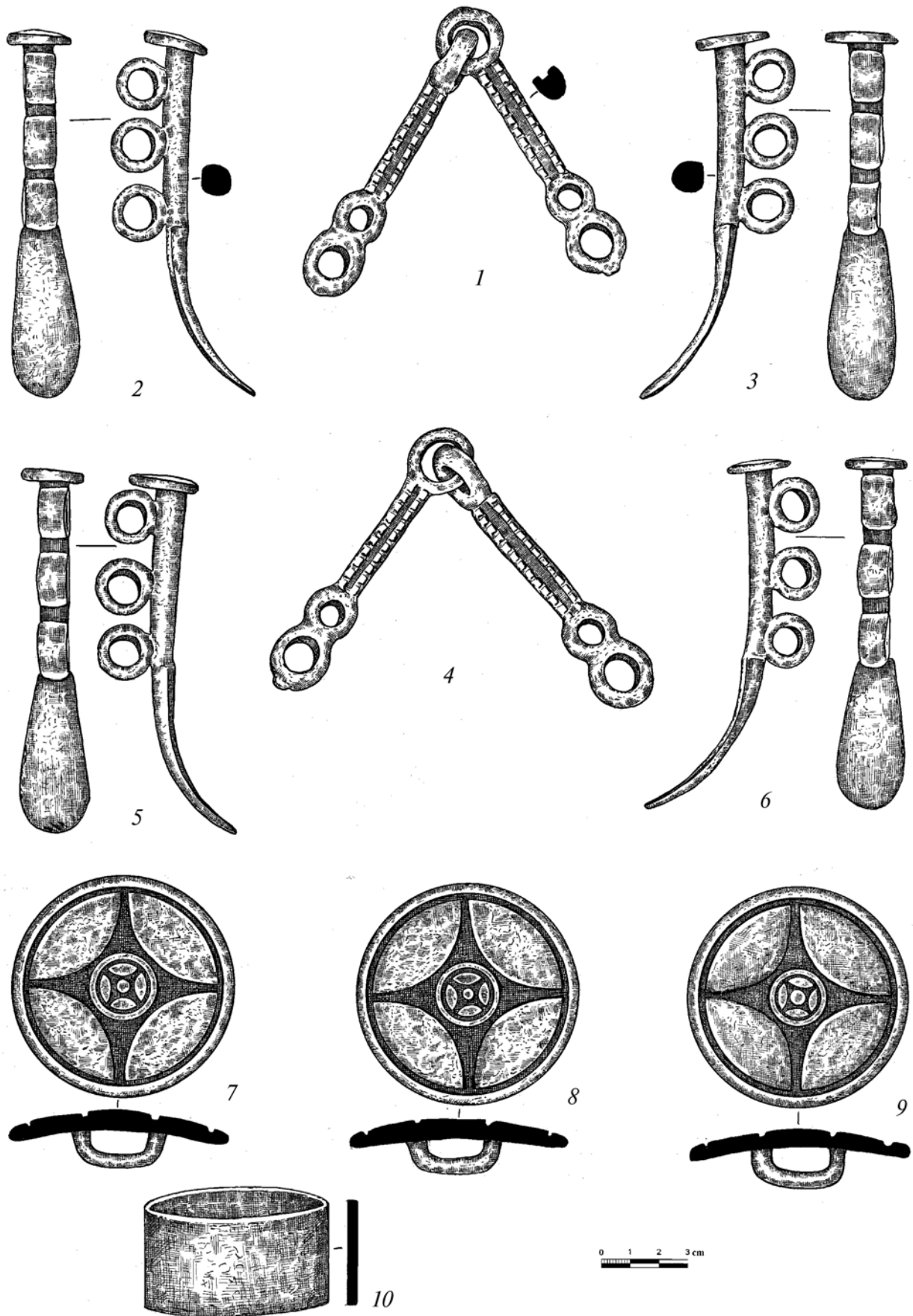


Рис. 7. Погребение 9, детали конской упряжи.





Рис. 8. Погребение 9, ситула и фрагменты керамики.



точки привязки, расположенной к северу от черепа: ЦЮ — 5 м; ЦВ — 3 м. Погребение было обнаружено на глубине —147-150 см от R=0. Контуры могильной ямы не прослеживались.

Сохранность скелета плохая. Судя по сохранившимся костям, он принадлежал ребёнку. Погребённый лежал на правом боку черепом на северо-запад. Череп был расположен на правом боку, лицевой частью обращён к юго-западу. Кроме того, сохранились кости грудной клетки и мелкие обломки других костей. Кости рук, таза и обеих ног не сохранились. Вероятно, погребённый лежал с некоторым разворотом грудной клетки книзу.

Инвентарь представлял собой фрагментированный керамический черпак, который был установлен непосредственно перед лицевыми костями черепа. Сосуд имел слабовыпуклое тулово с отогнутым краем, подчеркнутым горизонтальной врезной линией. Тесто с примесью дресвы. Отломанная в древности ленточная петле-видная ручка крепилась нижним концом к средней части тулова, а верхним, отбитым, — к краю венчика. Высота сосуда — 5 см, диаметр тулова — 7,5 см, диаметр уплощенного дна со скругленными краями — 5,7 см (рис. 9, 2).

**Погребение 24** (рис. 9, 3). Находилось в ЮВ поле насыпи. Координаты точки привязки, расположенной к югу от скелета: ЦЮ — 7 м; ЦВ — 5,8 м. Погребение было обнаружено на глубине —224-238 см от R=0. Контуры могильной ямы не прослеживались.

Сохранность скелета взрослого человека удовлетворительная. Погребённый лежал скорченно на левом боку с сильным завалом на грудь, черепом на восток. Череп располагался на левом боку, лицевая часть была обращена к югу. Бедренные кости обеих ног были согнуты под острым углом к позвоночнику. В коленных суставах ноги были согнуты также под острым углом: бедренная кость правой ноги располагалась поверх коленного сустава левой ноги. Левая рука была вытянута перед туловищем к коленным суставам, её плечевая кость находилась под грудной клеткой. Кисть сильно загнута к колену правой ноги. Правая рука

была согнута в локте и лежала поверх предплечья левой. Её несохранившаяся кисть должна была находиться между плечом и лицом погребенного.

У затылочной кости черепа были найдены бронзовые подвески, напротив левого плеча скелета лежала бронзовая игла, а у нижней челюсти близ шейных позвонков — стеклянная бусина.

1. Фрагментированные парные височные спиральные подвески, свернутые из уплощенной бронзовой пластины. Диаметр 1,1 см, ширина пластины 0,2 см (рис. 9, 6-8).

2. Игла из тонкой бронзовой проволоки, один конец заострен, другой загнут, образуя ушко. Длина 8,4 см, диаметр проволоки 0,1 см (рис. 9, 4).

3. Бусина кольцевидной формы темно-коричневого стекла. Диаметр 0,7 см; высота 0,4 см (рис. 9, 5).

4. Стенка лепного толстостенного сосуда. Черепок сероватый в изломе, поверхность заглажена и имеет розоватый цвет. Тесто с примесью песка.

**Погребение 37** (рис. 9, 10). Находилось в ЮЗ поле насыпи на глубине —185-196 см от R=0 в западной бровке. Координаты точки привязки, расположенной за костями таза скелета: ЦЮ — 5 м; ЦЗ — 8,5 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Верхняя часть погребения была срезана техникой с восточной стороны.

Сохранность скелета взрослого человека удовлетворительная. Погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на юго-восток. Ноги погребенного были согнуты в коленях под острым углом. Бедрa вытянуты вниз и уложены одно на другое. От рук сохранились лишь фаланги и кости плюсны, лежавшие перед костями тела.

Между костями рук и тела была обнаружена бронзовая игла длиной 7,1 см из проволоки диаметром 0,2. Один конец заострен, другой раскован и загнут, образуя ушко. (рис. 9, 9).

Таким образом, отобранные нами для публикации погребения из кургана 2 относятся ко времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Все эти



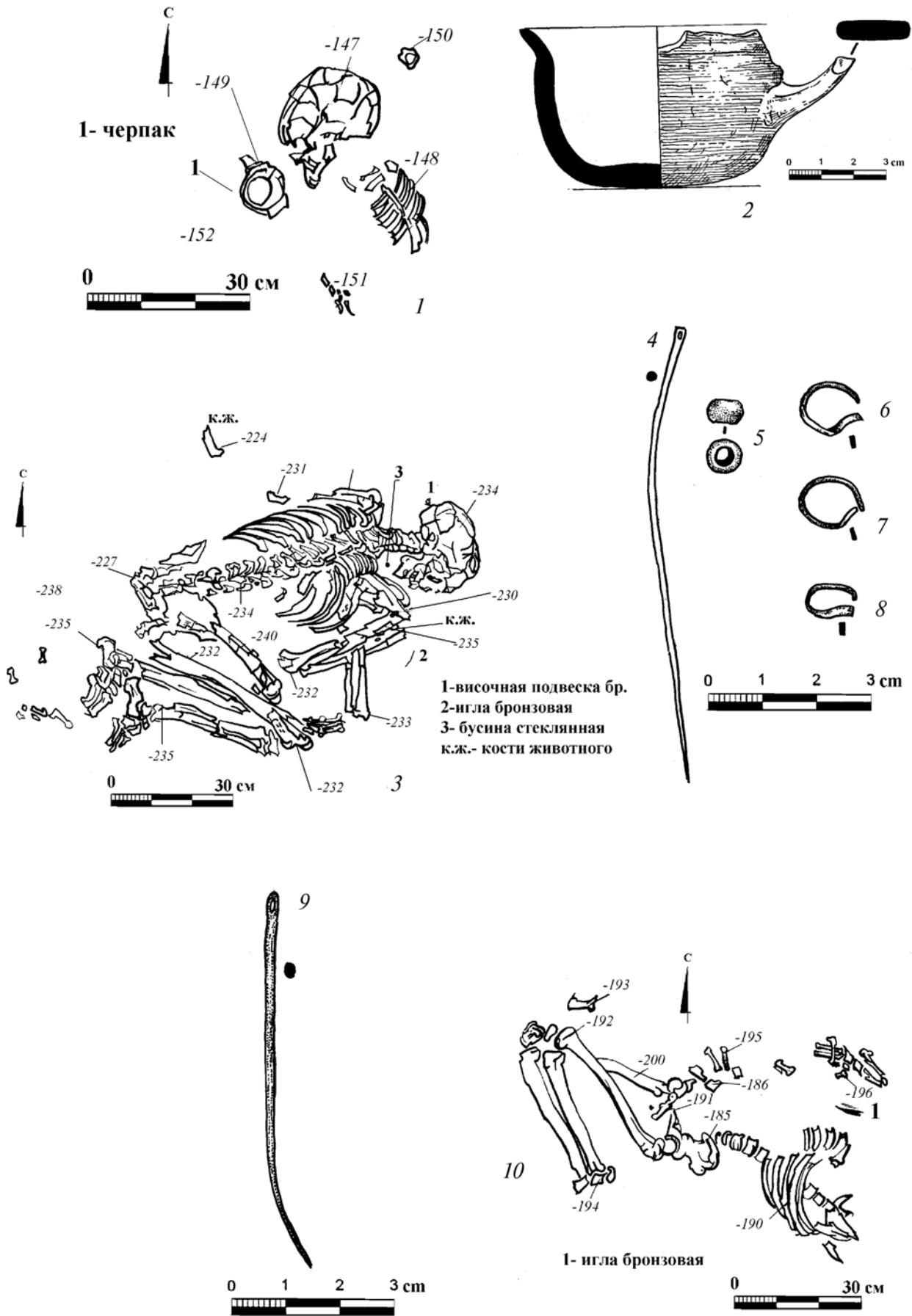


Рис. 9. Планы и находки из рядовых протогеотских погребений.  
1-2 – погребение 14; 3-8 – погребение 24; 9, 10 – погребение 37.

погребения являются впускными в насыпь кургана эпохи бронзы. Для протомеотских погребений центрального (степного) варианта, куда следует отнести могильник Уашхиту, это достаточно редкое явление, поскольку погребальные комплексы здесь составляют памятники, подобные крупным бескурганному могильникам Пшиш-I и Николаевскому. В то же время, в других локальных вариантах протомеотских памятников (приморско-абинском и предгорном) протомеотские погребения, впущенные в курганы предшествующей эпохи, не столь уже редки (*Эрлих, 2007: 57, таб.1; 63*)<sup>2</sup>.

В то же время, мы можем указать территориально близкие погребения, впущенные в насыпь эпохи бронзы, однако не протомеотской эпохи, а хронологически с ней соседствующие. Это погребения Михайловского могильника, традиционно относимые к финалу поздней бронзы – белозерскому времени, судя по встреченному здесь инвентарю. Однако нельзя гарантировать, что часть погребений этого могильника не доживает и до протомеотского времени. Одному из авторов этой статьи уже приходилось указывать на близость височной подвески в 1,5 оборота из погребения 7 кургана 11 подвеске из погребения 56 Псекупского могильника протомеотского времени; в погребении 21 кургана 12 Михайловского могильника найдено глиняное пряслице полусферической формы, также характерное для протомеотских памятников (*Эрлих, 2007: 28*).

С другой стороны, впускные погребения в курганы мы застаем уже в раннескифское время в Келермесском могильнике, где встречены как рядовые, так и

элитные погребения, впущенные в насыпи курганов эпохи бронзы. На этом сходстве мы остановимся подробнее ниже.

В трех из четырех публикуемых захоронений с протомеотским инвентарем в кургане 2 погребенные положены скорченными на боку. Мы ничего не можем сказать о положении погребенного в могиле 9, так как здесь костяк полностью был разрушен грабителями. Два погребения (п.14 и п.37) были правобочными, лишь один погребенный в п. 24 находился на левом боку. Следует отметить достаточно сильную степень скорченности в последнем погребении, что возможно коренится в определенной архаичности обряда, восходящего к погребениям срубного горизонта эпохи поздней бронзы в этом регионе (*Сорокина, 1995: 45; Сорокина, 2001: 162, 163*). По подсчетам одного из авторов этой статьи, для протомеотских погребений центрального варианта характерно приблизительно равное соотношение вытянутых и скорченных погребений, среди последних несколько преобладают скорченные на правом боку (*Эрлих, 2007: 60, таб.3*).

Впускные скорченные погребения как безынвентарные, так и с протомеотским инвентарем имели в этом кургане различную ориентацию: северо-западную (п.14), восточную-северо-восточную (п.24) и юго-восточную (п.37). Следует отметить, что для центрального варианта протомеотских памятников, куда можно географически отнести могильник Уашхиту, как, впрочем, для всех локальных вариантов протомеотских памятников, нет устойчивых ориентировок. В лучшем случае, они прослеживаются в пределах одного могильника. Так, например, северо-западная ориентировка

<sup>2</sup> В связи с этим нам непонятно утверждение Т.В.Рябковой, что курганный обряд не характерен для протомеотских памятников, а является исключительно инновацией, привнесенной скифами. Ею перечислены лишь 8 протомеотских погребений с курганным обрядом (основных и впускных) (*Рябкова, 2006: 122*), тогда как один Абинский могильник представлял собой 33 впускных погребения. В целом, в приморско-абинском локальном варианте известно не менее 49 впускных курганных погребений (*Эрлих, 2007: 57, таб.1*). При перечислении курганных погребений могильника Фарс /Клады Т.В. Рябковой не были приведены 6 погребений, впущенных в курганы № 24 и 25 эпохи ранней бронзы могильника «Клады» (*Лесков, Эрлих, 1999: 25-27*). В полемическом задоре Т.В.Рябкова упомянула лишь одно протомеотское впускное погребение в публикуемом нами кургане, хотя в публикации, на которую она ссылается, нами сказано о четырех погребениях с протомеотским материалом (*Эрлих и др., 2006: 209, 210*). Таким образом, погребения, совершенные по «курганному» обряду, занимают значительный процент среди протомеотских погребений, а среди погребений приморско-абинского варианта они просто преобладают.



характерна для грунтового могильника Пшиш, а ориентировка в южный сектор — для Николаевского и Кубанского могильников. Восточная и северо-восточная ориентировки редки для степных протомеотских могильников (Эрлих, 2007: 61, табл.5). Лишь в Кубанском могильнике встречено более 20% погребений с восточной ориентировкой. В то же время, уже упомянутый выше Михайловский могильник также не отличался устойчивостью погребального обряда, в том числе и ориентировок. В двух случаях здесь погребенные лежали головой на восток и северо-запад, в трех — на юго-восток и северо-восток, по одному случаю на юг и юго-запад (Шарафутдинова, Каминский, 1988: 218, 219).

В погребениях также наблюдается и определенная связь между позой погребенного и составом инвентаря, характерная для протомеотских погребений. Если погребение 14 совершено с черпаком — инвентарем нейтральном по отношению к полу погребенного, то два погребения с иглами, бусиной и височными подвесками (т.е женским инвентарем), сочетаются со скорченным обрядом, что является признаком характерным для протомеотских погребений. Следует отметить также, что в протомеотских могильниках Центрального варианта большинство безынвентарных погребений также, как правило, скорченные (Эрлих, 2007: 61, таб.4). Однако, до получения надежных радиоуглеродных дат для всех остальных безынвентарных скорченных погребений кургана Уашхиту мы не можем отнести их все к началу железного века.

Таким образом, три рядовых погребения с протомеотским инвентарем из кургана к.2 могильника Уашхиту I, с одной стороны, обладают всеми обрядовыми признаками, не выбивающимися из общего ряда признаков протомеотских погребений, с другой стороны, мы можем указать на некоторую «архаичность» этих погребений, которая, на наш взгляд, коренится в близости этих погребений с погребениями Михайловского могильника, безусловно, восходящего к эпохе финальной бронзы (белозерскому времени).

Особо следует рассмотреть обрядовые признаки элитного погребения воина-

колесничего (п.9). Несмотря на ограбление и разрушение этого погребения, мы можем предположить, что оно было совершено в огромной яме, вырытой на вершине кургана, возможно, имевшей внутри деревянное сооружение, остатки которого были нами прослежены на уровне, превышающим приблизительно на 10 см уровень дна ямы, на котором, к востоку от него, лежала упряжка лошадей. Следы органического тлена, предположительно древесного, были прослежены и при расчистке самой упряжки. Необходимо заметить, что направление плах шло с севера на юг, что возможно показывает направление перекрытия. Если принимать в расчет эти остатки перекрытия и лошадь, лежавшую на востоке, на уступе ямы высотой около 70 см, то размеры ямы должны быть не менее 7 м по линии З-В и 6 м по линии С-Ю. Перекрытие такой ямы, скорее всего, потребовало дополнительных подпорных столбов, однако последние прослежены не были, поскольку сохранность органического материала в верхней части насыпи оставляла желать лучшего.

Как мы указывали, с востока на уступ, находившийся на высоте около 60 см от уровня дна погребальной ямы, была положена сопровождающая лошадь (КП-1). Принадлежность ее этому погребению подтверждает южная ориентация, такая же, как у лошадей колесничной упряжки. Отметим, что лошади, лежащие на уступах или «заплечиках» выше уровня самого погребения встречаются в протомеотских погребениях — например, в могильнике Фарс или Кубанском (где была положена шкура) (Лесков, Эрлих, 1999: 34; Анфимов, 1971: 172; Анфимов, 1975: 37). В то же время, и в курганах Келермесского могильника достоверно зафиксированы сопровождающие конские погребения, лежавшие на краю могильной ямы, например, в кургане № 24, сопоставляемом исследователями с курганом 3 или 4, раскопанным Д.Г.Шульцем (Галанина, Алексеев, 1990: 41, рис. 4). Разрозненные кости коней обнаружены на западном и южном краях могильной ямы при повторном исследовании кургана 31 этого могильника, отождествляемого с курганом 2 Н.И.Веселовского (Алексеев, Кузнецова, 2001: 80, 84).





Упряжка, состоящая из четверки коней, находившаяся на дне впускной ямы была ориентирована на юг. Точно такую же ориентацию имела и упряжка колесницы, находившаяся в большой яме под насыпью кургана 1 (Эрлих, 1994: 136, 137, рис. 2, 3). Такое же направление, но с небольшим отклонением к востоку имела и разрушенная колесничная упряжка из кургана 46 могильника Клады (Лесков, Эрлих, 1999: 132, рис.40). Четверка колесничной упряжки в кургане 2 могильника Хаджох имела восточную ориентировку (Сазонов, 2000: 59, рис.3). Таким образом, три из четырех достоверно зафиксированных колесничных упряжек протомеотского времени имеют южную ориентировку. Скорее всего, преобладание южного направления не является случайным. Отмечалось также, что находки комплектов упряжи «новочеркасских колесниц» как в Закубанье, так и в других регионах юга Восточной Европы встречаются чаще в южных полах курганов, и находятся к югу от места, где располагался погребенный (Эрлих, 1994: 148; 1994а: 48, 49). Очевидно, что южное направление, ставшее в меотском обряде в раннескифское время доминирующим, имели и погребения самих колесничих, к сожалению, всегда подвергавшихся разграблению и разрушению, и ни разу не дошедшие до нас *in situ*<sup>3</sup>. Мы полагаем, что ориентировка колесничих была такой же, как и у самой упряжки, по аналогии с протомеотскими и меотскими погребениями всадников, которые всегда и ориентированы так же, как и лошадь.

Лошади в колесничной упряжке в погребении 9 лежали попарно, оставляя небольшой промежуток между второй и третьей лошадьми. Подобные промежутки зафиксированы и в расположении упряжки из кургана 1 этого же могильника, а также у лошадей из кургана 2 могильника Хаджох (Эрлих, 1994: 137, рис.3; Сазонов, 2000: 59, рис.3). Очевидно, что такая укладка лошадей обусловлена припряжением к несохранившемуся реальному или (скорее всего)

символическому центральному дышлу. В кургане 1 Уашхиту и в кургане 2 Хаджох встречены и специальные детали — кольца с подвижными муфтами, а в кургане 1 Уашхиту еще и трехпрорезные проижи, служившие для прикрепления ярма к дышлу колесницы. В рассматриваемом нами комплексе подобные детали отсутствуют. Возможно, они были ременными либо отсутствовали вовсе, и в погребение был положен неполный комплект колесничной упряжи.

Входящая в состав погребения 9 бронзовая ситула, как и кургане 1, также находилась к северу от костей лошади. В кургане 1 одна из ситул находилась между ямок с колесами, строго по центру упряжки (Эрлих, 1994: 136, 137, рис. 2, 3). В рассматриваемом нами погребении ситула немного смещена к западу.

Остановимся подробнее на погребальном инвентаре публикуемых погребений.

Посуда в протомеотских комплексах кургана представлена керамическим черпаком из погребения 14, фрагментами лепного сосуда и бронзовой ситулой из погребения 9.

Керамический сероглиняный черпак со слабовыпуклым туловом (рис.9, 2) может быть отнесен к черпакам второй группы, наиболее многочисленной среди протомеотских черпаков. Подобные черпаки бывают как с ручками, имеющими «рогатые» выступы (поздний признак), так и без них (ранний признак). В данном случае часть ручки, которая могла бы иметь выступы — отсутствует (Эрлих, 2007: 75, 76). Орнаментация в виде врезной горизонтальной линии, подчеркивающей венчик, встречена в могильниках центрального варианта в погребениях 20 и 22 Николаевского могильника, в погребении 51 могильника Пшиш и в других комплексах (Анфимов, 1961: 110, рис.4; Сазонов: 1995, 106, рис.9, 1). Для протомеотских черпаков такая орнаментация считается относительно ранним признаком (Эрлих, 2007: 79).

<sup>3</sup> Очевидно, как и в кургане 1, ограбление погребения 9 кургана 2 могильника Уашхиту произошло вскоре после его совершения. Грабители хорошо знали, где был расположен сам погребенный и не тронули упряжку и ситулу.



**Фрагменты керамики**, являющиеся частью дна и стенок крупного чернолощеного сосуда – корчаги? Орнамент, имеющийся на стенках, представляет собой заполненные косой штриховкой полосы, сходящиеся под прямым углом. Подобная орнаментация сосудов появляется в Закубанье еще в эпоху финальной бронзы и встречена, например, в нижнем кобьяковском слое поселения Красногвардейское II (*Шарафутдинова, 1989: 65, рис. 4, 8, 12*). В протомеотское время сосуда с подобной орнаментацией известны в верхнем слое поселения Красногвардейское II, в Серегинском и Курджипском поселениях (*Эрлих, 2007: рис. 86, 11; 87, 1, 3, 6; 124, 5*). Обломки крупного чернолощеного сосуда с подобной орнаментацией имеются и в эрмитажной коллекции Келермесского кургана 1, раскопанного Н.И.Веселовским (*Галанина, 1997: 233, кат.104*).

**Бронзовую ситулу** из погребения 9, как и ситулы из кургана 1 этого могильника, можно отнести к типу 1 бронзовых сосудов, встречающихся в Закубанье в предскифское-раннескифское время (*Эрлих, 2007: 82, 83*). Они склепаны из бронзового листа. Заклепки проходят вдоль шва сосуда сверху донизу. Несколько заклепок имеется и на кольцевом поддоне. Тулово сосуда реповидное, заканчивающееся слабоогнутым венчиком. Сосуды имеют две литые «ушастые» ручки, крепящиеся двумя концами к плечикам сосуда.

Этот тип бронзовой ситулы с «ушастыми» ручками был наиболее популярным на Северном Кавказе как в позднейшее предскифское, так и раннескифское время. В протомеотских памятниках Северо-Западного Кавказа, помимо трех сосудов найденных в Уашхиту, ситула этого типа известна также в могильнике Пшиш-I, в конском погребении 110 (*Сазонов, 2004: 397, рис.; Эрлих, 2007, рис.66, 32*). Последнее, очевидно, продолжает традицию конских жертвоприношений, характерных для ранней группы комплексов этого памятника (*Сазонов, 1995*). В этом комплексе другого сопровождающего лошадь инвентаря не обнаружено, однако, поскольку в могильнике Пшиш-I пока нет комплексов, надежно датирующихся раннескифским

временем, мы этот сосуд также можем отнести к предскифскому времени. Не ясна хронологическая позиция крупного бронзового сосуда этого типа из района аула Уляп, найденного местными жителями в реке Лаба и ныне хранящегося в Государственном музее Востока (*Сокровища курганов Адыгеи, 1985: кат.113; I Tesori, 1990: cat. 49*). Этот прекрасно сохранившийся сосуд имеет довольно внушительные размеры – высоту 43 см, при максимальном диаметре тулова 47 см. Из района аула Уляп происходит также «ушастая» литая бронзовая ручка от сосуда этого типа, которая хранится в фондах Государственного музея Востока (рис.10).

Остальные сосуда этого типа найдены на Северо-Западном Кавказе уже в комплексах раннескифского времени. Из Келермесского кургана № 2, раскопанного Н.И.Веселовским, происходят две ручки высотой 8 см с сохранившейся частью бронзового тулова (*Галанина, 1997: таб. 40, 27*). Фрагмент тулова и венчика подобного сосуда с «ушастой» ручкой открыт и в богатом впускном всадническом погребении раннескифского времени этого же могильника – п. 5 кургана 19 (*Галанина, Алексеев, 1990: 46, рис.9, 11*). К раннекелермесскому времени, судя по встреченному здесь набору наконечников стрел, относится и бронзовый сосуд этого типа из п.1 кургана 4 Холмского могильника. Этот сосуд выделяется высоким кольцевым поддоном, высота которого достигает 7 см. (*Василиненко и др., 1993: 29, таб. XIV, 1*). Этот же тип бронзовых сосудов распространен в позднейшее предскифское и раннескифское время в других областях Северного Кавказа и в Украинской Лесостепи. Впервые сосуда этого типа были включены в сводку бронзовой посуды кавказского производства, сделанную Е.И.Крупновым при публикации Жемталинского клада (*Крупнов, 1952: 22-27*). Сейчас к четырем бронзовым ситулам, происходящим из курганов Украинской Лесостепи, добавился сосуд, найденный в предскифском кургане Квитки (*Ковпаненко, Гупало, 1984: 49, рис. 9, 46*). Пополнилась и коллекция этих сосудов на Северном Кавказе, причем из надежно датируемых комплексов. Помимо указанных



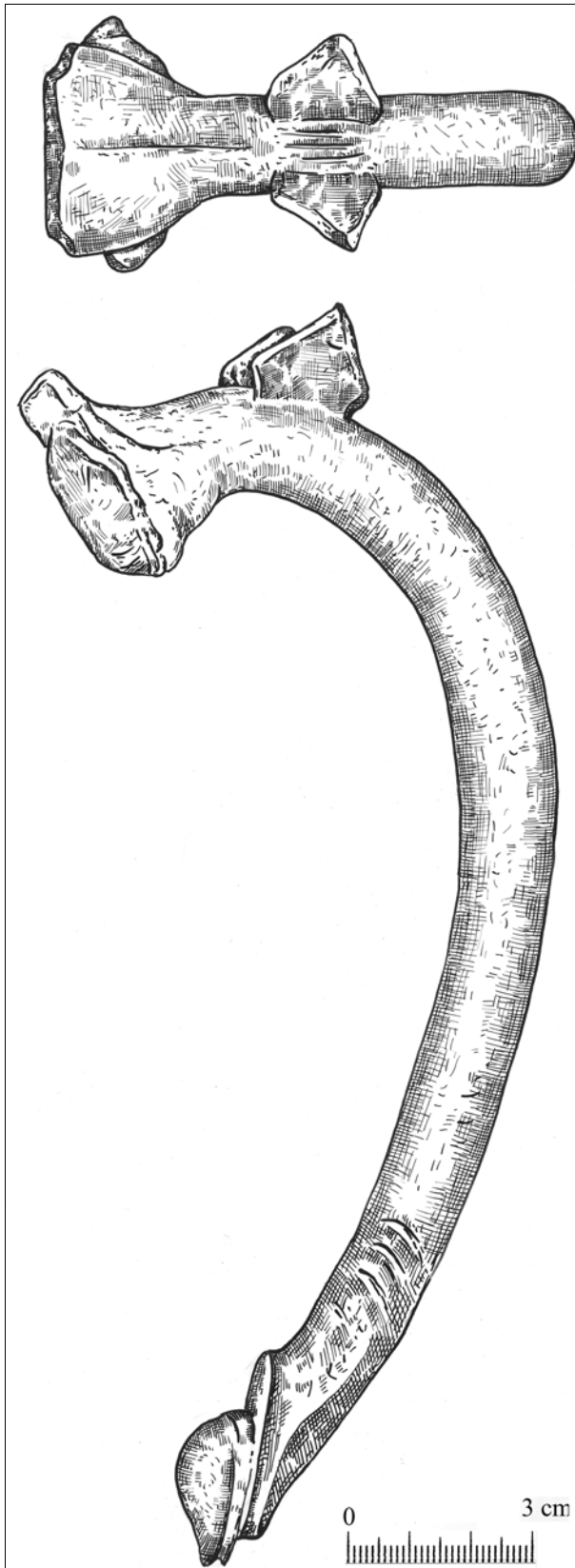


Рис. 10. Ручка бронзовой ситулы из аула Уляп. Случайная находка.

закубанских находок сюда следует отнести ситулы из 1-го Краснознаменского кургана, кургана 20 могильника Нартан, и

гробницы 3 могильника Терезе (Петренко, 1983: 46; Батчаев, 1985: табл.48, рис.41; Козенкова, 1989: 187, табл. XL, рис.3; Козенкова: 2004: табл.12). По нашему мнению, наиболее ранним из упомянутых комплексов является гробница 3 могильника Терезе, в которой обнаружена узда предклассического времени, дату которой мы определяем в пределах последней четверти VIII в до н.э., а к наиболее поздним относятся ситулы келермесского могильника из кургана № 2 Веселовского и п. 5 кургана 19, а также сосуд из кургана 20 Нартановского могильника и ситула из Холмского, датировать которые мы можем в пределах третьей четверти-второй половины VII в. до н.э. По своей форме и технологии изготовления ситулы предскифского и раннескифского времени практически ничем не отличаются. Визуальный их осмотр показывает, что для изготовления дна и ручек используются одни и те же технологические приемы. Так, например, ситулы из Терезе, Уашхиту, Уляпа имеют на дугах литых ручек с внешней стороны округлый выступ от литника, точно такой же выступ — след от литника имеется и на в месте перегиба ручки ситулы из Холмского и погребения 5 кургана 19 Келермесского могильника (Василиненко и др., 1993: табл. XIV, 1; Галанина, Алексеев, 1990: 46, рис.9, 11). Функционально ситулы с зооморфными ручками, очевидно, могли использоваться для приготовления пищи, в частности варки мяса. Так, например, в кургане 1 Уашхиту в ситуле, стоявшей в углу погребальной площадки, была обнаружена специальная железная вилка, для доставания мяса из котла (Эрлих, 1994а: 23, табл. 5, 45). В.И.Козенкова отмечает, что ситула из Терезе была густо покрыта копотью, что говорит о ее использовании в качестве котла (Козенкова, 1998: 109; 2004, 96). О долгом использовании ситул, до того как они попали в комплекс, свидетельствуют и часто встречающиеся на них «заплаты» — следы ремонта. Помимо ситулы из публикуемого комплекса, подобные «заплаты» прослеживаются на ситулах из Уляпа, могильника Пшиш-1, Жаботина, Тырнауза в Баксанском ущелье, а также на знаменитой «вазе» из Жемталы (Крупнов, 1952: табл. IV, 2, с.19, рис. 1, 4; Эрлих, 2007: рис.66, 32; 146, 1).



В то же время, нельзя не отметить и «престижность» этих сосудов, которые входят в наиболее богатые воинские и ритуальные комплексы. Л.К.Галанина и В.Р.Эрлих полагают, что центром производства этих сосудов, как прочей бронзовой посуды кавказского производства, являлись южные склоны Центрального Кавказа. Именно там развивалась долговременная традиция производства бронзовой посуды, огромное количество которой найдено в Тлийском могильнике (Галанина, 1997: 150; Эрлих, 2007: 84). Здесь же прослеживаются и все технологические и стилистические особенности, которые мы находим у северокавказской бронзовой посуды. В то же время, крупные сосуды, котлы-ситулы первого типа с зооморфными ручками, которые использовались в военных походах северокавказской элитой предскифского времени, непосредственно в Тлийском могильнике не встречены. Это отмечалось в свое время и Б.В.Теховым (Техов, 1977: 74). Вероятно, эти сосуды не использовались населением, оставившим могильник Тли, а изготавливались местными ремесленниками специально для северокавказской элиты в период походов предскифского – раннескифского времени (см. Эрлих, 2007: 84).

**Четыре однотипных уздечных набора**, использовавшихся в упряжи колесницы в погребении 9, представляют собой **бронзовые двукольчатые удила** (тип I) с односторонним двурядным рифлением в виде квадратиков и четыре пары классических новочеркасских псалиев. Такие же точно удила (трое из четырех) были встречены и в первом кургане Уашхиту (Эрлих, 2007: рис. 80, 3, 10; 81, 2). Двукольчатые удила с подобным рифлением, характерные для комплексов «классического» новочеркасского периода, предгорного и центрального вариантов протомеотских памятников, широко распространены в западном варианте кобанской культуры, известны они также за пределами Северного Кавказа в степной и лесостепной части Восточной Европы, куда попадают в результате походов кавказцев «киммерийского» времени (Эрлих, 1994а: 89-90; 2007: 117).

Классические «новочеркасские» псалии (тип IV по В.Р.Эрлиху), встреченные в

этом кургане, представляют собой самый популярный и наиболее распространенный на юге Восточной Европы тип предскифских псалиев кавказского производства, получивших свое название по находке в Новочеркасском кладе 1939 г. (Иессен, 1953). Сейчас известно более 60 только комплексных находок таких псалиев (по подсчетам С.Б.Вальчака 2003 г.: более 70 уздечных комплектов, из них более 40 достоверных), жестко коррелирующихся с двукольчатыми удилами, имеющими гладкие стержни или поздние виды рифления (Эрлих, 1994: карта I, табл.12; Вальчак, 1997а: 100).

**Шесть крупных бронзовых блях** с солярными знаками-«ромбами» в центре и петлей на обороте, встреченные в погребении 9 имеют ближайшие аналогии среди блях упряжки кургана 1, где обнаружено шесть практически идентичных блях (Эрлих, 1994: рис.1, 4, 5, 11, 12, 30, 31; Эрлих, 2007: рис. 81, 4, 6, 13-16). Известны подобные бляхи, но с более массивной петлей и в кургане 2 у поселка Хаджох в двух упряжках по 2 экз. (Сазонов, 2000: рис. 4, 7; 6). По видимому, бляхи этого типа (тип 12, по В.Р.Эрлиху) использовались исключительно в колесничных упряжках (Эрлих, 2007: 135, 136). Судя по расположению этих блях на костях лошадей в курганах 1 и 2 могильника Уашхиту I, в конской упряжи они связаны с внешними – пристяжными лошадьми (Эрлих, 1994: 38). Полные аналогии этим бляхам за пределами протомеотских памятников нам не известны. Морфологические особенности как блях, так и удила из двух курганов могильника Уашхиту позволяют предполагать их производство, по меньшей мере, в одной мастерской, если вообще не одним мастером.

**Два браслетообразных кольца**, обнаруженных в упряжи из погребения 9, также практически идентичны таким же кольцам из кургана 1. Они относятся ко второму варианту браслетообразных колец без привесок, являющихся деталями – индикаторами колесниц (Эрлих, 2004; Эрлих, 2007: 144; Вальчак, 1997б). В Закубанье кольца этого варианта также происходят из комплекса в окрестностях ст. Ильской в Краснодарском крае, случайная находка подобного



кольца, хранящаяся в фондах ГМИНВ, обнаружена в устье реки Псекупс (*Эрлих, 1994а: таб.9, 8; 32, 6; Хачатурова и др. 2001: 206, 207, рис. 5*). Аналогиями этим кольцам за пределами Северо-Западного Кавказа, по-видимому, следует считать, фрагменты плоских железных колец колесничного комплекса из с. Радущинка в Саратовской области, названные автором «фрагментами обручей» (*Тихонов, 2000: 150; 151, рис. 21, 20, 21*). Как и в упряжке кургана 1 могильника Уашхиту-I браслетообразные кольца в упряжке колесницы из погребения 9 кургана 2 обнаружены на костях внешних пристяжных лошадей, и, по-видимому, они связаны с внешними ремнями колесничной упряжки — постромками (*Эрлих, 1994: 46, 47*).

**Орудия труда** в публикуемых нами комплексах представлены бронзовыми иглами, обнаруженными в погребениях 24 и 37. Бронзовые иглы достаточно часто встречаются в протомеотских памятниках, например, в четырех погребениях могильника Фарс, в Николаевском могильнике (погребения 13 и 7), в могильнике Пшиш-I (погребения 69, 94, 108), в Геленджикских дольменах — 3 экз (*Эрлих, 2007: 155, 156*). Визуальный осмотр игл из могильника Уашхиту позволил отнести их к второму типу протомеотских игл с загнутым одним концом, образующим петельку-ушко, которое затем проковывалось (*Эрлих, 2007: 155*). Иглы этого типа встречены в Николаевском могильнике в погребениях 5 и 13 (*Анфимов, 1961: табл. IV, 7, 8*), а также в п. 13 и 37 могильника Фарс (*Лесков, Эрлих, 1999: рис.60, 20, 21*). За пределами протомеотской группы иглы известны в кобанских памятниках, где они имеют ушки, изготовленные двумя способами. Иглы, аналогичные протомеотскому типу 2, происходят из разрушенных погребений могильника 2 у Лермонтовской скалы в Пятигорье, из слоя поселения Сержень-Юрт в Чечне (*Козенкова, 1982: 150, табл. III, 23, 24, 30; 1998: 14, 159, табл. III, 6, 7*), встречаются они и в памятниках Нижнего Дона. В то же время, для западного варианта кобанской культуры характерны и иглы с отверстием, пробитым в раскованной головке (*Козенкова, 1998: 14, табл. III, 3-5, 8, 9*).

Иглы в предскифское время известны и степях Северного Причерноморья, например, в погребении Черногоровского кургана (*Тереножкин, 1976: 67, рис. 35, 9*). Хотя О.Р. Дубовская считает, что подобный элемент инвентаря черногоровских погребений связан с предшествующими культурами степной бронзы (*Дубовская, 1993: 142; 157, рис.77, 21*), в памятниках финальной бронзы Северо-Западного Кавказа иглы не известны. В связи с этим мы достаточно уверенно относим погребения с иглами в могильнике Уашхиту к протомеотскому времени. Нельзя не отметить, что в меотских погребениях железные и бронзовые иглы являются характерным предметом инвентаря на протяжении всего времени существования культуры вплоть до первых веков н.э. (*Анфимов, 1951: 188, 201*).

**Бронзовые височные спиральные подвески** погребения 24 из тонкой раскованной проволоки можно сопоставить с протомеотскими спиральными подвесками первого варианта первого типа (*Эрлих, 2007: 161, 162*). Такие подвески, изготовленные из уплощенной бронзовой проволоки (ленты), происходят из погребения 56 Псекупского могильника, погребения 19 кургана 1 Абинского могильника и п. 100 могильника Пшиш I, а также из слоя Курджипского поселения (*Ловпаче, 1985: 39, табл. X, 5; Анфимов, 1981: рис. 18; Сазонов, 1992: рис.3, 10; Сазонов 1994: табл.53, 9; Сазонов, 2004: 396, рис. IV*). Спиральная уплощенная подвеска в 1,5 оборота происходит и из погребения 7 кургана 11 Михайловского могильника, отнесенного Э.С.Шарафутдиновой и В.Н. Каминским к эпохе финальной бронзы, однако весьма близкого по обряду к публикуемым комплексам (*Шарафутдинова, Каминский, 1988: 217, рис.2, 1*).

Не противоречит протомеотской атрибуции погребения 24 и встреченная здесь стеклянная бусина. Стеклянные бусы и бисер на юге Восточной Европы начинают достаточно часто встречаться уже в памятниках поздней бронзы. Стеклянный бисер обнаружен в памятниках ранней группы кобанских могильников (*Техов, 1977: 179, рис. 117, 22-35*). Он известен в Степи как в черногоровских памятниках, так и в предшествующее белозерское время (*Тереножкин,*



1976: 62-63, рис.31, 5; Дубовская, 1993: 157, рис. 77; Кубышев, Черняков, 1986: 153). Крупные стеклянные бусины известны и в протомеотских погребальных памятниках. Из погребений 10 и 39 могильника Фарс происходят стеклянные бусины округлой формы голубоватого и белого стекла (Лесков, Эрлих, 1999: рис. 61, 10, 11). Бусина кольцевидной формы происходит из п. 46 могильника Пшиш (Сазонов, 1991).

### **Хронология и культурно-историческая интерпретация памятника.**

Таким образом, завершение исследования могильника Уашхиту-I продемонстрировало разнообразие и неустойчивость погребального обряда времени перехода к раннему железному веку даже в пределах одного памятника. Из пяти погребений этого могильника, достоверно по имеющемуся материалу относящихся к переходу от эпохи бронзы к раннему железному веку, можно выделить, по крайней мере, три варианта обряда.

Впускные скорченные рядовые погребения с различной ориентировкой, впущенные в южную полу кургана.

Элитное погребение воина-колесничего, впущенное в центр кургана эпохи бронзы, с наиболее вероятной южной ориентировкой, колесничной упряжкой, бронзовой ситудой и сопровождающим конским захоронением, лежащим на уступе.

Основное подкурганное погребение вождя-колесничего, совершенное в большой яме с шатровым перекрытием под курганной насыпью (курган 1).

Мы ничего не можем сказать о последовательности и точной дате первой группы погребений, которую вынуждены датировать широко, в рамках всего протомеотского периода от конца IX до первой половины VIII вв. до н.э. Скорее всего, выборка протомеотских погребений после получения радиоуглеродных дат по безынвентарным погребениям кургана 2 несколько возрастет.

Два элитных захоронения вождей-колесничих мы можем достаточно точно соотносить с определенными горизонтами протомеотской группы памятников. Так, курган 1 относится по присутствию в

уздечных наборах трехдырчатых псалиев типа «Уашхиту-Жаботин» к раннежаботинскому горизонту протомеотских памятников (Эрлих, 2007: 179, 180), который характеризуется как переходный от классического новочеркасского к раннекелермесскому периоду и синхронизируется с РСК-I (Kossak, 1987; Медведская, 1992: 86-97). Мы датировали этот горизонт в пределах первой половины VII в. до н.э. (Эрлих, 2007: 187).

Подавляющее большинство наборов тягловой упряжи (более 30) встречено в комплексах с бронзовыми двукольчатыми удилами и трёхпетельчатыми псалиями типа Новочеркасск (по классификации С.Б.Вальчака) – характерными для уздечек финального этапа предскифского периода. В пяти комплексах присутствуют уздечные комплекты с псалиями типа Уашхиту-Жаботин и Жаботин 524, которые занимают несколько более позднюю хронологическую позицию. Лишь в одном случае, в кургане 6 Краснознаменского могильника на Северном Кавказе, детали упряжи встречены в комплексе только с трёхпетельчатыми псалиями типа Келермес (Петренко В.Г., 2006).

Такое распределение позволяет говорить о внезапном и массовом появлении в Восточной Европе наборов тягловой упряжи (очевидно колесничной) на позднейшем этапе предскифского периода (с конца VIII в. до н.э.). Связывать это событие можно только с военными рейдами киммерийского времени в Закавказье. Можно констатировать полное прекращение производства подобных изделий в Восточной Европе не позднее 2-й половины VII в. до н.э., а также, исчезновение традиции «захоронения» колесниц и наборов их упряжи в памятниках собственно ранних скифов (Вальчак, 2008: 24, 25).

Уздечные наборы упряжки колесницы погребения 9 кургана 2 позволяют убедительно отнести их к классическому новочеркасскому горизонту протомеотских памятников, который датируется, по нашим представлениям, временем близким к концу VIII в. до н.э. (Эрлих, 2007: 178, 179, 187). В то же время близость упряжи из этих двух погребений с колесницами наглядно свидетельствуют о весьма незначительном



хронологическом разрыве между ними. Об этом говорит практически полная идентичность удил, блях и деталей тягловой упряжи обеих колесничных упряжек, на которую мы указали выше. Таким образом, это лишнее свидетельство об отсутствии большого хронологического разрыва между новочеркасским периодом и раннескифским (Скаков, Эрлих, 2005; Эрлих, 2007: 185; ср. Иванчик, 2001).

Помимо близости радиоуглеродных дат кургана 1 могильника Уашхиту с памятниками раннескифского времени (Алексеев et al., 2000: Tab. 1, 2; Алексеев, 2004: 202-203, Эрлих, 2007: 186, табл. 9) весьма ярким примером могут быть и другие атрибуты местной элиты — бронзовые ситулы центральнокавказского производства, которые практически не изменяются начиная с новочеркасского периода вплоть до раннескифского. Эти «статусные» вещи отнюдь не являлись исключительной принадлежностью курганных погребений (ср. Рябкова, 2006: 126), поскольку встречены в грунтовых протомеотских могильниках Пшиш и Кубанский. В то же время, они позволяют сопоставить курганы Келермесского могильника и могильника Уашхиту. Впускное элитное погребение с бронзовой ситулой, южной ориентировкой, сопровождающееся конскими захоронениями было выделено Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеевым в третью обрядовую группу Келермесса (Галанина, Алексеев, 1990: 43-47; Галанина, 1997: 97). К этому погребению примыкает и погребение 3 кургана 15, опубликованное позже, в котором также был обнаружен котел-ситула (Алексеев, 2003: 385-388, рис. 13-16). В целом эти погребения вместе с другими впускными всадническими захоронениями этого могильника из курганов 15 и 16 (погребения 15/5, 16/5; 16/12) (Алексеев, 2003: 389-392, рис. 17-20) входят в группу аристократических погребений Келермесского могильника, имеющих протомеотский генезис, что признает и его исследовательница Л.К. Галанина (1997: 97). Предположительно к этому же типу погребальной конструкции Л.К. Галанина и А.Ю. Алексеев отнесли и самое богатое погребение могильника, обнаруженное в кургане 1 Д.Г. Шульца (Галанина,

Алексеев, 1990: 53), которое, по их мнению, было, скорее всего, впускным.

Один из авторов данной статьи привел серию аргументов в доказательство того, что все обрядовые группы Келермесского могильника имеют прототипы среди погребений протомеотской группы памятников. Само появление этого могильника в Закубанье не является следствием радикальной смены культуры, вызванной притоком нового населения, а скорее показывает результат трансформации общества при переходе к железному веку. На завершающей стадии этого этапа протомеотское население было включено в общекавказский процесс роста социальной дифференциации, выделения воинской элиты, совершавшей военные походы, как в Закавказье и Переднюю Азию, так и степную и лесостепную части юга Восточной Европы (Эрлих, 2005). В результате этого, еще в предскифское время возникают погребения под индивидуальной насыпью. Нам известно не менее шести таких курганов протомеотской элиты. Среди погребений Келермесского могильника к подобным можно отнести курганы 24 и 31, имевшие подпрямоугольную яму. Именно эти погребения Т.В. Рябкова связывает со скифским этносом, выводя их почему-то из степей междуречья Кубани и Дона, признавая, однако, что степные комплексы «бедны инвентарем, основные погребения редки» (Рябкова, 2006: 124) (хотя речь идет о генезисе особой в социальном отношении аристократической группы).

Приводя аргументы, отрицающие связь подкурганных погребений Уашхиту и Келермесса, поскольку у первого имелась шатровая деревянная конструкция, а у Келермесских погребений на выкиде лежал спускавшийся в яму камыш, очевидно также находившийся на каком-то перекрытии, Т.В. Рябкова забывает почему-то упомянуть и другие подкурганные погребения Закубанья келермесского времени, где присутствуют шатры, перекрытия ям и столбовые конструкции, которые приводились в качестве дополнительной аргументации (Эрлих, 2005, 321). Очевидна нам также связь рамы-оградки погребальных площадок в кургане 1 Уашхиту I и кургане



31 Келермеса (Эрлих, 1994а: 23, табл. 2; Алексеев, Кузнецова, 2001: 79–81, рис.9).

Таким образом, Могильник Уашхиту I, по нашему мнению, является своего рода предтечей Келермесского могильника, несколько предшествующим последнему во времени. Здесь встречены и рядовые погребения, и аристократические впускные погребения, и погребения вождей в прямоугольной яме под индивидуальной насыпью. Отсутствуют, правда, подкурганые ритуальные комплексы, имеющиеся в Келермесе (обрядовая группа второго типа, по Л.К.Галаниной) (Галанина, 1997: 72).

Могильник Уашхиту I, как, впрочем, и ряд других могильников протомеотской группы (Фарс/Клады, Хаджох, Чишхо), наглядно демонстрирует, что «аристократические усыпальницы» Келермесского могильника не «являются инновацией на данной территории» (ср. Рябкова, 2006: 126). «Аристократические усыпальницы», явившиеся результатом выделения местной воинской элиты во время походов, в том числе в Закавказье и Переднюю Азию, появляются в местной среде еще задолго до начала сложения Келермесского могильника. В связи с этим, несколько удивительным выглядят сейчас попытки выделения «до походных» и «после походных» участков этого могильника (Alexseev, 2007; Алексеев, 2008). Вероятно, в развитие этого тезиса была предложена идея о местном (вероятно кавказском, поскольку именно там встречены наиболее ранние образцы новочеркасского времени) генезисе панцирного доспеха, всегда считавшегося переднеазиатским заимствованием (Рябкова, 2008).

В то же время, появляются новые доказательства и у сторонников версии

«докелермесских» походов киммерийского времени, основным «слабым звеном» которой было практически полное отсутствие вещей «новочеркасского» культурного комплекса к югу от Кавказского хребта. Со всем недавно вдобавок к упряжному кольцу из Норшун-Тепе в могильнике Джантух в Восточной Абхазии (Ткварчалский район) был обнаружен бронзовый диск сегментовидного сечения с обломком стержня на оборотной стороне. Вполне вероятно, что он является фрагментом привески на кольце или сдвоенной бляхи (по: Эрлих, 2007: 143–145; или скобы-соединителя, по: Вальчак, 2008: 24), т. е., детали упряжи новочеркасской колесницы (Скаков, Джонуа, 2008: 70, рис. 1, 14).

Следует отметить, что и многочисленные бронзовые ситулы, столь популярные у элиты предскифского и раннескифского времени, центр производства которых находился на южных склонах Кавказа, также могут быть рассмотрены с одной стороны, как свидетельства транскавказских военных походов, а с другой — как свидетельства «общекавказской кооперации», поскольку эти вещи делались, скорее всего, «на заказ».

Завершая нашу публикацию, отметим, что в решении «киммерийской» и «раннескифской» проблем остается еще много спорных вопросов, новые открытия и новые интерпретации старых комплексов, сделанные в конце века прошлого и в начале века нынешнего, позволили значительно продвинуться вперед. Немалая заслуга в этом принадлежит и нашему сегодняшнему юбиляру — С.А.Скорому, которому авторы желают крепкого здоровья и новых сенсационных находок.

## Литература

Алексеев, 2003 — Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб, 2003.

Алексеев, 2004 — Алексеев А.Ю. Некоторые проблемы раннескифской хронологии: археология и радиоуглерод. // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Спб., 2004.

Алексеев, 2008 — Алексеев А.Ю. «Старшие» келермесские курганы. // Труды II (XVIII)

Всероссийского археологического съезда в Суздале, М., 2008. т. II.

Алексеев, Кузнецова, 2001 — Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Келермес (1990 г. — курган № 31). // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки // МИАР, 2001. № 3.

Анфимов И., 1981 — Анфимов И.Н. Древнемеотский могильник близ г.Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.





- Анфимов, 1951* – Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст.Усть-Лабинской // МИА, 23, М-Л., 1951.
- Анфимов, 1971* – Анфимов Н.В. Сложение меотской и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. 177.
- Анфимов, 1975* – Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1975.
- Батчаев, 1985* – Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. II. Нальчик, 1985.
- Вальчак, 1997a* – Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпестельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.
- Вальчак, 1997b* – Вальчак С.Б. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // МИАР. №1. М., 1997.
- Вальчак, 2003* – Вальчак С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Вальчак, 2008* – Вальчак С.Б. Состав комплексов с наборами тягловой упряжи, появление и исчезновение предскифских колесниц // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Междунар. науч. конф. Харьков, 2008.
- Василиненко и др., 1993* – Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья. // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocausica, I, Краснодар, 1993.
- Галанина, 1997* – Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997.
- Галанина, Алексеев, 1990* – Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время по данным келермесских комплексов // АСГЭ. 1990. № 30.
- Днепровский, Корневский, 2003* – Днепровский К.А., Корневский С.Н. Погребения эпохи раннего бронзового века кургана I могильника Уашхиту в Адыгее // КСИА. 2003. № 214.
- Дубовская, 1993* – Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. 1993. № 2.
- Иванчик, 2001* – Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.
- Иессен, 1953* – Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. XVIII.
- Ковпаненко, Гупало, 1984* – Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки на Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Козенкова, 1982* – Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. В2-5.
- Козенкова, 1989* – Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. В2-6.
- Козенкова, 2004* – Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004.
- Крупнов, 1952* – Крупнов Е.И. Жемталинский клад. М., 1952.
- Кубышев, Черняков, 1986* – Кубышев А.И., Черняков И.Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у с. Чернянка // СА. 1986. № 3.
- Лесков, Эрлих, 1999* – Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.
- Ловпаче, 1985* – Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Медведская, 1992* – Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3.
- Петренко, 1983* – Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. № 23.
- Петренко, 2006* – Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе // Степные народы Евразии. М.-Берлин-Бордо, 2006. Т. III.
- Рябкова, 2006* – Рябкова Т.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // Liber Archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А.Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006.
- Рябкова, 2008* – Рябкова Т.В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. т. II.
- Сазонов, 1991* – Сазонов А.А. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции Адыгейского НИИ ЭЯЛИ в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, N 16404-16405.
- Сазонов, 1992* – Сазонов А.А. Поселение Курджипиское – новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 гг. Ейск, 1992.
- Сазонов, 1994* – Сазонов А.А. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции АРИГИ в 1994 г. // Архив ИА РАН № 18979, 18980.



- Сазонов, 1995 – Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пишиш I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Сазонов, 2000 – Сазонов А.А. Хаджожские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. 2000. Вып. 3.
- Сазонов, 2004 – Сазонов А.А. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*, Kraków, 2004.
- Скаков, Эрлих, 2005 – Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Скаков, Джопуа, 2008 – Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. т. II.
- Сокровища курганов Адыгеи, 1985 – Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.
- Сорокина, 1995 – Сорокина И.А. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи, Майкоп, 1995.
- Сорокина, 2001 – Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001.
- Тереножкин, 1976 – Киммерийцы. Киев, 1976.
- Техов, 1977 – Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Тихонов, 2000 – Тихонов В.В. Новый комплекс киммерийского времени из Саратовской области // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В.Синицына. Саратов, 2000.
- Хачатурова и др., 2001 – Хачатурова Е.А., Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Эрлих В.Р. Новый комплекс предскифского времени из Западного Закубанья // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар-Анапа, 2001.
- Шарафутдинова, Каминский, 1988 – Шарафутдинова Э.С., Каминский В.Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА, 1988. № 4.
- Эрлих, 1994 – Эрлих В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. 1994. № 2.
- Эрлих, 1994а – Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
- Эрлих, 2005 – Эрлих В.Р. К дискуссии о скифах на Кубани // IV Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Эрлих, 2007 – Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.
- Эрлих, Вальчак, Маслов, 2007 – Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е. Исследования кургана 2 могильника Уашхиту I в Адыгее // Археологические открытия 2005 года. М., 2007.
- Alekseev, 2007 – Die Kurgane von Kelermes in ihren historischen Kontext // *Reitenomadische Eliten der Eurasischen Steppe: Der Skythenkongress*. Berlin, 2007.
- Alekseev et al., 2000 – Alekseev A; Bokovenko N., Boltrik Yu., Chugunov K., Cook G., Dergachev V., Kovalyukh N., Possnert G., Van Der Plicht J., Scott M., Sementsov Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva, G. A chronology of the scythian antiquities of Eurasia based on new archeological and 14C data. // *Radiocarbon*. vol.43, N 43B. Arizona. 2001
- I Tesori..., 1990 – I Tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Roma, 1990
- Kossak, 1987 – Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. – In: *Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse 98*. München. 1987.



## УМБОНООБРАЗНЫЕ ЗОЛОТЫЕ ПРЕДМЕТЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФИЛИППОВКИ

Из раскопок кургана 1 могильника Филипповка 1, расположенного на территории Илекского района Оренбургской области РФ, происходит золотой предмет (рис. 1), представляющий собой литую из золота полусферу, украшенную в традициях скифо-сибирского звериного стиля<sup>1</sup>. В центре верхней части полусферы имеется сквозное отверстие. Диаметр предмета 9,5 см, высота – 4,8 см. Этот предмет составил часть экспозиции выставок археологической коллекции из Филипповки и неоднократно публиковался в каталогах выставок (*The Golden Deers...*, 2000, cat. №96: 157; *Золотые олени...*, 2003: 26). В публикации 2000 г. этот предмет назван «Shield of quiver» что можно перевести с английского, как *умбон колчана*, но в каталоге 2003 г. он уже значится как «полусферический предмет с изображениями животных». По-видимому, у авторов этого издания уже не было уверенности в том, что они имеют дело действительно с «умбоном». И это не удивительно: предмет, очевидно, происходит из тайника, в котором разнообразные по назначению вещи были сложены беспорядочно (*Пшеничнюк, 1989*).

В 2006 году Приуральская экспедиция Института археологии РАН<sup>2</sup> провела раскопки «царского» кургана №4 Филипповского могильника (*Яблонский, 2007а,*

*б; Yablonsky, 2007*). Помимо центральной могилы, в полах насыпи были обнаружены три впускных захоронения, сделанные в глубоких (около 4 м) могильных ямах с заплечиками и бревенчатыми перекрытиями. Все они оказались неграбленными и представляют собой «закрытые» археологические комплексы. На этот раз сохранность комплекса сопровождающего инвентаря позволила зафиксировать все вещи во взаимосвязи.

По данным А.Х.Пшеничнюка (*Pshenichnyuk, 2000: 29*) и Л.Т. Яблонского (*Яблонский, 2007а, б; 2008: 173*), памятник датируется в пределах второй половины V – IV вв. до н.э.

**Погребение 2** (рис. 2) принадлежало пожилому по тем временам (50-55 лет) воину<sup>3</sup>. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор. Погребенный был уложен на травянистую подстилку, которая перекрывала всю площадь погребальной камеры.

В юго-восточном углу могилы находился железный чешуйчатый доспех. Он был набран из железных чешуек, нашитых на кожаную основу, застегивавшуюся предположительно на левом боку. Чешуя прямоугольной формы, с округлым нижним краем, примерные размеры – 3,5 x 1,5 см; соединены между собой ламеллярным

<sup>1</sup> Раскопки А.Х.Пшеничнюка (Уфа).

<sup>2</sup> Руководитель экспедиции Л.Т.Яблонский.

<sup>3</sup> Половозрастные определения Л.Т.Яблонского.





Рис. 1. Золотой предмет из кургана 1. По: *Золотые олени...*, 2003: 26.

способом. Дополнительная защита груди состояла из двух комплексов более крупных пластин, размерами 4x19 см, связанных между собой так же ламеллярно. Они располагались в районе ключиц. Все детали оплечья были окантованы по краю кожаной полосой (*Рукавишников, Рукавишникова, 2008*).

В юго-западном углу в пол погребальной камеры был воткнут вертикально массивный железный наконечник копья.

На груди погребенного находилась гривна с заходящими концами. Она была выполнена из литого золотого прута. Концы гривны украшены объемными фигурками лежащих в полный рост хищников кошачьей породы, вероятно, львов.

Поперек бедер, рукоятью к правой кисти лежал короткий железный меч-акинак. Перекрестие меча золотое, бабочковидной формы с литым изображением многофигурной композиции в зверином стиле. Лезвие меча было богато украшено золотой гравировкой, рукоять — обложена золотым листом с композицией, изображающей сцену терзания. Темляк меча украшала крупная хрустальная граненая бусина.

Острие клинка меча располагалось поверх колчана, в котором находилось более 200 разнотипных экземпляров бронзовых

наконечников стрел. Под левой тазовой костью лежал каменный оселок с отверстием для подвешивания.

В районе левого локтя располагался массивный золотой полый предмет усеченно-конической формы, с отверстием в центре верхней плоскости (рис. 3), а несколько выше — массивная золотая литая пряжка в виде фигурки лежащего тигра. Она служила в качестве обоймы для перекрестия ремней пояса и портупей. Можно видеть, что предмет располагается на поверхности горита. От самого горита сохранились остатки переплетенных прутьев, на поверхности которых фиксировались следы кожи. Внутри горита были найдены точильный камень и железный нож.

На дне могильной ямы **погребения 3** был расчищен скелет молодого мужчины-воина. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор (рис. 4). Справа от скелета, под бортом погребальной камеры *in situ* располагались две металлические детали копья — массивный железный втульчатый наконечник и вток в виде серебряной втулки. Судя по взаиморасположению наконечника и втока, общая длина копья составляла 3,2 м.

На шею погребенного была надета гривна с заходящими концами, сделанная

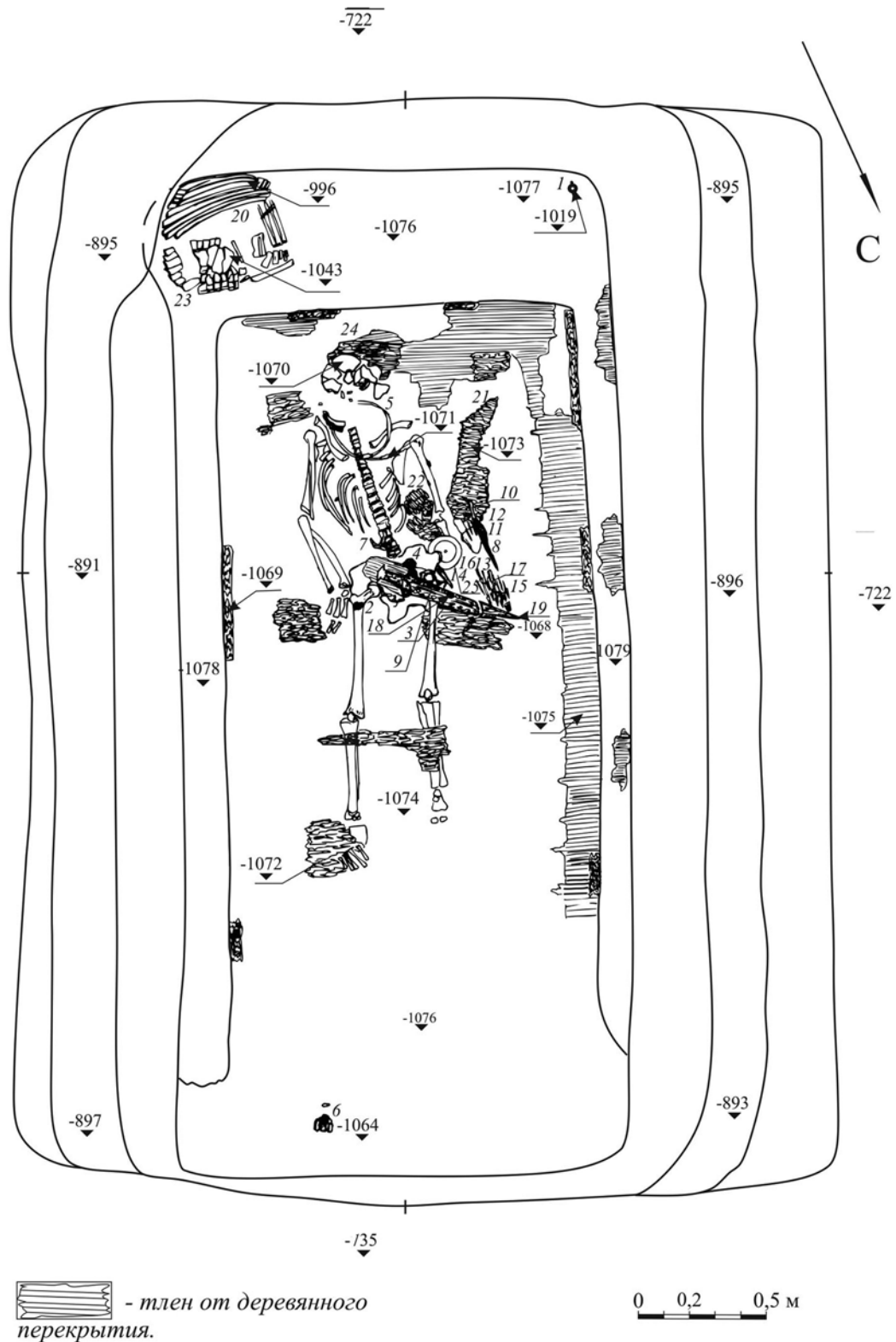


Рис. 2. Курган 4, погребение 2. План.

1 – наконечник копья железный; 2 – накладка бронзовая; 3 – нож железный; 4 – подвеска темлячная; 5 – гривна золотая; 6 – фрагменты деревянного сосуда с бронзовыми накладками и гвоздями с железной пластинкой; 7 – крюк серебряный; 8 – предмет железный; 9 – портупейная бляшка (тигр) золотая; 10 – фрагмент железного предмета; 11 – фрагмент железного ножа; 12 – железный предмет; 13 – точильный камень; 14 – каменный оселок; 15 – наконечники стрел бронзовые; 16 – накладка на горит золотая; 17 – фрагмент железного ножа; 18 – подвеска темлячная; 19 – меч железный; 20 – доспехи железные; 21 – тлен от колчана; 22 – остатки горита; 23 – кожа от доспехов; 24 – фрагмент подстилки из-под черепа; 25 – кожа и прутья из-под горита.



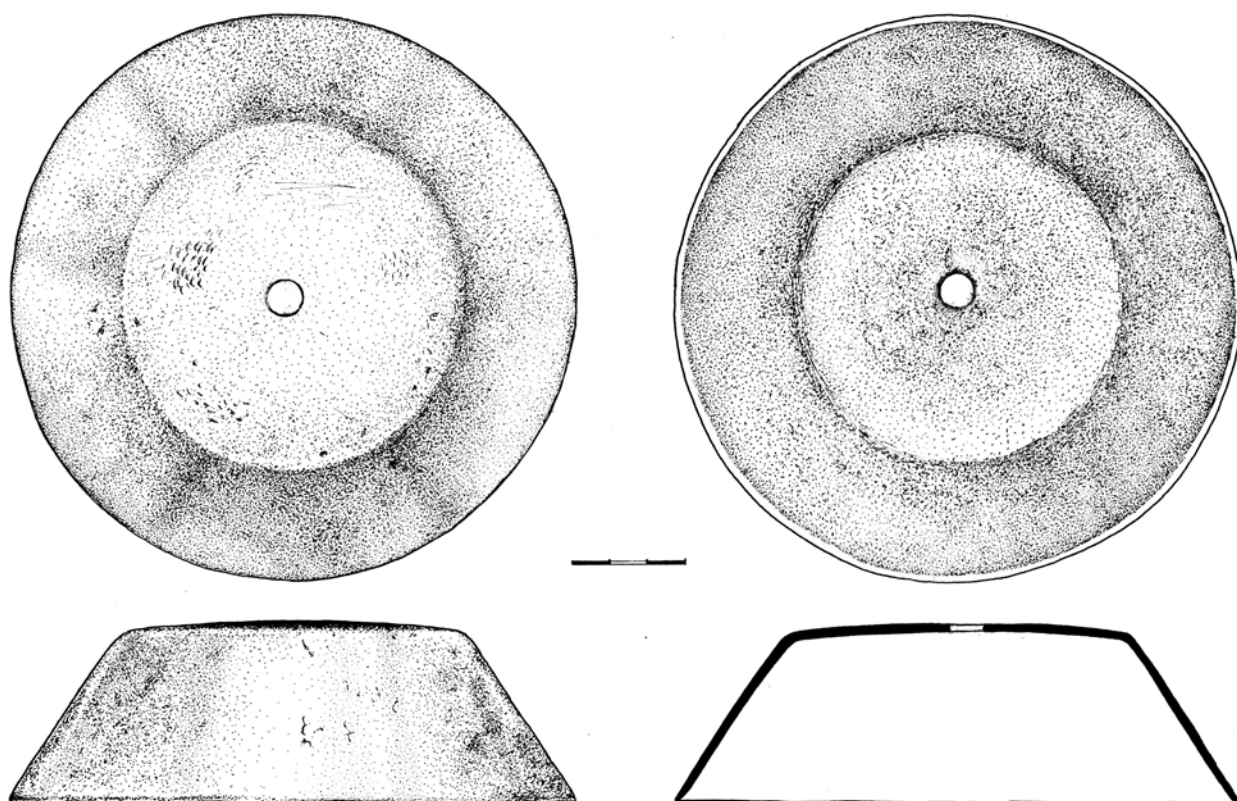


Рис. 3. Умбовидный предмет из погребения 2.

из золотого литого прута. Концы предмета украшены объемными фигурками лежащего хищника кошачьей породы, вероятно, льва.

Поперек бедер, рукоятку к правой кисти лежал короткий железный меч-акинак, типологически аналогичный вышеописанному, но без орнаментации золотом. На его навершии, однако, имелись небольшие выступы, обернутые золотой фольгой.

У левого бедра находились золотые предметы – массивный предмет усеченно-конической формы (рис. 5), типологически аналогичный вышеописанному, но несколько уступающая ему по размерам (диаметр больший – 15,2 см, меньший – 9 см, высота 4,9 см, диаметр отверстия – 0,9 см) и пряжка (обойма для перекрестия ремня и портупей), выполненная в виде серебряной литой пластины с двумя изнаночными петлями. Лицевая поверхность пряжки покрыта золотой фольгой со штампованной многофигурной композицией в зверином стиле.

Рядом с левой бедренной костью, ниже тазобедренного сустава был найден

портупейный крюк. Он сделан из литого серебра и изображает композицию из противопоставленных голов грифона и пантеры. Детали голов животного и мифической птицы покрыты глубокой гравировкой, заполненной золотом. У левого бедра располагался также железный клевец.

Поверх острия меча находился колчан, наполненный стрелами – бронзовые наконечники (более 60 экземпляров).

Между скелетом и наконечником копья стояла деревянная чаша, от которой, помимо древесного тлена, сохранилась золотая накладка на венчик. Она представляет собой прорезную ажурную пластину с изображением оленя. Такие оковки хорошо известны по материалам из «царского» кургана №1 Филипповского могильника (Федоров, 2006).

Как и в предыдущем случае, умбообразный предмет находился на поверхности горита, в средней его части (рис. 4).

Комплексы вооружения из погребений 2 и 3 Филипповки дают возможность реконструировать костюм (рис. 6) богатого кочевника из Южного Приуралья

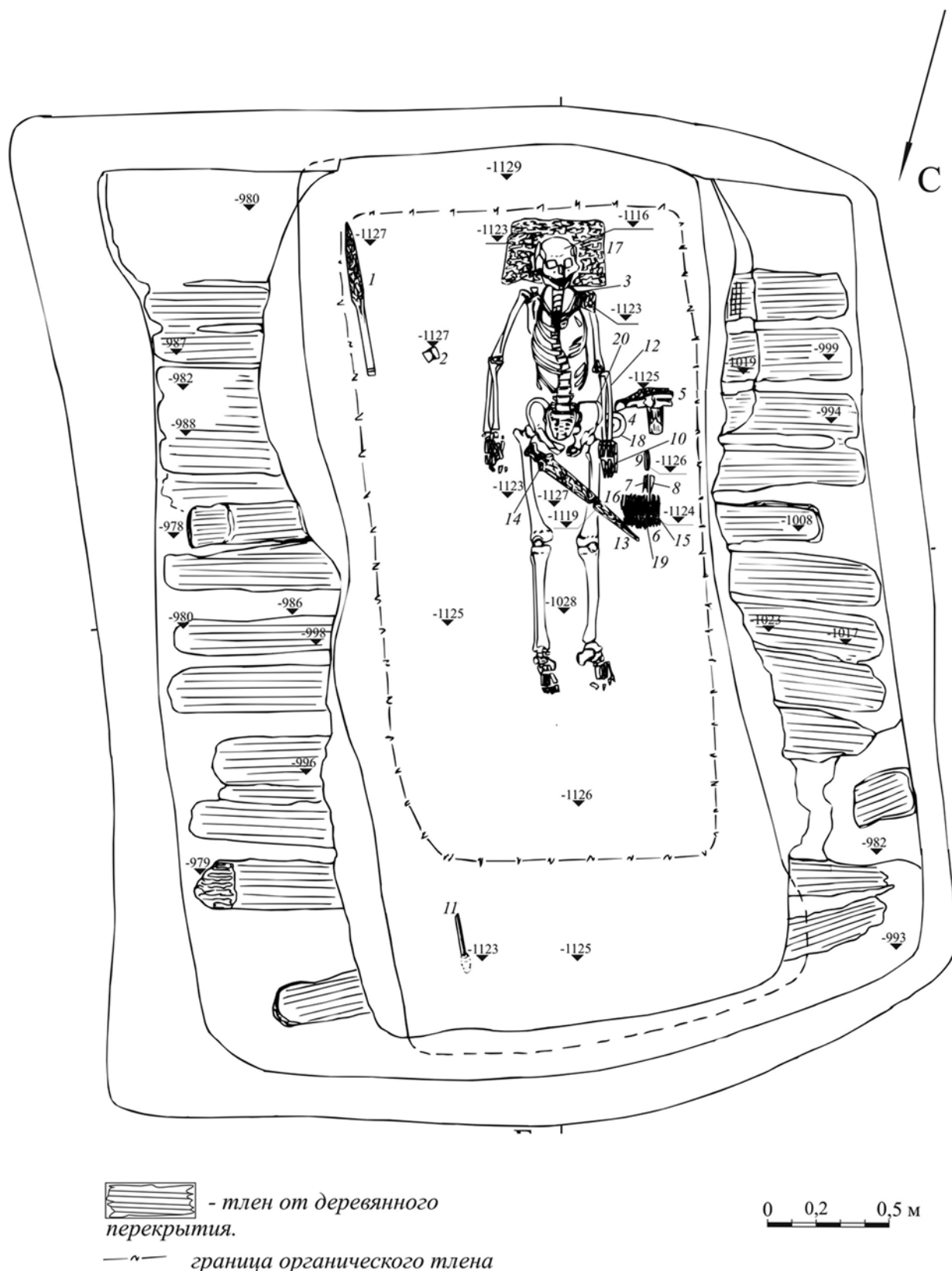


Рис. 4. Курган 4, погребение 3. План.

1 – наконечник копья железный; 2 – накладка на чашу золотая; 3 – гривна золотая; 4 – накладка на горит золотой; 5 – клевец железный; 6 – наконечники стрел бронзовые; 7 – ложка костяная; 8 – предмет костяной; 9 – предмет железный; 10 – крюк колчаный; 11 – вток древка копья; 12 – пряжка портупейная; 13 – меч железный; 14 – фрагмент застежки на перекрестии меча; 15 – фрагмент кожи; 16 – деревянная рамка; 17 – дерево; 18 – фрагмент кожи из-под умбона; 19 – кожа от колчана; 20 – кожа от пряжки.



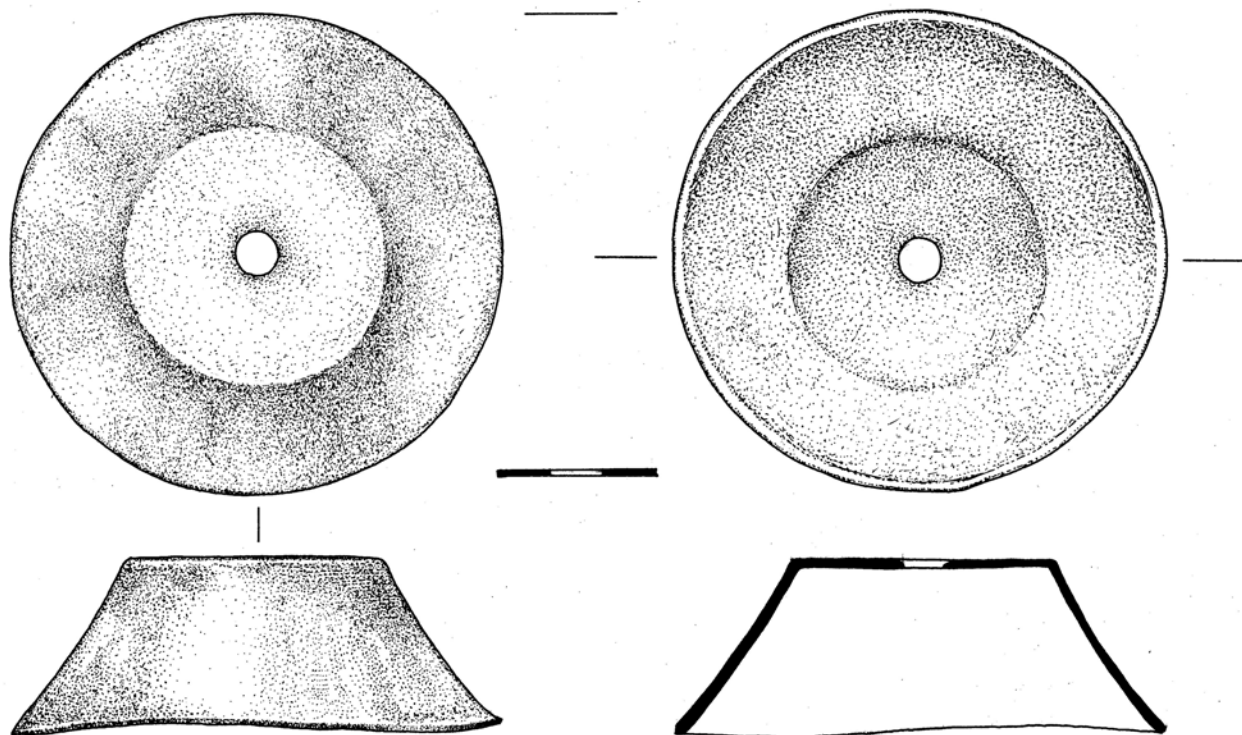


Рис. 5. Умбоновидный предмет из погребения 3.

(Яблонский, 2007б, с. 131)<sup>4</sup>. И так, в обоих случаях четко фиксируется расположение умбоновидных предметов на поверхности средней части горитов. Именно так изображены аналогичные предметы на каменных изваяниях скифской эпохи (Ольховский, Евдокимов, 1994: 131, 150, 157, 161)<sup>5</sup>.

Особенно четко это сходство проявляется в изваянии из Приветного, курган 2 (Ольховский, Евдокимов, 1994: 150, №105, илл. 62) (рис. 7).

По мнению В.С. Ольховского, усеченно-конический или полусферический умбон вообще является характерной чертой скифских горитов V–IV вв. до н.э., а их появление может относиться даже к рубежу VI–V вв. (Ольховский, Евдокимов, 1994: 73). По данным В.С. Ольховского (Ольховский, Евдокимов, 1994: табл. 17), на Северном Кавказе и в Крыму изваяния с изображениями умбоновидных предметов датируются, в основном, V–IV вв. до н.э. Вместе с тем, В.С. Ольховский (Ольховский, 1989: 103) полагал, что

полусферические умбоны являются отличительной особенностью скифских горитов и IV–III вв. до н.э.

Известен золотой предмет усеченно-конической формы с отверстием в основании из разрушенного погребения 1 в кургане у г. Арциз в Правобережном Нижнем Поднестровье. А.С. Островерхов и С.Б.Охотников (1989: 58, рис. 3, 5) описывали его как «золотой умбоновидный предмет». Однако в более поздней публикации он охарактеризован подробнее: «Золотой предмет усеченно-конической формы с отверстием в основании. Высота 9 см, нижний диаметр 6 см, верхний 11 см, вес 263,951 грамма, проба 800. Авторы этой публикации (Алексеева и др., 1997) отмечают, что подобные находки довольно широко распространены в Северном Причерноморье (14 местонахождений), однако по поводу их функционального назначения имеются различные точки зрения. Их называли ворворками, навершиями,

<sup>4</sup> Изображенный здесь железный кованый шлем происходит из кургана 11 могильника Филипповка 1.

<sup>5</sup> Приношу глубокую благодарность В.Е.Маслову за указание на эти аналогии.





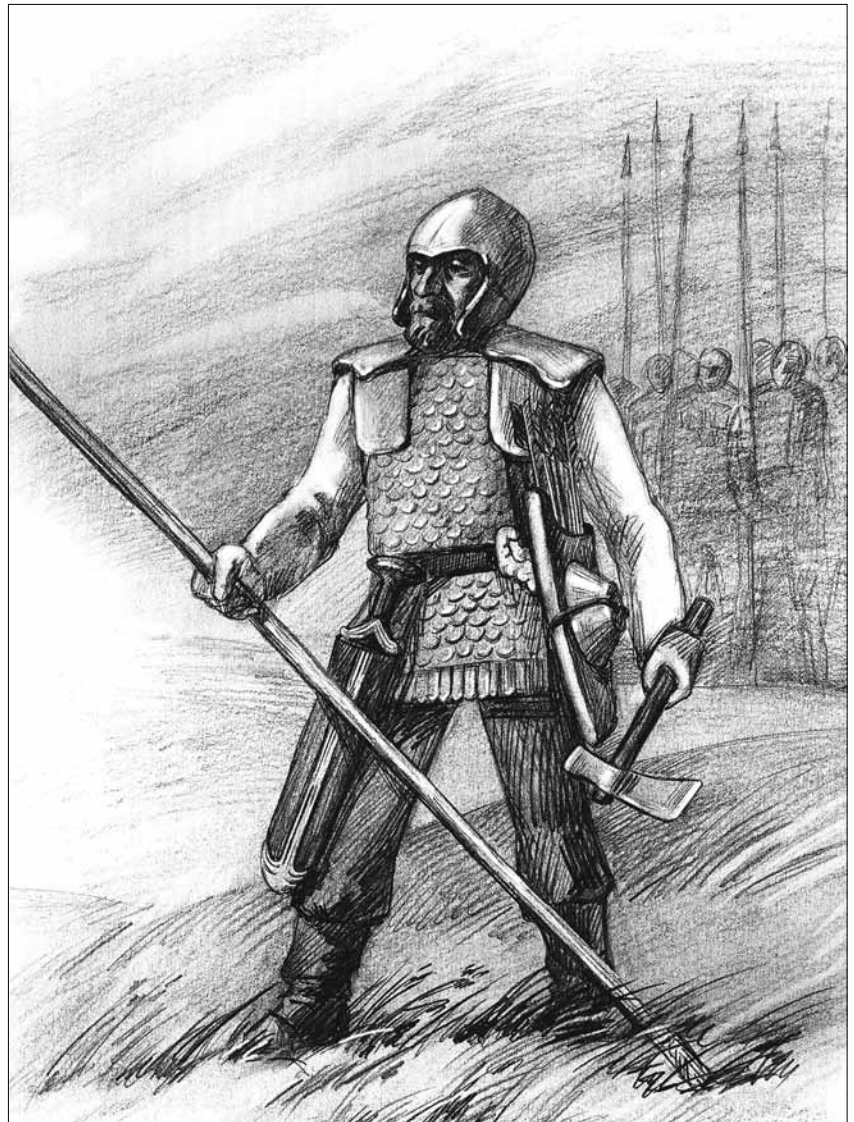


Рис. 6. Реконструкция костюма воина из Филипповки. Рисунок А.Сухоруковой по реконструкции Л.Т.Яблонского.

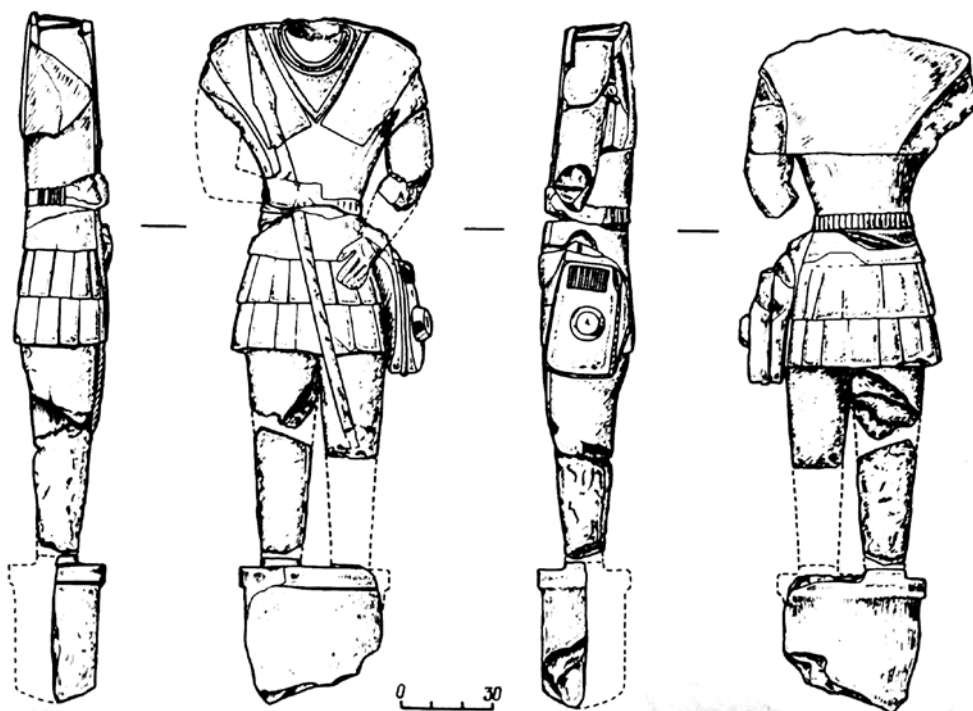


Рис. 7. Изваяние из Приветного. По: Ольховский, Евдокимов, 1994: 150.



умбонами, головными уборами и т.п. Территория распространения этих предметов весьма широка: Северный Кавказ, Крым, степи Причерноморья. Условия находок также различны – в погребениях, тайниках, тризнах и кладах. В нашем случае наиболее вероятной представляется трактовка этого предмета, как принадлежность горита. В частности, авторы этой публикации упоминают изображение подобного предмета на горите у скифов, изображенных на амфоре из Чертомлыка (Алексеев и др., 2001), который датируется серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Алексеев, 2003: 36, табл.3). Ю.В.Болтрик (1996: 107-109) писал о сакаральной нагрузке этих предметов, что не мешает, впрочем, рассматривать их в качестве деталей горитов.

Опубликована также находка умбона из неграбленного захоронения в Крыму (Андрух, 1988). Подробный анализ аналогий этому предмету, изложенный в работе С.И.Андрух (1988: 165), избавляет нас от необходимости проводить его повторно. Отметим лишь три обстоятельства:

1. Все эти предметы происходят из разрушенных комплексов, и их назначение оставалось спорным.

2. Все они были датированы авторами публикаций VI–V вв. до н.э.

3. Все эти находки локализируются в Предкавказье и в Крыму.

Крымский умбон С.И. Андрух комплексом сопровождающего инвентаря датировала рубежом VI – первой половиной V в. до н.э. (Андрух, 1988:167).

Приднепровские, северокавказские и крымские умбоны являются, как будто, стадияльно синхронными филипповским, попадая в хронологический интервал VI–IV вв. до н.э. С нашей точки зрения, Филипповский могильник датируется несколько более поздним временем: вторая половина V – IV вв. до н.э. (Яблонский, 2008). Но надо иметь в виду, что вещи из драгоценных металлов в период строительства филипповских курганов, уже являлись раритетными, антикварными, и время их захоронения может являться несколько более поздним, чем время изготовления. Впрочем, датировка чертомлыкской амфоры хорошо укладывается в хронологический отрезок времени функционирования Филипповки.

В любом случае, филипповские находки позволяют теперь уже без всякого сомнения утверждать, что загадочные конусовидные и полусферические предметы с отверстием в верхней части скифского времени действительно являются накладками на горит, своеобразными умбонами, служившими одновременно украшениями горитов и, возможно, их утяжелителями.

## Литература

Алексеев, 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб, 2003.

Алексеев и др., 2001 – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Алексеева и др., 1997 – Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Тирасполь. 1997.

Андрух, 1988 – Андрух С.И. Погребение ранне-скифского воина в Присивашье // СА, 1988. №1.

Болтрик, 1996 – Болтрик Ю.В. Большие золотые «ворварки» у скифов // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию профессора Л.М. Славина. Киев, 1996.

Золотые олени..., 2003 – Золотые олени Евразии. СПб., 2003.

Ольховский, 1989 – Ольховский В.С. Скифский горит (по изображениям на антропоморфных изваяниях) // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

Ольховский, Евдокимов, 1994 – Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.

Островецких, Охотников, 1989 – Островецких А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. №2.

Пшеничнюк, 1989 – Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989.



*Рукавишников, Рукавишникова, 2008* – Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка (интерпретация комплекса и реконструкции первоначального облика) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

*Федоров, 2006* – Федоров В.К. О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.

*Яблонский, 2007a* – Яблонский Л.Т. Что искали грабители? // Наследие народов Российской Федерации. 2007. №1.

*Яблонский, 2007b* – Яблонский Л.Т. Курган сарматских вождей в Южном Приуралье // National Geographic. 2007. Апрель.

*Яблонский, 2008* – Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

*The Golden Deers..., 2000* – The Golden Deers of Eurasia. New-York, 2000.

*Yablonsky, 2007* – Yablonsky L.T. Excavations of a «Royal» Barrow-Grave in the Southern Ural // Folia Archaeologica. Budapest, 2007.



## **BURIALS AS IDENTITY STATEMENTS. SOME REMARKS ABOUT NORTH-THRACIAN FUNERARY PHENOMENON IN THE 4<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> CENTURIES BC**

### **Introduction**

*Due to their inventory, one may consider the burials from Agighiol, Peretu and Mogilanskata Mogila - Vratsa as some of the most spectacular examples within the Thracian area. We believe though, that their individualizing features, as for example, the variety of the funerary furnishing and a complementary lack of complex funerary architecture, may be understood in a larger phenomenological context dated in the second half of the 4<sup>th</sup> century BC and in the first half of the next, in the northern periphery of the Thracian territory. In this study, the authors plan to interpret these archaeological contexts as identity statements of individuals or social groups and to decode the particular conditions, which triggered authority and prestige manifestations in similar expressions on large spaces. In this way, the study will particularly include the discoveries from Cucuteni-Gosan and Băiceni-Laiu as necessary elements in the description of the North-Thracian cultural space.*

### **Methods of analysis**

Considering the material culture as more than the result of human interaction with the environment, but agent of significances and instrument for communication, we will regard

the burials (the mound burials especially) as amazing archaeological resources capable to reveal facts about the identity of the dead and the people who buried them. Thus, the analysis will start with the presentation of three particular cases, the graves from Agighiol-Tulcea (Andrieșescu, 1934; Berciu, 1969a-b; 1969b), Peretu-Teleorman (Moscalu, 1986: 59-70; 1989: 129-190, pl. 41-64), Mogilanskata Mogila – Vratsa (Torbov, 2005; Theodossiev, 2000: 144-147; Venedikov, Gerasimov, 1979), as archaeological contexts<sup>1</sup>. We will take into account the following criteria: a) localization, b) funerary architecture, c) inventory composition (in terms of diversity, quality and item's association) and d) artifacts' iconography as symbols of sacred and prestige. Because the mentioned graves were published in detail, we are going to mention only several of their main characteristics, necessary in our argumentation. Further, a statistic study will describe the funerary context to which these burials belong, in order to evaluate their amount of distinctiveness and originality. Finally, the authors will integrate the results of the archaeological and statistical analyses in an attempt to interpret the social and cultural significances of the observed phenomena.

---

<sup>1</sup> Unfortunately, all the three funerary complexes were deranged by modern, unauthorized interventions, finally representing the object of rescue excavations. This is the reason why certain details regarding associated rituals will not be fully explainable. We refer here to Agighiol and Tombs no. 2 and no. 3 from Vratsa – *Mogilanskata Mogila*, cases for which there can be expressed doubts concerning the associations between deposited funerary inventory items of «masculine» and «feminine» type and the identity of the buried individuals.

### Burials as archaeological contexts

In **Agighiol** – *Movila lui Uță*, under the same embankment (Diameter = 32 m), there were identified, in 1931, two different architectural unities with different entrances (Fig. 05). In the centre of the mound there was found a tomb, built out of polished stone blocks, composed from two rectangular chambers (3 x 3 m and 3 x 1,80 m) and a *dromos* built out of ashlar, orientated towards west (2,40 x 0,80 m), tomb in which deranged human bones were discovered<sup>2</sup>. Another separate chamber was built towards east from the main tomb. It was rectangular shaped (2,60 x 2,40 m), built out of ashlar and had a *dromos* opened towards east. It contained three complete horse skeletons, discovered in correct anatomical order. Because the bones of one horse contained several bronze arrowheads and more such artifacts were scattered inside the room, we may presume that the horses were killed on the spot. They were decorated with lavish harness, containing more than 30 items, crafted in silver, gold and bronze, some ornamented with zoomorphic motifs. The harness items were found in their functional position. The gear contained 8 frontal pieces (seven bears and a wild cat with a rabbit head in its' claws), 7 appliquéés with two or three arms decorated with zoomorphic representations (five horses in whirlpool, two sided deer) and 6 round, undecorated silver appliquéés; 3 bits (two iron ones and a silver bit), various rings and chain links. The funerary furniture<sup>3</sup> contained the following ceremonial items: weapons (100 bronze arrowheads, several spear heads), armor (helmet, two greaves, all three items crafted in silver with gilded parts and decorated with specific motifs), *symposium* vessels (five *phialae*, two decorated goblets, all crafted in silver), adornments (a necklace made of silver beads, glass beads, two silver pendants)

and ceramic vessels – recipients for liquids, oils and food offerings (Thassos amphora, Attic ceramic<sup>4</sup> with red figures) (Fig. 08).

In the case of **Peretu** grave, the funerary setting up was entirely modest (Fig. 06). The 30 m in diameter mound was erected in successive soil layers. It covered up a previously burnt area (approximately 6 m in diameter) on the ancient soil level, burnt area above which they deposited the buried dead and some bones (long bones and head) of a horse. There were some personal items around the dead individual, scattered on the burnt area: a spearhead, a knife, both bended, a buckle. A pit dug in the burnt soil contained the metallic remains of a funerary cart. In Peretu mound, the dead individual was accompanied by three hounds, deposited complete, two side by side in the northern part of the mound, at 5 m distance from the dead, and a third one, at 5,5 m southeast of him, together with bones from a different animal. Local ceramic fragments were also discovered, among which we mention half of a hand-made mug deposited in the nearby of one of the dogs' heads with the other half of the mug found near the tail of another dog (the case of the two dogs deposited in the northern side of the mound). At 7,5 m northeast of the buried human, in a level with 40 cm above the level on which the dead laid, the excavator found the rest of the funerary furniture, deposited inside a bronze container and covered with a bronze tray. This treasure included: harness gear (bridle, frontal head piece, 30 whirlpool appliquéés with two, three or four horse heads, 19 simple appliquéés, round shaped, all these crafted in silver), ceremonial equipment (armor – silver helmet and *symposium* vessels – three *phialae*, a strainer, an *aryballos*, a tube, all crafted in silver) and

<sup>2</sup> Since the tomb was badly deranged, without doubts in 1931 and very probable even from ancient times, and no anthropological analyses were made, the number and gender of the deceased individuals represent an unsolved issue. Because Berciu (1969a: 36-37) found deranged bones in both rooms of the tomb, he interpreted this situation as the result of the deposition of two distinct individuals.

<sup>3</sup> Only few funerary items were discovered in situ (the harness gear) and almost sure, the artifacts published by Berciu in 1969 do not represent the totality of the original inventory. Some think that the goblet from the Metropolitan Museum and the Detroit helmet were initially looted in 1931 from Agighiol tomb (Taylor, 1982: 55; Berciu, 1969a: 90).

<sup>4</sup> Considering the ceramic with red figures, Berciu (1969a: 76, note 22) dated Agighiol around 400 BC. Alexandrescu (1971: 660-662) proposed a more reliable chronology using analogies with the Otchët group (Beazley, 1963: 1496-1499), datable between 370-340 BC; then in 1983 he found more similarities with the Fat Boy Painter (Beazley, 1963: 1484-1495), datable at 350 BC.



also a silver bead necklace (*Moscalu 1986, p. 59-70; 1989, p. 129-190, pl. 41-64*) (Fig. 09).

A very special case is the **Mogilanskata Mound** from the town of **Vratsa** (*Torbov, 2005; Theodossiev, 2000: 144-147*) built probably, along a 50 or 70 years period. This mound developed around a first nucleus, dated in the second quarter – the middle of the 4<sup>th</sup> century BC. Later, during two different, successive moments, the mound was completed with distinct funerary structures (chambers built from ashlar and wood), the covering embankment being in every case rebuilt and enlarged. Finally, the entire structure was surrounded with stonewall built in steps, resembling a possible dynastic mausoleum (Fig. 07B). Tomb no. 1 was built from ashlar, like a primitive structure resembling the shape of a *tholos* with *nartex* (Fig. 07A), covering a dismembered skeleton of an individual, together with two dogs and local ceramic vessels and fragments from a Greek *skyphos*. The construction had walls, 2 or 3m high and 1m thick, with no substructure. The embankment, raised simultaneously with the tomb's walls, sustained the walls. Tomb no. 2, dated approximately between 350-320 BC, contained the skeletal remains of two humans and three horses deposited in a rectangular construction with two chambers (Fig. 07C). One of the deceased had a spear and a fibula and was found in the nearby of three horses, a funerary cart and the lavish harness of the riding horse, in one side of the tomb. The second individual lay separately along a consistent quantity of inventory items (Fig. 10). This individual wore on his head a golden wreath and golden earrings, glass beads around the neck, golden appliques and a fibula on the dress. At some distance from the dead, in the nearby of

its left shoulder, was a silver greave with gilded ornaments, a bronze Chalkidic type helmet in the nearby of its feet, two iron knives, an iron scabbard, 88 bronze arrowheads. Further away, the excavator found two distinct groups of *symposium* vessels made of bronze, silver and gold: four *phiale*, two *situlae*, *hydria*, *oenochoe*, jugs, *rhyton*, *candelabrum*, *podanipter*. The dead individual<sup>5</sup> had its left hand raised, holding a bronze mirror. Around its skull, there were scattered more than 50 clay miniature figurines. In the last quarter of the 4<sup>th</sup> century BC, another tomb was added. This one was a two-chamber structure, built of ashlar and wood beams, with rectangular, oblong shape. Inside it, two persons were buried, each one with its own funerary furniture. One of them had adornments, dress accessories, ceramic recipients, and the other one, weapons, *symposium* vessels, clay figurines, Greek imported ceramic, dress accessories and a horse with harness gear.

### Burials as affirmation of identity

A simple survey of the main ritual and construction attributes, in the case of Agighiol, Peretu and Vratsa – *Mogilanskata Mogila*, highlights their belonging to the same cultural phenomenon typical for large geographic spaces in the beginning of the second Iron Age, of representing the social persona/identity of a powerful warrior and aristocratic elite, throughout the funerary behavior. The three graves represent perhaps the most aggressive (ostentatious) outline of using this cultural model in the north Thracian space. All three of them were tumuli graves, which did not contain elaborated elements of funerary architecture. In the case of Peretu mound, the dead

<sup>5</sup> Many interpretations proposed a whole scheme of scenarios meant to explain this situation. The individual that lay next to the horses was considered the horse keeper, sacrificed together with the animals or even the dead dynast himself. The second individual, due to personal adornments (among which a pair of luxurious golden earrings) was considered the wife of the dynast sacrificed at his death, or even the dynast himself. Theodossiev (2000) interprets the unnatural position of the skeleton (laying on its bailey, with spread legs and the left hand raised) as well as the presence of the mirror, golden wreath as a connection to the orphic attributes of the priest dynast. The items wore by the deceased were indeed feminine (adornments, dress accessories and mirror - association which occurred in other graves also). The armor, weapons and *symposium* vessels were found at some distance from the deceased and cannot be directly connected with it. As the results from the recent publication of the monument (*Torbov, 2005*) indicates, the excavation report is not entirely clear and the association between artifacts is not elucidated without doubts. Torbov proposes an even more refined interpretation: the second individual, the one adorned with golden wreath, could have been the sacrificed wife of the deceased, a dynast who, dying far from home, was symbolically buried in this mound by depositing his armor, weapons and *symposium* set. His burial was necessary for his successors to claim legitimately his authority.



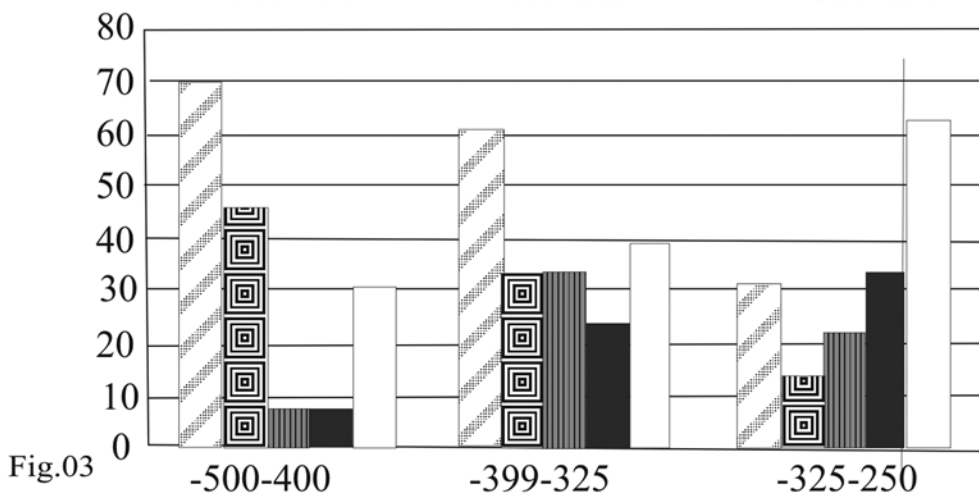
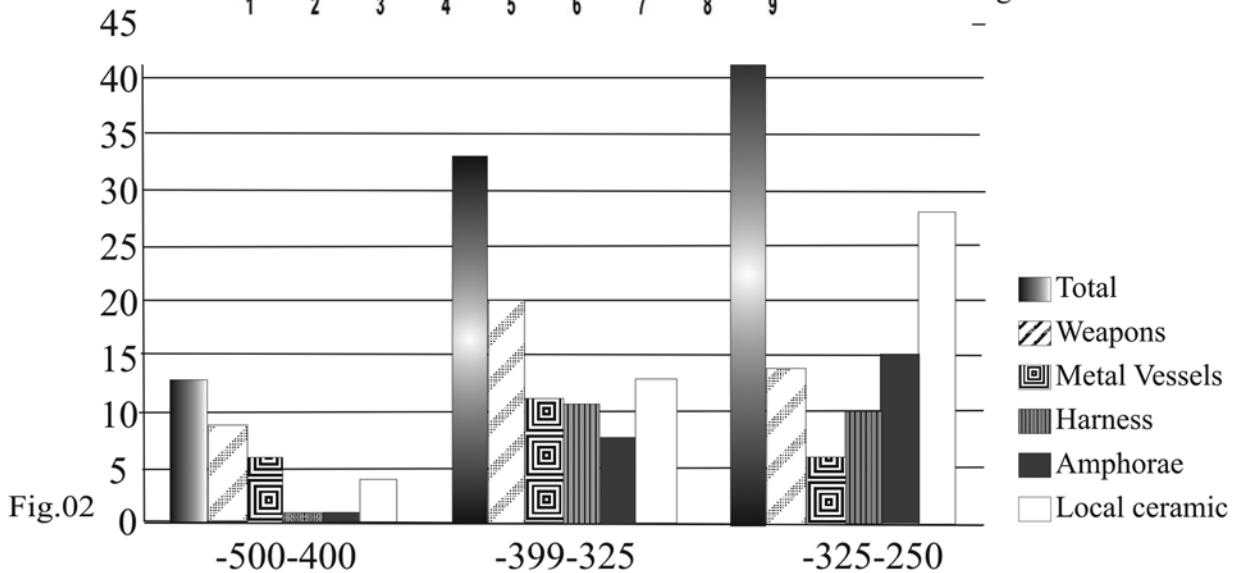
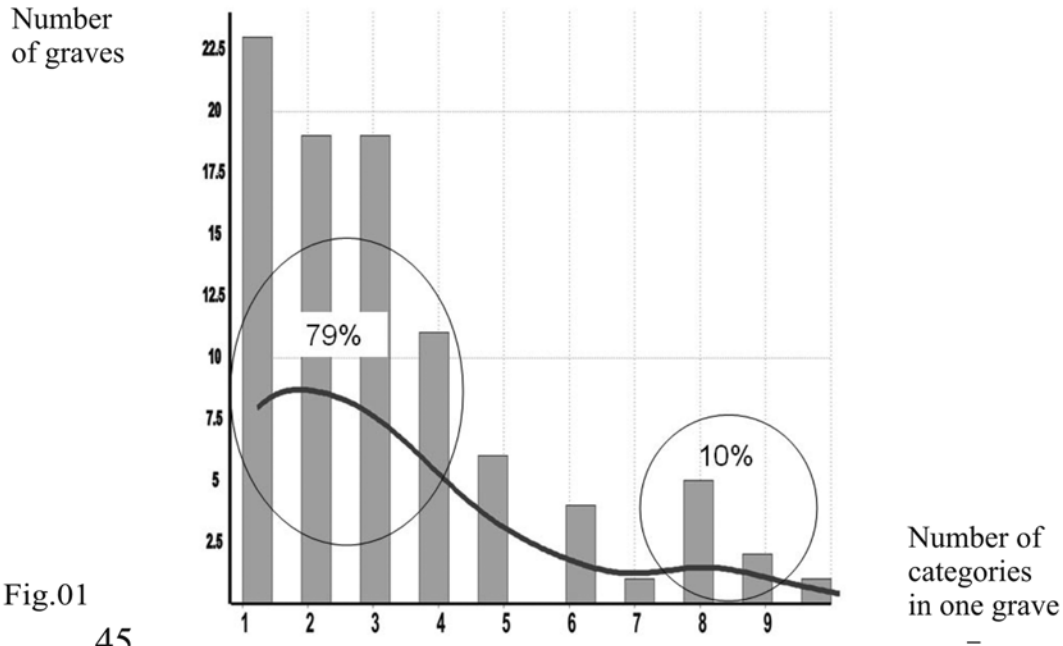


Fig. 01. The Kernel Density Estimation representing the variation of statistical analyzed graves after the number of contained inventory categories.

Fig. 02/03. The variation of inventory categories according to chronology (The Y axes represents the number (fig. 02) of graves or the percentage (Fig. 03) of graves containing the mentioned category in comparison with the total number of graves statistically analyzed for that period).



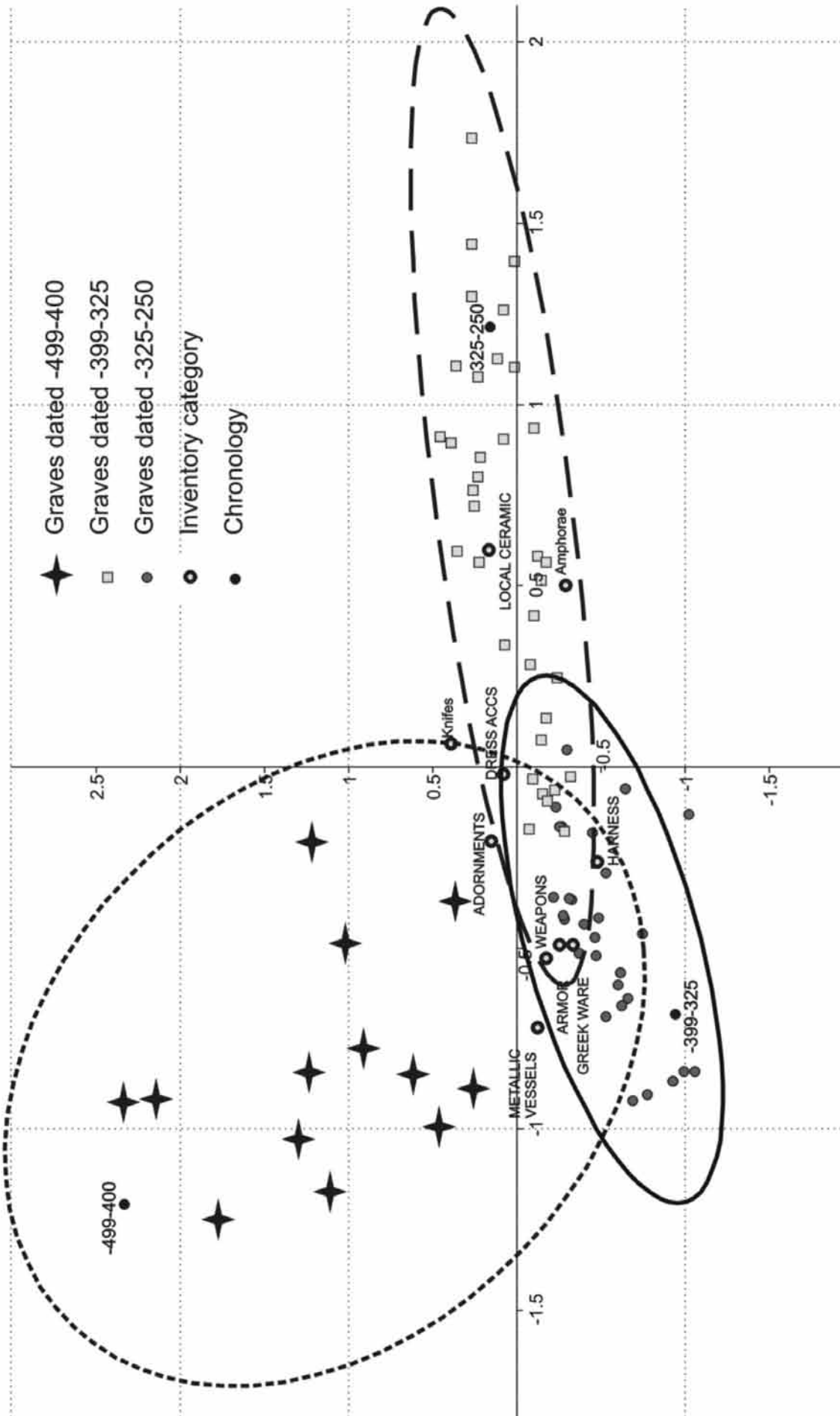


Fig. 04. The Correspondence Analysis Graphic representing the relations between chronology, inventory categories and the statistical analyzed graves.



human laid directly on the ancient soil under the soil embankment.

Even if at Agighiol and Vratsa, stone constructions were built, they did not resemble the architectural monuments from Southern Thrace, like those found in the Valley of the Kings from Kazanluk (*Kitov, 1999: 1-20; Kitov, 2005; Kitov, Agre, 2002*) or those from Sboryanovo – Sveshtari area like *Ginina Mogila* and *Mounds 12 and 13* (*Gergova, 1996: 13-44*). We do not disregard, of course, the fact that in Agighiol, Greek letters were found on polished stone blocks, suggesting the participation of Greek craftsmen in the construction, and that, in Vratsa case, the 50m in diameter *Mogilanskata Mound* must have been an impressive monument erected during several generations. We notice however, a clear distinction between the material resources exhibited by these communities and their choices/tastes for different types of funerary structures.

In all the cases, they inhumed the deceased and accompanied them by horses and hounds. More obscure may be regarded the Tomb no. 2 and no. 3 from Vratsa and possibly Agighiol, where several individuals were discovered. As long as clear anthropological determinations lack, the gender and role of these individuals is rather difficult to interpret (for example their connection with the possible sacrifice of the Thracian dynast's wife, after a ritual mentioned by *Herodotus V, 5* and later compiled by *Pomponius Mela II, 2, 19-21* and *Solinus 10. 1-6*).

The composition of funerary inventory fabricates the representation of the deceased as warriors (equipped with spears, knives and armor), equestrians (as the sacrificed horses point up), perhaps as hunters (as the presence of sacrificed dogs and use of arrowheads may suggest). The special indicators of their social roles are the *symposium* vessels. These status signs are typical for the entire Thracian world (as iconography and grave goods attest). In particular, these three funerary complexes stand up throughout their amazing variety<sup>6</sup>, quantity and quality of the deposited categories and glamorous use of craft material and decoration of items. Moreover, we notice a specific phenomenon of personalization of ceremonial property trough

decoration used as identity statements. The ideological message communicated through time by the funerary furniture, both the selection and associations of items, and the artistic composition of depicted scenes as well stand for the main similarity between the three burials. These symbolic scenes (fighting equestrians, fantastic animals, exophthalmic eyes, human faces) appear on the items, which express the status of the dead: parade armor (helmets and greaves – Fig 11), drinking vessels (goblets) and the harness appliques or bridle bits. They carry, in the same time, the significance of symbolic messages as the homogenous scenes are linked in a coherent ideological system, but also offer to archaeologists images of the ancient people, as they represented themselves, using the dress items and objects discovered in the funerary inventories.

The burials from Agighiol, Peretu and Vratsa – *Mogilanskata Mogila*, are among the most spectacular funerary structures from the North-Thracian area, particularly noticeably as having a various symbolic decorated inventory and less spectacular funerary architecture. Do they represent **particular occurrences** or should they be included in a **more general** cultural and social **phenomenon**? In addition, we further raise the issue of their **originality as identity statements** in comparison with the **cultural models** of expressing high status in the contemporaneous societies around the Black Sea area. In order to answer these questions it was necessary an overview of the general context of North-Thracian elite burials dated in the 5<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> centuries.

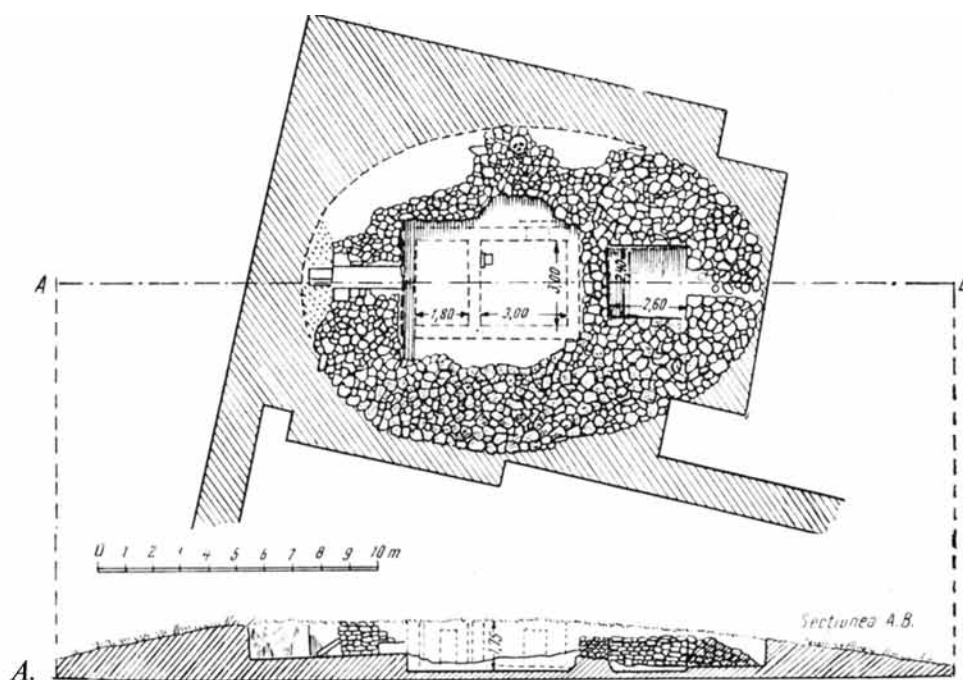
### **Models of artifacts' selection in tumuli graves during the 5<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> centuries BC.**

#### **Statistical evaluation**

Taking into consideration the tumuli burials as signs of high status, we used the results of a statistical analysis run over a sample of 91 mound burials from the time and space already mentioned (*Duțescu, Ștefan, 2009*). The aim of this analysis was to identify cultural models, commonly used in multiethnic spaces. One could link such largely embraced cultural model with the representation of aristocratic identities

<sup>6</sup> This variety remains impressive even if we try to confine the inventory to the items, which can be associated with a single individual.





B.



C.

Fig. 05. The funerary mound «Movila lui Uță» Agighiol – Tulcea county, Romania.

The funerary structure.

A. Plan and profile of the tombs (Bercia, 1969: 35, fig. 7).

B. Image of the horses chamber in forefront – view towards east with the entrance in background.

C. View of the main tomb's entrance (after Andieșescu, 1934, pl. XXII 2 and pl. XIX 2).



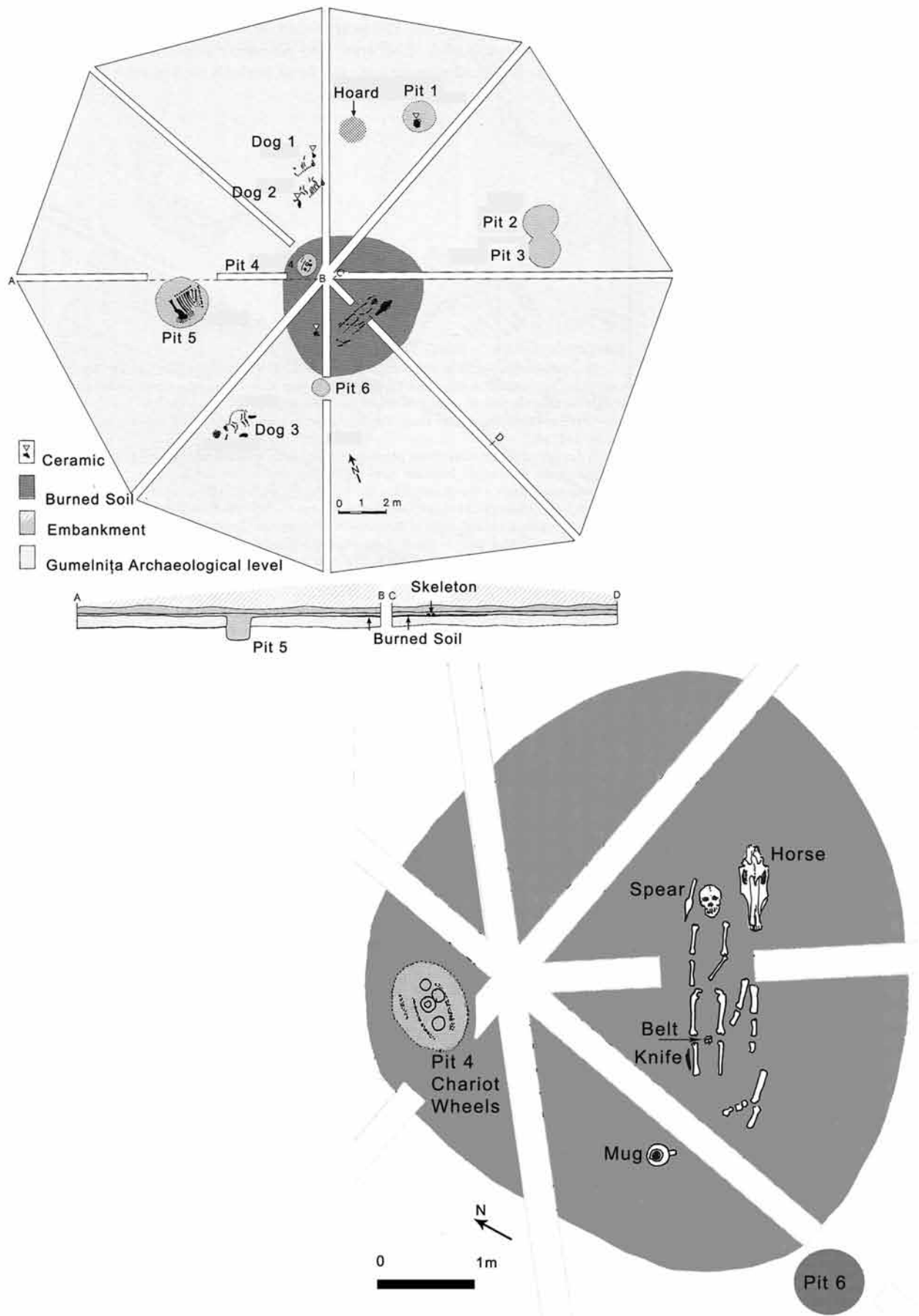


Fig. 06. The funerary mound of Peretu – Teleorman county, Romania.  
 434 Funerary structure (after Moscalu, 1989: 134-6, abb. 2/3).



in burials. In this case, we will regard identity as the sum of individual choices expressed in the composition and selection of funerary inventories.

The statistical analysis (Correspondence Analysis and Kernel Density Estimation) which regarded the functional categories<sup>7</sup> of deposited items<sup>8</sup> pointed up that, for the 5<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC, there might be identifiable in the funerary manifestations, certain models of social representation generally valid for the North-Thracian tumuli. The prevailing model of assembling the funerary goods was represented by the preponderance of the military equipments (weapons, armor and harness gear), completed in different forms, with *symposium* metallic vessels and Greek imported ware, or with adornments and dress accessories (47 graves contained military equipment items out of the 91 analyzed ones). In addition to this model, the analysis highlighted the existence of a «non-military» group composed out on one hand, of typical «feminine» items: adornments, dress accessories, mirrors (7 graves) and, on the other hand, composed out of less «rich» inventories: knives, local ceramic vessels, amphorae (34 graves).

In particular, the present study points up to a third group of clustering **graves with varied inventory** (more than six contained inventory categories). Graves with more than six categories fit into a different model, as the analysis of Kernel Density Estimation suggested (Fig. 01). In this group we included the Tombs no. 2 and no. 3 from *Mogilanskata Mound* – Vratsa, Agighiol, Peretu, Kjolmen G1 TIV, Kjolmen G1 T1 (*Dremsizova-Nelčinova, 1970: 207-229*), Branichevo G1 TX (*Dremsizova, 1962: 165-186*), Koprivets (*Stančev, 1994: 173-178*), Vurbitsa (*Filov, 1937: 1-116*), Telița – main grave (*Simion, Cantacuzino, 1962: 373-382*). Except for Telița, all these graves contained pieces of military equipment. We avoid regarding these inventories as implicitly rich, considering significant in this situation, their variety as a defining element of high status. We recognize in this group, the well-known graves interpreted in

the literature (*Archibald, 1998; Marazov, 1998; 2005; Sîrbu, 2000: 183-211; 2002: 374-393; 2006: 117-127; 2009*) as princely graves. We noticed that they could be dated after the middle of the 4<sup>th</sup> century BC, especially in its last quarter and beginning of the 3<sup>rd</sup> century BC. Exception to this is the Koprivets grave, dated earlier, in the end of the 5<sup>th</sup> century BC. In addition, we notice that, except for Peretu, all these graves may be associated with distinct funerary structures (primitive stone chambers, cists), however none of them used elaborate elements of funerary architecture.

Quite representative is the case of Branichevo Grave 1 from Mound X. This was the main grave of the largest mound in a cemetery of small in urn incineration tumuli. The funerary structure was represented by a primitive rectangular stone construction (4 x 3 m), resembling a large cist (*Dremsizova, 1962: 173, fig. 10*). It contained an amphora with cremated bones. The inventory was represented by weapons armor, harness appliqué, gold pendant and a drinking set (silver *phiale*, bronze *situla*, amphora, *kantharos*, ceramic bowl) (*Dremsizova, 1962: 174-176, fig. 11-16*). This grave exhibited the high status of the dead inside its community through the difference in the funerary architecture and selection of grave goods.

On these grounds, we may assert that the «princely» graves represent only a division of a larger group of warrior elites, as they can be associated with heterogeneous identities that combine attributes of prestige and representation belonging to all the other groups.

Nevertheless, we cannot conclude with certainty that the graves without imposing construction had instead richer funerary furniture than the tumuli under which there were found real masonry constructions. Among these exquisite tombs, some resembled temples decorated with marble parts and sliding doors or with walls richly covered with paintings and bas-reliefs like the tombs from the region of Sboryanovo-Sveshtari (*Gergova, 1996*) or Kazanluk (*Kitov, 1999: 1-20; 2005*). These tombs

<sup>7</sup> The regarded categories included: weapons, armor, harness gear, metallic vessels for *symposium* activities, Greek imported ceramic (not amphorae), amphorae, local ceramic, adornments, dress accessories. The relation of these categories with bronze bells, knives, mirrors, breastplates and clay miniatures was also explored.

<sup>8</sup> For description of sample and method of analysis see *Duțescu, Ștefan, 2009*.



covered with tumuli served, after the deposition of the deceased, for various rituals, fact attested by the markings left on the floors by the sliding doors. On these events, the remains of the deceased, their funerary furniture and offerings were handled in various ways; moreover, in the same process, some mounds were demolished and rebuilt (*Gergova, 1996*). Perhaps with these occasions, the funerary furniture was taken and relocated. In this way, it is possible to interpret some hoards, as the outcome of relocating funerary inventories during certain rituals. The functional composition of some hoards (like *Băiceni* for example) is similar to that of funerary furniture. Of course, in some cases one must consider the possibility of actual looting of these monuments when their protection could not be ensured any longer.

### Chronological framework

Quite interesting, following further the statistical analysis, this group of exceptional burials, corresponds to a delimited chronological framework, datable after the middle of the 4<sup>th</sup> century BC. The graphics in Fig. 02, 03 and 04 suggest that, even if for a long time, the number of graves with weapons and metallic vessels grew (with a maximum point in the 4<sup>th</sup> century BC), the general tendency of occurrence of warrior graves in the general funerary tumuli phenomenon decreased.

### Building group identity through networks of significance. Symbolic Iconography

Resuming their main characteristics, we note that the burials from *Agighiol*, *Peretu* and *Vratsa – Mogilanskata Mogila* match the pattern of a larger group of high status graves datable in a certain moment in time. They ostentatiously

exhibit the individual identity of certain males through an impressive display of prestige attributes. Significant aspects of their identities are highlighted by the symbolic decorations of their items. The impressive ideological homogeneity expressed in the use of similar scenes and symbols in the decorations on objects found at great distances from one another, points out to a group identity with which the deceased associated. Thus, we underline the definition of individual identity through a special reference to a group identity expressed as a network of significance (*Thomas, 1996: 159*) made of iconographical symbols circulated on large distances.

The assemblage of discoveries from **Băiceni–Cucuteni–Cotnari** is an interesting example as how cultural models of expressing prestige identity circulate on large distances. In the nowadays Northern Moldova<sup>9</sup>, 400 km from the Danube, the archaeologists found close to one another, a hoard, a tumuli necropolis and a fortification with stone walls, remains which document the existence in the 4<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> centuries BC of a North-Thracian authority center. The hoard from **Băiceni–Laiu** (*Petrescu-Dâmbovița, 1966; Petrescu-Dâmbovița, Dinu, 1975; Berciu, 1969: 150-151; Petrescu-Dâmbovița, 1995*) contained 70 entire or fragmentary gold objects, more than 2 kg in weight (Fig. 13). The hoard included a parade helmet decorated with specific representations (a man sitting on a throne and holding in his hands a *rhyton* and a *phiale*/bird; a scene representing a *bucranium* surrounded by serpents; winged griffons), a spiraled bracelet with the final parts representing horse skulls with ram horns, fragments of a necklace and harness appliqués decorated with zoomorphic motifs<sup>10</sup>. The symbolic scenes and motifs, the general artistic style in which the pieces were

<sup>9</sup> This region is characterized during this time by a material culture very similar with the discoveries from the Lower Danube. The statistical analysis did not consider the funerary discoveries belonging to this space.

<sup>10</sup> The hoard was discovered in 1959. Subsequent excavations (*M. P. Dâmbovița and M. Dinu in 1961*) indicated that the hoard was an isolated discovery, which could not be associated with any grave or settlement structure. Taylor (*1986: 50*) interpreted the hoard's structure and items' iconography as signs that the artifacts belonged originally to the funerary inventory set of a rich burial, possible destroyed by modern interventions or looted from a rich grave in ancient times and reburied. Taylor chronologically situated it after 350 BC (*Taylor, 1986: 50*); Berciu (*1969: 151*) considered it an earlier lot (like the *Poiana Coțofenești* golden helmet) belonging to the end of the 5<sup>th</sup> century BC. Petrescu-Dâmbovița and Dinu (*1975: 105-123*) established the chronology of the *Băiceni* hoard around the year 400 BC. However, Alexandrescu (*1988: 117*), considering some details of decoration style and motifs (*bucranium* superposed by a garland on the left chick covering – Fig. 13.3 and *palmette* on the neck covering), offered a considerably later chronology, around the beginning of the 3<sup>rd</sup> century BC by drawing attention to Greek analogies. In our opinion, the hoard can be dated sometimes after the middle of the 4<sup>th</sup> century BC.



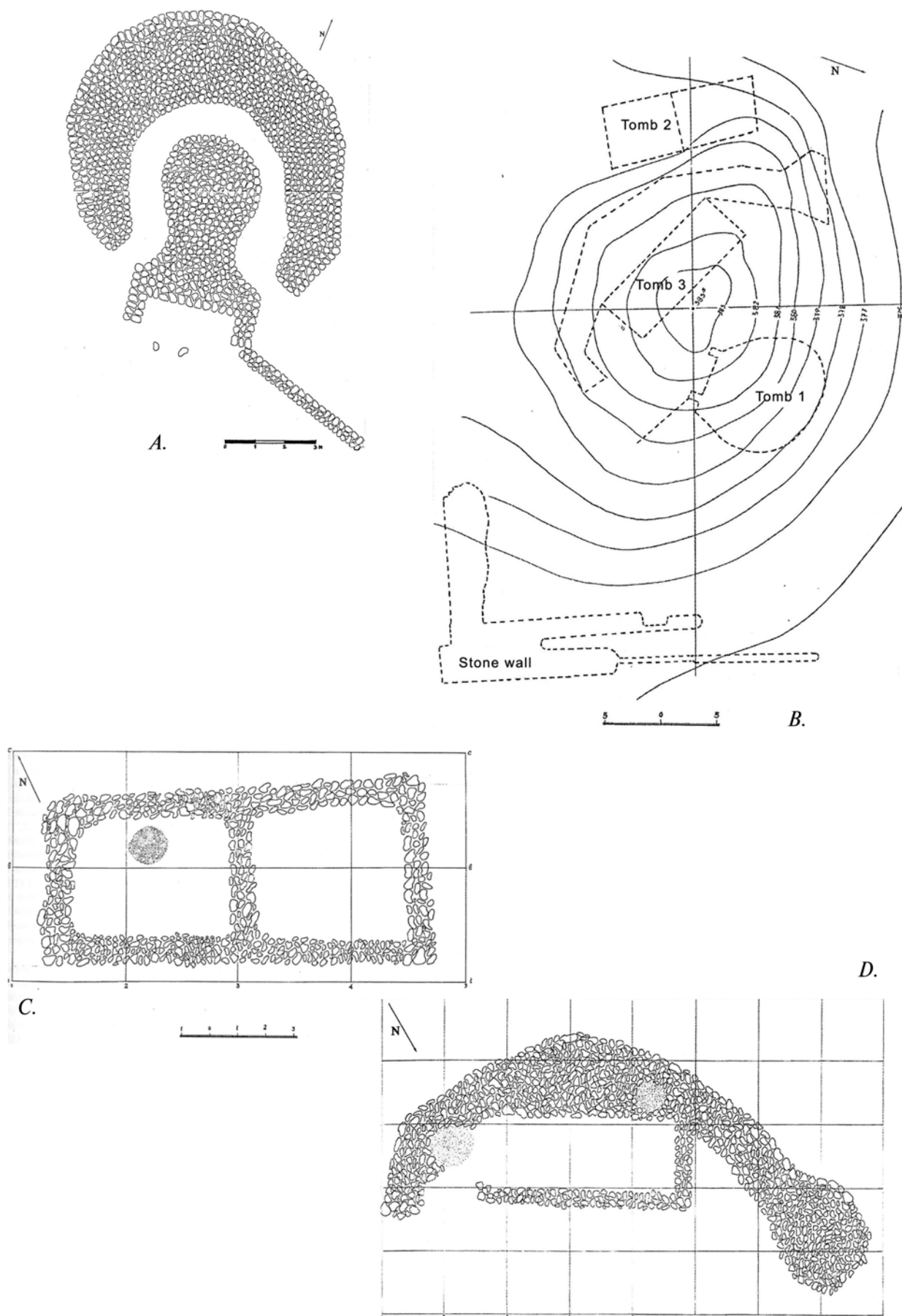
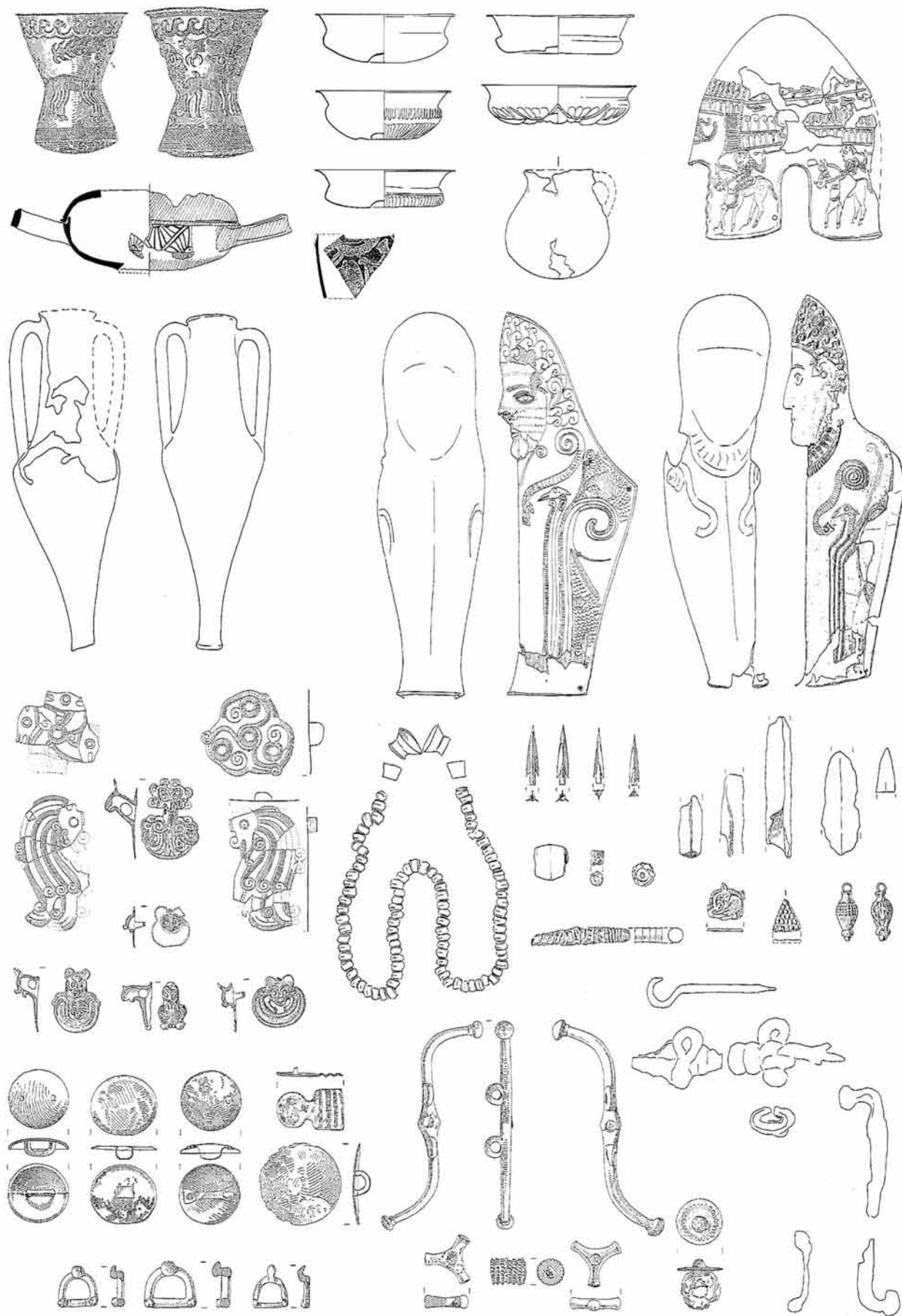


Fig. 07. The funerary mound *Mogilanskata Mogila* – Vratsa, Bulgaria. Funerary structure.  
 A. Tomb 1. B. Mound plan. C. Tomb 2. D. Tomb 3 (after Torbov, 2005: 21, 23, 19, 15, fig. 3, 5, 1, 2).





438 Fig. 08. Agighiol. Grave goods (after Kull, 1997: 246, abb. 24).



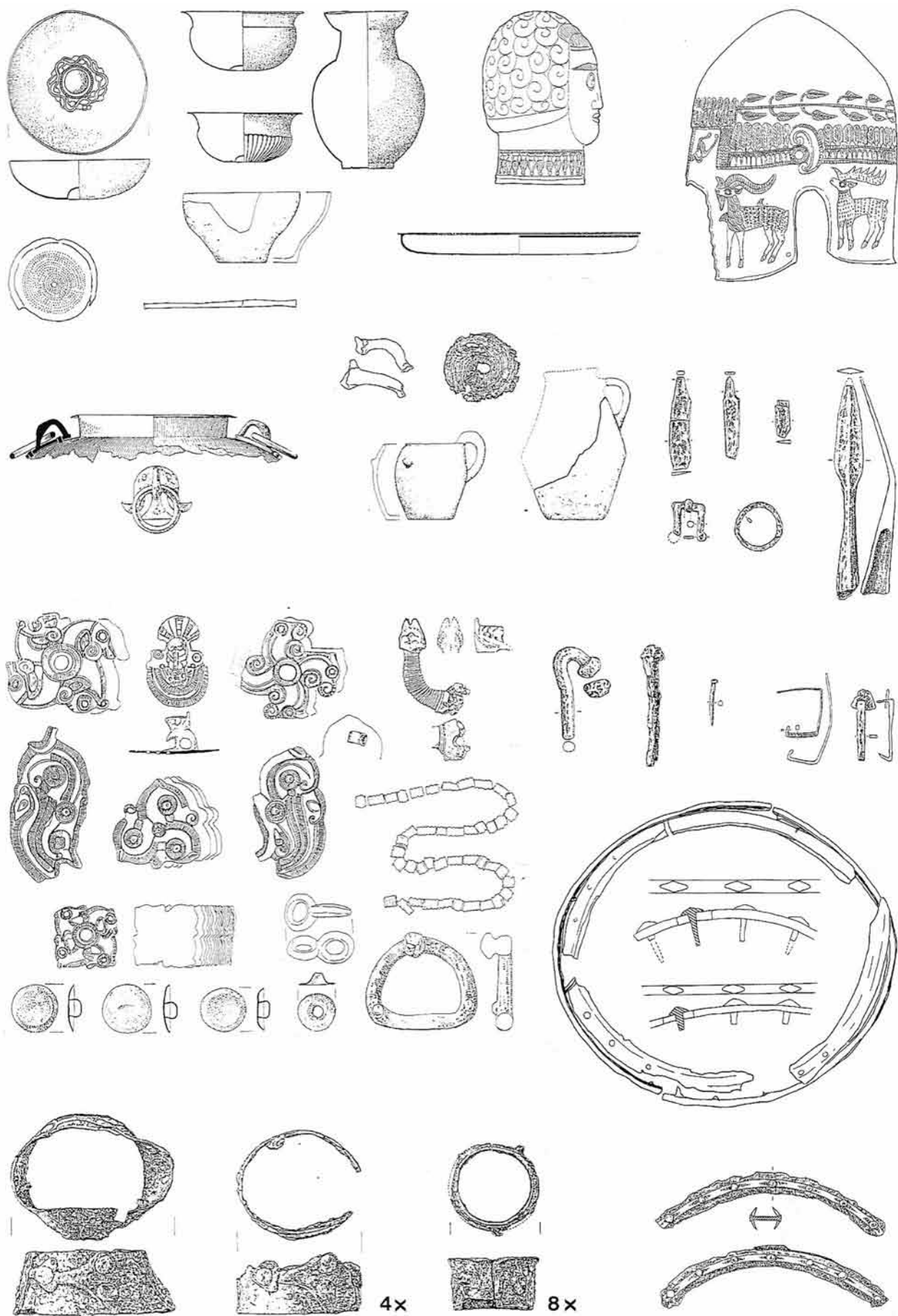


Fig. 09. Peretu. Grave goods (after Kull, 1997: 247, abb. 25).





crafted, the functional type of items, which were included in this hoard, link them implicitly with the North-Thracian art and aristocratic ideology. However, the hoard reflects in the same time, influences of the Scythian animal style or even the importation of genuine Scythian items (for example the rectangular shaped appliqué – Fig. 13.4).

What gives significance to these isolated items is the documentation in the area of the hoard, of the funerary behavior typical for the North-Thracians living on the northern slopes of the Balkans and around the Danube. At 1,5 km south of the hoard's discovery point, a tumuli necropolis was researched, on top of **Gosan Hill** (*Dinu, 1995: 103-126*) in the nearby of **Cucuteni** village, Iassy County). The largest mound had 3,3 m in height and 35 m in diameter. It was located in the highest point of the necropolis hill. The mound embankment is made of stone slabs, which covered an inner construction made of ashlar<sup>11</sup>, rectangular, with rounded corners, 10 x 6,5 m (measured inside) with an opening in the southeastern side similar to a *dromos* 1,6 m wide and 2 m long (Fig. 12). The walls measured 1-2 m in width and 3,5 m in height. The structure was erected directly on the natural stone covering of the hill, after a previously leveling. Stone slabs covered the floor. Inside the construction, there were discovered four incineration graves. In one case, the cremation remains lay in a central rectangular large pit and in three other cases, on stone platforms, above the stone covering of the first grave. The graves were furnished with silver pendants, glass beads and ceramic shards, some of Greek provenience. One could date the pendants in the 4<sup>th</sup> century BC, general chronology suggested by the discovered Thasian amphorae fragments.

The symbolic iconography, the composition of the hoard and moreover, the funerary rituals documented in the area (stone constructions kept open under tumuli, in which multiple funerary depositions occurred during a certain period of time), suggest that the ruling elite members from **Băiceni–Cucuteni–Cotnari** used to represent themselves through cultural models similar to those documented in **Vratsa, Agighiol** or **Sveshtari**. In this particular case, the source of cultural reflection should be however, approached gradually as the presence of Scythian influences cannot be excluded<sup>12</sup>.

The until now-made presentation of the mound graves from **Agighiol, Peretu** and **Vratsa – Mogilanskata Mogila** and their integration in a cultural and historical context describe a complex picture of the barbarian space between Balkans and Carpathians, in the 4<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC. The composition of this picture defines itself through refined mechanisms of expressing social identity inside a stratified society, which experiences change and evolution towards archaic forms of pre-state organization. We approached the social persona of the deceased, through the lens of funerary archaeology, considering the tumuli graves as the most visible expression of a marked social identity (*Wells, 1998*). We described the North-Thracian mound grave phenomenon from the beginning of the second Iron Age with the help of a statistical analysis. Thus, we noticed the existence of a preeminent identity group, whose main attribute gravitates around the prestige military image. The analysis indicated us further a chronological evolution<sup>13</sup> of the archaeological expression of this social identity in tumuli graves. Inside this warriors' group we succeeded to individualize a sub-group of persons, which stand out through their excessive use of

<sup>11</sup> Even if the author of the excavations considered it an «enclosure», we regard it as a construction covered with a wooden roof, a primitive funerary chamber, type well known in the North-Thracian world. As the multiple discovered cremation graves suggest, the chamber was kept open for a while, time during which several individuals were deposited inside at different moments.

<sup>12</sup> Regarding the subject of cultural interferences and decorated items, an interesting case to mention, is that of the craftsman's moulds, found in the district of **Varna** (*Minchev, 2004: 53-90*). One of them represents decorative motifs specific to Scythian art style (*Minchev, 2004: 76, fig. 15-16*) (a rapacious bird's leg or a griffin's head) datable in the 6<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> centuries BC in the regions of southern Russia and Ukraine.

<sup>13</sup> Taking into consideration the important historical events, which took place in the beginning of the 3<sup>rd</sup> century BC in the Balkan Peninsula, the temptation to associate the social changes with them is rather great. As the complexity of the imposed methodological approach in this case would require, the authors express their intention to deal with this subject in a further study.



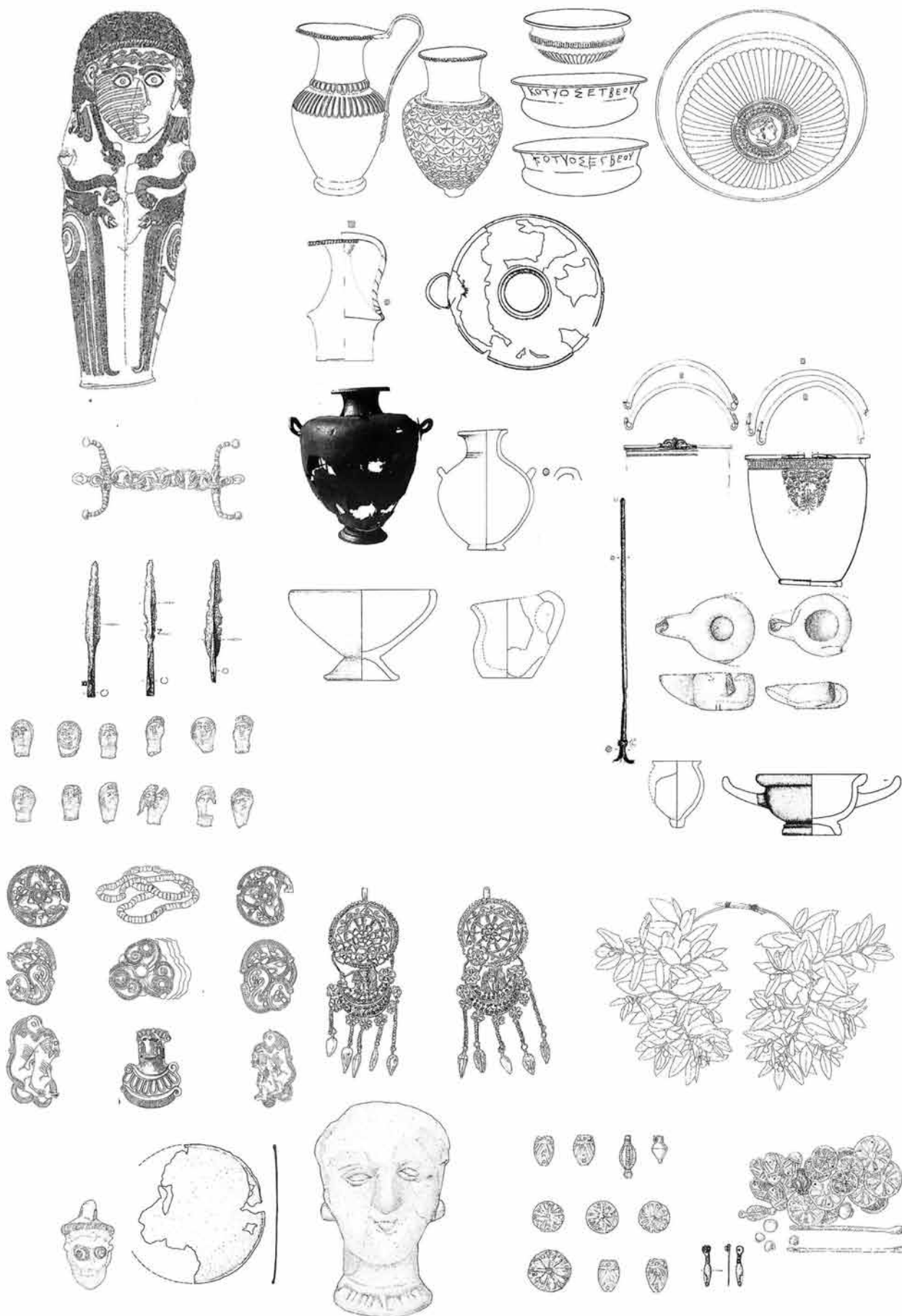


Fig. 10. *Mogilanskata Mogila* – Vratsa, Tomb 2. Grave goods (after Kull, 1997: 249-251, abb. 27a, b, c).



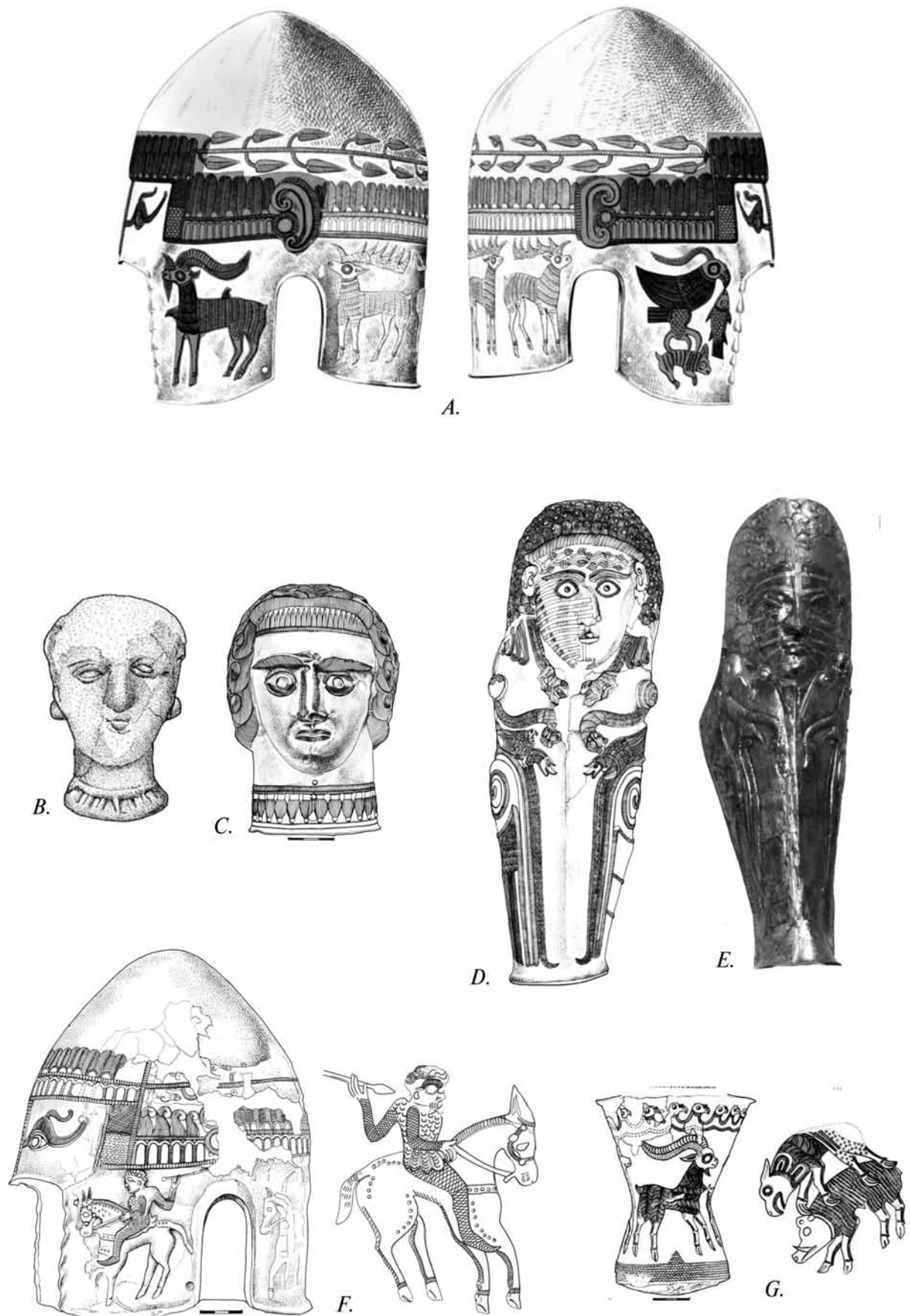


Fig. 11. Ceremonial equipment with examples of typical iconography.

A. Helmet from Peretu. B. Human head (ceramic) from Vratsa Tomb 2. C. Human head (silver) from Peretu.  
 D. Greave from Vratsa Tomb 2. E. Greave from Agighiol. F. Helmet from Agighiol. G. Goblet from Agighiol.



identitary signs and prestige markers. Agighiol, Peretu and Vratsa represent the most striking examples of using this behavior.

### **What might be the conditions that triggered this phenomenon? Stratified societies: residential centers – tumuli – hoards**

The organization patterns displayed inside the North-Balkan societies, after the middle of the 4<sup>th</sup> century BC, must have been based on a strong social stratification. Seen from an evolutionary perspective, this model of political organization – the stratified society, precedes the archaic stages of state structure, but defines more complex models than those typical for tribal societies or chiefdoms (Kristiansen, 2005: 237)<sup>14</sup>. This phenomenon is not exclusively an attribute of the presently analyzed space<sup>15</sup>. We may recognize the mark of the stratified societies in the exhibition of differences in status, population density in settlements, settlements hierarchies, and use of luxurious items. Consequently, we suppose that the identitary expressions of these societies should reflect great differences in status. Burials as identitary statements would represent a materialization of these social differences.

Beginning with the middle of the 4<sup>th</sup> century BC, in the region between Balkans, Carpathians and the Black Sea, specific authority clusters appeared. We may consider them as a «**meaningful trinity**» displaying power and wealth: residential fortified centers, tumuli graves and rich hoards (Sîrbu, Trohani, 1997: 512-539). Examples are known in central and southern Oltenia, where there were discovered the strongholds from Coțofenii din Dos (Zirra et al. 1993: 79-157) and Bâzdâna (Tătulea, 1983: 218-221), the graves from Cernele and the «Craiova» hoard. In central and southern Walachia there were discovered the strongholds from Albești, Orbeasca de Sus (Moscalu, Beda, 1979: 368-370) and the graves from Peretu and Fântânele (Mateescu, Babeș, 1968: 283-291), also the fortified center from Căscioarele-D'aia parte (Sîrbu, 1994: 25-45) and the Chirnogi rich burial (Șerbănescu, 1999: 231-249). In northern Dobrogea there are known the

strongholds from Beștepe and Beidaud (Simion, 1977: 31-47; Simion, Lăzurcă, 1980: 37-54) and the Agighiol tomb, and in northern Moldova the fortress from Cotnari (Florescu, 1971: 110-116), Cucuteni tumuli and Băiceni hoard. The construction of fortification walls using bricks at Coțofenii din Dos and Bâzdâna, or polished stone blocks as in the case of Căscioarele-D'aia parte, points to the implementation of construction technologies typical to southern Mediterranean civilizations.

Certainly, the most impressive concentration of representative tombs is in the Sboryanovo-Sveshtari zone: a residential center (Hellenistic-type city, walls and buildings made of stone, streets, a rich and varied inventory and many southern imports), three necropolises, containing more than 100 tumuli (under some of them, there were buildings made of stone, with sliding doors, bas-reliefs and paintings, horse sacrifices) and cult places, such as at *Kamen Rid* and *Demir Baba Teke* (Stoyanov, Mihaylova, Nikov, Nikolaeva, Stoyanova, 2006; Gergova, 2004: 42-47). It is beyond any doubt that, between 350-275/250 BC, the most important power center of the Getae (between the Balkans and the Carpathian) functioned here and some of their dynasts have been buried in the same place. As far as their dimensions are concerned, the largest tumulus, *Goljamata Mogila* (Great Sveshtari Tumulus) has 60 m of diameter, on more than 3000 sqm of surface, 14 m of height and 16000 m<sup>3</sup> of volume.

### **Cultural models between center and peripheries**

Social stress situations demanding a higher competition for image, status and authority would lead to exceptional burials. Often, social stress situation is triggered by cultural change as the encountering between two cultures unequal in value may bring. This will lead to imitation of the more complex partner by the other. In this context, ostentatious burials tend to appear at the periphery of powerful cultural and political centers. In an economic-functionalist interpretation, the geographic space between

<sup>14</sup> This evolutionary perspective presents the social and political changes in the following theoretical schema: tribe -> chiefdom -> stratified society -> state.

<sup>15</sup> For Central Europe see Wells (1998), for Serbia Winter, Bankoff (2005: 163-176) and Vasić (1977); for the North-Pontus area see Tsetskhladze (1998).



the Balkans and Carpathian Mountains is a periphery integrated in a superregional system with centers in Greece and afterwards in Macedonia, centers that have the resources to organize an entire mechanism of semi-peripheries, which may in turn, act the role of centers for their own peripheries (Rowlands, 2005: 214-235). Acting simultaneous or successively, these semi-peripheries, either the Greek colonies or the Odrysian kingdom, transmit their own models of identity expression, which overlap these previously functional models. An enhancement and distortion of the original message accompany often the embracing in the peripheries of dominant models (Kossack, 1998: 13-37).

### Peering relations

Asymmetric relations specific to systems regionally integrated in relations center – semi-periphery – periphery, do not represent the single type of relations, which organize this space (R. Chapman, 2003; T. C. Chapman, 2005). With the same intensity must have had functioned peering relations inside societies with relatively equal status (Binford, 1972: 208-251; Renfrew, 1986: 1-18; Babić, 2002: 70-88). Nevertheless, these peering relations allowed the circulation on large distances, not only of items, gifts, but also of ideas and cultural models. In this way, they facilitated the mixture and interference of artistic ideas visible in the decoration and iconography of the artifacts deposited in graves<sup>16</sup>. Circulated cultural models included the representation of high status warriors in impressive burials.

We would like to illustrate succinctly this phenomenon by attempting a comparison of the main features characterizing the «princely» graves of the North-Thracians and North-Pontus Scythians, and thus to highlight equally, the similarities and differences between them<sup>17</sup>. One could date the most impressive graves of both Scythians and North-Thracian communities in the 4<sup>th</sup> century BC, especially in its second half (Boltrik, Fialko, 1995).

The «princely» Scythian tumuli graves are grouped on both banks of the Lower Dnieper, in the nearby of a crossing point. This was likewise the location of the strategic fortified settlement from Kamenka (Grakov, 1954). North to it, there were found among others, the impressive tumuli from Alexandropol' (*Drevnosti gerodotovoi Skifii*, 1866), Chertomlyk (Alexeev, Murzin, Rolle, 1991), Tolstaya Moghila (Mozolevskiy, 1979), and, in its southern parts, the tumuli from Soloha (Mancevič, 1987), Melitopol (Terenožkin, Mozolevskiy, 1988), Deev (Aleksееv, 1992) and Oguz (Boltrik, Fialko, 1991: 178-180; Fialko, 1994: 122-144). A specific chronology could be established for some tumuli, on the grounds of the contained Greek amphorae stamps: Soloha (390-375 BC), Chertomlyk (335-325 BC), Kozel (340-320 BC), Deev (around 330 BC), Oguz (340-330 BC), Alexandropol (340-330 BC). Although earth, vegetal and wood served commonly as raw construction materials, the resulting structures were quite impressive. They contained: catacombs, dromoi, funerary chambers and annexes, surrounding ditches and stone rings, embankments measuring huge volumes as in the cases of Kozel – 33000m<sup>3</sup>, Alexandropol – 42000m<sup>3</sup>, Soloha 52000m<sup>3</sup>, Chertomlyk – 82000m<sup>3</sup> and Oguz – 117000m<sup>3</sup> (Boltryk, Fialko, 1994: 49-52). The typical feminine inventory included dress accessories (frequently appliqués), adornments (earrings, bracelets, pendants, and torques), toilet sets, utensils (needles, spindles), bells, luxurious vessels, funerary charts. The male graves were furnished with offensive weapons (arrowheads and quiver, spearheads, *akinakai*, knives), defensive weapons (helmets, greaves), ceremonial items (breastplates), luxurious vessels (Meljukova, 1979; *Stepi evropejskoj časti SSSR... 1989; Stepnaja polosa Aziatskoj časti SSSR... 1992*). In the majority of the cases, the significant furniture was not discovered alongside the deceased, but deposited in distinct rooms, sometimes in hidden niches.

One may see a similar concentration of tumuli in the North-Thracian space in the region

<sup>16</sup> An interesting observation is made by Alexandrescu (1988: 113-114) who noted that the helmet's artisan, when representing the Greek model of *bucranium* with garlands, because he did not know what was the real functionality of the garlands during the Greek customs of decorating the bulls taken to sacrificing, created the garlands as arches not like falling dawn pieces of cloth.

<sup>17</sup> We are going to publish later an extensive study regarding this subject.



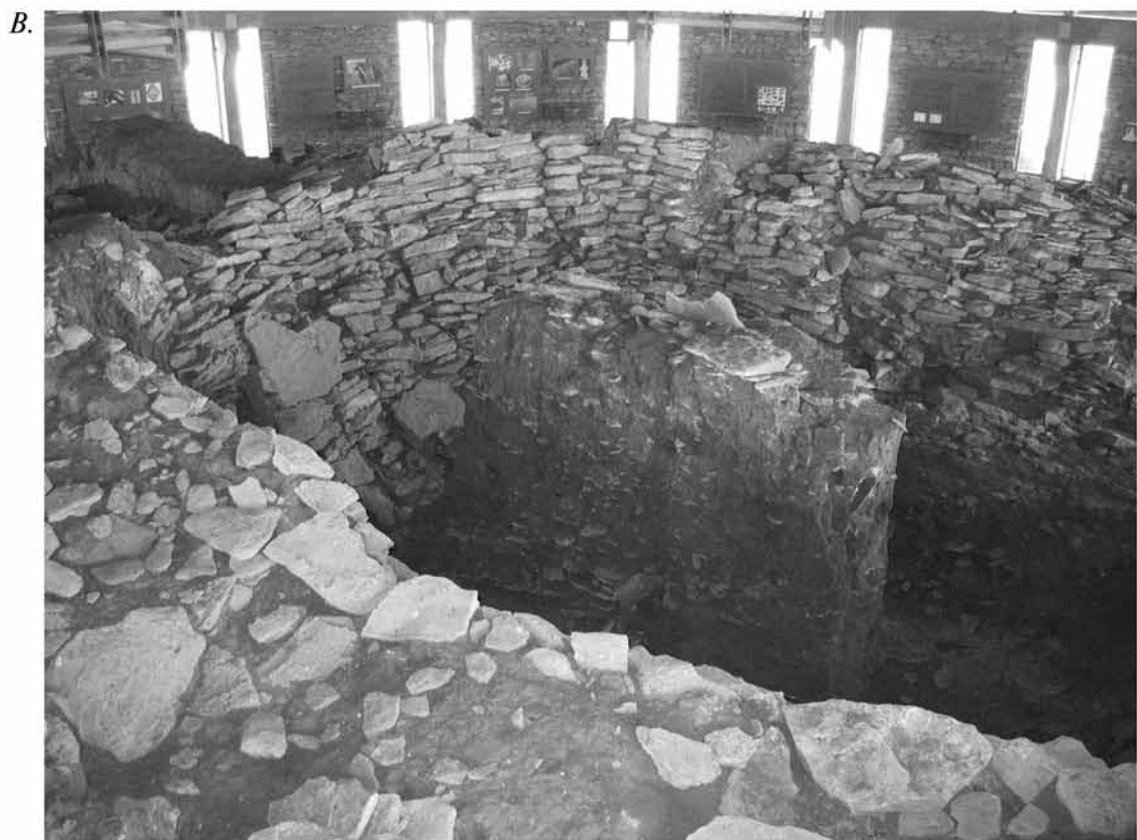


Fig. 12. The stone construction from Cucuteni–Gosan, Tumulus 3. A. Drawing after Dinu, 1995: 121, fig. 2. B. Photograph of the actual state of preservation of the tomb, inside a museum.



446 Fig. 13. Items from the Băiceni Hoard (after *Petrescu-Dâmbovița*, 1995: 179-184, fig. 1-6).



of Sbornyanovo—Sveshtari, on the banks of the river Krapinetz. In this place, there are more than 100 tumuli grouped in three necropolises, among which 20 were excavated, providing essential information regarding the funerary practices and mentalities of the Getae aristocracy (Gergova, 1996). The Getae dynasts and aristocrats probably began the building of their funerary monuments during their lives. The elaborate architecture, sculptures and paintings were impossible to realize in the short period between the death and deposition of the individuals. Certainly, the most magnificent construction is at *Ginina Mogila* (Fol, Chichikova, Ivanov, Teofilov, 1986). The presence of uncovered facades and sliding doors confirm the repeated entrances in the tomb. In addition, the discovery of merely parts of skeletons, sometimes mixed with animal bones or with funerary items, suggest the practicing of complex rituals implying sacrifices and repeated exposing of the deceased in open air (Gergova, 1996: 129-140). The fact that in some graves there were multiple skeletons (for example six individuals in *Ginina Mogila*) may imply their use as family tombs for some ruling families. The anthropological structure of the group of dead humans and horses (gender, age and state of preservation) which could not be solely the result of a sacrifice sustains this possibility.

Differences between the dimensions of tumuli and funerary chambers, the presence of painted or sculptured scenes, the quality and quantity of the grave goods, indicate differences in social and political status between the deceased. These graves may represent the burial place of court elite.

The typical items for the Scythian elite were the pole-tops surmounted with sculptured heads, double axes, *akinakai*, mirrors, combs, breastplates and spherical vessels. Those typical for the Thracian elite were helmets, greaves, rings, goblets, *rhyta*, *phialae* and jugs.

Differences appear in the iconography as well. Scythian iconography included hunting scenes, combat scenes, everyday life scenes, honoring deities' scenes. They appeared on pectorals, *gorytoi*, *akinakai* scabbards, *torques*, combs and spherical vessels. The main North-Thracian iconography subjects were the hunting scenes, the horsemen, enthroned men, libation scenes, apotropaic eyes, the animals

procession, scenes in which a female character greets a horseman (Berciu, 1969; Alexandrescu, 1983: 45-66; 1984: 85-97; Kull, 1997: 200-466; Marazov, 2005; Sirbu, Florea, 2000; Sirbu, 2006: 87-114). These representations appeared usually on helmets, greaves, goblets, harness appliquéés, *rhyta* and jugs.

The Scythian bestiary included traditional animals (the panther surrounded by a circle, the sitting deer, the boar, the head of a rapacious bird) and fantastic animals (sphinx or gryphon, results of influences from Central Asia) (Grakov, 1971; *Scythian Art*, 1986; Raevskyi, 1993; Schiltz, 1994). The tumulus from Kelermes, dated in the 6<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> BC, is one of the significant monuments of the early Scythian art (Galanina, 1997). The art of these nomads favored fluidity against static images, thus expressing the will to open the shape of the surrounding immensity, instead of protecting it, as the sedentary people usually did.

The presence of Scythians in the Lower Danube area in the 6<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> centuries BC resulted undoubtedly in reciprocal influences and exchanges with the local populations, especially at the level of elite members. This is the case of the Ciulnița grave equipped with an interesting wood construction, dated in the first half of the 6<sup>th</sup> century BC (Marinescu-Bâlcu, Rența, Matei, 2000: 149-165) and as well, of the tumuli graves from Scorțaru Vechi (Pârvan, 1926: 9-11) and Chiscani (Sirbu, 1983: 25-29), datable in the 5<sup>th</sup> century BC. All these graves were discovered in the Danube Plain signifying a possible Scythian ethnic presence in the region (Sirbu, 1983: 11-41). Moreover, the emblem-sword from Medgidia (Berciu, 1969a: 18-32) or the moulds from Gărcinovo or Varna (Minchev, 2004) attest the presence of items decorated in an animal style since the 5<sup>th</sup> century BC. Thracian items circulated in the North-Pontus Scythian environment as well: for example, the harness pieces from Oguz (Fialko, 1995: 133-147) and the *rhyton* from Merdjani (Marazov, 1975: 214-224).

As we presented here, one may identify significant differences in the funerary phenomenon between Scythians and North-Thracians, regarding architecture, inventory and iconography, due to their distinct historical and mythological evolution. In the same time, the use of similar cultural models, concerning warrior status becomes obvious.





## Historical Context

Stratified societies, political centers reflecting cultural models circulated through peering relations, all this may represent merely the general conditions, which could generate a distinct funerary expression of the aristocratic elite. However, as noted in different regions and for different historical epochs, the exhibition of status in burial practice does not coincide chronologically with the period of domination of one social group or community (Kossack, 1998). This may signify that, only in certain circumstances, the elite chose to represent themselves, in an exacerbating manner. In fact, this assumption corresponds with the statistical analysis, which pointed up to a rather smaller chronological framework to which the lavish burials belonged. In addition, the statistical analysis indicated that the stratified society existed all along in the 4<sup>th</sup> century BC (the consistent warrior burials sample suggests the manifestation of a clearly defined aristocratic social group<sup>18</sup>).

Greek and Balkan armor pieces had appeared north of the Danube since the 5<sup>th</sup> century BC (Gumă, 1991: 85-103; Medeleț, Cediciă, 2004: 97-100), increasing in number in the first half of the 4<sup>th</sup> century BC – see the cases of Zimnicea (Alexandrescu, 1980: 20, fig. 65), Făcău (Constantiniu, Leahu, 1968: 195-209) or Găvani (Șirbu, Harțușche 2000: 139-140, fig. 2, 8/a). This archaeological reality corresponds to the political situation known from written sources. The extension of the Macedonian Kingdom includes in its system of relations, more and more communities and social-ethnic groups from the Balkan region. Involved in diplomatic exchanges or military campaigns, due to alliances or as mercenaries, a growing number of individuals had access to special items and familiarized themselves with the identity models of elite representation. In the first half of the 3<sup>rd</sup> century BC, changes in the funerary practices took place (probably because of certain transformations in the political and religious domain). Among these, we noticed a diminishing of using the model of

prestige enhancement or a retrenchment of access to the items that expressed the prestige. At the end of the 4<sup>th</sup> century BC and later, we date the ostentatious complexes from Agighiol, Vratsa and Branichevo TX M01, Vurbitsa, and the less spectacular graves from Găvani (Harțușche, 1985: 25-70; Șirbu, Harțușche, 2000: 139-153) and Telița. Perhaps the wealth (and implicitly, the authority and prestige attributes) was gathered again in the hands of local princes, who were fewer and located further away from each other; on the other hand, one may assume, for the first half of the 4<sup>th</sup> century BC, an enlargement of warrior elite's group, inside which, the status differences were not so significant. Furthermore, beginning with the second half of the 4<sup>th</sup> century BC, we date the tombs, north of the Balkans (built from polished stones with funerary elaborated architecture) which can be associated with funerary rituals that do not produce deceased and grave goods in a classic fashion: Sveshtari (Gergova, 1996), Borovo (Stančev, 1994: 173-178), Yankovo (Dremiszova, 1955: 61-83). Instead, they reveal the enhancement the cult of the dynast took in that time (the association with a *heros*), possible indicating the same phenomenon of change emergent in the political and religious structures<sup>19</sup>.

## Conclusions

The ostentatious burials from Agighiol, Peretu and Vratsa – *Mogilanskata Mogila* do not represent accidental occurrences in the North-Thracian funerary phenomenon of the 5<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC. Instead, they can be associated with the pattern of a group of graves, dated after the middle of the 4<sup>th</sup> century BC and at the beginning of the 3<sup>rd</sup> century BC, characterized by a variety of deposited grave goods and representative (but not elaborate) architecture. These graves appeared on a general background of decline of the funerary warrior status in the northern periphery of the important political and cultural centers of the day.

They stand for a high degree of stratification inside North-Thracian societies (Getae or

<sup>18</sup> In addition, we mention the large flat necropolises excavated in the Lower Danube area Zimnicea (Alexandrescu 1980: 19-126), Stelnică (Conovici, Matei 1999: 99-144), Enisala (Simion 1971: 63-129) and the fortifications from Căscioarele, Albești and others, which indicate the existence of a stratified society, open to southern influences.

<sup>19</sup> The Sboryanovo case sustains even more the idea of a political capital of that time as the fortified city with Hellenistic type walls surrounded by several tumuli necropolises suggest.



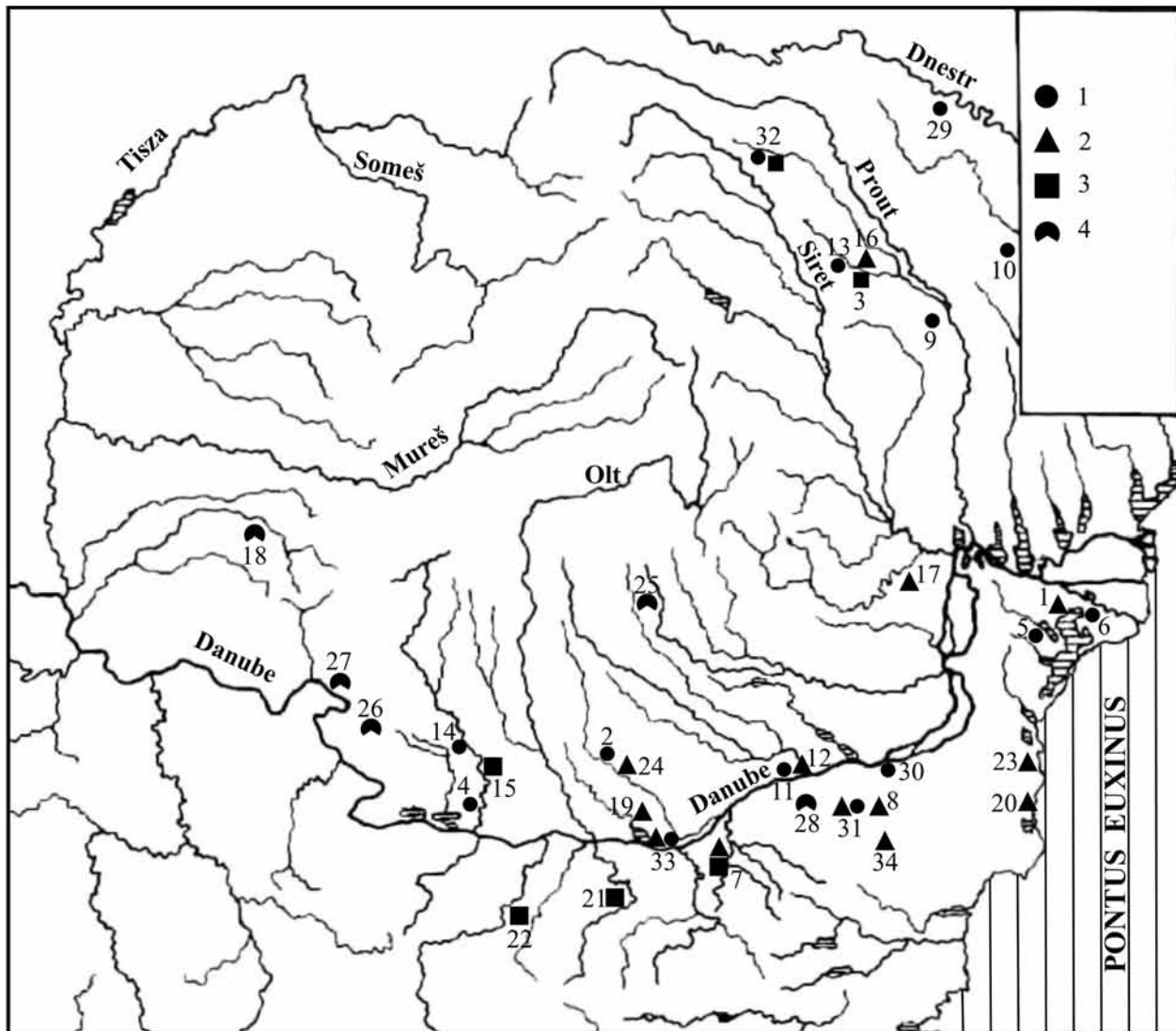


Fig. 14. Main residential centers, tombs and treasures from the Getic world (4<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC).

Legend: 1 – residential centers, 2 – tumular tombs, 3 – treasures, 4 – isolated figurative items.

List of localities: 1 – Agighiol, 2 – Albești, 3 – Băiceni, 4 – Bâzdâna, 5 – Beidaud, 6 – Beștepe, 7 – Borovo, 8 – Branicevo, 9 – Bunești-Averești, 10 – Butuceni, 11 – Căscioarele, 12 – Chirnogi, 13 – Cotnari, 14 – Coțofenii din Dos, 15 – Craiova, 16 – Cucuteni, 17 – Găvani, 18 – Găvojdia, 19 – Fântânele, 20 – Kavarna, 21 – Letnica, 22 – Lukovit, 23 – Mangalia, 24 – Peretu, 25 – Poiana-Coțofenești, 26 – Poroina, 27 – «Porțile de Fier», 28 – Razgrad, 29 – Saharna, 30 – Satu Nou, 31 – Sboryanovo–Sveshtari, 32 – Stănțești, 33 – Zimnicea, 34 – Zlokucene.

Triballoi) and may be the reflection of a certain moment in time, when the social stress grew as caused by deep cultural-political change.

The expression of individual identity as inferred in the funerary assemblages of Agighiol, Peretu and Vratsa – *Mogilanskata Mogila* was defined in the limit of cultural models of high status exhibition, common in vast spaces of the *oikumena* (males represented as warriors, hunters, members of *symposia* rituals, owners of luxurious, imported items). The imitation of models took place with distortions and particular reinterpretations of values.

However, the symbolic iconography used in the decoration of individual property of the dead, emphasizes the ideological implications of elite identities in the North-Thracian area, and therefore, points up to a high degree of originality in the interpretation of the multiple foreign influences. The homogeneity of this symbolic decoration found on items located at considerable distances from one another, designates during a certain period, the intensification of peering relations between communities and the development of a network of significance between their high status members.



References

- Alexandrescu, 1980** – Alexandrescu A.D. *La nécropole gète de Zimnicea* // Dacia, N.S. 1980. №24: 19-126.
- Alexandrescu, 1971** – Alexandrescu, P. *Însemnări arheologice pentru o ecologie a așezărilor grecești* // SCIVA, 1971. № XXII, 4: 660-662.
- Alexandrescu, 1983** – Alexandrescu, P. *Le groupe de trésors thraces du Nord des Balkans (I)* // Dacia, N.S., 1983. № XXVII: 45-66.
- Alexandrescu, 1984** – Alexandrescu, P. *Le groupe de trésors thraces du Nord des Balkans (II)* // Dacia, N.S. 1984. № XXVIII: 85-97.
- Alexandrescu, 1988** – Alexandrescu, P. *Însemnări arheologice pentru datarea tezaurului de la Băiceni* // SCIVA 1988. № XXXIX, 2: 113-118.
- Alekseev, 1992** – Alekseev, A.Ju. *Skifskaja xronika (Skify v VII–IV vv. do n.e.: istoriko-arheologičeskij očerk)*. Sankt-Petersburg, 1992.
- Alekseev, Murzin, Rolle, 1991** – Alekseev, A.Ju., Murzin, V.Ju., Rolle, R. *Čertomlyk (Skifskij carskij kurgan IV v. do n.e.)*. Kiev, 1991.
- Andrieșescu, 1934** – Andrieșescu, I. *Quelques mots d'introduction de souvenir et d'hommage* // Revista de Preistorie și Antichități Naționale. 1934. № I, 1: pl. XVI-XXVII.
- Archibald, 1998** – Archibald, Z. *The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford, 1998.
- Babić, 2002** – Babić, S. *Princely graves of the central Balkans – a critical history of research* // EJA. 2002. № 5, 1: 70-88.
- Beazley, 1963** – Beazley, Sir. J. D. *Attic red-figure vase painters*. Oxford, 1963.
- Berciu, 1969a** – Berciu, D. *Arta traco-getică*. București, 1969.
- Berciu, 1969b** – Berciu, D. *Das trakogetische Fürstengrab von Agighiol in Rumänien* // BerRGK.1969. № 50: 211-265.
- Binford, 1972** – Binford, L. *Mortuary Practices: Their Study and Their Potential*. In: *An Archaeological Perspective*. 1972: 208-251.
- Boltrik, Fialko, 1991** – Boltrik, Yu.V., Fialko, E.E. 1991. *Oguz – kurgan skifskogo careja kincja IV st. do n.e.*: 178-180. In: *Zoloto stepy. Arheologija Ukraini*. Kyiv-Schlezwig, 1991.
- Boltrik, Fialko, 1994** – Boltrik, Yu.V., Fialko, E.E. 1994. *Kurgany carei Skifii vtoroi poloviny IV v. do n.e. Poisk istoričeskikh realy:* 49-52. In: A.Yu. Alexeev, N.A. Bokovenko, L.S. Marsadolov, Vl. A. Semenov (Eds.), *The Elite Barrows of Eurasian Steppe Region in the Skythian and Sarmatian Epoch* (The «Round Table» Discussions Materials St.-Petersburg, 22-24 December 1994). St.-Petersburg, 1994.
- Boltrik, Fialko, 1995** – Boltrik, Yu.V., Fialko, E.E. *Mogili skifs'kif cariv drugoy poloviny IV st. do n.e.* // Arheolojija. 1995. № 2.
- Chapman, T.C., 2005** (Ed.) – Chapman, T.C. *Center and Periphery, Comparative studies in Archaeology*. London, 2005.
- Chapman, R., 2003** – Chapman, R. *Death, Society, and Archaeology: The Social Dimensions of Mortuary Practices* // Mortality. 2003. № 8.3: 305-312.
- Conovici, Matei, 1999** – Conovici, N., Matei, Gh. *Necropola getică de la Stelnica-Grădiștea Mare (jud. Ialomița). Raport general pentru anii 1987-1996* // MCA (serie nouă). 1999. № I: 99-144.
- Constantiniu, Leahu, 1968** – Constantiniu M., Leahu V. *Mormânt getic în preajma Bucureștilor* // SCIV. 1968. № 19, 2: 195-209.
- Dinu, 1995** – Dinu, M. 1995. *Quelques considérations sur la nécropole tumulaire daco-gétique découverte à Cucuteni (dép. de Jassy)* // StAntArchaeologica. 1995. № 2: 103-126.
- Dremsizova, 1955** – Dremsizova, Cv. *Nadgrobnii mogili sela Yankovo*, IzvestijaSofia XIX, p. 61-83.
- Dremsizova, 1962** – Dremsizova, Cv. *Mogilniyat nekropol pri s. Braničevo (Kolarovgradsko)* // IzvestijaSofia. 1962. № XXV: 165-186.
- Dremsizova-Nelčinova, 1970** – Dremsizova-Nelčinova, Cv. *Trakiyski mogilen progubenija kraj s. Kjolmen Shumenski okrag* // IzvestijaSofia. 1970. № XXXII: 207-229.
- Drevnosti gerodotovoi Skifii* II, St.-Petersburg, 1866.
- Duțescu, Ștefan, 2009** – Duțescu, M., Ștefan D., 2009. *Reconstructing identities from quantified burial practices. A few considerations regarding the North Thracian funerary inventory found in tumuli graves (5<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC)*. In: V. Șirbu and D. L. Vaida (Eds.) *Funerary practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe*. Proceedings of International Colloquium of Funerary Archaeology, Bistrița (România), 9-11 May 2008. Cluj-Napoca, 2008.
- Fialko, 1994** – Fialko, E.E. *Pogrebal'nyi complex kurgana Oguz*: 122-144. In: *Drevnosti Skifov*. Kiev, 1994.
- Fialko, 1995** – Fialko, E.E. *Frakiskaja uzda iz kurgana Oguz* // Rosiskaja Arheologija. 1995. № 1: 133-147.
- Filow, 1937** – Filow, B. *Kupolnite grobnici pri Mezek* // IzvestijaSofia. 1937. № 11: 1-116.
- Florescu, 1971** – Florescu, A.C. *Unele considerațiuni asupra cetăților traco-getice (Hallstattiene) din mileniul I î. e. n. de pe teritoriul Moldovei* // Cercetări Istorice. 1971. № II: 103-108.
- Fol, Chichikova, Ivanov, Teofilov, 1986** – Fol, Al., Chichikova, M., Ivanov, T., Teofilov, T. *The Thracian Tomb near the Village of Sveshtari*. Sofia, 1986.
- Galanina, 1997** – Galanina, L.K. *Kelermesskie kurgany. «Carskie» pogrebenija raneskifskoi epohi*. Moskva, 1997.
- Gergova, 1996** – Gergova, D. *Obriadat na obezsmart-javaneto v drevna Trakija*. Sofia, 1996.



- Gergova, 2004** – Gegova, D. *Sboryanovo. The Sacred land of the Getae*. Sofia, 2004.
- Grakov, 1954** – Grakov, B.N. *Kamenskoe gorodišče na Dnepre*. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, 36. Moskva, 1954.
- Grakov, 1971** – Grakov, B. N. *Skify*. Moskva, 1971.
- Gumă, 1991** – Gumă, M. *Câteva precizări asupra unor tipuri de coifuri de la sfârșitul primei epoci a fierului și începutul celei de a doua descoperite în sud-vestul României* // Thraco-Dacica. 1991. № XII: 85-103.
- Hartuche, 1985** – Hartuche, N. 1985. *Mormântul princiar traco-getic de la Găvani, jud. Brăila* // Istros. 1985. № 4: 25-70.
- Kitov, 1999** – Kitov, G. *Royal Insigna, Tombs and Temples in the Valley of the Thracian Rulers* // Archaeologia Bulgarica. № III, 1: 1-20.
- Kitov, 2005** – Kitov, G. *The Valley of the Thracian Rulers*. Varna, 2005.
- Kitov, Agre, 2002** – Kitov, G., Agre, D. *Văvedenie v Trakijskata Arheologija*. Sofia, 2002.
- Kossack, 1998** – Kossack, G. *Ostentatious Graves. Remarks about their nature and Interpretative Value*. In: *Towards Translating the Past-Selected Studies in Archaeology*: 13-37.
- Kristiansen, 2005** – Kristiansen, K. *Chiefdoms, states and systems of social evolution*: 236-259. In: K. Kristiansen and M. Rowlands (Eds.), *Social Transformation in Archaeology*. London, 2005.
- Kull, 1997** – Kull, B. *Tod und Apotheose* // BerRGK. 1997. № 78: 200-466.
- Mancevič, 1987** – Mancevič, A.P. *Kurgan Soloha*. Leningrad, 1987.
- Marazov, 1975** – Marazov, I. *Kerčenskij riton s protome konja iz Ermitaja* // Studia Thracica. 1975: 214-224.
- Marazov, 1998** – Marazov, I. *Ancient Gold, The Wealth of the Thracians*. New York, 1998.
- Marazov, 2005** – Marazov, I. *The Thracian Warrior*. Sofia, 2005.
- Marinescu-Bălcu, Rența, Matei, 2000** – Marinescu-Bălcu, S., Rența, E., Matei, Gh. *Les recherches archéologiques de sauvetage de Ciulnitza, le département de Ialomitza (1994-1997). Le tumulus I*: 149-165. In: V. Lungu (Ed.), *Pratiques funéraires de XIII-IV av J.C. Tulcea*. Actes du III-e Colloque International d'Archéologie Funéraire, Tulcea, 15-20 septembre 1997, tome 2. Tulcea-București, 2000.
- Mateescu, Babeș, 1968** – Mateescu, C. N., Babeș, M. *Cercetări arheologice și săpături de salvare la Fintînele* // SCIV. 1968. № 19, 2: 283-291. № X-XI: 97-100.
- Medeleț, Cedică, 2002-2003** – Medeleț, Fl., Cedică, V. 2002-2003. *Coiful greco-ilir de la Găvojdia (jud. Timiș)* // Analele Banatului. Serie Nouă. Arheologie – Istorie. 2002-2003.
- Meljukova, 1979** – Meljukova, A.I. 1979. *Skifija i frakiskij mir*. Moskva, 1979.
- Minchev, 2004** – Minchev, Alex. *Contribution to the Thracian goldsmith craft. I: Bronze matrices, founder's moulds and an anvil at the Museum of Varna (late 6<sup>th</sup>–1<sup>st</sup> c. BC)*. Bulletin Varna. 2004. № XL (LV): 53-90.
- Moscalu, 1986** – Moscalu, E. *Mormântul princiar de la Peretu* // Thraco-Dacica. 1986. № 7: 59-70.
- Moscalu, 1989** – Moscalu E. *Das thraco-getische Fürstengrüb von Peretu in Rumänien* // BerRGK. 1989. № 70: 129-90.
- Moscalu, Beda, 1979** – Moscalu, E., Beda, C. *Noi cetăți traco-getice* // Cercetări arheologice. 1979. № III: 361-373.
- Mozolevskiy, 1979** – Mozolevskiy, B.N., *Tovsta Mogila*. Kiev, 1979.
- Pârvan, 1926** – Pârvan, V. *Getica. O protoistorie a Daciei*. București, 1926.
- Petrescu-Dâmbovița, 1966** – Petrescu-Dâmbovița, M. *Băiceni* // Enzyklopädisches Handbuch zur Ur-und Frühgeschichte Europas, I: 77-78. Praga.
- Petrescu-Dâmbovița, Dinu, 1975** – Petrescu-Dâmbovița, M., Dinu, M. *Le trésor de Băiceni (dep de Jassy)* // Dacia N. S. 1975. № XIX: 105-124.
- Petrescu-Dâmbovița, 1995** – Petrescu-Dâmbovița, M. *Certains problèmes concernant le trésor de Băiceni (département de Jassy)* // Thraco-Dacica. 1995. № XVI, 1-2: 171-185.
- Raevskiy, 1993** – Raevskiy, D. *Schythian Mythology*. Sofia, 1993.
- Renfrew, 1986** – Renfrew, A. *Introduction: peer polity interaction and socio-political change*: 1-18. In: A. Renfrew and J. Cherry (Eds.), *Peer polity interaction and socio-political change*. Cambridge, 1986.
- Rowlands, M., 2005** – Rowlands, M. *Centre and periphery: a review of a concept*: 214-235. In: K. Kristiansen and M. Rowlands (Eds.), *Social Transformation in Archaeology*. London, 1998.
- Schiltz, V., 1994** – Schiltz, V. *Les Scythes et les nomades des steppes. VIII<sup>e</sup> siècle av. J.-C. – I<sup>er</sup> siècle après J.-C.* Paris, 1994.
- Scythian Art*, Leningrad, 1986.
- Simion, Cantacuzino, 1962** – Simion, G., Cantacuzino, Gh. I. *Cercetările arheologice de la Telița* // MCA. 1962. № 8: 373-382.
- Simion, 1971** – Simion, G. *Descoperiri arheologice pe grindurile din Delta Dunării* // Peuce. 1971. № 2: 63-129.
- Simion, 1977** – Simion, G. *Cetatea geto-dacică de la Beștepe (com. Mahmudia-Tulcea)* // Peuce. 1977. № VI: 31-47).
- Simion, Lăzurcă, 1980** – Simion, G., Lăzurcă, E. *Așezarea hallstatiană de la Beidaud-Tulcea* // Peuce. 1980. № VIII: 37-54.
- Sîrbu, 1983** – Sîrbu, V. *Câmpia Brăilei în secolele V–III î. e. n. Descoperiri arheologice și interpretări istorice* // SCIVA. 1983. № 34, 1: 11-41.



- Sîrbu, 1994** – Sîrbu, V. *Considerații asupra habitatu-lui getic din zona Căscioarele, Jud. Călărași* // Revista Bistriței. 1994. № VIII: 25-45.
- Sîrbu, V., 2000** – Sîrbu, V. *The Connection between the Tomb and the Status of the Dead with the Geto-Dacians*: 183-211. In: V. Lungu (Ed.), *Pratiques funéraires des XIII–IV av. J.-C. Tulcea*, Actes du III-e Colloque International d'Archéologie Funéraire, Tulcea, 15-20 septembre 1997, tome 2. Tulcea-București, 2000.
- Sîrbu, 2002** – Sîrbu, V. *Funeral and Sacrificial Beliefs and Practices with the Geto-Dacians 5<sup>th</sup> c. BC – 1<sup>st</sup> c. AD*: 374-393. In: *Sbornic v čest na Prof. Margarita Tačeva*. Sofia, 2002.
- Sîrbu, 2006** – Sîrbu, V. *Oameni și zei în lumea geto-dacilor. Man and Gods in the Geto-Dacian World*. Brașov, 2006.
- Sîrbu, 2009** – Sîrbu, V. *Pratiques mortuaires chez les Thraces nordiques: « la société des vivants » – « la communauté des dormeurs » (les V<sup>er</sup> s. av. J.-C. – I<sup>er</sup> s. ap. J.-C.)*. In: *Thracia XVIII. In Memoriam Alexandri Fol*. Sofia, 2009 (forthcoming).
- Sîrbu, Trohani, 1997** – Sîrbu, V., Trohani, G. *Cités et établissements fortifiés entre les Carpates Méridionales, le Danube et la Mer Noire (V<sup>e</sup>–III<sup>e</sup> siècles av. J.-C.)*: 512-539. In: *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations*. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology. Constanta-Mangalia-Tulcea 20-26 May 1996. Bucharest, 1997.
- Sîrbu, Harțuche, 2000** – Sîrbu, V., Harțuche, N. *Remarques sur le tumulus aristocratique de Găvani, dép. de Brăila*: 139-153. In: *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-est de l'Europe*, tome 1. Actes du II<sup>e</sup> Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé à Tulcea, Brăila, Călărași et Slobozia, 18-24 septembre 1995. Tulcea, 2000.
- Sîrbu, Florea, 2000** – Sîrbu, V., Florea, G. *Les Gétodaces. Iconographie et imaginaire*. Cluj-Napoca, 2000.
- Stančev, 1994** – Stančev, D. *Mogili grobnici ot Rusensko*: 173-178. In: K. Zarev, G. Kitov, Z. Gočeva, M. Vasileva, B. Lilova (Eds.) *Burial Tumuli in the South East of Europe*. First International Symposium «Sevtopolis», Kazanluk, Bulgaria, 4-8 June 1993. Velikovo Tărnovo, 1994.
- Stoyanov et al., 2006** – Stoyanov, T., Mihaylova, Z., Nikov, K., Nikolaeva, M., Stoyanova, D. *The Getic Capital in Sboryanovo*. Sofia, 2006.
- Șerbănescu, 1999** – Șerbănescu, D. *Mormântul tumular geto-dacic de la Chirnologi, județul Călărași* // *Thracodacica*. 1999. № XX: 231-244.
- Stepi evropejskoj časti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja*. Moskva, 1989.
- Stepnaja polosna Aziatskoj časti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja*. Moskva, 1992.
- Taylor, 1986** – Taylor, T. *The Iconography of Power in Getic Princely Burial* // *Pulpudeva*. 1986. № 5: 47-65.
- Tătulea, 1983** – Tătulea, C. M. *Sondaj arheologic în cetatea geto-dacică de la Bîzdîna (jud. Dolj)* // *MCA*. 1983. № XV: 218-225.
- Terenožkin, Mozolevskij, 1988** – Terenožkin, A.I., Mozolevskij, B.N. *Melitopol'skij kurgan*. Kiev, 1988.
- Theodossiev, 2000** – Theodossiev, N. *North-Western Thrace from the Fifth to First Centuries BC*. BAR series 859: Oxford, 2000.
- Thomas, 1996** – Thomas, J. *Time, Culture and Identity: An Interpretative Archaeology*. London, 1996.
- Torbov, 2005** – Torbov, N. *Mogilniskata Mogila v Vratsa*. Vratsa, 2005.
- Tsetskhladze, 1998** – Tsetskhladze, G.R. *Who Built The Scythian and Thracian Royal and Elite Tombs?* // *Oxford Journal of Archaeology*. 1998. № 17, 1.
- Vasić, 1977** – Vasić, R. *The chronology of the Iron Age in Serbia*. BAR, Supplementary Series 31. Oxford, 1977.
- Venedikov, Gerasimov, 1979** – Venedikov, I., Gerasimov, T. *Tresori della arte Tracia*. Bologna, 1979.
- Zirra et al., 1993** – Zirra, V., Conovici, N., Trohani, G., Gherghe, P., Alexandrescu, P., Găță, Gh., Zirra, V.V. *La station gétique fortifiée de «Cetatea Jidovilor» (Coțofenii din Dos, dép. de Dolj)* // *Dacia*, N. S. 1993. № XXXV: 79-157.
- Wells, 1998** – Wells, P. S. *Identity and Material Culture in the Later Prehistory of Central Europe* // *Journal of Archaeological Research*. 1998. № 6 (3): 239-298.
- Winter, Bankoff, 2005** – Winter, F. A., Bankoff, H. A. *Diffusion and cultural evolution in Iron Age Serbia*. In: T. Champion (Ed.), *Centre and Periphery: Comparative Studies*: 163-176. London, 1989.

## Abbreviations

- Analele Banatului – Analele Banatului. Serie Nouă, Arheologie – Istorie, Muzeul Banatului, Timișoara.
- Archaeologia Bulgarica – Archaeologia Bulgarica, Sofia
- ArheologijaSofia – Arheologija na Muzeite i Institut Arheologij, Sofia
- ArhMold – Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iași
- BAR – British Archaeological Reports, Oxford
- BerRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission der Deutschen Archäologischen Instituts, Frankfurt am Main
- BulletinVarna – Bulletin du Musée de Varna



- Cercetări Arheologice – Cercetări Arheologice, Muzeul Național de Istorie a României, București
- CercetIst – Cercetări Istorice, Muzeul Național al Moldovei, Iași
- Dacia – Dacia. (Nouvelle Série). Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Institutul de Arheologie «V. Pârvan», Bucurest
- EJA – European Journal of Archaeology, Norfolk, United Kingdom
- EphNap – Ephemeris Napocensis, Cluj-Napoca
- Istros – Istros, Muzeul Brăilei, Brăila
- IzvestijaSofia – Izvestija na Arheologhičeski Institut, Sofia.
- MCA – Materiale și cercetări arheologice, București
- Mortality – Mortality, Boston, USA
- OxfJournArchaeology – Oxford Journal of Archaeology, Oxford
- Peuce – Peuce, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
- Pontica – Pontica, Muzeul de Istorie Națională și Arheologie, Constanța
- Pulpudeva – Académie Bulgare des Sciences – Institut de Thracologie, Sofia
- Revista Bistriței – Revista Bistriței, Muzeul Județean Bistrița-Năsăud, Bistrița
- Rossiskaja Arheologija – Rossiskaja Archeologija, Moskva
- RPAN – Revista de Preistorie și Antichități Naționale, București
- SCIV(A) – Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie «V. Pârvan», București.
- Starini – Starini. Journal of Balkan Archaeology, Sofia
- Studia Thracia – Studia Thracia, Institute of Thracology, Sofia
- StAntArchaeologica – Studia Antiqua et Archaeologica, Universitatea «Al. I. Cuza», Iași
- Thraco-Dacica – Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, București



## СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	– Археологічні відкриття в Україні
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні
АИК	– Археологические исследования в Крыму
АИУ	– Археологические исследования в Украине
АЛЛУ	– Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава
АЛЮР	– Археологическая летопись южной России
АО	– Археологические открытия
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАП	– Вопросы археологии Поволжья
ВДИ	– Вестник древней истории
ВССА	– Вопросы скифо-сарматской археологии
ВХУ	– Вестник Харьковского университета
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДАС	– Донецкий археологический сборник
ДГС	– Древности Геродотовой Скифии
ДП	– Древности Приднепровья
ДС	– Древности скифов
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИАДК	– История и археология древнего Крыма
ИАИ	– Известия на археологический институт
ИАК	– Известия Археологической комиссии
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры
ІА НАНУ	– Інститут археології НАН України
КГИАМЗ	– Краснодарский историко-культурный музей-заповедник
КІМ	– Київський історичний музей
КСИА АН СССР	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	– Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭК	– Материалы к истории, археологии и этнографии Крыма
МАР	– Материалы по археологии России
МИА	– Материалы и исследования по археологии
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
МЧ	– Музейні читання
НА ІА НАНУ	– Науковий архів Інституту археології НАН України
НА ЦОДПА	– Науковий архів Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник
НЗХТ	– Національний заповідник «Херсонес Таврійський»
НМИДК	– Новочеркасский музей истории донского казачества



НМІУ	– Національний музей історії України
НМРА	– Национальный музей Республики Адыгея
ОАК	– Отчет археологической комиссии
ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ПАЗ	– Полтавський археологічний збірник
ПГКСВП	– Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья
ПСА	– Проблемы скифской археологии
ПССАСП	– Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сборник Государственного Эрмитажа
ССКИЕ	– Скифо-сибирское культурно-историческое единство
ССПК	– Старожитності Степового Причорномор'я і Криму
СЭ	– Советская этнография
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ТОИПК	– Труды отдела истории первобытной культуры
УТОПІК	– Українське товариство охорони пам'яток історії та культури
ХДУ	– Харківський державний університет
Хсб	– Херсонесский сборник
ЦОДПА	– Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації
ЦП НАНУ	– Центр пам'ятокознавства НАН України і УТОПІК
ЧІМ	– Чернігівський історичний музей
ЧКМ	– Чернівецький краєзнавчий музей
ВАР	– British Archaeological Reports
РВФ	– Prähistorische Bronzefunde





Збірник наукових праць

## **ЕПОХА РАННЬОГО ЗАЛІЗА**

Українська, російська, англійська мови.

Оригінал-макет видання підготовлений у ВЦ «Археологія»  
Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури  
Полтавської облдержадміністрації  
36011, м.Полтава-11, вул.Комсомольська, 37, т. (05322) 2-26-12

**На обкладинці:** Загальний вигляд розкопок кургана Скіфська Могила;  
Вигляд поховальної камери Центральної могили Великого Рижанівського кургана.  
Фото Яна Хохоровського.

**На форзацах: Перстень.** Золото. V ст. до н.е. Курган №2/2001 р. Перещепинського курганного некрополя у Більску. Розкопки І. М. Кулатової та О. Б. Супруненка.

Фото Миколи Радченка. **Гривна та кубок.** Золото, срібло. Поч. III ст. до н.е.  
Центральна могила Великого Рижанівського кургана. Розкопки С. А. Скорого та Я. Хохоровського. 1996 р. Фото Яна Хохоровського.

**На авантитулі та титулі:** Грифон з кургана Переп'ятиха. Фото Михайла Петковського.

Відповідальний за випуск — **Супруненко О. Б.**

Коректори — **Скорий С. А., Супруненко О. Б.**

Технічний редактор — **Хорєв С.В.**

Комп'ютерна верстка — **Хорєв С.В.**

Здано в набір 22.04.2009 р. Підписано до друку 30.10.2009 р. Формат 60x84/8.

Папір офсетний. Гарнітура Ньютон. Друк офсетний.

Обл.-вид. арк. 48,74. Ум. друк. арк. 53,01.

Тираж 310 прим. Вид. № 124. Зам. № 1/2009.

Віддруковано: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск»  
тел. (0532) 66-16-85.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру  
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції  
серія ДР № 255 від 22.11.2000 р.

